ISSN 2307—4558

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

МОВА

НАУКОВО-ТЕОРЕТИЧНИЙ ЧАСОПИС З МОВОЗНАВСТВА

Часопис засновано в 1993 році

№ 22

2014

Одеса
«АСТРОПРИНТ»
2014

УДК 81(05)

Засновник: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова.

Рекомендовано до друку Вченою радою Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (Протокол № 4 від 23.12.2014 р.)

Головний редактор
Главный редактор
Editor-in-chief

Євгеній Миколайович СТЕПАНОВ
Евгений Николаевич Степанов
Ievgenii N. Stepanov

Заступники головного редактора
Заместители главного редактора
Vice-editors

Тетяна Юріївна КОВАЛЕВСЬКА
Татьяна Юрьевна Ковалевская
Tetiana Yu. Kovalevska

Ірина Михайлівна КОЛЕГАЄВА
Ирина Михайловна Колегаева
Iryna M. Kolehajeva

Редакційна колегія:

д-р філол. наук **В. І. Аннушкін** (Росія), д-р філол. наук **А. Валіпур** (Іран), д-р філол. наук **М. Георгієва** (Болгарія), д-р філол. наук **М. Д. Голєв** (Росія), канд. філол. наук **Л. М. Голубенко** (Україна), канд. філол. наук **В. В. Горбань** (Україна), д-р філол. наук **Г. Н. Гочев** (Болгарія), д-р філол. наук **Д. Дзевановська** (Польща), д-р філол. наук **А. К. Каїржанов** (Казахстан), д-р філол. наук **В. О. Колесник** (Україна), д-р філол. наук **Н. В. Кондратенко** (Україна), д-р філол. наук **І. П. Лисакова** (Росія), канд. філол. наук **Мен Ся** (Китай), д-р філол. наук **Н. Б. Мечковська** (Білорусь), д-р філол. наук **І. Б. Морозова** (Україна), канд. філол. наук **С. В. Плотницька** (Україна), д-р філол. наук **С. О. Севіль** (Франція), канд. філол. наук **Л. Ф. Фоміна** (Україна), д-р філол. наук **Г. Хенчель** (Німеччина)

Редакционная коллегия:

В. И. Аннушкин (Россия), А. Валипур (Иран), М. Георгиева (Болгария), Н. Д. Голев (Россия), Л. Н. Голубенко (Украина), В. В. Горбань (Украина), Г. Н. Гочев (Болгария), Д. Дзевановская (Польша), А. К. Каиржанов (Казахстан), В. А. Колесник (Украина), Н. В. Кондратенко (Украина), И. П. Лысакова (Россия), Мэн Ся (Китай), Н. Б. Мечковская (Беларусь), И. Б. Морозова (Украина), С. В. Плотницкая (Украина), С. О. Севиль (Франция), Л. Ф. Фомина (Украина), Г. Хенчель (Германия)

The editorial board:

Vladimir Annushkin (Russia), Alireza Valipur (Iran), Margarita Georgieva (Bulgaria), Nikolai Golev (Russia), Lidiya Golubenko (Ukraine), Victoriya Gorban' (Ukraine), Gocho Gochev (Bulgaria), Dorota Dziewanowska (Poland), Abai Kairzhanov (Kazakhstan), Valentyna Kolesnyk (Ukraine), Natalya Kondratenko (Ukraine), Irina Lysakova (Russia), Meng Xia (China), Nina Mechkovskaya (Belorussia), Iryna Morozova (Ukraine), Svitlana Plotnycka (Ukraine), Svetlana Seville (France), Lyudmyla Fomina (Ukraine), Gerd Hentschel (Germany)

Рецензенти:

Н. І. Андрейчук, д-р філол. наук, професор Львівського національного університету імені Івана Франка;

Л. О. Кудрявцева, д-р філол. наук, професор Київського національного університету імені Тараса Шевченка;

С. В. Форманова, д-р філол. наук, доцент Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського»

У збірнику представлено дослідження актуальних теоретичних і прикладних проблем лінгвістики на матеріалі різних мов: української, російської, англійської, польської та ін.

Адресовано широкому колу філологів: науковцям, методистам, викладачам, студентам.

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2014

ЗМІСТ

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

Баранник Л. Ф. Региональная языковая картина мира носителей русских островных говоров Одесской области . . . 7
Каиржанов А. К. Генезис тюркского рунического письма (на материале тамги-знаков евразийских кочевников) . . . 12
Кур-Кононович И. Богатство названий яичниц и других блюд из яиц в русском языке XIX века . . . 25
Педченко Л. В. Этимология славянского *dъždžь в контексте русской диалектной номинации . . . 32

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА МЕДІАЛІНГВІСТИКИ

Діомідова О. Ю. Проблеми дослідження форм і засобів комунікації в юридичній лінгвістиці . . . 37
Завальська Л. В. Комунікативне ігнорування в політичному дискурсі . . . 40
Іванова І. Б. Лінгвостилістичний аспект дослідження сучасної української реклами . . . 45
Нахапетова О. В. Номени на позначення родинних стосунків у мовленнєвій інтеракції українців . . . 48
Бытева Т. И. Перифрастичность как функционально-семантическая категория коммуникативного уровня языка . . . 52
Гранева И. Ю. Вторичные референтные и нереферентные контексты употребления местоимения «вы» в разных типах дискурса . . . 56
Иванова К. А. Лингвориторические средства установления контакта между автором и читателем в информационно-аналитических интернет-текстах . . . 60
Кардашова Е. В. «Безразличность, из которой ткётся ткань жизни»: «средний человек», субъект повседневности . . . 64
Лаврик Э. П. Инвектогенный потенциал прецедентных феноменов . . . 73
Леонова А. Ю. Метафорическая модель «братья» в российском масс-медиа дискурсе . . . 77
Николаева А. В. Текстовая реализация функционально-семантической категории интенсивности в диалогических единствах художественного произведения (на материале английского и русского языков) . . . 81
Перепелица М. С. Особенности восприятия языковых трансформаций современного масс-медийного дискурса (по результатам лингвистического эксперимента) . . . 86
Уланов А. В. О синтезе военного и художественного дискурсов в поэзии В. В. Маяковского . . . 92
Шевченко Ю. Ю. Оппозиция образов Обломов/Штольц сквозь призму цивилизационного выбора России . . . 98
Шумарина Т. Ф. Эпиграмма как инвективный тип энигматического текста . . . 103
Морозова І. Б. «Yes» та «No»: епістемічна модальність чи смислова пам'ять? . . . 107

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, ОНОМАСТИКИ І ФРАЗЕОЛОГІЇ

Романюк Л. В. Стилістична характеристика експресивності фразеологізмів із значенням локативності . 114
Семененко О. Ю. Оніми у ролі операторів функції неозначено великої кількості (на матеріалі сучасного українського художнього мовлення) . . . 118
Столяр М. Ю. Ідіоматичні конструкції молодіжного сленгу у постмодерному художньому дискурсі . . . 122
Філюк Л. М. Моделювання тезаурусу української будівельної термінології . . . 127
Акартель Г. М. Модели семантических дериватов в русских и польских социолектах (на материале номинации человека по внешнему виду) . . . 132
Арефьева Н. Г. Сватовство в славянской фразеологии . . . 139
Герасименко И. А. Лингвокультурные компоненты значения русских колоративов . . . 145
Жуковская Г. А. Восприятие лексических единиц понятийного поля «общественное питание» в речи современников . . . 149
Мурадян И. В. Антропонимная вариативность в семейном общении в начале 20 века (на материале романа А. Н. Толстого «Сёстры») . . . 152
Мюллер Ю. Э. Лексико-семантические трансформации в художественном переводе . . . 156
Панова А. А. Афористика как отражение жизненной философии в дневниках Иоанна Кронштадтского 1856—1858 гг. . . . 161
Савченко А. В. Когнитивные основания наименования объектов виртуального мира в романе А. Ю. Пехова «Пересмешник» . . . 167
Скляренко О. Н. «Императивные конструкции» в ономастике (типологический аспект) . . . 171
Юзвяк Й. Названия банковских продуктов (между глобализацией и национальной спецификой) . . . 178
Яроцкая Г. С. Европейские экономические заимствования в русском языке XVIII века . . . 184

ПИТАННЯ ГРАМАТИКИ

Симонова К. Н. Периферийные морфологические средства выражения множественности в английском и русском языках (сопоставительный аспект) . . . 189

Склярова Н. Г. Взаимодействие альтернативности с различными семантическими категориями и его реализация в русском языке . . . 194
Степаненко О. А. Вопрос как особый способ выражения эмотивности в художественном диалоге. . . . 200
Степанов Е. Н. Глаголы движения в современных славянских языках . . . 206
Чапига З. Сравнительные обороты со значением приятного эмоционального состояния в русском и польском языках . . . 215
Чень Ш. Выражение градационных отношений в конструкциях союзной связи (на материале рассказов К. Г. Паустовского) . . . 220

ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ ТА МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

Плотницька С. В., Віт Н. П., Єременок О. І., Ануфрієва Н. М. Міжкультурна комунікація та взаємопроникнення мов у навчальному процесі . . . 225
Васильева Г. М., Виноградова М. В. Глаголы, передающие звуковую сторону речи, в обучении иностранных студентов-филологов . . . 229
Гуськова Е. Д., Маричереда Л. С., Овчаренко Л. Г. Формирование учебно-профессиональной компетенции у иностранных студентов начального этапа обучения . . . 235
Добровольская Л. В., Добровольская Д. М. Оптимизация обучения русскому языку в университете: фразеологизмы как материал межкультурного развития . . . 241
Еркибаева Г. Г. Сущность коммуникативной компетенции при обучении русской фразеологии . . . 245
Есакова М. Н., Литвинова Г. М. Стилистика русского языка и культура речи в курсе подготовки переводчиков . . . 249
Иванова Н. Г., Пахалкова-Соич Т. В. Методические универсалии В. Л. Скалкина . . . 255
Матвеева Н. М. Формирование иноязычной информационной компетенции иностранных учащихся на этапе предвузовской подготовки . . . 260
Махиянова Л. Р. Языковая среда города как образовательное пространство . . . 264
Миллер Л. В. Мир изучаемого языка: феноменологический аспект . . . 268
Юзефяк С. Способы формирования педагогической компетенции студентов-русистов Краковского педагогического университета в свете антропоцентрического подхода . . . 272

CONTENTS

ISSUES OF HISTORY OF LANGUAGE AND DIALECTOLOGY

Barannik L. F. Regional linguistic image of the world of carriers of russian insular dialects of Odessa region . . . 7
Kairzhanov A. K. Origin of the turcic runic writing (on the material of the tamga-marks) . . . 12
Kur-Kononowicz J. Variety of the names of crambled eggs and other dishes made from eggs in the russian language in the 19th century . . . 25
Pedchenko L. V. Etymology of the slavic word *dъždžь in the context of russian dialect nomination . . . 32

ISSUES OF COMMUNICATIVE LINGUISTICS

Diomidova O. Yu. Types and forms of communication in legal discourse . . . 37
Zaval'skaya L. V. Communicative ignoring in political discourse . . . 40
Ivanova I. B. Linguostylistics in modern ukrainian advertising . . . 45
Nakhapetova O. V. Concepts that refer to family relations in speech interaction of ukrainians . . . 48
Byteva T. I. Perifrasisness as a functional-semantic category of communicative language level . . . 52
Graneva I. Yu. The secondary referential and non-referential contexts of usage of pronoun "vy" ("you") in various types of discourses . . . 56
Ivanova K. O. Lingvorhetorical means of setting a contact between the author and the reader in informational-analytical internet-texts . . . 60
Kardashova Ye. V. "Indifference, from which the fabric of life is weaving": "the average person", the subject of everyday life . . . 64
Lavrik E. P. Invective potential of precedent phenomena . . . 73
Leonova A. Yu. Metaphorical model "brothers" in the russian media discourse . . . 77
Nikolaeva A. V. Text realization of the functionally semantic category of intensity in dialogue units in fiction (based on the english and russian languages) . . . 81
Perepelytsia M. S. Features of perception of language transformations in the modern mass media discourse (according results of linguistic experiment) . . . 86
Ulanov A. V. On the synthesis of military and artistic discourses in the poetry by Mayakovsky . . . 92
Shevchenko Yu. Yu. Opposition of images Oblomov/Stoltz through the prism of the civilization choice of Russia . . . 98
Shumarina T. F. Epigram as abusive type of enigmatic text . . . 103
Morozova I. B. "Yes" & "No": epistemic modality or memory of meaning? . . . 107

ISSUES OF LEXICOLOGY, ONOMASTICS AND PHRASEOLOGY

Romaniuk L. V. Stylistic characteristics of expressivity of phraseological units which have locative meaning . . . 114
Semenenko O. Yu. Onyms as the motivator of undefined number function (on the basis of modern ukrainian literary speech) . . . 118
Stolyar M. Yu. Youth slang idiomatic constructions in ukrainian postmodern art discourse . . . 122
Filyuk L. N. The modelling of the thesaurus of ukrainian building terminology . . . 127
Akartel G. M. Models of semantic derivatives in russian and polish sociolects (names of the person on the basis of appearance) . . . 132
Arefieva N. G. Match-making in slavic phraseology . . . 139
Gerasimenko I. A. Lingual and cultural components of the colour terms . . . 145
Zhukovskaya G. A. The perception of lexical units of the semantic field "public catering" in the present-day russian speech . . . 149
Muradyan I. V. The personal name variation at the family communication on the beginning of 20 century (on the text of novel by A. N. Tolstoy "the sisters") . . . 152
Müller Ju. E. Semantic transformations in literary translations . . . 156
Panova A. A. Aphoristics as is the reflection of the life philosophy in the diaries of 1856—1858 by st. John of Kronstadt . . . 161
Savchenko O. V. Cognitive bases of objects' name of the virtual world in the A. J. Pekhov's novel «Peresmeshnik» . . . 167
Sklyarenko O. N. «Imperative model» in onomastics (typological aspect) . . . 171
Józwiak J. The names of bank products (between globalization and national specificity) . . . 178
Yarotskaya G. S. Borrowings of european economic lexems into the russian language during the XVIII-th century . . . 184

ISSUES OF GRAMMAR

Simonova K. N. Peripheral morphological means expressing the category of plurality in english and russian (comparative aspect) . . . 189

Sklyarova N. G. Interaction of alternativeness with other semantic categories and its realization in the Russian language . . . 194
Stepanenko O. A. Question as a special way of expression emotiveness in the literary dialogue . . . 200
Stepanov Ie. N. Verbs of motion in modern russian and in the slavonic languages . . . 206
Czapiga Z. On the comparative phrases with the meaning of positive emotional state in russian and polish . . . 215
Chen Sh. Constructions with gradational conjunctions in the stories by Konstantin Paustovsky . . . 220

ISSUES OF DIDACTICS AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Plotnitskaya S. V., Vit N. P., Yeremenok O. I., Anufrieva N. M. Intercultural communication and interpenetration of languages during the training . . . 225
Vasilieva G. M., Vinogradova M. V. Verbs rendering the sonic aspect of speech in teaching of foreign students of philology . . . 229
Gus'kova E. D., Marichereda L. S., Ovcharenko L. G. Creation of the teaching and professional competence of foreign students on the preparatory course . . . 235
Dobrovolska L. V., Dobrovolska D. M. Optimization of the teaching russian at the university: phraseological units as the material for cross-cultural development . . . 241
Yerkibaeva G. G. The substance of the communicative competence while teaching russian phraseology . . . 245
Esakova M. N., Litvinova G. M. Russian stylistics and standards in translator and interpreter training . . . 249
Ivanova N. G., Pakhalkova-Soich L. V. Methodical universals of V. L. Skalkin . . . 255
Matveeva N. M. Forming of foreign language informational competence by foreign students at the stage of pre-university training . . . 260
Makhiyanova L. R. The urban linguistic enviroment as an educational space . . . 264
Miller L. V. World of the learning language: phenomenological aspects . . . 268
Józefiak S. Means of developing the pedagogical skills among russian philology students from the pedagogical university of Kraków in the world of anthropocentric attitude . . . 272

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

УДК 811.161.1'282.4(477.74)

БАРАННИК Людмила Фёдоровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
тел.: +38(0482)458590; +38 (048) 7762277; e-mail: philolog@onu.edu.ua

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА НОСИТЕЛЕЙ РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения лексики русских переселенческих говоров Одесской области с точки зрения преломления в ней культурно-исторических и ментальных воззрений русских диалектоносителей, репрезентирующих диалектную картину мира русских переселенцев.

В современном языкознании феномен региональной языковой картины мира активно исследуется на материале русских говоров основного диалектного массива России. Русские говоры юга Украины в этом аспекте специально не исследовались и, несомненно, заслуживают особого внимания лингвистов в силу исторических условий их становления в отрыве от материнских, преимущественно южнорусских говоров в тесном полиязычном окружении. Анализ фрагмента языковой картины мира носителей русских островных говоров Одещины на примере ТГ «Наименования домашних животных» отражает жизненную значимость сельскохозяйственного быта для русских переселенцев, их тесные экономические, бытовые и культурные взаимоотношения с соседями-украинцами, болгарами, молдаванами, что выражается в разветвлённой детализации наименований домашних животных, представленной не только русскими номенами, но и заимствованными из языков и говоров как близкого, так и более дальнего родства.

Ключевые слова*:* русская диалектология, языковая картина мира, русский островной говор, межъязыковые контакты.

Русские говоры Одесской области заслуживают особого внимания в связи с тем, что около 200 лет находятся в отрыве от основного языкового массива, от «материнских» южнорусских диалектов, функционируя в условиях тесного непосредственного контактирования с соседними украинскими, болгарскими и молдавскими говорами. Изучение русских островных говоров, бытующих в разноязычной, разнодиалектной среде, даёт интересный материал не только для диалектологии и истории русского языка, но и для решения важной общеязыковой проблемы взаимодействия, взаимовлияния территориально смежных языков и говоров, проблемы межъязыковых и междиалектных контактов, чрезвычайно актуальной в наше время.

Наша задача — описать некоторые особенности региональной картины мира жителей русских селений Одесской области.

Русские островные говоры Одесской области представляют значительный интерес для лингвистов своими специфическими лексическими особенностями, которые возникли вследствие непосредственных языковых и диалектных контактов разных народов, населявших ранее и населяющих теперь эту пёструю в этническом отношении территорию. Особенно тесны и продолжительны на юге Одещины контакты между славянами: русскими, украинцами и болгарами. Дружественные экономические, культурные и бытовые связи между русскими, украинцами и болгарами оказали благотворное влияние на развитие и взаимообогащение лексического состава славянских говоров Одещины, прежде всего в сфере бытовой и сельскохозяйственной, а также в динамике важного с точки зрения сельских жителей фрагмента их языковой картины мира — «Наименования домашних животных».

Исследование региональной языковой картины мира в современной диалектологии является продолжением традиций изучения «языкового знания», представлений об окружающем мире, зафиксированных в семантике языковых единиц, берущий своё начало в трудах выдающихся учёных В. Гумбольдта, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, И. И. Мещанинова, Э. Сэпира, Б. Уорфа. В современном отечественном языкознании феномен языковой картины мира активно исследуется Ю. Д. Апресяном, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, Т. И. Вендиной, В. Г. Гаком, О. А. Корниловым, З. П. Поповой, И. А. Стерниным, Е. В. Брысиной, И. А. Кюршуновой, К. В. Маёровой и др. Языковая картина мира — это «отображение в формах языка устройства

© Баранник Л. Ф., 2014

экстралингвистической действительности, что в свою очередь проявляется в объёме значения и внутренней форме языковых единиц» [1, с. 36—37].

Языковая картина мира антропоцентрична и антропоморфична. Так, в региональной языковой картине мира носителей русских говоров Одесщины отражается взгляд на окружающий мир русских крестьян, выясняются наиболее важные с их точки зрения «картинки жизни» (по терминологии Н. Ю. Шведовой). По мнению Н. Ю. Шведовой, «картинки жизни» являются «органическими составными» лексической системы — любого отдельного фрагмента словарного состава языка, который объединяет «единицы, толкуемые единым метаязыком и связанные друг с другом возможностями взаимообогащения (обязательно объяснения одного через другое)» [15, с. 5—6]. «Картинки жизни» представляют определённые фрагменты языковой картины мира, среди которых одно из приоритетных мест для сельских жителей занимают наименования домашних животных, жизненно важных для хозяйственной деятельности сельских жителей.

Русские говоры Одесщины содержат богатый, разнообразный и интересный материал по данной группе лексики, репрезентирующей региональную языковую картину мира носителей русских говоров Одесской области. Объясняется это не только сохранением в исследуемых говорах древних, исконных (литературных и диалектных) лексем, но и наличием в этой лексико-тематической группе большого количества иноязычных слов, заимствованных русскими у соседей: украинцев, болгар, молдаван.

Как показывает анализ, многие наименования домашних животных, бытующие в русских говорах Одесщины, являются общеизвестными, распространёнными на всей русской территории. Это слова общеславянского и восточнославянского происхождения: *баран*, *бык*, *боров*, *конь*, *кобыла*, *корова*, *жеребёнок*, *телёнок*, *кляча*, *овца*, *ярка* [13, с. 3—114]. Являясь общими для русского и украинского языков, они способствуют совпадению отдельных фрагментов региональных языковых картин мира носителей русских и украинских говоров Одесской области, которое неизбежно «как в силу единства человеческого феномена, так и в результате частичного совпадения с картиной объективной действительности: ландшафтами, флорой, фауной, хозяйственной практикой и т. д.» [12, с. 66—67]. Южнорусизмами, воспринятыми от «материнских» говоров, являются лексемы: *бугáй* ‘племенной бык’, *третья́к* ‘конь по третьему году’ и ‘бык по третьему году’, *телúца*, *тёлка*, *нéтель* ‘молодая, ещё не телившаяся корова’, *я́ловка* ‘яловая, нетелившаяся корова’, *лошóнок* ‘жеребёнок до года’, *годовúк* ‘годовой жеребёнок’, *кнур* ‘кладеный кабан’, *хряк* ‘нехолощёный кабан’, *вáлух*, *валушóк* ‘кладеный баран’, *порося́* ‘поросёнок’, *подсвúнок* ‘большой поросёнок’ и др. [4; 11].

Из украинского языка и его говоров русские переселенцы заимствовали общие наименования домашних животных и скота *тварúна*, *худóба*, а также дифференцирующие номены: *гуч* ‘жеребец в возрасте двух лет’, *лошá*, *лошúца* ‘молодая лошадь’, *невóрка* ‘овца в возрасте двух лет’ (ср. укр. *нівора* ‘овца с первым ягнёнком, молодая овца’), *пéрвостка* ‘впервые отелившаяся корова’ (ср. укр. *первістка*), *лёха* ‘свинья, оставленная на откорм’ (ср. укр. *льоха*), *цап* ‘козёл’, *пацю́к* ‘поросёнок’, *шкáпа* ‘кляча’, из болгарских говоров — *коч* ‘баран, оставленный на племя’, *хазмáн* ‘холощёный баран’, *овéн* ‘кастрированный баран’, *магáрь* ‘осёл’. Из молдавских говоров русские восприняли лексемы: *неля́пка* ‘корова, отелившаяся раньше трёх лет’, *цыгáя*, *цыгáйка* ‘тонкорунная овца с мягкой шерстью’, *парнáя*, *парнáйка* ‘грубошёрстная овца’.

Русским переселенческим говорам, как и говорам основного диалектного массива, присуща разветвлённая детализация наименований домашних животных в зависимости от возраста, пола, функций в хозяйстве, цвета и качества шерсти и т. п. Причём вследствие наличия в островных говорах, функционирующих в разноязычном окружении, многочисленных заимствованных наименований детализация животных в них более дробная, чем в говорах «материнских», курско-орловских, донских. Сравните, к примеру, зафиксированные в русских говорах Одесщины слова, отражающие возрастную дифференциацию лошадей: южнорусизмы *сосунóк* ‘жеребёнок, сосущий матку’, *лошóнок* ‘жеребёнок до года’, *стригýн*, *стригунóк* ‘жеребёнок в возрасте одного года’, *годовúк* ‘годовалый жеребёнок’, *третья́к* ‘трёхлетний конь’ [4; 11], украинизмы *лошá*, *лошúца* ‘молодая кобыла, которая ещё не жеребилась’ [3, с. 21], *гуч*, *гучúк* ‘двухлетний жеребёнок’ [5, с. 323; 7, с. 239].

Детализированы по возрасту в русских говорах Одесщины и названия крупного рогатого скота. Среди слов, употребляемых для возрастной дифференциации коров, выделяются русские литературные и диалектные: *тёлка*, *телýшка*, *телúца*, *нéтель* ‘молодая, ещё не телившаяся корова’, *пéрвица*, *первáчка* ‘корова, отелившаяся первый раз’ [4, т. 3, с. 30]. Примечательно, что в этом же значении в русских говорах Одесщины более широко употребляется заимствованное из соседних украинских говоров *пéрвосточка* (ср. укр. *пéрвістка*, ум.-ласк. *пéрвісточка*) [2, т. 3, с. 107; 3, с. 27]. Корову, отелившуюся рано, до трёх лет, русские переселенцы называют *неля́пка*, *неля́почка*. Лексема *неля́пка* заимствована у молдаван (ср. молд. *неля́пкэ*). Слово *неля́пка* ‘корова, которая впервые отелилась несвоевременно, на сезон раньше’

известно и соседним украинским говорам, куда оно также попало из молдавских [7, с. 239; 3, с. 27].

Различают русские переселенцы в зависимости от возраста и названия овцы. Овца по первому году, ещё не ягнившаяся, обозначается унаследованным из южнорусских говоров общеславянским словом *я́рка* (ум. *я́рочка*) [4, т. 4, с. 680], материнским южнорусским в исследуемых говорах является также номен *перея́рка* ‘годовалая овца’ [4, т. 3, с. 100]. Слово *нево́рка* ‘овца в возрасте двух лет’ заимствовано русскими из украинских говоров (ср. в укр. гов. Одесщины *нівóра* ‘овца с первым ягнёнком’ [7, с. 239; 3, с. 17].

Детализированы названия домашних животных в русских переселенческих говорах Одесской области и по их использованию в хозяйстве, по их основным хозяйственным функциям: *хряк*, *кнур* ‘нехолощёный самец свиньи, производитель’, *газма́н* (*хазма́н*) ‘холощёный баран’, *коч* ‘баран, оставленный на племя’, *ове́н* ‘кастрированный баран, оставленный на мясо’ и т. п.

Проникновение заимствований в исследуемую лексико-тематическую группу, как правило, объясняется издавна свойственной говорам тенденцией к конкретизации, детализации, дифференциации названий домашних животных по актуальным для крестьянского хозяйствования признакам. Стремлением к конкретизации, детализации более общего понятия объясняются такие заимствования из украинских говоров, как *гуч*, *гучи́к* ‘двухлетний жеребёнок’, *пе́рвосточка* ‘впервые отелившаяся корова’, *лоши́ца* ‘молодая кобыла, которая ещё не жеребилась’ и др., из молдавских — *неля́пка* ‘корова, отелившаяся раньше трёх лет’, *цыга́я*, *цыга́йка* ‘тонкорунная овца с мягкой шерстью’, *парна́я*, *парна́йка* ‘грубошёрстная овца’, из болгарских — *коч* ‘баран, оставленный на племя’, *газма́н* (*хазма́н*) ‘холощёный баран’, *ове́н* ‘кастрированный баран, оставленный на мясо’.

Вместе с новым понятием, обозначающим ранее неизвестное русским переселенцам животное, в русские говоры из болгарских вошло слово *мага́рь*. Русское лексическое соответствие *осёл* местные жители вообще не знают.

Все заимствованные слова претерпевают на русской почве разнообразные фонетико-морфологические преобразования, некоторые — семантические. В заимствованиях происходит сужение и, напротив, расширение значений, при этом чаще отмечается сужение смыслового объёма многозначного в языке-источнике слова, то есть заимствование слова не во всех, а только в некоторых или чаще в одном значении, причём в самом конкретном. Это общеязыковая закономерность. Известный французский исследователь А. Доза подчёркивает: «В подлинных заимствованиях наиболее замечательное семантическое явление — это специализация значений» [6, с. 138]. Сужение семантического объёма заимствованного слова наблюдается при освоении лексических заимствований как из близкородственного, восточнославянского, украинского языка, так и из южнославянского, болгарского. Ср. укр. *пе́рвістка* (ум. *первісточка*) — 1. первенец женского пола, 2. родившаяся первой, 3. первый раз отелившаяся корова [2, т. 3, с. 107], в русских говорах *пе́рвосточка* употребляется только для наименования впервые отелившейся коровы.

Из болгарских говоров только в одном из своих значений в русские говоры вошло многозначное *мага́ре*, освоенное русскими в форме *мага́рь*. В русских говорах сущ. м. рода *мага́рь* — ‘осёл’, в болгарских сущ. ср. рода *мага́ре* не только ‘осёл’, но и переносное, пренебрежительное ‘тупица, болван’ (о человеке), а также ‘кобылка на скрипке’ и ‘козлы для пиления дров’ [14, с. 373]. Слово *мага́рь* в значении ‘осёл’ знакомо также соседним украинским говорам. Как иностранное оно зафиксировано А. А. Москаленко в словаре диалектизмов украинских говоров Одесской области [9, с. 49]. Бытует слово *мэга́ри* в молдавском, и в румынском языке. В молдавском *мэга́р* — ‘осёл’ [8, с. 402], в румынском *magár* ‘осёл’ и перен. ‘тупица, болван’ [10, с. 402]. Однако широкая многозначность слова *мага́ре*, наличие большого количества производных от него в болгарском языке дают основание предполагать, что оно является в болгарском укоренившимся, более древним, чем в молдавском и румынском языках. Вероятно, именно из болгарского оно было заимствовано носителями молдавского и румынского языков, украинских и русских говоров Одесской области.

Наряду с сужением смыслового объёма иноязычных, инодиалектных полисемантичных слов, с закреплением их лишь в одном из своих значений, наблюдается, правда, гораздо реже сужение семантики заимствований в результате конкретизации в русских говорах понятий, обозначенных этими словами. Из болгарских говоров в более узком, конкретизированном значении в русские вошло слово *газма́н* (*хазма́н*). *Газма́н* (*хазма́н*) в исследуемых говорах ‘холощёный баран’, в болгарских *хазма́н* — ‘всякое кастрированное животное’ [16, с. 98].

Иногда при усвоении иноязычных слов наблюдается контаминация. Контаминируют обычно два слова с одинаковыми значениями, близкие по своему звучанию, по своей морфонологической структуре. В качестве взаимодействующих элементов при контаминации выступает, с одной стороны, местное, с другой — близкое ему по звучанию и значению иноязычное слово. В результате лексической контаминации образуются новые слова или новые формы слов. Так,

на базе южнорусского *кутёнок* ‘щенок’ в результате контаминации с украинским *цуценя́* в том же значении возник контаминант *куценёнок*.

Отмечены случаи, когда от корней заимствованных наименований домашних животных по словообразовательным моделям, характерным для русских говоров, образуются производные слова. Так, на базе заимствованного у болгар *мага́рь* ‘осёл’ во всех русских говорах Одесской области образованы дериваты *магари́ца* ‘ослица’, *магарёнок*, *магарёночек* ‘детёныш ослицы’, *магаря́та*, *магаря́тки* ‘ослята’, а в речи жителей с. Вознесенка Арцизского района употребляются яркие глагольные экспрессивы *мага́рить*, *мага́рничать* ‘тяжело работать’ и производные от них *помага́рить*, *помага́рничать*, *намага́риться*, что свидетельствует о полном освоении их этимона *мага́рь* русскими переселенцами.

Взаимодействие исконных, южнорусских слов с русскими литературными и заимствованными из соседних языков и говоров приводит к появлению во фрагменте языковой картины мира русских крестьян, связанной с животными, большого количества дублетов и синонимов: *баран — овéн — газма́н* (*хазма́н*) *— коч*; *мага́рь — осёл*; *кутёнок — щенок — куценёнок — цуценя́*; *козёл — цап*; *тёлка — теля́ца — теля́шка — нéтель*; *свинья — свиння — лёха* и др.

Анализ дублетных наименований показывает, что они, как правило, являются только смысловыми дублетами, дублетами по значению, отличаясь друг от друга степенью и сферой употребления. По степени употребительности компонентов в группе дублетов, состоящих из заимствованных и русских слов, выделяются, во-первых, дублеты с преобладанием в употреблении русского компонента: *баран — овéн*; *козёл — цап*; *свинья — лёха*; *поросёнок — порося́ — подсви́нок — пацю́к*; во-вторых, дублеты с более употребительным заимствованным, украинским или болгарским компонентом: *пéрвосточка — первáчка — пéрвица*; *шка́па — кляча*; *мага́рь — осёл*.

Обычно жители русских селений дают оценку дублетам как «старым» или «новым», «чужим» или «своим» и т. п. В результате такой стилистической дифференциации в русских островных говорах появляются стилистические синонимы.

Заимствованные наименования домашних животных, несомненно, обогащают лексико-семантическую систему переселенческих говоров. Они позволяют конкретизировать некоторые общие понятия, разграничить оттенки значений, обогащают местную синонимику и региональную языковую картину мира, заполняя в ней лакуны, актуально важные для носителей русских островных говоров Одесской области.

Приведённые детализированные наименования домашних животных в русских переселенческих говорах Одесской области — яркое свидетельство того, что актуальные, жизненно важные объекты и явления для хозяйствования в сельских условиях жители русских селений дифференцируют наиболее детально, подробно, привлекая с этой целью лексические заимствования из соседних языков и говоров исследуемого полиэтнического региона. В результате такого межкультурного и междиалектного взаимодействия в сознании носителей русских говоров рождается обновлённый, развёрнутый фрагмент языковой картины мира, связанный с животноводством, доминантой которого является микросистема наименований домашних животных по признакам, наиболее существенным, жизненно актуальным для сельских жителей, включающая не только русские номены, но и заимствованные как из славянских, так и неславянских говоров, длительное время (около двухсот лет) функционирующих в полиэтническом регионе юго-запада Одесской области.

Литература

1. *Гак В. Г.* Русская динамическая языковая картина мира / В. Г. Гак // Русский язык сегодня: сб. статей. — М. : Азбуковник, 2000. — Вып. 1. — С. 36—44.

2. *Гринченко Б.* Словарь украинского языка : в 4 т. / Б. Гринченко. — К., 1907—1909.

3. *Гриценко П. Ю.* Моделювання системи діалектної лексики / П. Ю. Гриценко ; АН Української РСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. — К. : Наукова думка, 1984. — 227 с.

4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1955.

5. *Дзендзелівський Й. О.* Українські говори Нижнього Придністров’я : дис. ... канд. филол. наук (рукопис) / Й. О. Дзендзелівський. — Одеса, 1951. — Ч. 1.

6. *Доза А.* История французского языка / А. Доза. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1956. — 472 с.

7. *Дроздовський В. П.* Спостереження над сільськогосподарською лексикою українських говірок Татарбунарського, Тузлівського і Саратського районів Одеської області / В. П. Дроздовський // Праці Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова. — Одеса, 1958. — Т. 148. Вип. II.

8. *Молдавско-русский словарь* / редкол.: А. Т. Борщ, М. В. Подико, В. П. Соловьёв. — М. : Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1961. — 780 с.

9. *Москаленко А. А.* Словник діалектизмів українських говірок Одеської області / А. А. Москаленко. — Одеса, 1958. — 78 с.

10. *Румынско-русский словарь* / ред. Б. А. Андрианов, Д. Е. Михальчи. — М. : Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1953. — 975 с.

11. *Словарь русских народных говоров* / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. — М. ; Л., 1965—2002. — Вып. 1—36.
12. *Сукаленко Н. И.* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира / Н. И. Сукаленко ; АН Украины ЦНИПИЯ ; общ. ред. В. В. Акуленко. — К., 1992. — 164 с.
13. *Трубачёв О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках: (Этимологические исследования) / О. Н. Трубачёв. — М., 1960.
14. *Чукалов С.* Българско-руски речник / С. Чукалов. — София : Издание на Българската академия на науките, 1957. — 992 с.
15. *Шведова Н. Ю.* Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарём» / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. — 1999. — № 1.
16. *Швецова Т. В.* Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы МССР / Т. В. Швецова. — М., 1952. — Вып. 2.

References

1. *Gak V. G.* Russkaja dinamicheskaja jazykovaja kartina mira / V. G. Gak // Russkij jazyk segodnia : sb. statej. — M. : Azbukovnik, 2000. — Vyp. 1. — S. 36—44.
2. *Grinchenko B.* Slovar' ukrainskogo yazyka : v 4 t. / B. Grinchenko. — K., 1907—1909.
3. *Grycenko P. Ju.* Modeliuvannia sistemy dialektnoji leksyky / P. Ju. Grycenko ; AN Ukrains'koi RSR, In-t movoznavstva im. O. O. Potebni. — K. : Naukova dumka, 1984. — 227 s.
4. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4 t. / V. I. Dal'. — M. : Gos. izd-vo inostrannyh i nac. slovarej, 1955.
5. *Dzendzelivs'kyj J. O.* Ukrains'ki govory Nyzhn'ogo Prydnistrov'ja : dys. ... kand. filol. nauk (rukopys) / J. O. Dzendzelivs'kyj. — Odesa, 1951. — Ch. 1.
6. *Doza A.* Istorija francuzskogo jazyka / A. Doza. — M. : Izd-vo inostr. lit., 1956. — 472 s.
7. *Drozdovs'kyj V. P.* Sposterezhennia nad sil's'kogospodars'koju leksykoju ukrajins'kyh govirok Tatarbunars'kogo, Tuzlivs'kogo i Sarats'kogo rajoniv Odes'koji oblasti / V. P. Drozdovs'kyj // Praci Odes'kogo derzhavnogo universytetu im. I. I. Mechnykova. — Odesa, 1958. — T. 148. Vyp. II.
8. *Moldavsko-russkij slovar'* / redkol.: A. T. Borshch, M. V. Podiko, V. P. Solov'jov. — M. : Gos. izd-vo inostrannyh i nac. slovarej, 1961. — 780 s.
9. *Moskalenko A. A.* Slovnyk dialektyzmiv ukrajins'kyh govirok Odes'koji oblasti / A. A. Moskalenko. — Odesa, 1958. — 78 s.
10. *Rumynsko-russkij slovar'* / red. B. A. Andrianov, D. E. Mihal'chi. — M. : Gos. izd-vo inostrannyh i nac. slovarej, 1953. — 975 s.
11. *Slovar' russkih narodnyh govorov* / red. F. P. Filin, F. P. Sorokoletov. — M. ; L., 1965—2002. — Vyp. 1—36.
12. *Sukalenko N. I.* Otrazhenie obydennogo soznanija v obraznoj jazykovoj kartine mira / N. I. Sukalenko ; AN Ukrainy CNIPIYA ; obshch. red. V. V. Akulenko. — K., 1992. — 164 s.
13. *Trubachiov O. N.* Proiskhozhdenie nazvanij domashnih zhivotnyh v slavianskih jazykah: (Etimologicheskie issledovanija) / O. N. Trubachiov. — M., 1960.
14. *Chukalov S.* Bylgarsko-ruski rechnik / S. Chukalov. — Sofiya : Izdanie na Bylgarskata akademija na naukite, 1957. — 992 s.
15. *Shvedova N. Ju.* Teoreticheskie rezul'taty, poluchennye v rabote nad «Russkim semanticheskim slovariom» / N. Ju. Shvedova // Voprosy jazykoznanija. — 1999. — № 1.
16. *Shvecova T. V.* Materialy dlia slovaria bolgarskih govorov SSSR. Slovar' govora sela Tvardicy MSSR / T. V. Shvecova. — M., 1952. — Vyp. 2.

Баранник Людмила Федорівна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
тел.: +38(0482)458590; +38 (048) 7762277; e-mail: philolog@onu.edu.ua

РЕГІОНАЛЬНА МОВНА КАРТИНА СВІТУ НОСІЇВ РОСІЙСЬКИХ ОСТРІВНИХ ГОВІРОК ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ

Анотація. Стаття присвячена проблемі вивчення лексики російських переселенських говірок Одеської області з точки зору відображення в ній культурно-історичних та ментальних поглядів російських діалектоносіїв, які репрезентують діалектну картину світу російських переселенців.

У сучасному мовознавстві феномен регіональної мовної картини світу активно досліджується на матеріалі російських говірок основного діалектного масиву Росії. Російські говірки півдня України в цьому аспекті спеціально не досліджувалися і, безумовно, заслуговують на особливу увагу лінгвістів у силу історичних умов їх становлення у відриві від материнських, переважно південноросійських говірок у тісному міжмовному оточенні. Аналіз фрагмента мовної картини світу носіїв російських острівних говірок Одещини на прикладі ТГ «Назви домашніх тварин» відображує життєву значимість сільськогосподарського побуту для російських переселенців, їх тісні економічні, побутові та культурні взаємини з сусідами: українцями, болгарами, молдаванами, — що виражається в розгалуженій деталізації найменувань домашніх тварин, яка представлена не тільки російськими номенами, а й запозиченими з мов і говірок як близької, так і більш далекої спорідненості.

Ключові слова: російська діалектологія, мовна картина світу, російська острівна говірка, міжмовні контакти.

Ludmila F. BARANNIK
Ph.D. in Philological Sciences, Assistant Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
tel.: +38(0482)458590; +38 (048) 7762277; e-mail: philolog@onu.edu.ua

REGIONAL LINGUISTIC IMAGE OF THE WORLD OF CARRIERS OF RUSSIAN INSULAR DIALECTS OF ODESSA REGION

Summary. The article deals with the main peculiarities of the regional linguistic world image of carriers of Russian insular dialects of Odessa region. In modern linguistics the phenomenon of the regional linguistic image of the world is actively investigated on material of the Russian dialects of the main dialect massif of Russia. The Russian dialects of the South of Ukraine were not specially investigated in this aspect, but deserve special attention of linguists owing to historical conditions of their formation in a separation from maternal, mainly South Russian dialects in different linguistic surroundings. The analysis of the fragment of the linguistic world image of carriers of the Russian insular dialects on the example of names of Pets reflects the vital importance of agricultural life for the Russian immigrants, their economic and cultural relationship with Ukrainian neighbors, Bulgarians, Moldavians, and it shows detailed elaboration of household animals presented not only in Russian appellatives but also borrowings from close and distant relationship.
Key words: Russian dialectology, linguistic image of the world, Russian insular dialect, interlingual contacts.

Статтю отримано 21.10.2014 р.

УДК 811.512.1'22: 929.624.84:801.7:003:903'15(4/5)

КАИРЖАНОВ Абай Каиржанович,
доктор филологических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва; Астана, Казахстан;
e-mail: kairzhanov@list.ru ; адрес: г. Астана, ул. Мустафина, 21/5, кв. 31

ГЕНЕЗИС ТЮРКСКОГО РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА
(на материале тамги-знаков евразийских кочевников)

Аннотация. В статье исследуется проблема происхождения древнетюркского рунического алфавита. Автор подвергает конструктивной критике две гипотезы происхождения рун: 1) финикийско-арамейскую гипотезу; 2) согдийскую теорию образования тюркских рун. В настоящей работе обосновывается тамговая (пиктографическая) теория формирования древнетюркского рунического алфавита, созданного на основе тамги и тамгообразных знаков, принадлежащих тюркским тейпам, обитавшим в Великой степи на рубеже двух эр. Такое обоснование тамговой теории стало возможным благодаря археологическим разысканиям на территории кочевников Великой степи. Результаты исследования простых (базовых) и сложных тамга-знаков и тамгообразных знаков свидетельствуют о создании рунического письма ещё на рубеже двух эр. В настоящей статье сличаются тамги-знаки с максимальной полнотой, собранные многими учёными в течение двух столетий почти на всём протяжении Евразии: от большой излучины Яшиль-угюз (Великая Жёлтая река) на Востоке и до центральных земель Европы. Определены четыре перехода в эволюции рунического письма и намечены перспективы исследования в диахроническом аспекте, что позволит освободиться от квазинаучных обобщений и выводов.
Ключевые слова: тамга, тамгообразные знаки, руны, аккультурация, пиктограмма (идеограмма), иконический образ, первосмысл, первознак, семантический сдвиг.

По проблеме происхождения тюркской руники существует три подхода, три гипотезы: 1) влияние финикийского (арамейского) письма; 2) в основе тюркских рун лежит согдийское письмо; 3) основой тюркских рун является эволюция тамги и тамгообразных знаков-пиктограмм.

Представим краткий обзор первых двух гипотез.

1. ***Влияние финикийского (арамейского) письма***. Эту гипотезу впервые выдвинул Вильгельм Томсен, который считал, что древние тюрки приспособили арамейское письмо, восходящее к финикийскому алфавиту, для фонетической системы древнетюркского языка [40, с. 7]. Эту точку зрения подхватил и стал развивать О. Доннер. Он подверг анализу надписи на монетах Парфянского царства династии аршанидов (III—II вв. до н. э.). По его мнению, именно эти знаки были своеобразным вторым звеном после арамейского письма в процессе становления тюркских рун. Другими словами, элементы письма аршанидов оказали влияние на образование

 © Каиржанов А. К., 2014

древнетюркских рун [14]. А. М. Щербак также отмечает некоторые сходства арамейских знаков с древнетюркскими рунами [44, с. 50]. Кроме того, финикийско-арамейскую гипотезу поддержали П. М. Мелиоранский и А. С. Аманжолов [2]. Так, Р. Готьо в ранних своих трудах считал, что тюркская руника представляет собой изменённую конфигурацию древнего согдийского алфавита. Однако позже он изменил свою точку зрения и примкнул к финикийско-арамейской гипотезе происхождения тюркского письма [11, с. 5].

Науке известно, что 6 рунических форм и их значения совпадают с финикийско-арамейским письмом: 𐰴 [p], 𐰯 [š], 𐰉 [r], 𐰇 [d], 𐰃 [l], 𐰚 [t]. На самом деле, только 5 форм финикийско-арамейского письма: 𐤉 𐤔 𐤓 𐤋 𐤕

имеют эквиполентные сходства с формами древнетюркских рун, но их значения совершенно иные. Предположим, что 11 знаков появились под влиянием финикийско-арамейского письма. Что же, в этом случае, делать с оставшимися 28 знаками древнетюркской руники? К сожалению, эта концепция сегодня не может стать основой для объяснения проблем происхождения тюркского письма и к настоящему времени потеряла свою актуальность. Наше принципиальное несогласие с этой гипотезой вытекает из сравнительно-исторического анализа тюркских рун с тамгами. Ср.: знаки (4) 𐰴, (9) 𐰯, (23) 𐰉, (10) 𐰇, (1) 𐰃, (12) 𐰓, (9) 𐰋 не только совпадают с финикийско-арамейским письмом, но и полностью отражают иконический образ древнейших тюркских тамг тейпов евразийских кочевников. Только два знака: 𐰚 и 𐰔 — отсутствуют в таком виде в тамговых знаках. Однако, по мнению С. Аманжолова [3], подобное явление не имеет принципиального значения. Так, первый знак (𐰚) отражается зеркальным образом в енисейских и орхонских текстах (см. в нашей таблице порядковый номер: (14)).

2. ***Согдийская теория происхождения руники.*** С этой теорией связаны полевые разыскания Н. М. Ядринцева. Он в 1889 г. отыскал в Орде-Балыке (Карабалгасун), на брегах Орхона, трёхъязычную надпись на камне. Надпись составлена на китайском, согдийском и древнетюркском языках. Дешифровка и подстрочный перевод этих надписей лёг в основу согдийской теории происхождения тюркской руники [46]. Эту гипотезу стали разрабатывать Ф. Мюллер [30], А. Лекок [25], Р. Готьо [11], О. Хансен [43] и др. Они приступили к исследованию текстов Восточного Туркестана (VI—XIII вв. н. э.), составленные согдийским языком на основе согдийской графики. Тексты несли информацию сакрального характера, так как при помощи этих текстов миссионеры проповедовали идеи религиозных систем (несторианского христианства и различных толков буддизма) и антисистемы манихейства. Это было время, когда Согда вышла на историческую арену в области культурной экспансии и оказывала влияние на ближайших своих соседей, прежде всего, на тюркоязычных народов. Именно этот язык вначале становится языком культурного общения в Центральной Азии, а в X—XIII вв. превращается в язык межнационального общения для обитателей тракта Великого Шёлкового пути. Но эта согдийская культурная экспансия началась в конце VIII — нач. IX в. после распада Восточного тюркского каганата, а до этого времени Согда не могла об этом и помыслить, так как тюркская культура была доминирующей в Средней Азии. Тюркский язык был языком межнациональным, то есть был единым для всех жителей тюркской империи. Язык тюркский был уже кодифицирован и нормирован, а тюркский рунический алфавит был создан во второй половине VI века во времена правления Бумын кагана и его приемника Истеми. Об этом свидетельствует «каменная летопись» древних тюрков.

Р. Готьо, игнорируя эти исторические факты, считает, что 12 знаков согдийского алфавита соответствуют знакам древнетюркской руники. Однако позже он изменил свои взгляды: «...Рунический алфавит ведёт своё начало не от старого согдийского письма и не от того небольшого количества знаков, которые имелись в нём, а от разновидности его с 25 знаками, из которых 22 арамейские и 3 дополнительные» [11]. Однако В. А. Лившиц стал подвергать критике эту теорию: «Поиски согдийских прототипов для других рунических знаков затруднены, прежде всего, вследствие различий в качестве графем. Некоторые знаки <...> изобретены в процессе создания руники». Он указывает, что это коснулось только 7 орхонских рун: lt, nč, nl, ïč/ič, ïq/qï, oq/uq, ök/ük, которые являются периферийными, потому что обозначают слитные звуки дифтонгического образования [26]. Но Дж. Клоссон, несмотря на веские возражения В. А. Лившица, продолжает развивать согдийскую теорию происхождения рунического письма. Он считает, что начало тюркской руники можно обнаружить в персидских алфавитах: согдийской, пехлеви и бактрийской системах письма [20]. Эту теорию подверг критике и А. М. Щербак. Он полагает, что является неверным тот факт, что древние тюрки могли адаптировать согдийское письмо для создания руники. Кроме того, мы считаем, что Авеста как сакральная книга ираноязычных народов проповедовала с незапамятных времён неприязнь и откровенную вражду к тюркскому суперэтносу, и древние тюркоязычные этносы не могли по этой причине перенять у них согдийское письмо [44]. К сожалению, эта теория остаётся до сих пор официальной точкой зрения на происхождение тюркской руники. Ср., например, подобную версию: «На основе согдийского и несторианского письма создались разные виды письма тюрков Центральной Азии (важнейшие — уйгурское и тюркское руническое)» [13, с. 378].

3. ***Тамговая (пиктографическая) теория*** происхождения древнетюркского рунического письма. Остановимся более подробно на этой теории происхождения тюркского алфавита. Вначале попытаемся раскрыть некоторые дефиниции терминов «тамга», «пиктограмма» и других терминов, используемых нами в исследовании.

Тамга — прежде всего, племенной (родовой) знак, восходящий к пиктограмме (идеограмме), указывавший на принадлежность людей, конкретного человека к определённому племени и символизировавший conceptum «первопредка», то есть являвшийся определённым тотемным знаком. К этому знаку родовые ответвления племени могли добавлять дополнительные элементы для корректировки значения «принадлежность» к тому или иному определённому роду. Отметим, что тамга как знак обладал более абстрагированным значением, так как он подвергся ментальному сдвигу по сравнению с пиктограммами (идеограммами). В то же время, каждая отдельно взятая тамга как знак стала функционировать только в пределах конкретного рода. И в то же время, имелась другая тамга, обозначавшая племенной союз, в который входили родовые подразделения. Например, тамга племенного союза аргын изображалась так: ∞ (*коз*, *кос донгелек*). Роды, входившие в этот союз, обладали своими специфическими тамгами-знаками: тамга *жогарышекты* ; тамга *томеньшекты* . В них стрелки являются дополнительными элементами: *жогары* (), где стрелка имеет значение «выше»; и *томень* () — «ниже». Отметим, что другие племенные союзы не могли пользоваться этими тамгами-знаками. У них были свои, отличные от других, тамговые обозначения. Так, значение «принадлежность» к найманам указывала тамга (*шомиш*, *чомич* («ложка», «тостаган»)). У кыпчаков — ‖ (*кос алип*) и т. п. [3; 9; 15; 16; 17; 22; 23; 24; 27; 31; 32; 33; 34; 37; 38; 39; 41; 42; 47, 50].

Приведём следующее определение *пиктограммы*: «письмо пиктографическое — тип письма, характеризующийся тем, что графические знаки (в виде рисунков или условных изображений) служат для передачи содержания речи, но не отражают языковых форм» [6, с. 324]. Приведём более пространное рассуждение А. М. Кондратова: «Типологически выделяются 2 разновидности пиктограмм: «иконические», имеющие сходство с изображаемым понятием или объектом (знак солнца для передачи понятий «день», «солнце» и т. п.), и «символические», условные (генетически, видимо, восходящие к «иконическим», образным, но утратившие внешнее сходство с изображаемым объектом)» [21, с. 374]. Дальше он рассуждает, что остаётся открытым вопрос о том, «происходят ли эти системы из одного центра (по мнению моноцентристской гипотезы происхождения письма — из Шумера) или фонетическое письмо рождалось из различных пиктографических систем независимо в разных регионах» [21, с. 374]. Отметим, что древнейшие пиктограммы (идеограммы) шумерской культуры несли «зерно первосмысла», не обозначали сему ‘принадлежность’. В результате дальнейшей эволюции они превратились в клинопись. Итак, шумерские пиктограммы имели совершенно иные значения по сравнению с тюркскими тамгами-знаками, для которых функция посессивности оставалась доминирующей чертой, а пиктографические значения, обозначавшие реалии окружающей действительности, в этих знаках подверглись аннигиляции.

Тамговую (пиктографическую (идеографическую)) теорию развивали Н. Я. Аристов [5], Д. Н. Соколов [38], А. Махмутов [28] и др. Тамговую теорию попытался обосновать Е. Д. Поливанов, который обратил внимание на внешнюю форму и на внутренний смысл знаков: ↑ («oq» («стрела»)), ☽ («aj» («луна», «ущербная луна»)). Подобные знаки, по его мнению, могли стать основой рунического письма, появившегося из эволюции пиктограмм и идеограмм [35, с. 177—181]. Отметим, что ещё В. Томсен заметил, что формы некоторых рун имеют идеографический смысл [40]. Теорию Е. Д. Поливанова стал развивать А. Ж. Эмре [45]. По его мнению, руническое письмо полностью сформировалось на основе эволюции идеограмм. С. Г. Кляшторный и В. Г. Гузев выдвинули предположение, что истоки тюркской руники необходимо искать в наскальных изображениях [12]. Эту концепцию развивал целый ряд учёных: О. Прицак [36], А. Аврутина [1] и др.

К сожалению, тамговая (пиктографическая (идеографическая)) теория ещё не получила полного научного освещения. Это можно объяснить объективными факторами — отсутствием полного собрания тамги евразийских кочевников. Кроме того, нельзя объяснить происхождение тюркских рун, опираясь, например, на тамги только одной Монголии и на неполное собрание тамги Алтая. Это касается некоторых квазинаучных публикаций. Кстати, подобная назойливая бесталанная публикация появилась относительно недавно в Казахстане. Её авторы считают, что их труды — последнее и окончательное слово в рунологии. К сожалению, они не привлекли для анализа труды С. Аманжолова, О. Акчокраклы, И. Баски, В. В. Вострова и М. С. Муканова, А. Н. Гертмана, В. С. Драчука, Э. Махмута, М. Ч. Кудаева, П. И. Кеппена, П. Небольшина, В. С. Ольховского, Э. И. Соломоника, Э. Триярского, В. И. Филоненко, С. А. Яценко и др. [см. список литературы]. Мы считаем, что для полного исследования необходимо привлечь весь материал, касающийся кочевников Евразии: собрания тамги на территории излучины Яшиль Угюз (Хуанхэ), анализ материалов, найденных на севере Балкан, в Румынии, Молдове, Венгрии, в Северном Причерноморье, Крыму, Поволжье, древнетюркские тамги Монголии, Алтая,

тамги казахских жузов, тамги-знаки в южных ответвлениях Великого Шёлкового пути и на других землях. Только в этом случае тамговая (пиктографическая) теория может получить полное объективное освещение, и только тогда можно прояснить истинную специфику происхождения тюркской руники.

Попробуем заполнить пробел в этой области исторической тюркологии, привлекая упомянутые нами материалы.

Научное исследование простых (базовых) и сложных тамги и тамгообразных знаков ведётся более двух столетий. И хотя мы наблюдаем определённые успехи в этой области тюркологии, проблема и связанные с ней вопросы, напр., влияние на генезис рунического алфавита, всё ещё остаётся нерешённым. Руны, появившиеся под влиянием тамги и других древнейших первознаков, существовали параллельно с тамгами в течение длительного времени. Об этом свидетельствует достаточное количество трудов, в которых изучены, документированы и собраны тамги казахских племён старшего, среднего и младшего жузов [2; 9]. Кстати, племенные союзы, ставшие основой для образования современных тюркских этносов, возникли тысячелетия тому назад, а современные тюркские народы, как известно исторической науке, появились во второй половине XV века. Известно, что тамги являются племенными знаками: все члены одного рода имеют только одну тамгу. И это были простые (базовые) тамги. У конкретного рода, входившего в тот или иной племенной союз, тамга могла состоять из двух компонентов, один из которых был дополнительным. Тамги наносились на камнях, керамических сосудах, на оружии и на стелах. Следы тамги теряются в глубине тысячелетий. Тамги возникали, прежде всего, в целях взаимной коммуникации, для передачи информации. Например, они сообщали о путях кочёвок рода, движущегося по меридиану: с севера на юг и в обратном направлении в зависимости от смены времени года. Кроме того, они выполняли роль оберега, в них заключались силы сверхъестественных стихий (Тенгри, Умай или других древнейших сакральных представлений) [48]. Знаки-обереги защищали членов клана от несчастий, болезней, порчи и сглаза, несли в себе сакральный смысл космогонических сил. Известно, что почти во всех древнетюркских захоронениях ставились каменные надгробья, на которых высекались тамги, выполнявшие функцию оберега, но ни в коем случае они не могли быть гербами рода или какого-либо тюркского клана. Если это был простой смертный, то не высекалось имя и годы жизни, не было удостоверения личности, а отмечалась только родовая принадлежность усопшего. Иногда встречаются захоронения с двумя высеченными тамгами. Это может свидетельствовать о захоронении женщины: первая тамга — её родовая принадлежность, а вторая указывает на принадлежность рода супруга. При помощи тамги мы можем проследить пути миграции конкретного тюркского рода. Известно, что тамги предшествовали появлению письменности, и в то же время они стали основой для появления системы письма. В нашем исследовании только 32 тамги почти полностью совпали с 32 рунами древних тюрков. Остальные 10, по-видимому, были заимствованы из других алфавитных систем или были изобретены во время создания письменности независимо от других древнейших письменных систем.

В древнейшую эпоху тамги были символами в культурной жизни кочевников. Тамги обладали особой мифологической сутью. Прежде всего, тамга отражает статус и независимость конкретного рода или племенного союза. Например, каждый из 24 огузских родов и многочисленных кыпчакских племенных союзов имели свою собственную тамгу, которой отмечали ареал своего обитания в кормящем и вмещающем ландшафте. При помощи тамги они помечали внешнюю границу племени, рода или пределы тюркских государств.

Тамги могли быть простыми и сложными.

1. Простые тамги являются самыми древними базовыми знаками. Они напрямую связаны с закономерностями эволюции племени, рода. В древнейшую эпоху они являлись символом определённого тотемного животного, которое было прародителем рода. В более позднее время границы между названием тамги и этнонимом постепенно стали стираться. Например, тамга является знаком, обозначавшим шугуш (*чукуч*) — «молоток». Этой тамгой пользовались крымские татары, ак-ногайцы, кара-ногайцы, найманы, кара-кереи, киргизы, каракалпаки, башкиры, туркмены, монголы и мадьяры. Или возьмите тамгу , которая указывает на принадлежность к казахскому роду шеркеш, туркмен, киргизов и мадьяр. Она обозначает *кара юлу* и *бага*. Тамга — знак со значением *чомич*, *шомиш* («ложка», «тостаган»). Она использовалась крымскими татарами, ногайцами, некоторыми казахскими родами, башкирами, монголами и мадьярами.

2. Сложные тамги демонстрируют нам, что две и более тейпы объединились в более мощный племенной союз (например: тогуз-огузы, отуз-татары, уч-курыкане и др.). В этом случае у нас две независимые тамги, которые встречаются, например, на могильных камнях, стелах. Так, надгробья, обнаруженные в Асанчи и Омурчи (Румыния), имеют изображения двух знаков [7]. Только поэтому знаки двойные и более не являются древними, их можно объяснить при помощи разложения на более простые тамги. Кроме того, существуют относящиеся к древнейшей эпохе более сложные тамги, которые создавались благодаря политической конъюнктуре.

Это подтверждает анализ тамговых знаков Боспорского царства. Приведём одну сложную тамгу боспорского царя Савромата II [39]: .

Эта тамга состоит из трёх простых:

1. Первая — . Встречается близкая таласская руна — .

2. Вторая — . Имеется идентичная древнетюркская (по Э. Триярскому), осетинская, монгольская (по Х. Перле), крымская из Евпатории, казахская и ногайская (по В. И. Филоненко) тамги [41; 34; 42]. Кроме того, можно выделить следующую простую тамгу со значением *чомич*, *шомиш* («ложка», «тостаган»).

3. Другая сложная тамга состоит также из трёх частей. А тамга Савромата II является идентичной следующим «сарматским» знакам: (14); (15) (по Э. Соломонику).

Итак, простые тамги демонстрируют нам, какие этнические группы и племена обитали в пределах Северного Причерноморья. Тамга называется *кхалка* («круг»). Её обнаружили в Асанчи и Омурчи в Румынии. Этот знак встречается почти по всей Великой степи: у ногайцев, казахских жузов, каракалпаков, киргиз, туркмен, башкир, мадьяр, монголов, крымских татар. Итак, тамга Савромата II демонстрирует, что население Боспора было чрезвычайно пёстрым по своему этническому составу [см. подробней: 19].

Прежде чем приступить к сличению тамги и тюркских рун, рассмотрим методику исследования тамги и тамгообразных знаков.

Две тамги считаются идентичными, если, во-первых, это один и тот же знак. Ср., знак , который называется «камча» («кнут», «хлыст»). Эта тамга используется у тейпов Карасакал, а также у найманов. По-видимому, она указывает на их определённую дальнюю родственную связь. Эта же тамга употребляется ногайцами и киргизами, указывая о месте их обитания, то есть на их «первую» прародину, где эти тейпы находились в близких отношениях.

Во-вторых, если тамги имеют некоторые незначительные изменения, то эти знаки являются эквиполентными по отношению друг к другу. В некоторых случаях они могут быть зеркальным отражением, то есть полностью совпадают независимо от их положения: повёрнута тамга вправо или влево, находится в ином положении. Э. Триярский считает, что в одних случаях две тамги могут быть идентичными, а в других — эквиполентными, если созданы по принципу аналогии [41]. Это указывает на отдалённую связь с тем знаком, который указывает на общий тотем, обозначая связь с первопредком. С. Аманжолов полагает, что направление знака не имеет существенного значения, так как оно может указывать на дальние родственные связи того или иного тюркского рода [3].

Итак, две тамги можно рассматривать как эквиполентные знаки только в случае, если сопоставляемые знаки являются базовыми, то есть простыми тамгами. Например, один знак слегка повёрнут, здесь мы наблюдаем незначительные изменения. Ср.: (по Х. Перле), (из Омурчи) и (из казахского младшего жуза). Все четыре тамги обозначают почти одно и то же: *чомич* (*шомиш*) и *тостаган*, что свидетельствует о далёкой родственной связи между сравниваемыми друг с другом племенами.

В-третьих, если тамги отличаются друг от друга в некоторых деталях, малых линиях или имеют дополнительные элементы, но главный элемент остаётся идентичным, то сравниваемые племена также имеют определённую близость. Сравним две тамги: и . Первая тамга встречается у найманов, обозначая *шомиш*, а вторая тамга — у ногайцев, башкир и мадьяр (*чомич*). Эти тамги тоже указывают на отдалённые родственные отношения между сопоставляемыми родами.

Имре Баски представил квантитативный анализ тюркских племён Крыма. Например, он сравнил тамги из Евпатории, Бахчисарая, Каффы (Феодосии), Акмечита (Черноморского), Перекопа и Карасубазара (Белогорска). Такое сравнение показывает количество деревень, в которых встречаются этнические тамги: кыпчак (18), найман (12), коныpат (10), кытай (8), ойрат (6), аргын (5), мангыт (4) [7; 8]. Только одна область Северного Причерноморья показывает нам, как и в какой массе мигрировали на Запад и осваивали Крым древнейшие тюркские племенные союзы.

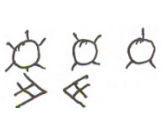
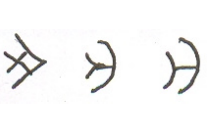
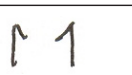
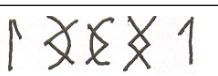
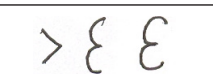
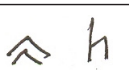
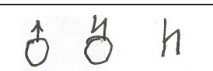
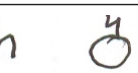
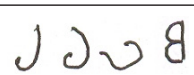
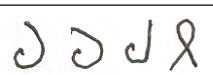
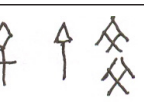
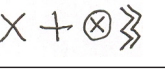
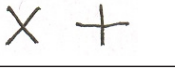
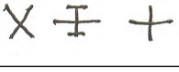
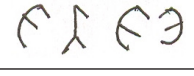
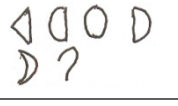
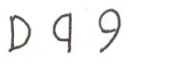
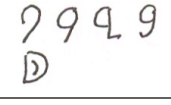
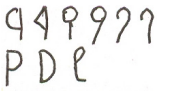
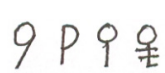
Итак, тамги представляют простейшие географические метки, в основе которых лежит пиктограмма, отражающая «иконический образ» окружающей человека действительности (орудия труда, оружие, конская сбруя, животные и птицы, контуры жилища, рельефы местности и др.). Кроме того, тюркские тейпы, подвергаясь аккультурации со стороны соседних этносов, сохраняли свои основные ценностные ориентиры, удерживали в этнической памяти свою родовую принадлежность, обозначая её при помощи идентичной тамги, фиксируя, таким образом, своё место обитания в кормящем и вмещающем ландшафте [см. подробней в нашей работе: 18, с. 85—137].

Для сличения рун и тамги мы привлекли материалы, собранные такими учёными, как С. Аманжолов, В. В. Востров, М. С. Муканов (тамги казахских жузов и огузо-кыпчакских племенных союзов); В. С. Драчук (тамги огузских племён); М. Ч. Кудаев (тамги народов Северного

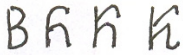
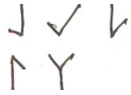
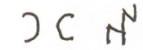
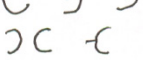
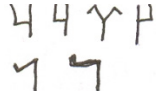
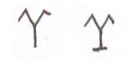
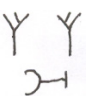
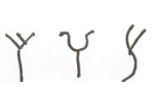
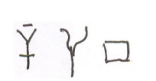
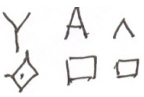
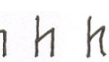
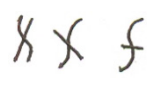
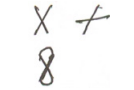
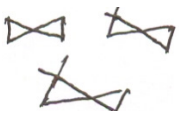
Кавказа); А. Маргулан, В. С. Ольховский (Крым); И. Баски (Румыния (Асанчи и Омурчи) и Венгрия); Ж. Сулитеану и Э. Махмут (тамги ногайцев из Добруджи); О. Акчокраклы (Крым); В. И. Филоненко (тамги из Гезлева (Евпатории)); Х. Перле, С. Аманжолов, В. И. Филоненко (тамги из Монголии, тамги ногайцев, казахов, каракалпаков, киргизов, туркмен и башкир); Э. Триярский (тамги огузских племён и знаки из Болгарии, тамги древних тюрков с северо-востока Монголии); Б. Ринчин (Монголия); Х. Охтанигов (кабардинские, абазинские и осетинские тамги); Э. И. Соломоник («сарматские» знаки из Северного Причерноморья), З. Самашев (древнетюркские тамги) и др.

Теперь, наконец, мы можем приступить к сравнительному анализу тюркских рун с тамгами.

Диахроническая таблица: Сличение древнетюркских рун с тамгами

№	Таласские руны	Енисейские руны	Орхонские руны	Значение	Тамги
1	2	3	4	5	6
1				s`	
2				m, m`	
3				q при o, u	
4				ï, i (e)	
5				o, u	
6				t	
7				b	
8				b`	
9				č, č`	
10				d` (t`)	
11				g`	
12				j	
13				j`	
14				q	
15				q при o, u	

Окончание табл.

№	Таласские руны	Енисейские руны	Орхонские руны	Значение	Тамги
16				q при ï	
17				h`	
18				k` при ő, ű	
19				l	
20				l`	
21				n	
22				ŋ, ŋ`	
23				r	
24				r`	
25				s	
26				š	
27				š`	
28				t`	
29				z, z`	
30				lt, l`t`	
31				nt, n`t`	
32				rt	

(1) Тамга | обозначается как «алип» или «косеу». Встречается у казахских племён: старшего жуза (Дулат, Канлы), младшего жуза (Байулы (Тона, Кызылкурт)). Этой тамгой метили свою территорию ногайские и огузские (Баят, Кайы, Печене, Кыныk) племена. Однако в огузских подразделениях она входила как элемент сложной тамги. Э. Триярский указывает, что эта тамга использовалась и в древнетюркское время. По-видимому, она принадлежала кыпчакским подразделениям. Имре Баски обнаружил эту простую тамгу в Гезлеве (Евпатории) и на древних кладбищах Омурчи в Румынии. Однако в Гезлеве имеется спаренная тамга || «кос косеу», которая является также принадлежностью кыпчакского племенного союза.

(2) Тамги ○ «донгелек» («кхалка») и ∞ «кос донгелек». «Донгелек» наблюдаем у племенных подразделений Дулат, «кос донгелек» — у аргынов среднего жуза казахов и у ногайцев (В. И. Филоненко). Кроме того, «донгелек» имелся у древних тюркских племён, проживавших на территории Монголии (Х. Перле, Э. Триярский). Наблюдаем также у осетинских, абазинских народов, в Асанчи и Омурчи. У осетинских этносов обнаруживаем также «кос донгелек» (Х. Яхтанигов). Тамга ⍥ у кабардинцев, абазинцев и осетин только с дополнительным элементом (Х. Яхтанигов). Эта тамга встречается в ахеменидских печатях (J. Boardman). Тамги ⍦ ⍝ ⊙ обнаружены у древнетюркских племён (Э. Триярский).

(3) и (15) Тамга ↓ «ок» встречается у рода Адай (Байулы) младшего жуза, а ↑ — у Баят огузов. Кроме того, ↑ («ок») была обнаружена в Гезлеве и в Омурчи. Сложная тамга ↥ зафиксирована в Омурчи (И. Баски).

(4) Тамга ↿ встречается у рода Афшар огузов, но она представляет собой сложную тамгу ↾. Наблюдаем этот знак в горизонтальном положении у представителя младшего жуза Жетыру, где он обозначает иконический образ «шылбыр» ⇁ у Телеу. У Керейт эта тамга слегка наклонена вправо: ⇂.

(5) Тамги > ⋀, обозначавшие «кара юлу» и «бага», широко известны среди родов казахских жузов. В подразделении Дулат — Жаныс тамга повёрнута на 45 градусов вправо >, а в подразделении Алимулы у Карасакал совпадает с тюркской руной. Эти тамги были известны туркменским племенам, они обнаружены в Асанчи и в Гезлеве, известны подобные киргизские и венгерские тамги (В. И. Филоненко), одна из них встречается в ахеменидской печати (D54) (J. Boardman, 1998).

(6) Тамга ⍰ известна среди древнетюркских племён (Э. Триярский). Тамга ⍥ встречается как осетинская тамга (Х. Яхтанигов).

(7) Тамги ⍲ и ⍼ обнаружены на каменных надгробьях в захоронениях Гезлева.

(8) Сложная тамга ⍱ («ок») встречается у огузского рода Эймур. Простая тамга ⍲ («ок») — у рода Баят огузов. А тамга ⍦ (D27) — в ахеменидской печати (J. Boardman, 1998). Считают, что тамга ⍦ является «сарматской», её обнаружили в Северном Причерноморье [39].

(9) Тамга ⍱ обозначает «принадлежность» племени Байулы (Алтыбас (Алаша)), а Э. И. Соломоник относит её к «сарматским» знакам. Сложная тамга ⍭ и знак ⍱ использовали мадьярские племена [7; 8]. Кроме того, знак ⍋ (D571) имеется в одной ахеменидской печати (J. Boadman, 1998).

(10) Тамга ✕ обнаружена у мадьярских племён (И. Баски, 1997), а Э. И. Соломоник приписывает её к «сарматским» знакам. Тамга ┼, которая приводится А. П. Окладниковым [31] — солярный символ. Такой же знак обнаружил в Монголии Х. Перле [33], а в Гезлеве на могильных камнях высечена сложная тамга ┼ (В. И. Филоненко).

(11) Тамга ⍀ обнаружена в Омурчи (Румыния).

(12) Тамга ⍕ («шомиш»; «тостаган») принадлежала племенам младшего жуза — Жетыру (Табын, Рамадан). Знак ⍕ найден также в Гезлеве. Знак ⍗ («ущербная луна») — сложная тамга и принадлежит мадьярам. Эквиполентные тамги ⍔⍕ также мадьярские (И. Баски).

(13) Тамга ⍘ — специфический знак внеплеменной группы, появившейся в VIII веке вместе с арабскими миссионерами-мусульманами, которых называли «кожа». Тамга ⍰, обозначавшая «чомич» близка по форме казахскому знаку, обозначавшему «тостаган» («шомиш»). Она зафиксирована также в Крыму и принадлежит ногайцам, казахам, башкирам, тюркоязычным племенам Монголии, а также мадьярам. Остальные знаки имеют значения, тождественные знакам рубрики (12).

(14) Тамга ⍰ — древнетюркский знак (Э. Триярский, И. Баски). Тамга ⍒ — это венгерский тамгообразный знак (И. Баски).

(16) ▽▽△ — эти тамги имели широкое распространение в Крыму. В. И. Филоненко описывает эти знаки, обнаруженные в захоронениях Гезлева XIV—XV в.в. (в карбистане). Этими тамгами пользовались представители рода Шапрашты ▽ («тумар») и подразделения Байулы (Берш) — △. Такие тамги зафиксированы у ногайских родов (С. Аманжолов, В. И. Филоненко, В. В. Востров, М. С. Муканов). Э. И. Соломоник находит аналогичные сложные тамги в Северном Причерноморье (△) и относит их к «сарматским» знакам.

(17) Тамга ⍀ из Омурчи имеет высокую частотность (зафиксировано 9 случаев употребления). Знак ⍐ фиксирует Э. Триярский и относит его к древнетюркскому периоду.

(18) Тамгу приводит китайский учёный Су Бей Хай [49, с. 426—430]. Знак фиксирует Х. Перле.

(19) Тамга имела широкое распространение в Великой степи. Найманы (баганалы) и Байулы (Алаша, Шеркеш) обозначают эту тамгу как «багана». Э. И. Соломоник относит её к «сарматским» знакам.

(20) См. комментарий к рубрике (19).

(21) Сложную тамгу приводит Х. Перле, приписывая её монгольским знакам. Э. Триярский считает, что тамги , являются древнетюркскими. Известно, что тамга у ногайских и казахских племён обозначает принадлежность (В. И. Филоненко). Знаки идентичны; Х. Яхтангинов считает их кабардинскими тамгами.

(22) Тамга «кхалка» встречалась у казахских племён Дулат, Найман, Байулы (С. Аманжолов, В. В. Востров, М. С. Муканов). Кроме того, она зафиксирована в Асанчи и Омурчи. Этой тамгой пользовались многие тюркоязычные этносы: турки, ак-ногайцы, каракалпаки, киргизы, туркмены, башкиры, венгры и некоторые монгольские племена. Тамга , по мнению Э. Триярского, является древнетюркской. Сложная тамга , по мнению Х. Перле, принадлежит монгольским племенам. Эта «кхалка» встречается в ахеменидской печати (J. Boardman, 1998).

(23) Тамга обнаружена Су бей Хай в 1994 г. [49].

(24) Тамга — древнетюркский знак (Э. Триярский). Э. Соломоник приводит идентичную указанной сложную тамгу , обнаруженную в Северном Причерноморье. Он считает её «сарматским» знаком.

(25) См. комментарий к рубрике (19).

(26) Тамги обнаружены в Гезлеве. Тамгу Э. Триярский зафиксировал в Северной Монголии и квалифицировал как древнетюркскую.

(27) См. комментарии к рубрикам (5), (19), (25), (26).

(28) См. комментарий к рубрике (14).

(29) — крымская тамга из Гезлева. Тамга использовалась у ногайских и казахских племён (В. И. Филоненко). — это древнетюркская тамга-знак (Э. Триярский).

(30) — это тамги мадьярских племён [7; 8].

(31) — эти тамги имеют широкое распространение по всей Великой степи: Асанчи, на территории младшего жуза (Байулы (Берш)), Северной Монголии (Э. Триярский, Х. Перле). В Северном Причерноморье они найдены на предметах и оружии (наконечниках копий). Э. Соломоник относит их к «сарматским» знакам.

(32) — эти сложные тамги древнетюркские (Э. Триярский), а Х. Перле считает их монгольскими.

Мы считаем, что предположения Э. Соломоника в подавляющих случаях являются ошибочными, так как тамги, которые он относит к «сарматским», обладали большой частотой использования среди тюркоязычных народов ещё в древнейшую эпоху. Точка зрения Х. Перле о монгольских тамгах противоречит компетентным мнениям историков, поскольку монголы как этническая целостность появились на исторической арене намного позже, чем древнейшие тюркоязычные этносы и сяньбийские племена. Эти древние племена имели за плечами великую тысячелетнюю традицию, о чём свидетельствуют их ранние петроглифы.

Итак, эволюцию рунического письма можно представить схематически таким образом: 1) (петроглиф) пиктограмма → 2) логограмма → 3) тамга («принадлежность») → 4) знак алфавита (руна). Мы наблюдаем четыре перехода, хотя первые два взаимосвязаны друг с другом. Именно в четвёртом переходе произошла аннигиляция семы «принадлежность», так как в знаке появилась совершенно новая фонологическая сема, появившаяся в результате семантического сдвига.

Мы считаем, что дальнейшую перспективу исследования необходимо направить на обнаружение и исследование наскальных пиктографических изображений с целью определить, какие же конкретные пиктограммы (петроглифы) стали основой для появления тамги [50]. Кроме того, необходимо определить conceptum у первознака, то есть осуществить анализ пиктограмм, ставших основой для рунического алфавита. Например, у знака , обозначающего «*шылбыр*», имеется conceptum (первосмысл): «удерживать, вести кого-либо и управлять кем-либо». У этого знака, выступающего уже в качестве тамги, появляется только одно терминологическое значение «принадлежность», закрепляемое за определённым племенем. В дальнейшей эволюции языка эта лексема, сочетаясь с другими лексемами, подверглась семантическому сдвигу. Здесь мы имеем дело с conceptus-ом (текучестью семантического субстрата): денотативное значение — «длинный повод для привязывания коня»; коннотативные значения — «наделить властью, полномочиями» (*шылбыр беру*), «протянуть руки помощи» (*шылбыр ушын беру*), «урезонить, остановить кого-либо» (*шылбырына жармасу)*, «прислуживать, угождать», буквально означает «путаться в поводьях коня» (*шылбырына оралу*).

Такое направление в исследовании тамги-знаков позволяет проследить эволюцию языка в диахроническом аспекте, что является подлинным исследованием природы древнетюркского

языка. Известно, что в этой области рунологии нередко имеет место ненаучная интерполяция. Изучение древнетюркской графики и фонологии без учёта современных достижений в области языкознания может привести исследователей к ложным выводам. Мы попытались представить в статье методологию и методику исследования, использование которых может помочь учёному избежать ошибок в изучении древнетюркской графики и фонологии.

Литература

1. *Аврутина А.* Фонологическая система языка древнетюркских рунических памятников / А. Аврутина // Российская тюркология. — М., 2004. — № 1 (9). — С. 84—97.
2. *Аманжолов А. С.* К генезису тюркских рун / А. С. Аманжолов // Вопросы языкознания. — М., 1978. — № 2. — С. 80—81.
3. *Аманжолов С. А.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка / С. А. Аманжолов. — Алма-Ата, 1959. — Ч. 1. — 380 с.
4. *Акчокраклы О.* Кырымда татар тамгалары / Осман Акчокраклы. — Бакчасарай, 1926 ; *Акчокраклы О.* Татарские тамги в Крыму / Осман Акчокраклы. — Симферополь, 1927. — 16 с.
5. *Аристов Н. Я.* Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности / Н. Я. Аристов // Живая старина. — 1896. — Вып. 3—4. — С. 277—456.
6. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М. : Советская энциклопедия, 1969. — 608 с.
7. *Баски И.* Тамги и этнические названия (вклад тамга-знаков в этногенез татар) / Имре Баски // Татарская археология. — 1997. — № 1. — С. 129—155.
8. *Baski I.* Tamgas and Names (A Contribution to the Tatar Ethnogenesis) / Imre Baski // Originea Tatarilor. — Bucuresti : Editura Kriterion, 1997. — P. 64—92.
9. *Востров В. В.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.в.) / В. В. Востров, М. С. Муканов. — Алма-Ата : Наука Каз. ССР, 1968. — 256 с.
10. *Гертман А. Н.* Знаки на кирпичах и некоторые вопросы организации древневосточного строительства (по материалам древнего Хорезма) / А. Н. Гертман // Приаралье в древности и средневековье. — М., 1998. — С. 136—150.
11. *Готьо Р.* (Gauthiot R.) Essai de grammaire Sogdienne / R. Gauthiot. — Paris, 1914—1923. — Première partie: Phonétique.
12. *Гузев В. Г.* Проблемы происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма (к столетию дешифровки) / В. Г. Гузев, С. Г. Кляшторный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. — 1993. — Сер. 2. Вып. 4 (23). — С. 57—62.
13. *Дьяконов И. М.* Письмо / И. М. Дьяконов // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 378.
14. *Donner O.* Sur l'Origine de l'Alphabet Turc du Nord de l'Asie / O. Donner // Journal de la Société Finno-Ougrienne. — Helsingfors, 1896. — Vol. XIV, 1. — P. 5—44.
15. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья : монография / В. С. Драчук. — К. : Наук. думка, 1975. — 224 с.
16. *Драчук В. С.* Дорогами тысячелетий / В. С. Драчук. — М. : Молодая гвардия, 1977. — 256 с.
17. *Mahmut E.* Nogaii dobrogenimi dialectallor / Enver Mahmut // Analele Univ. Bucuresti. — Ser. Stiint. Soc. Fil. — 1964. — XIII. — P. 319—336.
18. *Каиржанов А. К.* Млечный путь Евразии / А. К. Каиржанов. — Астана : ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва, 2004. — С. 85—137.
19. *Каиржанов А. К.* Тысячелетие вокруг Чёрного моря / А. К. Каиржанов // Вестник ф-та междунар. отн. Евразийского национального ун-та имени Л. Н. Гумилёва. — 2013. — № 4.
20. *Клоссон Г.* Происхождение тюркского рунического алфавита / Г. Клоссон // Зарубежная тюркология. — М., 1986. — С. 136—157.
21. *Кондратов А. М.* Пиктография / А. М. Кондратов // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. энцикл, 1990. — С. 374.
22. *Кудаев М. Ч.* Карачаево-Балкарская этнохореография и символика / Мухтар Чукаевич Кудаев. — Нальчик : Эльбрус, 2003. — 103 с.
23. *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа / В. Г. Кузеев. — М. : Наука, 1974. — 576 с.
24. *Кёппен П. И.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических / П. И. Кёппен. — СПб., 1837. — 412 с.
25. *Le Coq von A.* Koktürkisches aus Turfan. Manuskript-Fragmente in koktürkischen «Runen» aus Toyoq und Idiqut-Schahri (Oase von Turfan) / Albert von Le Coq // Sitzungsberichte Der Koniglich Preussischen Akademie Der Wissenschaften Zu Berlin [SPAW]. — 1909. — XI.
26. *Лившиц В. А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности / В. А. Лившиц // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. — Алма-Ата, 1980. — С. 3—13.
27. *Magyar Neprajzi Lexikon* / szerkesztő Gyula Ortutay [Венгерская этнографическая энциклопедия]. — Budapest, 1977. — № 1; 1979. — № 2; 1982. — № 5.
28. *Махмутов А.* Как возник древнетюркский алфавит / А. Махмутов // Исследования по тюркологии. — Алма-Ата, 1969. — С. 31—37.
29. *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль-тегина / П. М. Мелиоранский // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. — СПб., 1899. — Т. XII. Вып. 2—3.
30. *Müller F. W. K.* Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nordlichen mongolei / F. W. K. Müller // Sitzungsberichte Der Koniglich Preussischen Akademie Der Wissenschaften Zu Berlin [SPAW], 1909. — XXVII. — S. 726—730.

31. *Небольсин П. И.* Очерки Волжского Низовья / П. И. Небольсин // Журнал Министерства внутренних дел. — СПб., 1852. — Ч. 38. — № 4—6. — С. 35—66, 205—245, 352—391; Ч. 39. — № 7—9. — С. 42—71, 220—243, 361—386.

32. *Окладников А. П.* Петроглифы Центральной Азии / А. П. Окладников. — Л. : Наука, 1980. — 271 с.

33. *Ольховский В. С.* Тамга (к функции знака) / В. С. Ольховский // Историко-археологический альманах. — Армавир ; М., 2001. — № 7. — С. 85—86.

34. *Перле Х.* Исследование этногенеза монгольских племён путём изучения их клановых обозначений (на монг. языке). — Уланбатор, 1975.

35. *Поливанов Е. Д.* Идеографический мотив в формации орхонского алфавита / Е. Д. Поливанов // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. — Ташкент, 1925. — № 9. — С. 177—181.

36. *Pritsak O.* Turkology and the comparative study of the Altaic languages. The system of the Old Runic Script / O. Pritsak // Journal of Turkish Studies. — Harvard University, 1980. — Vol. 4. — P. 83—100.

37. *Rintchen Bi* [Ринчен Бимбаев]. Les signes de propriété chez les Mongols / Rintchen Bi // Archiv Orientalni. — 1954. — XXII. — P. 467—473.

38. *Соколов Н.* О башкирских тамгах / Н. Соколов // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. — Оренбург, 1904. — Т. XIII. — С. 83—92.

39. *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья / Э. И. Соломоник. — К. : Изд-во АН УССР, 1959. — 190 с.

40. *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon / Vilhelm Thomsen // Memoires de la Société Finno-Ougrienne. — Helsingfors, 1896. — V. — P. 5—54.

41. *Триярский Э.* [E. Tryjarski] Тамги тюркских племён из Болгарии / Э. Триярский // UAJG. — 1975. — 47. — С. 189—200.

42. *Филоненко В. И.* Тамги татарских кладбищ г. Евпатория / В. И. Филоненко. — Симферополь, 1928. — 22 с.

43. *Hansen O.* Zur soghdischen inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasum / Olaf Hansen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. — 1930. — Vol. 44 / 3. — P. 3—39.

44. *Щербак А. М.* Тюркская руника: происхождение древнейшей письменности тюрок, границы её распространения и особенности использования / А. М. Щербак ; Ин-т лингв. иссл. РАН. — СПб. : Наука, 2001. — 152 с.

45. *Emre A. C.* Sur l'origine de l'alphabet vieux-turc (dit alphabet runique de Sibérie) / Ahmet Cevat Emre. — Istanbul : Imprimérie A. Ihsan, 1938. — 24 p.

46. *Ядринцев Н. М.* Отчёт экспедиции на Орхон, совершённой в 1889 году / Н. М. Ядринцев // Сборник трудов Орхонской экспедиции. — СПб., 1892. — Вып. 1. — С. 79—81.

47. *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья / С. А. Яценко. — М. : Восточная лит. РАН, 2001. — 189 с.

48. *Бутанаев В. Я.* Бурханизм тюрков Саяно-Алтая / В. Я. Бутанаев. — Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2003. — 260 с.

49. *Су Бей Хай.* Синьцзянь яньхуа (Петроглифы Синьцзяна) / Су Бей Хай. — Урумчи, 1994 [На китайском языке].

50. *Самашев З. С.* Шаманские сюжеты петроглифов Казахстана (к изучению мировоззрения древнего населения) / З. С. Самашев // Вопросы археологии Казахстана. — Алматы ; М., 1998. — Т. 2. — С. 197—208; *Самашев З.* Древнетюркские тамги / З. Самашев, Н. Базылхан, С. Самашев. — Алматы : АО «АБДИ Компани», 2010. — 168 с.; *Рогожинский А. Е.* Удостоверительные знаки-тамги кочевников нового времени и средневековья в горных ландшафтах Семиречья, Южного и Восточного Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе / А. Е. Рогожинский. — Кемерово, 2011. — Т. 2. — С. 217—225.

References

1. *Avrutina A.* Fonologicheskaja sistema jazyka drevnetiurkskih runicheskih pamiatnikov / A. Avrutina // Rossijskaja tiurkologija. — M., 2004. — № 1 (9). — S. 84—97.

2. *Amanzholov A. S.* K genezisu tiurkskih run / A. S. Amanzholov // Voprosy jazykoznanija. — M., 1978. — № 2. — S. 80—81.

3. *Amanzholov S. A.* Voprosy dialektologii i istorii kazahskogo jazyka / S. A. Amanzholov. — Alma-Ata, 1959. — Ch. 1. — 380 s.

4. *Akchokrakly O.* Kyrymda tatar tamgalary / Osman Akchokrakly. — Bakchasaraj, 1926; Akchokrakly O. Tatarskie tamgi v Krymu / Osman Akchokrakly. — Simferopol', 1927. — 16 s.

5. *Aristov N. Ja.* Zametki ob etnicheskom sostave tiurkskih plemion i narodnostej i svedenija ob ih chislennosti / N. Ja. Aristov // Zhivaja starina. — 1896. — Vyp. 3—4. — S. 277—456.

6. *Ahmanova O. S.* Slovar' lingvisticheskih terminov / O. S. Ahmanova. — M.: Sovetskaja enciklopedija, 1969. — 608 s.

7. *Baski I.* Tamgi i etnicheskie nazvanija (vklad tamga-znakov v etnogenez tatar) / Imre Baski // Tatarskaja arheologija. — 1997. — № 1. — S. 129—155.

8. *Baski I.* Tamgas and Names (A Contribution to the Tatar Ethnogenesis) / Imre Baski // Originea Tatarilor. — Bucuresti : Editura Kriterion, 1997. — P. 64—92.

9. *Vostrov V. V.* Rodoplemennoj sostav i rasselenie kazahov (konec XIX — nachalo XX v.v.) / V. V. Vostrov, M. S. Mukanov. — Alma-Ata : Nauka Kaz. SSR, 1968. — 256 s.

10. *Gertman A. N.* Znaki na kirpichah i nekotorye voprosy organizacii drevnevostochnogo stroitel'stva (po materialam drevnego Horezma) / A. N. Gertman // Priaral'je v drevnosti i srednevekov'je. — M., 1998. — S. 136—150.

11. *Gauthiot R.* Essai de grammaire Sogdienne / R. Gauthiot. — Paris, 1914—1923. — Première partie: Phonétique.

12. *Guzev V. G.* Problemy proishozhdenija drevnetiurkskoj runiki v svete obshhej teorii pis'ma (k stoletiju deshifrovki) / V. G. Guzev, S. G. Kliashtornyj // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. — 1993. — Ser. 2. Vyp. 4 (23). — S. 57—62.

13. *D'jakonov I. M.* Pis'mo / I. M. D'jakonov // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. — M. : Sov. enciklopedija, 1990. — S. 378.
14. *Donner O.* Sur l'Origine de l'Alphabet Turc du Nord de l'Asie / O. Donner // Journal de la Société Finno-Ougrienne. — Helsingfors, 1896. — Vol. XIV, 1. — P. 5—44.
15. *Drachuk V. S.* Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ja : monografija / V. S. Drachuk. — K. : Nauk. dumka, 1975. — 224 s.
16. *Drachuk V. S.* Dorogami tysiacheletij / V. S. Drachuk. — M. : Molodaja gvardija, 1977. — 256 s.
17. *Mahmut E.* Nogaii dobrogenimi dialectallor / Enver Mahmut // Analele Univ. Bucuresti. — Ser. Stiint. Soc. Fil. — 1964. — XIII. — P. 319—336.
18. *Kairzhanov A. K.* Mlechnyj put' Evrazii / A. K. Kairzhanov. — Astana : ENU im. L. N. Gumiliova, 2004. — S. 85—137.
19. *Kairzhanov A. K.* Tysiacheletie vokrug Chiornogo moria / A. K. Kairzhanov // Vestnik f-ta mezhdunar. otn. Evrazijskogo nacional'nogo un-ta imeni L. N. Gumiliova. — 2013. — № 4.
20. *Klosson G.* Proishozhdenie tiurkskogo runicheskogo alfavita / G. Klosson // Zarubezhnaja tiurkologija. — M., 1986. — S. 136—157.
21. *Kondratov A. M.* Piktografija / A. M. Kondratov // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. — M. : Sov. encikl, 1990. — S. 374.
22. *Kudaev M. Ch.* Karachaevo-Balkarskaja etnohoreografija i simvolika / Muhtar Chukaevich Kudaev. — Nal'chik : El'brus, 2003. — 103 s.
23. *Kuzeev R. G.* Proishozhdenie bashkirskogo naroda / V. G. Kuzeev. — M. : Nauka, 1974. — 576 s.
24. *Kioppen P. I.* Krymskij sbornik. O drevnostjah Juzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskih / P. I. Kioppen. — SPb., 1837. — 412 s.
25. Le Coq von A. Koktürkisches aus Turfan. Manuskript-Fragmente in koktürkischen «Runen» aus Toyoq und Idiqut-Schahri (Oase von Turfan) / Albert von Le Coq // Sitzungsberichte Der Koniglich Preussischen Akademie Der Wissenschaften Zu Berlin [SPAW]. — 1909. — XI.
26. *Livshic V. A.* O proishozhdenii drevnetiurkskoj runicheskoj pis'mennosti / V. A. Livshic // Arheologicheskie issledovanija drevnego i srednevekovogo Kazakhstana. — Alma-Ata, 1980. — S. 3—13.
27. Magyar Neprajzi Lexikon / szerkesztő Gyula Ortutay. — Budapest, 1977. — № 1; 1979. — № 2; 1982. — № 5.
28. *Mahmutov A.* Kak voznik drevnetiurkskij alfavit / A. Mahmutov // Issledovanija po tiurkologii. — Alma-Ata, 1969. — S. 31—37.
29. *Melioranskij P. M.* Pamiatnik v chest' Kiul'-tegina / P. M. Melioranskij // Zapiski Vostochnogo otdelenija Russkogo arheologicheskogo obshhestva. — SPb., 1899. — T. XII. Vyp. 2—3.
30. *Müller F. W.* K. Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nordlichen mongolei / F. W. K. Müller // Sitzungsberichte Der Koniglich Preussischen Akademie Der Wissenschaften Zu Berlin [SPAW], 1909. — XXVII. — S. 726—730.
31. *Nebol'sin P. I.* Ocherki Volzhskogo Nizov'ja / P. I. Nebol'sin // Zhurnal Ministerstva vnutrennih del. — SPb., 1852. — Ch. 38. — № 4—6. — S. 35—66, 205—245, 352—391; Ch. 39. — № 7—9. — S. 42—71, 220—243, 361—386.
32. *Okladnikov A. P.* Petroglify Central'noj Azii / A. P. Okladnikov. — L. : Nauka, 1980. — 271 s.
33. Ol'hovskij V. S. Tamga (k funkcii znaka) / V. S. Ol'hovskij // Istoriko-arheologicheskij al'manah. — Armavir; M., 2001. — № 7. — S. 85—86.
34. *Perle H.* Issledovanie etnogeneza mongol'skih plemion putiom izuchenija ih klanovyh oboznachenij. — Ulanbator, 1975. [Na mong. jazyke].
35. *Polivanov E. D.* Ideograficheskij motiv v formacii orkhonskogo alfavita / E. D. Polivanov // Biulleten' Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta. — Tashkent, 1925. — № 9. — S. 177—181.
36. *Pritsak O.* Turkology and the comparative study of the Altaic languages. The system of the Old Runic Script / O. Pritsak // Journal of Turkish Studies. — Harvard University, 1980. — Vol. 4. — P. 83—100.
37. Rintchen Bi [Rinchen Bimbaev]. Les signes de propriété chez les Mongols / Rintchen Bi // Archiv Orientalni. — 1954. — XXII. — P. 467—473.
38. *Sokolov N.* O bashkirskih tamgah / N. Sokolov // Trudy Orenburgskoj uchionoj arhivnoj komissii. — Orenburg, 1904. — T. XIII. — S. 83—92.
39. *Solomonik E. I.* Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ja / E. I. Solomonik. — K. : Izd-vo AN USSR, 1959. — 190 s.
40. *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon / Vilhelm Thomsen // Memoires de la Société Finno-Ougrienne. — Helsingfors, 1896. — V. — P. 5—54.
41. *Tryjarski E.* Tamgi tiurkskih plemion iz Bolgarii / E. Tryjarski // UAJG. — 1975. — 47. — S. 189—200.
42. *Filonenko V. I.* Tamgi tatarskih kladbishh g. Evpatorija / V. I. Filonenko. — Simferopol', 1928. — 22 s.
43. *Hansen O.* Zur soghdischen inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasum / Olaf Hansen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. — 1930. — Vol. 44 / 3. — P. 3—39.
44. *Shherbak A. M.* Tjurkskaja runika: proishozhdenie drevnejshej pis'mennosti tiurok, granicy ejo rasprostranenija i osobennosti ispol'zovanija / A. M. Shherbak; In-t lingv. issl. RAN. — SPb. : Nauka, 2001. — 152 s.
45. *Emre A. C.* Sur l'origine de l'alphabet vieux-turs (dit alphabet runique de Sibérie) / Ahmet Cevat Emre. — Istanbul : Imprimérie A. Ihsan, 1938. — 24 p.
46. *Jadrincev N. M.* Otchjot ekspedicii na Orhon, sovershionnoj v 1889 godu / N. M. Jadrincev // Sbornik trudov Orhonskoj ekspedicii. — SPb., 1892. — Vyp. 1. — S. 79—81.
47. *Jacenko S. A.* Znaki-tamgi iranojazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ja / S. A. Jacenko. — M. : Vostochnaja lit. RAN, 2001. — 189 s.
48. *Butanaev V. Ja.* Burhanizm tiurkov Sajano-Altaja / V. Ja. Butanaev. — Abakan : Izd. Hakasskogo gos. univ. im. N. F. Katanova, 2003. — 260 s.

49. Su Bej Haj. Sin'czian' jan'hua (Petroglify Sin'cziana) / Su Bej Haj. — Urumchi, 1994 [Na kitajskom jazyke].

50. *Samashev Z. S.* Shamanskie siuzhety petroglifov Kazakhstana (k izucheniju mirovozzrenija drevnego naselenija) / Z. S. Samashev // Voprosy arheologii Kazakhstana. — Almaty — M., 1998. — T. 2. — S. 197—208; *Samashev Z.* Drevnetiurkskie tamgi / Z. Samashev, N. Bazylkhan, S. Samashev. — Almaty : AO «ABDI Kompani», 2010. — 168 s.; *Rogozhinskij A. E.* Udostoveritel'nye znaki-tamgi kochevnikov novogo vremeni i srednevekov'ja v gornyh landshaftah Semirech'ja, Juzhnogo i Vostochnogo Kazakhstana // Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshhestve / A. E. Rogozhinskij. — Kemerovo, 2011. — T. 2. — S. 217—225.

КАЇРЖАНОВ Абай Каїржанович,
доктор філологічних наук, професор Євразійського національного університету імені Л. М. Гумільова; Астана, Казахстан;
e-mail: kairzhanov@list.ru; адреса: м. Астана, вул. Мустафіна, 21/5, кв. 31

ГЕНЕЗИС ТЮРКСЬКОГО РУНІЧНОГО ПИСЬМА (на матеріалі тамги-знаків євразійських кочівників)

Анотація. У статті досліджується проблема походження прадавнього тюркського рунічного алфавіту. Автор піддає конструктивній критиці дві гіпотези походження рун: 1) фінікійсько-арамейську гіпотезу; 2) согдійську теорію утворення тюркських рун. У цій роботі обґрунтовується тамгова (піктографічна) теорія формування прадавнього тюркського рунічного алфавіту, створеного на основі тамги і тамгоподібних знаків, що належать тюркським тейпам, які мешкали у Великому степу на рубежі двох ер. Таке обґрунтування тамгової теорії стало можливим завдяки археологічним розвідкам на території кочівників Великого степу. Дослідження простих (базових) і складних тамги-знаків і тамгоподібних знаків свідчить про створення рунічного письма ще на рубежі двох ер. У цій статті вивіряються тамги-знаки з максимальною повнотою, зібрані багатьма вченими протягом двох століть майже на всій території Євразії: від великого закруту Яшіль-угюз (Велика Жовта ріка) на Сході і до земель Центральної Європи. Визначено чотири етапи еволюції рунічного письма та намічено перспективи дослідження проблеми в діахронічному аспекті, що дозволить уникнути квазінаукових узагальнень і висновків.

Ключові слова: тамга, тамгоподібний знаки, руни, акультурація, піктограма (ідеограма), іконічний образ, первосмисл, первознак, семантичний зсув.

Abai K. KAIRZHANOV,
Grand PhD in Philological Sciences, Full Professor of Eurasian L. N. Gumilev National University; Astana, Kazakhstan;
e-mail: kairzhanov@list.ru; adress: Astana, Mustafina str., 21/5, apt. 31

ORIGIN OF THE TURCIC RUNIC WRITING (on the material of the tamga-marks)

Summary. In this article the problem of origin of Old Turkic runic alphabet is studied. The author subjects to criticism two hypotheses of runes: 1) Phoenicia-Aramaic hypothesis; 2) Sogdian theory of Turkic runes' origin. In this work the tamga (pictographic) theory is proved about the formation of the Old Turkic runic alphabet that was created on the base of tamga and tamga signs belonged to Turkic teips who inhabited in the Great Steppe at the boundary of two eras. Such a justification of tamga theory becomes possible due to archeological research on the territory of nomads in the Great Steppe. Results of simple (basic) and complex tamga-signs and tamga-character signs testify about formation of runic writing on the boundary of two centuries. In this article tamga signs come up with with maximum completeness; many scientists collected information during two centuries on all over Eurasia, beginning from the Great Yellow River on East till the centurial earth in Europe. The author determines four transitions in evolution of runic writing; future research in diachronically aspects is planed and it will have an opportunity to be free from nonscientific conclusions.

Key words: tamga, tamga signs, runes, acculturation, pictogram (ideogram), icon, «grain of origin», first sign, semantic shift.

Статтю отримано 30.05.2014 р.

УДК 811.161.1'373.2'282«18»

КУР-КОНОНОВИЧ Иоланта,
кандидат филологических наук, адъюнкт кафедры русского языка Жешувского университета; Жешув, Польша;
e-mail: jolanta_malgorzata@wp.pl; тел.: +48 (17) 8721220; моб.: +48 608653934

БОГАТСТВО НАЗВАНИЙ ЯИЧНИЦ И ДРУГИХ БЛЮД ИЗ ЯИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье описываются названия яичниц и других блюд из яиц, отобранные из *Толкового словаря живого великорусского языка* В. И. Даля. Все лексемы рассматриваются с точки зрения географии их распространения, хронологии, источников заимствования, семантики и словообразовательных особенностей. Оказывается, что только пять названий принадлежит русскому литературному языку (*глазунья, дрочена, яичница, яйца вкрутую, яйца всмятку*). Все остальные слова известны только благодаря регистрации в словаре Даля. Особенно интересную группу составляют диалектные названия блюд из яиц: *верещага, вкусня, глазуха, кокольница, кокошница, кусница, насковородник, пряженица, сковородка, сковородник, сковородница, скородумка, сухарник, целуха*. Язык русских народных говоров очень богат и красочен, поскольку нашёл столько названий яичниц и других блюд из яиц. Эти названия в живом русском языке возникали за счёт: определений самого яйца (*кокольница, кокошница*); посуды, на которой готовилась или подавалась еда (*насковородник, сковородка, сковородник, сковородница*); времени, необходимого для приготовления блюда (*скородумка*); его «внешнего вида» (*глазуха, целуха*); составных элементов (*кусница, сухарник*); вкуса (*вкусня*); способа приготовления (*верещага, пряженица*). Имеются также диалектизмы, однокоренные литературному слову *яичница* (*яечня, яечница*).

Ключевые слова: названия яичниц, диалектология, русские говоры, диахрония, Словарь В. И. Даля.

Целью статьи является анализ названий яичниц и других блюд из яиц, отобранных из *Толкового словаря живого великорусского языка* В. И. Даля и рассмотренных с точки зрения географии их распространения, хронологии, источников заимствования, семантики и словообразовательных особенностей.

Как замечает О. Е. Соловьёва [15, с. 135—139], «Комната русского культурного человека — это стол, стул и Даль,» — такое выражение, бытовавшее когда-то в России, вспоминается и теперь при имени Владимира Ивановича Даля, замечательного знатока русского слова и энтузиаста-лексикографа.

Уже более ста лет *Толковый словарь живого великорусского языка* В. И. Даля привлекает пристальное внимание языковедов и любителей языка как уникальное явление в русской филологической науке и русской культуре в целом. Автор рассматривает иноязычные слова *бисквит, бульон, винегрет, паштет, пудинг, бутерброд, тартинка, марципан, сосиска* и другие, которые появились в русском языке приблизительно два с половиной столетия назад. Словарь стал своего рода зеркалом, отразившим объективные результаты процесса проникновения иноязычных лексических единиц в систему русского языка.

Много места в языковедческой научной литературе уделено названиям блюд, находящимся в словаре В. И. Даля. В лингвистическом аспекте были исследованы: хлеб и другие мучные изделия [2, с. 134—137; 5, с. 125—129; 11, с. 144—148], супы [3, с. 142—143; 7, с. 151—153; 9, с. 121—125; 14, с. 122—126; 16, с. 86—87; 17, с. 141—146; 18, с. 120—121], лакомства [86, с. 110—114], а также иные блюда [13, с. 1—23; 19]. Е. Н. Морозова и О. Зайцева, утверждая, что российские кулинарные традиции отражаются и в толковых словарях, занимаются изменениями в семантической структуре слов*: щи, борщ, окрошка, пельмень, лапша, сыр, патока* [12, с. 33—35].

Блюда времени В. И. Даля, названия которых сохранились до наших дней, в большинстве сильно изменились по составу, виду, вкусу. Сегодня мы называем теми же словами совсем другие супы: *щи* и *борщ* сейчас не варим с рыбой, *окрошку* не делаем с жареным мясом.

Важное место среди национальных блюд русской кухни принадлежит названиям яичных блюд. Указанной проблематикой в латышском языке занималась Б. Бушмане [6, с. 18—27], которая доказала, что яйца и яичные блюда имеют важное значение в связи с весенними ритуалами. Яйцо считали несущим жизнь. Оно также упоминается в народных поверьях и имеет важное значение на Пасху. В древности яйца приносили в жертву латышскому божеству света Усиню. В начале XX в. яйца в повседневной пище сельских жителей не употреблялись. Их продавали странствующим евреям. Много места посвящено названию *pantāgs*, приготовляемым из яиц, муки, молока, копчёных рёбрышек или прожаренных кусков мяса. В XIX столетии вышеуказанное блюдо обозначало то ли густой суп или соус, то ли запеканку, то ли яичницу,

© Кур-Кононович И., 2014

жареные яйца. В некоторых районах Латвии яичную запеканку ели на крестинах или брали с собой, навещая новорождённого. Блюдо из яиц готовили для свадебного стола, а жареными яйцами угощали гостей.

О русском яичном блюде *дрочена (дроченка, дроченник)* пишет Л. И. Балаханова [1, с. 144—146]. Она показывает культурно-лексические аспекты вышеупомянутого блюда, намекая, что в памятнике письменности XVI в. «Домострое» *дрочёна* выступает в значении ‘постного блюда на маковом молоке’. Словари XVIII века объясняют, что *дрочёна* — это ‘яичный пирог’ и ‘блюдо из яиц, молока, муки’. По мнению автора, название блюда восходит к глаголу *дрочить*, который в русских народных говорах имеет значение ‘надувать, взбивать’, а прилагательное *дрочёный* семантически соответствует прилагательному, известному литературному языку, — *сдобный*.

Оказывается, что *дрочёна* выступает не только в диалектологических словарях, но, начиная с XVIII века, попадает также в толковые словари. Из разговорной речи слово было вытеснено синонимами: *яичница на молоке, лепёшка, омлет, оладья (картофельная, пшеничная)*.

В. Ф. Житников [10, с. 106—109] упоминает слово *верещага,* анализируя некоторые фамилии, образованные от прозвищ, в основе которых лежат диалектные слова. Фамилия *Верещагин* широко распространена на Руси с конца XV века. Диалектное слово *вереща’га,* давшее начало прозвищу, имеет много значений: 1) в пермских, псковских, новгородских, олонецких говорах это — ‘яичница’; 2) в смоленских говорах это — ‘похлёбка с поджаренной свининой’; 3) в архангельских — ‘жареный судак’. В других говорах слово употребляется в переносных значениях: ‘болтун’, ‘плакса’, ‘хлопотливый человек’ и т. д. Слово *верещага* встречается в центральных, северных и южных говорах России. Перенос значений таков: кушанье — яичница или поджарка, «верещащая» на сковороде — человек (болтун, ворчун, плакса).

Предметом нашего описания являются девятнадцать названий блюд из яиц, заключённых в словарях, список которых смотрите в конце статьи.

В отобранном нами материале большую часть составляют диалектные слова, которыми занималась в частности Л. И. Баранникова [4, с. 137—141], уверенная в том, что язык, кроме литературного варианта и просторечия, имеет в своём составе многочисленные территориальные диалекты, отличающиеся особенностями своего фонетического, грамматического и лексического состава. Говоры, являющиеся разновидностями территориальных диалектов, всегда подвергались влиянию литературного языка. Но в прошлом это часто не получало поддержки у самих носителей говора. Иначе дело обстоит теперь.

Диалектный характер имеют следующие названия блюд из яиц: *верещага, вкусня, глазуха, кокольница, кокошница, кусница, насковородник, пряженица, сковородка, сковородник, сковородница, скородумка, сухарник, целуха.*

Вереща’га — выпускная яичница (пермское), /которая верещит, то есть шипит на сковороде/ то ли с поджаренным хлебом (сибирское), то ли со свининой (смоленское) [21, т. I, с. 180; 24, т. IV, с. 144; 29, т. I, с. 298]. Диалектное слово: пермское, сибирское. Простое, аффиксное образование. Образовано путём добавления суффикса *-ага* к глагольной (причастной) словообразовательной основе *верещ-* ‘издавать громкие звуки’. В древнерусском языке звукоподрожательное слово *верещати*[1] (= ‘звучать, кричать’) известно с 1780 года [27, т. I, с. 174; 22, т. I, с. 113; 25, т. II, с. 87—88]. Слово впервые засвидетельствовано в конце XI века (1094 г.) [26, т. III, с. 40].

Вкусня’ [*кусня’, кусни’ца*] — яичница с ломтями белого хлеба на молоке и масле [21, т. I, с. 212; 24, т. IV, с. 314]. Диалектное слово: астраханское. Простое, аффиксное образование. Образовано путём добавления суффикса *-ня* к субстантивной общеобразовательной основе *вкус-* ‘еда, питьё’. Заимствованное из старославянского языка слово *вкус* в значении ‘свойство пищи, ощущаемое во время еды’, образовано от *вкусити* (производного от *кусити* ‘пробовать’, являющегося старым заимствованием из готского языка [30, с. 74; 31, с. 85, 230]).

Глазу’ха — яичница глазунья [21, т. I, с. 354]. Диалектное слово: псковское, калужское, вятское, пермское [24, т. VI, с. 192]. Простое, безаффиксное слово. Создано вследствие расширения семантики (полисемантизации) существительного *глазуха* — ‘женщина, обладающая зорким взглядом (быстроглазая)’. Дериват: *глазушка.*

Коко’льница — яичница [21, т. II, с. 134]. Диалектное слово: тульское. Простое, аффиксное слово. Образовано путём добавления сложного суффикса *-ольница* к субстантивной общеобразовательной основе *кок-* ‘куриное яйцо’ (в детской речи). Вероятно, диалектное слово *коко* по происхождению представляет собой производное от такого же детского звукоподражательного [31, с. 204; 22, т. I, с. 369—370; 29, т. II, с. 281—282]. Оно фиксируется в русском языке с 1792 года [24, т. XIV, с. 93]; имеется также и в чешском, польском, итальянском, французском языках [20, с. 244].

[1] Сравните литовское *vẽrkti* — ‘плакать’ [22, т. I, с. 113], польское *wrzeszczeć* [31, с. 75].

Коко'шница — яичница [21, т. II, с. 134; 24, т. XIV, с. 102]. Диалектное слово: тульское. Простое, аффиксное слово. Образовано путём добавления суффикса *-ница* к субстантивной общеобразовательной основе *кокош-* 'курица-наседка'. Слово *кокошь*, засвидетельствованное в русских памятниках с XI в., является общеславянским образованием от *коко* (сравните общеславянское *kokotъ* — 'петух'; польское *kokosz, kokoszka*) [31, с. 204; 28, т. X, с. 115—116; 29, т. II, с. 283; 20, с. 244].

Кусни'ца — кусе'на; яичница с гренками, с крошеным хлебом [21, т. II, с. 225] или с кусочками булки [24, т. XVI, с. 157]. Диалектное слово: восточное. Простое, аффиксное слово. Образовано путём добавления суффикса *-ниц-а* к субстантивной общеобразовательной основе *кус-* 'кусок хлеба'. Вышеупомянутая основа *кус-* <**kąs-* имеет индоевропейский характер, а её современная форма развилась вследствие перехода в древнерусском языке носового *ą* в *у* (сравните польское *kąs-ać* с сохранением носового) [31, с. 229; 28, т. XIIIб, с. 135; 30, с. 231; 22, т. I, с. 458; 29, т. II, с. 431—132] [1].

Насково'родник — драчёна; взбитая яичница на молоке с толчёнкой [21, т. II, с. 469]; кушанье из толчёных сухарей, молока и яиц, приготовленное на сковороде [24, т. XII, с. 164]. Диалектное слово: новгородское, костромское. Простое, аффиксное слово. Образовано путём добавления суффикса *-ик* к адъективной словообразовательной основе *насковородн-* 'находящийся на сковороде'.

Пря'женица — яичница на сковороде или в латке [2] [21, т. III, с. 531]. Диалектное слово, не отмечено в словарях русского литературного языка, с неопределённой локализацией. Простое, аффиксное слово. Образовано путём добавления суффикса *-ица* к причастной словообразовательной основе *пряжен-* 'пряженый, то есть жареный в масле'.

Сковоро'дка — яичница с ветчиной, выпускная, глазунья [21, т. IV, с. 200]; яичница-глазунья с ветчиной, подаваемая на сковороде [3] [24, т. XXXVIII, с. 46]. Диалектное слово: архангельское, псковское. Простое, безаффиксное слово. Создано вследствие расширения семантики (полисемантизации) существительного *сковородка* — 'маленькая сковорода'.

Происхождение общеславянской лексемы *сковорода* неясно. Скорее всего, слово является суффиксальным производным от звукоподражательной по происхождению основы *сквар-* (сравните старославянское *скваръ* 'жар, огонь', польское *skwarzyć* 'жарить'). Сравните *шкварить, скварить* — первоначально 'трещать, шипеть (при горении)', потом 'жарить' [31, с. 412, 508]. Само слово *сковорода* восходит к такому же старославянскому и соответствует праславянскому **skovorda* [29, т. III, с. 644].

Сковоро'дник — род яичницы на молоке, омлет [21, т. IV, с. 200; 24, т. XXXVIII, с. 47]. Диалектное слово: вологодское, орловское. Простое, аффиксное слово. Образовано путём добавления суффикса *-ик* к адъективной словообразовательной основе *сковородн-* 'касающийся сковороды или находящийся на сковороде'.

Сковоро'дница — яичница [21, т. IV, с. 200; 24, т. XXXVIII, с. 47]. Диалектное слово, не отмечено в словарях русского литературного языка, с неопределённой локализацией. Простое, аффиксное слово. Образовано путём добавления суффикса *-иц-а* к адъективной словообразовательной основе *сковородн-* 'касающийся сковороды или находящийся на сковороде'.

Скороду'мка — яичница выпускная или глазунья [21, т. IV, с. 205], иногда с хлебом, ветчиной и т. п., приготовленная на скорую руку [24, т. XXXVIII, с. 97]. Диалектное слово: восточное, пермское. Простое, безаффиксное слово. Создано вследствие расширения семантики (полисемантизации) существительного *скородумка* — 'что-то запланированное и осуществлённое на скорую руку'.

Суха'рник — яичница с толчёнкой, с сухарями [21, т. IV, с. 366]. Диалектное слово: костромское. Простое, аффиксное слово. Образовано путём добавления суффикса *-ик* к адъективной словообразовательной общеславянской основе *сухарн-* 'сухарный, содержащий сухари'. Само слово *сухарный* впервые зафиксировано в русском языке в 1667 году, потому, скорее всего, *суха'рник* возник не раньше XVII века [25, т. XXIX, с. 68; 27, т. XIV, с. 1228].

Целу'ха — целу'шка; выпускная яичница, глазунья [21, т. IV, с. 577]. Диалектное слово (не отмечено в словарях русского литературного языка), с неопределённой локализацией. Простое, аффиксное слово. Образовано путём добавления суффикса *-ух-а* к адъективной словообразовательной основе *цел-* 'целый'. Общеславянская лексема *целый* (праслово) первоначально имела значение 'здоровый, невредимый', из которого выросло дальнейшее значение 'единый,

---

[1] Со временем глагол *кусити (искусити)* 'испытывать, попробовать, отведать' контаминировался с глаголом *кусать* 'зубами отделять небольшие части чего-либо' по фонетической и семантической близости 'понять, познать'.

[2] *Латка* — глиняная сковорода, плошка [21, т. II, с. 240].

[3] *Сковорода* — церковнославянское слово, обозначавшее 'кухонную посуду, для жаренья, пряженья; железную и чугунную тарелку' [21, т. IV, с. 200].

нераздельный' [22, т. II, с. 1185—1186; 30, с. 529; 29, т. IV, с. 297]. Отсюда *całować* (целовать). Во время приветствования друг друга говорили *цел* 'здоров' и мужчины в Польше прикасались друг к другу губами[1]. В XVI веке такое поведение при встрече считалось старым пережитком, но уже в XVII веке люди снова вернулись к вышеупомянутому обычаю. Такое значение поцелуя сохранилось по сегодняшний день. Известен был также распространённый на Руси обычай целовать крест во время клятвы [20, с. 55—56].

Русскому литературному языку известны следующие лексемы: *глазунья, дрочёна, яичница, яйца вкрутую, яйца всмятку.*

Глазу'нья — выпускная яичница, целу'шка, целышни'ка, скородумка [21, т. I, с. 354]. Слово известно русскому литературному языку, зафиксировано по словарю русского литературного языка уже с конца XVIII века (1790 г.) [27, т. III, с. 128—129]. Простое, безаффиксное слово. Создано вследствие расширения семантики (полисемантизации) существительного *глазунья* — 'человек с вытаращенными глазами, любящий пялить (таращить) глаза'. Образовано путём присоединения суффикса *-унья* к субстантивной общеобразовательной основе *глаз-* 'орган зрения'. Название дано по внешнему сходству вылитого желтка с глазом [31, с. 104].

Интересно, что существительное *глаз* (этимология которого общепринятого объяснения не имеет) в образном значении 'орган зрения' существует только в русском языке и фиксируется в памятниках с конца XVI — начала XVII века. Первоначальное же значение — 'шарик, кругляш' — сохраняется в польском языке *głaz* — 'валун, скала, камень' (ср. др.-р. *глазъкъ* — 'шарик'). Впоследствии слово *глаз* в русском языке вытеснило из употребления общеславянское по происхождению название *око*. Процесс вытеснения закончился в XVII веке. В украинском языке название *око* сохранилось как основное [31, с. 104; 30, с. 99; 28, т. VI, с. 117—118; 29, т. I, с. 409—410].

Дрочё'на — дрочёна, дроче'нь; род сбитой с мукой и молоком яичницы [21, т. I, с. 495; 24, т. VIII, с. 204] кушанье из запечённой смеси яиц, молока и муки или картофеля [27, т. III, с. 1127—1128]. Слово известно русскому литературному языку, зафиксировано по словарю уже с конца XVIII века (1771 г.). Простое, безаффиксное слово. Создано вследствие расширения семантики (полисемантизации) существительного *дрочёна* — 'изнеженное, избалованное дитя'.

Возможно, слово *дрочить* семантически связано с польским *droczyć się* 'дразнить друг друга' [29, т. I, с. 542; 28, т. V, с. 122—123].

Яи'чница — кушанье, блюдо из пряженых (поджаренных) на сковороде яиц (обычно куриных) [21, т. IV, с. 676; 27, т. XVII, с. 128—129]. *Яичница выпускная* готовится из яиц, сбитых с молоком, иногда с добавлением муки, сухарей, ветчины, лука; а *яичница цельная* или *глазунья, целушка, скородумка* — из яиц, выпущенных на сковороду целиком. *Ноздреватая яичница* поднимается на белках[2]. В смоленских говорах лексемы *яечня* и *яечница* являются синонимическими к слову *яичница* [23, с. 1018]. Слово известно русскому литературному языку, фиксируется в словаре с середины XVIII века (1762 г.) [27, т. XVII, с. 128—129]. Простое, аффиксное слово. Образовано путём добавления суффикса *-иц-а* к адъективной словообразовательной основе *яичн-* 'яичный'.

Я'йца вкруту'ю — яичница [21, т. IV, с. 675]. Слово известно русскому литературному языку, зафиксировано в словаре в XIX в. (1847 г.) [27, т. XVII, с. 2069]. Составное образование. Двухчленная номинация с причастной (деепричастной) атрибуцией.

Я'йца всмя'тку — яичница [21, т. IV, с. 675]. Слово известно русскому литературному языку, фиксируется с XVIII в. (1704 г.) [27, т. XVII, с. 2069]. Составное образование. Двухчленная номинация с причастной (деепричастной) атрибуцией.

Подводя **итоги**, следует отметить, что *Толковый словарь живого великорусского языка* В. И. Даля регистрирует девятнадцать названий яичниц и других блюд из яиц. В основном, все проанализированные лексемы представляют собой названия яичницы, то есть кушанья, основной (если не единственной) частью которого является полужидкое содержание яиц домашней птицы, главным образом курицы. На многообразие названий этого кушанья в значительной степени влияют его составные элементы — приправы: крошеный белый хлеб (*вкусня*), крошеные сухари *(сухарник*), гренки (*кусница*), мука (*дрочёна*), молоко с толчёнкой (*насковородник*).

В описываемой нами лексико-семантической группе трём диалектным названиям — *пряженица, сковородница* и *целуха* — Даль не даёт локализации. География остальных диалектных слов выглядит следующим образом: архангельским и псковским Даль считает слово *сковородка* в значении 'блюдо из яиц'; калужским и псковским — *глазуха*; костромским — *сухарник,* а также (ещё и новгородским) — *насковородник*; пермским и сибирским — слово *верещага*;

[1] К примеру, таким образом известный польский поэт Ян Кохановский здоровался с польским королём Стефаном Баторием.

[2] У Даля находим информацию, что готовят и шоколадную яичницу. В поморских говорах яичницей называют молочную похлебку со взбитыми яйцами, а в тверских – картофель с молоком, даже вовсе без яиц [21, т. IV, с. 676].

тульскими — *кокольница* и *кокошница*; вологодским и орловским — *сковородник*; восточным — *кусница* и (ещё и пермским) *скородумка*.

В анализируемой ЛСГ только пять слов квалифицируются как литературные. Четыре слова впервые зарегистрированы в XVIII веке (*глазунья*, *дрочёна*, *яичница*, *яйца всмятку*), одно — в XIX в. (*яйца вкрутую*). Все остальные слова известны только благодаря регистрации в словаре Даля.

Большинство слов в анализируемой ЛСГ — это простые образования, чаще всего аффиксальные. Лексемы *глазунья*, *глазуха*, *дрочёна*, *сковородка*, *скородумка* — это простые безаффиксальные образования, созданные вследствие расширения семантики (полисемантизации) соответствующих существительных. В данной тематической группе два названия представляют собой составные образования (двухчленная номинация с причастной (деепричастной) атрибуцией) /*яйца вкрутую, яйца всмятку*/.

Исконно русские слова анализируемой ЛСГ чаще всего образованы от следующих словообразовательных основ:

1) от адъективной — 6 слов: *насковородник, сковородник, сковородница, сухарник, целуха, яичница*;

2) от субстантивной — 4 слова: *вкусня, кокольница, кокошница, кусница*;

3) от глагольной — 2 слова: *верещага, пряженица*.

Среди двенадцати суффиксальных формаций по три образованы с помощью суффикса *-ик-* и *-иц-*, два — с помощью суффикса *-ниц-* и по одному разу — с помощью суффиксов: *-аг-*, *-льниц-*, *-н-* и *-ух-*.

Названия блюд из яиц в живом русском языке возникали за счёт: 1) отличных от литературных наименований яйца (*кокольница, кокошница*); 2) наименований посуды, на которой готовилась или подавалась еда (*насковородник, сковородка, сковородник, сковородница*); 3) времени, необходимого для приготовления блюда (*скородумка)*; 4) внешнего вида блюда (*глазуха, целуха*); 5) наименований компонентов (*кусница, сухарник*); 6) вкуса (*вкусня)*; 7) способа приготовления (*верещага, пряженица*). Имеются также диалектизмы, однокоренные литературному слову *яичница*: *яечня, яечница*. Диалектизм *дрочёна* вошёл в состав литературного языка.

Литература

1. *Балахонова Л. И.* Дрочёна / Л. И. Балахонова // Русская речь. — 1979. — № 5. — С. 144—146.
2. *Балахонова Л. И.* Хлеб всему голова / Л. И. Балахонова // Русская речь. — 1982. — № 4. — С. 134—137.
3. *Балахонова Л. И.* Чем вы разливаете суп / Л. И. Балахонова // Русская речь. — 1982. — № 4. — С. 142—143.
4. *Баранникова Л. И.* Русские народные говоры сегодня / Л. И. Баранникова // Русская речь. — 1975. — № 5. — С. 137—141.
5. *Брагина А. А.* Хлебные слова буханка, булка... колобок / А. А. Брагина // Русская речь. — 1983. — № 2. — С. 125—129.
6. *Бушмане Б.* Названия яичных блюд, связанных с латышскими народными традициями / Б. Бушмане // Istoriniai tekstai ir vietos kultûra. — Siauliai ; Ryga, 2004. — С. 18—27.
7. *Варбот Ж. Ж.* Заваруха, завароха, завируха / Ж. Ж. Варбот // Русская речь. — 1982. — № 2. — С. 151—153.
8. *Демьянов В. Г.* Шербет / В. Г. Демьянов // Русская речь. — 2001. — № 6. — С. 110—114.
9. *Емельченко И. Р.* Солянки, селянки... / И. Р. Емельченко // Русская речь. — 1975. — № 5. — С. 121—125.
10. *Житников В. Ф.* Диалектизмы в фамилиях / В. Ф. Житников // Русская речь. — 1992. — № 4. — С. 106—109.
11. *Мальцева И. М.* Пирожное, пирог / И. М. Мальцева // Русская речь. — 1982. — № 4. — С. 144—148.
12. *Морозова Е. Н.* Со времён Даля до наших дней (об изменениях в семантической структуре наименований блюд русской кухни) / Е. Н. Морозова, О. Зайцева. Язык — Система — Культура — Личность. — М., 2006. — С. 33—35.
13. *Невойт В. И.* Названия пищи и продуктов питания в древнерусском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — русский язык / В. И. Невойт. — К., 1986. — 23 с.
14. *Невойт В. И.* Борщевые щи / В. И. Невойт // Русская речь. — 1990. — № 4. — С. 122—126.
15. *Соловьёва О. Е.* От Даля до наших дней... / О. Е. Соловьёва // Русская речь. — 1985. — № 5. — С. 135—139.
16. *Этерлей Е. Н.* Куриная уха / Е. Н. Этерлей // Русская речь. — 1969. — № 5. — С. 86—87.
17. *Этерлей Е. Н.* Об окрошке, тюре, муре и мурцовке / Е. Н. Этерлей // Русская речь. — 1979. — № 2. — С. 141—146.
18. *Якубович Т. Д.* Уха подливка и жижа / Т. Д. Якубович // Русская речь. — 1973. — № 4. — С. 120—121.
19. *Chętnik A.* Pożywienie Kurpiów. Jadło i napoje zwykłe, obrzędowe i głodowe / A. Chętnik. — Kraków, 1936. — 134 s.

Лексикографические источники

20. *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego / Wiesław Boryś. — Kraków : Wyd. Literackie, 2005. — 861 s.
21. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М., 1955.
22. *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка : в 3 т. / А. Преображенский. — СПб., 1910—1914.
23. *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. — Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914. — 1022 с.
24. *Словарь русских народных говоров.* — М., 1965—2014. — Вып. 1—47.
25. *Словарь русского языка XI—XVII в.в.* / отв. ред. С. Г. Бархударов. — М. : Наука, 1975 — Вып. I.
26. *Словарь русского языка XVIII века* : в 18 т. / АН СССР ; Ин-т русского языка. — М. : Наука, 1978—1988.
27. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. / АН СССР ; Ин-т русского языка. — М., 1950—1965.
28. *Этимологический словарь славянских языков.* Праславянский лексический фонд : в 10 т. / под ред. О. Н. Трубачёва. — М. : Наука, 1974—1994.
29. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1986—1987.
30. *Цыганенко Г. П.* Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. — 2-е изд. — К. : Рад. школа, 1989. — 511 с.
31. *Этимологический словарь русского языка* : в 8 т. / под ред. Н. М. Шанского. — М., 1960—1980.

References

1. *Balahonova L. I.* Drochjona / L. I. Balahonova // Russkaja rech'. — 1979. — № 5. — C. 144—146.
2. *Balahonova L. I.* Khleb vsemu golova / L. I. Balakhonova // Russkaja rech'. — 1982. — № 4. — C. 134—137.
3. *Balahonova L. I.* Chem vy razlivaete sup / L. I. Balahonova // Russkaja rech'. — 1982. — № 4. — C. 142—143.
4. *Barannikova L. I.* Russkie narodnye govory segodnja / L. I. Barannikova // Russkaja rech'. — 1975. — №5. — C. 137—141.
5. *Bragina A. A.* Khlebnye slova buhanka, bulka... kolobok / A. A. Bragina // Russkaja rech'. — 1983. — № 2. — C. 125—129.
6. *Bushmane B.* Nazvanija jaichnyh bljud, svjazannyh s latyshskimi narodnymi tradicijami / B. Bushmane // Istoriniai tekstai ir vietos kultûra. — Siauliai ; Ryga, 2004. — C. 18—27.
7. *Varbot Zh. Zh.* Zavaruha, zavaroha, zaviruha / Zh. Zh. Varbot // Russkaja rech'. — 1982. — № 2. — C. 151—153.
8. *Dem'janov V. G.* Sherbet / V. G. Dem'janov // Russkaja rech'. — 2001. — № 6. — C. 110—114.
9. *Jemel'chenko I. R.* Solianki, selianki... / I. R. Jemel'chenko // Russkaja rech'. — 1975. — № 5. — C. 121—125.
10. *Zhitnikov V. F.* Dialektizmy v familijah / V. F. Zhitnikov // Russkaja rech'. — 1992. — № 4. — C. 106—109.
11. *Mal'ceva I. M.* Pirozhnoe, pirog / I. M. Mal'ceva // Russkaja rech'. — 1982. — № 4. — C. 144—148.
12. *Morozova E. N.* So vremion Dalia do nashih dnej (ob izmenenijah v semanticheskoj strukture naimenovanij bliud russkoj kuhni) / E. N. Morozova, O. Zajceva. Jazyk — Sistema — Kul'tura — Lichnost'. — M., 2006. — C. 33—35.
13. *Nevojt V. I.* Nazvanija pishhi i produktov pitanija v drevnerusskom jazyke : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 — russkij jazyk / V. I. Nevojt. — K., 1986. — 23 s.
14. *Nevojt V. I.* Borshhevye shhi / V. I. Nevojt // Russkaja rech'. — 1990. — № 4. — C. 122—126.
15. *Solov'jova O. E.* Ot Dalia do nashih dnej... / O. E. Solov'jova // Russkaja rech'. — 1985. — № 5. — C. 135—139.
16. *Eterlej E. N.* Kurinaja uha / E. N. Eterlej // Russkaja rech'. — 1969. — № 5. — C. 86—87.
17. *Eterlej E. N.* Ob okroshke, tjure, mure i murcovke / E. N. Eterlej // Russkaja rech'. — 1979. — № 2. — C. 141—146.
18. *Jakubovich T. D.* Uha podlivka i zhizha / T. D. Jakubovich // Russkaja rech'. — 1973. — № 4. — C. 120—121.
19. *Chętnik A.* Pożywienie Kurpiów. Jadło i napoje zwykłe, obrzędowe i głodowe / A. Chętnik. — Kraków, 1936. — 134 s.

Lexicographical sources

20. *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego / Wiesław Boryś. — Kraków : Wyd. Literackie, 2005. — 861 s.
21. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4 t. / V. I. Dal'. — M., 1955.
22. *Preobrazhenskij A.* Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka : v 3 t. / A. Preobrazhenskij. — SPb., 1910—1914.
23. *Dobrovol'skij V. N.* Smolenskij oblastnoj slovar' / V. N. Dobrovol'skij. — Smolensk : Tip. P. A. Silina, 1914. — 1022 s.
24. *Slovar' russkih narodnyh govorov.* — M., 1965—2014. — Vyp. 1—47.
25. *Slovar' russkogo jazyka XI—XVII v.v.* / otv. red. S. G. Barhudarov. — M. : Nauka, 1975 — Vyp. I.
26. *Slovar' russkogo jazyka XVIII veka* : v 18 t. / AN SSSR; In-t russkogo jazyka. — M. : Nauka, 1978—1988.

27. *Slovar‘ sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* / AN SSSR ; In-t russkogo jazyka : v 17 t. — M., 1950—1965.
28. *Etimologicheskij slovar‘ slavianskih jazykov*. Praslavianskij leksicheskij fond : v 10 t. / pod red. O. N. Trubachiova. — M. : Nauka, 1974—1994.
29. *Fasmer M.* Etimologicheskij slovar‘ russkogo jazyka : v 4 t. / M. Fasmer. — M. : Progress, 1986 — 1987.
30. *Cyganenko G. P.* Etimologicheskij slovar‘ russkogo jazyka / G. P. Cyganenko. — 2-e izd. — K. : Rad. shkola, 1989. — 511 s.
31. *Etimologicheskij slovar’ russkogo jazyka* : v 8 t. / pod red. N. M. Shanskogo. — M., 1960—1980.

КУР-КОНОНОВИЧ Іоланта,
кандидат філологічних наук, ад’юнкт кафедри російської мови Жешувського університету; Жешув, Польща; e-mail: jolanta_malgorzata@wp.pl; тел.: +48 (17) 8721220; моб.: +48 608653934

БАГАТСТВО НАЗВ ЯЄЧНІ ТА ІНШИХ СТРАВ З ЯЄЦЬ У РОСІЙСЬКІЙ МОВІ XIX СТОЛІТТЯ

Анотація. У статті описуються назви яєчні й інших страв з яєць, відібрані з «Тлумачного словника живої великоруської мови» В. І. Даля. Усі лексеми розглядаються з точки зору географії їх поширення, хронології, джерел запозичення, семантики і словотворчих особливостей. Виявляється, що тільки п’ять назв належить російському літературному мови (*яичница*, *дрочёна*, *глазунья*, *яйца вкрутую*, *яйца всмятку*). Усі інші слова відомі тільки завдяки фіксації у словнику Даля. Особливо цікаву групу складають діалектні назви страв з яєць: *верещага*, *вкусня*, *глазуха*, *кокольница*, *кокошница*, *кусница*, *насковородник*, *пряженица*, *сковородка*, *сковородник*, *сковородница*, *скородумка*, *сухарник*, *целуха*. Мова російських народних говорів дуже багата й барвиста, вона містить багато назв яєчні й інших страв з яєць. Ці назви у живій російській мові виникали за рахунок: визначень самого яйця (*кокольница*, *ccurrenc*); посуду, в якому готувалася або подавалася їжа (*насковородник*, *сковородка*, *сковородник*, *сковородница*); часу, необхідного для приготування страви (*ccurrence*); її «зовнішнього вигляду» (*ccurre*, *целуха*); складових елементів (*кусница*, *сухарник*); смаку (*вкусня*); способу приготування (*верещага*, *пряженица*). Є також діалектизми, що мають однаковий корінь з літературним словом *яичница* (*яечня*, *яечница*).
Ключові слова: назви яєчні, діалектологія, російські говірки, діахронія, словник В. І. Даля.

Jolanta KUR-KONONOWICZ,
Doctor of Philological Sciences (Ph.D.) in Linguistics, Assistant Professor of Russian Studies Department of Rzeszów University; Rzeszów, Poland;
e-mail: jolanta_malgorzata@wp.pl; tel.: +48(17)8721220; mob.: +48 608653934

VARIETY OF THE NAMES OF CRAMBLED EGGS AND OTHER DISHES MADE FROM EGGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE 19TH CENTURY

Summary. In this article the names of crambled eggs and other dishes made from eggs, which were found in the V. I. Dahl’s Dictionary *«Tolkovyj slovar’ zhivogo velikorusskogo jazyka»* are described. All the lexemes are discussed from the point of view of geography and its spreading, chronology, sources of the borrowing, semantics and derivation. It turns out to be that only five names belong to the Russian literary language (*glazun’ja, drochiona, jaichnica, jajca vkrutuju, jajca vsmiatku*). All the remaining words are known only thanks to the registration in the V. I. Dahl‘s Dictionary. The most interesting group constitute the dialectal names of dishes from eggs: *vereshchaga, vkusnia, glazukha, kolokol’nica, kokoshnica, kusnica, naskovorodnik, priazhenica, skovorodka, skovorodnik, skovorodnica, skorodumka, sukharnik, celukha*. They came into being in the live Russian language at the cost of: the names of egg itself (*kolokol’nica, kokoshnica*); the vessel on which the dish was prepared or served (*naskovorodnik, skovorodka, skovorodnik, skovorodnica*); the time needed to prepare the dish (*skorodumka*); its look (*glazukha, celukha*); the ingredients (*kusnica, sukharnik*); its taste (*vkusnia)*; and the way of its prepearing (*vereshchaga, priazhenica*). The language of Russian dialects is exceptionally rich and beautiful because it has so many terms for crambled eggs and dishes form eggs. Even for the literary crumbed eggs in the dialects we can found synonymous terms (*jajechnia, jajechnica*).
Key words: names of the crambled eggs, dialectology, Russian dialects, diachrony, V. I. Dahl Dictionary.

Статтю отримано 20.08.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.161.1’282’373.6

ПЕДЧЕНКО Людмила Вадимовна,
кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка филологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; Харьков, Украина;
e-mail: pedchenko@vk.kh.ua; тел.: +38(057)7075357; моб.: +38 050 4026717

ЭТИМОЛОГИЯ СЛАВЯНСКОГО *DЪŽDŽЬ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ НОМИНАЦИИ

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать «проблематичную», по мнению О. Н. Трубачёва, этимологию славянского *dъždžь с точки зрения формально-семантической типологии. Анализ когнитивной мотивированности большой группы русских диалектных наименований дождя позволил выявить наиболее продуктивные для данной семантической сферы номинационные модели и послужил основанием для определения степени достоверности различных версий этимологии слав. *dъždžь. Так, было установлено, что наиболее характерным для данной группы номинаций является пропозитивно-диктумный тип мотивации, при котором актуализируются преимущественно акциональные признаки. В этом контексте предположение О. Н. Трубачёва о том, что слав. ***dъždžь*** этимологизируется как «лить определённым образом», представляется вполне обоснованным с типологической точки зрения, поскольку большинство акциональных мотиваторов (***лить, плыть, моросить, мжить***) имплицитно включают в свою семантическую структуру семы «вода» и «перемещаться, двигаться». Достаточно продуктивной, по нашим наблюдениям, является и номинционная модель «мельчайшие частицы чего-л.» > «дождь», которая реализуется посредством ряда однотипных образов-мотиваторов: пыль, зола, мука. Данная типологическая параллель позволяет признать вероятной и гипотезу М. Фасмера и П. Я. Черных, согласно которой слав. ***dъždžь*** восходит к и.-е. базе ****dheus: *dhu̯ĕs: *dhu̯s*** — «рассеиваться (в воздухе)», «пылить», «распыляться», «дождить», «носиться вихрем». В то же время практически полное отсутствие модусного типа когнитивной мотивации с актуализацией общей оценки («хороший» — «плохой») в исследуемой семантической группе позволило прийти к выводу, что этимология А. Вайана и Н. Трубецкого, которые возводят слав. ****dъždžь*** к ****dus-dius*** «облачное небо; плохая погода», является маловероятной.

Ключевые слова: этимология, мотивированность, ономасиология, диалектная номинация, номинационная модель.

Происхождение слав. ****dъždžь***, к которому восходит рус. ***дождь***, до настоящего времени остаётся неясным.

По мнению М. Фасмера, эта лексема, вероятно, родственна норвежскому ***dusk-regn***, шведскому ***regn-dusk*** «мелкий дождь», баварскому ***dusel*** «изморось», норвежскому ***dysja «***моросить, струиться» или древне-исландскому ***dust*** (ср. русск. «пыль»), средне-нижне-немецкому ***dust*** [21, т. 1, с. 522]. Эту же версию поддерживает и П. Я. Черных, возводящий данные номинации к и.-е. базе ****dheus: *dhu̯ĕs: *dhu̯s*** — «рассеиваться (в воздухе)», «пылить», «распыляться», «дождить», «носиться вихрем» [22, т. 1, с. 259].

Другая, «остроумная», по определению М. Фасмера, этимология, принадлежащая А. Вайану и Н. Трубецкому, выводит слав. ****dъždžь*** из ****dus-dius*** «облачное небо; плохая погода» и сравнивает с др.-инд. ****dus-*** «дурно, плохо», авест. ***duš-***, греч. **δυσ-**, гот. **tuz-** (tuzwērjan «сомневаться»), д.-в.-н. ***zur-*** (zurlust ж. «неохота, отвращение»), а второй слог от ****dъždь*** — с др.-инд. ***dyu-*** «небо», ***dyumā́n*** «ясно, светло», ***dyáus*** «небо, день», ***durdivasas, durdinam*** «пасмурный, дождливый день, дождливая погода», авест. ***dyav-*** м. «небо», греч. ***dus*** «тихий, ясный», «ясная погода» [21, т. 1, с. 522]. По мнению О. Н. Трубачёва, эта гипотеза «не может считаться вполне вероятной». «Дело даже не в том, что земледелец так не назовет благословенный для него дождь, табуистическое использование «плохих» слов как названий для желанных предметов и явлений тоже известно; дело в том, что нам собственно говоря, **неизвестны** древние названия дождя как «плохой погоды», а это уже момент типологии» [23, т. 5, с. 196].

О. Н. Трубачёв отмечает, что в разных языках наблюдается родство значений «дождь» и «лить», «мокрый», «вода». Славянское новообразование ****dъždžь*** могло явиться реализацией одной из этих семантических моделей, что-нибудь вроде «лить определённым образом», ср. русск. *моросить*, *изморось* [23, т. 5, с. 196]. О. Н. Трубачёв предлагает и иную гипотезу: «Несколько двусмысленная группа ***ždž*** в ****dъždžь*** может продолжать результат смягчения не только ***zd, s-d*** (как предполагается для этимологии из ****dus-dius***), но, скорее всего, первонач. ***zg***, т.е. ****dъždžь <*dъzg- < *duzg-***, ср. лит. ***duzgėti***, ***duzgénti*** «шуметь». При этом не исключается звукоподражательная природа ****dъždžь***» [23, т. 5, с. 196].

Неоднозначность этимологической интерпретации исследуемой лексемы обусловливает необходимость обращения к типологическим ономасиологическим параллелям. Как известно, характер мотивации лексем той или иной семантической группы не является случайным, хаотичным.

 © Педченко Л. В., 2014

«Разброс в выборе признаков может быть достаточно велик, но никогда, по-видимому, не выходит за пределы определенного семантического ряда. Свобода выбора признака («случайность»), таким образом, ограничена» [19, т. с. 61]. Каждая семантическая группа характеризуется определённым набором номинационных моделей, среди которых различаются более или менее продуктивные. При этом, несмотря на варьирование конкретных мотивировочных признаков и производящих основ, когнитивные основания номинации, определяющие базовые словообразовательные модели, демонстрируют значительную устойчивость. В этой связи ономасиологический анализ наименований дождя в современных славянских языках и их диалектах, позволяющий выявить наиболее характерные для данной семантической группы номинационные модели, может быть одним из оснований для установления этимологии лексемы ***dъždžь***.

В настоящей статье рассматриваются русские диалектные наименования дождя. Выбор диалектного материала в качестве объекта исследования обусловлен тем, что диалектная речь, не скованная жёсткими рамками кодификации, наиболее репрезентативна в аспекте реализации номинационных моделей. Предметом исследования является когнитивная мотивированность изучаемых лексем. Цель настоящего исследования состоит в выявлении наиболее характерных для русских диалектных наименований дождя типов когнитивной мотивированности и оценке в этом контексте степени достоверности различных гипотез этимологии слав. ****dъždžь***.

Общие названия дождя в говорах русского языка, как и в литературном языке, немногочисленны и представлены, как правило, непроизводными (с синхронной точки зрения) номинациями, номинациями с утраченной внутренней формой, например, ***сярбятня*** «дождь» *Заонеж.* [2, с. 67]. В то же время в диалектах имеется большая группа мотивированных имён, детализирующих это понятие. Номинации могут указывать на силу дождя, его длительность, направление, действие, оказываемое дождём и его прагматическую ценность, приуроченность к определённому времени года, сопровождающие дождь осадки, ветер или другие атмосферные явления.

Круг мотивировочных признаков, актуализированных в производных номинациях дождя, достаточно широк.

В рамках **пропозитивно-диктумного** типа когнитивной мотивации, который основывается на «высвечивании в процессе внутреннего программирования реальных истинностных знаний об объекте, вербализованных знаками в прямых значениях и составляющих диктум пропозиции» [14, с. 163], продуктивны акциональные, предметно-характеризующие и качественно-характеризующие мотивировочные признаки.

Номинативные модели с акциональным типом мотивировочного признака формируются на базе глагольных мотиваторов:

— ***лить*** и его префиксальных дериватов: ***заливень*** *Пск., Твер., Арх.*, [17, т. 10, с. 206; 7, с. 58]; ***заливень*** *Новг., Волог., Пск., Смол.* [7, с. 58]; ***левень*** [16, т. 2, 87; 13, с. 82; 18, т. 2, с. 126]; ***леи*** *Вят.* [5, т. 2, с. 256]; ***ливник*** *Пск.* [5, т. 2, с. 256]; ***лея*** *Сиб.* [4, с. 187]; ***ливун*** *Колым.* [1, с. 76]; ***литва*** *Влад.* [17, т. 17, с. 17]; ***наливка*** *Арх.* [13, с. 97; 12, с. 122; 5, т. 2, с. 434]; ***налой*** *Новг.* [5, т. 2, с. 435]; ***полевень*** *Смол.* [6, с. 651]; ***полива*** *Арх.* [5, т. 3, с. 260; 12, с. 167]; ***пролитьё*** *Моск.* [8, с. 423] «сильный дождь»; ***полива*** *Яросл.* [17, т. 29, с. 68] «длительный, затяжной дождь»;

— ***плыть, плавать***: ***плывень*** *Пск., Твер.* [5, т. 3, с. 118; 7, с. 183]; ***поплавень*** *Твер.*, ***поплавня*** *Пск.* [17, т. 29, с. 318] «ливень»;

— ***моросить***: ***морозга*** *Арх.* [12, с. 116]; ***моросейка*** *Твер.* [17, т. 18, с. 274]; ***моросуха*** *Олон.* [10, с. 56]; ***морос*** [5, т. 2, с. 348]; ***морось*** [5, т. 2, с. 348]; ***морох*** *Яросл.* [5, т. 2, с. 348; 11, с. 133]; ***мороха*** *Костр.* [5, т. 2, с. 348]; ***оммморось*** *Яросл.* [11, с. 133]; ***паморозь, паморось*** *Влд.* [5, т. 3, с. 14] «мелкий моросящий дождь»;

— ***мжить*** «моросить»***: имжа*** *Смол.* [6, с. 298]; ***мжица, мжичка*** *Кал., Вят.* [5, т. 2, с. 324]; ***мга*** *Кал., Вят.* [5, т. 2, с. 324] «мелкий моросящий дождь»;

— ***сеять***: ***севень*** *Твер.* [5, т. 4, с. 378]; ***подсевок*** *Твер., Пск.* [17, т. 28, с. 176]; ***подсеек, подсей, подсевень*** без указ. места [5, т. 3, с. 208] «мелкий моросящий дождь»;

— ***обложить, обкладывать: обкладень*** *Орл.* [15, с. 81]; ***обложник*** *Арх.* [17, т. 22, с. 106]; ***окладник*** *Арх.* [17, т. 23, с. 121] «длительный, затяжной дождь»;

— ***перелететь: перелетка*** *Пск.* [9] «кратковременный дождь»;

— ***перевалить: перевалка*** *Свердл., Курган.* [17, т. 26, с. 41] «кратковременный дождь»;

— ***парить: парун*** «теплый дождь» *Арх.* [17, т. 25, с. 244]; ***припарок*** «грибной дождь» *Орл.* [15, с. 83];

— ***падать: водопад*** *Орл.* [15, с. 69; 8, с. 62] «сильный дождь»;

— ***гноить: погной*** *Арх.* [17, т. 27, с. 295]; ***сеногной*** *Олон.* [10, с. 117]; *Влад., Поволж., Ладог.-Тихв.* [9] «мелкий продолжительный дождь во время сенокоса»; ***листогной*** «осенний мелкий дождь» *Иркут.* [17, т. 17, с. 67];

— ***пугать***: ***пугач*** *Орл.* [15, с. 84] «кратковременный дождь»;

— ***хлестать***: ***косохлест*** «сильный дождь, идущий наклонно» *Орл.* [15, с. 76];

— ***сечь***: ***сечка*** *Орл.* [15, с. 85] «мелкий дождь, сопровождаемый сильным, резким ветром».

В номинативных моделях с предметно-характеризующим признаком актуализируются либо атмосферные явления, сопровождающие дождь: гром (***громовик*** «дождь, сопровождаемый громом» *Орл.* [15, с. 70]) и снег (***снежница*** «дождь со снегом» *Пск.*) [9], либо прагматическая ценность дождя: ***грибник*** «мелкий моросящий дождь» [3, с. 129], ***грибовник*** «теплый грибной дождь» *Костром.* [17, т. 7, с. 141]; ***обабочник*** «т.ж.» *Арх.* [17, т. 21, с. 341]; ***огуречник*** Орл. «тёплый дождь» [15, с. 82].

Качественно-характеризующие мотивировочные признаки в исследуемой семантической группе непродуктивны: ***мелкаш*** «мелкий моросящий дождь» *Арх.* [20, с. 114], ***косохлест*** «сильный дождь, идущий наклонно» *Орл.* [15, с. 76]. Одиночны также лексемы, мотивированные темпоральным признаком: ***весенник*** «весенний дождь» *Брян.* [17, т. 4, с. 182].

Ассоциативно-терминальная (метафорическая) когнитивная мотивация, которая «характеризуется селекцией мотиватора производного наименования на базе ассоциирования с диктумной частью когнитивной модели других концептов» [14, с. 172], в группе русских диалектных наименований дождя представлена ограниченным кругом образов-мотиваторов. Наиболее продуктивен мотиватор ***сито***: ***ситега*** *Олон.* [10, с. 106]; ***ситивень, ситник, ситный дождь, ситовник, ситуха*** *Сев.* [5, 4, с. 189]; ***ситоха*** Олон. [10, с. 106]; ***ситуга, ситуха*** *Арх.* [13, с. 157]; ***ситяга*** *Олон.*, ***ситуха*** *Арх.* [12, с. 203] «мелкий моросящий дождь». Метафорическая модель лежит и в основе образования лексемы ***золица*** «т. ж.» [16, т. 1, с. 195], мотивированной лексемой ***зола***. Подобные образы лежат в основе семантической мотивации лексемы ***мучник*** «мелкий моросящий дождь» *Влад.-Поволжск.* [9], а также номинации ***бус*** «т. ж.» *Олон.*, *Урал.* [12, с. 18; 10, с. 12; 16, т. 1, с. 61], заимствованной из коми ***bus*** «пыль, порошок» [21, т. 1, с. 250].

Мотивация отдельных метафорических наименований указывает на ассоциирование дождя с действиями, характеризующими живых существ:

— моргать: ***моргасинница*** *Пск.*, *Твер.* [5, т. 2, с. 345] «мелкий моросящий дождь»;

— пыхтеть: ***пыхтун*** [8, с. 431] «мелкий моросящий дождь».

Модусный тип когнитивной мотивации наименований дождя, при котором «мотиватором концепта становится его эмоционально-оценочное восприятие» [14, с. 169], представлен исключительно формами субъективной оценки, образованными суффиксальным путём с актуализацией квантитативно-оценочного мотивировочного признака. Лексемы ***дожжака*** *Ворон.* [17, т. 8, с. 92], ***дожжевина*** *Орл.* [15, с. 71] «сильный дождь», ***дожжовье*** «длительный, затяжной дождь» *Арх.* [17, т. 8, с. 92]; ***дождёк*** *Курск.*, *Ворон.*, *Калуж.*, *Терск.*, *Куйбыш.*, ***дождец*** *Пск.*, *Смол.* [17, т. 8, с. 91—92] «небольшой, слабый дождь»; ***бусенец*** *Волог.*, *Перм.*, *Вят.* [17, т. 3, с. 303]; ***бусенок, бусёнчик, бусовик, бусовичок*** [16, т. 1, с. 62]; ***ситничек*** *Сев.* [5, т. 4, с. 189] «мелкий моросящий дождь» и др. характеризуют степень интенсивности или длительности дождя.

Номинаций, внутренняя форма которых отражала бы общую оценку (положительную или отрицательную), в исследуемой семантической группе нами выявлено не было.

Таким образом, анализ когнитивной мотивированности русских диалектных наименований дождя показывает, что наиболее продуктивным для данной группы лексем является пропозитивно-диктумный тип мотивации, при котором актуализируются преимущественно акциональные признаки. В этом контексте предположение О. Н. Трубачёва о том, что слав. ***dъždžь*** этимологизируется как «лить определённым образом», представляется вполне обоснованным с типологической точки зрения, поскольку большинство акциональных мотиваторов (***лить, плыть, моросить, мжить***) имплицитно включают в свою семантическую структуру семы «вода» и «перемещаться, двигаться».

Вероятной можно признать и гипотезу М. Фасмера и П. Я. Черных, согласно которой слав. ***dъždžь*** восходит к и.-е. базе ****dheus: *dhu̯ĕs: *dhu̯s*** — «рассеиваться (в воздухе)», «пылить», «распыляться», «дождить», «носиться вихрем». По нашим наблюдениям, номинативная модель «мельчайшие частицы чего-л.» > «дождь» является достаточно продуктивной и реализуется посредством целого ряда однотипных образов-мотиваторов: пыль, зола, мука.

Этимология А. Вайана и Н. Трубецкого, которые выводят слав. ****dъždžь*** из ****dus-dius*** «облачное небо; плохая погода», в контексте проведённого нами исследования представляется маловероятной, поскольку модусный тип когнитивной мотивации с актуализацией общей оценки («хороший» — «плохой») для наименований дождя нехарактерен.

Расширение фактологической базы исследования с привлечением данных других славянских языков и их диалектов позволит уточнить сделанные нами выводы.

Литература

1. *Богораз В. Г.* Областной словарь колымского русского наречия / В. Г. Богораз // Сборник ОРЯС. — СПб., 1901. — Т. 68. № 4. — С. 19—163.

2. *Горячева Т. В.* Этимологические заметки / Т. В. Горячева // Этимология 1985 : сб. научных статей / Ин-т русского языка АН СССР ; отв. ред. О. Н. Трубачёв. — М. : Наука, 1988. — С. 62—71.
3. *Горячева Т. В.* Материалы к изучению русской народной метеорологической терминологии / Т. В. Горячева // Этимология. 1972 : сб. научн. статей. — М. : Наука, 1974. — С. 129—135.
4. *Гриб Р. Т.* Хрестоматия по старожильческим говорам центральной и западной Сибири : учеб. пособие / Р. Т. Гриб. — Красноярск, 1967. — 206 с.
5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Русский язык, 1989—1991.
6. *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. — Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914. — 1022 с.
7. *Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря»*. — СПб. : Тип. ИАН, 1858. — 326 с.
8. *Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья / А. Ф. Иванова. — М. : Изд-во Моск. обл. пед. ин-та, 1969. — 598 с.
9. *Кондратенко М. М.* Лексика народной метеорологии в славянских языках : дис. ... канд. филол. наук / М. М. Кондратенко — М., 1995. — 269 с.
10. *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Г. Куликовский. — СПб., 1898. — 150 с.
11. *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956) / Г. Г. Мельниченко ; ЯГПИ имени К. Д. Ушинского. — Ярославль, 1961. — 223 с.
12. *Опыт областного великорусского словаря*. — СПб., 1852. — 275 с.
13. *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. О. Подвысоцкий. — СПб., 1885. — 198 с.
14. *Селиванова Е. А.* Когнитивная ономасиология : [монография] / Е. А. Селиванова. — К. : Изд-во украинского фитосоциоцентра, 2000. — 248 с.
15. *Словарь метеорологической лексики орловских говоров*. — Орёл, 1996. — 104 с.
16. *Словарь русских говоров Среднего Урала*. — Т. 1—7. — Свердловск, 1964—1988.
17. *Словарь русских народных говоров*. — Л. : Наука, 1965—2010. — Вып. 1—43.
18. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби*. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964. — Т. 1—3.
19. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Академический проект, 2001. — 990 с.
20. *Усачёва В. В.* Некоторые данные о лексическом составе двух говоров Архангельской области / В. В. Усачёва // Славянская лексикография и лексикология. — М. : Наука, 1966. — С. 106—126.
21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1987.
22. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. — М. : Русский язык, 2002.
23. *Этимологический словарь славянских языков*. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва. — М. : Наука, 1974—2010. — Вып. 1—36.

References

1. *Bogoraz V. G.* Oblastnoj slovar' kolymskogo russkogo narechiya / V. G. Bogoraz // Sb. ORIaS. — SPb. : Tip. IAN, 1901. — T. 68. — № 4. — S. 19—163.
2. *Goriacheva T. V.* Etimologicheskie zametki / T. V. Goriacheva // Etimologija 1985 : sb. nauchn. statej / In-t russkogo jazyka AN SSSR ; otv. red. O. N. Trubachev. — M. : Nauka, 1988. — S. 62—71.
3. *Goriacheva T. V.* Materialy k izucheniju russkoj narodnoj meteorologicheskoj terminologii / T. V. Goriacheva // Etimologija. 1972 : sb. nauchn. statej. — M. : Nauka, 1974. — S. 129—135.
4. *Grib R. T.* Khrestomatija po starozhil'cheskim govoram tsentral'noj i zapadnoj Sibiri : ucheb. posobie / R. T. Grib. — Krasnoyarsk, 1967. — 206 s.
5. *Dahl' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4 t. / V. I. Dahl. — M. : Russkij jazyk, 1989—1991.
6. *Dobrovol'skij V. N.* Smolenskij oblastnoj slovar' / V. N. Dobrovol'skij. — Smolensk : Tip. P. A. Silina, 1914. — 1022 s.
7. *Dopolnenie k «Opytu oblastnogo velikorusskogo slovaria»*. — SPb. : Tip. IAN, 1858. — 326 s.
8. *Ivanova A. F.* Slovar' govorov Podmoskov'ya / A. F. Ivanova. — M. : Izd-vo Mosk. obl. ped. in-ta, 1969. — 598 s.
9. *Kondratenko M. M.* Leksika narodnoj meteorologii v slavianskikh jazykakh : diss. ... kand. filol. nauk / M. M. Kondratenko — M., 1995. — 269 s.
10. *Kulikovskij G.* Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii / G. Kulikovskij. — SPb., 1898. — 150 s.
11. *Mel'nichenko G. G.* Kratkij yaroslavskij oblastnoj slovar', ob'edinyayushhij materialy ranee sostavlennykh slovarej (1820—1956) / G. G. Mel'nichenko ; JaGPI imeni K. D. Ushinskogo. — Jaroslavl', 1961. — 223 s.
12. *Opyt oblastnogo velikorusskogo slovaria*. — S-Pb., 1852. — 275 s.
13. *Podvysotskij A. O.* Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechija v ego bytovom i etnograficheskom primenenii / A. O. Podvysotskij. — SPb., 1885. — 198 s.
14. *Selivanova E. A.* Kognitivnaya onomasiologiya (monografija) / E. A. Selivanova. — K. : Izd-vo ukrainskogo fitosotsiotsentra, 2000. — 248 s.
15. *Slovar' meteorologicheskoj leksiki orlovskikh govorov*. — Orel, 1996. — 104 s.
16. *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala*. — T. 1—7. — Sverdlovsk, 1964—1988.
17. *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. — L.: Nauka, 1965—2010. — Vyp. 1—43.

18. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov srednej chasti bassejna r. Obi.* — Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1964. — T. 1—3.
19. *Stepanov Ju. S.* Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury / Ju. S. Stepanov. — 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Akademicheskij proekt, 2001. — 990 s.
20. *Usacheva V. V.* Nekotorye dannye o leksicheskom sostave dvukh govorov Arkhangel'skoj oblasti / V. V. Usacheva // Slavianskaja leksikografija i leksikologija. — M. : Nauka, 1966. — S. 106—126.
21. *Fasmer M.* Etimologicheskij slovar' russkogo azyka : v 4 t. / M. Fasmer. — M. : Progress, 1987.
22. *Chernykh P. Ja.* Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka : v 2 t. / P. Ja. Chernykh. — M. : Russkij jazyk, 2002.
23. *Etimologicheskij slovar' slavianskikh jazykov.* Praslavianskij leksicheskij fond / pod red. O. N. Trubacheva. — M. : Nauka, 1974—2010. — Vyp. 1—36.

ПЕДЧЕНКО Людмила Вадимівна,
кандидат філологічних наук, завідувачка кафедри російської мови філологічного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна; Харків, Україна;
e-mail: pedchenko@vk.kh.ua; тел.: +38 (057) 7075357; моб.: + 38-050 4026717

ЕТИМОЛОГІЯ СЛОВ'ЯНСЬКОГО **DЪŽDŽЬ* У КОНТЕКСТІ РОСІЙСЬКОЇ ДІАЛЕКТНОЇ НОМІНАЦІЇ

Анотація. У статті робиться спроба проаналізувати «проблематичну», на думку О. М. Трубачова, етимологію слов'янського **dъždžь* з точки зору формально-семантичної типології. Аналіз когнітивної вмотивованості великої групи російських діалектних найменувань дощу дозволив виявити найбільш продуктивні для даної семантичної сфери номінаційні моделі й послужив підставою для визначення ступеня достовірності різних версій етимології слов'янського **dъždžь*. Так, у статті встановлено, що найбільш характерним для даної групи номінацій є пропозитивно-диктумний тип мотивації, при якому актуалізуються переважно акціональні ознаки. У цьому контексті припущення О. М. Трубачова про те, що слов. **dъždžь* етимологізується як «лити певним чином», видається цілком обґрунтованим з типологічної точки зору, оскільки більшість акціональних мотиваторів (*лити, плисти, моросити, мжити*) імпліцитно включають у свою семантичну структуру семи «вода» і «рухатися». Досить продуктивною є і номінаційна модель «найдрібніші частинки чого-н.» > «дощ», яка реалізується за допомогою ряду однотипних образів-мотиваторів: пил, зола, мука. Дана типологічна паралель дозволяє визнати вірогідною і гіпотезу М. Фасмера та П. Я. Черних, згідно з якою слов. **dъždžь* походить від і.-є. бази **dheus: *dhu̯ěs: *dhu̯s* — «розсіюватися (в повітрі)», «порошити», «розпорошуватися», «носитися вихором». У той же час практично повна відсутність у досліджуваній семантичній групі модусного типу когнітивної мотивації з актуалізацією загальної оцінки («хороший» — «поганий») дозволило прийти до висновку, що етимологія А. Вайана і М. Трубецького, які виводять слов. **dъždžь* з **dus-dius* «хмарне небо; погана погода», є малоймовірною.
Ключові слова: етимологія, вмотивованість, ономасіологія, діалектна номінація, номінаційна модель.

Ludmila V. PEDCHENKO
Ph.D. in Linguistics, Head of the Russian Language Department, Philological Faculty, V. N. Karazin Kharkiv National University; Kharkiv, Ukraine;
e-mail: pedchenko@vk.kh.ua; tel.: +38(057)7075357; mob.: +38 050 4026717

ETYMOLOGY OF THE SLAVIC WORD **DЪŽDŽЬ* IN THE CONTEXT OF RUSSIAN DIALECT NOMINATION

Summary. The paper attempts to analyze 'problematic' (in O. N. Trubachev's opinion) etymology of the Slavic word **dъždžь* in terms of its formal and semantic typology. The cognitive motivation analysis of a large number of Russian dialect names of *rain* allowed us to identify the most productive nomination models for this semantic sphere. Also the analysis served as the basis for specifying the degree of credibility of various etymological versions of the Slavic word **dъždžь*. Thus, it was found that the proposition/dictum motivation type is the most characteristic for this group of nominations, in which mainly actional properties are highlighted. In this respect, O. N. Trubachev's assumption that the Slavic word *dъždžь* can be interpreted as «to pour in a certain way», seems quite reasonable from a typological point of view. It is because most of the actional motivators *(to pour, swim, drizzle, etc.)* imply semes 'water' and 'to move' in their semantic structures. As our observations showed, the nomination model 'the smallest particles of something' > 'rain' is quite productive as well. It is realized by a number of similar images/motivators: *dust, ash, flour*. This typological parallel allows us to recognize M. Fasmer's and P. Ja. Chernykh's hypothesis as possible. According to it, the Slavic word *dъždžь* is traced back to the Indo-European basis **dheus: *dhu̯ěs: *dhu̯s*, meaning '*to dissipate (in the air)*', '*to produce dust', 'to disperse', 'to rain', 'to swirl'*. At the same time almost a complete absence of the modus type of cognitive motivation, in which general appraisal ('good' — 'bad') is highlighted in the semantic group under study, led us to a conclusion that A. Vayan's and N. Trubetskoy's etymology, who trace the Slavic word **dъždžь* back to **dus-dius* '*the cloudy sky; the bad weather'* seems unlikely.
Key words: etymology, motivation, onomasiology, dialect nomination, nomination model.

Статтю отримано 20.08.2014 р.

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА МЕДІАЛІНГВІСТИКИ

УДК 811.161.2'276.6:34

ДІОМІДОВА Олена Юріївна,
кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри іноземних мов № 3 Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого; Харків, Україна;
e-mail: diomelena@ukr.net; моб.: +38 095 4044034

ПРОБЛЕМИ ДОСЛІДЖЕННЯ ФОРМ І ЗАСОБІВ КОМУНІКАЦІЇ В ЮРИДИЧНІЙ ЛІНГВІСТИЦІ

Анотація. У статті розглядається низка наукових проблем у царині юридичної лінгвістики. Це типології форм і засобів спілкування, притаманних комунікативним процесам у юридичному дискурсі. Виокремлюються типології засобів комунікативного впливу на аудиторію, описана специфіка каналів комунікації, а також засобів комунікативного впливу на адресантів. Дається визначення поняттю «комунікація» у його зв'язку з реалізацією диспозитиву переконання на вербальному рівні, де співвідношення істинності, законності та владності породжує складні структури мовних ігор, ролей, поведінкових стратегій. Описана специфіка використання різних видів комунікації та їх ефективність під час реалізації дискурсивних практик в юриспруденції. Певна увага приділяється міжкультурній комунікації як реалізації потенціалу такої владної дискурсивної практики як міжнародне право.
Ключові слова: юридична лінгвістика, правовий дискурс, упевнювальний дискурс, основи комунікації, диспозитив переконання.

Комунікація — обов'язкова умова суспільного життя сучасної людини, метою здійснення якої є досягнення певної мети. Як один із інструментів комунікації, дуже ефективний інструмент, використовується мова. Для владного дискурсу, де однаково активно задіяні і комунікація, і вербальний знак, і соціальне мовотворчість, константи спілкування є конструктами дискурсивних практик. Саме тому типологія спілкування, з'ясування провідних складників та форм комунікації під час створення переконувального дискурсу потребує глибокого та детального дослідження. Це й визначило актуальність даної статті.

У цьому напрямку дослідження здійснювалися у межах достатньо нової галузі мовознавства — юридичної лінгвістики. Це насамперед роботи Ю. Ф. Прадіда, Л. М. Пелепейченко, О. С. Александрова. Проблемі визначення і опису дискурсу, дискурсивних практик з позицій коммунікативістики, лінгвістики, філософії присвячені праці Т. ван Дейка, Дж. Остіна, М. Фуко, Г. Г. Почепцова, Л. М. Пелепейченко, В. В. Карасика, Ю. С. Степанова й ін. Відкритим залишається питання про сутність, межі та специфіку різних типів дискурсів. Також їх опис як феномену соціального, психологічного, культурного та лінгвістичного. Це визначило наукову проблематику цієї роботи.

Завданням даної статті є розгляд типології форм та засобів комунікації у переконувальному юридичному дискурсі. Метою виявляється визначення засобів комунікації та специфіки переконувального дискурсу, актуалізованого на вербальному рівні в юриспруденції.

Для юридичного дискурсу притаманне усе розмаїття форм комунікації (письмова, усна, візуальна і т. п.). Ці форми відрізняються одна від одної системами кодування висловлювання, вони диктують характер дискурсивної практики. Комунікаційні засоби об'єднують різні форми комунікації, в тому числі ті на рівні використання технологій з метою передачі інформації в часі і просторі (книги, графіка, фільми, газети, відеодокази тощо).

Соціальні, державні та громадські інституції використовують засоби масової комунікації (ЗМК), що представлені комплексними формами комунікації. Наприклад, на суді присяжних використовують природну мову, зображення, за необхідності звук; для рекламної афіші можна пристосувати тексти листів, певні шрифти, ілюстрації і т. п. Деякі з характеристик комунікації пов'язані з їх природою або технологічними можливостями. Так, для передачі відеозображення необхідні носії та відповідна апаратура, для виступу на суді присяжних — мікрофони, звукозаписувальна апаратура.

Деякі типи комунікації, а також комунікативні жанри, можуть характеризуватися умовними або традиційними ознаками. Деякі виступи юристів на суді по праву вважаються творами мистецтва, вони є високохудожніми риторичними зразками.

© Діомідова О. Ю., 2014

Слід зважати на те, що радіо і телебачення найбільш універсальні — це засоби масової комунікації, але також групової та міжособистісної (радіотелефон, скайп), і вони також знаходять своє місце у юридичній практиці. Кадри з випусків новин, соціальних програм, політичних передач і ток-шоу, судоговоріння часто використовують навіть у рекламі.

Засоби комунікації виконують компенсувальні функції, будучи «продовженням людського тіла», доповнюючи і підсилюючи недостатні функції, особливо зору і слуху (гучномовці та мікрофони, CD-диски та комп'ютерна пам'ять дозволяють здійснювати комунікацію крізь час і простір). Вони допомагають здійснювати комунікацію в юридичній галузі більш складною й досконалою.

Цей синтез первинного та вторинного в комунікації заслуговує на особливу увагу. Видатний американський вчений-семіолог Едвард Сепір [9] досліджував кордони між фундаментальними засобами комунікації (первинними процесами), що комунікативні за своєю природою, і вторинними засобами, які створені людиною з метою полегшити сам процес комунікації. Первинні засоби і види комунікативної поведінки, за Сепіром, такі: природна мова, мова жестів, міміка, стиль публічної поведінки в суспільстві і «соціальний натяк» (неявні аспекти комунікативної поведінки). Вторинні засоби створені, щоб полегшити первинний комунікативний процес: різноманітні мовні перетворення, символізм та відтворення сприятливих фізичних умов для комунікативного акту.

Мовні перетворення пов'язані із заміною коду, познаковим «перекладом» (наприклад, абетка глухонімих). Така заміна дає змогу здійснювати комунікацію в тих випадках, коли вона утруднена обставинами (наприклад, фізичними вадами). Символічні системи (прапорці-сигнали на флоті, світлофори, барабани і сигнальні ракети в армійському комунікативному середовищі тощо) переводять вербальне повідомлення на мову знаків у цілому. Це необхідно в тих випадках, коли потрібним є швидке повідомлення, коли очікується найпростіша відповідь «так / ні». Розвитку комунікації, за Сепіром, сприяли відкриття фізики і механіки, які стали причиною виникнення залізничного та повітряного транспорту, телеграфу, телефону, радіо тощо. Нові засоби допомагають здійснювати комунікацію: прискорюють доставку комуніканта і повідомлення або відтворюють повідомлення.

Збільшення кількості коштів розширює сферу комунікації. Цей факт народжує дві протилежні думки, що їх декларують М. Мак-Люен [8; 9] і Е. Сепір [9]. М. Мак-Люен [8] вважав, що засоби комунікації багато в чому визначають і зміст повідомлення (the medium is the message). Він передбачив шлях розвитку, яким пішла комунікація в сучасному суспільстві, віддаючи пріоритет візуальній комунікації. Глобалізація комунікації, за Мак-Люеном [8], призведе до створення єдиного комунікативного простору. Е. Сепір [9] вважав, що масові комунікації загрожують психологічній реальності, образам розширеного Я, протиставленого НЕ-Я, тобто «побоювання бути зрозумілим надто багатьом». Анулювання стримувальних факторів комунікації (незнання мови, ускладненість перекладу) призведе, за його прогнозом, до падіння інтелектуального рівня, нерозуміння художніх цінностей, тонкощів законотворчості. Проте Е. Сепір схвалював глобалізацію наукового співтовариства і вважав за необхідне створення мови міжнародної комунікації.

Види комунікації у юридичному дискурсі також визначаються за кількісним критерієм щодо комунікантів. Це необхідно для професіоналів, оскільки технологія роботи в кожному випадку має свою специфіку (наприклад, тон і регістр промови, наявність / відсутність пафосу залежать від того, перед ким буде виголошено промову — перед одним співрозмовником або перед великою аудиторією). У сучасній комунікативістиці прийнято виокремлювати декілька типів комунікації. Так, *інтраперсональна комунікація* полягає у веденні діалогу з самим собою. Людина вимовляє внутрішній «монолог», розмовляючи зі своїм внутрішнім alter ego, вдосконалює себе як особистість. Найтиповішою є первинна *міжособистісна комунікація*. Вона асоціюється з класичною моделлю комунікації, яка передбачає участь двох комунікантів. Слід також враховувати можливість присутності задіяного або стороннього спостерігача, комунікації у великій аудиторії під час судового засідання, допит, прес-конференція і т. п.

Групова комунікація також поділяється на підвиди: *комунікація всередині групи*, *міжгрупова*, *індивід — група* (інтерв'ю політичного лідера, бесіда керівника компанії і групи службовців). Важливим є розрізнювати не стільки кількісні показники, скільки якісні: переслідуються різні цілі (chat rooms і forums в інтернеті; message boards).

Окремим різновидом у межах упевнювального дискурсу в юриспруденції будемо вважати *міжкультурну комунікацію* (комунікація, здійснювана між народами — носіями різних мов і комунікативних культур; між представниками держав, між окремими представниками цих народів або держав). Повідомлення завжди несло певний намір, переслідувало мету. Це і організація дій одержувача (або відправника), для переконувального дискурсу — це намагання довести свою правоту, перебирання прихильності особи або ж аудиторії. Слово — завжди вчинок (ідея, що йде від «філософії причетності» М. М. Бахтіна). Можна говорити про взаємозв'язки в комунікації та дії, а також про мовленнєву дію (термін Ю. В. Рождественського).

Отже, слід зробити такі висновки. Юридичний дискурс має свою специфіку зреалізовану в застосуванні різних засобів та форм комунікації. Комплекс комунікативних актів, об'єднаних спільним завданням і ситуативними умовами, можна назвати комунікативною подією. У галузі законотворчої комунікації такими комунікативними подіями є діяльність парламенту, дебати, презентації тощо. Незаплановані комунікативні події часто вимагають навичок кризової комунікації, що їх мають юристи-професіонали з різних галузей реалізації юридичного дискурсу.

Література

1. *Александров А. С.* Юридическая техника — судебная лингвистика — грамматика права / А. С. Александров // Проблемы юридической техники : сб. ст. — Н. Новгород : Изд-во Нижегородск. юрид. ин-та, 2000. — С. 101—108.
2. *Бацевич Ф. С.* Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. — К. : ВЦ «Академія», 2009. — 376 с.
3. *Белова Е. Н.* Структура и семантика аргументативного дискурса: (на материале слушаний ком. и подком. Конгресса США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Н. Белова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — СПб., 1995. — 18 с.
4. *Дейк ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М. : Прогресс, 1989. — 312 с.
5. *Голев Н. Д.* Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. — С. 8—40.
6. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов — М. : Ваклер, 2001. — 656 с.
7. *Прадід Ю. Ф.* У царині лінгвістики і права / Ю. Ф. Прадід. — Сімферополь : Ельіньо, 2006. — 255 с.
8. *Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ: теория и метод : пер. с англ. / Л. Дж. Филлипс, М. В. Йоргенсен. — Харьков : Изд-во гуманитар. центра, 2004. — 336 с.
9. *Штерн І. Б.* Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики. Енциклопедичний словник / І. Б. Штерн. — К. : АртЕк, 1998. — 336 с.

References

1. *Alexandrov A.* Legal technics — Judicial Linguistics — Grammar of Law / A. Aleksandrov // Problems of legal techniques: the collection of articles. — N. Novgorod, 2000. — P. 101—108.
2. *Batsevych F. S.* Basics communicative linguistics / F. S. Batsevych. — K. : EC «Academy», 2009. — 376 p.
3. *Belova E. N.* Structure and Semantics of Argumentative Discourse: (based on hearing committee and subcommittee of the US Congress) : the thesis abstract on scientific degree of candidate of philological sciences : 10.02.04 / E. Belova ; Herzen State University. — SPb., 1995. — 18 p.
4. *T. A. van Dijk.* Communication, Knowledge and Discourse / Teun A. van Dijk. — M. : Progress, 1989. — 312 p.
5. *Golev N. D.* Juridization of Natural Language as a Linguistic Problem / N. D. Golev // Yurislingvistika-2. Russian language in its natural and legal existence. — Barnaul : Ed. of Altai State Univ., 2000. — P. 8—40.
6. *Pocheptsov G. G.* Communication Theory / G. G. Pocheptsov. — M. : Vakler, 2001. — 656 p.
7. *Pradid Yu. F.* In the Field of Linguistics and Law / Yu. F. Pradid. — Simferopol : Elino, 2006. — 255 p.
8. *Phillips L.* Discourse Analysis as Theory and Method / L. Phillips, M. Jørgensen. — Kharkov : Publishing House of Humanitarian Center, 2004 — 336 p.
9. *Shtern I. B.* Selected Topics and Vocabulary of Modern Linguistics. Encyclopedic Dictionary / I. B. Shtern. — K. : ArtEk, 1998. — 336 p.

ДИОМИДОВА Елена Юрьевна,
кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков № 3 Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого; Харьков, Украина;
e-mail: diomelena@ukr.net; моб.: +38 095 4044034

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМ И СПОСОБОВ КОММУНИКАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается ряд научных проблем в области юридической лингвистики. Это типологии форм и средств общения, присущих коммуникативным процессам в юридическом дискурсе. Выделяются типологии средств коммуникативного воздействия на аудиторию. Описана специфика каналов коммуникации, а также средств коммуникативного воздействия на адресантов. Дано определение понятию «коммуникация» в его связи с реализацией диспозитива убеждения на вербальном уровне, где соотношение истинности, законности и властности порождает сложные структуры языковых игр, ролей, поведенческих стратегий. Установлена специфика использования различных видов коммуникации и показана их эффективность при реализации дискурсивных практик в юриспруденции. Определённое внимание уделяется

межкультурной коммуникации как способу реализации потенциала такой властной дискурсивной практики как международное право.
Ключевые слова: юридическая лингвистика, правовой дискурс, убеждающий дискурс, основы коммуникации, дискурсивная практика, диспозитив убеждения.

Olena Yu. DIOMIDOVA,
Candidate of Philology (PhD), Lecturer, Department of Foreign Languages number 3, Yaroslav Mudry National Law University; Kharkiv, Ukraine;
e-mail: diomelena@ukr.net; моб: +38 095 4044034

TYPES AND FORMS OF COMMUNICATION IN LEGAL DISCOURSE

Summary. The author of the article examines a number of scientific problems in the field of legal linguistics. This is a typology of forms and means of communication inherented in process of legal discourse. Means of typology influence the audience. The specific channels of communication means and communicative impact on addresses are described. The author provides the definition of «communication» in connection with conviction on dispositive on the verbal level, where the validity generates complex structure of games, roles, behavioral strategies. The specific character of different types of communication and their effectiveness in the implementation of discursive practices is described in the law. Some attention to intercultural communication as the realization of the potential of such powerful discursive practices as International Law is given.

The author establishes the different kinds of communication and effectiveness of discursive practice in law. Much attention is given to cultural communication as the realization to the potential discursive practice of the international law.
Key words: legal linguistics, legal discourse, persuader discourse, communication theory, discursive practice, dispositive of conviction.

Статтю отримано 31.10.2014 р.

УДК 811.161.2'23'42:316.772.4:32

ЗАВАЛЬСЬКА Любов Володимирівна,
аспірантка кафедри української мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: konorejka1@rambler.ru; тел.: +38 093 4727343

КОМУНІКАТИВНЕ ІГНОРУВАННЯ В ПОЛІТИЧНОМУ ДИСКУРСІ

Анотація. Статтю присвячено аналізу стратегічних аспектів політичної комунікації. Досліджено прагматичні питання політичної комунікації та визначено поняття комунікативної стратегії і комунікативної тактики. Представлено огляд теоретичних праць і основних позицій щодо визначення й типології комунікативних стратегій в українському та зарубіжному мовознавстві. Виявлено особливості реалізації комунікативних стратегій різних типів у політичній комунікації. Заявлено домінування стратегії переконання в ситуації інтерактивного політичного спілкування в комунікативній ситуації політичних ток-шоу або розмов з журналістами у прямому ефірі. У межах стратегії переконання виокремлено комунікативну тактику ігнорування, характерну для взаємодії політиків в інтерактивному спілкуванні. Проаналізовано особливості вербальної репрезентації тактики комунікативного ігнорування в політичному інтерактиві. Простежено закономірності використання політиками як мовними особистостями комунікативної тактики ігнорування у відповідних ситуаціях політичного спілкування. Здійснено узагальнення щодо закономірностей використання комунікативного ігнорування в політичному дискурсі. Матеріалом дослідження слугували фрагменти діалогів українських політиків, що мали місце у непідготовлених інтерв'ю та політичних ток-шоу.
Ключові слова: політична комунікація, комунікативна стратегія, комунікативна тактика, політичний інтерактив, комунікативне ігнорування.

Актуальність статті. Дослідження політичної комунікації в комунікативно-прагматичному аспекті передусім передбачає виокремлення комунікативних стратегій і тактик, що використовуються в політичному дискурсі. Такий підхід уможливлює вивчення специфіки мовленнєвої поведінки політиків, що послуговуються різними механізмами впливу на співрозмовників і аудиторію загалом. Особливого значення комунікативно-прагматичний підхід набуває в умовах спонтанної політичної комунікації, де політики демонструють себе як мовні особистості, а не спираються на тексти, підготовлені фахівцями з прес-служб. Такі комунікативні ситуації

 © Завальська Л. В., 2014

мають місце в умовах політичних ток-шоу, в інтерв'ю та прес-конференціях, що відбуваються у прямому ефірі. Зважаючи на це, лінгвістичні розвідки з політичної лінгвістики переважно ґрунтуються на аналізі інтерактивного спілкування в політичних ток-шоу.

Дослідження комунікативних стратегій і тактик представлено насамперед теоретичними працями, що містять розроблені типології стратегій і тактик у різних типах дискурсів (Ф. С. Бацевич [1], О. С. Іссерс [4], А. Ю. Маслова [5], Н. І. Формановська [8], Т. Є. Янко [11] та ін.), серед яких особливе місце належить політичному (А. І. Башук [2], О. М. Паршина [6], В. Є. Чернявська [9], О. О. Чорна [10] та ін.). В українському мовознавстві дослідження політичного інтерактиву представлено поодинокими науковими працями, тому наша стаття є актуальною.

Мета статті — проаналізувати комунікативну тактику ігнорування в інтерактивному спілкуванні українських політиків як вияв комунікативної стратегії переконання. Мета зумовила розв'язання таких **завдань**: 1) визначити поняття комунікативної стратегії і комунікативної тактики; 2) з'ясувати специфіку комунікативних стратегій в політичному інтерактиві; 3) проаналізувати специфіку використання тактики ігнорування в політичному дискурсі; 4) схарактеризувати комунікативну поведінку українських політиків в аспекті використання тактики ігнорування.

Об'єктом дослідження є комунікативна тактика ігнорування в мовленні українських політиків, а **предметом** — мовні засоби реалізації цієї тактики в політичному інтерактиві. Матеріалом дослідження слугували фрагменти діалогів за участю відомих українських політиків, що мали місце на політичних ток-шоу в прямому ефірі та в інтерв'ю з журналістами. Приклади будемо подавати тією мовою, яку використовували учасники політичної комунікації.

Витоки сучасного витлумачення комунікативних стратегій знаходимо у праці Т. А. ван Дейка, який розглядав стратегію як характеристику когнітивного плану спілкування, що контролює оптимальне розв'язання системи завдань гнучким і локально керованим способом в умовах нестачі інформації про дії інших учасників комунікації або про локальні контекстуальні обмеження на дії [3, с. 274]. Наступні визначення комунікативних стратегій (О. Іссерс, Н. Формановської, Т. Янко, Ф. Бацевича та ін.) значною мірою ґрунтувалися на ідеях Т. А. ван Дейка. О. О. Селіванова вважає комунікативну стратегію «складником евристичної інтенційної програми планування дискурсу, його проведення й керування ним з метою досягнення кооперативного результату, ефективності інформаційного обміну та впливу» [7, с. 607]. Комунікативні тактики і ходи дослідники розглядають у складі комунікативних тактик.

Ми тлумачимо комунікативну стратегію як загальну схему розгортання комунікативної взаємодії, а тактику — як конкретний спосіб реалізації стратегії, сукупність мовленнєвих дій (ходів), актуальних на певному етапі спілкування. У політичному дискурсі комунікативні стратегії мають глобальний характер і підпорядковані загальній меті політичної комунікації безвідносно до конкретної мовленнєвої взаємодії. Зважаючи на це, О. М. Паршина виокремлює стратегії самопрезентації, боротьби за владу, утримання влади, переконання та загальні (неспеціалізовані) стратегії [6]; О. С. Іссерс визначає основні і допоміжні комунікативні стратегії, а в межах кожної групи — відповідні різновиди [4, с. 108]. В інтерактивному політичному спілкуванні, на нашу думку, переважно реалізована комунікативна стратегія переконання, оскільки політики, репрезентуючи власні погляди на політичну ситуацію або висловлюючи власні думки, насамперед намагаються переконати свого опонента у правильності власної політичної позиції.

Комунікативну тактику ігнорування в політичному інтерактиві використовують у таких комунікативних ситуаціях, коли політик виконує комунікативну роль адресата, спілкуючись або з журналістами, або з аудиторією, або з іншими політиками. Специфіка використання комунікативного ігнорування залежить від того, якими причинами зумовлено звернення до нього в межах стратегії переконання. Зважаючи на можливі причини задіяння тактики ігнорування, розглянемо конкретні типи комунікативного інтерактиву.

Насамперед політики вдаються до тактики ігнорування, коли не розуміють предмета розмови або взагалі не володіють потрібною інформацією. Така мовленнєва поведінка характерна для мовних особистостей, які не бажають демонструвати низький інтелектуальний рівень або незнання загальновідомих фактів. Яскравим прикладом такої комунікативної ситуації вважаємо інтерв'ю журналіста Громадського телебачення Р. Скрипіна з українським політиком О. Царьовим, коли останній тричі не давав відповіді на пряме запитання, а потім дав помилкову відповідь. Наведемо фрагмент цього інтерв'ю мовою оригіналу:

Р. Скрипін: *Когда началась II мировая война?*
О. Царьов: ***Что?***
Р. Скрипін: *Когда началась II мировая война?*
О. Царьов: *Волынская резня была...*
Р. Скрипін: *Когда началась II мировая война?*
О. Царьов: *В 41...*

Тут вбачаємо два типи реалізації комунікативної тактики ігнорування з боку адресата — О. Царьова. По-перше, це хибна демонстрація того, що адресат не розчув або не зрозумів мовця *(Что?)*, а по-друге, повна реалізація тактики ігнорування, коли адресат починає відповідати на інше питання, підмінюючи тему розмови. Адресат явно не був готовий до цього питання, а планував власний монологічний виступ, у якому хотів розказати про Волинську різанину. Проте журналіст миттєво змінив тему розмови, що не дало можливості адресату зорієнтуватися. Перша реакція була спробою відтягнути час і знайти відповідь, тому й обрано комунікативне ігнорування, виражене у перепитуванні. Загальна непідготовленість О. Царьова до розмови та незнання історичних фактів стало причиною підміни теми і хибної відповіді. Цей приклад демонструє рідкісну ситуацію, коли комунікативне ігнорування не допомагає у переконанні співрозмовника: журналіст повторює запитання, тисне на адресата, щоб отримати конкретну відповідь на конкретне питання. Переважно такі спроби змінити напрямок спілкування політикам вдаються, оскільки їхні співрозмовники рідко наполягають на продовженні розмови за незмінною темою. Цього разу вибір тактики комунікативного ігнорування висвітлює проблеми мовної особистості, яка, не орієнтуючись у темі розмови, вдається до невдалих і хибних кроків з метою виходу зі складної ситуації.

Застосування тактики комунікативного ігнорування з метою зміни теми розмови належить до основних характеристик політичної комунікації. Адресат змінює тему, коли не лише не може, а й не хоче відповідати на поставлені конкретні питання, напр., у фрагменті діалогу кандидатів у президенти України в прямому ефірі програми «Свобода слова» Ю. Тимошенко та М. Добкіна:

М. Добкін: *Послушайте, не вам решать, что я буду делать. Но стоять я буду за свою Родину. Придёт время, надо будет — встану.*

Ю. Тимошенко: *І де вона у вас?*

М. Добкін: ***Готовы вы быть медсестрой в нашем отряде — милости просим. Сумку с медикаментами выдадим*** (Свобода слова. 05.05.2014).

Політична риторика М. Добкіна, яка мала монологічний характер, була зупинена конкретним запитанням Ю. Тимошенко, проте замість відповіді адресат вдався до комунікативного ігнорування і запросив співрозмовницю до свого уявного загону. Тут ми бачимо інтерактивну взаємодію між політиками, що займають принципово різні політичні позиції, тому питання одного з них сприймається іншим як провокативне, а адресат ігнорує його та продовжує свою репліку, нібито не чує іншого учасника розмови. Комунікативне ігнорування в таких випадках дає змогу висловити свої думки і при цьому не зважати на те, що говорить політичний опонент. Подання відповідної репліки після поставленого запитання сприймається мовцем та аудиторією як відповідь (за формою та функцією), але за змістом є лише продовженням попередньої репліки адресата (М. Добкіна). Якщо той, хто ставить запитання, зупиняє свого співрозмовника, то він викриває тактику ігнорування і повертає політика до теми розмови, вимагаючи конкретної відповіді. Напр., діалог ведучого ток-шоу «Свобода слова» А. Куликова з О. Царьовим:

А. Куликов: *Господин Царёв, ответьте мне на вопрос: кто расстрелял группу украинских силовиков в районе Славянска?*

О. Царьов: ***Человеческие жизни, которые уже мы утратили, — это только начало, если власть не поменяет свою стратегию...***

А. Куликов: *Господин Царёв, Вы не ответили...* (Свобода слова. 14.04.2014).

У цьому прикладі конкретна відповідь замінена через комунікативне ігнорування політичною риторикою. Адресат звертається не стільки до ведучого, скільки до аудиторії, апелюючи до емоційного шару психіки людей. Небажання відповідати на пряме запитання зумовило не лише ігнорування поставленого питання, а й активне залучення аргументативних прийомів психологічного типу. Проте ведучий повертає політика до свого питання, хоч і врешті-решт він так і не отримує відповіді від О. Царьова.

Подібна реалізація тактики ігнорування уможливлює перетворення діалогічної взаємодії на монологічну, коли політик замість інтерактивної взаємодії презентує власну політичну програму або репрезентує себе як політичного лідера країни. За таких умов він не дає можливості поставити собі питання або перервати монолог, напр.:

А. Куликов: *Я перепрошую, пані Тимошенко. Я перепрошую.*

Ю. Тимошенко: *Можна, я завершу? Частина політикуму...*

А. Куликов: *Я перепрошую. Це зауваження до того, що ви говорите. Поки політики визначаються, визначаються також і громадяни.*

Ю. Тимошенко: *Так. Абсолютно* (Свобода слова. 19.05.2014).

Великий за часом та обсягом монологічний виступ Ю. Тимошенко кілька разів намагався перервати ведучий ток-шоу, проте політик ігнорувала ці спроби і поверталася до свого монологу. Тут комунікативне ігнорування скероване на те, щоб не дати співрозмовнику говорити, але при цьому продовжувати власний виступ. Усі спроби перервати монолог ігноруються

Ю. Тимошенко, яка не звертає уваги на намагання ведучого повернутися до інтерактивної взаємодії, характерної для політичних ток-шоу. У цьому випадку обрана тактика демонструє мовленнєву поведінку не мовця, а адресата, оскільки політик бере на себе функції ініціатора спілкування. Проте в політичних ток-шоу, як і у спілкуванні з журналістами, політики здебільшого займають позицію адресата, а їхні спроби взяти на себе комунікативну ініціативу пов'язані саме з використанням комунікативної тактики ігнорування.

Ігнорування свого політичного опонента або звичайного співрозмовника може сприйматися і як політична провокація, напр., розмова О. Ляшка з І. Марковим в ефірі ток-шоу «Свобода слова»:

І. Марков: *Вот я видел ваш эфир на другом ток-шоу. Вот вы меня так не любите, потому что я выступаю категорическим противником принятия закона по гомосексуализму? По гомосексуализму?.. Или вам такое задание на Банковой дали? Вот ответьте мне, пожалуйста.*

О. Ляшко: *Я вам відповім, нешановний товариш Марков. Для того, щоб ви зрозуміли, чого я вас не люблю, гляньте на себе у дзеркало. Гляньте на свою бандитську рожу. І ви поймете, чого не тільки я вас не люблю — вас не люблять ваші виборці, вас не люблять українські громадяни. Ні, він хотів почути відповідь — він її отримав.*

І. Марков: *Вам не удастся меня спровоцировать, Ляшко* (Свобода слова. 16.09.2013).

О. Ляшко вдається до тактики комунікативного ігнорування, коли співрозмовник намагається його принизити, використовуючи натяки на нетрадиційну сексуальну орієнтацію. Ігноруючи це повідомлення, політик у свою чергу ображає І. Маркова, проте подає свою репліку як пряму відповідь на запитання, чому він так не любить свого політичного опонента. І. Марков сприймає використану тактику як спробу його спровокувати, що є одним з наслідків комунікативного ігнорування, поєднаного з приниженнями й образами. Тут комунікативне ігнорування сприймається не як оборонна, а як наступальна тактика політичного інтерактиву, оскільки передбачає не лише ігнорування репліки співрозмовника, а і його особисто, як політика та мовну особистість.

Отже, комунікативна тактика ігнорування характерна для таких ситуацій політичного інтерактиву: 1) коли політики не орієнтуються у предметі розмови або не мають бажання обговорювати відповідні проблеми; 2) коли політики замінюють діалог монологічним політичним виступом; 3) коли політики змінюють у процесі спілкування комунікативну стратегії переконання на стратегію самопрезентації; 4) коли має місце комунікативна провокація. Загалом ігнорування є одним із поширених механізмів відхилення від теми розмови й уникнення розкриття власного інтелектуального безсилля. При цьому комунікативна взаємодія між політиками допускає застосування комунікативного ігнорування як своєрідної гри у спілкуванні, тому що всі політики активно послуговуються цією тактикою. Однак у спілкуванні з журналістами тактика ігнорування не знаходить реалізації з огляду на розпізнавання комунікативних намірів політиків і перешкоджання комунікативному ігноруванню. Вважаємо, що доцільно використовувати комунікативне ігнорування в політичному спілкуванні політиків у ситуації прямих ефірів, коли воно сприймається всіма учасниками взаємодії як своєрідний риторичний прийом, а не тактика переконання.

Література

1. *Бацевич Ф. С.* Нариси з лінгвістичної прагматики : [монографія] / Ф. С. Бацевич. — Львів : ПАІС, 2010. — 336 с.

2. *Башук А. І.* Комунікативно-стратегічний аналіз політичного тексту / А. І. Башук // Учёные записки Таврического национального университета им. В. Вернадского. Сер. Филология. — 2006. — Т. 19 (58). № 2. — С. 167—171.

3. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М. : Прогресс, 1989. — 312 с.

4. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М. : УРСС, 2003. — 286 с.

5. *Маслова А. Ю.* Введение в прагмалингвистику / А. Ю. Маслова. — М. : Флинта-Наука, 2010. — 152 с.

6. *Паршина О. М.* Российская политическая речь: Теория и практика / О. М. Паршина. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. — 232 с.

7. *Селіванова О. О.* Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми : [підручник] / О. О. Селіванова. — Полтава : Довкілля-К, 2008. — 712 с.

8. *Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. — М. : Икар, 2007. — 480 с.

9. *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия : [учеб. пособие] / В. Е. Чернявская. — М. : Флинта-Наука, 2006. — 136 с.

10. *Чорна О. О.* Комунікативні засоби творення іміджу політичного лідера (на матеріалі українського, російського та англійського політичного дискурсу) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.15 — загальне мовознавство / О. О. Чорна. — Кіровоград, 2012. — 278 с.

11. *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. — М. : Языки славянской культуры, 2001. — 384 с.

References

1. *Batsevych F. S.* Essays on linguistic pragmatics : [monograph] / F. S. Batsevych. — Lviv : Pais, 2010. — 336 p.
2. *Bashuk A. I.* Communicative and strategic analysis of political text / A. I. Bashuk // Scientists note Taurian National University im. Vladimir Vernadsky. Series: Philology. — 2006. — Vol 19 (58). — № 2. — P. 167—171.
3. *Dijk T. van.* Language. Cognition. Communication / T. van Dijk. — M. : Progress, 1989. — 312 p.
4. *Issers O. S.* Communication strategy and tactics of Russian speech / O. S. Issers. — M. : URSS, 2003. — 286 p.
5. *Maslova A.* Introduction to pragmalinguistics / A. Maslova. — M. : Flint-Science, 2010. — 152 p.
6. *Parshina O. M.* Russian political speech: Theory and Practice / M. Parshina. — M. : LCI, 2007. — 232 p.
7. *Selivanova O. O.* Modern linguistics: Trends and Problems / O. O. Selivanova. — Poltava : Environment-K, 2008. — 712 p.
8. *Formanovskaya N. I.* Speech communication: communication and pragmatics / N. I. Formanovskaja. — M. : Icarus, 2007. — 480 p.
9. *Cherniavskaja V. E.* Discourse of power and the power of discourse: speech problems influences / V. E. Chernjavskaja. — M. : Flinta-Science, 2006. — 136 p.
10. *Chorna O.* Communication means creating the image of a political leader (based on the Ukrainian, Russian and English political discourse) : dis. : 10.02.15 / O. Chorna. — Kirovograd, 2012. — 278 p.
11. *Janko T. E.* Communication Strategy of Russian speech / T. E. Janko. — M. : Languages of Slavonic Culture, 2001. — 384 p.

ЗАВАЛЬСКАЯ Любовь Владимировна,
аспирантка кафедры украинского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: konorejka1@rambler.ru; тел.: +8 093 4727343

КОММУНИКАТИВНОЕ ИГНОРИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу стратегических аспектов политической коммуникации. Исследованы прагматические вопросы политической коммуникации и определены понятия коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики. Представлен обзор теоретических работ и основных позиций по определению и типологии коммуникативных стратегий в украинском и зарубежном языкознании. Выявлены особенности реализации коммуникативных стратегий различных типов в политической коммуникации. Заявлено о доминировании стратегии убеждения в ситуации интерактивного политического общения в коммуникативной ситуации политических ток-шоу или интервью с журналистами в прямом эфире. В рамках стратегии убеждения выделена коммуникативная тактика игнорирования, характерная для взаимодействия политиков в интерактивном общении. Проанализированы особенности вербальной репрезентации тактики коммуникативного игнорирования в политическом интерактиве. Прослежены закономерности использования политиками как языковыми личностями коммуникативной тактики игнорирования в соответствующих ситуациях политического общения. Сделан анализ закономерностей использования коммуникативного игнорирования в политическом дискурсе. Материалом исследования послужили фрагменты диалогов украинских политиков в неподготовленных интервью и политических ток-шоу.
Ключевые слова: политическая коммуникация, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, политический интерактив, коммуникативное игнорирование.

Lyubov V. ZAVAL'SKAYA,
Graduate Departament of the Ukrainian Language, Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: konorejka1@rambler.ru; tel.: +8 093 4727343

COMMUNICATIVE IGNORING IN POLITICAL DISCOURSE

Summary. This article examines the strategic aspects of political communication. The author investigated the pragmatic aspects of political communication and the concepts of communicative strategy and communication tactics. The review of theoretical works and positions concerning the definition and typology of communicative strategies in Ukrainian and foreign linguistics is presented. The features of the implementation of communication strategies for various types of political communication are discovered. The dominance of strategies of conviction in interactive of political communication in the communicative situation of political talk-shows or talking to reporters on the air is stated In frames of the strategy of conviction communicative tactics of neglecting characteristic for interaction of politicians in interactive communication is singled out. The features of verbal representation of communicative tactics of ignoring in political interactive are analyzed. The regularity of use of politics as linguistic personalities as communicative tactics of ignoring

in some situations of political communication. The generalization about patterns of use of communicative ignoring the political discourse is done. Material of research served the fragments of conversations of Ukrainian politicians that took place in an unprepared interview and political talk-shows.

Key words: political communication, communication strategy, communication tactics, political interactive, communicative neglect.

Статтю отримано 26.09.2014 р.

УДК 811.161.2'38'42:659.1

ІВАНОВА Ірина Борисівна,
кандидат філологічних наук, докторант кафедри стилістики української мови Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова; Київ, Україна;
e-mail: vlad-7@ukr.net; тел.: +38 (057) 7060593; моб.: +38 066 5178051

ЛІНГВОСТИЛІСТИЧНИЙ АСПЕКТ ДОСЛІДЖЕННЯ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ РЕКЛАМИ

Анотація. Ця стаття є коротким аналізом провідних напрямів лінгвостилістики, її наукових розвідок у царині досліджень мови реклами. Особлива увага приділена проблемі статусу стилістики в рекламному дискурсі; семіотиці реклами та її репрезентації на мовно-культурному рівні. Визначені місце та роль рекламного тексту як результату реалізації дискурсивних практик на вербальному рівні. У центрі уваги функціональний, аксіологічний і нормативний аспекти стилю, що беруть участь у формуванні маніпулятивних впливів сучасної української реклами. Розглянуто також провідні та модні тенденції розвитку жанрово-стилістичної системи сучасної української реклами. Лінгвостилістичний аспект становлення і розвитку реклами представлений як перспективний та творчий напрям здійснення досліджень у галузі історії мови української реклами та національної культури.

Ключові слова: рекламний текст, рекламна комунікація, історія реклами, стиль, стилізація, функціональний стиль, канал зв'язку.

Реклама надійно вплетена в життя кожної сучасної людини. Мова залишається однією з важливих складових сучасного рекламного дискурсу. З давніх часів до сьогодні мова реклами еволюціонувала: збільшувався арсенал використовуваних художньо-стилістичних засобів, удосконалювалася система жанрів і комунікаційні канали; змінювалися мода, стиль і характер маніпуляцій тощо. Реклама чутлива до маніпулятивних дій, щедро користується набором подібних технологій. Саме тому сучасні рекламний образ, текст, міф, ікона заполонили інформаційний простір, панують у річищі масової культури. А останнім часом диктують моду, спосіб мислення та сприйняття світу. Красномовно звучить назва однієї з останніх праць В. Ученової: «Реклама и массовая культура: хозяйка или госпожа?». У XXI столітті мода і стиль певним чином підкорюються індустрії реклами, взаємодіють у текстах та образах рекламної спрямованості.

Проблеми маніпулятивного впливу в рекламі сьогодні є актуальними, сучасні наукові розвідки (В. Зірка, В. Іванов, Г. Почепцов, Н. Слухай) висвітлюють провідні тенденції ментального руху нації та механізмів змін сучасної цивілізації, пов'язані із рекламною діяльністю. Насиченість емоцією та інформацією виявляється однією зі специфічних ознак рекламного тексту.

Українська лінгвістика не залишає поза увагою рекламний дискурс, сучасний рекламний текст, його специфіку. Проблемам реклами як дискурсивної практики присвячені праці Ф. Бацевича, В. Зірки, Р. Іванченка, Н. Слухай та ін. Українські лінгвісти вивчають сучасний стан мови реклами: маніпулятивні техніки в рекламі (В. Зірка, О. Іванова); прагмалінгвістичні виміри рекламного дискурсу (Ю. Корнєва, І. Мойсеєнко, Ю. Сильвестров); психолінгвістичний аспект конструювання та впливу реклами (Ю. Сорокін, Є. Тарасов); лінгвостилістичний аспект буття рекламного тексту (В. Іванов, І. Іванова, Н. Слухай); рекламний текст як форма маніфестації рекламного дискурсу (Ф. Бацевич, Н. Волкогон, Т. Кравець). На сьогодні широко описаний стан сучасної української та зарубіжної реклами, але відсутнє ґрунтовне мовознавче дослідження, присвячене історії мови української реклами.

Провідна мета дослідження — визначення місця й ролі функціонального стилю в рекламному дискурсі. Відповідно завданням є опис провідних позицій стосовно стилістичної приналежності рекламного тексту, визначення особливостей стилізації в сучасній українській рекламі.

Як відомо, поняття «стиль» у лінгвістиці є надзвичайно популярним, таким, що перебуває в науковому обігу ще за часів античної риторики. Відповідно маємо багато визначень, що

© Іванова І. Б., 2014

нарізно наповнюють зміст цього терміна. Задекларована тема диктує вибір: найбільш відповідним є визначення поняття «стиль», запропоноване Л. Мацько: «Стиль — суспільно необхідний, історично сформований різновид літературної мови (її функціональна підсистема), що обслуговує певну сферу суспільної діяльності мовців і відповідно до цього має свої особливості добору й використання мовних одиниць. Кожний стиль має свою сферу використання, призначення, ознаки і мовні засоби» [4, с. 450].

Стиль у рекламі умовно можна виокремити ґрунтуючись на декількох категоріях, суміжності типів мовомислення. Однією з таких критеріїв є експресивність. Сучасна реклама є активним споживачем багатого арсеналу високого стилю у мові. Подібний текст багатий на тропи, квітчастий та емоційно забарвлений, використовуються власні назви (іноді відомі тільки носіям даної культурно-соціальної групи, нації).

Характерною ознакою реклами є чутливість до моди або ж соціального запиту. Рекламний дискурс надзвичайно соціалізований, а останні події в Україні сформували запит на національне, українське, патріотичне, це породило низку стилізацій під патріотичний пафос. Відповідно йдеться про активне використання високого стилю з його пафосом, урочистим звучанням, барвистістю та високим рівнем експресивності, оцінки. Рекламний текст може оспівувати горілку, пальне, смажені горішки. Це тематичне розмаїття свідчить про те, що ми маємо справу не з патріотичним рухом рекламних агенцій і замовників, а з гострою потребою суспільства почути цей пафос. Наприклад, реклама палива Energy: *Коли все зупинилось, коли постало питання, як країні рушити з мертвої точки, ми не заглушили моторів. Ми мчали, поки не побачили — країна ожила. І це ми своєю енергією призвели її до руху. Тепер у нас є пальне, наше власне пальне. Пальне, виробництво якого дає роботу тисячам українців, а якість — упевненість мільйонам. Пальне, яке рухає країну вперед. Бензин Energy. Європа б ним пишалась, але він наш!* Подібний текст інтенсивно використовує стилістичний ресурс української мови. Висока реклама рясно наповнена фігурами, там використана метафора, метонімія, повтор, епітет, гіпербола та символ (стилістема).

Зважаємо також на те, що в сучасному рекламному тексті немає чіткого розмежування експресивних стилів. Так, для рекламних текстів, спрямованих на молодіжну аудиторію, характерне використання фразеології, жаргону, арго, простих синтаксичних конструкцій, окличних інтонацій паралельно з повчанням середнього стилю, наприклад, реклама «Snikers»*: Ну бий давай, забув як грати ваащє? Навіть моя бабця звідти проб'є! Є на світі білому фанати, що не вміють чемно вболівати. Злі вони, бо їх дратує голод. Снікерс швидко голод відфутболить.*

Багато дискусійних питань виникає на тлі досліджень взаємодії функціональних стилів у рекламі. У працях вітчизняних дослідників Л. Мацько, О. Сидоренко, О. Мацько, С. Єрмоленко це поняття осучаснене та конкретизоване. Більшістю дослідників реклама зарахована до сфери публіцистики (Д. Розенталь, М. Кохтєв, Р. Іванченко, Л. Мацько, О. Мацько, О. Сидоренко та ін.). Паралельно з тим виникає гіпотеза про позапубліцистичний статус сучасного рекламного тексту.

Використання мовномисленнєвого арсеналу інших функціональних стилів у рекламі можна вважати стилізацією. Тенденція до імітування пов'язана із потребою встановити контакт з аудиторією. Як приклад розглянемо рекламу ПАТ «ЕтноПродукт»: *Приватне акціонерне товариство «ЕтноПродукт» — українсько-швейцарське аграрне підприємство. Поля та ферми — північний схід Чернігівської області України. 4000 га органічної землі (пасовища, сіножаті, рілля). 2000 голів великої рогатої худоби. Виробничі процеси ПрАТ «Етнопродукт» сертифіковані відповідно до вимог регламентів Євросоюзу з органічного виробництва (Постанова ради ЄС № 834/2007 і постанова Комісії ЄС № 889/2008).* Маємо текст-стилізацію, складену в офіційно-діловому стилі, де детально збережені формальні ознаки останнього: вживання адміністративно-канцелярської термінології (*постанова, регламент, сертифікат*) і специфічної термінології (*відповідно до вимог регламентів*). Кількість емоційно-експресивної лексики максимально обмежена. До стилізації в офіційно-діловому стилі спонукала потреба реалізувати основну його функцію — повідомлення громадськості офіційної інформації.

Стилізація також передбачає щедре залучення художніх стилів (за Х. Кафтанджієвим), або скоріше використання художнього методу для конструювання рекламного тексту. Критерієм прийнятності стилізації залишається рівень комунікативності висловлення для відповідного стилю, тобто передбачається сприятлива комунікативна ситуація. Наприклад, тексти афіш і плакатів, що представляють діячів тієї чи іншої епохи, культури й історичного часу.

Реклама охоче залучає імітації художнього стилю у сфері розваг, у закладах сфери обслуговування та легкій промисловості. Арсенал наукового стилю є інструментом для медичної, косметичної галузі, сфери послуг тощо. Імітація конфесійного й епістолярного стилю характерна для соціальної, політичної реклами, закладів сітьового маркетингу. Стилізація в рекламі може використовувати все багатство функціональних стилів української мови для досягнення провідної мети рекламної комунікації — керувати та впливати на вибір споживача.

Розглянемо, наприклад, популярний у сучасній українській рекламі стиль — поп-арт. Він часто зустрічається в роботах як американських рекламістів (що працюють на українському ринку), так і вітчизняних виробників рекламного продукту. Образ, що є популярним у маскультурі або вводиться до неї, породжує відповідні тексти. В українському творчому об'єднанні часів майдану «Мистецький барбакан» бачимо плакати із текстами: *Життя — це боротьба* (зображення Нестора Махна); *Син анархії, Кінець світу на районі*. Інший бік стилізації поп-арту (жлоб-арт) — це вдавання до прийому цитування та подавана назва-коментар: *Шевченко-олігарх: не завидуй багатому / Багатий не знає / Ні приязні, ні любові — / Він все те наймає*.

Усе, зазначене вище, дозволяє зробити висновки: сучасна українська реклама визначається розмаїттям жанрово-стилістичної системи. Питання про функціональний стиль і його роль у рекламному дискурсі залишається відкритим.

Література

1. *Бацевич Ф. С.* Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. — К. : ВЦ «Академія», 2009. — 376 с.
2. *Головлева Е. Л.* Основы рекламы : учеб. пособие для вузов / Е. Л. Головлева. — М. : ИД «Главбух», 2003. — 272 с.
3. *Кафтанджиев Х.* Гармония в рекламной коммуникации / Х. Кафтанджиев. — М. : Эксмо, 2005. — 386 с.
4. *Мацько Л. І.* Стилістика сучасної української мови / Л. І. Мацько, О. М. Сидоренко, О. М. Мацько ; за ред. Л. І. Мацько. — К. : Вища школа, 2003. — 462 с.
5. *Мацько Л. І.* Риторика / Л. І. Мацько, О. М. Мацько. — К. : Вища школа, 2003. — 311 с.
6. *Павлюк Л. С.* Риторика, ідеологія, персуазивна комунікація / Л. С. Павлюк. — Львів : ПАІС, 2007. — 168 с.
7. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. — М. : Рефл-бук, 2001. — 656 с.
8. *Ученова В. В.* Реклама и массовая культура. Служанка или госпожа? / В. В. Ученова. — М. : Юнити-Дана, 2008. — 248 с.

References

1. *Batsevych F. S.* Basics communicative linguistics / F. S. Batsevych. — K : EC «Academy», 2009. — 376 p.
2. *Holovleva E. L.* Basics advertising / E. L. Holovleva. — Moscow : Publishing Home «Glavbuh». — 2003. — 272 p.
3. *Kaftandzhyev H.* Harmony in promotional communication / H. Kaftandzhyev. — Moscow : Eksmo, 2005. — 386 p.
4. *Macko L. I.* Style of the modern Ukrainian language / L. I. Macko, A. M. Sidorenko, A. M. Macko ; ed. L. I. Macko. — K. : High School, 2003. — 462 p.
5. *Macko L. I.* Rhetoric / L. I. Macko, A. M. Macko. — K. : High School, 2003. — 311 p.
6. *Pavliuk L. S.* Rhetoric, ideology, persuasive communication / Pavliuk L. S. — Lviv : Pais, 2007. — 168 p.
7. *Pochepcov G. G.* Teorija Kommunikacii / G. G. Pochepcov. — Moscow : Refl-book, 2001. — 656 p.
8. *Uchenova V.* Advertising and Mass Culture. Or servant of housewife? / V. V. Uchenova. — Moscow : Unity-Dan, 2008. — 248 p.

ИВАНОВА Ирина Борисовна,
кандидат филологических наук, докторант кафедры стилистики украинского языка Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова; Киев, Украина;
e-mail: vlad-7@ukr.net; тел.: +38(057)7060593; моб.: +38 066 5178051

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ РЕКЛАМЫ

Аннотация. Статья является кратким анализом ведущих направлений лингвостилистики, её научных исследований в сфере изучения языка рекламы. В частности, особое внимание уделено проблеме статуса стилистики в рекламном дискурсе, семиотике рекламы и её реализации на культурно-языковом уровне. Определена и роль рекламного текста как результата реализации дискурсивных практик на вербальном уровне. В центре внимания — определение роли функционального, аксиологического и нормативных аспектов стиля в формировании манипулятивных технологий современной украинской рекламы. Рассмотрены также ведущие и модные тенденции развития жанрово-стилистической системы современной украинской рекламы. Лингвостилистический аспект становления и развития рекламы представлен как перспективный и творческий путь осуществления исследований в области истории языка украинской рекламы и национальной культуры.
Ключевые слова: рекламный текст, рекламная коммуникация, история рекламы, стиль, стилизация, функциональный стиль, канал связи.

Iryna B. IVANOVA,
Candidate of Philology, Lecturer, Department of Stylistics of the Ukrainian Language,
National Pedagogical Dragomanov University; Kyiv, Ukraine;
e-mail: vlad-7@ukr.net; тел.: +38(057)7060593; моб.: +38 066 5178051

LINGUOSTYLISTICS IN MODERN UKRAINIAN ADVERTISING

Summary. Advertising style is one of the artistic techniques closely connected with the history, tradition and socio-political life of the country. Special attention is paid to the problem of the status of style, semiotics of advertising and its implementation on linguistic and cultural level. The place and role of advertising texts are investigated as a result of the implementation of discursive practices on a verbal level. Functional, axiological and normative aspects are fixed and normative aspects in formation of manipulative influences of modern Ukrainian advertising are defined. The focus of the role of Genre and stylistic system of modern Ukrainian advertising should be considered as creative force in national culture.

Key words: advertising text, advertising communication, advertising history, style, styling, functional style, communicative channel.

Статтю отримано 10.11.2014 р.

УДК: 811.161.2+17.023.32

НАХАПЕТОВА Ольга Віталіївна,
викладач кафедри українознавства, історико-правових і мовних дисциплін Одеського національного морського університету; Одеса, Україна;
e-mail: nahapetova07@mail.ru; тел. сл.: +38 (048) 7283118; моб.: +38 093 8821568

НОМЕНИ НА ПОЗНАЧЕННЯ РОДИННИХ СТОСУНКІВ У МОВЛЕННЄВІЙ ІНТЕРАКЦІЇ УКРАЇНЦІВ

Анотація. У статті розглядається система номенів на позначення родинних стосунків у мовленнєвій інтеракції українців з точки зору антропоцентричної лінгвістики. Сучасна українська мова має розвинену систему термінів спорідненості та свояцтва. У мовознавстві такі лексичні одиниці мають назву «терміни спорідненості». У статті визначено, що при дослідженні термінів спорідненості доцільно ці лексеми відзначати як номени на позначення родинних стосунків, які є приналежністю терміносистеми визначеної мовної культури. У науковій літературі цей шар лексики описано неповно. У межах цієї статті розглянуто номени на позначення повної спорідненості по прямій лінії («батько», «мати», «син», «донька», «дід» та ін.). Термінологія родинних стосунків посідає належне місце в українській мові, що зумовлено етнопсихологією етносу, екстралінгвістичними чинниками та особливостями національно-мовної картини світу. Вивчення цього шару лексики дає безцінний матеріал для дослідження динаміки семантичної і формальної сторін мовленнєвих фактів, ментальності українського етносу.

Ключові слова: антропоцентризм, терміни спорідненості, система термінів спорідненості та свояцтва, номени спорідненості, національно-мовна картина світу, ментальність.

Сучасна лінгвістика спрямована на антропоцентричні дослідження в галузі лексики, морфології, синтаксису тощо, що зумовлює інтерес до вивчення тих мовних питань, які найбільше пов'язані зі світом людини, її сприйняттям навколишньої дійсності. Антропоцентризм спрямовує сучасне мовознавство на зв'язок людини з соціумом, політикою, економікою та іншими сферами діяльності, оскільки на поверхню виходить комунікативний аспект, а людина є універсальним концептом, який, на думку В. І. Постовалової, розкривається в мові як найважливіший антропоцентричний феномен [4, с. 25]. Найяскравішим прикладом поєднання лінгвістичного й антропоцентричного в мові є лексичні одиниці на позначення родинних стосунків. Це зумовлює актуальність статті, оскільки на сучасному етапі в українській мові представлено розвинену систему назв спорідненості та свояцтва, які в мовознавчих розвідках мають назву «терміни спорідненості» чи «номени спорідненості».

Метою дослідження є лексико-семантичний аналіз номенів на позначення родинних стосунків у комунікативній інтеракції українців.

Серед лінгвістів, які досліджують проблеми термінології, немає єдиної думки щодо принципових розмежувань понять «номен» і «термін». «*Номен* (лат. *nomen* ім'я) — назва (іменник), значення якого визначається досить чітко, його місце в системі подібних найменувань закріплено більш-менш жорстко; *термін* у ряді собі подібних» [3]. Таке визначення

 © Нахапетова О. В., 2014

дозволяє вважати номени різновидом термінів. Абстрактні, узагальнюючі поняття визначаються термінами, конкретні й одиничні — номенами [2; с. 48]. Номени, на відміну від термінів, більше зв'язані з суб'єктивним, оцінним сприйняттям та уявленням про якусь річ. Експресивність, оцінка може супроводжувати номени, а не терміни. Тому, на нашу думку, при дослідженні термінів спорідненості в мовознавстві, доцільно ці лексеми визначати як *номени на позначення родинних стосунків*, які є приналежністю терміносистеми визначеної мовної культури.

Наукове вивчення термінів спорідненості було розпочато у другій половині XIX ст. Вперше етнологічні дослідження термінів спорідненості було здійснено в наукових працях П. О. Лавровського й Л. Р. Моргана, але вони торкалися більше культурно-історичного аспекту цього питання. Історію слов'янських термінів спорідненості (зокрема українських) досліджував О. М. Трубачов, номени свояцтва і спорідненості в українській мові вивчали А. А. Бурячок, М. В. Гримич, В. С. Парасунько, родинні традиції різних народів — С. І. Білокінь, С. О. Черепанова та ін. Українські номени на позначення родинних стосунків як явища мовної культури посіли належне місце в одинадцятитомному «Словнику української мови» й «Словнику української мови» за редакцією Б. Д. Грінченка. Проте в сучасній науковій літературі зазначену лексику описано недостатньо. Дослідження номенів на позначення родинних стосунків є актуальним в умовах глобалізаційних процесів, що існують у сучасному українському суспільстві, й пояснюється прагненням осмислити родинні зв'язки та витоки родоводу.

«Звичаєве право розрізняє спорідненість, що виражає взаємовідношення між особами, які за походженням зв'язані кровно, і свояцтво, або некровне споріднення, що виражає відносини між особами, які не зв'язані кровно, а перебувають у стосунках свояцтва внаслідок одруження чоловіка і жінки, які походять з різних родин. У свою чергу кожна система спорідненості того чи іншого народу, в якого існує парний шлюб і моногамна сім'я, поділяється на одну пряму і кілька бокових ліній, що йдуть від прямої (головної)» [1; с. 3]. Сучасна система назв спорідненості по прямій лінії, що існує в українській мові, охоплює, як правило, не більше чотирьох поколінь як у висхідному, так і у низхідному напрямах, між якими ступінь спорідненості неоднаковий, тому розрізняється спорідненість по прямій лінії першого ступеня (між батьками та їхніми дітьми), другого ступеня (між дітьми та правнуками) і т. д.

Спорідненість, яка існує, наприклад, між рідним сином у порівнянні зі спорідненістю між другим чоловіком матері та її сином від першого подружжя, також не однакова, що знаходить своє відбиття в сучасних юридичних законах про сім'ю та шлюб. У зв'язку з цим розрізняють назви, які виражають повну спорідненість, і назви, які вживаються для вираження понять неповної спорідненості. У межах цієї статті ми розглянемо лише деякі номени на позначення повної спорідненості.

До назв повної спорідненості по прямій лінії належать ті, що виражають поняття *«рідний батько»*, *«рідна мати»*, *«рідний син»*, *«рідна дочка»*.

Для передачі поняття *«рідний батько»* в сучасній українській мові вживається кілька синонімів. У розмовній та літературній мовах вони стилістично диференціюються, маючи різні конотативні значення. У нейтральному і високому стилі вживається номен *«батько»*. У розмовній мові переважають синонімічні назви вираження поняття *«рідний батько»: «тато», «неньо», «папа», «дядьо (дєдьо)»*. Конотативне забарвлення цих номенів на позначення назви *«рідний батько»* несе позитивний, «пом'якшений» відтінок неофіційності. Такі поняття, як *«тато», «неньо», «папа», «дядьо»* та ін., в українській мові є діалектними словами, що зустрічаються у певних говірках. В українській мові існує слово *«отець»*, що також передає поняття *«рідний батько»*. Але це слово поступово зникає і переходить в архаїзм, бо має офіційно-піднесений відтінок, не характерний для вживання у вузькому сімейному колі.

Для вираження поняття *«рідна мати»* в українській мові також є кілька синонімів. У плані нейтрального й піднесеного стилів виступає номен *«мати»*, що найчастіше зустрічається в літературно-писемному мовленні, передаючи оцінне конотативне значення матері, як шанованої жінки, що дала життя своїй дитині. Найбільш уживаним у розмовному мовленні є номен *«мама»*, який має емоційно-позитивне навантаження, виражає ніжність і м'якість у ставленні до рідної матері. Втім у сучасній українській мові є також і діалектні еквіваленти: *«неня», «матка», «ненька»*. Аналіз синонімічної групи, яка виражає поняття *«рідна мати»* показує, що не завжди новоутворення витримують конкуренцію зі своїми прототипами на право функціонування у певному значенні. Порівняймо номени *«мати»* і *«матка»*. Унаслідок конкуренції між стилістичними синонімами перший міцно закріпився серед форм нейтрального та підвищеного стилю, а другий виходить з ужитку. Негативне конотативне значення має і номен *«мамка»*, який виражає зневажливе ставлення до рідної матері.

Українська мова багата на зменшено-пестливі форми номенів на позначення родинних стосунків. Наприклад, номен *«тато»* має такі форми як *«таточко», «татко», «татусь»* та ін., а лексема *«мама»* — *«мамуся», «мамочка», «мамця», «матінко», «матуся»* і под.

Поняття *«рідний син»* в українській мові виражає лексема *«син»*. Однак крім загальновживаного слова *«син»*, використовується ще текстуальний синонім *«хлопець»*, що функціонує здебільшого у поєднанні з присвійними займенниками *мій, твій*; а також пестливі форми *«синку»*, *«синочку»*.

На сучасному етапі розвитку української мови для передачі поняття *«рідна дочка»* вживаються синонімічні номени *«дочка»* і *«донька»*. Перший функціонує як стилістично-нейтральний, а також у переносному значенні як слово високого стилю. Другий використовується здебільшого з пестливим відтінком значення. У пам'ятках староукраїнської мови, а також у деяких говірках це поняття передається ще номеном *«дівка»*.

Другий ступінь спорідненості по прямій лінії — це спорідненість між дідами та онуками. Він виражається лексемами *«дід», «баба»* у низхідному та *«внук», «онука»* у висхідному напрямах. Поняття *«рідний дід»* передається номеном *«дід»*.

В українській мові поряд із основною назвою *«дід»* існують її діалектні варіанти: *«дзідзьо», «дідо», «дід»*, а також зменшено-пестливі форми *«дідусь», «дідусечко», «дідусенько»*. Разом з тим зазначений номен може виражатися описово, якщо необхідно визначити, чи це дід по батькові, чи по матері: *«батьків тато»*, *«мамин тато»*. В українській мові семантика слова *«дід»* та його дериватів *«дідик», «дідок», «дідух»* поступово розширюється.

Для вираження поняття *«рідна баба»* вживається номен *«баба»*. У розмовному стилі та при звертанні вживаються пестливі форми: *«бабця», «бабуся», «буся»*, що несуть позитивний відтінок. Українське *«баба»* має негативне конотативне значення, тому при звертанні до батькової чи материної матері, як правило, не вживається. Це слово може вживатися описово, якщо обставини вимагають уточнення того, чи це баба по батьковій лінії, чи по материній: *«татова мама», «мамина мати»*.

Поняття *«рідний онук»* в українській мові виражається кількома фонетичними варіантами однієї і тієї ж назви: *«внук», «онук»*, рідше *«унук»*. Похідних слів від *«онук»* майже немає. Українській мові відомі лише *«правнук»* і корелятив жіночого роду *«онука»*. Коли виникає необхідність уточнення: чи внук по синові, чи по дочці, — вживається словосполучення *«син дочки», «син сина»*. Поняття *«рідна онука»* теж виражається кількома фонетичними варіантами одного і того ж слова: *«онука», «внука», «унука»*. За необхідності уточнення, чи це онука по синові чи по дочці, це поняття передається описово: *«дочка сина», «дочка дочки»*. В українській мові назви *«внук (онук)», «онука (внука)»* протягом свого історичного розвитку майже не поширили семантики і виділяються бідністю словотворчої бази, на відміну від таких номенів, як *«мати», «дід»*.

Третій ступінь спорідненості визначається, в основному, словами *«прадід», «прабаба»* в низхідному напрямку і *«правнук», «правнука»* у висхідному. Ці утворення зв'язані з назвами другого ступеня спорідненості.

Для вираження поняття *«рідний батько діда (баби)»* в українській мові вживається похідне слово від *«дід»* — *«прадід»* — поряд з діалектними варіантами *«прадідо», «предід»*. Описові форми використовуються лише тоді, коли необхідно уточнити, чи це батько дідів, чи бабин, або чи це дід батьків, чи материн: *«батько діда», «бабин батько»*. При звертанні до прадіда, що практично буває рідко, вживаються ті самі слова, що й до діда, оскільки вони не лише простіші для вимови, а й виражають ніжне ставлення до прадіда, показують його важливість і значущість як члена сім'ї.

Поняття *«рідна мати діда (баби)»* виражається, в основному, номеном «*прабаба»* поряд з її діалектними варіантами: *«пребаба», «прибаба»*. У разі необхідності уточнення, чи це мама дідова, чи бабина, воно може виражатися описово. Похідних слів від *«прабаба»* мало, і це, як правило, зменшено-пестливі форми *«прабабця»* та форми збільшено-зневажливі: *«прабаба», «прабабище»*.

Поняття *«рідний син внука (онуки)»* передається деривативним *«правнук»* поряд з його діалектними варіантами. Коли виникає потреба уточнити, чи це внук сина, чи дочки, вживають описові конструкції типу: *«синів внук», «доньчин внук»*. При звертанні до правнука вживають зазвичай номен *«внук (онука)»* або його зменшено-пестливі форми: *«онучику», «онученько»*.

У значенні *«дочки внука (або онуки)»* в сучасній українській мові вживається лексема *«правнука»*. При необхідності уточнення того, чи це онука сина, чи дочки, або чи це дочка внука чи онуки, вживають словосполучення: *«дочка онуки», «синова внука»*. При звертанні до правнуки використовують ті ж слова, що й до онуки.

Деривати *«прадід», «прабаба», «правнук», «правнука» у* процесі свого розвитку як словотворчо, так і семантично, цілком залежали від тих назв, на основі яких вони виникли.

Таким чином, термінологія родинних стосунків посідає належне місце в українській мові, що зумовлено етнопсихологією нації, екстралінгвістичними чинниками та особливостями національно-мовної картини світу. Вивчення цього шару лексики дає безцінний матеріал для дослідження динаміки семантичної і формальної сторін мовленнєвих фактів, ментальності українського етносу.

Література

1. *Бурячок А. А.* Назви спорідненості і свояцтва в українській мові / А. А. Бурячок. — К. : АН УРСР, 1961. — 150 с.
2. *Гринёв С. В.* Введение в терминоведение / С. В. Гринёв. — М. : Моск. лицей, 1993. — 309 с.
3. *Краткий понятийно-терминологический справочник* по этимологии и исторической лексикологии [Электронный ресурс] / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлёв ; РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова // Этимология и история слов русского языка. 1998. — 2011. — Режим доступу: www.etymolog.ru
4. *Постовалова В. И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / В. И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры. — М. : [б. и.], 1999. — С. 25—34.

References

1. *Buriachok A. A.* Nazvanija rodstva i svojstva v ukrainskom jazyke / A. A. Buriachok. — K. : AN URSR, 1961. — 150 s.
2. *Griniov S. V.* Vvedenie v terminovedenie / S. V. Griniov. — M. : Mosk. licej, 1993. — 309 s.
3. *Kratkij poniatijno-terminologicheskij spravochnik* po etimologii i istoricheskoj leksikologii [Elektronnyj resurs] / Zh. Zh. Varbot, A. F. Zhuravliov ; RAH, In-t russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova // Etimologija i istorija slov russkogo jazyka. 1998. — 2011. — URL: www.etymolog.ru, svobodnyj.
4. *Postovalova V. I.* Lingvokulturologija v svete antropologicheskoj paradigmy (k probleme osnovanij i granic sovremennoj frazeologii) / V. I. Postovalova // Frazeologija v kontekste kultury. — M., 1999. — S. 25—34.

НАХАПЕТОВА Ольга Витальевна,
преподаватель кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин Одесского национального морского университета; Одесса, Украина;
e-mail: nahapetova07@mail.ru; тел. служ.: +38 (048) 7283118; моб.: +38 0938821568

НОМЕНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕЧЕВОЙ ИНТЕРАКЦИИ УКРАИНЦЕВ

Аннотация. В статье рассматривается система номенов, обозначающих родственные отношения в речевой интеракции украинцев с точки зрения антропологической лингвистики. Современный украинский язык обладает развитой системой терминов родства и свойства. В языкознании такие лексические единицы называются «терминами родства». В статье указывается, что в лингвистике при исследовании терминов родства эти лексемы следует рассматривать как номены, обозначающие родственные отношения. Эти номены являются частью терминосистемы языковой культуры. В научной литературе эта группа слов описана неполно. В рамках данной статьи исследуются номены, обозначающие полное родство по прямой линии («отец», «мать», «сын», «дочь», «дед» и др.). Терминология родственных отношений занимает должное место в украинском языке, что объясняется этнопсихологическими, экстралингвистическими факторами, особенностями национально-языковой картины мира. Изучение украинской лексики родства даёт богатый материал для исследования динамики семантической и формальной сторон речевых фактов, ментальности украинского этноса.
Ключевые слова: антропоцентризм, термины родства, система терминов родства и свойства, номены родства, национально-языковая картина мира, ментальность.

Olga V. NAKHAPETOVA,
Teacher of the Ukrainian Studies Department, Historical-Legal and Linguistic Disciplines of Odessa National Maritime University; Odessa, Ukraine;
e-mail: nahapetova07@mail.ru; work phone: +38 (048) 7283118; cell phone: +38 093 8821568

CONCEPTS THAT REFER TO FAMILY RELATIONS IN SPEECH INTERACTION OF UKRAINIANS

Summary. The Modern Ukrainian language has a developed system of kinship terms. In linguistics, such lexical units are called «kinship terms». The article states that in linguistics when researching kinship terms it is necessary to examine these lexemes as nomens, designating family relations.

They are a part of a terminological language culture. In modern scientific literature this part of vocabulary is described incompletely. In this article, we consider concepts designating full kinship in a straight line («father», «mother», «son», «daughter», «grandfather», etc). A study of concepts denoting kinship, is relevant in conditions of globalization processes that exist in the modern Ukrainian society. Terminology of kinship takes its rightful place in the Ukrainian language, which is explained by ethnopsychological, extralinguistic factors and characteristics of the national language picture of the world. The studying of the Ukrainian vocabulary of relationship gives a rich material for investigation the dynamics of semantic and formal parties of speech facts and mentality of the Ukrainian ethnos.
Key words: anthropocentrism, kinship terms, the system of kinship terms and properties nomens of kinship, ethnic-linguistic picture of the world mentality.

Статтю отримано 5.11.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.161.1’23’367’373.612.2

БЫТЕВА Татьяна Исааковна,
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Херсонского государственного университета; Херсон, Украина;
e-mail: tatjana-byteva@yandex.ru; тел.: +38(055) 2293745; моб.: +38 095 1896767

ПЕРИФРАСТИЧНОСТЬ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КОММУНИКАТИВНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается категориальная специфика коммуникативного уровня языка и представлены результаты изучения коммуникативных свойств и возможностей перифразы как единицы этого уровня. Анализ материала показывает, что в явлении перифразы происходит коммуникативная актуализация семантики слова-номината по таким семантическим правилам: а) тема-рематические отношения в перифразе основаны на итерации семы слова-номината в опорном компоненте перифрастического сочетания; б) слова определённых селективных классов соответствуют коммуникативной функции каждого компонента перифрастического сочетания; в) механизм образной валентности зависит от актуализации экспрессивно перспективных сем опорного компонента перифрастического сочетания, которые порождают явление семантической форманты у перифразированного слова; г) «семантический фильтр» предопределяет наличие прямого значения у членов сочетания как «залога» его перифрастичности; д) аппозитивы используются для паратактического выражения семантической соотносительности частей перифразы.

Средством выражения коммуникативно-релевантного значения является трёхчленная семантическая структура: 1) слово-номинат, 2) перифразирующий компонент, 3) предицируемый компонент. Явление перифразы обусловлено коммуникативной интенцией говорящего, его установкой на выражение данного смысла.

Результаты исследования дают возможность идентифицировать перифразу как лингвистический объект и определить перифрастичность как функционально-семантическую категорию коммуникативного уровня языка.

Ключевые слова: лексико-семантические категории, интегративный подход, текстоцентрическая парадигма, перифраза.

В современном языкознании под языковой категорией понимается «замкнутая система значений некоторого универсального семантического признака или же отдельное значение этого признака безотносительно к способу и формам его выражения в конкретном языке» [2, с. 216]. Наряду с такими широкими «понятийными» категориями, как категория активности/неактивности, свойственности/чуждости, релятивности, цели, причины, выделяют традиционно морфологические категории (рода, числа, времени, лица), фонетические (звонкость/глухость), словообразовательные (деминутивность), синтаксические (модальность) и, наконец, лексические категории, к которым относятся образность, экспрессивность, эмотивность, оценочность, интенсивность, метафоричность, мотивированность.

Проблема изучения именно лексико-семантических категорий и их научное описание неслучайно относится в последнее время к числу наиболее актуальных. Это связано с интегративным подходом к анализу языковых явлений, что, в свою очередь, обусловлено сменой лингвистической научной парадигмы, происшедшей в конце XX века, утверждением в языкознании новой «антропоцентрической» и «текстоцентрической» парадигмы.

Новая лингвистическая парадигма, которую называют ещё «социальной», «функциональной», «коммуникативной», представляет собой качественно новый подход к изучению и осмыслению языка: от изучения языка как системы знаков «новая» лингвистика перешла к изучению языка как орудия и механизма общения, мышления, познания, языка как компонента культуры общества. В лексикологии это нашло отражение в исследовании коннотативного компонента слова, так как именно он связан с выражением субъективных («антропоцентрических») аспектов восприятия и отражения мира, в изучении экспрессивной (эмотивной и оценочной) лексики (М. И. Черемисина, Н. А. Лукьянова, Т. В. Матвеева, В. И. Шаховский, В. Н. Телия), в разработке теории языковой метафоры (Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, Г. Н. Скляревская); в изучении роли лексики, формировании языковой картины мира (Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия); в интенсивном изучении внутренней формы слова (О. И. Блинова, А. И. Фёдоров, В. Н. Телия, Л. Т. Хижняк); в анализе культурных коннотаций лексико-фразеологичского фонда; в широком изучении образности (Н. А. Лукьянова, В. К. Харченко, О. И. Блинова и др.).

Этот процесс сопровождался усилением внимания к изучению лексико-семантических категорий, т. е. выявлению и описанию таких лексико-семантических свойств, которые отражают отношение носителей языка к называемым явлениям, национальную специфику восприятия и отражения реалий.

 © Бытева Т. И., 2014

Достаточно указать ряд работ и имена их авторов, чтобы можно было убедиться в смещении акцента научных интересов лингвистов на изучение категориальных свойств языковых единиц: см. Блинова О. И. Образность как категория лексикологии (1983) — Новосибирск; Она же. Лексико-семантическая категория и — свойство слова (1995) — Томск; Васильев Л. М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты (1996) — Уфа; Гайсина Р. М. Семантическая категория отношения (1996) — Уфа; Лукьянова Н. А. Экспрессивность как семантическая категория (1991) — Новосибирск; Мезенин С. И. Образность как лингвистическая категория (1983) — М.; Сергеева Л. А. Категория оценки и аспекты её описания (1986) — Уфа; Скляревская Г. Н. Категория образности и толковый словарь литературного языка (1989) — СПб.; Телия В. Н. Экспрессивность (1979) — М.; Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке (1990) — М.; Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка (1977) — Воронеж; Сборник «Языковые категории в лексикологии и синтаксисе» (1991) — Новосибирск и др.

Толкования языковых категорий, в частности лексико-семантических, разнообразны. Сам термин *лексико-семантическая категория* полисемичен, что отмечается в литературе. В частности, в статье Н. А. Лукьяновой [3, с. 3—23] указывается три значения термина:

1) общее понятие, отражающие наиболее существенные признаки лингвистических объектов: категория слова, категория лексического значения...;

2) предельно общее понятие, отражающее существенные закономерные связи между словами и между лексическими значениями слов: категория синонимии, антонимии...;

3) название некоторой совокупности лексических единиц, связанных общим значением или общими семами: категория оценки, эмотивности...

Кроме того, дискуссионны вопросы интерпретации лексико-семантических категорий и их типологии. Эти и многие другие дискуссионные моменты указывают на необходимость создания теоретико-методологической базы описания категорий лексикологии, описания семантических категорий вообще.

Представляется целесообразным при выявлении и анализе категорий того или иного уровня языка иметь в виду инвариантную природу языковой категории, заключающуюся в обобщении некоего свойства, абстрагированного от предметно-понятийной семантики и выделяющего единицы этой категории из числа других языковых единиц. Эта инвариантная природа языковой категории реализуется так или иначе в зависимости от уровневой локализации. Поэтому при выделении лексической категории абстрагирование происходит в направлении лексических свойств единиц, при выделении синтаксических категорий — в направлении синтаксических свойств и т. д.

Таким образом, лексические категории обобщают лексико-семантические свойства, последние базируются на двусторонности лексической единицы и её функциональной предназначенности, и поэтому категории выделяются на основании «единства обобщённого лексического значения и соответствующих форм выражения, проявляющихся в характерных функциях, соответствуют единицам, подводимым по эту категорию» [5]. Иначе говоря, лексические категории имеют:

1) определённое семантическое основание (некое обобщённое значение);

2) материальные средства воплощения;

3) характерную семантическую функцию.

Такое понимание лексико-семантической категории соотносится с пониманием феномена языковой категории на других строевых уровнях языка, где категории выделяются с учётом категориальной семантики и регулярных средств её выражения.

В последнее время в связи с утверждением новой исследовательской парадигмы, формированием коммуникативной лингвистики и её различных направлений ведутся поиски параметров выделения *функциональных категорий текста,* связанных с выяснением его формально-семантических свойств. Так, объектом анализа в работе Т. В. Матвеевой «Функциональные стили в аспекте текстовых категорий» [4] стали ***тематическая целостность, локальность, темпоральность, тональность, логическое развёртывание, композиция.***

С нашей точки зрения, текст (рассматриваемый не как речевое произведение, а как системно-структурное образование, т. е. контекст) представляет собой не что иное, как коммуникативный уровень языка, или коммуникативную область языка [см. об этом: 1, с. 131—142]. Контекст — это «проявленный» уровень языка как коммуникативной системы, как носителя коммуникативной функции в качестве основной. Коммуникативный уровень специфичен в том отношении, что имеет интегративный характер; он обусловлен системным взаимодействием единиц всех уровней языка, с одной стороны, и их экстралингвистической направленностью — с другой. И наряду с отмеченными категориями (***локальность, темпоральность, тональность*** и др.), имеющими обобщающий детерминирующий характер, в сфере коммуникативной семантики, безусловно, присутствуют более частные категории, представляющее собой упомянутое «единство обобщённого значения и соответствующих форм выражения, проявляющихся

в характерных функциях, которые соответствуют единицам, подводимым под эту категорию» (Л. А. Новиков).

Выделение и разработка таких категорий требует детального изучения коммуникативных свойств и возможностей различных языковых единиц этого уровня, типов контекстных условий реализации их смысла, что пока сдерживается теми трудностями, которые связаны с уже отмеченным интегративным характером коммуникативного уровня. Однако подобное изучение было предпринято относительно перифразы, и результаты его не только позволили идентифицировать перифразу как лингвистический объект, как единицу коммуникативного уровня языка [см.: 1], но позволяют выделить категорию перифрастичности как функционально-семантическую категорию этого уровня.

Если иметь ввиду, что понятию категории удовлетворяют следующие критерии: 1) наличие обобщённых свойств единиц, абстрагированных от их предметно-понятийного содержания, которое обнаруживается в отношении этих единиц к сопредельным, т. е. семантическое основание; 2) единство обобщённого значения и средств его выражения; 3) единство семантической функции, — то феномен перифразы удовлетворяет всем этим критериям.

1. Анализ показал, что в явлении перифразы происходит коммуникативная актуализация семантики слова-номината по определённым семантическим правилам, а именно:

а) использование тема-рематических отношений между членами перифразы, основанных на итерации семы слова-номината в опорном компоненте перифрастического сочетания;

б) использование слов определённых селективных классов соответственно коммуникативной функции каждого из компонентов перифрастического сочетания;

в) использование механизма образной валентности, основанного на актуализации экспрессивно перспективных сем опорного компонента перифрастического сочетания, порождающих явление семантической форманты у перифразированного слова;

г) использование «семантического фильтра», предопределяющего наличие прямого номинативного значения у одного из (или у обоих) членов сочетания как «залога» его перифрастичности;

д) использование аппозитивных отношений для паратактического выражения семантической соотносительности частей перифразы.

Результатом подобной системной актуализации семантики слова-номината является особое, перифрастическое, значение, свойственное обороту. Это особое, коммуникативно-релевантное значение и есть ***семантическое основание категории перифрастичности***.

2. ***Средством выражения*** коммуникативно-релевантного значения является трёхчленная семантическая структура:

1) слово-номинат, 2) перифразирующий компонент, 3) предицируемый компонент. Например:

1) космонавты	3) небесные	2) братья
	3) небесные	2) следопыты
	3) небесные	2) путешественники
	2) герои	3) космоса
	2) лоцманы	3) Вселенной

3. Явление перифразы обусловлено исключительно коммуникативной интенцией говорящего, его установкой на выражение именно данного смысла. Говорящий «выбирает» из некой парадигмы смысловой актуальности, имплицитно присутствующей в семной структуре лексического значения слова-номината, перифразируемого оборотом. Таким образом, перифраза есть номинация, выполняющая ***специфическую функцию*** передачи актуальной информации об объекте номинации. Эта функция отлична от функции сопредельных языковых единиц: слова и свободного сочетания, — а также других типов сочетаний. Она обозначена нами как ***актуально-номинативная***.

Имея в виду всё изложенное, можно констатировать, что выявленная в феномене перифразы традиционная совокупность категориальных признаков, присущих огромному числу единиц (наличие особого коммуникативного-релевантного значения (перифрастического), особой двухчастной и трёхчленной семасиологической структуры, особой актуально-номинативной функции), идентифицирует явление перифрастичности как функционально-семантическую категорию коммуникативного уровня языка.

Литература

1. *Бытева Т. И.* Очерки по русской перифрастике : монография / Т. И. Бытева. — М. : Элпис, 2008. — 303 с.

2. *Лингвистический энциклопедический словарь.* — М. : Сов. энциклопедия, 1990. — 682 с.

3. *Лукьянова Н. А.* Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе / Н. А. Лукьянова. — Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1991. — С. 3—23.

4. *Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. — Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1990. — 172 с.
5. *Новиков Л. А.* Семантика русского языка / Л. А. Новиков. — М. : Высшая школа, 1982. — 272 с.

References

1. *Byteva T. I.* Ocherki po russkoj perifrastike : monografija / T. I. Byteva. — M. : Elpis, 2008. — 303 s.
2. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'*. — M. : Sov. enciklopedija, 1990. — 682 s.
3. *Luk'janova N. A.* Ekspressivnost' kak semanticheskaja kategorija // Jazykovye kategorii v leksikologii i sintaksise / N. A. Luk'janova. — Novosibirsk : Izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1991. — S. 3—23.
4. *Matveeva T. V.* Funkcional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij: Sinhronno-sopostavitel'nyj ocherk / T. V. Matveeva. — Sverdlovsk : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1990. — 172 s.
5. *Novikov L. A.* Semantika russkogo jazyka / L. A. Novikov. — M. : Vysshaja shkola, 1982. — 272 s.

БИТЄВА Тетяна Ісаківна,
доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови та загального мовознавства Херсонського державного університету; Херсон, Україна;
e-mail: tatjana-byteva@yandex.ru; тел.: +38 (055) 2293745; моб.: +38 095 1896767

ПЕРИФРАСТИЧНІСТЬ ЯК ФУНКЦІОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧНА КАТЕГОРІЯ КОМУНІКАТИВНОГО РІВНЯ МОВИ

Анотація. У статті розглянуто категоріальну специфіку комунікативного рівня мови і представлено результати вивчення комунікативних властивостей і можливостей перифрази як одиниці цього рівня. Аналіз матеріалу показує, що у феномені перифрази відбувається комунікативна актуалізація семантики слова-номіната за такими семантичними правилами: а) тема-рематичні відносини в перифразі залежать від ітерації семи слова-номіната в опорному компоненті перифрастичного сполучення; б) слова певних селективних класів відповідають комунікативній функції кожного компонента перифрастичного сполучення; в) механізм образної валентності залежить від актуалізації експресивно перспективних сем опорного компонента перифрастичного сполучення, які породжують явище семантичної форманти у перифразованому слові; г) «семантичний фільтр» зумовлює наявність прямого значення у членів сполучення як «застави» його перифрастичності; д) апозитиви використовуються для паратактичного вираження семантичної співвідносності частин перифрази.

Засобом вираження комунікативно-релевантного значення є тричленна семантична структура: 1) словономінат, 2) перифразуючий компонент, 3) компонент, який предикується. Явище перифрази зумовлено комунікативною інтенцією мовця, його установкою на вираження даного смислу.

Результати дослідження уможливлюють ідентифікацію перифрази як лінгвістичного об'єкта і визначення перифрастичності як функціонально-семантичної категорії комунікативного рівня мови.

Ключові слова: лексико-семантичні категорії, інтегративний підхід, текстоцентрична парадигма, перифраза.

Tatjana I. BYTEVA,
Grand PhD in Philological Sciences, Full Professor of Russian Language and General Linguistics Department of Kherson State University; Kherson, Ukraine;
e-mail: tatjana-byteva@yandex.ru; tel.: +38 (055) 2293745; mob.: +38 095 1896767

PERIFRASISNESS AS A FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORY OF COMMUNICATIVE LANGUAGE LEVEL

Summary. The article deals with categorical specificity of communicative language level and presents the results of the research of the communicative properties and capabilities of paraphrases as units of this level. Analysis of the data shows that the communicative actualization of a word semantics-nominees in paraphrases occurs for such semantic rules: a) the relations between theme and rheme in the paraphrase are based on the iteration of word-nominees seme in the reference component of periphrastic combination; b) the words of certain selective classes correspond the communicative function of each component in the periphrastic combination; c) the mechanism of figurative valence depends on the actualization of expressively prospective semes in the reference component of the periphrastic combination; d) «semantic filter» determines the presence of the proper meanings of the components in the periphrastic combination as a «pledge» of its perifrasisness; e) appositives are used to paratactic express the semantic correlation of the components in the periphrastic combinations.

Means of expressing the communicative and relevant values have such trinomial semantic structure: 1) words-nominees, 2) periphrastic components, 3) predicative components. The phenomenon of paraphrase is due to the speaker's communicative intention and his installing on the expression of meaning.

The results of this research allow us to identify paraphrases as a linguistic object and to determine the perifrasisness as a functional-semantic category of communicative level of the language.

Key words: lexical-semantic categories, integrative approach, textocentric paradigm, paraphrase.

Статтю отримано 1.10.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.161.1’42’367.626.1

ГРАНЕВА Ирина Юрьевна,
кандидат филологических наук, зав. лабораторией «Чешский центр образования и культуры» Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; Нижний Новгород, Россия;
e-mail: irina.graneva@mail.ru; тел.: +7 (831) 4338245; моб.: +7 960 1960735

ВТОРИЧНЫЕ РЕФЕРЕНТНЫЕ И НЕРЕФЕРЕНТНЫЕ КОНТЕКСТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЯ «ВЫ» В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Аннотация. В статье говорится о разных типах вторичного референтного и нереферентного употребления русского местоимения ВЫ в режиме косвенного речевого акта в зависимости от разных типов дискурса (устный / письменный, официальный / неофициальный, обыденный / художественный и пр.), а также от различных коммуникативных ситуаций и статусов участников коммуникации. Рассматриваются такие вторичные нереферентные употребления ВЫ, как «вежливое» ВЫ, «ироническое» ВЫ (*Наше **вам** с кисточкой*), фамильярное ВЫ (фраза, обращённая, например, к матери ребёнка в его присутствии: *Ах, как **вы** выросли*), а также нереферентные употребления ВЫ (экзистенциальное, универсальное, родовое) и автореферентные (*Пустое **вы** сердечным **ты** // Она обмолвясь заменила...*).
Ключевые слова: тип употребления, коммуникативная ситуация, семантический параметр, местоимение ВЫ, «референтное» ВЫ, «нереферентное» ВЫ.

Работа посвящена разным типам вторичного референтного и нереферентного употребления русского местоимения ВЫ в режиме косвенного речевого акта в зависимости от разных типов дискурса (устный / письменный, официальный / неофициальный, обыденный / художественный и пр.), а также от различных коммуникативных ситуаций и статусов участников коммуникации. Языковым материалом служат данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и собственные наблюдения автора за устной речью.

Семантика личных местоимений контекстно и ситуативно зависима. Она конкретизируется в речи в результате сложного взаимодействия явлений разных уровней: непосредственного речевого контекста употребления, коммуникативной характеристики речевой ситуации в целом и статуса её участников, а также механизмов его референции, которые, вслед за Е. В. Падучевой, понимаются нами как «механизмы, позволяющие связывать речевые сообщения и их компоненты с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями дел в реальном мире» [4, с. 7].

В основу избранного нами комплексного подхода к описанию семантики и функционирования местоимения ВЫ в разных коммуникативных условиях положено понятие **типа употребления** по отношению к референции. Понятие «тип употребления» обобщает традиционные понятия «значение», «оттенок смысла», «лексико-семантический вариант» и др. Имеется в виду определённый тип значения единицы, возникающего в типовых коммуникативных и прагматических условиях в конкретных речевых актах. Этот тип значения отражает только одну сторону общей семантики единицы, а именно «семантический объём», то есть объект / объекты внеязыковой действительности, на которые указывает данное словоупотребление [4, с. 207].

В свою очередь, разные типы актуализации исходного значения местоимения ВЫ в речевой деятельности зависят от различной актуализации (или, напротив, нейтрализации) в конкретном речевом акте его базовых **семантических параметров** (иначе они называются «смысловые компоненты», или «тематические компоненты»). Ср., например: «Кроме собственно местоименного компонента в значение МЫ входят др. смысловые компоненты — обычно абстрактного типа (тематические компоненты), например, «предметность», «одушевлённость», «мужской пол» и др.» [3, с. 294].

Для местоимения ВЫ важны следующие параметры: (1) тип референции (в нашем случае, важен коммуникативный статус субъектов и количество субъектов, задаваемых референцией МЫ в том или ином речевом акте); (2) одушевлённость: в нормативном употреблении местоимение МЫ всегда относится к одушевлённому лицу; (3) «личность», т. е. референция к человеку; (4) отношение к лицу — участнику коммуникации; (5) число — количество субъектов (один или несколько); (6) инклюзивность / эксклюзивность; (7) наличие «указательного поля»: употребляется ли слово в акте непосредственной коммуникации, при наличии непосредственного адресата сообщения, или же при отсутствии непосредственного адресата («каноническая речевая ситуация» или «редуцированная речевая ситуация», согласно Е. В. Падучевой) [5, с. 198—213].

 © Граневa И. Ю., 2014

Наиболее общая классификация на этом основании — это деление всех употреблений на **референтные** и **нереферентные употребления**. Применительно к местоимению ВЫ это может означать, что можно выделить, условно говоря, **«референтное» *вы*** и **«нереферентное» *вы*.** Главным критерием разграничения «референтного» и «нереферентного» *вы* является его употребление по отношению к лицам, которые являются непосредственными участниками коммуникации (соответственно могут стать объектами конкретной референции) или по отношению к неопределённому множеству лиц, не участвующих в акте коммуникации непосредственно.

В свою очередь, референтные употребления ВЫ далее можно разделять на употребления ВЫ в **первичной** и во **вторичной референтной функции** (или **первичные референтные** и **вторичные референтные употребления** ВЫ). Первичная референтная функция так или иначе соотносит употребление *вы* с говорящим в момент непосредственного осуществления речевого акта, а вторичная референтная функция нейтрализует или вообще исключает позицию говорящего (тогда местоимение *вы* употребляется в роли указания на другое лицо, участвующее или не участвующее в акте коммуникации — используется вместо ТЫ и др.). Таким образом, понятно, например, что только ВЫ в первичной референтной функции следует считать исходным, а значит, правы составители словарей и авторы грамматик, квалифицирующие значение ВЫ через референцию к участникам коммуникации ‘служит для обозначения нескольких лиц, включая собеседника и исключая говорящего’ в качестве первого, основного. С точки зрения нашего подхода, в эту формулировку следовало бы добавить ‘в непосредственном акте коммуникации’, поскольку, как будет показано далее, все личные местоимения, включая ВЫ, часто употребляются в опосредованной («редуцированной») коммуникации.

Во многих грамматических исследованиях, посвящённых личным местоимениям, помимо исходных, основных значений указанных местоимений, выделяют так называемые «вторичные значения»: так, например, в качестве вторичных значений для местоимений *мы, вы* и *они* приводятся «значения единичного лица в его отношении к другому лицу (к другим лицам)» [2, с. 207]. «Вторичность» этих значений проявляется в том, что одно местоимение используется в категориальном значении, присущем другому местоимению.

При исследовании вторичных употреблений обнаруживается крайнее разнообразие типов речи в целом, конкретных речевых ситуаций, а также непосредственных коммуникативных намерений говорящего.

Вторичная референтная функция употребления ВЫ реализуется в ситуациях, когда ВЫ, по тем или иным причинам, указывает на другое лицо в числе непосредственных участников коммуникации. Это прежде всего «вежливое» ВЫ, т. е. ВЫ вместо ТЫ, например: (1) *Я к **вам** пишу, чего же боле?* (А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»); (2) *Где в тщетной заботе // Склониться ко сну // **Вы** с мужем живёте, // Как птица в плену* (А. П. Ладинский) [НКРЯ].

Кстати, в случае с «вежливым» ВЫ точнее будет говорить о нейтрализации признака грамматического числа (неразличении ТЫ / ВЫ), потому что «вежливое» обращение к нескольким лица также будет ВЫ, а дифференцирует единственное и множественное число только реальная ситуация, но не языковая форма.

Кроме «вежливого» ВЫ, подобная нейтрализация характерна для ряда контекстов в непринуждённой, неофициальной разговорной речи, где ВЫ вместо ТЫ или нейтрализующее ТЫ / ВЫ выступает во фразеологизованных конструкциях как признак снижения тона, фамильярности: *Пожалуйста **вам;** Наше **вам** с кисточкой; С чем **вас** и поздравляю.* Такое ВЫ, явно семантически производное на базе «вежливого» МЫ, можно назвать «ироническим». Ср. также: *Наше **вам** почтение!* (фамильярное приветствие), *Чтоб **вас** (разорвало); чтоб **вам** пусто было!* (выражение сильного возмущения, досады, проклятия).

Вторичные референтные употребления ВЫ связаны с особыми типами коммуникативных ситуаций или особым статусом участников коммуникации, при котором *ВЫ*, в режиме косвенного речевого акта, следует трактовать и как ‘ОН’. Разновидность такого употребления ВЫ характерна для разговорной речи, шутливого, фамильярного типа речевой ситуации, где *ВЫ = ОН (ОНА).* Так, фраза, обращённая, например, к матери ребёнка в его присутствии: *Ах, как **вы** выросли* — по отношению к ребёнку своим референтом имеет именно ребёнка (‘он вырос’).

К нереферентным употреблениям ВЫ относятся случаи его использования не для непосредственного ситуационного персонального дейксиса, когда говорящий употребляет ВЫ не по отношению к непосредственным участникам коммуникации. Нереферентное употребление ВЫ связано с отсутствием отсылки к непосредственному участнику речевой ситуации, когда ВЫ обозначает неопределенное множество людей, не подлежащее параметризации по объёму. В этом случае можно говорить о своего рода вытеснении дейктической функции номинативной функцией.

В концепции Е. В. Падучевой значение слов-«эгоцентриков» (а к ним относятся и дейктические местоимения I и II лица) сильно зависит от того, употреблено ли данное слово в режиме обычной диалогической коммуникации, в ситуации непосредственного общения

между говорящими и адресатами, при наличии общего «поля зрения» («указательного поля») и пр. — это называется «каноническая речевая ситуация»; — или в режиме отсутствия одного из участников коммуникации (есть говорящий, нет адресата — или наоборот, как в письменной речи) — это называется «редуцированная речевая ситуация». В свою очередь, «редуцированная речевая ситуация» может актуализоваться в режиме обычного, нехудожественного употребления языка в письменной форме и в режиме художественной речи (как нарратив и как лирика) [5, с. 198—213].

В другой своей работе Е. В. Падучева выделяет следующие типы нереферентных употреблений («денотативных статусов»): экзистенциальные (в разновидностях: дистрибутивные, неконкретные, общеэкзистенциальные), универсальные, атрибутивные, родовые [4, с. 94].

ВЫ не может по природе своей выступать в **атрибутивном** нереферентном употреблении, поскольку этот тип нереферентного употребления предполагает указание на характерный признак предмета, т. е. присущ только словам с номинативной семантикой. Однако ВЫ может реализовать другие типы нереферентного употребления. В частности, **экзистенциальное** нереферентное употребление ВЫ (соответствует квантору существования: *есть некоторые S..., существуют S...)* предполагает, что это употребление очерчивает некий класс лиц, объединяя говорящего вместе с лицами одного с ним круга, одних с ним взглядов, убеждений и т. п. См., например: *Может быть, я не буду там с* ***вами****, но я хочу, чтобы* ***вы*** *знали сейчас: все мы, весь народ увидит эту Землю»* (РИА Новости, 21.01.2008) [НКРЯ]. Здесь ВЫ примерно означает: ‘ты + некоторая группа людей, в которую входят и говорящий, и адресат, т. е. «народ»’; его можно условно именовать «ценностным», «идеологическим» ВЫ.

Такое ВЫ часто встречается в публицистических, политических и поэтических текстах, имеющих задачу воздействия на максимально большой круг адресатов, например: *Слово «друг» я сказал, // но друг друга мрачней и грустней //* ***Вы*** *глядели на нас,* ***вы*** *— толпа разобщённых друзей...* (А. Е. Адалис. В человеческой памяти) [НКРЯ].

Универсальное нереферентное употребление ВЫ (соответствует квантору всеобщности: *все S..., для всех S...*) предполагает указание на множество всех лиц, включая говорящего, и реализуется в так называемом «обобщённо-личном» ВЫ: *Представьте себе,* ***вы*** *выходите ярким летним утром на косогор...* Здесь проявляется особое чувство эмпатии: говорящий отождествляет себя и с адресатом, и со всеми живущими на Земле, как бы всех приглашает разделить свои впечатления (ВЫ = ВСЯКИЙ, КАЖДЫЙ, ВСЕ ЛЮДИ). Такое ВЫ обычно употребляется в суждениях обобщающего типа (так называемых «генерализованных высказываниях», а также широко используется в рекламных целях: *Став клиентом нашей компании,* ***вы*** *получите профессиональный и высокоэффективный информационный отдел в* ***Вашей*** *фирме, который будет работать на пользу и процветание* ***Вашего*** *бизнеса и услугами которого смогут воспользоваться все сотрудники* ***Вашей*** *фирмы* [Информационная система INFOLine (2003)] [НКРЯ].

Если экзистенциальное ВЫ условно делит семантическое пространство на две равные, противопоставленные друг другу части (ВЫ↔ОНИ), то **родовое** ВЫ просто выделяет определённую область семантического пространства, оставляя остальные области немаркированными. Оно соотносится с обозначением чёткого класса лиц, выделяемого из других по наличию отличительных характерных признаков, и потому, как правило, нуждается в контекстном пояснении или уточнении: *КОЗЕРОГ: В этот период* ***вы*** [т. е. не кто угодно, а только класс, определённая группа людей, родившихся под знаком Козерога — *И. Г.*] *находитесь в благотворном потоке энергии* (Астрологический прогноз // Труд-7, 28.12.2007) [НКРЯ]. Подобная выделенная референтная группа (т. е. все рождённые под данным знаком зодиака) может быть сколь угодно широкой и маркироваться по самому разнообразному признаку: социальному, политическому, культурному, эстетическому, религиозному, половозрастному и пр., — но она всегда чётко очерчена, в отличие от неопределённой референции экзистенциального ВЫ.

Кроме этого, мы выделяем так называемые «окказиональные» употребления ВЫ. В их число прежде всего входит довольно часто встречающееся «автореферентное» ВЫ. Под «автореферентностью» в общем виде в теории референции понимают такое свойство высказывания или его части (словосочетания, отдельного слова), как **автонимность употребления**, т. е. употребления, при котором знак обозначает сам себя [4, с. 20].

Применительно к интересующему нас местоимению ВЫ речь может идти о таких употреблениях, где слово ВЫ реально обозначает не конкретное лицо или абстрактную группу лиц, как при «нормальном» осуществлении дейктической или номинативной функций, а что-то вроде ‘слово *вы*’ или ‘употребление слова *вы*’. Подобные случаи прекрасно иллюстрируются широко известным примером из А. С. Пушкина: *Пустое* ***вы*** *сердечным* ***ты*** *// Она обмолвясь заменила...*

«Автореферентное» ВЫ (как и «автореферентное» МЫ) ценностно окрашено и обладает повышенной экспрессивностью. Поэтому оно активно используется в разных типах дискурса и даже стало основой для фразеологических единиц *обращаться на ВЫ* и *быть на ВЫ*.

Литература

1. *Гранева И. Ю.* О референтном и нереферентном употреблении местоимения МЫ / И. Ю. Гранева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — Сер. Филология. — Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2008. — Вып. 4. — С. 206—209.
2. *Краткая русская грамматика* / Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. [и др.]. — М. : Русский язык, 1989. — 639 с.
3. *Крылов С. А.* Местоимение / С. А. Крылов, Е. В. Падучева // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 294—295.
4. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесённость с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. — М. : Наука, 1985. — 272 с.
5. *Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 464 с.

References

1. *Graneva I.* Yu. O referentnom i nereferentnom upotreblenii mestoimenija // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. — Ser. Filologiya. — N. Novgorod : Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2008. — Vyp. 4. — C. 206—209.
2. *Kratkaja russkaja grammatika* / Belousov V. N., Kovtunova I. I., Kruchinina I. N. [i dr.]. — M. : Russkij jazyk, 1989. — 639 s.
3. *Krylov S. A.* Mestoimenie / S. A. Krylov, E. V. Paducheva // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. V. N. Yarzeva. M. : Sov. enciklopedija, 1990. — S. 294—295.
4. *Paducheva E. V.* Vyskazyvanie i ego sootnesionnost' s deystvitelnost'u (referencialnye aspekty semantiki mestoimenij). — M. : Nauka, 1985. — 272 s.
5. *Paducheva E. V.* Semanticheskie issledovanija (Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa). — M. : Jazyki russkoj kultury, 1996. — 464 s.

ГРАНЄВА Ірина Юріївна,
кандидат філологічних наук, зав. лабораторії «Чеський центр освіти і культури» Нижегородського державного університету ім. М. І. Лобачевського; Нижній Новгород, Росія;
e-mail: irina.graneva@mail.ru; тел.: +7 (831) 4338245; моб.: +7 960 1960735

ВТОРИННІ РЕФЕРЕНТНІ Й НЕРЕФЕРЕНТНІ КОНТЕКСТИ ВЖИВАННЯ ЗАЙМЕННИКА «ВИ» В РІЗНИХ ТИПАХ ДИСКУРСУ

Анотація. У статті йдеться про різні типи вторинного референтного й нереферентного вживання російського займенника ВЫ в режимі непрямого мовленнєвого акту в залежності від різних типів дискурсу (усний / письмовий, офіційний / неофіційний, буденний / художній та ін.), а також від різних комунікативних ситуацій і статусів учасників комунікації. Розглянуто такі вторинні нереферентні вживання ВИ (ВЫ), як «ввічливе» ВИ (ВЫ), «іронічне» ВИ (ВЫ) (*Наше **вам** с кисточкой*), фамільярне ВИ (ВЫ) (фраза, звернена, наприклад, до матері дитини в її присутності: *Ах, как **вы** выросли*), а також нереферентні вживання ВИ (ВЫ) (екзистенціальне, універсальне, родове) і автореферентні (*Пустое **вы** сердечным **ты** // Она обмолвясь заменила...*).

Ключові слова: тип вживання, комунікативна ситуація, семантичний параметр, займенник ВИ (ВЫ), «референтне» ВИ (ВЫ), «нереферентне» ВИ (ВЫ).

Irina Yu. GRANEVA,
PhD in Philological Sciences, Head of Laboratory of the Czech Centre of Education and Culture, Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky; Nizhny Novgorod, Russia;
e-mail: irina.graneva@mail.ru; tel.: +7 (831) 4338245; mob.: +7 960 1960735

THE SECONDARY REFERENTIAL AND NON-REFERENTIAL CONTEXTS OF USAGE OF PRONOUN «VY» («YOU») IN VARIOUS TYPES OF DISCOURSES

Summary. The article deals with different types of secondary referential and non-referential usage of Russian pronoun «VY» («you») in the indirect speech act, depending on the different types of discourse (oral/written, formal/informal, ordinary/artistic etc.), as well as on the different communicative situations and statuses of communicators. The author considers such secondary non-referential usage of «VY» («you») as «polite» VY, «ironic» VY (*Nashe **vam** s kistochkoj*), unceremonious VY (for example, phrase to the woman who is a mother in the presence of her child: *Ah, kak **vy** vyrosli*), as well as non-referential uses of VY (existential, universal, generic) and a self-referencing (*Pustoe **vy** serdechnym **ty** // Ona obmolvias' zamenila...*).

Key words: type of usage, communicative situation, semantic parameter, pronoun VY («You»), «referential» VY, «non-referential» VY.

Статтю отримано 12.07.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 81’42:316.775:004.738.5

ИВАНОВА Ксения Александровна,
аспирант кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; Киев, Украина;
e-mail: ksuhetskaya@mail.ru; моб.: +38 067 9396322

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УСТАНОВЛЕНИЯ КОНТАКТА МЕЖДУ АВТОРОМ И ЧИТАТЕЛЕМ В ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье рассматривается взаимоотношение и взаимодействие категорий автора и читателя информационно-аналитического медиатекста (а именно — интернет-текста), как представителей двух сторон коммуникативного процесса — адресанта и адресата. В информационно-аналитических медиатекстах категория автора прослеживается более чётко, чем в медиатекстах информационного типа, что проявляется не только в выражении автором своего мнения и оценки, но и в установлении контакта со своим читателем. Речевые средства, используемые автором для контакта с реципиентом, относятся к разряду риторических. Цель этих языковых приёмов — заинтересовать и задействовать читателя в процессе авторских рассуждений.

В статье описываются лингвориторические средства, которые используются автором медиатекста для установления и поддержания контакта с читателем. В результате исследования были выделены такие приёмы, как: обращение, риторический вопрос, реплика автора, композиционный вопрос, конструкция «вопрос-ответ», кооперация с читателем и восклицательные предложения, а также указаны функции, которые они выполняют.

Ключевые слова: информационно-аналитический медиатекст, лингвориторический приём, автор, контакт с читателем.

Исследование медийных текстов, в частности интернет-текстов, всё больше привлекает внимание современных лингвистов. Подходы к изучению медиатекстов применяются разные, всесторонние: когнитивный, семиотический, коммуникативный, культурологический, прагматический и другие, что свидетельствует о многоплановости и полифункциональности текстов СМИ, а также об их причастности ко многим сферам жизнедеятельности человека.

Актуальным является вопрос о взаимодействии автора и читателя/реципиента медиатекста, поскольку и первый, и второй являются участниками процесса коммуникации. Кроме того, медиатекст рассчитан на восприятие аудиторией, так как создаётся автором для читателя. В зависимости от функционально-жанровой принадлежности медиатекста, можно говорить о его целях: проинформировать, развлечь, побудить к действию, убедить в точке зрения и т. д.

Исследователь Н. С. Цветова отмечает повышенный интерес лингвистов к категории автора в медиатексте, указывая на существование двух подходов к этому вопросу: 1) исследование авторского (субъектного) начала и его проявления в медиатексте: авторская модальность, оценочность, контактоустанавливающие средства и т. д.; 2) изучение форм и способов развёртывания текста в диалогическом взаимодействии автора и читателя [9]. Категория автора медиатекста рассматривается также в работах Г. Я. Солганика, Л. М. Майдановой, Л. Г. Кайды, Л. Р. Дускаевой и др.

Цель данной статьи — описать лингвориторические приёмы, которые используются авторами информационно-аналитических медиатекстов для поддержания контакта с читателем в процессе восприятия текста, то есть — контактоустанавливающие элементы.

Информационно-аналитический тип медиатекста предполагает информационный стиль изложения материала [1]: точность, аргументированность, объективную модальность, нейтральную стилистическую окраску. Но в большинстве случаев информационно-аналитические медиатексты сочетают в себе информационный и публицистический стили [2]. Публицистический стиль придаёт медиатексту образность и экспрессивность: субъективная модальность, оценочность, метафоричность, языковая игра и т. д. — все эти элементы демонстрируют отклонение от стилистически нейтральной, информационной линии повествования.

Информационный материал, который апеллирует к разуму, к мыслительной деятельности читателя, требует высокой концентрации внимания. Публицистические элементы помогают «разбавить» этот материал, обращаясь к чувствам, эмоциям и художественным образам читателя.

Публицистический стиль включает в себя и контактоустанавливающие речевые средства, которые используются автором медиатекста, соответственно, для поддержания контакта с читателем. Эти речевые средства относятся к разряду риторических, поскольку их цель — заинтересовать

 © Иванова К. А., 2014

и задействовать читателя в процессе авторских рассуждений (пафос) с помощью слов (логос) в рамках данного медиатекста (этос) [4].

По результатам анализа информационно-аналитических медиатекстов мы выделили следующие контактоустанавливающие лингвориторические приёмы:

1. Обращение — слово или сочетание слов, называющее лицо (реже предмет), которому адресована речь [5]; в данном случае — обращение к читателю, которое эксплицируется в таких формах, как: «мой читатель», «уважаемый читатель», «дорогой читатель», «дорогие друзья», «господа». Например: «Ну что ж, *уважаемый читатель*, вот мы и стали свидетелем того "как, для чего и почему"»; «Терпение, *мои дорогие друзья*, мне нужно всего лишь немного вашего терпения»; «Помилуйте, *господа*, вас ждёт ещё один пример». Примечательно, что автор называет читателей друзьями, господами, уважаемыми, то есть демонстрирует своё дружественное и уважительное отношение.

2. Обращение к читателю в форме глагола в повелительном наклонении, например: «*Обратите внимание*, что сам запад вводит санкции с оговорками»; «*Согласитесь*, в таких условиях не много найдётся желающих рисковать карьерой...»; «...*не забудьте*, что он [Коломойский. — *К. И.*] ко всему — президент Европейского совета еврейских общин»; «А теперь *посмотрите* на заголовок!»; «И этот рубеж, *поверьте мне*, уже очень и очень близок»; *«Судите сами»*. Обращения к читателю в такой форме помогают обратить его внимание на определённый момент в тексте. Автор, помимо того что ведёт свою линию рассуждений, периодически обращается к читателю с просьбой «обратить внимание на что-то», «вспомнить что-либо», «согласиться/не согласиться с мыслью» и т. д. То есть автор пытается задействовать читателя в процессе своих рассуждений, регулярно обращая его внимание на тот или иной момент в тексте, что, в общем, должно служить лучшему пониманию мыслей автора.

3. Риторический вопрос — «стилистическая фигура: вопросительное предложение, содержащее утверждение (или отрицание), оформленное в виде вопроса, не требующего ответа. Риторический вопрос ставится не с целью получить ответ, а для того чтобы привлечь внимание читателя (слушателя) к тому или иному явлению» [6]. Риторический вопрос может одновременно выполнять несколько функций: контактоустанавливающую (обращает внимание читателя), стилистическую (выражает экспрессию автора) и оценочную (выражает мнение автора, его оценку, отношение). Напр.: «Они-то сами понимают, что говорят?», «А что, кто-то думал, что будет иначе?», «Куда ж бедному президенту США податься?». Таким образом, с помощью риторического вопроса автор одновременно устанавливает контакт с читателем (ведь вопрос задаётся кому-то, имеет адресата, в данном случае — читателя) и высказывает своё мнение.

4. Конструкция «вопрос-ответ» — имитация диалога, в котором автор задаёт вопрос и сам же даёт на него ответ: «Кто тогда Северная Корея? Одна из беднейших стран мира — вот кто»; «Можно ли представить себе, что США даже не пытались прослушивать телефон президента? Разумеется, нет»; «Укр? Пусть будет укр». Вопросно-ответная форма повествования помогает читателю лучше проследить за мыслью автора, поскольку автор эксплицирует, проговаривает ход своих рассуждений (как будто рассуждает вслух: сам ставит вопрос, сам на него отвечает). Однако, задавая вопрос, автор призывает читателя к рассуждению над ним, привлекает внимание читателя. Когда же автор сам отвечает на поставленный вопрос, он, якобы, и помогает читателю своим ответом, и, в то же время, направляет ход мыслей читателя в нужное русло.

Можно также сказать, что вопросно-ответная форма авторского повествования повышает степень доверия читателя: поскольку автор излагает своё мнение не категорично и безапелляционно, а открыто рассуждает на заданную тему, делится с читателем ходом своих мыслей и предлагает читателю рассуждать вместе с автором, якобы предоставляя свободу мысли.

Одним из способов построения вопросно-ответного повествования является моделирование диалога автора с читателем, например: «Вы скажете, что неудобно и громоздко? Автор с вами легко согласится...»; «Вы спросите, почему клички? В банде у всех есть клички»; «Вы скажете — это было давно? Хорошо, вот вам совсем свежий пример» — автор, представляя, как читатель будет воспринимать текст, уже предусматривает наперёд вопросы, которые могут возникнуть у читателей, вводит эти вопросы в свой текст и даёт на них ответы.

5. Вопросы для рассуждения, или композиционные вопросы, вводятся автором для постановки общей проблемы, которая будет рассматриваться в тексте (как правило, такие вопросы расположены в начале текста — как заголовок или подзаголовок). «Война или АТО?», «Готова ли Украина объявить войну России?», «ЕС для Украины: прибыли или убытки?». Вопросы такого типа дают установку к размышлению по определённой теме. Если автор выносит вопрос в заголовок/подзаголовок, он обобщает им всю дальнейшую информацию, которая, по логике вещей, является ответом на поставленный в начале вопрос. Следовательно, такого типа вопросы выполняют композиционную функцию в медиатексте. Особенность вопросов, которые выносятся в сильную позицию текста (заголовок, подзаголовок текстового блока, первый абзац, реже — в самом конце текста), во-первых, в том, что они обращены к читателю, побуждают его к размышлению, во-вторых, в том, что они интригуют читателя неизвестностью ответа. (Если

автор выносит вопрос на первую строку, значит, этот вопрос важен, он требует размышлений и ответа). Таким образом, вопросы, которые требуют рассуждений, выполняют контактоустанавливающую функцию.

6. Реплика автора: реплика — «ответ, возражение, замечание одного собеседника на слова другого» [7] — также своего рода имитация диалога: автор соглашается/возражает в ответ на предыдущую мысль: «*Да*, он действительно был в армии»; «*Да*, госпожа Клинтон может кого-то в чём-то убедить...»; «*Нет*, всё в Киеве хорошо...». Создаётся впечатление, что автор ведёт диалог с подразумеваемым читателем (контактирует с ним), не отходя от своей линии повествования. Диалога, таким образом, нет: автор его имитирует, когда высказывает своё согласие или возражение в процессе своих же рассуждений. Реплики автора эксплицируют процесс его размышлений, автор демонстрирует читателю ход своих мыслей, за счёт чего с читателем также создаётся контакт.

7. Восклицательные предложения — «предложения, в которых выражение содержания мысли сопровождается выражением чувства говорящего» [5], следовательно, восклицательные предложения экспрессивны, эмоционально окрашены. Напр.: «Похоже, что сейчас история повторится... *Дежавю!*»; «Причём более воинственные посты *ещё поискать надо!*»; *«То ли ещё будет»* — восклицательные предложения апеллируют к чувствам читателя, нацелены вызвать у него определённые эмоции. За счёт выражения автором своих чувств и передачи их читателю между ними устанавливается контакт.

8. Кооперация с читателем (круг «свои»): местоимения «мы», «наш» (и их формы) употребляются автором в значении ‘автор и читатель’, а также глаголы в форме первого лица множ. числа (*«видим»*, *«поговорим»*, *«представляем»* и т. п.) подразумевают совместные действия автора и читателя. Напр.: «Вот об этом *мы* и *поговорим* в нашей статье»; «*...мы получаем* следующую картину происходящего»; «Как *мы помним*, за первые несколько лет американская финансовая система получила порядка двух триллионов долларов...»; «Пару лет назад *мы наблюдали* за беспорядками в Греции». *«Мы поговорим»*, *«мы помним»*, *«мы получаем»*, *«мы наблюдали»* — местоимением «мы» автор объединяет себя и читателя (кооперируется, устанавливает контакт) и ведёт дальнейшее повествование от их общего лица.

Все описанные речевые приёмы могут сочетаться в рамках одного авторского высказывания в медиатексте, напр.: кооперация с читателем и риторический вопрос (*«Разве не то же самое* ***мы наблюдаем*** *сегодня**?**»*); обращение к читателю и риторический вопрос (*«А теперь* ***скажите*** *мне:* ***ну разве*** *укр не душка**?**»*); реплика автора и кооперация с читателем (*«****Ну да****,* ***мы*** *за долгие века уже* ***попривыкли*** *к такой “благодарности братских народов”»*) и т. д. Сочетание нескольких контактоустанавливающих приёмов усиливает эффект, но чрезмерное их употребление может создать у читателя впечатление фамильярного, несерьёзного отношения автора.

Подводя итог, напомним, что в статье описаны речевые приёмы, которые используются авторами информационно-аналитических медиатекстов для установления и поддержания контакта с читателем. Контактоустанавливающие приёмы являются элементом публицистического стиля, который придаёт медиатексту экспрессивность и образность, в отличие от строгого и максимально объективного информационного стиля. Контактоустанавливающие элементы медиатекста заинтересовывают читателя, делают его участником в процессе авторских рассуждений, а также повышают степень доверия к автору.

Примечание

Источником иллюстративного материала послужили информационно-аналитические статьи со следующих сайтов: «Око планеты» (http://oko-planet.su); «ИА REX» (http://www.iarex.ru); «ИноСМИ» (http://www.inosmi.ru); «Хвыля» (http://hvylya.org); «Альтернацио» (http://alternatio.org); «Империя» (http://imperiya.by); «Контрпост» (http://contrpost.com); «Однако» (http://www.odnako.org))

Литература

1. *Дроняева Т. С.* Констатация факта (семантика и прагматика информационного текста) // Публицистика и информация в современном обществе. — М. : Изд-во МГУ, 2000. — С. 155—186.

2. *Клушина Н. И.* Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. — М. : МГУ, 2003. — С. 269—289.

3. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. — М. : МГУ, 1971. — 266 с.

4. *Рождественский Ю. В.* Теория риторики : учеб. пособие / Ю. В. Рождественский. — 4-е изд., испр. — М. : Флинта ; Наука, 2006. — 512 с.

5. *Словарь-справочник лингвистических терминов* [Электронный ресурс] / [ред. Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова]. — 2-е изд. — М. : Просвещение, 1976. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/lingvistic

6. *Словарь литературоведческих терминов* [Электронный ресурс] / под ред. С. П. Белокуровой. — СПб., 2005. — Режим доступа: http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/?q=456
7. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. [Электронный ресурс] / [ред. Д. Н. Ушаков]. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/ushakov.php
8. *Солганик Г. Я.* Автор как стилеобразующая категория публицистического текста / Г. Я. Солганик // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2001. — № 3. — С. 11—15.
9. *Цветова Н. С.* Категория автора в интенциональном поле медиатекста / Н. С. Цветова // Медиатекст как полиинтенциональная система : сб. статей. — СПб. : СПбГУ, 2012. — С. 17—24.

References

1. *Droniaeva T. S.* Konstatatsiya fakta (semantika i pragmatika informacionnogo teksta) // Publicistika i informatsiya v sovremennom obschestve. — M. : Izd-vo MGU, 2000. — S. 155—186.
2. *Klushina N. I.* Obschie osobennosti publicisticheskogo stilia // Jazyk SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija : ucheb. posobie. — M. : MGU, 2003. — S. 269—289.
3. *Kostomarov V. G.* Russkij jazyk na gazetnoj polose / V. G. Kostomarov. — M. : MGU, 1971. — 266 s.
4. *Rozhdestvenskij Yu. V.* Teorija ritoriki : ucheb. posobie. — 4-e izd., ispr. — M. : Flinta ; Nauka, 2006. — 512 s.
5. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskih terminov.* — 2-e izd. [Elektronnyj resurs] / [red. D. E. Rozental', M. A. Telenkova]. — M. : Prosveschenie, 1976. — Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/contents.nsf/lingvistic
6. *Slovar' literaturovedcheskih terminov* [Elektronnyj resurs] / [red. S. P. Belokurova]. — SPb., 2005. — Rezhim dostupa: http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/?q=456
7. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* : v 4 t. [Elektronnyj resurs] / [red. D. N. Ushakov]. — Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/ushakov.php
8. *Solganik G. Ja.* Avtor kak stileobrazuyuschaja kategorija publicisticheskogo teksta / G. Ja. Solganik // Vestnik Mosk. un-ta. — Ser. 10. Zhurnalistika. — № 3. — 2001. — S. 11—15.
9. *Cvetova N. S.* Kategorija avtora v intentsional'nom pole mediateksta / N. S. Cvetova // Mediatekst kak poliintentsional'naja sistema : sb. statej. — SPb. : SPbGU, 2012. — S. 17—24.

ІВАНОВА Ксенія Олександрівна,
аспірант кафедра російської мови Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка; Київ, Україна;
e-mail: ksuhetskaya@mail.ru; моб.: +38 067 9396322

ЛІНГВОРИТОРИЧНІ ЗАСОБИ ВСТАНОВЛЕННЯ КОНТАКТУ МІЖ АВТОРОМ І ЧИТАЧЕМ В ІНФОРМАЦІЙНО-АНАЛІТИЧНИХ ІНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ

Анотація. У статті розглядається взаємовідношення категорій автора і читача інформаційно-аналітичного медіатексту (а саме — інтернет-тексту) як представників двох сторін комунікативного процесу: адресанта і адресата. В інформаційно-аналітичних медіа текстах категорія автора простежується більш чітко, ніж у медіа текстах інформаційного типу, що виявляється не лише у вираженні автором своєї думки й оцінки, а й у встановленні контакту зі своїм читачем. Мовленнєві засоби, що використовуються автором для контакту з реципієнтом медіатексту, відносяться до розряду риторичних. Мета цих мовних прийомів — зацікавити та залучити читача до процесу авторських розмірковувань.

У статті описуються лінгвориторичні засоби, що використовуються автором медіатексту для встановлення та підтримання контакту з читачем (на матеріалі інформаційно-аналітичних інтернет-текстів). У результаті дослідження було виокремлено такі прийоми: звертання, риторичне питання, репліка автора, композиційне питання, конструкція «питання-відповідь», кооперація з читачем та окличні речення, а також зазначені функції, які виконують вищевказані засоби.

Ключові слова: інформаційно-аналітичний медіатекст, лінгвориторичний прийом, автор, контакт із читачем.

Ksenija O. IVANOVA
postgraduate student, Institute of Philology, Kyiv National Shevchenko's University, Russian language Department; Kyiv, Ukraine;
e-mail: ksuhetskaya@mail.ru; tel.: +38 067 9396322

LINGVORHETORICAL MEANS OF SETTING A CONTACT BETWEEN THE AUTHOR AND THE READER IN INFORMATIONAL-ANALYTICAL INTERNET-TEXTS

Summary. The article is devoted to the issue of the interrelation and interaction between the category of the author and the category of the reader within the informational-analytical mediatext (in particular — the internet-text) as the representatives of two sides of the communicative process — the addresser and the addressee. The category of the author is more exposed within the analytical mediatexts than within the informational ones. That is seen not only from expression of the author's opinion and attitude, but also from his/her setting a contact with the reader. Speech means, those are used by the author to contact with the recipient of the mediatext, belong to the category of rhetoric. Those means are aimed to make the reader to be interested and interacted in the process of author's debate.

The lingvorhetorical means which are used by the author of the mediatext to set and support the contact with the reader are described in the article (on the base of informational-analytical internet-texts). The next ways of making contact with the reader have been established in the result of the research: appeal, rhetorical question, reply of the author, compositional question, «question-answer»-form, cooperation with the reader and exclamatory sentence. The functions of those means are described in the article as well.
Key words: informational-analytical mediatext, lingvorhetorical mean, author, contact with the reader.

Статтю отримано 10.11.2014 р.

УДК 811.161.1'42:316.277.4

КАРДАШОВА Елена Владимировна,
преподаватель кафедры русского языка Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; Харьков, Украина;
e-mail: murzila@ukr.net; тел.: +38 093 3537430

«БЕЗРАЗЛИЧНОСТЬ, ИЗ КОТОРОЙ ТКЁТСЯ ТКАНЬ ЖИЗНИ»: «СРЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК», СУБЪЕКТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация. Публикация посвящена проблеме определения субъекта обыденного дискурса. Субъект обыденного дискурса может быть описан посредством обращения к стереотипным моделям идентификации и самоидентификации, таким как «простой человек», «обычный человек», «обыватель», «средний человек». Каждая из них обладает целым спектром значений; актуализируемых в той или иной речевой ситуации. Конкретизируя значения, присущие стереотипным моделям, можно установить, как концептуализирован субъект обыденного дискурса в сознании носителей русского языка. Модель «средний человек» обнаруживает важные для понимания сферы обыденного значения «середины» как ограниченного пространства.
Ключевые слова: повседневность, обыденный дискурс, субъект обыденного дискурса, стереотипная модель идентификации, «средний человек».

Феномен повседневности, сфера каждодневного и органически связанный с ней обыденный дискурс являются областью особого исследовательского интереса. Повседневность представляет собой важный и неотъемлемый план жизни каждого человека, включает сферу привычного, близкого, родного — всего, что «укореняет» человека в бытии. В то же время именно в силу своей близости, очевидности каждодневное оказывается областью практически неопределимой, «несхватываемой», зоной неявных значений. Какие семантические перспективы открывает сфера обыденного перед человеком повседневности? Какие возможности смыслообразования доступны ему как субъекту обыденного дискурса? Ответить на эти вопросы можно, воссоздав, реконструировав образ участника повседневности, как он представлен в русской лингвокультуре. Одним из способов подобной реконструкции может служить обращение к моделям (само)идентификации субъекта обыденного дискурса. В качестве таких моделей могут выступать выражения «обычный / обыкновенный человек», «простой человек», «обыватель», «рядовой человек». Значения, задающие «семантический горизонт» участника повседневности, можно определить, анализируя высказывания, тексты, содержащие подобные выражения-идентификаторы [1]. В настоящей публикации мы останавливаемся на модели «средний человек» и — шире — на значениях «середины» и той роли, которую они играют в становлении семантического пространства обыденного.

Повседневность и человек в повседневности могут быть описаны посредством обращения к понятию «середины»: со «средним» нередко ассоциируется обыденное, будничное, житейское и бытовое (1); с помощью значений «среднего» характеризуется участник повседневности — «обыкновенный / обычный человек», «простой человек», «маленький человек», «обыватель» [2] (2).

[1] В качестве источника языкового материала использован национальный корпус русского языка [2]: основной, устный и газетный. Контексты, взятые из Национального корпуса русского языка, даны в тексте курсивом. В настоящей публикации мы обращаемся не только к выражениям, которые содержат идентификатор «средний человек», но и к другим высказываниям, характеризующим человека повседневности и обнаруживающим значения «середины».

[2] Заметим, что большая часть контекстов содержит характеристику «среднего человека» «со стороны», «извне» (как правило, говорящий квалифицирует как «среднего» не себя самого, а кого-то другого); тем не менее, мы привлекаем их для определения семантической области обыденного, поскольку они дают представление о том, как осмыслен человек повседневности в русском лингвокультурном пространстве.

© Кардашова Е. В., 2014

(1) *«Нормальность» — то есть нечто* ***среднее***, ***обыденное***, *не масштабное;* ***Обычный***, ***будничный***, ***средний*** *опыт подсказал; По пути страдает и самоубивает* ***среднее*** *Я (****бытовое****, маленькое).* (2) *Родители Юлии Дмитриевны были* ***обыкновенные средние*** *люди с* ***обыкновенной средней*** *наружностью; [Виктор Михайлович Василенко, муж, 1905] Ведь те / кто его окружал в том же Кисловодске / в Пятигорске / это были* ***средние маленькие*** *люди / офицерики / пошловатые.* Ср.: *...не бог Саваоф сидит, а* ***обыкновенный человек*** *средних лет и* ***средней наружности.***

Характеристика человека как «среднего» свидетельствует о его принадлежности большинству, группе, некоторой общности. Значения принадлежности подтверждают связь значений середины и субъекта обыденного дискурса: сопричастность некоему единству принципиально важна для самоопределения «простого», «обычного», «обыкновенного» человека; в сложных отношениях с целым (миром, обществом, государством) находится «маленький человек». Так что «середина» как характеристика повседневности здесь имеет значение множественного, неединичного; общего:

...История равнодушна к человеку, [...] она интересуется не человеческим, а ***государством, нацией, цивилизацией****, [...] имеет дело, прежде всего, со* ***средним человеком****, с* ***массой****; Везде* ***большинство — средние люди, подвижная масса; Средний человек****, человек* ***стадный****, вырванный из* ***толпы****, — вот достояние современной беллетристики...*

Семантика «середины как принадлежности группе» включает также область значений «среднего» как «типичного»; «средний человек» может быть осмыслен как «типичный представитель биологического вида», «типичный представитель социальной группы» и т. п. (1). Семантика общности прослеживается в контекстах, где о «среднем человеке» говорится как о статистической, демографической единице, условной величине, выводимой для множества (2). Значения «среднего» как «типичного» имеют выход к смысловым областям, задаваемым понятиями нормы, стандарта, правила (3).

(1) *Представьте,* ***средний человек*** *спит по 8 часов в сутки, а бодрствует 16; Шкала IQ сконструирована таким образом, чтобы значению 100 соответствовал IQ «****типичного среднего человека****» (что бы этот термин ни означал).* (2) *Рассчитывается он как количество наборов* ***прожиточного минимума****, которое* ***средний человек*** *может купить на* ***среднедушевой денежный доход****; Медики подсчитали, что из всех эмоций, которые* ***средний человек*** *испытывает в течение жизни, 45 % приходится на негативные, 35 % — на нейтральные и всего лишь 20 % — на положительные;* Ср.:*...я не буду представляться, поскольку я не ученый, я представляю* ***среднестатистического обывателя...*** (3)*...чтобы* ***среднему человеку*** *работать нестандартно, ему нужно превзойти предел своей* ***нормальности****. Если у вас рост и вес в пределах* ***нормы*** *и психика без особых загибов, то и работать вы будете* ***средне****.*

Связь «середины» и нормы даёт представление об области смыслов, которую условно можно назвать значениями «центра». Середина ассоциируется с «сердцевиной», «ядром», основой и опорой; присутствие «среднего» — залог устойчивости и постоянства, стабильности и благополучия:

...На фоне общепризнанных идиллических картинок ***благополучного среднего человека****,* ***опоры*** *демократии, морально зрелого,* ***добросовестного*** *налогоплательщика и* ***добропорядочного*** *семьянина; Да и кто, собственно, эти обыватели, «****благополучные*** *мещане»? И о ком и о чем заботятся вообще революционеры, если они так презирают* ***среднего человека*** *и его* ***благополучие****?* Ср.: *Хорошие молодые ребята, симпатичные девочки, буржуазные тетеньки, сосредоточенные дяди.* ***Сердцевина*** *общества,* ***опора*** *жизни,* ***обыватель****.*

«Середина — центр» может быть явлена как «золотая середина» — гармонизирующее начало (1); «область среднего» — это царство равновесия, пропорции, меры (2)[1]:

---

[1] Подобное представление о середине-центре генеалогически восходит к мифологической модели мира и ее концепции серединного пространства. Во многих мифологических системах середина («середина мира») является источником гармонии во Вселенной; «мифологические предметы, ассоциирующиеся с центром мира (алтарь, трон и пр.), и соответствующие мифологические персонажи (Гестия, Аполлон Дельфийский, Один, принёсший себя в жертву на мировом древе, и пр.) или жрецы (пифия в Дельфах, камлающий у дерева шаман) всегда служат источником социальной, культовой, информативной и т. п. регуляции коллектива» [4, с. 128]. М. Элиаде в своём «Трактате по истории религий», рассуждая о символике центра, характеризует середину как пространство иерофании, единственно реальное, подлинное «пространство творения» — источник бытийной силы [13, с. 89]. «Середина как элемент порождающий предстаёт как носитель порядка и чистоты — отсюда представления о серединном местоположении первоначального рая, о постепенной порче вселенной по мере её удаления от центра, отождествление периферии с хаосом, а также идеализация «срединных» категорий» [4, с. 128]. В эддических мифах середина является местом пребывания всего благого [5, с. 69]; в античной Греции «самый термин “середина” был зачастую синонимичен понятию “блага”» [4, с. 129]. Гармонизирующая роль середины проецируется и в социально-политическую плоскость: пифия советует Солону, намеревающемуся установить в Афинах наилучшие законы, «встать в середине корабля» — середина выступает здесь синонимом одновременно и справедливости, и власти [3, с. 93]; ср., например, иерархию земель, отраженную в ирландских сагах: «...знание на западе, изобилие на востоке, музыка на юге, власть в центре» [Цит по: 12, с. 424].

(1) *Екатерина решительна и предприимчива, но как и в прочем держится* ***золотой середины*** *и, не будучи поверхностной, не вдается и в глубину [...] недостатки ее элементарны и общепонятны, — увеличенные качества* ***среднего человека****; Но я, слава богу, вовремя сознал, что я не более как* ***средний человек****, и не сделал ложного шага [...] и в душе моей водворилась* ***полная гармония****.* (2)*...****средний человек****, находит утешение в семье, в* ***размеренном****, не превышающем свои силы труде; ...сознает себя* ***средним русским*** *человеком, хочет жить, любить, делать добро в* ***постепенности****;* Ср.:*...рассказами о маленьких идиллиях и драмах* ***простых людей****, и в общем получалась картина морально* ***уравновешенной*** *жизни, где нет ни героев, ни рабов, а только —* ***обыкновенные люди****; Философия* ***обывателя*** *гибка и мудра. В ней* ***всего в меру****; А у нас* ***умеренный*** *ислам, мы* ***обычные люди****, такие же, как все.*

Мера-умеренность, равновесие, стабильность — приметы упорядоченного, организованного пространства. Значения середины характеризуют такое «место» в мире, где царит порядок, где предсказуемо действуют известные законы; это область устоявшегося, привычного и понятного, «своего»; это обжитое, окультуренное пространство — пространство жизни людей. В этом плане описываемая средними значениями повседневность противопоставлена всему неведомому, непривычному, неизмеренному, неподчиненному [1]. В противостоянии порядка и хаоса для нас наиболее значимо то, что повседневность мыслится пространством принципиально ограниченным [2]. При всей своей проницаемости, открытости иным планам реальности, обыденное всегда существует в неснятой перспективе некоего рубежа; определяющие его значения «середины» оказываются значениями «границы», «горизонта». Последние насквозь пронизывают все семантическое пространство повседневности, в каком-то смысле даже задают его; но прежде всего они чрезвычайно важны для субъекта обыденности: будь это «средний», «обычный» или «простой» человек — он предстаёт как «человек в виду предела».

...Среди многомиллионных полчищ ***«средних» людей****,* ***отгородившихся*** *ото всего* ***барьерами*** *мещанства; ...почти всякий* ***средний человек*** *так боится всякой мысли о том, что роднит его с бесконечным, что выходит из тесных и привычных* ***рамок обыденности****;* Ср.: *Но он также принципиально отличается и от возвеличения* ***«маленького человека»*** *путем компенсации его реальной* ***ограниченности*** *и слабости моральной высотой и чистотой; ...среди семидесяти тысяч* ***обывателей****, для которых мир был* ***ограничен пределами*** *их мелких интересов.*

Значения границы тем более важны для определения «среднего», что вне понятий центра, меры, равновесия середина оказывается трудноопределимой, практически несхватываемой. Не всегда легко ответить на вопрос, что же такое это «среднее», в то время как граница, межа всегда обозначена. Середина обнаруживает себя лишь в присутствии предела, который может быть задан несколькими способами. Во-первых, среднее существует как область, находящаяся «между» двумя противоположностями, одновременно наделяя «среднего человека» присваиваются значениями «промежутка», «прослойки», «буфера» (1). Далее, значения «среднего» реализуются при помощи отрицания противоположностей или указания на отсутствие «крайностей»; середина предстает как существующая в постоянном напряженном отталкивании от неких «полюсов» (2). Наконец, значения «среднего»могут быть заданы отрицанием какого-либо признака, свойства, которые мыслятся как «пограничные», «крайние», «не-серединные», или указанием на их отсутствие. Как правило, отрицание отталкивается от «верхнего» предела, удостоверяя чуждость середине — «глубины», «величины» и «величия» (3); чаще всего «среднее» дано в отрицании «высокого» (4).

---

[1] В мифологических представлениях разных народов середина-центр как упорядоченное пространство дома, двора, города, «серединных земель», пригодное для жизни, противопоставлено враждебному и бесплодному пространству пустыни, степи, моря, земли чудовищ и великанов. В Древней Греции богиня домашнего очага Гестия была «символом панэллинской общности и, стало быть, центром культурного упорядоченного мира в противоположность окружающему его варварскому хаосу» [3, с. 95]. Эддическая космология помещает в центр мира Мидгард (буквально «средний двор») — обиталище людей; тогда как «в противоположность середине мира, окраина мира — это местонахождение всего злого, страшного, враждебного людям» [5, с. 59].

[2] Ср. охранительную функцию межи, границы, городских стен, кладбищенской ограды, крепостного рва, реки как рубежа между двумя качественно разными пространствами: защитную роль городских стен: «...прежде чем стать военными укреплениями, они играли роль магической защиты, ибо внутри “хаотического” пространства, населенного демонами и ларвами, подобные стены отграничивали и оберегали пространство организованное, упорядоченное, “космизированное”, иными словами, пространство, имеющее собственный “центр”» [13, с. 185]; ограды (даже условной) вокруг поселения: «в Северной Индии, например, в период эпидемии вокруг деревни проводят особый круг, чтобы помешать демонам болезни проникнуть внутрь очерченного пространства. Установить границу, преграду между двумя гетерогенными пространствами — в этом важнейшая функция «магического круга», столь популярного во множестве магико-религиозных обрядов» [13, с. 185—186].

(1) Логика: человек смертен, я человек — я умру. Психология: хотя я смертен, я все-таки буду жить так, будто я бессмертен. ***Между*** *этими группами малых и старых помещается огромная масса, т. ск.,* ***средних людей****. (2) Ненависть к людям появляется у типов или* ***очень умных****, но злобных, или у* ***очень глупых*** *— и опять-таки при этом злобных. Откуда же она взялась у Клекотова,* ***среднего человека****?; ...в современном обществе формируется именно тот тип* ***среднего человека****, на который так часто ссылаются и которому одинаково* ***чужды и непонятны и подвиг, и преступление, и душевное благородство, и крайняя душевная низость.*** Ср.: *Ведь он не был* ***ни добрым, ни злым****, был самым* ***обычным человеком****; ...****обыкновенных людей****, пусть* ***не героев добродетели****, но и* ***не чудовищ порока.*** (3) *...я хлопочу о* ***средних людях****, о людях* ***с средними страстями****, с* ***средними характерами****, с* ***средними способностями****. Они* ***не могут совершать великих дел, великих подвигов, великих жертв.*** Ср.: *Он был образован и умен и обладал той способностью постижения* ***отвлечённых идей*** *и* ***далёких чувств****, которая почти никогда* ***не встречается*** *у* ***обыкновенных людей;*** (4) *...подобно тому, как встречаются избранные умы,* ***высоко*** *стоящие над рассудком домашнего животного, именуемого* ***средним человеком****, так есть и избранные души, которым доступны* ***вершины*** *любви.*

Середина может приобретать значение «положительной степени сравнения», фигурировать как своего рода «отправная точка», «начальное состояние» — в противоположность некоторому пределу, выраженному превосходной степенью; в наших примерах это значение реализуется в противопоставлении «среднему человеку» — «лучших», «самых...», «совершенного человека».

Лучшие *умы напрягались, огромные средства тратились, фантазия у людей работала только для того, чтобы ублажить* ***средние чувства среднего человека****; Посмотрите-ка, не вы, не я, не нам подобные* ***средние люди****, а* ***цветы человечества****,* ***самые лучшие****,* ***самые мудрые****, алкали о справедливости.* Ср.: ***...«простой человек»*** *в нечеловеческих условиях становится вдруг* ***человеком с большой буквы****; Ей предстоит жить не с* ***лучшими из лучших****, а с* ***обыкновенными людьми...***

Наконец, в полной мере значения середины как области, заданной пределом, проявляют себя в контекстах, где о «среднем человеке» говорится с точки зрения ограниченности его возможностей, способностей, средств, знания, где настойчиво утверждается его слабость и бессилие, беспомощность и незащищённость. Эти контексты свидетельствуют о постоянном присутствии недостижимого и непреодолимого рубежа в поле значений «среднего человека», субъекта обыденности и шире — в семантике повседневного.

Средний человек*,* ***среднего полёта****; ...талант — это способности, позволяющие делать то, что* ***недоступно среднему человеку****; ...изучение большого числа людей будет* ***не под силу среднему человеку****, со средней памятью и умом; Но я, слава богу, вовремя сознал, что я не более как* ***средний человек****, и не сделал ложного шага. Я сказал себе: нет, подвига я* ***совершить не способен...*** Ср.: *ты как* ***простой человек НИЧЕГО не можешь*** *с этим* ***сделать, НИЧЕГО абсолютно****; Но* ***что я могу сделать****, я* ***маленький человек****?; ...****обычный человек*** *был* ***бессилен что-либо сотворить; Страшное бремя свободы выбора, ответственности, совести****, по его мнению,* ***не выдержат слабые****, грешные,* ***обыкновенные люди****.*

Итак, повседневность мыслится как пространство, заданное пределом. Этот предел может быть поставлен как «извне» (например, говорящим, стремящимся дистанцироваться от обыденности и его субъекта), так и «изнутри»: сам участник повседневности стремится ограничить избыточное пространство областью «средних значений», провести незримую, но непреодолимую черту, создать «свой круг», «свой мир». Внутри этого предела находится все близкое, родное, знакомое, привычное, измеренное и предсказуемое — «среднее», помещающее «среднего человека» в центр создаваемого им «мирка».

Средний человек*, с которым преимущественно приходится иметь дело, всего более ценит возможность свободно устраиваться и распоряжаться в той* ***небольшой сфере****, которую он привык называть* ***своею.*** Ср.: ***Обыватель*** *бежит с арены борьбы в* ***тихую обитель*** *снобистского интеллектуализма или мещанского благополучии; ...****обыватель****, как правило, любит,* ***угнездившись в надёжном убежище****, выглядывать оттуда незаметно, наблюдая за происходящим в* ***мире****; ...как хочется не быть* ***маленьким человеком****,* ***замкнутым в своем мирке...***

Замкнутое пространство — «свой круг» — обеспечивает человеку повседневности сохранность, благополучие, комфорт — состояние гомеостаза. В этот герметичный и целостный «мирок» допускаются мыслимые «выгоды» и «блага» (1); из пределов «своего мира» человек середины стремится исключить все, что представляет угрозу его целостности и комфорту. И если функцией межи, ограды является разграничение гетерогенных пространств, то внутри этой «рамки» пространство должно быть однообразным; так значения «середины» вытесняют, выдавливают «за горизонт» всё, что нарушает однородность «содержимого», не соответствует ему. Субъекта обыденности они приводят к разрыву всяческих связей с тем (и теми), что находится вне «своего круга»; к отсутствию (часто демонстративному) интереса ко всему, что происходит за его пределами; к нежеланию — а затем и невозможности — выхода из «закукленного» пространства (2).

(1) *...Она кровно обидела* ***«среднего» человека****, для которого* ***вопрос о целости шкуры*** *представляется* ***существеннейшею задачей всей жизни****; ...государство имеет дело с массами, оно опирается на* ***«среднего человека»*** *и потому какие бы не ставило оно героические задачи (социализм, коммунизм, интернационализм) все это* ***средний человек*** *переварит на* ***свою личную выгоду****;* ***Средний человек*** *до болезненности чувствителен к тем* ***благам****, совокупность которых составляет* ***жизненный комфорт****.* Ср.: *Он построен на, мягко говоря,* ***шкурном интересе обычного человека****, на его желании поиметь какую-то* ***выгоду*** *или решить проблему;* ***...обыватель****, настойчиво высасывающий* ***благополучие*** *из жизни, как жуют американскую жевательную резинку; Всякий* ***обыватель*** *на весь мир смотрит и всё оценивает* ***sub speciae интересов своего живота****.* (2) *Вовсе* ***не задача простого человека*** *стать или пыжиться стать святым; Я —* ***обыкновенный, маленький человек****. Мне судьбою предназначено одно:* ***жить смирно и тихо, никуда не суясь, не имея никаких серьезных жизненных задач****; ...обычному человеку объяснить [...] который* ***живёт сам по себе*** *и* ***не особо интересуется*** *тем / что происходит вокруг.*

Однородность ограниченного пространства «середины» обеспечивается значениями подобия, сходства, неразличимости (1). Они связаны с семантикой большинства и чрезвычайно важны для самоопределения человека обыденности. Однако в своем пределе столь необходимое «среднему человеку» сходство стремится к полному совпадению, тождеству, отсутствию «иного», исключительного. Так что участник повседневности предстает как человек «стертый», лишенный индивидуальных черт, незаметный на общем фоне, не только не различимый, но и лишенный самой возможности различия (2).

(1) *Мы вступаем в эпоху торжества* ***среднего человека****, когда десятки миллионов людей будут жить совершенно* ***одинаковой жизнью****, в* ***одних и тех же*** *условиях и даже* ***внешне станут похожи друг на друга****; Мой отец был* ***средний человек*** *— жертва и материал статистики. Таких, как он, в стране жило несколько миллионов, и он* ***ничем от них не отличался****.* (2) *...дух известной ненависти к лицам, которые по своему положению или материальному достатку* ***выдаются из ряда средних людей****; ...в условиях современной цивилизации неизбежно вырабатывается* ***средний тип людей****, у которых* ***нет*** *резко выраженной* ***индивидуальности****, которым поэтому закрыт путь к* ***известности... Разница*** *в их происхождении, наследственности, их* ***личных особенностях*** *мало-помалу* ***стирается*** *жизнью, которую они ведут и в которой фактически* ***нет возможности выделиться****.*

Человек середины не просто слит с фоном, он и есть этот «фон», «сплошность», «серость». Повседневность и её участники — «средние люди» — оказываются своего рода «средой», «субстратом», «задником», «вторым планом» жизни, на котором разворачиваются «не-средние» (подлинные) события и действуют «не-средние» (настоящие!) люди.

...Средний человек*,* ***субстанция ни то ни сё****,* ***серая****,* ***поношенная****; Красота и многообразие нашей Земли, её* ***людей****,* ***природы****,* ***искусства****,* ***геройских подвигов*** *остается в подавляющем множестве случаев неизвестна* ***среднему человеку****,* ***серому*** *не душой, а своим поразительным невежеством, в узкой и* ***монотонной жизни****; Остальные двое — так себе,* ***средние люди****,* ***серые...***

Описываемая понятием «середины» повседневность обнаруживает себя как замкнутая сфера, стремящаяся к полной унификации своего содержания. Обыденное, «среднее» означает тогда голое, «сплошное», однообразие, незначимость различий и оттенков (1), для участника повседневности это перспектива невозможности и несвободы, а точнее — отсутствие перспективы вообще: «средний человек» становится «человеком без биографии», оказываясь перед несбыточностью собственной жизни, неосуществимостью личного, индивидуального жизненного пути — его заменяет «колея» в запертом пространстве обыденной жизни (2)[1]. Так создаваемая по воле

[1] Ср. мифологему пути в фольклоре и художественной литературе: путь — «образ связи между двумя отмеченными точками пространства в мифопоэтической и религиозной моделях мира, т. е. то, что связывает — в максимуме условий — самую отдаленную и труднодоступную периферию и все объекты, заполняющие и / или образующие пространство, с высшей сакральной ценностью, находящейся в центре» [8, с. 75—76]; он предполагает преодоление рубежа, оставление ограниченного, «своего», пространства, выход в некое неизвестное, еще не пройденное «иное». Путь является принципиально неоднородным, иерархизированным, ценностно маркированным пространством; он «строится по линии все возрастающих трудностей и опасностей, угрожающих мифологическому герою-путнику и даже его жизни» [8, с. 76]. Преодоление границ — препятствий, трудностей — и связанные с этим преодолением усилия, борьба становятся залогом обретения высшей ценности: «этот динамический, связанный с максимальным риском образ пути отвечает вероятностному характеру постигаемого мифопоэтическим сознанием мира: значимо и ценно то, что связано с предельным усилием, с ситуацией «или/или», в которой происходит становление человека как героя, как божества или богоподобного существа» [9, с. 352]. Путь является условием обретения человеком себя самого: например, метафора жизненного пути отражает ситуацию, когда среди бесконечного множества возможных человек выбирает свой собственный, принадлежащий ему одному, недоступный повторению. Эта «необщесть» проживаемого пути и делает человека — фигурой, героем, персонажем, кем-то выделенным, выведенным из области значений множества и подобия.

человека область средних значений в конце концов ставит его перед лицом всеобщего равенства — «уравнения», где он полностью исчислен, предсказуем, равен себе самому. Сфера обыденного выступает как своего рода математическая функция, оператор, приводящий к общему знаменателю (3).

(1) *...Культурное* ***однообразие средних людей****; ...эти* ***оттенки*** *могут* ***легко сгладиться*** *при первом внутреннем перевороте, ведущем к дальнейшей разрушительной* ***ассимиляции****... [...] Все идут к одному — к какому-то среднеевропейскому типу общества и к господству какого-то* ***среднего человека***. (2) ***Судьбы средних людей — массовое производство****, они* ***одинаковы****, как банки консервов. Мой отец* ***не имел самостоятельной судьбы****; Но я, слава богу, вовремя сознал, что я не более как* ***средний человек****, и не сделал ложного шага. [...] И когда я твёрдо сказал себе это, всё моё отчаяние, происходившее от бесплодного* ***искания путей****, прошло; Как ни тяжёл бывает путь поэта, он не свернёт с него и не променяет его на* ***колею среднего человека***. (3) *...Везде* ***себе верный*** *и всегда* ***на себя похожий****, выработавшийся в исторический перл создания и царящий над миром* ***средний человек****; Статистики обожают* ***«среднего» человека***. *Для них он удобен. Он не* ***выкидывает никаких штук*** *и* ***не нарушает закономерностей***. *Штуки выкидывает* ***человек живой****, которого исследует искусство.*

Пространство тождественности, унификации — это пространство, где не только исчезает разность, но и — что особенно для нас важно — где стираются противоположности. Все возможные противоречия даже не разрешаются — они снимаются, сглаживаются, растворяются во всепоглощающем однообразии середины. С одной стороны, в этом заключается сила повседневной жизни, воссоединяющая противоборствующие начала, примиряющая их, дающая покой и утешение. С другой — себя обнаруживает область полного безразличия, равнодушия «среднего человека», не знающего и не желающего знать разницы — между добром и злом, например. Уже нет необходимости делать выбор между ними или же этот выбор определяется удобством, комфортом, «модой» — всё той же индифферентностью середины. Человек, принадлежащий этой середине, предстает как нечто аморфное — человеческое вещество, людская масса, ведомая, лишённая самостояния, только и могущая, что отливаться в заданную границами форму. Образ середины: жёсткие рамки снаружи — безразличная однородная масса внутри.

...Ведь я ***средний человек****, та* ***безразличность****, из которой ткётся ткань жизни; ...* ***средних людей****, которые могли пойти* ***и за добром и за злом****, куда так сказать* ***легче, удобнее, моднее****; Это* ***средний человек****, один из тысячи Ананиев, в которых* ***добро и зло****,* ***свет и тьма****,* ***прошедшее и будущее*** *сплетены сотнями узлов и стали* ***сплошной серой житейской тканью****; Есть люди особенные, выдающиеся, сильные, которые делают своё время, дают имя целой эпохе, и есть* ***люди средние****, почти* ***бесформенные****.*

Итак, что же дают значения середины человеку повседневности? Это, прежде всего, установка на равновесное состояние, стабильность, устойчивость мира повседневной жизни; это возможность границы, ограды, которая способна защитить от пугающей бесконечности, непредсказуемости, неизвестности мира; это «свой круг», в центре которого — сам человек и всё, ему близкое, привычное, знакомое и дорогое; это сглаживание противоречий, стирание различий, могущих поколебать равновесное состояние; это стремление к абсолютному покою, отсутствию возмущений (1).

Цель всего — ***средний человек****; буржуа* ***спокойный*** *среди миллионов точно таких же средних людей, тоже* ***покойных***. Ср.: *Чего хотят* ***простые люди? Спокойствия****; ...****обыкновенного человека****, который хочет только одного —* ***спокойно жить, не думая ни о чём****; ...не превратятся в* ***спокойно-равнодушных обывателей-созерцателей****.*

Но одновременно «зона абсолютного покоя» может вдруг оказаться выхолощенным пространством, лишённым свойств, единственной характеристикой которого остаётся отсутствие всего, что не есть оно само. Спокойствие «среднего» предстаёт как сплошное отсутствие, «минус», и обнаруживает свою связь с небытием, хаосом, Ничто. И царство обыденного постольку, поскольку оно определяется понятиями середины, оборачивается пустым пространством, лишенным благодати, невозможным, невыносимым для человека [1].

...Обычная апатия ***среднего человека*** *[...] Такое* ***сомнительное содержание жизни*** *Имярека должно было дать и соответственные результаты. А именно: в смысле общественного влияния — полная неизвестность; в смысле личной жизни —* ***оброшенность, пренебрежение, почти поругание****; Смиренный,* ***вечный секретарь****, порядочный, средний человек, находит утешение в семье, в размеренном, не превышающем свои силы труде. [...] В этом обществе* ***не может быть людей милостью Божией (благодатных)****.*

[1] Связь безразличия и отсутствия благодати четко прослеживается в христианской традиции: равнодушие ведёт к богооставленности, потере смысла, перспективе небытия (ср. «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши... знаю твои дела; ты ни холоден ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 14—16).)

Кроме того, середина часто представляет собой не просто замкнутое, но стремительно сужающееся пространство: поэтому так часты свидетельства связи обыденности — и тесноты, толчеи, узости, невозможности выхода в широту и беспредельность «другого», подлинного, мира [1].

Почему же в этот короткий миг своей жизни почти всякий ***средний человек*** *так боится всякой мысли о том, что роднит его с бесконечным, что выходит из* ***тесных*** *и привычных* ***рамок обыденности****, и строит свою жизнь как будто нарочно так, чтобы вовсе не дать в ней места ничему духовному; Всюду под его пером проходит* ***толкущийся на всех сточках жизни*** *[...]* ***средний человек****; ...* ***средний человек****, которым* ***кишит*** *вселенная; Это все лишь орудия смешения — это* ***исполинская толчея*** *[...] Цель всего —* ***средний человек****...*

Ограниченное и однородное пространство середины коллапсирует в точку — и в этой точке уже буквально «нет места» человеку; он вытесняется, остаётся лишь — единица, стремящаяся к нулю, исчезающе малая величина (поэтому количество средних людей всегда выражено очень большими числами), статистический показатель, «процент».

...Народ оставил нам достаточно памятников своей религиозной жизни, притом и в своей ***совокупности****, и в лице отдельных своих* ***единиц****,* ***сложение которых тоже дает совокупность****. Итак, какую роль играли боги Олимпа в жизни общин по свидетельству их избранных представителей? И какую в жизни «****среднего человека****», создающего своим* ***многократным повторением*** *ту же общину; Всюду под его пером проходит толкущийся на всех сточках жизни,* ***оттиснутый в миллионах экземпляров*** *[...]* ***средний человек****...* Ср.: *Мой отец был* ***средний человек — жертва и материал статистики****. [...] Над ним возвышалась иерархия начальников, командиров, властей, которые следили, чтобы отец* ***не выходил из среднего процента****.*

Так, принадлежащий середине человек наследует ее свойства; становится лишь «внешностью», оболочкой, формой, стремительно теряющей своё содержание. Его преследуют значения неопределённости — о нём невозможно сказать что-либо конкретное (1), так как любая характеристика способна наполнить пустую форму, придать человеку середины очертания, лишить его аморфности, сделать его фигурой — в противовес фону; вывести его из области средних значений. Тогда как «средний человек» — несхватываемая неопределённость, сплошное отсутствие, нет ничего, чем он мог бы быть; он — Никто, воплощённая анонимность, лишённая собственного имени и лица (2).

---

[1] О серединном пространстве как «обуженном», безвыходном и безблагодатном говорит В. Н. Топоров, характеризуя «середину» как косное пространство максимальной несвободы, упоминая такие ее характеристики, как узость, тесноту, духоту, спертость, указывая на связь образа середины с толпой и человеком толпы [7, с. 204]. Связь концептов страха, тоски, ужаса — и узости, тесноты, удушья отмечает Ю. С. Степанов [6, с. 670—693]. Образ небытия как ограниченного узкого «места» встречается в художественной литературе — мысль о вечности «на аршине пространства» преследует Раскольникова: «Какая-то особенная тоска начала сказываться ему в последнее время. В ней не было чего-нибудь особенно едкого, жгучего; но от нее веяло чем-то постоянным, вечным, предчувствовались безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вечность на “аршине пространства”» [1, с. 372]; Свидригайлову «мерещится» вечность как лишенное «широты» пространство: «Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность» [1, с. 251]. Мотив воскрешения, победы жизни над смертью дан в «Преступлении и наказании» как «пространственное развертывание из предельной замкнутости (могила, подполье, каморка, аршин пространства) — в предельно широкое, разомкнутое в мир и вселенную пространство» [11, с. 57]. Связь суживающегося пространства и хаоса, небытия утверждается в исследовании В. Н. Топорова, посвященном пространственности текста: «Современные исследования феномена смерти и продолжения жизни после смерти тела, как бы к ним ни относиться, восстанавливают картину, многократно описанную в произведениях художественной литературы как переход из широкого и открытого пространства жизни в узкое и замкнутое пространство смерти, стремящееся к нулю (ср. столь важное в древнеиндийской мифопоэтической модели мира противопоставление amhas, обуженного пространства, сопричастного хаосу — скорее самого хаоса, в котором, строго говоря, пространства нет и не может быть, и uru loka, мира широких пространств, неотъемлемых от космизированного состояния Вселенной)» [8, с. 69]. Интересны образы «тесноты», «скорби», «бездны» — и простора, «пространства» в 117-м псалме Давида: «Из тесноты воззвал я к Господу, — и услышал меня, и на пространное место [вывел меня] Господь» (Псалтирь, 117:5), ст.-слав. «От скорби призвах Господа, и услыша мя в пространство», известен перевод «Из бездны взываю...»; в иудейской традиции этот стих звучит как «Из теснин воззвал я к Б-гу — простором ответил мне Б-г» (Теилим, 118:5). Под «теснотой» подразумевается вавилонский плен и — шире — тяжелое положение вообще, а также плен духовный. В иудаизме «теснина» трактуется как галут (букв. изгнание) — изгнание евреев из земли обетованной, разрушение Иерусалимского Храма; талмудические источники свидетельствуют: страдание, причиняемое галутом, равно «всем другим мукам вместе взятым» (Сиф. Втор. 43); оно «подобно смерти и бездне» (Мид. Пс. 71:4); в изгнании народ Израиля — «нищий» (там же 9:15), «лишенный всякой гордости» (Хаг. 56). Так, «теснота», «теснина» предстает безблагодатным пространством унижения, лишения, несвободы, небытия — в противоположность «простору», обретению единства с Богом. Наконец, как коллапсирующая длительность — «здесь» и «теперь» — предстает смерть и ад в философских построениях П. Флоренского [10, с. 206, 211].

(1) *Такой... ну... Она задумалась.* — ***Никакой, абсолютно никакой. Средний человек;*** (2) ***Средний человек****, словно* ***смешали миллион лиц, и вылепили одно общее;*** Ср.: ***...во мне нечего знать****, я рядовой,* ***средний человек. Нас, Джонов Джонсонов****, в одной только телефонной книге Лондона сто четырнадцать человек,* ***различающихся лишь номерами домов и названиями улиц.*** *[...] А я...* ***кто такое я?***

Наконец, коллапсирующее пространство середины окончательно «выдавливает» человеческое из человека, лишает его собственного бытия, оставляя ему лишь животное, вещное, предметное «наличие»:

...Довольствоваться тихими радостями ***вегетативного бытия*** *среди многомиллионных полчищ* ***«средних» людей;*** *...избранные умы, высоко стоящие над рассудком* ***домашнего животного****, именуемого* ***средним человеком; средний человек, забыв о своем лично-безумном исходе****, весь уходит на приспособление и* ***существует, как резиновый буфер;*** *Ведь я* ***средний человек****, та* ***безразличность****, из которой ткётся ткань жизни, и поэтому рассуждаю, как* ***нитка в материи****...*

Такова, в общем, область значений, задающих семантическое поле «среднего человека» как субъекта повседневности. Своего рода «центром притяжения» смыслов в этой области являются значения середины как ограниченного пространства; и повседневность, определяемая понятиями середины, также мыслится как длительность, заданная пределом. Этот предел несёт оградительную функцию, формирует жизненное пространство человека, делает возможным существование «своего» — знакомого, близкого, дорогого; устанавливает порядок и равновесие внутри ограниченного пространства, обусловливает устойчивость мира и человека в нём. И этот же предел способен ограничить человека значениями сплошного отсутствия, невозможности и несвободы. Как получается, что из области гармонии и благодати середина превращается в выхолощенную длительность, лишённую перспективы, что повседневное пространство жизни способно обернуться «узким местом» небытия? Идёт ли речь об амбивалентности смыслов, имманентной области средних значений, или здесь имеет место семантическая трансформация, переход, обусловленный спецификой обыденного? Ответ на эти вопросы требует как дальнейшего изучения обыденного дискурса, так и более пристального взгляда на феномен повседневности.

Литература

1. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. — Харьков : Вища школа, 1983. — 480 с.

2. *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/index.html. — Заглавие с экрана.

3. *Рабинович Е. Г.* «Золотая середина»: к генезису одного из понятий античной культуры / Е. Г. Рабинович // Вестник древней истории. — М. : Наука, 1976. — № 3 (137). — С. 92—107.

4. *Рабинович Е. Г.* Середина мира / Е. Г. Рабинович // Мифы народов мира : Энциклопедия. — М. : Сов. энциклопедия, 1980. — Т. 2. — С. 128—129.

5. *Стеблин-Каменский М. И.* Миф / М. И. Стеблин-Каменский. — Л. : Наука, 1976. — 103 с.

6. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.

7. *Топоров В. Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : Избранное. — М. : ИГ «Прогресс» — «Культура», 1995. — С. 193—258.

8. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // В. Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. — Т. 1: Теория и некоторые частные её приложения. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — С. 55—120.

9. *Топоров В. Н.* Путь / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : Энциклопедия. — М. : Сов. энциклопедия, 1980. — Т. 2. — С. 352—353.

10. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / Павел Флоренский. — М. : АСТ, 2005. — 633 с.

11. *Хоц А. Н.* Структурные особенности пространства в прозе Достоевского / А. Н. Хоц // Достоевский: материалы и исследования. — СПб. : Наука, 1994. — Т. 11. — С. 51—90.

12. *Шкунаев С.* «Похищение быка из Куальнге» и предания об ирландских героях / С. Шкунаев // Похищение быка из Куальнге. — М. : Наука, 1985. — С. 382—447.

13. *Элиаде М.* Трактат по истории религий : в 2 т. / М. Элиаде. — СПб. : Алетейя, 1999. — Т. 1. — 301 с.

References

1. *Dostoevskij F. M.* Prestuplenie i nakazanie / F. M. Dostoevskij. — Har'kov : Vyshha shkola, 1983. — 480 s.

2. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: http://www.ruscorpora.ru/index.html. — Zaglavie s ekrana.

3. *Rabinovich E. G.* «Zolotaja seredina»: k genezisu odnogo iz poniatij antichnoj kul'tury / E. G. Rabinovich // Vestnik drevnej istorii. — M. : Nauka, 1976. — № 3 (137). — S. 92—107.

4. *Rabinovich E. G.* Seredina mira / E. G. Rabinovich // Mify narodov mira : Enciklopedija. — M. : Sov. enciklopedija, 1980. — T. 2. — S. 128—129.
5. *Steblin-Kamenskij M. I.* Mif / M. I. Steblin-Kamenskij. — L. : Nauka, 1976. — 103 s.
6. *Stepanov Ju. S.* Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija / Ju. S. Stepanov. — M. : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. — 824 s.
7. *Toporov V. N.* O strukture romana Dostoevskogo v sviazi s arhaicheskimi skhemami mifologicheskogo myshlenija («Prestuplenie i nakazanie») // V. N. Toporov. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo : Izbrannoe. — M. : IG «Progress» — «Kul'tura», 1995. — S. 193—258.
8. *Toporov V. N.* Prostranstvo i tekst // V. N. Toporov. Issledovanija po etimologii i semantike. — T. 1: Teorija i nekotorye chastnye ejo prilozhenija. — M. : Jazyki slavianskoj kul'tury, 2004. — S. 55—120.
9. *Toporov V. N.* Put' / V. N. Toporov // Mify narodov mira : Enciklopedija. — M. : Sov. enciklopedija, 1980. — T. 2. — S. 352—353.
10. *Florenskij P. A.* Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoj teodicei / Pavel Florenskij. — M. : AST, 2005. — 633 s.
11. *Khoc A. N.* Strukturnye osobennosti prostranstva v proze Dostoevskogo / A. N. Khoc // Dostoevskij: materialy i issledovanija. — SPb. : Nauka, 1994. — T. 11. — S. 51—90.
12. *Shkunaev S.* «Pohishhenie byka iz Kual'nge» i predanija ob irlandskih gerojah / S. Shkunaev // Pokhishhenie byka iz Kual'nge. — M. : Nauka, 1985. — S. 382—447.
13. *Eliade M.* Traktat po istorii religij : v 2 t. / M. Eliade. — SPb. : Aletejja, 1999. — T. 1. — 301 s.

КАРДАШОВА Олена Володимирівна,
викладач кафедри російської мови Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна; Харків, Україна;
e-mail: murzila@ukr.net; тел.: + 38-093 3537430

«БАЙДУЖІСТЬ, ІЗ ЯКОЇ ТЧЕТЬСЯ ТКАНИНА ЖИТТЯ»: «СЕРЕДНЯ ЛЮДИНА», СУБ'ЄКТ ПОВСЯКДЕННОСТІ

Анотація. Публікація присвячена проблемі визначення суб'єкта буденного дискурсу. Суб'єкт буденного дискурсу може бути описаний за допомогою звернення до стереотипних моделей ідентифікації та самоідентифікації, таких як «проста людина», «звичайна людина», «обиватель», «середня людина». Кожна з моделей має цілий спектр значень, які актуалізуються в тій чи іншій мовленнєвій ситуації. Конкретизуючи значення, властиві стереотипним моделям, можна встановити, яким чином концептуалізувати суб'єкт буденного дискурсу у свідомості носіїв російської мови. Модель «середня людина» виявляє значення «середини» як обмеженого простору, важливе для розуміння сфери буденного.
Ключові слова: повсякденність, буденний дискурс, суб'єкт буденного дискурсу, стереотипна модель ідентифікації, «середня людина».

Yelena V. KARDASHOVA,
Lecturer of the Russian Language Department of Kharkiv Karazin National University; Kharkiv, Ukraine;
e-mail: murzila@ukr.net; tel.: + 38-093 3537430

«INDIFFERENCE, FROM WHICH THE FABRIC OF LIFE IS WEAVING»: «THE AVERAGE PERSON», THE SUBJECT OF EVERYDAY LIFE

Summary. The publication is devoted to the definition of the person of ordinary discourse. The person of ordinary discourse can be described by means of stereotypical models and self-identification such as «commoner», «man in the street», «everyman». Each of them has a range of meanings which are specified in different speech situations. Determining meanings of stereotypical models we define the person of ordinary discourse conceptualized in the minds of the Russian-speaking people. «Average person» model detects important for understanding the commonness of «middle as the limited space» meanings.
Key words: everyday life, ordinary discourse, person of ordinary discourse, stereotypical identification model, «average person».

Статтю отримано 27.10.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.161.1’23’276.12’373.74

ЛАВРИК Эльвира Петровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета; Ставрополь, Россия;
e-mail: ellav@rambler.ru; моб.: +7-8-962-4911272

ИНВЕКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Аннотация. В статье говорится о проблемах лингвистической экспертизы спорных текстов и об инвектогенном потенциале прецедентных феноменов.

В лингвистике имеется два основных подхода к пониманию языкового феномена инвективы: широкий и узкий. В узком понимании речь идёт об эксплицитной, явной инвективе, которая осуществляется с помощью средств, однозначно воспринимаемых как инвектива всеми носителями языка. В широком смысле инвективность реализуется с учётом контекста, с опорой на лексико-семантический критерий. Параметризация инвективы имеет большое значение для экспертной практики по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации и об оскорблении.

Значительным потенциалом инвективности обладают прецедентные феномены, апелляция к которым в определённом контексте имеет задачу оскорбить адресата инвективы. Являясь по формальным основаниям оценочным средством, в случае негативной оценочности они могут служить унижению чести, достоинства и деловой репутации личности. Эффективность данного речевого действия зависит от наличия / отсутствия у адресата и адресанта инвективы общей картины мира.

Ключевые слова: имплицитная инвектива, прецедентный феномен, лингвистическая экспертиза.

Проблема исследования словесных проявлений инвективы является актуальной как в теоретическом, так и в практическом плане. Исследование теоретических аспектов проблемы помогает очертить спектр тех языковых средств, которые могут быть реализованы в инвективной функции. Практический аспект проблемы связан с лингвоэкспертной практикой.

Традиционно инвектива расценивается как оскорбительное слово в наиболее резкой форме или, точнее, ругательство в функции оскорбления (И. А. Стернин, В. И. Жельвис, Ю. В. Щербинина). Данный подход к определению термина «инвектива» предполагает опору на лексико-семантический критерий.

Однако в современной лингвистике существует и несколько иной подход к определению феномена инвективы. Так, В. И. Жельвис, допуская двоякое понимание этого явления, говорит о том, что «инвективу в узком смысле слова можно определить как способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе инвективой можно назвать вербальное нарушение этических табу, осуществлённое некодифицированными средствами, в широком смысле — как любое вербально выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту» [3, с. 21]. Эту точку зрения разделяют Н. Д. Голев, В. Н. Капленко, С. В. Сыпченко, Ю. А. Бельчиков и другие исследователи, работающие в рамках юрислингвистической проблематики.

Специфическая направленность юрислингвистики обусловливает необходимость обнаружения в высказываниях и текстах не только прямых, но и косвенных, скрытых оскорблений. При таком понимании лингвистической сущности инвективы речь идет уже не об особом разряде лексических единиц, а о взаимодействии языковых средств разных уровней, способствующих реализации пейоративного значения: «Инвектива как речевое явление, речевое событие, реализующее определённые коммуникативные и экспрессивные интенции её автора — это словесный «наезд», вербальная атака, нападки, далеко не всегда выраженные в форме собственно брани или сквернословия, но, безусловно, реализующие языковую (вербальную) агрессию, являясь одновременно лишь одной из форм языкового насилия над личностью» [5, с. 116].

Таким образом, на наш взгляд, можно выделить два основных подхода к пониманию языкового феномена инвективы. Первый, предполагающий опору на лексико-семантические характеристики языкового знака, целесообразно назвать узким. Узкий подход предполагает оперирование лексическими единицами, инвективный характер которых является общепризнанным носителями языка. Типология русской инвективной лексики на сегодняшний день активно разрабатывается. Об этом говорят научные статьи и диссертационные исследования последних лет, связанные с этой проблемой (в частности, ведется работа по созданию юрислингвистического словаря инвективной лексики русского языка под руководством Н. Д. Голева). Разработка классификаций инвективной лексики имеет, прежде всего, практическую значимость: работа по изучению инвективного потенциала современного русского языка сопряжена с необходимостью создания авторитетного источника, на который могут опираться лингвисты-эксперты для обоснованного ответа на вопрос об оскорбительности того или иного слова.

© Лаврик Э. П., 2014

Вторая точка зрения, связанная с выявлением инвективной семантики текста, вытекающей из взаимодействия средств различных языковых ярусов, представляет широкий подход к пониманию инвективы. Широкий подход основывается на принципе, согласно которому семантика языкового знака ставится в зависимость от его языкового окружения, от контекста. Другими словами, учитывается результат комплексного взаимодействия единиц различных уровней языка. В соответствии с этим инвективное значение приписывается уже не отдельному слову, а целому высказыванию и, шире, тексту.

Именно проблема, связанная с интерпретацией текста, высказывания, является одной из самых острых практических проблем, стоящих перед исследователями, занимающимися вопросами юрислингвистики: «Категория инвективности — сложнейшая лингвистическая проблема. Лексический её выход — наиболее поверхностный. Текстовое (и тем более рече-ситуативное) разворачивание инвективного фрейма — задача более сложная, так как здесь сопрягается множество факторов», ряд которых относится к имплицитным сферам речи. «По-видимому, самое сложное в проблеме инвективности текста — объективная оценка, с одной стороны, намерений его автора и, с другой стороны, оценка интерпретации данного текста посчитавшим себя оскорбленным субъектом» [2, с. 11]. Таковы, в частности, приёмы воздействия при помощи речевых импликатур, которые состоят в том, что «внушаемое утверждение прямо не содержится в тексте, но вытекает из содержащихся в нём утверждений как речевая импликатура. Это даёт возможность автору текста при необходимости «отпереться» от имплицируемого утверждения...» [1, с. 56]. Оскорблённое лицо в данной ситуации может интерпретировать спорное с точки зрения оскорбительности/неоскорбительности высказывание либо в обидном, либо в необидном для себя смысле, и обоснованность его реакций — сложнейший и неизведанный предмет науки [2].

В связи с этим именно в юридической лингвистике в рамках широкого подхода к инвективе ставится проблема выделения и описания так называемой скрытой, неявной, или имплицитной инвективы. Б. Я. Шарифуллин указывает на то, что «Доказать факт языковой агрессии и/или языкового насилия с использованием определенных инвективных средств... непросто. Но вполне возможно, если... «восстановить» и аргументировано представить всю «цепочку» данного речевого события: интенции автора анализируемого текста и его коммуникативную стратегию, выбор им определённых речевых тактик, их реализацию в «прочитываемых» инвективных речевых жанрах, языковое воплощение данных жанров в соответствующих инвективных единицах языка» [5, с. 116].

Таким образом, предлагаются различные пути решения проблемы, связанной с проявлением вариативности языковых знаков, на практике. Необходимо отметить, что проблема имплицитной инвективы в настоящее время не имеет какого-либо единого комплексного решения как в теоретическом, так и в практическом плане (в практике проведения лингвистических экспертиз).

Вопрос об инвективности поднимается применительно к:

— ст. 152 Гражданского кодекса РФ по спорным текстам в связи с гражданскими делами о защите чести, достоинства и деловой репутации;

— по спорным текстам в связи с уголовными делами по обвинению в клевете, в оскорблении (ст. 129 УК РФ);

— по обвинению в оскорблении (ст. 130 УК РФ).

При этом по юридическим основаниям оскорблением является унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме. Безусловно, неприличная форма выражения оценки имеет определённую сферу бытования: это прежде всего устная речь. В средствах массовой информации инвектива чаще всего носит имплицитный характер и проявляется в целом комплексе средств, относящихся к различным уровням языковой системы. Именно этот факт, вступающий в противоречие с практическим применением результатов исследований в этой области (проведением лингвистических экспертиз, требующих квалифицированного однозначного ответа на вопрос об интерпретации того или иного языкового знака (не только слова, но и высказывания, текста)), приводит исследователей к необходимости разработки категории инвективности, основанной на потенциальной возможности единиц разных уровней языка приобретать оскорбительное значение.

К числу таких средств относится использование прецедентных феноменов (ПФ), понимаемых, вслед за Ю. Н. Карауловым, как «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников; (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216]. Таким образом, феномен прецедентности основывается на общности социальных, культурных или языковых — фоновых знаний адресата и адресанта. В газетных текстах ПФ выполняют не столько номинативно-информативную, сколько рекламно-экспрессивную и эмоционально-оценочную функцию, служат средством привлечения внимания и оценки. Именно поэтому ПФ так частотны в заголовках. Например: (1) *Пожарный с повадками Герострата*

(Открытая для всех и каждого, № 4, 06.02.2013). (2) Поздравляем вас, господин соврамши! (Открытая для всех и каждого, 16—23.01.2013). (3) *Бог шельму метит.* (4) *Край непуганых* (Открытая для всех и каждого, 10—17.04.2013) и др.

Являясь по формальным основаниям оценочным средством, в случае негативной оценочности они могут служить унижению чести, достоинства и деловой репутации личности, так как инвектум воспринимает применённое к нему высказывание с прецедентным феноменом как средство его негативной характеристики, унижающее его честь и достоинство. Например, в статье «Верный Полкан» (газета «Звезда Прикубанья», 04.03.2009): *Представляясь участникам митинга, Виктор Михайлович без ложной скромности заявил, что его называют «Жириновским Юга России». Такой вот он крутой в смысле резать правду матку. На Жириновского он, конечно, не тянет. А вот с* ***попом Гапоном****, пожалуй, его сравнить можно. К сожалению, провокаторы были во все времена. Отрабатывая брошенную им кость, они дискредитируют хорошие начинания* (Звезда Прикубанья). В данном фрагменте негативная характеристика даётся путем сравнения инвектума с прецедентной одиозной личностью — попом Гапоном.

Другой яркий пример, частотный в лингвоэкспертной практике, — ставшее прецедентным высказывание «оборотни в погонах»: (1) *Сейчас вы увидите всех* ***оборотней в погонах****...* (Видеоролик). (2) ***Оборотни в погонах*** (Открытая для всех и каждого, №27, 11—18.07.2012). Негативный оценочный компонент содержится в устойчивом сочетании *«оборотни в погонах»,* которое, не будучи ещё зафиксированным в словарях, закрепилось в русской лингвокультуре и русском языковом и общественном сознании, о чём свидетельствует широкое использование данного устойчивого сочетания в средствах массовой информации и сети Интернет. Так, в Википедии приводится такое определение этого понятия: ***Оборотни в погонах*** *— обозначение любых сотрудников правоохранительных органов, под прикрытием своих званий и должностей совершающих преступления или участвующих в* коррупции. Активность использования ПФ *«оборотни в погонах»* как устойчивого выражения с негативно-оценочным значением подтверждается данными Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www. ruscorpora.ru): (1) *Поверить в чистоту помыслов «чистых рук», говорит депутат, можно будет лишь после того, как в разработку будут взяты не только* ***оборотни в погонах****, а и те, кто отбросил Россию на столетия назад, превратив её в сырьевую колонию, ведущую на своей территории безумную войну, истребляющую свой народ.* [Оборотни первой волны (2003) // «Завтра», 2003.08.06]. (2) *В той фазе гангрены коррупции, какая сейчас в России, уже бесполезно пить нарзан и уверять общественность, что одни* ***оборотни в погонах*** *пересажают других и всё будет хорошо* [В. Баранов. Либеральное будущее (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.10.26]. (3) *Какого рода преступления совершили* ***оборотни в погонах****?* [Ж. Касьяненко. Перевёртыши — оборотни (2003) // «Советская Россия», 2003.08.15]. (4) *Тогда это называлось — бизнесмент (сейчас* ***«оборотни» в погонах****)* [Л. Кислинская. Уходящие «в натуре» (2003) // «Совершенно секретно», 2003.04.08]. (5) *Впрочем, важнее другое —* ***«оборотни в погонах»*** *наверняка найдут другие возможности для безболезненного закрытия магазинов и ресторанов* [Силовики тормозят реформы // «Коммерсантъ-Daily», 2003].

Таким образом, в использовании ПФ *оборотни в погонах* присутствует утверждение о преступной деятельности с использованием должностей и званий. Здесь нет утверждений о конкретных фактах, которые можно было бы верифицировать, однако лицо, к которому применено данное высказывание, безусловно, считает себя оскорблённым.

Судебная практика по подобным делам различна: в правоприменении данная фраза интерпретируется то как оценочная, то как фактологическая. В комментариях пленума Верховного суда РФ по данной статье отмечается, что зачастую определить, где заканчивается оценочное суждение и начинается констатация факта, довольно сложно. Именно поэтому необходимы совместные поиски критериев оценки высказываний, не имеющих формальных показателей инвективности, но формирующих ситуацию, в которой инвектум считает себя оскорблённым и связывает данное высказывание с унижением его чести и достоинства. И в этом смысле инвектогенный потенциал прецедентных феноменов достаточно велик.

Литература

1. *Булыгина Т. В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. — М. : Языки славянской культуры, 1997. — 576 с.

2. *Голев Н. Д.* Постановка проблем на стыке языка и права / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы : межвуз. сб. науч. тр. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. — С. 4—11.

3. *Жельвис В. И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис — М., 2001. — 349 с.

4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д. Н. Шмелёв. — М. : Наука, 1987. — 263 с.
5. *Шарифуллин Б. Я.* Речевая инвектива на рандеву лингвистики и юриспруденции: pro et contra // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. — С. 112—120.

References

1. *Bulygina T. V.* Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoi grammatiki) / T. V. Bulygina, A. D. Shmelev. — M. : Jazyki slavianskoj kul'tury, 1997. — 576 s.
2. *Golev N. D.* Postanovka problem na styke jazyka i prava / N. D. Golev // Jurislingvistika-1: problemy i perspektivy : mezhvuz. sb. nauch. tr. — Barnaul : Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1999. — S. 4—11.
3. *Zhel'vis V. I.* Pole brani. Skvernoslovie kak social'naja problema v jazykah i kul'turah mira / V. I. Zhel'vis. — M., 2001. — 349 s.
4. *Karaulov Ju. N.* Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' / otv. red. D. N. Shmelev. — M. : Nauka, 1987. — 263 s.
5. *Sharifullin B. Ja.* Rechevaja invektiva na randevu lingvistiki i jurisprudencii: pro et contra // Jurislingvistika-6: Invektivnoe i manipuliativnoe funkcionirovanie jazyka : mezhvuz. sb. nauch. st. / red. N. D. Golev. — Barnaul : Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2005. — S. 112—120.

ЛАВРИК Ельвіра Петрівна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Північно-Кавказького федерального університету; Ставрополь, Росія;
e-mail: ellav@rambler.ru; моб.: +7-8-962-4911272

ІНВЕКТОГЕННИЙ ПОТЕНЦІАЛ ПРЕЦЕДЕНТНИХ ФЕНОМЕНІВ

Анотація. У статті йдеться про проблеми лінгвістичної експертизи спірних текстів і про інвектогенний потенціал прецедентних феноменів.

У лінгвістиці є два основних підходи до розуміння мовного феномену інвективи: широкий і вузький. У вузькому розумінні мова йде про експліцитну, явну інвективу, яка здійснюється за допомогою засобів, що однозначно сприймаються як інвектива усіма носіями мови. У широкому сенсі інвектива реалізується з урахуванням контексту, з опорою на лексико-семантичний критерій. Параметризація інвективи має велике значення для експертної практики у справах про захист честі, гідності, ділової репутації та про образу.

Значний інвективний потенціал містять прецедентні феномени, апеляція до яких у певному контексті має завдання образити адресата інвективи. Будучи за формальними підставами оцінним засобом, у разі негативної оцінки вони можуть служити приниженню честі, гідності та ділової репутації особи. Ефективність даної мовленнєвої дії залежить від наявності / відсутності у адресата й адресанта інвективи загальної картини світу.

Ключові слова: імпліцитна інвектива, прецедентний феномен, лінгвістична експертиза.

Elvira P. LAVRIK,
Ph. D. in Philology, Associate Professor in the Department of the Russian Language, North-Caucasus Federal University; Stavropol, Russia;
e-mail: ellav@rambler.ru; cell.: +7-8-962-4911272

INVECTIVE POTENTIAL OF PRECEDENT PHENOMENA

Summary. The issues of linguistic expertise of disputable texts and invective potential of precedent phenomena are examined in the article. In linguistics, there are two main approaches to invective as a language phenomenon: wide and narrow. In the narrow sense, we talk about explicit, evident invective which is realized by means which every native speaker clearly perceives as invective. In the wide sense, invective is realized in close connection with the context and heavily relies on lexical-semantic criterion. It is crucial for expert practice in slander lawsuits to recognize the parameters of invective. Precedent phenomena have considerable invective potential and are often used when trying to insult the addressee of invective. Being formally an instrument of evaluation, being employed in a negative way precedent phenomena can damage one's honour, dignity and reputation. Efficiency of such verbal act depends on presence/absence of common worldview of an addresser and an addressee of invective.

Key words: implicit invective, precedent phenomenon, linguistic expertise.

Статтю отримано 25.08.2014 р.

УДК 811.161.1'373.612.2:366.636(470+571:477)

ЛЕОНОВА Анна Юрьевна,
аспирантка кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: trocyuk.anna@mail.ru; тел.: +38 (067) 9820220

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «БРАТЬЯ» В РОССИЙСКОМ МАСС-МЕДИА ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье раскрываются особенности языковой концептуализации российско-украинских отношений на материале текстов российских масс-медиа. Анализ текстов соответствующей тематики позволил выделить следующие метафорические модели, употребляемые в описании российско-украинских отношений: 1) «братья»; 2) «соседи»; 3) «партнёры»; 4) «друзья»; 5) «супруги». В данной работе сконцентрировано внимание на рассмотрении модели «братья». Данная метафорическая модель рассматривается как часть более сложной системы концептуальных структур, представленных во фрейме СЕМЬЯ, который практически полностью вербализован в текстах, посвящённых российско-украинским отношениям в рассматриваемом дискурсе. В процессе исследования удалось выявить также некоторые особенности функционирования данной модели: 1) метафора «братья» обнаруживает тенденцию смены аксиологического вектора (карнавализация), что, в свою очередь, свидетельствует о её важном месте в системе метафорического моделирования российского языкового сознания; 2) ценностная парадигма родства подвергается «идеологической коррекции»; 3) амбивалентность метафорических моделей («братья»/«партнёры») свидетельствует о противоречивых установках субъекта оценки в российском масс-медиа дискурсе.

Ключевые слова: метафорическая модель, концептуализация, фрейм, слот, масс-медиа дискурс.

Политическая метафорология, сформировавшаяся на пересечении политической лингвистики и метафорологии, является одним из перспективных направлений исследований современной когнитивистики [2]. Ставшая классической теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [5], рассматривает метафоризацию как универсальный способ, при помощи которого в процессе познания совершается движение от конкретного знания, основанного, в частности, на телесном опыте человека, к более отдалённым и одновременно менее ясным сферам физического, ментального и социального опыта. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, когнитивные схемы, стоящие за концептуальной метафорой (идеализированные концептуальные схемы и вербализованные фреймы), не только структурируют и расширяют знания о мире, но и оказывают влияние на поведение человека, то есть определяют характер и направление наших действий.

Сегодня, в период кризисной общественно-политической ситуации, когда крайне важными являются проблемы налаживания отношений, исследования в области метафорики не утратили своей актуальности и практической направленности, а напротив, становятся всё более востребованными. Особенно это касается политического масс-медиа дискурса, который является объектом анализа в данной работе. Цель исследования — выявить особенности языковой концептуализации российско-украинских отношений на материале текстов российских масс-медиа.

Анализ текстов соответствующей тематики позволил выделить следующие метафорические модели, употребляемые в описании российско-украинских отношений: 1) «братья»; 2) «соседи»; 3) «партнёры»; 4) «друзья»; 5) «супруги». В данной работе мы сконцентрируем внимание на рассмотрении модели «братья».

Метафора «братья» функционирует в текстах российских масс-медиа не изолированно. Она является частью более сложной системы концептуальных структур, представленных во фрейме СЕМЬЯ, который практически полностью (за исключением слота «свекровь, невестка и др.») вербализован в текстах, посвящённых российско-украинским отношениям в рассматриваемом дискурсе. Данная фреймовая структура выглядит следующим образом:

Таблица 1

ФРЕЙМ «СЕМЬЯ»						
Субфрейм «Кровное родство»				Субфрейм «Родство по супружеству»		
Слот 1 «Семья в целом»	Слот 2 «Родители»	Слот 3 «Дети»	Слот 4 «Братья и сёстры»	Слот 1 «Жених и невеста»	Слот 2 «Муж и жена»	Слот 3 «Свекровь, невестка и др.»

© Леонова А. Ю., 2014

Итак, рассмотрим более подробно слот «братья и сёстры» в составе фрейма СЕМЬЯ.

Слот 4. Братья и сёстры (отношения между представителями II поколения).

Россияне и украинцы могут метафорически обозначаться как *братья* и *сёстры,* то есть *дети* одной матери. Братские отношения могут существовать между государствами, обществом и государством, а также между другими субъектами политической деятельности. *Очередной выбор для Украины: рвануть навстречу Европе или в* ***«братские»*** *объятия России?* (2013 г.)

Метафорически «семейными» могут быть названы отношения, которые связывают людей с близкими политическими взглядами, увлечённых одной идеей, членов одного трудового коллектива. *С НТВ примерно такая же история. Те, кто остался там, —* ***братья и сёстры.***

В данном слоте вербализована метафора «сестра» в системе концептуализации российско-украинских отношений. *А что касается старшей* ***сестры*** (России — прим. авт.) *— у неё сейчас есть какие-то ходы для того, чтобы набирать сейчас очки в свою пользу? И относительно всех живущих вокруг, — чтобы её перестали считать тираном и деспотом, и чтобы с младшей* ***сестрой*** (Украиной — прим. авт.) *в итоге разобраться»* (2014 г.).

Зарубежные и отечественные исследователи политической метафоры отмечают, что существует зависимость между частотностью метафор и общественными кризисами, поворотными, значительными моментами общественно-политической жизни. Подобные факты подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе [7; 2].

Метафора «братья» в российском масс-медиа дискурсе активно использовалась для номинации отношений с Украиной в период СССР, а также в период обсуждения вероятности вступления Украины в Таможенный союз с Россией и в период обсуждения перспектив Украины подписать договор об ассоциации с ЕС.

Таблица 2

Период	Пример
Советский период	*«Украина — это замечательная страна с нашими* ***родными*** *жителями —* ***сёстрами и братьями****...»* (1989 г.)
Период обсуждения вероятности вступления Украины в Таможенный союз	*«...в конечном итоге эта необъяснимая колористика заставляет вспомнить о национальных цветах* ***бывших родственников****, а ныне* ***просто соседей*** *— украинцев»* (2012 г.) *«Нам не нужны* ***братские чувства****, нам нужны прочные экономические и политические могучие путы, чтобы удерживали»* (2013 г.) *«Распад Советского Союза превратил границу между поистине* ***братскими*** *народами в линию размежевания»* (2013 г.) *«Я не понимаю, зачем Евразийскому союзу нужен Янукович, почему мы должны принимать этого человека и его режим в свои* ***братские объятия****?»* (2013 г.)
Период рассмотрения перспектив Украины подписания договора об ассоциации с ЕС	*«Неожиданный и мало освещённый визит президента Украины Виктора Януковича в минувшую субботу в Москву многие эксперты связывают с сомнениями лидера* ***братской*** *страны по поводу перспектив подписания договора об ассоциации с ЕС, которое может состояться 28 ноября в Вильнюсе»* (2013 г.) *«Можно ли сорваться и проиграть? Разгадывая хитрый трюк России, ЕС снимает все нехорошие условия, и Янукович торжественно въезжает в Вильнюс, оставляя Россию с носом? Допустим, но что мы теряем в таком случае — выпускаем из* ***братских объятий*** *человека, который один раз уже предал нас и обязательно сделает это повторно, как только представится минимальная для этого возможность. Симпатии народа Украины — сомневаюсь, что они пребудут с нами, если мы будем с Януковичем»* (2013 г.)

В советский период идеологическая метафорическая модель «братства» всех республик внедрялась официальным дискурсом в языковое сознание. Устойчивыми стали словосочетания *братские республики, братские народы, города-побратимы* и т. д. Ср.: *брат,* а, м. 1. перен. *Старший брат.* Патет. или ирон. О русском народе по отношению к другим народам СССР. *Почему именно русский? Потому что это язык* ***старшего брата*** *и самого верного друга всех народов СССР — русского народа* [6]. Ценность родства, воплощённая в метафорах семейной связи, позволяла формировать в сознании советских людей непротиворечивое представление об обществе без акцентирования национальных различий. Метафоры родства позволяли примирить представление *о русском языке как родном* для всех народов СССР (для этого было

введено понятие *второй родной язык*). Таким образом, ценность родства органично вписывалась в общую систему метафорических понятий эпохи Н. С. Хрущёва и Л. И. Брежнева [8].

Современный российский дискурс масс-медиа имеет целый арсенал метафор в языковой концептуализации российско-украинских отношений. Уровень активности их употребления зависит от конкретной политической задачи, решаемой властью в тот или иной момент времени. Например, в тех текстах, где речь идет о построении взаимовыгодных отношений Украины и России увеличивается частота употребления метафоры «братья» (украинцы и русские — «братские народы». Братья, согласно славянским семейным традициям, должны помогать друг другу, жертвовать собой ради брата и т. д. Понятие «братство» является составной частью значимого в русском языковом сознании ценностного макроконцепта РОД [8].

Моя позиция такова: Россия готова развивать многогранные уважительные отношения с ***братской*** *Украиной. Взаимовыгодные и эффективные...»,* — заявил глава российского правительства Дмитрий Медведев (2014 г.). Обратим внимание, что в данном высказывании ценностные ориентиры автора противоречат друг другу. Братские отношения не предполагают взаимовыгоду и эффективность. Подобные характеристики определяют партнёрские отношения.

Нас — россиян — вполне устраивает весьма абстрактное и приблизительное понимание, что ***братские республики по-братски*** *что-то там через таможню возят* (2013 г.) Для тех текстов, которые отображают важность установления конкретных экономических отношений между Украиной и Россией, более характерно употребление другой метафоры — «партнёры», её приоритетная позиция.

«России нужна сильная и стабильная Украина. Предсказуемый и экономически ***состоятельный партнёр****. А не* ***бедный родственник****, вечно стоящий с протянутой рукой. Обо всём этом вчера было сказано новоявленным украинским правителям»,* — добавил премьер-министр России (2014 г.) Мы наблюдаем сосуществование двух метафорических моделей, которые могут употребляться в одном временном отрезке, даже в одних и тех же текстах, но выполняют разные коммуникативные задачи.

Таким образом, ценностная амбивалентность метафорических моделей свидетельствуют о противоречивых установках субъекта оценки в российском масс-медиа дискурсе. Братские отношения, родство предполагают взаимопомощь, бескорыстность и даже жертвенность в отношениях, сочувствие и взаимовыручку. Формирование партнёрских отношений основано на взаимовыгоде, строгом экономическом расчёте [8], то есть именно то, что исключают «братские» отношения.

Отдельного внимания заслуживает такое явление, как карнавализация, характерное для текстов российского масс-медиа дискурса. Как известно, сегодня в центре концепции карнавализации — идея об «инверсии двоичных противопоставлений», то есть переворачивание смысла бинарных оппозиций. В монографии С. Г. Воркачёва карнавализация рассматривается как разновидность вариативности концептов наряду с дискурсивной, онтологической и гендерной. «Можно полагать, что «смеховое отношение» к концептам представляет собой в значительной мере их погружение в контекст своего рода «карнавализации» — временного ценностного обращения, когда высшее становится низшим и наоборот» [3]. Напр.: — *Скажите, украинцы, русские вам* ***братья*** *или* ***друзья****? — Конечно,* ***братья! Друзья*** *бы так не поступили...»*

Возможно, «карнавальное» переворачивание традиционных ценностей родства, вызвано пересмотром её значимости и введением в общественное сознание новых ценностных ориентиров партнёрства. Целенаправленное воздействие на изменение ценностей языкового сознания — очень сложная задача, тогда как стихийные процессы, происходящие с опорой на уже имеющиеся в арсенале аксиокатегории сознания, воплощённые в неассертивной семантике языковых единиц, отражают не столько смену, сколько «идеологическую коррекцию» ценностной парадигмы [8].

Субфрейм «Кровное родство», в который входит рассматриваемая модель, прежде всего, позволяет метафорически выразить особую «духовную близость», привязанность, наследование каких-то свойств. В современной политической речи соответствующие концепты могут приобретать негативную окраску, их использование характерно и для иронических контекстов. Происходит смена аксиологического вектора. Напр.: *Про* ***«братских»*** *белорусов и украинцев вообще говорить не хочется...* (2012 г.).

Как уже было сказано, наиболее близкие отношения в политическом дискурсе часто обозначаются как *братские*. Менее близкие отношения могут обозначаться как *отдалённое родство* (по боковой линии и т. п.). Напр.: *Ассоциировать себя Украина, видимо, желает с Европой, а не с* ***«братским»*** *народом. Слово* ***«братский»*** *здесь, конечно, в кавычках. Один народ или не один — спорить можно долго, и это будет не совсем правильно. Конечно, это два разных народа, да, это две уникальные культуры, но как плотно они проросли друг в друга* (2013 г.).

Анализ текстов российских масс-медиа позволяет сделать следующие выводы: 1) метафора «братья» вербализует фрейм СЕМЬЯ, который практически полностью отображён в концепту-

ализации российско-украинских отношений в рассматриваемом дискурсе. 2) Данная метафора обнаруживает тенденцию смены аксиологического вектора (карнавализация), что в свою очередь свидетельствует о её важном месте в системе метафорического моделирования российского языкового сознания. 3) Ценностная парадигма родства подвергается «идеологической коррекции». 4) Амбивалентность метафорических моделей («братья» / «партнёры») свидетельствует о противоречивых установках субъекта оценки в российском масс-медиа дискурсе: то, что является ценностью в один период, становится объектом высмеивания в другой период, происходит т. н. переворачивание ценностей.

Литература

1. *Будаев Э. В.* Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2010. — № 1 (31). — С. 9—23.
2. *Будаев Э. В.* Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — М. : Флинта ; Наука, 2008. — 352 с.
3. *Воркачёв С. Г.* Вариативные и ассоциативные свойства телеономных лингвоконцептов / С. Г. Воркачёв. — Волгоград : Парадигма, 2005. — 213 с.
4. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 476 с.
5. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живём / [пер. с англ. ; ред. и автор предисл. А. Н. Баранов] ; Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М. : УРСС, 2004. — 256 с.
6. *Мокиенко В. М.* Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.
7. *Яворська Г. М.* Непевний об'єкт бажання: Європа в українському політичному дискурсі : монографія / Галина Яворська, Олександр Богомолов. — К. : ВД Дм. Бураго, 2010. — 132 с.
8. *Яроцкая Г. С.* Аксиогенез экономического сознания в русской лингвкультуре : монография / Г. С. Яроцкая — Одесса : Одесский нац. ун-т имени И. И. Мечникова, 2013. — 551 с.

References

1. *Budaev E. V.* Politicheskaja metaforologija: rakursy sopostavitelnogo analiza / E. V. Budaev // Politicheskaja lingvistika. — 2010. — № 1 (31). — S. 9—23.
2. *Budaev E. V.* Metafora v politicheskoj kommunikacii / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — M. : Flinta ; Nauka, 2008. — 352 s.
3. *Vorkachev S. G.* Variativnyje i associativnyje svojstva teleonomnyh lingvokonceptov / S. G. Vorkachev. — Volgograd : Paradigma, 2005. — 213 s.
4. *Karasik V. I.* Jazykovoj krug: lichnost, koncepty, diskurs / V. I. Karasik. — Volgograd : Peremena, 2002. — 476 s.
5. *Lakoff Dzh.* Metafory, kotorymi my zhivem / [per. s angl. ; red. i predisl. A. N. Baranov] ; Dzh. Lakoff, M. Dzhonson. — M. : Editorial URSS, 2004. — 256 s.
6. *Mokienko V. M.* Tolkovyiy slovar yazyika Sovdepii / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. — SPb. : Folio-Press, 1998. — 704 s.
7. *Yavorska G.* Nepevnyj ob'ekt bazhannia: Europa v ukrains'komu politychnomu dyskursi : monografija / Galina Yavorska, Oleksandr Bogomolov. — K. : VD Dm. Burago, 2010. — 132 s.
8. *Yarotskaya G. S.* Aksiogenez ekonomicheskogo soznanija v russkoj lingvokulture : monografija / G. S. Yarotskaya. — Odessa : Odesskij nac. un-t imeni I. I. Mechnikova, 2013. — 551 s.

ЛЕОНОВА Ганна Юріївна,
аспірант кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: trocyuk.anna@mail.ru; моб.: +38 067 9820220

МЕТАФОРИЧНА МОДЕЛЬ «БРАТИ» В РОСІЙСЬКОМУ МАС-МЕДІА ДИСКУРСІ

Анотація. У статті розкриваються особливості мовної концептуалізації російсько-українських відносин на матеріалі текстів російських мас-медіа. Аналіз текстів відповідної тематики дозволив виділити наступні метафоричні моделі, що використовуються в аналізі російсько-українських відносин: 1) «брати»; 2) «сусіди»; 3) «партнери»; 4) «друзі»; 5) «подружжя». У даній роботі сконцентровано увагу на дослідженні моделі «брати». Дана метафорична модель розглядається як частина більш складної системи концептуальних структур, представлених у фреймі СІМ'Я, який практично повністю вербалізовано в текстах, присвячених російсько-українським відносинам у розглянутому дискурсі. У процесі дослідження виявилися деякі особливості функціонування даної моделі: 1) метафора «брати» виявляє тенденцію зміни аксіологічного вектора (карнавалізація), що свідчить про її важливе місце в системі метафоричного моделювання російської мовної свідомості; 2) ціннісна парадигма спорідненості піддається «ідеологічній корекції»; 3) амбівалентність метафоричних моделей («брати»/«партнери») свідчить про суперечливі установки суб'єкта оцінки в російському мас-медіа дискурсі.
Ключові слова: метафорична модель, концептуалізація, фрейм, слот, мас-медіа дискурс.

Anna Yu. LEONOVA,
Post Graduate Student of the Department of Applied Linguistics, Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: trocyuk.anna@mail.ru; mob.: +38 067 9820220

METAPHORICAL MODEL «BROTHERS» IN THE RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Summary. The article describes the features of the linguistic conceptualization of Russian-Ukrainian relations on the material of Russian mass-media texts. The analysis of texts on relevant topics made it possible to identify the following metaphorical models that are used in the description of the Russian-Ukrainian relations: 1) «brothers»; 2) «neighbours»; 3) «partners»; 4) «friends»; 5) «spouses». In this article we focus on the consideration of the model «brothers.» This metaphorical model is considered as part of a complex system of conceptual frameworks presented in a frame FAMILY, which is almost completely verbalized in texts devoted to the Russian-Ukrainian relations in this discourse. In the process of investigation as a result of the analysis, it was possible to identify some of the peculiarities of this model: 1) a metaphor «brothers» tends the change of axiological vector (carnivalization), which in turn indicates its important place in the system of metaphorical simulation of the Russian language consciousness; 2) value paradigm of relationship undergoes an «ideological correction»; 3) ambivalence of metaphorical models («brothers»/«partners») indicates conflicting installations of subject assessment in the Russian mass media discourse.
Key words: metaphorical model conceptualization, frame, slot, media discourse.

Статтю отримано 29.10.2014 р.

УДК [811.161.1+811.111]'371'42:82-3

НИКОЛАЕВА Анна Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: annanick@mail.ru; тел.: +7 (8863) 2571430; моб.: +7 929 8168351

ТЕКСТОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(на материале английского и русского языков)

Аннотация. В статье описываются разноуровневые языковые средства выражения функционально-семантической категории интенсивности в английском и русском языках. Инвентарь языковых средств интенсивности включает в себя морфологические, лексические и синтаксические языковые единицы. Текстовая реализация значения интенсивности прослеживается в составе коммуникативных ситуаций. Для анализа отобрано 3 типа ситуаций: общение между друзьями, между подчинённым и начальником, общение между полицейским (юристом) и подозреваемым/свидетелем. Средства выражения значения интенсификации интенсивности и ситуативные переменные, а также структура коммуникативной ситуации взаимозависимы.
Ключевые слова: функционально-семантическая категория, интенсивность, коммуникативная ситуация, ситуативные переменные.

Категория интенсивности, её особенности и средства выражения в языке и речи являются в последние десятилетия одной из актуальных задач лингвистических исследований. Это обусловлено рядом причин. Категория интенсивности обладает свойством универсальности: характеризуя действия, предметы и признаки, она активно проявляет себя в семантической структуре глаголов, существительных, прилагательных, наречий, фразеологических единиц и целостного текста. Мы считаем, что категорию интенсивности целесообразно рассматривать в рамках *функционально-семантического подхода*, так как он предполагает объединение языковых единиц разных уровней на основе комбинации общности выражаемого ими значения и выполняемых функций [3]. Следовательно, функционально-семантическая **категория интенсивности** определяется как категория языка, в основе которой лежит понятие градации количества в широком смысле этого слова. Данная категория в современном английском языке представлена разноуровневыми единицами, объединёнными общностью выполняемой ими семантической функции количественной оценки качества. Интенсивность как функционально-семантическая категория соположена с категорией градуальности; обе категории соотносятся с категорией количества [5, с. 142].

© Николаева А. В., 2014

В исследуемых языках функционально-семантическая категория интенсивности обладает полым инвентарём языковых средств реализации значения: морфологических, лексических, словообразовательных, синтаксических.

Морфологические средства:

— степени сравнения;

— употребление продолженного вида вместо общего *(Emphatic Continuous)*;

— употребление эмфатического «do»;

— употребление усилительных частиц (*ведь, же*).

Лексические средства:

— аффиксация английские приставки ***hyper-, over-, super-; ultra-*** *(overcompensate, hyperalert, top-secret)*; русские приставки ***раз-, пре-, архи-, ультра-, сверх-, супер-*** и суффиксы ***-ищ-, -ин-*** *(супероткрытый купальник, архиважное решение; ветрище, домина)*. В русском языке в сфере глагольного словообразования арсенал языковых средств богаче, чем в английском (*промёрз, дошумелся* и т. д.);

— словосложение *(top-secret)*;

— слова интенсифицирующего содержания различных частей речи: *(heat-, hurricane, tyrannical-, complete, extreme,perfect, pure, utter)*, *(to adore- to hate)*; *(ураган, зной, ливень, совершенство, экстремальный, совершенны, обожать, ненавидеть)*;

— синонимические ряды глаголов *(to gaze — to stare — to glare)*; (*уставиться — пялиться*);

— усилительные наречия и наречия меры и степени проявления признака *(actually, certainly, clearly, definitely, obviously, really)*; *(очень, безумно, сильно, весьма, совершенно, абсолютно, полностью, целиком, предельно)*;

— кванторные слова и усилительные фразеологизмы *(pots of money, a good slice of money, multitude of lovers, a frieze of ladies)*; *(тысячи бессонных ночей, казалось целой вечностью, масса времени, миллион раз)*.

Синтаксические средства:

— простой повтор *(иду-иду!)*;

— восклицательные предложения вопросительной структуры *(«Who are you to order!»)*; *(Да кто ты такой, чтобы приказывать!)*;

— сравнительные придаточные, вводимые союзами *as... as..., as, then, like as if, as though, как будто, как*;

— расчленение синтаксической структуры реплики и расщепление предложения *(That's what is really important, that we calm down a bit!)*; *(Это то, что действительно важно)*.

В задачи нашего исследования входит анализ текстовой реализации категории интенсивности в речи в определённых коммуникативных ситуациях.

Исследование в области анализа коммуникативной ситуации находится в фокусе современных лингвистических работ, написанных в контексте коммуникативной парадигмы [1; 4]. Одним из основных положений коммуникативной парадигмы в лингвистике является изучение языковых явлений во взаимосвязи с социальной средой, с окружением, т. е. с ситуацией, применяя при этом динамический, а не статический подход. Анализируются различные подходы к проблеме исследования коммуникативной ситуации, сопоставляются соответствующие положения работ представителей Лондонской школы, теории речевых актов, теории социального взаимодействия и теории порождения смысловых выводов Г. В. Чернова [6]. Согласно В. Н. Беликову и Л. П. Крысину, коммуникативная ситуация имеет определённую структуру. Она состоит из следующих компонентов: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим; 4) тональность общения (официальная — нейтральная — дружеская); 5) цель; 6) средство общения (язык или его подсистема (диалект, стиль), а также паралингвистические средства (жесты, мимика); 7) способ общения (устный/письменный, контактный/дистантный); 8) место общения. Эти компоненты — *ситуативные переменные*. Изменение каждой из них ведёт к изменению коммуникативной ситуации и, следовательно, к варьированию средств, используемых участниками ситуации, и их коммуникативного поведения в целом [2, с. 61].

Так, общение судьи и свидетеля в зале судебных заседаний отличается большей официальностью используемых обеими сторонами языковых средств, нежели общение этих же лиц не во время судебного заседания: меняется место, но все другие ситуативные переменные сохраняются неизменными. Выходя из служебной роли, судья перестаёт быть со свидетелем в тех отношениях, которые предписывают им обоим определённое речевое поведение. Скажем, в «транспортной» ситуации, если и тот, и другой едут в автобусе, при социальных ролях «пассажир — пассажир» их речь, разумеется, менее официальна. Если судья и свидетель знакомы друг с другом, то обстановка судебного заседания и их роли всё же предписывают им обоим официальную тональность общения; вне этой обстановки, при «возврате» к ролевым отношениям «знакомый — знакомый» (или «приятель — приятель») тональность общения может меняться на неофициальную, даже фамильярную, с использованием средств разговорного языка, просторечия, жаргонов. Общение судьи и свидетеля на приёме у судьи (вне судебного заседания),

когда общение контактно и устно, допускает эллиптированные формы речи; собственноручные же письменные показания свидетеля (дистантность и письменная форма общения) требуют эксплицитных, синтаксически законченных форм выражения[2, с. 61, 62].

В данной статье мы рассмотрим реализацию интенсификации высказывания в 3 коммуникативных ситуациях, которые были классифицированы в зависимости от социальных ролей собеседников: 1) *Общение между друзьями.* 2) *Общение между подчинёнными и начальником.* 3) *Общение между полицейским (юристом) и подозреваемым/свидетелем.* Для выделения данных типов коммуникативных ситуаций мы воспользовались системой критериев, предложенной в работе В. И. Ершова [4, с. 8—9). Разработанная в его диссертации типология основывается на 24 критериях. Мы воспользовались критериями следующих групп:

— *Социологическая группа критериев*: уровень коммуникации между источником и адресатом: индивид — индивид / индивид — группа / индивид — масса; степень официальности коммуникации между источником и адресатом: официальная/неофициальная.

— *Жанр текста*: преимущественно письменные виды речи/преимущественно устные виды речи.

— *Тема текста*: тематически открытый/тематически закрытый.

— *Прагматическая группа критериев*: социальная роль источника (множество вариантов).

— *Локально-темпоральная группа критериев*: место, время, условия коммуникации (множество вариантов).

Рассмотрим реализацию вышеперечисленных морфологических, лексических и синтаксических средств выражения категории интенсивности в выбранных нами 3 коммуникативных ситуациях в английском и русском языках.

Общение между друзьями. Общение проходит в дружеской обстановке, преследуются общие цели, коммуникация не ограничивается местом общения. Уровень коммуникации между источником и адресатом — индивид-индивид; степень официальности коммуникации между источником и адресатом: неофициальная. В данном типе коммуникативных ситуаций в обоих языках преобладают морфологические средства выражения категории интенсивности. Наиболее употребительными являются степени сравнения прилагательных и наречий:

(1) *«Look at this seagull, boy... **More beautiful than** all your airplanes. And not factory made, eh?» (R. Dahl)*

(2) *«**Более способной** ученицы у меня не было».*

«Ты уже сообщил ей об этом?» (Л. Улицкая).

Что касается лексических средств выражения интенсивности, то это преимущественно случаи употребления словосочетаний с наречиями-интенсификаторами и эмфатического *do*:

(3) *«He sits in his room every morning, writing. He is written eight books», said Elizabeth importantly.*

*Luke whistled: «He must be **very clever**». (D. Lessing).*

(4) *«There's quite a large loft.»*

«Inaccessible».

«Oh».

*«And I **do** have to be a little careful». (D. Lessing).*

(5) *«Я за то, чтоб их вообще не было, поэтому операция разработана до деталей и должна быть **очень** простой» (Э. Тополь).*

Общение между двумя близкими друзьями очень эмоционально и насыщенно, они обсуждают беспокоящую их проблему и стремятся выглядеть в общении как можно более убедительно, но естественно. Возможно поэтому, данный тип коммуникативных ситуаций не отличается широким употреблением языковых единиц, содержащих прилагательные интенсифицирующего содержания. Интерес представляет достаточно частотное употребление эмфатического do в данных ситуациях, что можно объяснить возрастными особенностями коммуникантов, т. е. *эмфатический do* преимущественно был зафиксирован в коммуникативных ситуациях общения между людьми пожилого и среднего возраста.

Примеров данных коммуникативных ситуаций, содержащих усилительные фразеологизмы и синонимичные ряды глаголов, в нашем исследовании зафиксировано не было.

Общение между друзьями характеризуется также употреблением синтаксических средств выражения категории интенсивности. Основным способом интенсификации является чистый повтор, что можно объяснить неофициальной степенью коммуникации между источником и адресатом. Например:

(6) *«We did nothing that couldn't be reasonably expected of a boy of his age.»*

*«When I was a boy, it was **study, study, study** all the time.» (R. Dahl).*

(7) *«Как она всё схватывает! **На лету, буквально на лету!»***

«У неё сильный характер». (Л. Улицкая).

В примере (7) мы видим случай сочетаемости повтора, усилительного наречия и восклицательного предложения.

Далее по степени частотности следует интенсификация высказывания, выраженная придаточными сравнения. Например:

(8) *Good-bye, for the present, Bilbo.* ***Take care of yourself!*** *You are old enough, and perhaps wise enough.»*

*«****Take care! I don't care.*** *Don't you worry about me! I am* ***as happy now as I have ever been,*** *and that is saying a great deal.»* (J. R. R. Tolkien).

(9) *«Я...хотел сказать, что вдруг она уедет...»*

«Мурзик может стать настоящей ***звездой. Такой же, как Уланова. Как Плисецкая. Как Алисия Алонсо»****.* (Л. Улицкая).

Пример (8) представляет собой интересный случай комбинации синтаксических средств интенсификации: повтор-отрицание и сравнительное придаточное. Пример (9) иллюстрирует комбинацию лексических средств (слово интенсифицирующего содержания — *звезда*) и синтаксических (сравнительных конструкций). Использование комбинации языковых средств типично для диалогической речи, данная комбинация делает реплику адресата эмоциональной и выразительной.

Общение между подчинённым и начальником. Общение проходит в официальной обстановке, преследуются не всегда общие цели, место общения ограничено (офис, определённое место работы коммуникантов). Уровень коммуникации между источником и адресатом: индивид-индивид; степень официальности коммуникации между источником и адресатом: официальная.

Проанализировав реализацию языковых средств выражения категории интенсивности в данном типе ситуаций, мы пришли к выводу о том, что морфологические средства не являются частотными среди примеров этой группы. Что касается лексических средств, то здесь частотность очень высокая. Например:

(10) *«I hope I don't but in...»*

«...We are ***pretty full****, you know...». (R. Rossner).*

(11) *(the manager shaking his shiny hand) «It's a* ***first-rate*** *act...» (R. Rossner).*

(12) *«Я за то, чтоб их вообще не было, поэтому операция разработана до деталей и должна быть* ***очень*** *простой».*

«Да, конечно». (Э. Тополь).

Необходимо отметить, что тенденция к использованию словосочетаний с наречиями-интенсификаторами сохраняется как в коммуникативных ситуациях, когда начальник хвалит подчинённого, так и когда начальник недоволен подчинённым, тогда как словосложение как словообразовательное средство функционирует только в ситуациях похвалы (пример 11).

В данном типе ситуаций синтаксические средства реализуются наиболее часто посредством повтора и сравнительных придаточных:

(13) *«But could you learn, Foreman?»*

«No, sir, I'm afraid I couldn't, not now. You see, I'm not ***as young as I was»****. (R. Jones).*

(14) *«Затравили помазанника Божьего,* ***как зайца на псовой охоте».***

«Да, уж...». (Б. Акунин).

Общение между полицейским (юристом) и подозреваемым/свидетелем. Общение проходит в официальной обстановке, преследуются разные цели, место общения — полицейский участок или здание суда. Уровень коммуникации между источником и адресатом — индивид-индивид, степень официальности коммуникации между источником и адресатом — официальная.

В данном типе коммуникативных ситуаций в английском языке морфологические средства выражения категории интенсивности представлены *только* степенями сравнения прилагательных и наречий.

(15) *«Where?»*

«I just walked.»

«Listen to me,» he said. «I know you are lying. I intend to find the American. You know where he is. There are many ways of making ***the most obstinate*** *person tell us what we want to know. If you are obstinate, I will hand you over to men who are experts at making people talk. Do you understand?» (J. Chase).*

В общении между полицейским (юристом) и подозреваемым/свидетелем был зафиксирован высокий процент функционирования лексических средств.

(16) *«What night, sir?»*

«I was just leaving my office when Mr. Ewell came in, ***very excited*** *he was, and said get out to his house quick, some nigger had raped his girl.» (H. Lee)*

В речи подозреваемого/свидетеля превалируют словосочетания прилагательных с наречиями-интенсификаторами, так как подозреваемый/свидетель стремится быть более убедительным, пытаясь доказать свою правоту.

Среди лексических средств выражения категории интенсивности в данных коммуникативных ситуациях также были зафиксированы кванторные слова и усилительные фразеологизмы. Например:

(17) *«Why do you think so?»*

«She repeated it ***one hundred times****». (V. Blumentahl)*

(18) *«Just 'fore sundown. Well, I was sayin' Mayella was* ***screamin' fit to beat Jesus****—» another glance from the bench silenced Mr. Ewell.*

«Yes? She was screaming?» said Mr. Gilmer. (H. Lee).

В русском языке в ситуациях данного типа, как правило, присутствует комбинация лексических (слова интенсифицирующего содержания) и синтаксических средств (повтор, восклицательные предложения, сравнительные придаточные). Например:

(19) *«Его убили, я знаю... Мишель был сильный человек,* ***настоящий богатырь,*** *его сердце выдержало бы* ***сто лет битв и потрясений, он был создан для потрясений!»***

«Да», участливо ответил Эраст Петрович, — «все это говорят».

«Он убит, это ***несомненно... Найдите убийцу!..*** *вы аналитический* ***гений****, вы всё можете.* ***Сделайте это! Вы не знали этого человека, как его знала я!»*** *(Б. Акунин).*

Таким образом, в исследуемых ситуациях общения среди способов выражения интенсивности лидируют такие языковые средства, как степени сравнения прилагательных и наречий, словосочетания с наречиями-интенсификаторами, а также употребление эмфатического глагола *do* в английском языке и комбинация лексических и синтаксических средств.

Интенсивность на уровне диалогической речи предоставляет возможность создать конкретные, единичные представления у читателя, вызвать в воображении адресата оценки, которые уже живут в мыслях человека. Потребность в средствах усиления оправдана и в том случае, когда в сознании человека возникли новые представления, картины, эмоции, недостаточно известные читателю, не соотносимые с уже готовыми, а потому нуждающиеся в каких-то особых средствах описания. Всё это сводится к тому, что незнакомое или недостаточно знакомое сравнивается, сопоставляется, сталкивается, сопрягается с уже знакомым. Кроме того, средства выражения интенсификации интенсивности и ситуативные переменные, а также структура коммуникативной ситуации взаимозависимы: интенсификация высказывания в определённом типе коммуникативной ситуации является результатом взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов.

Литература

1. *Багринцев А. Ф.* Типология коммуникативных ситуаций в переводе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ф. Багринцев. — М., 2001. — 20 с.

2. *Беликов В. И.* Социолингвистика : учеб. пособие / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — М. : Изд-во РГГУ, 2001. — 305 с.

3. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. — Л. : Наука, 1984. — 200 с.

4. *Ершов В. И.* Переводческий аспект коммуникативных ситуаций : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. И. Ершов. — М., 2005. — 18 с.

5. *Туранский И. И.* Семантическая категория интенсивности в английском языке / И. И. Туранский. — М. : Высшая школа, 1990. — 180 с.

6. *Чернов Г. В.* Коммуникативная ситуация синхронного перевода и избыточность сообщения / Г. В. Чернов // Тетради переводчика. — М., 1975. — Вып. 12. — 10 с.

References

1. *Bagrintsev A. F.* Tipologiya kommunikativnyih situatsiy v perevode : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / A. F. Bagrintsev. — M., 2001. — 20 s.

2. *Belikov V. I.* Sotsiolingvistika : ucheb. posobie / V. I. Belikov, L. P. Kryisin. — M. : Izd-vo RGGU, 2001. — 305 s.

3. *Bondarko A. V.* Funktsionalnaja grammatika / A. V. Bondarko. — L. : Nauka, 1984. — 200 s.

4. *Ershov V. I.* Perevodcheskij aspekt kommunikativnyh situatsij : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / V. I. Ershov. — M., 2005. — 18 s.

5. *Turanskij I. I.* Semanticheskaya kategorija intensivnosti v anglijskom jazyke / I. I. Turanskij. — M. : Vysshaya shkola, 1990. — 180 s.

6. *Chernov G. V.* Kommunikativnaja situatsija sinhronnogo perevoda i izbytochnost' soobschenija / G. V. Chernov // Tetradi perevodchika. — M., 1975. — Vyp. 12. — 10 s.

НІКОЛАЄВА Ганна Володимирівна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії та практики англійської мови Інституту філології, журналістики та міжкультурної комунікації Південного федерального університету; Ростов-на-Дону, Росія; e-mail: annanick@mail.ru; тел.: +7 8863 2571430; моб.: +7 929 8168351

ТЕКСТОВА РЕАЛІЗАЦІЯ ФУНКЦІОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧНОЇ КАТЕГОРІЇ ІНТЕНСИВНОСТІ В ДІАЛОГІЧНІЙ ЄДНОСТІ ХУДОЖНЬОГО ТВОРУ (НА МАТЕРІАЛІ АНГЛІЙСЬКОЇ ТА РОСІЙСЬКОЇ МОВ)

Анотація. У статті описуються різнорівневі мовні засоби вираження функціонально-семантичної категорії інтенсивності в англійській і російській мовах. Інвентар мовних засобів інтенсивності включає в себе

морфологічні, лексичні та синтаксичні мовні одиниці. Текстова реалізація значення інтенсивності простежується у складі комунікативних ситуацій. Для аналізу відібрано 3 типи ситуацій: спілкування між друзями, між підлеглим і начальником, спілкування між поліцейським (юристом) і підозрюваним/свідком. Засоби вираження значення інтенсифікації інтенсивності та ситуативні змінні, а також структура комунікативної ситуації взаємозалежні.

Ключові слова: функціонально-семантична категорія, інтенсивність, комунікативна ситуація, ситуативні змінні.

Anna V. NIKOLAEVA,
Ph.D. in Philological Sciences, Associate Professor of the Theory and Practice of the English Language Department of Institute of philology, journalism and cross-cultural communication; Southern Federal University; Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: annanick@mail.ru; tel.: +7 8863 2571430; mob.: +7 929 8168351

TEXT REALIZATION OF THE FUNCTIONALLY SEMANTIC CATEGORY OF INTENSITY IN DIALOGUE UNITS IN FICTION (BASED ON THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Summary. The article describes the language units expressing the meaning of the functionally semantic category of intensity both in English and Russian. The list of the language units expressing intensity includes morphological, lexical and syntactical language units. The analysis of the text realization of intensity is based on fiction communicative situations. In the course of the analysis we have chosen three situations: communication between friends, communication between the stuff and the chief and communication between the police officer/lawyer and the suspect/witness. The language means of intensity and contextual variables as well as the communicative situation structure are interrelated.

Key words: functionally semantic category, intensity, communicative situation, contextual variables.

Статтю отримано 27.07.2014 р.

УДК 811.161.1'364'42-114.4:070

ПЕРЕПЕЛИЦА Мария Сергеевна,
аспирант кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: mariia.perepelytsia@mail.ru; тел.: +38 066 1000453

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО МАСС-МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА
(по результатам лингвистического эксперимента)

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей восприятия языковых трансформаций современного масс-медийного дискурса. Рассмотрены актуальные проблемы функционирования языка современных СМИ, а также направления изучения медиатекстов в рамках антропоцентрической парадигмы. Обозначена историография изучения языка СМИ как объекта научных поисков не только в рамках стилистики, но и лингвофилософии, лингвокультурологии, лингвопрагматики, герменевтики, психолингвистики, социолингвистики, дискурсологии, лингвистической экспертизы и других актуальных направлений современного языкознания. Различного рода трансформационные процессы и их результат — языковые трансформы — становятся всё более популярным явлением, требующим детального изучения с учётом прагматических установок авторов, культурно-знакового пространства эпохи, социологического, политического состояния общества, психологических особенностей восприятия медиаречи и т. д. Описаны основные методы анализа взаимосвязи «адресант — медиатекст — адресат» относительно дискурса современных СМИ. Представлены и проанализированы результаты лингвистического эксперимента, направленного на установление особенностей восприятия языковых трансформаций современного масс-медийного дискурса.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, языковые трансформации, лингвистический эксперимент.

Антропоцентризм современной лингвистики определяет характер и методы исследования, которые направлены на изучение языка как открытой системы в его связях и функциях. Об этом свидетельствует появление и активное развитие различных междисциплинарных направлений языкознания (прагмалингвистика, социо-, психо-, медиа-, юрислингвистика, когнитивная, коммуникативная лингвистика, лингвосемиотика и т. д.). Движение языка в смежные области, кажущееся удалением от предмета исследования, парадоксальным образом приближает к языку, позволяя охарактеризовать его с разных сторон, выявить новые его качества [6, с. 13].

 © Перепелица М. С., 2014

Активнее всего на современном этапе учёными исследуется язык современных СМИ, который быстрее всего реагирует на жизнь социума, отражая и концентрируя в своей лексике, стилистике и грамматике различные авторские трансформации, которые привлекают внимание массовой аудитории. Как полагает Г. Я. Солганик, наступил период экстенсивного изучения языка СМИ, возникает острая необходимость осмыслить его роль в новых условиях, с учётом процессов, происходящих в обществе, культуре, политике, идеологии и т. д. [6, с. 14]. **Актуальность исследования языка масс-медиа** не вызывает сомнений, поскольку он становится одной из главных форм бытования языка, его «живым» срезом, оказывающим огромное влияние на производство и распространение слова [2, с. 5].

Исторически обусловлено, что одним из первых стал изучаться язык прессы (М. Жовтобрюх, В. Костомаров, И. Лысакова, Л. Майданова, Г. Солганик). С развитием других средств массовой информации и появлением медиаобусловленных систем (рекламы и PR) в центре внимания лингвистов оказываются язык телевидения (Б. Кривенко, О. Лаптева, С. Светаева), язык радио (С. Бернштейн), язык рекламы (В. Зирка, Н. Кохтев, Ю. Бернадская), язык PR-текстов (И. Грабовенко, Л. Синельникова) и интернет-текстов (Л. Компанцева, О. Дедова).

Язык СМИ стал междисциплинарным объектом исследования учёных. Сегодня активное изучение медиа-языка происходит в рамках лингвофилософии (И. Анненкова), лингвокультурологии (Н. Кириллова, С. Сметанина), лингвопрагматики (М. Володина, В. Кобозева), герменевтики (Ю. Артамонова, В. Кузнецов), психолингвистики (А. Леонтьев), социолингвистики (О. Александрова, М. Володина), дискурсологии (В. Демьянков, Г. Солганик), лингвистической экспертизы (Е. Кара-Мурза) и др.

Целью статьи является установление особенностей восприятия адресатами медиадискурса различного рода языковых трансформаций, а также определение приоритетных каналов современных СМИ. **Объект** исследования — языковые трансформации современного масс-медийного дискурса, **предмет** — особенности восприятия трансформов.

Трансформационные процессы являются активным и особенно актуальным явлением масс-медийного дискурса, происходящим на всех уровнях языка. Отойдя от тоталитарного периода развития масс-медиа, современные журналисты пытаются избегать речевых штампов и клишированности текстов с помощью различных трансформаций узуального языкового материала. Это даёт им возможность выражать авторское «я», привлекая и активизируя внимание реципиента. Таким образом, лингвистический творческий потенциал современных авторов медиатекстов проявляется в намеренном изменении языковых единиц и конструкций, адаптации их к определённым условиям коммуникации. Именно благодаря трансформации узуальных языковых единиц и (как результат этого процесса) появлению трансформов проявляется лингвокреативное мышление человека. Мы понимаем языковую трансформацию как намеренное изменение узуальной (нормативной) языковой единицы или структуры с определённой прагматической целью, заданной автором (выражение авторского «я», ирония, привлечение внимания реципиента, воздействие, манипуляция сознанием и т. п.).

Особенно важным становится не только то, насколько успешно языковая личность (адресант-журналист) трансформирует узуальное, но и как другая языковая личность (адресат-читатель/слушатель/зритель) воспринимает и интерпретирует трансформы, насколько она владеет правилами декодировки: «без сотрудничества комическая коммуникация не состоится» [3, с. 53]. Прагматическая ценность любого медиатекста и его составляющих напрямую зависит от того, способствуют ли те или иные языковые средства достижению поставленной журналистом цели. Это происходит лишь в том случае, если конкретная коммуникативная интенция адресанта совпадает с характером восприятия (интерпретацией) адресата.

Исследовать взаимосвязь «адресант — медиатекст — адресат» применительно к медиаречи дают возможность различные методы прагма-, социо-, психолингвистики, лингвостатистики и т. д. С развитием антропоцентризма в современной науке одними из самых эффективных методов стали эксперименты, составляющие важную часть научного поиска. Как полагает О. Н. Селиверстова, одна из главных особенностей лингвистического эксперимента состоит в том, что лингвистическое «явление» воспроизводит человек, носитель языка. Человек является тем инструментом, который создаёт явление, и тем прибором, который его регистрирует. Проведение лингвистического эксперимента опирается не только на знание испытуемым языка, но и на его знание, умение воспринимать и осознавать мир, а также на его знание и использование логики [5, с. 95].

Сегодня всё больше научных гипотез подтверждается либо опровергается различного рода экспериментами. Одним из первых, кто отметил значимость лингвистических экспериментов, был Л. В. Щерба. Он полагал, что «исследователь живых языков должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но, построив из фактов этого материала некую отвлечённую систему, необходимо проверять её на новых фактах, т. е. смотреть, отвечают ли выводимые из неё факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента. Сделав какое-нибудь предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том

или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило. Утвердительный результат подтверждает правильность постулата и, что любопытно, сопровождается чувством большого удовлетворения, если подвергшийся эксперименту сознательно участвует в нём» [7]. Разработки лингвистических экспериментов развивались на основании концепций зарубежных и отечественных психолингвистов: В. Вундта, Дж. Миллера, Ч. Осгуда, Н. Хомского, Л. Выготского, А. Леонтьева, А. Лурия, С. Рубинштейна, Н. Жинкина, Л. Сахарного, Р. Фрумкиной и др. Сегодня психолингвистические эксперименты как важнейшая часть современного исследования порождения и восприятия речи рассматриваются в трудах русских и украинских учёных (В. Белянин, Н. Бутенко, И. Горелов, Е. Горшко, Ю. Караулов, Т. Ковалевская, В. Красных, Е. Кубрякова, Н. Кутуза, Н. Уфимцева, Т. Ушакова и др.).

Теоретически обоснованный и правильно спланированный лингвистический эксперимент является актуальным средством верификации различных гипотез, а «важнейшей задачей языкознания является развитие теории и практическая её проверка методами лингвистического эксперимента» [1, с. 8]. Как отмечает Е. А. Селиванова, лингвистический эксперимент предусматривает проверку гипотезы на практике, решения проблемы опытным путём на основании анкетирования, опроса, измерения, статистического анализа и обработки полученных результатов [4, с. 50].

Исследуя тексты современного масс-медийного дискурса, мы пришли к выводу о том, что одним из самых популярных приёмов языкового манипулирования и проявлением роли журналистского «я» являются языковые трансформации, которые проявляются почти на всех уровнях языка. Изменяя структуру и семантику языковой единицы, автор рассчитывает на привлечение внимания, правильную интерпретацию трансформа реципиентом, однако остаётся неизвестным, насколько адекватно воспринимаются и интерпретируются трансформы.

Нами сформулирована гипотеза, согласно которой трансформы, встречающиеся в дискурсе современных масс-медиа, способны воспринимать реципиенты с высокой коммуникативной компетенцией, включающей в себя следующие типы: языковую, дискурсивную, социолингвистическую, иллокутивную, стратегическую, паравербальную, лингвокультурную, межкультурную, лингвистическую, когнитивную, вербально-коммуникативную [4, с. 231]. Представителями такой группы реципиентов могут быть лица с филологическим образованием или же сами журналисты. Показатели восприятия и соответствия авторских интенций и интерпретаций адресантов, не имеющих достаточного уровня коммуникативной компетенции, будут низкими.

Чтобы установить особенности восприятия реципиентами различного рода трансформаций в дискурсе современных СМИ, мы провели лингвистический эксперимент. Для проведения эксперимента был избран один из самых распространённых приёмов сбора материала — анкетирование. Информантам была предложена анкета, состоящая из двух частей: социологической и собственно психолингвистической.

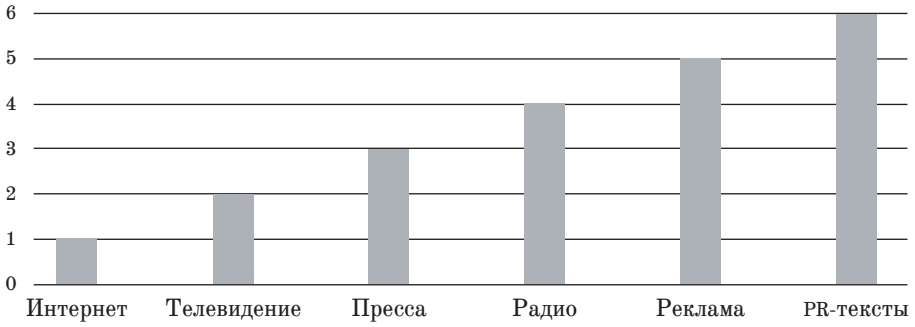
Во вступительной части проведения эксперимента информантам была объявлена его цель: определить эффективность функционирования и особенности восприятия языковых трансформаций адресатами дискурса современных масс-медиа. Все информанты ранее не принимали участия в подобного рода экспериментах и не были проинформированы о сути эксперимента непосредственно до его начала. Таким образом, у них не было возможности заранее обдумать потенциальные ответы. Анкетирование было анонимным. Социологическая часть анкеты состояла из восьми вопросов, определяющих социальный статус информанта: пол, возраст, образование, род деятельности, национальность, родной язык, язык повседневного общения, приоритетность СМИ при получении ежедневной информации. Психолингвистическая часть анкеты состояла из вопросов, определяющих притягательную силу языковых трансформаций, адекватность их восприятия и интерпретации вне контекста, способность воспроизведения трансформированных прецедентных феноменов, наличие/отсутствие ассоциативных связей между примером трансформа-заголовка и текстом статьи, а также воспринимаемость трансформаций современного масс-медийного дискурса. Чтобы определить, какой тип восприятия доминирует у информантов, отдавших предпочтение языковым трансформам, к анкете был предложен психологический тест.

Эксперимент проводился в лекционных аудиториях, для заполнения каждой анкеты было необходимо приблизительно 10 минут. Каждый участник эксперимента был проинформирован о предложенных заданиях, о поставленной задаче в равной мере относительно других. Общее количество информантов — 231 (мужчины — 23 %, женщины — 77 %). Основную часть информантов составили студенты Одесского национального университета имени И. И. Мечникова возрастом от 17 до 35 лет; отдельную группу составили журналисты в возрасте от 23 до 33 лет. Как отмечают исследователи, для проведения сложных экспериментов необходимо, чтобы информанты обладали некоторой способностью и привычкой к абстрактному мышлению и логическому анализу [5, с. 96], поэтому в качестве основных информантов мы выбрали студентов: они являются наиболее активной аудиторией современных СМИ, им свойственна социальная и ассоциативная активность. Для чистоты эксперимента в качестве информантов были

выбраны как студенты-филологи, так и студенты без филологической подготовки: историки, биологи, экономисты, юристы, философы, культурологи. Привлечение журналистов в качестве отдельной группы информантов обусловлено тем, что они — потенциальные авторы языковых трансформации в дискурсе СМИ. Полученные данные позволят сравнить отношение к трансформам на уровне «адресат-адресант». Таким образом, среди информантов были выделены три группы: реципиенты с филологическим образованием (группа А), реципиенты с нефилологическим образованием (группа Б), авторы-журналисты (группа В).

Национальная принадлежность участников эксперимента распределилась следующим образом: украинцы — 83 %, русские — 8 %, болгары — 5 %, евреи — 1 %, армяне — 1 %, румыны — 0,4 %, молдаване — 0,4 %, авары — 0,4 %, не указали национальность — 0,8 %. Русский язык указали родным 42 % информантов, украинский — 48 %, русский и украинский — 5 %, болгарский — 3 %, армянский — 1 %, румынский — 0,5 %, молдавский — 0,5 %. В качестве языка повседневного общения русский указали 60 % участников эксперимента, украинский — 25 %, русский и украинский — 11 %, болгарский — 2,2 %, армянский — 0,4 %, румынский — 0,4 %, суржик — 0,4 %.

Приоритет каналов СМИ при получении ежедневной информации (1 — наиболее приоритетный, 6 — наименее приоритетный) был определён информантами следующим образом:



Информантам было предложено выбрать одну из двух колонок, представляющих примеры заголовков с трансформацией и узуальные их варианты, аргументировав при этом свой выбор. Как показали статистические данные, в группе А (лица с филологической подготовкой) трансформированным вариантам отдали приоритет 65 % опрошенных, в группе Б (лица без филологической подготовки) — 24 %, в группе В (журналисты) — 73 %. Необходимо также отметить, что ведущими каналами восприятия у лиц, сделавших выбор в пользу трансформированных вариантов, являются визуальный и кинестетический.

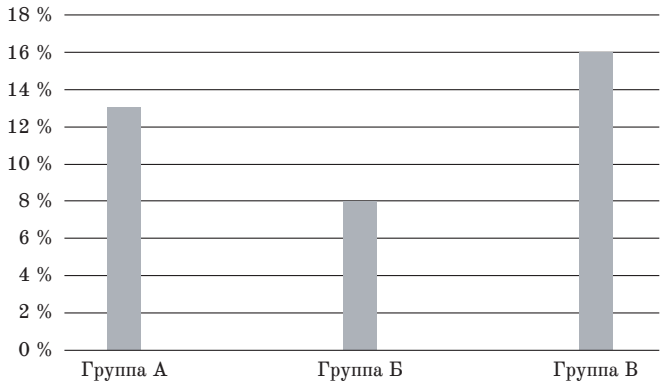
Информанты, отдавшие предпочтение трансформированным заголовкам, указали, что они их привлекли больше потому, что: *«заставляют задуматься над смыслом», «в заголовке скрыто что-то интересное», «привлекают внимание», «появляются вторичные смыслы», «есть скрытый смысл, определённый шифр», «креативный подход», «привлекает больше внимания из-за использования аллюзий», «имеет два смысла», «нестандартная подача, графическое выделение», «возникают ассоциации и с первоначальным значением самого заголовка, и с подтекстом», «несёт в себе дополнительную смысловую нагрузку», «проставлены смысловые акценты», «используется символизм в заголовке, что подчёркивает более глубокий подход*

к статье», «двузначность тем», «нестандартность», «есть намёк на тематическую направленность статьи», «привлёк синтез двух языков» и т. д.

Информанты, отдавшие предпочтение узуальным вариантам заголовков, указали, что они их привлекли больше потому, что: *«наиболее удачны для восприятия и понимания», «лёгкая читабельность», «классическая форма написания», «смущает наличие английских букв», «возможность быстрее его прочесть», «грамотно составленный заголовок вселяет надежду в грамотность и точность остального материала», «эстетика языка привлекает больше межъязыковых каламбуров», «предпочитаю чёткость и недвусмысленность», «заголовок должен быть всегда понятен для всех»* и т. д.

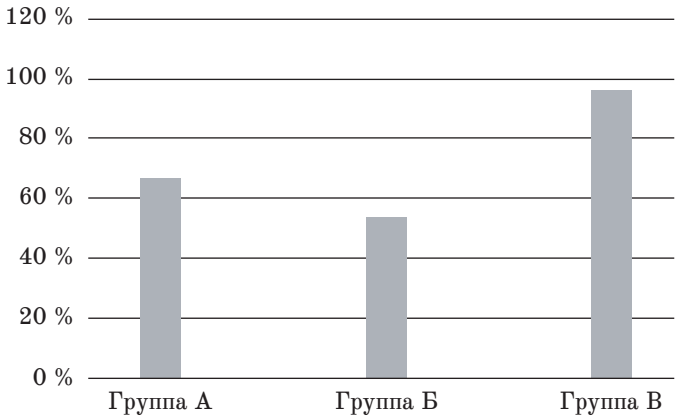
Чтобы установить соответствие интенций авторов и интерпретаций адресатов статьи, информантам было предложено по примерам трансформированных заголовков определить, о чём пойдёт речь в самом медиа-тексте. У представителей группы А процент совпадения интенций и интерпретаций составил 13 %, у группы Б — 8 %, у группы В — 16 %.

Совпадение интенций адресанта и интерпретаций адресата медиатекстов



Для того, чтобы определить опознаваемость поликодовых трансформированных прецедентных текстов (ПТ), информантам было предложено воспроизвести их узуальную форму. В группе А процент опознанных ПТ составил 67 %, в группе Б — 54 %, в группе В — 96 %, что свидетельствует о достаточно высокой степени опознаваемости устойчивых культурно-значимых феноменов (которыми являются ПТ) среди потенциальных адресантов (журналистов) и адресатов с филологической подготовкой. Среди группы информантов без филологической подготовки процент опознаваемости трансформированных ПТ достаточно низкий, что может свидетельствовать о падении уровня культурных знаний в современном обществе.

Опознаваемость трансформированных ПТ



Использование трансформов в дискурсе современных масс-медиа считают приемлемым 45 % респондентов группы А, 35 % представителей группы Б и 42 % представителей группы В. Это свидетельствует о низкой воспринимаемости и трудностях интерпретации языковых трансформированных единиц и конструкций массовым адресатом.

Проведённый эксперимент заставляет сделать вывод о том, что характер и адекватность восприятия языковых трансформаций зависит от коммуникативной компетенции реципиента и его

филологической подготовки. Не умея распознать поликодовость языкового трансформа, адресат медиадикурса без филологической подготовки чаще не способен интерпретировать трансформированную единицу согласно авторской творческой интенции. Играя с узуальным языковым материалом, журналист должен помнить, что его потенциальная аудитория — не только филологи и журналисты, но и те, кто не владеет навыками декодировки языковых знаков.

Литература

1. *Волошин В. Г.* Методы обработки результатов экспериментально-фонетических исследований речи и их лингвистическая интерпретация / В. Г. Волошин, Н. Р. Григорян, Е. М. Музя, В. В. Олинчук. — Одесса : ВМВ, 2011. — 186 с.
2. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ : современная английская медиаречь : [учеб. пособие] / Т. Г. Добросклонская. — М. : Флинта, 2008. — 264 с.
3. *Ковтунова Е. А.* Семантические трансформации в акте коммуникации (на материале современных немецких анекдотов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 — германские языки / Е. А. Ковтунова. — СПб. : СПбГУ, 2003. — 207 с.
4. *Селіванова О. О.* Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми / О. О. Селіванова. — Полтава : Довкілля — К, 2008. — 712 с.
5. *Селиверстова О. Н.* Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 960 с.
6. *Солганик Г. Я.* О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) / Г. Я. Солганик // Язык современной публицистики : [сб. статей]. — 3-е изд. — М. : Флинта ; Наука, 2008. — С. 13—30.
7. *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Электронный ресурс] / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974. — С. 24—39. — Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm

References

1. *Voloshin V. G.* Methods of processing of results of phonetic-experimental researches of the speech and their linguistic interpretation / V. G. Voloshin, N. R. Grigoryan, E. M. Muzya, V. V. Olinchuk. — Odessa : VMV, 2011. — 186 p.
2. *Dobrosklonskaya T. G.* Media linguistics: system approach to mass-media language studying: modern English media speech / T. G. Dobrosklonskaya. — M. : Flint, 2008. — 264 p.
3. *Kovtunova E. A.* Semantic transformations in the communication act (on a material of modern German jokes) : dissertation on competition of a scientific degree of Candidate of Philology, 10.02.04 «German languages» / E. A. Kovtunova. — St. Pb. : St. Petersburg State University, 2003. — 207 p.
4. *Selivanova O. O.* Modern linguistics: directions and problems / O. O. Selivanova. — Poltava : Dovkillya. — K., 2008. — 712 p.
5. *Seliverstova O. N.* Works on the semantics / O. N. Seliverstova. — M. : Languages of Slavic culture, 2004. — 960 p.
6. *Solganik G. Y.* About structure and the most important parameters of the publicistic speech (mass media language) / G. Y. Solganik // Language of modern journalism : [collection of articles] . — 3rd prod. — M. : Flinta ; Science, 2008. — P. 13—30.
7. *Shcherba L. V.* About triple aspect of the language phenomena and about experiment in linguistics [Electron resource] / L. V. Shcherba // Shcherba L. V. Language system and speech activity. — L., 1974. — P. 24—39. — http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm

ПЕРЕПЕЛИЦЯ Марія Сергіївна,
аспірантка кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: mariia.perepelytsia@mail.ru; тел.: +38 066 1000453

ОСОБЛИВОСТІ СПРИЙНЯТТЯ МОВНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ СУЧАСНОГО МАС-МЕДІЙНОГО ДИСКУРСУ (ЗА РЕЗУЛЬТАТАМИ ЛІНГВІСТИЧНОГО ЕКСПЕРИМЕНТУ)

Анотація. Статтю присвячено аналізу особливостей сприйняття мовних трансформацій сучасного мас-медійного дискурсу. Розглянуто актуальні проблеми функціонування мови сучасних ЗМІ, а також напрями дослідження медіатекстів у рамках антропоцентричної парадигми. Окреслено історіографію вивчення мови ЗМІ як об'єкта наукових пошуків не тільки в рамках стилістики, але й лінгвофілософії, лінгвокультурології, лінгвопрагматики, герменевтики, психолінгвістики, соціолінгвістики, дискурсології, лінгвістичної експертизи та інших актуальних напрямів сучасного мовознавства. Трансформаційні процеси та їх результат — мовні трансформи — стають все більш популярним явищем, яке потребує детального дослідження з урахуванням прагматичних інтенцій авторів, культурно-знакового простору епохи, соціологічного, політичного стану суспільства, психологічних особливостей сприйняття медіамовлення тощо. Описано основні методи аналізу взаємозв'язку «адресант — медіатекст — адресат» відносно дискурсу сучасних ЗМІ. Представлено та проаналізовано результати лінгвістичного експерименту, направленого на встановлення особливостей сприйняття мовних трансформацій сучасного мас-медійного дискурсу.
Ключові слова: дискурс сучасних мас-медіа, медіатекст, мовні трансформації, лінгвістичний експеримент.

Maria S. PEREPELYTSIA,
Post-Graduate Student of Applied Linguistics Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: mariia.perepelytsia@mail.ru; тел.: +38 066 1000453

FEATURES OF PERCEPTION OF LANGUAGE TRANSFORMATIONS IN THE MODERN MASS MEDIA DISCOURSE (ACCORDING RESULTS OF LINGUISTIC EXPERIMENT)

Summary. The article is devoted to the analysis of perception features of language transformations in modern media discourse. Actual problems of functioning of modern media language and the directions of media texts studying within an anthropocentric paradigm are considered. The author marked historiography of the mass-media language studying as the object of scientific search not only in stylistics, but also in linguistic philosophy, linguistic culture, linguistic pragmatics, hermeneutics, psycholinguistics, sociolinguistics, discourse, linguistic examination and other actual directions of the modern linguistics. Different transformational processes and their result — language transforms — become more and more popular phenomenon demanding detailed studying taking into account pragmatically installations of the authors, cultural-sign space of the era, a sociological and political condition of society, psychological features of the media speech perception, etc. The main methods of the analysis of interrelation «the sender — the media text — the addressee» concerning a discourse of modern mass media are described. Results of the linguistic experiment directed on establishment of features of perception of language transformations of the modern mass-media discourse are presented and analyzed.

Key words: media-discourse, media text, language transformations, linguistic experiment.

Статтю отримано 11.07.2014 р.

УДК 811.161.1'322.6'42:[355+7.03]Маяковский

УЛАНОВ Андрей Владимирович,
кандидат филологических наук, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин и иностранных языков Сибирского института бизнеса и информационных технологий; Омск, Россия;
e-mail: andinet@rambler.ru; тел.: +7 8 950 7849432

О СИНТЕЗЕ ВОЕННОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСОВ В ПОЭЗИИ В. В. МАЯКОВСКОГО

Аннотация. В статье рассматривается вопрос взаимодействия военного и художественного дискурсов в поэзии В. В. Маяковского. В стихах поэта обнаруживается несколько ярко выраженных констант, организующих военно-событийное содержание стихотворений и их семантическое пространство. Военно-дискурсивные элементы выполняют весомую художественную и стилистическую функции, так как именно они подчёркивают отношение поэта к войне и передают состояние внутреннего мира лирического героя.

Определены специфические черты военного дискурса, которые реализуются в поэзии В. Маяковского: межвременная актуальность; ярко выраженная маскулинность; взаимосвязь с военно-политическим, военно-патриотическим, военно-техническим, спортивным дискурсами.

Ключевые слова: военный дискурс, художественный дискурс, метафоризация, окказионализмы, поэтическая речь, В. Маяковский.

Анализ художественного текста в современной филологической практике заставляет исследователя обращаться к новым аспектам изучения поэтического и прозаического текста, в частности, к дискурсивной методике. Поэтический текст — «сгусток» дискурсивных явлений, он объединяет в себе элементы разных дискурсивных практик. Показательным в этом плане является поэзия Серебряного века и стихи В. В. Маяковского. Эпатажная, новая для своего времени поэзия поэта-футуриста интересна с позиции представленности в ней элементов военного дискурса.

Наряду с общими признаками, присущими всем видам дискурса, военный дискурс обладает такими специфическими особенностями, как:

— *Межвременной актуальный характер*. Речь военнослужащих имела место во все времена, однако в каждый период она обладала свойственным тому времени колоритом; об этом говорят те стихотворения Маяковского, которые посвящены событиям Первой мировой войны: «Война объявлена» (20 июля 1914 г.), «Мама и убитый немцами вечер» (1914), «Мысли в призыв» (1914), «Я и Наполеон» (1915), «Военно-морская любовь» (1915) и др.

— *Ярко выраженная маскулинность семантики*: «служба в армии и участие в боевых действиях традиционно считаются одними из основных средств формирования настоящей му-

 © Уланов А. В., 2014

жественности» [2, с. 110]. На эту черту военного дискурса указывают многие исследователи языка военного дела, а также психологи и социологи, изучающие военный дискурс. Эта экстралингвистическая черта военного подъязыка вызывает интерес и у представителей других гуманитарных наук, в частности, гендерологии. Как замечает О. Шабурова [6], армия «остаётся главной гендерной технологией по производству мужественности».

— *Тесная взаимосвязь с другими, смежными видами дискурса* — военно-политическим [1], военно-патриотическим, а также с теми видами дискурса, с которыми военный дискурс на лингвистическом уровне (метафорическими моделями, метафоризацией, например, спортивным дискурсом [4]). Интересно, что в поэзии Маяковского обнаруживается яркое взаимодействие военного дискурса и геополитического, военно-технического дискурсов. Об этом говорит постоянное обращение поэта к «провокаторам» военных действий: государствам Западной и Восточной Европы.

Особое выражение находят в военном дискурсе универсальные черты дискурса. Так, хронотопность военного дискурса проявляется в регулярной отнесённости языка военных (а отсюда и их реальности) к *месту* и *времени* военной службы. Локальное размещение военнослужащих, время начала службы, время окончания службы (увольнение в запас) создаёт спектр пространственно-временных значений военного дискурса.

Авторитетность как признак дискурса также находит в военном дискурсе специфическое выражение. Жизнедеятельность военных подчинена волеизъявлению вышестоящих должностных лиц, авторитету нормативных актов, регламентирующих военную службу.

В 1910-е годы наблюдается бурное развитие русской поэзии: углубляются смыслы, развивается структура стиха, расширяется спектр затрагиваемых точек зрения и концептов. В связи с происходившими на исторической арене событиями (Первой мировой войной, Гражданской войной) в творчестве русских поэтов Серебряного века находит отражение военная концептосфера. Нашей задачей было проследить, как в стихах раннего В. В. Маяковского находят отражение военные смыслы и реалии.

О Маяковском как о «военном художнике» пишет А. И. Иванов: «Обращаясь к теме «Маяковский и война», исследователи, как правило, выстраивают «линейную», «плоскостную» картину, в которой к тому же вольно или невольно механически смешиваются или подменяются друг другом социальные, этические и эстетические начала. Кроме того, в поисках ответов на вопрос об отношении Маяковского к войне зачастую отождествляются восприятие и понимание, ощущение и изображение, не всегда учитывается эволюция его взглядов» [3, с. 145]. А. И. Иванов с позиции литературоведа исследует «лубочную» (дореволюционную, массовую) литературу В. В. Маяковского. Исследователь приходит к выводам, которые свидетельствует обо всём принципе отражения войны в стихах поэта: «Военный лубок Маяковского интересен единством социального, «прикладного», обусловленного войной с собственно поэтическим, поисковым, новаторским, с последующим его творчеством» [3, с. 150].

Оценим морфологический состав военно-дискурсивного пространства поэзии В. В. Маяковского [5].

Субстантивная парадигма представлена лексемами, репрезентирующими концепты ‘Вооружение’. Причём границы употребления этих лексем «раздвигаются» возможностями метафоризации, переносного словоупотребления, или так называемого семантического словообразования.

С неба, изодранного о ***штыков жала,***
слёзы звезд просеивались, как мука в сите,
и подошвами сжатая жалость визжала:
«Ах, пустите, пустите, пустите!»

«Война объявлена» (20 июля 1914 г.)

Именно яркая, цепкая метафора позволяет Маяковскому называть победу убийцей.

Бронзовые генералы на граненом цоколе
молили: «Раскуйте, и мы поедем!»
Прощающейся конницы поцелуи цокали,
и пехоте хотелось ***к убийце — победе.***

«Война объявлена» (20 июля 1914 г.)

Адъективная парадигма. В сфере прилагательных и причастий масса цветообозначений. Цветовая гамма стихотворений этого периода пестрит *красным, алым, багровым* как символами бессмысленной войны.

«Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
И на площадь, мрачно очерченную чернью,
багровой *крови пролилась струя!*

«Война объявлена» (20 июля 1914 г.)

Громоздящемуся городу уродился во сне
хохочущий голос пушечного баса,
а с запада падает ***красный снег***
сочными клочьями человечьего мяса.

«Война объявлена» (20 июля 1914 г.)

Ряд «цветовых» лексем — чисто неологизмы В. В. Маяковского.

Морду в кровь разбила кофейня,
зверьим криком ***багрима:***
«Отравим кровью игры Рейна!
Громами ядер на мрамор Рима!»

«Война объявлена» (20 июля 1914 г.)

Особую стилистическую функцию выполняют окказионализмы. Так, характерным примером в этом отношении является стихотворение «Военно-морская любовь», в текст которого инкрустированы окказионализмы от военных номинаций: *миноносица, миноносочка, миноносий, миноносина.*

По морям, играя, носится
с миноносцем миноносица.
Льнёт, как будто к мёду осочка,
к миноносцу миноносочка.
И конца б не довелось ему,
благодушью миноносьему.
Вдруг прожектор, вздев на нос очки,
впился в спину миноносочки.
Как взревёт медноголосина:
«Р-р-р-астакая миноносина!»

«Военно-морская любовь» (1915)

Стихотворение показывает, насколько продуктивны отсубстантивные окказионализмы в стихах В. В. Маяковского.

Своеобразен синтаксический строй таких стихотворений. Например, в качестве определения автор активно использует генетив (родительный падеж): *войны* барабан, сталь *штыка*. Повсеместные инверсионные обороты «расставляют» акценты в строчках стихов Маяковского: переставляются сказуемые и подлежащие, стих имеет ярко выраженный динамический характер, и естественно то, что процессуальность в стихах Маяковского доминирует:

Гремит *и* ***гремит*** *войны барабан.*
Зовёт железо в живых ***втыкать.***
Из каждой страны
за рабом раба
бросают *на сталь штыка.*
За что?
Дрожит *земля*
голодна,
раздета.
Выпарили *человечество кровавой баней*
только для того,
чтоб кто-то
где-то
разжился *Албанией.*

«К ответу» (1917)

Стихи Маяковского пестрят синекдохами, «элементы» Старого Света Маяковский переносит на всю «злую» силу войны: *падает на мир за ударом удар* (= удары войны), *сапог землю растаптывает скрипящ и груб* (= вражеские силы):

Сцепилась злость человечьих свор,
падает на мир за ударом удар
только для того,
чтоб бесплатно
Босфор
проходили чьи-то суда.
Скоро
у мира
не останется неполоманного ребра.

И душу вытащат.
И растопчут там её
только для того,
чтоб кто-то
к рукам прибрал
Месопотамию,
Во имя чего
сапог
землю растаптывает скрипящ и груб?
Кто над небом боёв —
свобода?
бог?
Рубль!

«К ответу» (1917)

Чем старше становился Маяковский, тем в большей степени военный дискурс проникал в его стихотворения; и стихи, затрагивавшие не только темы войны, но и революции, новаций в искусстве, литературе, культуре становились проникнутыми пространством военной риторики. В концептосфере Маяковского всё чаще появляются понятия «марш», «бунт» и иные: «Приказ по армии искусства» (1918), «Левый марш (матросам)» (1918) и др. Однако художественный метод остаётся прежним: стилистика стихотворений насыщена метафорами (*пули оса*) и метонимиями, синекдохами, сравнениями (*оружие — песня*), различными стилистическими фигурами. Например:

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.(...)
Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песни.
Наше золото — звенящие голоса.

«Наш марш» (1917)

Изучив поэзию В. В. Маяковского с позиции представленности военного дискурса, мы обнаружили несколько ярко выраженных констант, вокруг которых организуется военно-событийное содержание стихотворений и их семантическое пространство. Так, война имеет ‘глобальный характер’ (захватывает мировое пространство, «шагает по Европе»), ‘трагический характер’ (война «обагряет мир кровью»):

Морду в кровь разбила кофейня,
зверьим криком багрима:
«Отравим кровью игры Рейна!
Громами ядер на мрамор Рима!»

(«Война объявлена», 20 июля 1914 г.)

Война имеет ‘непонятный, бессмысленный характер’, свидетельством этому в стихах В. В. Маяковского являются многочисленные риторические вопросы. Мнение автора о [Первой мировой] войне не меняется на протяжении многих лет, в стихах как 1914, так и 1917 годов присутствуют одни и те же константы:

Когда же встанешь во весь свой рост
ты,
отдающий жизнь свою им?
Когда же в лицо им бросишь вопрос:
за что воюем?

«К ответу» (1917)

Нелепость войны обнаруживается в стихотворении Маяковского «Великолепные нелепости» (1915), которое пестрит неожиданными сравнениями. Поэт словно с сарказмом изображает бытовавшее в те времена оправдание Первой мировой войны.

Бросьте!
Конечно, это не смерть.
Чего ей ради ходить по крепости?
Как вам не стыдно верить
нелепости?!
Просто именинник устроил карнавал,
выдумал для шума стрельбу и тир,

а сам, по-жабьи присев на вал,
вымаргивается, как из мортир.
«Великолепные нелепости» (1915)
Ах, не говорите:
«Кровь из раны».
Это — дико!
Просто избранных из бранных
одаривали гвоздикой.
Как же иначе?
Мозг не хочет понять
и не может:
у пушечных шей
если не целоваться,
то — для чего же
обвиты руки траншей?

«Великолепные нелепости» (1915)

В этом стихотворении страшная правда войны «перемежается» с абсолютно невоенными реалиями. В концептосфере военного и художественного дискурсов сталкиваются абсолютно несопоставимые понятия: *цветы* и *гангрена*:

Никто не убит!
Просто — не выстоял.
Лёг от Сены до Рейна.
Оттого что цветёт,
одуряет желтолистая
на клумбах из убитых гангрена.
Не убиты,
нет же,
нет!
Все они встанут
просто —
вот так,
вернутся
и, улыбаясь, расскажут жене,
какой хозяин весельчак и чудак.
Скажут: не было ни ядр, ни фугасов
и, конечно же, не было крепости!
Просто именинник выдумал массу
каких-то великолепных нелепостей!

«Великолепные нелепости» (1915)

И опять бесконечная метафорика: *обвиты руки траншей, пушечные шеи* и т. п.

Стихи Маяковского о войне носят лозунговый, декларативный характер, наполнены ненависти поэта к войне.

Газетчики надрывались: «Купите вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
А из ночи, мрачно очерченной чернью,
багровой крови лилась и лилась струя.

(«Война объявлена», 20 июля 1914 г.)

Таким образом, военно-дискурсивные элементы выполняют весомую художественную и стилистическую функции, т. к. именно они подчёркивают отношение поэта к войне, передают состояние внутреннего мира лирического героя, красноречиво говоря о нетерпимом характере военных действий.

Литература

1. *Андреев Н. И.* Особенности терминологии немецкого военно-политического дискурса в аспекте перевода на русский язык / Н. И. Андреев // Вестник Московского университета. — 2011. — Серия 22. № 1. — С. 117—126.

2. *Данилова Н. Ю.* Срочники, пиджаки, профессионалы: мужественности участников постсоветских войн / Н. Ю. Данилова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2005. — Т. 8. № 2. — С. 110.

3. *Иванов А. И.* О Маяковском — военном художнике / А. И. Иванов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2012. — Т. 105. № 1. — С. 145—151.

4. *Малышева Е. Г.* Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Г. Малышева. — Омск, 2011. — 47 с.

5. *Маяковский В. В.* Стихотворения 1912—1917 гг. — URL: lib.ru.
6. *Шабурова О.* Война, солдат и песня: национально-патриотический дискурс в конструировании российской маскулинности / О. Шабурова // Гендерные исследования. — 2005. — № 13. — С. 85—101.

References

1. *Andreev N. I.* Osobennosti terminologii nemeckogo voenno-politicheskogo diskursa v aspekte perevoda na russkij jazyk / N. I. Andreev // Vestnik Moskovskogo universiteta. — 2011. — Serija 22. № 1. — S. 117—126.
2. *Danilova N. Ju.* Srochniki, pidzhaki, professionaly: muzhestvennosti uchastnikov postsovetskih vojn / N. Ju. Danilova // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. — 2005. — T. 8. № 2. — S. 110.
3. *Ivanov A. I.* O Majakovskom — voennom hudozhnike / A. I. Ivanov // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. — 2012. — T. 105. № 1. — S. 145—151.
4. *Malysheva E. G.* Russkij sportivnyj diskurs: teorija i metodologija lingvokognitivnogo issledovanija : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / E. G. Malysheva. — Omsk, 2011. — 47 s.
5. *Majakovskij V. V.* Stihotvorenija 1912—1917 gg. — URL: lib.ru.
6. *Shaburova O.* Vojna, soldat i pesnia: nacional'no-patrioticheskij diskurs v konstruirovanii rossijskoj maskulinnosti / O. Shaburova // Gendernye issledovanija. — 2005. — № 13. — S. 85—101.

УЛАНОВ Андрій Володимирович,
кандидат філологічних наук, зав. кафедри соціально-гуманітарних дисциплін та іноземних мов Сибірського інституту бізнесу й інформаційних технологій; Омськ, Росія;
e-mail: andinet@rambler.ru; тел.: +7 8 950 7849432

ПРО СИНТЕЗ ВІЙСЬКОВОГО ТА ХУДОЖНЬОГО ДИСКУРСІВ У ПОЕЗІЇ В. В. МАЯКОВСЬКОГО

Анотація. У статті розглянуто проблему взаємодії військового та художнього дискурсів у поезії В. В. Маяковського. У віршах поета виявляється кілька яскраво виражених констант, що організують зміст і семантичний простір віршів про військові події. Військово-дискурсивні елементи виконують вагому мистецьку та стилістичну функції, оскільки саме вони підкреслюють ставлення поета до війни та передають стан внутрішнього світу ліричного героя.

Визначено специфічні риси військового дискурсу, які реалізуються в поезії В. Маяковського: надчасова актуальність; яскраво виражена маскулінність; взаємозв'язок з воєнно-політичним, військово-патріотичним, військово-технічним, спортивним дискурсами.

Ключові слова: військовий дискурс, художній дискурс, метафоризація, оказіоналізми, поетичне мовлення, В. Маяковський.

Andrey V. ULANOV,
Candidate of Philology, Head of the Department of Social and Humanities and foreign languages, Siberian Institute of Business and Information Technology; Omsk, Russia;
e-mail: andinet@rambler.ru; tel.: +7 8 950 7849432

ON THE SYNTHESIS OF MILITARY AND ARTISTIC DISCOURSES IN THE POETRY BY MAYAKOVSKY

Summary. The article discusses the interaction between the military and artistic discourses in the poetry by Vladimir Mayakovsky. Several distinct constants that organize military-event content of the poems and their semantic space is found in the poems of the poet. Military-discursive elements play an important artistic and stylistic function, since they emphasize the poet's attitude to the war and transmit the internal state of the lyrical character.

These specific features of the military discourse, which are implemented in the poetry of Mayakovsky are defined in this article: intertemporal relevance; clearly expressed masculinity; correlation with the military-political, military-patriotic, military-technical, sports discourses.

Key words: military discourse, artistic discourse, metaphorization, occasionalisms, poetic speech, Vladimir Mayakovsky.

Статтю отримано 20.07.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.161.1'33'371:[821.161.1-311.4+82.09]«18»(470+571)

ШЕВЧЕНКО Юлия Юрьевна,
аспирант кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: poi@onu.edu.ua; тел.: +38 (0482) 680562

ОППОЗИЦИЯ ОБРАЗОВ ОБЛОМОВ/ШТОЛЬЦ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются ценностные основания значимых для русской культуры прецедентных феноменов — художественных персонажей Обломова и Штольца. Представлена оппозиция образов, сформировавших впоследствии лингвокультурные концепты ОБЛОМОВ и ШТОЛЬЦ. Ценностное противопоставление концептов отражает проблему цивилизационного выбора, основополагающего для русской культуры. Оппозиция ценностных ориентаций, воплощённых в образах Обломова и Штольца («созерцательность/деятельность», «рациональное/иррациональное», «прогресс/традиция» и др.), соответствует параметрам, применяемым при сравнении западных и восточных культур. Текстовый уровень воплощения концептов позволяет выявить специфические характеристики русского языкового сознания, которые заключаются в ориентации на «обломовскую модель мира», предпочтение созерцательных, традиционных и иррациональных ценностных установок.

Ключевые слова: лингвокультурология, прцедентный феномен, лингвокультурный концепт, западничество, славянофильство, Обломов, Штольц.

Новый виток напряжения геополитической ситуации в мире, связанный с противостоянием России и Запада, возвращает нас сегодня к извечной и основополагающей для русской культуры дискуссии о месте в мире и векторе её развития. Соперничество двух тенденций: ориентации на Запад и ориентации на специфический российский путь — оказалось сколь фундаментальным, столь и неразрешимым. В течение нескольких столетий дискуссии на эту тему, то вспыхивая с новой слой, то затихая, определяли фон культурной жизни. В них были вовлечены все лучшие российские умы, и в самоопределении по данному вопросу видели проявление активной гражданской позиции. Как показывают сегодняшние события, актуальность исследования формирования и эволюции лингвокультурных оснований таких дискуссий остаётся чрезвычайно высокой.

Интеллектуальное осмысление проблемы, оформившееся ко второй половине XIX века, принято называть спором славянофилов и западников. Оно началось с опубликованного в 1836 году П. Я. Чаадаевым «Философического письма», в котором он выступил с резкой критикой российской культуры. Человек, долгое время пробывший за границей, представил некий обвинительный акт российскому народу и его культуре. Он писал об умственной и духовной отсталости великороссов, о неразвитости представлений о долге, справедливости, праве и порядке, об отсутствии какой-либо самобытной человеческой «идеи». «Народы — существа нравственные точно так же, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру», — писал Чаадаев [9]. Его идеи попали на подготовленную почву, породив бурную полемику о сущности российской культуры, её истории и путях дальнейшего развития. Общественное мнение разделилось на два полярных лагеря: славянофилов и западников.

Главной идеей западничества можно считать культурную отсталость России от Западной Европы. В соответствии с этой точкой зрения, Россия должна пройти основные этапы западного пути развития, усвоить европейскую науку, нормы политического и социального устройства. Славянофилы же отстаивали идею существования для России собственного, самобытного пути исторического развития. Они стремились показать, что западные ценности не могут в полной мере прижиться на российской почве и как минимум нуждаются в некоторой адаптации.

Определяющее место в этой дискуссии принадлежит литературе, традиционно для России совмещающей философскую, эстетическую и социально-политические площадки. В качестве основного лингвокультурного типажа русской литературы длительное время находился бездеятельный, мечтательный и созерцательный человек, позднее получивший определение «лишний». Он воплощал собой понимание национального русского характера. Типология и претекст созерцательного, недееспособного и пассивного русского человека своими корнями восходит ко временам Руси и былинной эпохи: «придите володеть и княжити над нами» («Повесть временных лет», 862 год).

 © Шевченко Ю. Ю., 2014

Традиционно особенности русской души связываются с необъятными пространствами страны и низкой плотностью заселения. Бескрайность пространства, считал Николай Бердяев, травматична для русской души: русская душа «ушиблена ширью», безграничность стала фактом психологии русского народа, порабощая человека. «Духовная энергия», — пишет философ, — «вошла внутрь, в созерцание, в душевность», и смирение стало способом самосохранения [1]. Во многом особенности характера русского человека определяются также длившимся более двух веков монголо-татарским игом, ставшим школой отречения и терпения. К смирению приучали суровый русский климат и железная воля самодержцев. Принятие христианства не привнесло больших изменений в характер героя русского эпоса, поскольку православие со своей доктриной аскетизма превозносило вовсе не активные, а пассивные добродетели: смирение, кротость, подчинение судьбе. Церковь подчёркивала, что человек призван не к внешней, но к внутренней активности. «Русские писатели изображают слабого человека, безвольного человека, в сущности — ничтожного человека, ещё страшнее и глубже — безжизненного человека, который не умеет ни бороться, ни жить, ни созидать, ни вообще что-нибудь делать, а вот, видите ли — великолепно умирает и терпит!!!» [7, с. 152].

Известно, что в период осуществления петровских реформ идеал деятельного человека начал вытеснять идеал человека созерцательного. Образцом для подражания становится не кроткий и святой человек, а деятельный и творческий. Начиная с петровской эпохи в русской литературе появляются деятельные герои: от карамзинского Леонида и гончаровских Адуева и Штольца до Соломина и профессора дяди Вани, любимая фраза которых: «Надо дело делать!» [8].

В яркой художественной форме западническо-славянофильское противостояние отразилось в романе И. А. Гончарова «Обломов»: идеал человека восточного типа — статика, доведённая до совершенства, был показан в образе Обломова. Этот идеал противостоял жизненному идеалу человека западноевропейского типа — динамике, доведённой до совершенства в образе Штольца. Показательно, что, в отличие от Добролюбова, заклеймившего позором «обломовщину», сам Гончаров относится к своему герою двойственно. Лень приводит к жизненному краху и распаду личности Одломова, но он вызывает больше симпатий, чем деятельный Штольц. Обломов воплощает черты, которые традиционно считаются присущими русскому национальному характеру. Сочетание *русская лень* столь же стандартно, как *русская душа* [4].

Персонажи, представленные в романе, оказались знаковыми для русской культуры. Мы полагаем, что сегодня их, обросших дополнительными смыслами и ассоциациями, можно считать лингвокультурными концептами. В самом общем виде под лингвокультурным концептом понимают единицу коллективного и индивидуального знания, культурно маркированную и имеющую языковое выражение. Определяющей характеристикой лингвокультурного концепта является наличие в его содержании аксиологического компонента [3]. Концепт входит в оценочный кодекс той или другой лингвокультуры, в отличие от понятия, которое становится лишь тогда концептом, когда оно валоризируется [6, с. 28].

Как известно, лингвокультурная ценность концепта — знания, образы и ассоциации, которые наслаиваются на понятие через знаковый код языка, а потому они глубоко интериоризованы у каждой языковой личности. Формируется она, в частности, благодаря этнокультурным феноменам. Например, сценарии этнокультурного поведения немцев определяются такими феноменами, как порядок, запрет, внимание, страх, японцев — извинение, оправдание, самоуничижение, выраженность/невыраженность желаний, русских — душа, тоска, судьба, авось [2]. Воплощение русского сценария жизни и представления о нормах поведения в концепте ОБЛОМОВ делает его значимым фрагментом русской лингвокультуры.

В рамках данной статьи мы попытаемся, применяя методы лингвокультурологического анализа, исследовать знаковую для русской литературы и культуры в целом оппозицию образов ОБЛОМОВ/ШТОЛЬЦ сквозь призму противопоставления восточного (русского) и западного типов мышления или векторов цивилизационного развития. Применение лингвокультурной методологии к традиционному для лингвистики объекту изучения позволяет говорить о новизне исследования.

Лингвокультурологическая методология предлагает тройственную структуру концептов, состоящую из понятийного, перцептивно-образного и ценностного компонентов. Наиболее значимым для лингвокультурологии является последний. Поскольку в современных исследованиях сосуществуют несколько отличающихся подходов, подчеркнём, что под ценностной компонентой мы будем понимать в первую очередь ценностные ориентации, которыми руководствовались в своей деятельности изучаемые персонажи, те исходные мировоззренческие позиции, которые до сих пор приписываются в русском коллективном языковом сознании Штольцу и Обломову.

Ценностно-нормативное противопоставление приводит к оценке двух типов поведения и отношения к жизни: созерцательного и активного. Созерцательный человек видит свою цель не в деянии, но в *бытии*: *«Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью <...>, ни случайностью <...>, ни наслаждением <...>: это было его нормальным состоянием. Когда*

он был дома, — а он был почти всегда дома, — он всё лежал...»; «Он, как встанет утром с постели, после чая ляжет тотчас на диван, подопрёт голову рукой и обдумывает, не щадя сил, до тех пор, пока наконец голова утомится от тяжёлой работы и когда совесть скажет: довольно сделано сегодня для общего блага...»; «тогда только решается он отдохнуть от трудов и переменить заботливую позу на другую, менее деловую и строгую, более удобную для мечтаний и неги». Обломов в ужасе от любого перемещения, даже такого, как переезд в новую квартиру. На вопрос Штольца, разве усидел бы Обломов всегда дома и никуда бы не поехал, тот уверенно отвечает *«Ни за что!»*. Подчёркивая свою инаковость и отличие, на предложение попутешествовать Обломов парирует: *«Англичане: так уж те так Господом Богом устроены; да и негде им жить-то у себя. А у нас кто поедет? Разве отчаянный какой-нибудь, кому жизнь нипочём»*. Такое отношение героя к движению существенным образом определяет структуру романа, ведь *«его почти ничто не влекло из дома, и он с каждым днем всё крепче и постояннее водворялся в своей квартире»*, и вообще *«он не привык к движению, к жизни, к многолюдству и суете»*. Пространство романа сужается до комнаты, до дивана, на котором лежит Обломов.

Созерцательности Обломова противопоставляется активность Штольца. Для него определяющим модусом является движение, избегающий пустой мечтательности и бездействия, он чётко видел цель своего существования и поэтому *«шёл да шёл прямо по избранной дороге», «он беспрестанно был в движении»*. В глазах Запада только деятельный человек является человеком полноценным, западная философия учит делать, а не рассуждать.

Отношение к прогрессу также значимо. Если Штольц является убеждённым сторонником прогресса, активно пользуется его плодами, то для Обломова любые кардинальные перемены — мучительны и смертельны. Когда Штольц радостно сообщает Обломову о том, что *«в Верхлёве пристань хотят устроить и предположено шоссе провести, так что и Обломовка будет недалеко от большой дороги, а в городе ярмарку учреждают»*, тот видит в этом только негатив *«— Ах, Боже мой! — сказал Обломов. — Этого ещё недоставало! Обломовка была в таком затишье, в стороне, а теперь ярмарка, большая дорога! Мужики повадятся в город, к нам будут таскаться купцы — всё пропало! Беда!»*

Для Обломова основной ценностью является покой: *«Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки — это у него были синонимы; другая — из покоя и личного веселья»*. Соответственно, всё, что нарушало покой, наделялось отрицательной оценкой: *«неприятные письма старосты ежегодно повторялись, побуждали его к деятельности и, следовательно, нарушали покой»*. Штольц же превыше всего ценит движение вперёд, для него *«труд — образ, содержание, стихия и цель жизни»*, хотя Обломов считает, что такой образ жизни *«это какая-то кузница, не жизнь; тут вечно пламя, трескотня, жар, шум... когда же пожить?»*. В тексте романа насчитывается 154 случая употребления слова *«покой»* и его производных, тогда как слово *«труд»* и его производные употребляются только 107 раз. Таким образом, можем констатировать реализацию с помощью образов главных персонажей чёткой ценностной оппозиции «покой — труд», что влечёт за собой и проявление антагонистических поведенческих парадигм «созерцание — деятельность».

С Обломовым происходят только не зависящие от него события. Он не инициатор. Он чувствует себя всегда объектом, а не субъектом действия. *«Кто-то будто украл и закопал в собственной его душе принесенные ему в дар миром и жизнью сокровища. Что-то помешало ему ринуться на поприще жизни и лететь по нему на всех парусах ума и воли. Какой-то тайный враг наложил на него тяжелую руку в начале пути и далеко отбросил от прямого человеческого назначения... Видно, уж так судьба... Что ж мне тут делать?..»* В противоположность ему Штольц *«шёл твёрдо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день, как каждый рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца»*. Штольц всегда хозяин положения и своей жизни, он самостоятельно преобразует себя, свою жизнь и мир вокруг. Сегодня бы Штольца назвали *self-made man*.

Обломов — человек переходного времени [8]. Он принадлежит одновременно двум эпохам и пространствам. Убеждения и планы связывают его с новым миром, европеизированной столицей, Петербургом, а привычки и воспитание тянут его в прошлое, в патриархальную деревню. В Обломовке, родовой деревне в губернии «чуть не в Азии», и в восстановленной на Выборгской стороне идиллии царит культ еды, питья и сна. Когда Обломов влюбляется, предметный мир исчезает, гастромания прерывается. Спадает с него и домашний халат. А когда пролетела любовь, герой снимает европейский костюм и опять надевает халат, становящийся в романе символом восточной лени. Одежда (халат — прекрасно сшитый сюртук — халат) — эмблематическая деталь в образе Обломова, обозначающая различные этапы его духовного состояния. Характерный для Обломова образ жизни переносится на предмет, даже самые простейшие предметы, например, часть одежды, теряют своё повседневное значение и вызывают скрытую в глубинах сознания мысль о дихотомии Европы и России.

В результате предметный мир преобразуется в метафорический комплекс. *«Как шёл домашний костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженному телу! На нём был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намёка на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него. Рукава, по неизменной азиатской моде, шли от пальцев к плечу всё шире и шире. Хотя халат этот и утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный естественный лоск другим, благоприобретенным, но все еще сохранял яркость восточной краски и прочность ткани».* Халат почти прирос к телу, внешняя форма становится внутренней сущностью. Интерес представляет не только предметный мир, но и отношение к ним не хозяев. Обломов живет среди предметов, находится с ними в душевной связи. Предметы — символы, они несут в себе прошлое, настоящее и даже будущее своих владельцев. Таковы кровать, халат, тапочки, покрытая пылью и оставленная открытой книга, неразрезанные газеты, обшарпанная мебель. Обломов гармонично «вписан» в свой мир, он его неотъемлемая часть, он не хозяин, а элемент этого мира. Мы полагаем, что это чётко проявленная традиционная характеристика восточных культур, в которых человек стремится не доминировать над миром (как Штольцы), а быть с ними в целостности и гармонии, быть не объектами, но субъектами.

Боятся герои совершенно разных вещей: Штольц — *«воображения, этого двуличного спутника»* и *«всякой мечты»*, Обломов — треволнений, нарушающих привычный уклад жизни: *«ожидание опасности и зла от всего, что не встречалось в сфере его ежедневного быта»*. Консерватизм Обломова подпитывается воспоминаниями и ностальгией о прошлой деревенской жизни, для него чрезвычайно сильна связь с традициями: *«так он попеременно волновался и успокоивался, и, наконец, в этих примирительных и успокоительных словах авось, может быть* и *как-нибудь Обломов нашёл и на этот раз, как находил всегда, целый ковчег надежд и утешений, как в ковчеге завета отцов наших, и в настоящую минуту он успел оградить себя ими от двух несчастий»*. Внимание автора ко внутреннему эмоциональному миру, душе Обломова и практичному интеллекту Штольца, таким образом, позволяет противопоставить их по признаку «рациональное — иррациональное», что также является классическим основанием для культурологического сравнения Востока и Запада.

Оппозиция образов, сформировавших впоследствии лингвокультурные концепты ОБЛОМОВ/ШТОЛЬЦ, воплощает в себе цивилизационный выбор, основополагающий для русской культуры. Антагонистические пары ценностных ориентаций «созерцательность/деятельность», «рациональное/иррациональное», «прогресс/традиция» считаются ключевыми в сопоставительной характеристике западных и восточных культур.

Казалось бы, всё ясно: России нужны люди дела, которые поднимут её экономику, разовьют культуру, но вывод этого романа-исследования до парадоксальности противоположен: Штольцы опасны для России. Мы — Обломовы, и в этом наша судьба. Тем не менее, присутствует в романе и надежда на представителя нового, нарождающегося поколения, Андрея Ильича Обломова — сына Ильи Ильича и Агафьи Пшениciной, названного в честь Штольца. Штольц же и воспитывает Андрея после смерти отца. Андрей Обломов, таким образом, оказывается законным наследником обеих традиций, что и выражает надежду на возможность синтеза в русском характере лучших начал: двух противопоставленных друг другу векторов развития.

Литература

1. *Бердяев Н. А.* Судьба России [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. — Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1918_15_06.html

2. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. — М. : Языки русской культуры, 1999. — 780 с.

3. *Воркачёв С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачёв. — М. : Гнозис, 2004. — 236 с.

4. *Зализняк А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира [Электронный ресурс] / А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелёв. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html

5. *Карасик В. И.* Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / ред. И. А. Стернин. — Воронеж : ВГУ, 2001. — С. 75—81.

6. *Приходько А. Н.* Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. — Днепропетровск : Белая Е. А., 2013. — 307 с.

7. *Розанов В. В.* Сочинения / В. В. Розанов. — М. : Современник, 1990. — 592 с.

8. *Хайнади З.* Обломов как Анти-Фауст [Электронный ресурс] / З. Хайнади // Вопросы литературы. — 2010. — № 4. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/voplit/2010/4/ha19.html

9. *Чаадаев П. Я.* Философические письма / П. Я. Чаадаев // Полн. собр. соч. и избр. письма : в 2 т. — М. : Наука, 1991. — Т. 1.

References

1. *Berdiaev N. A.* Sud'ba Rossii [Elektronnyj resurs] / N. A. Berdjaev. — URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1918_15_06.html
2. *Vezhbickaja A.* Semanticheskie universalii i opisanie jazykov / A. Vezhbickaja. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. — 780 s.
3. *Vorkachiov S. G.* Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept / S. G. Vorkachiov. — M. : Gnozis, 2004. — 236 s.
4. *Zalizniak A.* Kliuchevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira [Elektronnyj resurs] / A. Zaliznjak, I. Levontina, A. Shmeliov. — URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html
5. *Karasik V. I.* Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovanija / V. I. Karasik, G. G. Slyshkin // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki : sb. nauch. tr. / red. I. A. Sternin. — Voronezh : VGU, 2001. — S. 75—81.
6. *Prihod'ko A. N.* Koncepty i konceptosistemy / A. N. Prihod'ko. — Dnepropetrovsk : Belaja E. A., 2013. — 307 s.
7. *Rozanov V. V.* Sochinenija / V. V. Rozanov. — M. : Sovremennik, 1990. — 592 s.
8. *Hajnadi Z.* Oblomov kak Anti-Faust [Elektronnyj resurs] / Z. Hajnadi // Voprosy literatury. — 2010. — № 4. — URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2010/4/ha19.html
9. *Chaadaev P. Ja.* Filosoficheskie pis'ma / P. Ja. Chaadaev // Poln. sobr. soch. i izbr. pis'ma : v 2 t. — M. : Nauka,1991. — T. 1.

ШЕВЧЕНКО Юлія Юріївна,
аспірант кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: poi@onu.edu.ua; тел.: +38 (0482) 680562

ОПОЗИЦІЯ ОБРАЗІВ ОБЛОМОВ/ШТОЛЬЦ КРІЗЬ ПРИЗМУ ЦИВІЛІЗАЦІЙНОГО ВИБОРУ РОСІЇ

Анотація. У статті аналізуються ціннісні підстави прецедентних феноменів — художніх персонажів — Обломова і Штольца, що є значущими для російської культури. Представлена опозиція образів, які як наслідок сформували лінгвокультурні концепти ОБЛОМОВ і ШТОЛЬЦ. Ціннісне протиставленння концептів відображує проблему цивілізаційного вибору, що є основоположним для російської культури. Опозиція ціннісних орієнтацій, що втілені в образах Обломова і Штольца («споглядальність/діяльність», «раціональне/ірраціональне», «прогрес/традиція» та ін.) відповідає параметрам, які використовують при порівнянні західних та східних культур. Текстовий рівень втілення концептів дозволяє виявити специфічні характеристики російської мовної свідомості, які полягають в орієнтації на «обломівську модель світу», надання переваги споглядальним, традиційним та ірраціональним настановам.
Ключові слова: лінгвокультурологія, лінгвокультурний концепт, західництво, слов'янофільство.

Yulia Yu. SHEVCHENKO,
Post Graduate Student of the Applied Linguistics Department of Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: poi@onu.edu.ua; тел.: +38 (0482) 680562

OPPOSITION OF IMAGES OBLOMOV/STOLTZ THROUGH THE PRISM OF THE CIVILIZATION CHOICE OF RUSSIA

Summary. In article the valuable bases of case phenomena, significant for the Russian culture — art characters — Oblomov and Stoltz are analyzed. The opposition of the images which created subsequently lingual and cultural concepts OBLOMOV and STOLTZ are presented. Valuable opposition of concepts reflects a problem of a civilization choice, fundamental for the Russian culture. The opposition of the valuable orientations embodied in Oblomov and Stoltz's images («contemplation/activity», «rational/irrational», «progress/tradition», etc.) corresponds to the parameters applied when comparing the western and east cultures. Text level of an embodiment of concepts allows to reveal specific characteristics of the Russian language consciousness which consist in orientation to «oblomovsky model of the world», preference of contemplate, traditional and irrational valuable installations.
Key words: lingual culture, concept, Westernism, Slavophilism, Oblomov, Stoltz.

Статтю отримано 11.10.2014 р.

УДК 811.161.1'42:82-7

ШУМАРИНА Татьяна Фёдоровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: shumarina2010@mail.ru; тел.: +38(0482) 683539; моб.: +38 067-3779936

ЭПИГРАММА КАК ИНВЕКТИВНЫЙ ТИП ЭНИГМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. Эпиграмма представляет собой малоисследованный объект в лингвистической литературе. Жанр эпиграммы как особый вид сатирико-юмористического произведения рассматривается преимущественно в литературоведческих работах (М. Л. Гаспаров, Е. В. Новикова, Л. И. Тимофеев). Анализ её текстовой структуры и признакового своеобразия в данном исследовании продиктовано необходимостью восполнить пробел в научном освещении эпиграммы как особой жанровой формы, располагающей внушительным арсеналом энигматических языковых средств. Цель работы — доказать принадлежность эпиграммы к особому (инвективному) типу энигматического текста. Актуальность нашего исследования связана с наличием неединственной дефиниции термина «энигматический». Его употребление в широком значении, как что-либо загадочное, сомнительное, неизвестное, возбуждающее любопытство; иносказание или намёк, позволяет расширить представление о видах творчества, основанных на энигматическом тексте. Сходство эпиграммы с загадкой (классическим энигматическим текстом) эксплицирует единая дефиниция, формулируемая на основе выявленных идентичных специфических признаков: малый литературный жанр, с вариативной или обязательной антропоцентрической составляющей, целью которого является аксиологическая атрибуция, осуществляемая посредством адекватных энигматических языковых средств.
Ключевые слова: эпиграмма, загадка, энигматический текст, инвектива.

Интерес к феномену энигматического текста в современных исследованиях лежит в плоскости описания его семиотической природы, когнитивных и вербальных ключей, обусловливающих процесс успешного декодирования. Основными форами экспликации признаков и структуры энигматического текста принято считать загадку и кроссворд как типичных видов иносказания и языковой игры [3].

Исследованию структуры загадки посвящено немало работ отечественных и зарубежных ученых (В. П. Аникин, Ю. И. Левин, М. А. Рыбникова). Кроссворд как модифицированный тип текста загадки также подвергался многоуровневому лингвистическому анализу (И. В. Захаренко, В. В. Красных, Е. А. Денисова).

Расширение представления о видах творчества, основанных на энигматическом тексте, а вернее анализ признаковой структуры эпиграммы как особого вида энигматического текста — цель данного исследования.

Исходя из общепризнанной трактовки понятия «энигматический» (энигматический, -ая, -ое [< греч. ainigma (ainigmatos) загадка] спец. 'загадочный', 'непонятный' [4], можно заключить, что вышеназванный лингвистический термин может толковаться не только в узком (традиционном), но и в широком значении, то есть как текст, структурно-семантические и функциональные характеристики которого сопряжены с загадкой.

В данном контексте «загадка» трактуется не в понимании Ю. И. Левина, на которое часто ссылаются исследователи энигматики («текст, денотатом которого служит некоторый объект, в самом этом тексте явно не названный» [5, с. 283]), а шире, как «то, что неясно или непонятно» [7, с. 507]. Признаки, оптимально характеризующие тип текста, правомерно, на наш взгляд, претендующего на вхождение в круг «загадочных», описаны в словарной дефиниции лексемы «загадка» В. И. Далем: «что-либо *загадочное, сомнительное*, неизвестное, возбуждающее любопытство; *иносказанье* или *намёки*, окольная речь, обиняк» [2, т. 1, с. 566]. Для сравнения приведём аналогичное определение, указывающее на специфичность признаков: «Основу... составляет сатира, и в ней факторами создания смеха являются *намёки и загадки*, *иносказание*, т. е. аллегория» [6]. Как видим, идентичность признаковых компонентов не требует дополнительных комментариев. С той лишь разницей, что последняя дефиниция характеризует не традиционную составляющую энигматики — загадку, а эпиграмму — сатирико-юмористическую жанровую форму с интенционально обусловленной адресатной направленностью.

На первый взгляд, осмысление эпиграммы, этого ключевого типа *адресатной* поэзии, в энигматическом аспекте представляется парадоксальным. Ведь, как известно, адресатная направленность эпиграммы манифестирована целевым назначением данной сатирико-юмористической жанровой формы. «Эпиграмма, -ы, ж. — короткое сатирическое стихотворение (первонач. дидактическое), высмеивающее какое-н. определённое *лицо*» [8, с. 835].

© Шумарина Т. Ф., 2014

И всё же идея отнесения эпиграммы к типам энигматического текста небезосновательна. Как представляется, «загадочность» эпиграммы располагается в трех плоскостях: в сфере адресата, в сфере адресанта и языкового кода (энигматора).

Доказательство энигматичности эпиграммы по фактору адресата вытекает из типологической классификации объектов апелляции. В опубликованных работах по данной теме выделяются именные эпиграммы, где референт декодируется посредством манифестируемых в тексте названий или номинаций адресата, и безымянные, где вид адресата может быть определён как обобщённо-скрытый или групповой; для обозначения последних привлекаются латентные средства кодирования. Из данных, приведённых в классификации, следует, что требованиям энигматического текста отвечают лишь безымянные эпиграммы, в атрибуции объектов которых с большой долей вероятности может быть прогнозировано недопонимание, непонимание или ложная идентификация адресата. Ведь недаром до сих пор объекты насмешки ряда пушкинских эпиграмм декодированы с разной степенью вероятности либо вовсе не установлены. В их число может быть включено известное пушкинское стихотворение «Тадарашка в вас влюблён...», «которое обращено, *очевидно*, к М. Э. Эйхфельд», как указано в примечании Т. Г. Цявловского к изданию 1979 г. [9, с. 153]; эпиграмма «Русскому Геснеру», в которой, *по-видимому*, имеется в виду В. И. Панаев; «Князь Г. со мною не знаком...», «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...», «Нет ни в чём вам благодати» и другие вообще неизвестно против кого направленные сатиры.

Именные эпиграммы, в отличие от безымянных, по фактору адресата, на первый взгляд, категорически должны быть исключены из числа жанров энигматического текста. Однако и в этой разновидности можно усмотреть основания для сомнения и признаки загадочности. Во-первых, возможность декодирования антропонимической единицы не в качестве средства конкретной номинации, а в функции антономасии. В общепринятых терминах сказанное можно обозначить следующим образом: если считать текст эпиграммы энигматором, то энигмат составляет комплекс референтного и антономасийного значения, а, следовательно, закодированная семема остается загадкой. Например, эпиграмму А. С. Пушкина на М. С. Воронцова возможно толковать двояко: как характеристику исторического деятеля и как социальный тип. Антропонимическое обозначение, подвергаясь воздействию иных жанрообразующих средств, не способно локализовать адресата эпиграммы рамками одного объекта. Во-вторых, как известно, эпиграмма относится к инвективным формам поэзии. Это резкое обличение или сатирическое осмеяние реального лица или группы лиц, по сути, средство социальной дискредитации объекта посредством адресованного ему текста. Если же экспликация оскорбления не предопределена интенцией автора, содержание эпиграммы остается для общества загадкой. Так, по причине своей крайней инвективности пушкинские эпиграммы в форме открытой пейоративы зачастую не предназначались для широкого прочтения. Посылая текст сатиры «На А. А. Давыдову» брату, поэт писал: «Если хочешь, вот тебе ещё эпиграмма, которую ради Христа *не распускай*, в ней каждый стих — правда» [9, с. 154]. Если же эпиграмма писалась в форме скрытой инвективы, то использовалась эвфемистическая манера речи и языковые средства иносказания, что, по сути, является энигматическим кодом.

Таким образом, именная эпиграмма, вне зависимости от того, является ли она скрытой или же открытой инвективой, может быть отнесена к энигматическим текстам.

Энигматичность эпиграммы по фактору адресанта ограничивается кругом неточных или приблизительных идентификаций. К их числу относится, например, эпиграмма «За ужином наелся я», принадлежность которой перу А. С. Пушкина не установлена, или приписываемые поэту эпиграммы на Н. М. Карамзина и на Ф. В. Булгарина («Все говорят: он Вальтер-Скотт...»).

Ещё один способ доказать возможность трактовки эпиграммы как разновидности энигматического текста является сугубо лингвистическим и заключается в представлении языковых средств выражения авторской интенции. Ими оказываются типичные способы организации энигматора: метафора, перифраза, антономасия и т. д.

Оптимизировать представление об эпиграмме как виде энигматического текста представляется возможным, применив дихотомический принцип сопоставления двух текстовых структур — классики жанра — загадки — и эпиграммы.

Корреляция текстов по признаку «структура». Текст, через который происходит загадывание (кодирующая часть), — энигматор; объект действительности, который загадан, — энигмат; (терминология Е. А. Денисовой); отгадка. В обоих типах текста энигмат не всегда равен отгадке. Следует подчеркнуть, что загадки вообще не ставят своей целью однозначное определение объекта, указывая лишь на приблизительную область внеязыковой действительности. Аналогичное явление наблюдается и в эпиграммах: достаточно вспомнить функцию антономасийных номинаций. И, наконец, пуант (фр. pointe) — ‘острие’), понимаемый как заключительная фраза шутки или загадки, из чего вытекает обязательное её присутствие в обоих типах текста (ср. загадки: *Если б не было его, не сказал бы ничего (Язык)* или *Вещунья белобока, а зовут ее... (Сорока)* — эпиграммы...*Что ты дурак, да это уж не ново* или ...*А ты бездельник деловой*).

По признаку «размер текста» в обоих исследуемых случаях представлен малоформатный текст.

Телеологичность: побуждение адресата к декодированию объекта. Корреляция прослеживается также по признаку наличие аксиологичности.

Антропоцентричность как универсальный признак, свойственный загадке и эпиграмме, у последней обусловлен адресатной спецификой жанра; в загадке он сфокусирован в границах антропоцентрического типа, где охватывает всю структуру (от энигматора до энигмата). Антропоцентричность в сфере адресата в обоих текстах представлена системой мер, направленных на принимающий объект: во-первых, это апелляция к адресату, во-вторых, программа адресованности основана на наличии фонда знаний и, наконец, выбор адекватных средств кодирования, ориентированных на апперцепционные возможности гипотетического либо реального адресата.

Антропоцентрическая составляющая исследуемых текстов обнаруживает свое присутствие и в сфере адресанта, прогнозирующего успешность декодирования неоднозначных текстов.

Идентичность распространяется также на признаки «наличие кода» и «приемы кодирования». Основным семантическим способом организации обоих текстов является языковая игра, основанная на образности. И набор энигматических средств загадки вполне соотносим с языковыми средствами кодирования энигмата в эпиграмме. Это метафора, перифраза, антономасия, синонимия и т. д. Обобщая все вышесказанное, можно представить единство двух сопоставляемых форм в виде конгломерированной дефиниции, а именно: малый литературный жанр с вариативной или обязательной антропологической составляющей, целью которого является аксиологическая атрибуция, осуществляемая посредством адекватных энигматических языковых средств.

Специфичность и неповторимое своеобразие каждого вида текста формируется под влиянием дизъюнктивных (вариативных) составляющих того или иного признака. Так, телеологичность эпиграммы (как и загадки) сфокусирована в разгадке, однако в изучаемом жанре обязательным условием является атрибуция аксиологическая. Многие исследователи отмечают наличие аксиологии и в загадках, например, М. В. Волкова: «Для загадок в целом характерен позитивный взгляд на мир (мелиоративная оценочная коннотация), что во многом обусловлено традиционным положительным отношением к фольклору как к источнику поэтико-эстетических представлений народа» [1, с. 7]. В этом случае противостояние признаков наблюдается по знаку оценки: аксиологичность эпиграмм негативная (в диапазоне от уничижительно-пренебрежительного до грубого и бранного), а загадок, как указано выше, — позитивная.

Незначительные отличия обнаруживаются также в некоторых аспектах толкования антропоцентричности. Так, в рамках признака «ориентация на адресата» в загадке «собеседником» является отгадывающий, в эпиграмме — объект дискредитации. Расхождения наблюдаются и в характере информационной базы. Прогнозирование успешного декодирования загадки предопределяется наличием общей когнитивной базы адресата и адресанта, ориентацией на вероятностный уровень интеллектуального и образного мышления. Эпиграмма также основана на знании. Однако это знание иного рода. Информационная насыщенность эпиграмм обусловлена социокультурным хронотопом малых социальных групп конкретного исторического периода, например, пушкинской поры. Следовательно, противопоставление по данному признаку составляет информационная оппозиция «социокультурная база» — «когнитивная база».

И последний признак, содержащий хоть и соотносимые, но всё же расхождения составляющих, — код. Анализ специфики его реализации может быть осуществлён в трёх аспектах: степень кодирования, причина и цель. Степень глубины кодирования в загадке большая, в эпиграмме — меньшая. Данное различие имеет свои причины: загадка призвана интенсифицировать когнитивную деятельность адресата; эпиграмму вынуждают к вуалированию этические нормы, грозящие социальными санкциями. Кстати, эпиграмматическую позицию А. С. Пушкина в этом вопросе, несмотря на неоднозначную трактовку его сатир, наглядно иллюстрирует эпиграмма «Журналами обиженный жестоко...»:

Нельзя писать: Такой-то де старик,
Козёл в очках, плюгавый клеветник,
И зол, и подл: всё это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что господин парнасский старовер,
(В своих статьях), бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор.

И, наконец, языковая игра. Как основа энигматора в загадке она имеет своей целью развлечение и ограничивается рациональной областью приложения, в эпиграмме же языковая игра инвективно обусловлена, вследствие чего явно прослеживается связь с эмоциональной сферой

адресата. На уровне конкретных языковых средств подобная оппозиция находит выражение в системе «эвфемизм — дисфемизм».

Итак, принимая во внимание представленную выше корреляцию признаков и незначительную их вариативность, включение эпиграммы в состав жанров, традиционно относимых к энигматическому тексту (например, загадка), представляется вероятным. Затронутые в данной статье вопросы, связанные с определением энигматических составляющих эпиграммы, безусловно, не исчерпывают проблему и должны рассматриваться как некоторые предварительные наблюдения. Могут оказаться полезными дальнейшие изыскания в этом направлении, проводимые на более широком корпусе текстов с учётом жанрового разнообразия.

Литература

1. *Волкова М. В.* Загадка и кроссворд как типы текста: семантический и прагматический аспекты (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 — германские языки / М. В. Волкова. — Смоленск, 2011. — 24 с.

2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — 6-е изд., стереотип. — М. : Дрофа, 2011.

3. *Денисова Е. А.* Структура и функции энигматического текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — русский язык / Е. А. Денисова. — М., 2008. — 23 с.

4. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — М. : Эксмо, 2008. — 944 с. — (Библиотека словарей).

5. *Левин Ю. И.* Семантическая структура загадки / Ю. И. Левин // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка: Структура, смысл, текст. — М. : Наука, 1978. — С. 283—314.

6. *Муллоев Ш. Б.* Отличительные особенности публицистической сатиры периода Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / Ш. Б. Муллоев. — Режим доступа: https://mulloevsharif.wordpress.com/category.

7. *Словарь русского языка* : в 4 т. / [гл. ред. А. П. Евгеньева]. — 2-е изд., стереотип. — М. : Русский язык, 1981—1984.

8. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Азъ, 1992. — 955 с.

9. *Пушкин А. С.* Эпиграммы / А. С. Пушкин. — М. : Худож. лит., 1979. — 167 с.

ШУМАРІНА Тетяна Федорівна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: shumarina2010@mail.ru; тел.: +38(0482) 683539; моб.: +38 067-3779936

ЕПІГРАМА ЯК ІНВЕКТИВНИЙ ТИП ЕНІГМАТИЧНОГО ТЕКСТУ

Анотація. Епіграма є мало дослідженим об'єктом у лінгвістичній літературі. Жанр епіграми як особливий вид сатирико-гумористичного твору розглядається здебільшого в літературознавчих роботах (М. Л. Гаспаров, Є. В. Новікова, Л. І. Тимофєєв та ін.). Аналіз її текстової структури й ознакової своєрідності в даному дослідженні продиктовано необхідністю заповнити пропуск у науковому висвітленні епіграми як особливої жанрової форми, що має величезний арсенал мовних засобів. Мета роботи — довести приналежність епіграми до особливого (інвективного) типу енігматичного тексту. Актуальність нашого дослідження пов'язана з багатозначністю терміна «енігматичний». Його вживання в широкому значенні, як «чогось загадкового, сумнівного, невідомого, такого, що спонукає цікавість; алегорію чи натяк», дозволяє розширити уявлення про види творчості, які засновані на енігматичності такого тексту. Схожість епіграми та загадки (класичного енігматичного тексту) експлікує єдина дефініція, що формулюється на підставі виявлених ідентичних специфічних ознак: малий літературний жанр з варіативною або обов'язковою антропоцентричною складовою, метою якого є аксіологічна атрибуція, що здійснюється за допомогою адекватних енігматичних мовних засобів.

Ключові слова: епіграма, загадка,енігматичний текст, інвектива.

Tatiana F. SHUMARINA,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: shumarina2010@mail.ru; tel.: +38(0482) 683539; mob.: +38 067-3779936

EPIGRAM AS ABUSIVE TYPE OF ENIGMATIC TEXT

Summary. An epigram is a scantily explored object in linguistic literature. Genre of epigram as the special type of satiric humorous work is examined mainly in study of literature works (M. L. Gasparov, E. V. Novikova, L. I. Timofeev, etc.). The analysis of its text structure and sign originality in this research is dictated by a necessity to fill in a blank in scientific illumination of epigram as the special genre form, disposing the impressive arsenal of enigmatic of language means. The aim of work is to prove belonging of

epigram to the special (abusive) type of text. Actuality of our research is related to the presence of non-uniqueness definition of the term of «enigmatic». Its use is in a wide value, as ´anything enigmatic, doubtful, unknown, stimulating curiosity; an allegory or hint´, allows to extend an idea about the types of work, based on enigmatic text. Likeness of epigram with the riddle (by classic enigmatic text) shows the single definition formulated on the basis of the educed identical specific signs: small literary genre with a variant or obligatory anthropocentric constituent, the aim of which is evaluation attribution, realized by means of adequate of enigmatic language means.

Key words: epigram, riddle, enigmatic text, invective.

Статтю отримано 21.09.2014 р.

UDC 801.561.3:811.111'23'367

IRYNA B. MOROZOVA,
Doctor of Phil. Sc. (Grand PhD), Full Professor, Chair of English Grammar, Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
tel. +38 050 6572043; e-mail: morpo@ukr.net

«YES» & *«NO»*: EPISTEMIC MODALITY OR MEMORY OF MEANING?

Summary. The present investigation focuses on the remarks that express subjective evaluation in communication and contain or do not contain a predication structure in its traditional understanding of a subject-predicate nexus. The author determines the status of the aforementioned type of utterances with the newly-suggested term «truth-evaluation remarks» and analyses their role in the process of speech interaction of the communicants, paying special attention to the utterances devoid an explicit structure of predication. The whole corpus of truth-evaluation remarks falls into three classes, two of which are polar in their appraising the situation and the third is represented by a class of indefinite remarks. A conclusion is made as to the predominance of non-predication structured utterances for making a truth-evaluation statement within the classes of both positive and negative remarks. However, the quantitative ratio of the remarks in polar classes is not the same, with the positive evaluation utterances cropping by far more often.

From the point of view of information storage and digestion, «*Yes*» and «*No*» represent mathematical absolutes of counter-polarity and function as ready-to-use clichés in speech. The psychological grounding of such truth-evaluation markers lies in the memory of meaning characteristic of human mind and functioning as systemisers of the associations that reflect the object's most important characteristics as taken in by the speaker. In fact, predominance of the non-predication structured utterances over those containing a structure of predication is explained by the absence of necessity to generate new structures of predication with there already existing non-predication structured remarks. The results of the carried-out investigation leads to the conclusion about truth-evaluation statements serving as special language units which provide communicants' feedback and direct the dialogical process, involving mental associations from the memory of meaning.

Key words: truth-evaluation remarks, positive remarks, negative remarks, indefinite remarks, non-predication structured utterances, predication-structured utterances, memory of meaning.

The last twenty years or so have seen a growing interest in the axiological features of creating characters' virtual dialogue. Considering the well-known thesis that «the body of the text is not exclusively linguistic» [4, p. 67], we believe it to be a complicated creation of inter- and extra-linguistic factors influencing speech units organisation of the information space within a meaningful unity. The present work looks at the problem of verbalising the speaker's truth-evaluation of the interlocutor's preceding utterance in terms of confirming or denying information. Our investigation is grounded upon J. Adams's conception which understands literary dialogue as a transformed form of live speech communication brought to the natural intercourse *ad maximum* [1].

As a rule, in the process of dialogisation, the speaker tries to make sure that his/her opponent understands the negotiator clearly and in the right way, and verbally probes the listener so as to clarify whether the information conveyed has been taken at all. As speech is «a multifacet model of developing contacts between people, whereas these contacts are conditioned by the demands of their joined activity» [9, p. 128] one of its functions presupposes confirming or denying the information transmitted in the message.

Entering a process of speech communication, interlocutors pursue the objective of making an influence on each other and see the immediate result of it in the interlocutor's reaction-remark. It is quite evident that any kind of speech interaction implies a certain result, evidently seen in the determined change of all the communicants' inner worlds or at least speech behaviour. In the process of their dialogue intercourse, participants usually try to find out whether the information transmitted has been decoded and whether it has been decoded in the right way.

© Morozova I. B., 2014

This paper sets up a task to find out grammatical ways of possible reactions to the statement made in the dialogue in the aspect of their truth-evaluation. We focus our attention on the non-verbal (non-structured) remarks operating as verbal signals in the dialogue to show the listener's attitude towards the given information. In English, such self-sufficient, maximum-short remarks are mostly expressed by «*Yes*», «*No*» and their derivatives (like «*Yeah*», «*Nay*», «*Nope*» etc) which are termed «truth-evaluation» remarks in our research works and analysed in the framework of the expressed modality.

The urgency of the research undertaken is motivated by the general lingual-and-epistemological topicality of all problems connected with organisation of speech communication, in general, and by the lack of sufficient information as to the ways of objectivising the truth-evaluation remarks, in particular.

The corpus for the analysis includes characters' fictional dialogue from novels of various genres which, taken in equal proportions, will ensure objective results of the research. The material covers over 3,000 examples of original literary adjacent pairs, where reactions to the given stimulus demonstrate an assessment of the source-remark as holding or not holding any truth as the addressee understands it.

A reliable form of checking up how a conversation partner takes in the transmitted message consists in putting the «closed», or «*Yes/No*» questions [10, p. 45].

E. g.:

1) *«You are quite sure Nellie Collins said that?»*
«Yes, Frank.» [25, p. 96]
2) *— Did I hear you right, Mr Berrett?*
— Yes, sir, Dean Thompson. [22, p. 67]
3) *«Oliver, is Jenny hurt?»*
«No, Phil. No.» [22, p. 89].

The underlined remarks in the mini-dialogues above demonstrate the listener's taking in or denying the information conveyed by the speaker.

It is accustomed to believe that the speaker's attitude towards the action or event represented in the statement is shown by different ways of expressing modality. Some scholars (like V. L. Panfilov, 1977 [12]), strictly differentiate between the so-called «objective» and «subjective» modality. However, such subdivision seems in many a case to be unnatural and inappropriate, since any utterance given in a concrete speech situation is believed to express modality from the speaker's point of view *a priori* (N. Belnap & T. Steel, 1981 [3]; L. Progovac, 1993 [6]). Thus, grounding upon there existing open or hidden modality in every remark of the character's dialogue, we consider any modality to be subjective, but «giving the speaker's evaluation of the degree of awareness of the *objectively* existing links as to the degree of trustworthiness of thought appraising the given situation» [12, p. 39] *(italics — I. M.)*.

Supporting the position suggested by I. Belyaieva [7, p. 36], we believe subjective evaluation remarks to fall into two classes representing subjective evaluation remarks of two different ranks, i.e. subjective evaluation remarks of the first rank (SER 1) and subjective evaluation remarks of the second rank (SER 2). SER 1 here encompass utterances of primary explication, marked as «positive», «negative,» and «unclear» (the latter occupying an intermediate position on the scale of modality). SER 2, on the contrary, demonstrate the speaker's secondary verbalisation of his/her approval (or disapproval) of the object of speech and are used when the speaker delves into the core of his/her attitude towards the object under consideration.

Hence, we are bound to say that SER 1 are characterised by their reactionary nature and operate as part of a replying speech move on the part of the speaker. At the same time, any speech interaction, after G. Kuchinsky [8], can be brought to the following three types:

1) statement — reaction;
2) interrogative — reaction;
3) imperative — reaction.

As shown by the results of our analysis, SER 1 can function as a replying reaction to any of the three types enumerated above, defining the character of the addressee's answer to the given stimulus.

It is quite clear that very often communicative reactions are likely to differ from those expected by the speaker. This phenomenon depends upon different factors, both personal and posed by the circumstances, such as the interlocutor's disposition at the moment, his/her willingness or unwillingness to continue the conversation, his / her ignorance or lack of competence etc.

Before putting a question, the speaker tries to foresee the addressee's reaction in the way most satisfying or beneficial for him/herself. In fact, the situation of communication, as well as its efficiency, is frequently predetermined by the initiator of the talk. Hence, if planned psychologically correctly and correspondingly well-verbalised, the dialogue will take place in a friendly atmosphere and reactionary remarks will satisfy the speaker.

E. g.:
1) — *Have you anything else to say?*
— *Yes [23, p. 68].*
2) — *You haven't got neuralgia, have you?*
— *No* [23, p. 43].
3) — *Do you mean you want to buy one of our cars?*
— *Yes* [15, p. 45].

If a person initiating a conversation is tactless and violates the norms of he speech etiquette observed in the given society, if the psychological relations between the interlocutors are hostile, or if there takes place a hot argumentation in the conversation (and such situations are quite numerous), the expected reaction to the stimulus is in most cases impossible to obtain. In lots of such conversational situations, the dialogue may die away, having hardly begun. However, unfortunately the actual process of thinking does not always go hand in glove with the black-and-white mathematical logic.

Every time entering a conversation and waiting for the reaction to an informative stimulus, one faces the following question: what kind of logic is to be chosen to evaluate a thought? We argue that it depends on the communicants' intentions, in the first place, and on the speech situation, in the second.

With the stimulus structured or brought out incorrectly, or with the interlocutor willing to dodge and to avoid a concrete «*Yes*» or «*No*» type answer, there opens a field of multivalent modality for the reaction remark to be built up. The scale of modality here highlights various shades of indefinency (uncertainty), starting from remarks like «*Most probably*» and «*Perhaps, yes*», and going on to «*Maybe not*» and «*Quite unlikely*». As a side note, it should be mentioned that besides the already mentioned, there also exist epistemic modalities working in the context of ideas: «*I think», «I believe», «I guess*» etc, varying from entire certainty to absolute uncertainty [3, p. 79].

The selected corpus of examples demonstrates that not only indefinite reactions can be verbalised variously, but also the universally considered definite answers «*Yes*» and «*No*». We have found out that the positive reaction «*Yes*» correlates with the predication-structured sentences of the type «*I agree», «Settled»* (elliptical from → *«It is settled»*), *«All right»* (elliptical from → «*It is all right*») etc, and non-predication structured sentences like *«Certainly», «Of course», «OK»* [11, p. 248—249].

In its turn, the negative reaction «*No*» also has its predication and non-predication structured analogues, i. e. *«Nay», «Nope», «Nah»* — non-predication structured sentences, and *«I disagree», «Won't do»* (elliptical from → *«It won't do»*), «*Never*» (elliptical from → *«I will never do it»*) — predication structured sentences.

E. g. :
1) *Did you mean it when you said she wouldn't have a job?*
— *Of course* [20, p. 22].

The non-predication-structured remark is communicatively equivalent to the positive «*Yes*»-reaction and expresses agreement with the interlocutor.

2) — *Has it occurred to you that I may be proud too?*
— *Nonsense* [16, p. 45].

The replying remark «*Nonsense*» is actually an ellipticised version of the predication-structured sentence → *«It is nonsense»* and coincides communicatively with the negative reaction *«No»*.

As for the interlocutor's indefinite position, we have again spotted there both predication and non-predication structured utterances.

Grounding upon mathematical regularities, J. Lyons deduced the following syntactic formula:

$$S_{1-} \neq S_{2+},$$

where S_{1-} stands for a negative sentence, and S_{2+} for a positive one. The author claims that if sentence 1 explicitly or implicitly contradicts sentence 2, then statements 1 and 2 contradict each other [5, p. 483]. The given formula may serve as a basis for the next two formulas:

1. $S_{1+} = S_{2+}$.
2. $S_{1-} = S_{2-}$.

Hence, *«Yes»*, used as a reply, demonstrates that the other communicant entirely supports his/her interlocutor's position, and the whole scheme of question-and-answer talk stipulates the continuation of conversation.

On the other hand, «*No*» operates as a negative reaction to the affirmative statement and as a positive answer to negation. It goes without saying that permanent disagreement with one's interlocutor brings a conversation to its logical end, or communicative deadlock.

Positive answers give grounds to prolonging the information-exchange process and favour the development of the conversation. Experts on business negotiations even recommend that one should purposely put questions with the already loaded positive answers when opening a business talk [10, p. 68]. Taking in the partner's position in trifles, the interlocutor may count on his/her support in more complicated situations.

The quantitative analysis of the primary corpus of the actual material demonstrated a considerable prevalence of positive replies to the given stimulus over their negative counterparts (67.5 % to 21.1 %, correspondingly). Within each of these polar classes, domination of the non-predication-structured sentences is quite evident (see fig. 1). The latter amount to 2/3 of all remarks of the type analysed. The situation within the class of «Indefinite Remarks» is just the opposite. Comprising about 1/5 of the truth-evaluation remarks, they are represented both by predication-structured and non-predication structured remarks, with the slight overbalance of the former (6.9 % and 4.5 %, correspondingly).

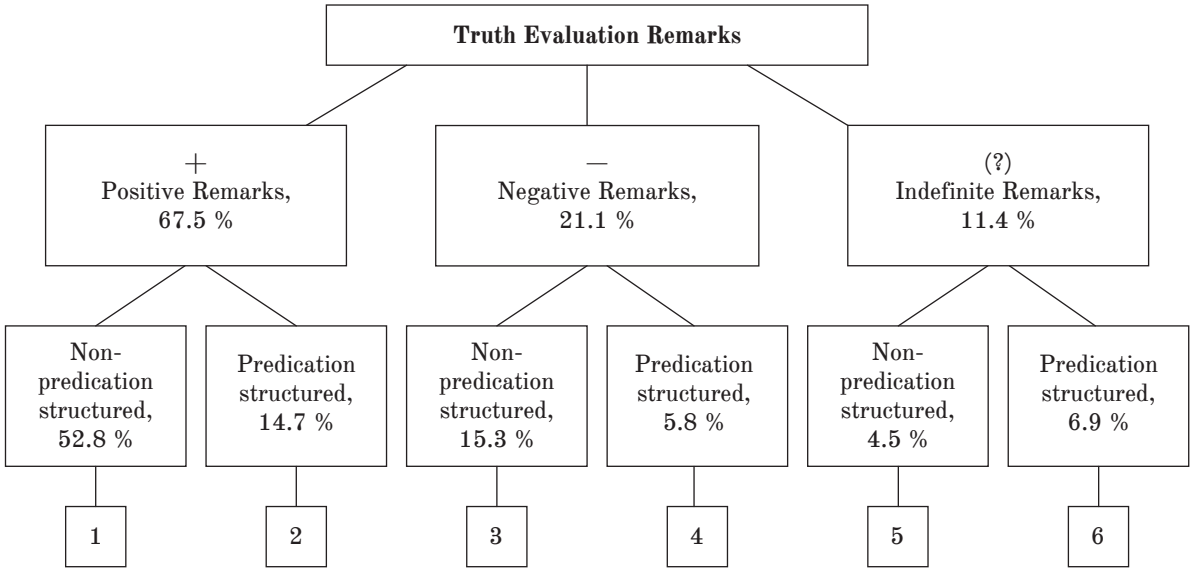


Fig. 1. Truth-evaluation remarks taxonomy

Examples to figure 1:

1. Non-predication structured positive remarks.

1) — *Will you help me?*

— *Yes, m'am* [13, p. 52].

The porter agrees to help a lady carry her suitcase, thus using a non-predication structured remark.

2) *«Was he at the inquest?»*

«Certainly» [15, p. 30].

The man confirms the fact that the inspector was present at the inquest in the Bureau, using an analogue of *«Yes»*, another positive non-predication structured statement.

2. Predication structured positive remarks.

1) *«Are you sure he did not know?»*

«Sure» [19, p. 18].

The answer is positive and represents an elliptical sentence which can easily be restored from the context: *«Sure.» → I'm sure.*

2) — *You will be there by noon?*

— *All right* [24, p. 50].

Another elliptical sentence made complete by mere transformational operations: *«All right.» → It is all right.*

3. Non-predication structured negative remarks.

1) — *Did you sign the cheque for those shares? — Max asked.*

— *No* [21, p. 23].

The underlined remark is a negative answer given by means of a negative truth-evaluation remark *«No»*, an archetype of its class.

2) — *He's in hospital in Cuzco, I suppose?*

— *Nope* [16, p. 26].

Being another variant of *«No»*, *«Nope»* belongs to the same group of non-predication structured negative remarks.

4. Predication structured negative remarks.

1) *«Here, take yours price».*

«Rubbish» [14, p. 39].

Contextually-restored to the non-elliptical sentence → *It's rubbish*, the answer is a predication structured utterance and does not express the literal nominative meaning '*garbage*', but brings to naught the interlocutor's initial statement, metaphorically likening its sense to cast things and nonsense.

2) *— Will you try again?*

— I won't [20, p. 71].

The underlined sentence is elliptical due to the predicate's part missing and, restored to → *I won't try*, shows negation.

5. Non-predication structured remarks giving no definite truth-evaluation.

1) *«But what about your present member? Is he going to retire?»*

«Perhaps» [17, p. 44].

«Perhaps» represents a non-predication structured statement which cannot be ascribed to either positive or negative truth-evaluation remarks.

2) *— Will Uncle Bob come?*

— Well. He seldom goes out [19, p. 68].

The non-predication structured *«Well»* does not give any information as to the interlocutor's opinion about uncle Bob's possible visit, and though furnished with a doubtful *«He seldom goes out»*, does not provide a negative answer.

6. Predication structured remarks giving no definite truth-evaluation.

1) *— Is she a private detective?*

— God knows [15, p. 52].

The sentence is non-elliptical and bears a complete subject-predicate nexus, but gives no definite information as to the listener's agreement or disagreement with the inference about the girl's professional occupation.

2) *— Is she your teacher?*

— She might be [18, p. 38].

The predication structured sentence expresses doubt, but gives no definite answer to the question.

The established regularity points to deep psychological processes which take place in human mind and are reflected not only on the level of cognition, but on the level of language and speech as well. Taken from the point of view of information storage and digestion, *«Yes»* and *«No»* correspond to absolute values in mathematics. In speech, they function as clichés, ready-to-use markers psychologically based upon «memory of meaning», generalising and systematising associations which reflect the most important and essential aspects of the object and the way it is treated by the speaker [2, p. 54]. Hence, we can claim that meaning relations between an object of thought reference and its treatment by the speaker are fixed in human mind and marked, depending on the speaker's attitude, as (+)/(—).

These mental associations are reflected on the level of language by a special group of positive/negative reactionary units: *«Yes»* and *«No»* and their equivalents. It being so, there's actually no practical need to coin up new reactionary clichés on the level of predication structure. As for the indefinite remarks, it is every time necessary in conversation to formulate the exact degree of the indefinency (uncertainty) of the statement, which demands a certain creativity of mind, e. g. *«I don't know» / «I can't say» / «I am not sure» / «It depends»* etc. Those and other reactionary remarks of indifference vary in the communicative sense and are represented by syntactically different sentences.

To conclude, we must say that the results of analysis prove truth-evaluation remarks to serve as special language units which provide an information-confirming or information-denying feedback from the listener and direct the dialogical process on the whole by means of involving mental associations of the memory of meaning.

References

1. *Adams J.-K.* Pragmatics and Fiction / Adams J.-K. — 2nd ed. — Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 2005. — 89 p.

2. *Atkinson D.* Psychological associations as the Mind Basis / Atkinson D. — Ldn ; NY, 1998. — 280 p.

3. *Belnap N. D.* The logic of questions and answers / N. D. Belnap, T. B. Steel. — Yale : Yale University Press, 1977. — 176 p.

4. *McGann J. J.* Textual Condition / Jerome J. McGann. — Princeton : Princeton University Press, 1991. — 226 p.

5. *Lyons J.* Semantics : in 2 vol. / J. Lyons. — Cambridge : CUP, 1977. — Vol. 2. — 540 p.
6. *Progovac L.* Linguistics and philosophy / L. Progovac. — Wayne State University, 1993. — 227 p.
7. *Беляева И. А.* Высказывания субъективной оценки в формировании линии коммуникации «вопрос — реакция на него» / И. А. Беляева // Вісник Харківського державного університету. — Х. : Константа, 1995. — № 384. — Т. 1. — С. 34—37 (Beliaeva I. A. Vyskazyvanija sub'jektivnoj ocenki v formirovanii linii kommunikacii «vopros-reakcija na nego» / I. A. Beliaeva // Visnyk Harkivs'kogo derzhavnogo universytetu. — H. : Konstanta, 1995. — № 384. — T. 1. — S. 34—37).
8. *Кучинский Г. М.* Диалог в процессе совместного решения мыслительных задач / Г. М. Кучинский // Проблема общения в психологию. — М. : Наука, 1981. — С. 92—121 (Kuchinskij G. M. Dialog v processe sovmestnogo reshenija myslitel'nyh zadach / G. M. Kuchinskij // Problema obshhenija v psihologiju. — M. : Nauka, 1981. — S. 92—121).
9. *Леонтьев А. А.* Психология общения / А. А. Леонтьев. — М. : Академия ; Смысл, 2008. — 368 с. (Leont'ev A. A. Psihologija obshhenija / A. A. Leont'ev. — M. : Akademija ; Smysl, 2008. — 368 s.).
10. *Мицич П.* Как проводить деловые беседы / П. Мицич. — М. : Экономика, 1983. — 208 с. (Micich P. Kak provodit' delovye besedy / Micich P. — M. : Ekonomika, 1983. — 208 s.).
11. *Морозова І. Б.* Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові : монографія / І. Б. Морозова. — Одеса : Друкарський дім, 2009. — 384 с. (Morozova I. B. Paradygmatychnyj analiz struktury i semantyky elementarnyh komunikatyvnyh odynyc' u svitli geshtal't-teoriji v suchasnij anglijs'kij movi : monografija / I. B. Morozova. — Odesa : Drukars'kyj dim, 2009. — 384 s.).
12. *Панфилов В. З.* Роль модальности в конституированности предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. — 1977. — № 4. — С. 37—48. (Panfilov V. Z. Rol' modal'nosti v konstituirovannosti predlozhenija i suzhdenija / V. Z. Panfilov // Voprosy jazykoznanija. — 1977. — № 4. — S. 37—48).

* * *

13. *Armstrong Ch.* The Witch's House / Armstrong Ch. — London : Intl Polygonics Ltd, 1993. — 253 p. — (Library Crime Classics).
14. *Brett R.* A Cottage in Spain / Brett R. — London : Mills and Boon, 1975. — 187 p.
15. *Christie A.* The Mirror Crack'd from Side to Side / Christie A. — London : HarperCollins Publishers Ltd, 2006. — 256 p. — (Crime Club Choice).
16. *Gray J.* Garden of the Sun / Gray J. — Toronto, Winnipeg : Harlequin Books, 1983. — 191 p.
17. *Haning B.* Track the Man Down / Haning B. — N. Y. : Belmont Tower Books, 1997. — 192 p.
18. *Holt V.* The Shivering Sands / Holt V. — London : Collins/Fontana Books, 1972. — 320 p.
19. *Kendrick M.* The Curse Of Set-Ra-Kahtep / Kendrick M. — London : G. Swan, 1988. — 200 p.
20. *Murray V.* The Age of Consent / Murray V. — London : Collins/Fontana Books, 1969. — 127 p.
21. *Neville M.* Murder in Rockwater / Neville M. — London ; Glasgow : Collins/Fontana Books, 1988. — 184 p.
22. *Segal E.* Love Story / Segal E. — Avon, 2012. — 224 p.
23. *Shaw G. B.* John Bull's other island / Shaw G. B. — Echo Library, 2006. — 80 p.
24. *Tuttle W. C.* The Valley of Suspicion / Tuttle W. C. — N. Y. : Bantam Books, 1988. — 143 p.
25. *Wentworth P.* She came back / Wentworth P. — HarperPrism, 2004. — 256 p.

МОРОЗОВА Ірина Борисівна,
доктор філологічних наук, професор кафедри граматики англійської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: morpo@ukr.net; тел. +38 050 6572043

«YES» ТА *«NO»*: ЕПІСТЕМІЧНА МОДАЛЬНІСТЬ ЧИ СМИСЛОВА ПАМ'ЯТЬ?

Анотація. У фокусі запропонованого дослідження знаходяться висловлювання, що виражають суб'єктивну оцінку в процесі комунікації, маючи або не маючи при цьому структури предикації в її традиційному розумінні як підметово-присудкового нексуса. Автор вводить для визначення статусу вказаного типу реплік термін «істинно-оцінні висловлювання» і аналізує їх роль у процесі мовленнєвої взаємодії комунікантів, приділяючи особливу увагу висловлюванням, позбавленим безпосередньо вираженої в них структури предикації. Підрозділяючи корпус істинно-оцінних висловлювань на три класи, два з яких є полярними за оцінкою, а останній є класом висловлювань невизначеної оцінки, робиться висновок про переважання саме непредикатних структур при вираженні істинної оцінки судження у класах як позитивно-, так і негативно-оцінних висловлювань. При цьому кількісне співвідношення висловлювань у полярних класах не є рівним, з явним перевищенням позитивно-оцінних реплік.
З точки зору зберігання і переробки інформації, *«Yes»* і *«No»* відповідають математичним абсолютам протилежної полярності і функціонують під час розмови як кліше, готові для використання. Психологічна основа таких істинно-оцінних маркерів лежить у властивій людині смисловій пам'яті, що служить для систематизації асоціацій, які відбивають найважливіші характеристики об'єктів та їх сприйняття мовцем. Фактично, переважання структурно-непредикатних висловлювань над структурно-предикатними пояснюється саме відсутністю необхідності породжувати нові предикатні структури при існуванні вже готових структурно-непредикатних. Виходячи з результатів проведеного аналізу, автор приходить до висновку, що істинно-оцінні висловлювання служать особливими мовними одиницями, які забезпечують зворотний

зв'язок між комунікантами і задають діалогу необхідний напрям, зачіпаючи ментальні асоціації смислової пам'яті людини.

Ключові слова: істинно-оцінні висловлювання, позитивні висловлювання, негативні висловлювання, невизначені висловлювання, структурно-непредикатні висловлювання, структурно-предикатні висловлювання, смислова пам'ять.

МОРОЗОВА Ирина Борисовна,
доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики английского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: morpo@ukr.net; тел. +38 050 6572043.

«YES» И *«NO»*: ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ИЛИ СМЫСЛОВАЯ ПАМЯТЬ?

Аннотация. В фокусе предложенного исследования находятся высказывания, выражающие субъективную оценку в процессе коммуникации, обладая или не обладая при этом структурой предикации в её традиционном понимании как подлежащно-сказуемостного нексуса. Автор вводит для определения статуса указанного типа реплик термин «истинно-оценочные высказывания» и анализирует их роль в процессе речевого взаимодействия коммуникантов, уделяя особое внимание высказываниям, лишённым непосредственно выраженной в них структуры предикации. Подразделяя корпус истинно-оценочных высказываний на три класса, два из которых являются полярными по выражаемой ими оценке, а последний представляет собой класс высказываний неопределённой оценки, делается вывод о превалировании именно непредикатных структур при выражении истинной оценки суждения в классах как положительно-, так и отрицательно-оценочных высказываний. При этом количественное соотношение высказываний в полярных классах не является равным, с явным превышением положительно-оценочных реплик.

С точки зрения хранения и переработки информации, «*Yes*» и «*No*» соответствуют математическим абсолютам противоположной полярности и функционируют в речи как клише, готовые для использования. Психологическая основа таких истинно-оценочных маркеров лежит в присущей человеку смысловой памяти, служащей для систематизации ассоциаций, отражающих важнейшие характеристики объектов и их восприятие говорящим. Фактически, превалирование структурно-непредикатных высказываний над структурно-предикатными объясняется именно отсутствием необходимости порождать новые предикатные структуры при наличии уже готовых структурно-непредикатных. Исходя из результатов проведённого анализа, автор приходит к выводу, что истинно-оценочные высказывания являются особыми языковыми единицами, которые обеспечивают обратную связь между коммуникантами и задают диалогу необходимое направление, затрагивая ментальные ассоциации смысловой памяти человека.

Ключевые слова: истинно-оценочные высказывания, положительные высказывания, отрицательные высказывания, неопределённые высказывания, структурно-непредикатные высказывания, структурно-предикатные высказывания, смысловая память.

Статтю отримано 28.10.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, ОНОМАСТИКИ І ФРАЗЕОЛОГІЇ

УДК 811.161.2’373.47/.74’371(1)

РОМАНЮК Людмила Вячеславівна,
кандидат філологічних наук, викладач іноземної мови Донецького національного університету;
Вінниця, Україна;
e-mail: lvs1501@ukr.net; моб. +38 097 0296567

СТИЛІСТИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА ЕКСПРЕСИВНОСТІ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ ІЗ ЗНАЧЕННЯМ ЛОКАТИВНОСТІ

Анотація. Стаття присвячена проблемам дослідження категорії локативності, яка визначена як мовно-культурна константа, один з провідних формантів мовно-культурної картини світу українців. Фразеологія вербалізує насамперед абстракції, чуттєві уявлення, природні явища, світоустрій — це уявлення про час і простір, живе та мертве, добро та зло. Експресивність розглядається як засіб інтенсифікації сили та виразності архісеми «простір», застосовуваної у фразеології сучасної української літературної мови. До таких абстрактних уявлень зараховується і категорія локативності. Особливе місце у дослідженні відведене художньо-стилістичним засобам творення фразеосемантичної групи локативності. Також увага приділена іронії, гумору та жарту, що визначають національну своєрідність мовно-культурного простору буття українців.
Ключові слова: експресивність, стилістика, фразеологізм, фразеосемантична група, локативність.

Аномальність знакової природи та структури фразеологізмів визначає їх стилістичний потенціал як активних елементів картини світу на мовному рівні, оскільки фразеологічні одиниці (ФО) — це результат непрямої вторинної номінації, вторинні вербальні знаки. В. М. Телія зазначає: «...фразеологізми слід розглядати як знаки, що мають свою особливу природу, а це означає — у них слід виявити властивості, що пояснюють їхні ролі та функції в мові, дати відповідь на запитання: якими перевагами наділений фразеологічний знак порівняно з іншими (зокрема і насамперед лексемами), котрі забезпечують їх сприйняття за аномальності знакової структури» [6, с. 55]. Цей аспект буття фразеологізму визначає особливості його стилістичного маркування, що й становить актуальність описуваної у статті наукової проблеми.

Як відомо, концептуальна картина світу реалізується у мові через новий класифікувальний сценарій значення, де у складі вторинного знака (фразеологічної одиниці) співіснують дві структури знання: *категоризувальні* та *ситуативні* (з певними конотаціями): «Ідіоматичні вислови не описують навколишній світ — вони тільки класифікують те, що означують, а номінативність виявляється у внутрішній формі ФО тільки як тема, оформлена через інше означуване (вторинне), властивості якого вибрані через метафоризацію, символьне маркування» [6, с. 175]. Фразеологізм стає одночасно і суб’єктом, і предикатом процесу семіотичної номінації. Ідіоматика в такому аспекті сприймається як результат категоризації навколишнього світу через процеси семантичної категоризації, експлікацію та імплікацію значень слів, а також тлумачення та пізнання конкретно-чуттєвої буттєвості. Наявність ситуативних фразеологізмів спричиняє стилістичну диференціацію ФО, у тому числі й архісеми локативності.

Однією з провідних ознак фразеологізму є експресивність. Семантичної транспозиції зазнають такі об’єкти, які вимагають інтенсифікації виразності, емоційності, експресивності. Часто рівень абстрактності об’єкта означування настільки високий, що вимагає вторинної номінації з метою пояснення, визначення певних конотацій.

Значний внесок у розробку теорії і практики сучасної фразеології зробили такі лінгвісти, як В. Л. Архангельський, О. В. Кунін, В. М. Телія, В. П. Жуков, М. М. Шанський, В. М. Мокієнко, В. В. Виноградов, А. І. Молотков, а також вітчизняні вчені — О. В. Скиба, Ю. Ф. Прадід, М. М. Пазяк, В. В. Жайворонок та ін. Слід зазначити, що лише незначна кількість праць присвячена дослідженню фразеологічного складу української мови у світлі лінгвістичної прагматики (О. В. Виноградова, О. О. Селіванова, В. Д. Ужченко, І. Б. Іванова).

Стилістичні особливості ФО розглядалися у працях В. М. Мокієнка, В. Д. Ужченка, Д. В. Ужченка, В. М. Телія. Дослідники вказували на труднощі систематизації, стилістичні розбіжності тлумачень, оскільки інтегральну стилістику ФО виявити важко саме через значний прагматичний потенціал фраземи, його динамічність.

 © Романюк Л. В., 2014

Провідною метою статті є визначення стильової належності експресивності в межах фразеосемантичного поля локативності у фразеології сучасної української мови.

Фразеологія обслуговує переважно сферу абстракцій, почуттів, станів і явищ природи, таких як час і простір, життя і смерть. Для фраземи експресивність — це онтологічна риса, яка визначає її прагматичний потенціал на рівні стилістики. Фразеологізм призначений забезпечувати особливий зв'язок між комунікантами — передавати емоцію, суб'єктивну оцінку фактів дійсності, підсилювати логічний та емоційний зміст висловлення. Фразеологізм є засобом суб'єктивного увиразнення мови [8, с. 23], який етнічно, культурно, соціально маркує текст. Фразеологічний вираз не номінує, однак через образність внутрішньої форми дає оцінну характеристику, визначає ставлення мовця до об'єкта номінації. Оцінна функція ФО, яскрава конотація визначають особливу природу фразеологізму, яка полягає в наданні емоційно-оцінного звучання висловленому, формуванні образності, експресивності, визначенні суб'єктивного компонента текстотворення.

Отже, до чинників фразеологічної вербалізації можна зарахувати художньо-стилістичні засоби, наприклад: гіперболу (*без кінця-краю* [10, с. 376], *відкривати Америку* [10, с. 14], *аж Москву видно*); літоту (*миша не пролізе* [10, с. 489], *один крок* [10, с. 401], *висіти на волосинці* [10, с. 144]); метафору (*пускати з торбою по миру* [10, с. 488], *перевернути догори коренем* [10, с. 390], *кидатись на всі боки* [10, с. 370], *від Альфи до Омеги* [10, с. 14]); іронічне зіставлення, паралелізм (*добре — як мусі в меду* [10, с. 513]); порівняння (*як бобер в салі* [10, с. 67], *як вареник у сметані* [10, с. 67]). Із цією метою використовується антитеза у складі ФО (*ложка дьогтю в бочці меду* [10, с. 482], *і там і сям* [10, с. 877], *там де сядеш, там і злізеш*); культурно марковані вислови-каламбури (*за тридев'ять земель* [10, с. 895]; *тридесяте царство* [10, с. 895]); прозорі та завуальовані евфемізми (*високо тримати прапор* [10, с. 895], *скакати в гречку* [10, с. 793], *ставати на рушник* [10, с. 840]).

В. Д. Ужченко та М. Л. Коломієць зазначають: «Експресивність — це обумовлені образністю, інтенсивністю чи емоційністю виразово-зображувальні властивості фразеологізму; це сама інтенсифікована виразність як інгерентна риса ФО, що підтримує загострену увагу, активізує мислення людини, викликає напругу почуттів у слухача (читача)» [7, с. 24]. Дослідники вважають, що сферою використання фразеології є емоція.

Проблема стилістичного маркування, стильової належності фразеологізмів безпосередньо пов'язана з експресивністю фразеологічної одиниці. Наприклад: *від Альфи до Омеги (книжн.)* [10, с. 14], *від Аза до Іжиці (книжн.)* [10, с. 19], *як баран в аптеці (зневажл.)* [10, с. 23], *як билина в полі* [10, с. 27], *медові та молочні ріки (нар.-поет.)* [10, с. 504].

Не менш важливою характеристикою експресивності ФО є компаративність. Генетична близькість із метафорою визначає потенціальну можливість фразеологізму ставати компаративом. В. Д. Ужченко та Д. В. Ужченко зазначають: «Домінантною ознакою створення експресивності є тісно пов'язана з метафоричністю формально виражена або не виражена компаративність» [7]. Наприклад: *як з дикого лісу вискочив, як на блюдечку* [10, с. 34], *будувати на піску* [10, с. 47].

Естетизм ФО — потенційно закладена можливість надавати естетичну насолоду мовцеві. Фразеологізми приносять естетичну насолоду, пробуджують діяльність уяви й викликають переживання у слухачів. Над цією проблемою працює О. І. Федоров, розглядаючи сибірську діалектну фразеологію. Питання естетичності фразеологізмів досліджувалося також В. В. Жайворонком [1], В. А. Масловою [2], В. М. Телією [6] та ін.

Стильова організація фразеосемантичних мікрополів локативності залежить також від кількості й характеру фразеологізованих кліше з відповідною семантикою. За О. О. Селівановою, кліше — стандартні, відтворювані засоби мовлення, які регулярно повторюються у певних контекстах і слугують ознаками певного стилю або мовленнєвого акту (привітання, вдячності, вибачення, резолюції на документах тощо) [4, с. 209]. Кліше виконують функції економії мовленнєвих зусиль, забезпечують успішне функціонування певних жанрів. Вони можуть перетворюватися на штампи у разі постійного використання їх у нетипових контекстах. Можливості для стилістичного вибору фразеологізмів виникають через існування оцінного значення, яке об'єднує фразеологізми за принципом оцінки. Фразеологія із семантикою локативності має значний потенціал як засіб створення заданого стилістичного ефекту. Джерельна база ФО локативності є багатою (метафоричне переосмислення власних мовних одиниць, запозичені та власні міфологічні мотиви, художня література, крилаті вислови тощо), а стилістичний потенціал фразеологізмів зі значенням просторовості є широким.

Безумовно, фразеологізм належить до текстотворчих стильових засобів із заданим стилістичним ефектом. Однак у фразеосемантичному полі локативності є фразеологізми з обмеженим стильовим потенціалом. Наприклад, у науковому стилі текстотворчими є фразеологізми: *адамове яблуко, мережі Штейнера, точка відліку*; в офіційно-діловому стилі — *країна перебування, з одного боку, з іншого боку, відповідно до, зазначене вище, зазначене нижче.*

У структурі фразеосемантичних мікрополів локативності є фразеологізми, здатні диференціюватися в межах одного стилю за стилістичним значенням. Наприклад, виділяються книжні, поетичні, урочисто-піднесені, високі ФО: *Земля обітована* — «благородний край, де панує достаток; місце заповітної мрії, пристанище; сподівана мета» [10, с. 263]*; бочка Данаїд* [10, с. 220], *геростратові лаври* [10, с. 408], *спочивати на лаврах* [10, с. 408], *розтікатися мислями по древу* [10, с. 489] — «довго розумувати або розповідати про що-небудь дуже детально, докладно». Усі названі ФО джерельною базою мають релігійні образи, образи античної, європейської та східної міфології.

Книжний фразеологізм *осідлати Пегаса* — «навчитися писати поетичні твори, стати поетом»: *Думається мені: коли такий наш фатум неминучий, то даремне і тікати від нього, а хто не хоче коритись, нехай осідлає... (Леся Українка)* [10, с. 469]. У словнику такий фразеологізм має позначку «жартівливий», тобто можливим є використання запозичених міфологічних образів для формування оцінки іронії та гумору, що розширює стильове значення подібних фразеологізмів.

Велика кількість фразеологізмів просторового значення належить до усно-розмовної фразеології, наприклад, зневажливе *зіграти в ящик* [10, с. 264] — «померти» (*Був колись такий тип у Сміянах. Та вже давно, як кажуть сучасні дотепники, зіграв в ящик* (О. Бердник)). *Знати, де раки зимують* [10, с. 268] — «маючи неабиякий досвід, вміти добре розбиратися в ситуації, бути хитрим, спритним». *Один одному (прямо) на голову лізуть* — «велика кількість кого-небудь» (*Людство до біса розплодилось, аж страх бере. Один одному прямо на голову лізуть* (Переклад С. Масляка) [10, с. 460]).

Такі ФО мають зневажливо-знижене експресивне забарвлення, відповідне стилістичне використання, створюючи ефект фамільярності, народності, простоти й оцінки, наприклад: *іди (собі) к бісовому батькові (к нечистій матері)* — вживається для вираження почуттів гніву на кого-небудь, незадоволення кимось (*Іди ти к бісовому батькові, — одрубав Чіпка та й пішов сам до хати* (П. Мирний) [10, с. 275]). *Іди собі на всі чотири вітри (на всі чотири боки)* — уживається для вираження злості, обурення, незадоволення, роздратування... (*А йдіть ви собі на всі чотири вітри, бо, їй богу ж, битиму! — крикнув він* (М. Коцюбинський) [10, с. 275]). *Хоч до біса у пекло* — «куди завгодно, у найнебезпечніше місце» [10, с. 487].

Фразеологічна вербалізація локативності відбувається також із використанням іронічних оцінних маркерів. Специфіка іронії як стилістичного прийому вимагає використання неізосемантичних структур, де семантика локативності є неосновною, наприклад: *знаходити сокиру під лавкою* — «відкривати для себе те, що для інших (для більшості людей) давно відоме» [10, с. 270]. (*Знайшли? — скептично глянув на дітей бакенщик. — Сокиру під лавкою! Та про цей будинок я вже стільки років знаю!* (Ю. Мокрієв)). *Один від одного недалеко відбігли (відскочили, відбіг)* — «невелика різниця між ким-небудь у чомусь» (*Вони один від одного недалеко відбігли*) [10, с. 461]).

Особливе значення в українській фразеології належить гумору та жарту, що номінується ФО зі значенням просторовості, наприклад: *у бога теля з'їсти* — «провинитися у чомусь; бути гіршим за інших» (*Що ж то я у Бога теля з'їв, чи як, що мені гріх за труди взять?* [10, с. 266]). *Один на одному сидять* — «багато когось, чогось; дуже тісно, густо» (*За ложі ми вже нічого не кажемо: там, як ото говорять,...* [10, с. 460]). *Параграф безсловесний* — «службова особа, яка виконує свої обов'язки формально, на шкоду справі, бюрократ» (*Часом хотілося заволати по-армійському: Встать! Крикнути у заклопотану і відгодовану пику: Пацюк ти канцелярський, параграф безсловесний, чорнильна душа!* (В. Большак)). *По марусин поясок* — «до смужки на келихові, чарці, склянці; трохи неповний» *(Випий по марусин поясок)* [10, с. 554]).

Зважаючи на все зазначене вище, слід зробити висновок, що в сучасній українській мові стилістичний потенціал фразеологізмів зі значенням просторовості є багатим та невичерпним, питання про стилістичну приналежність залишається відкритим і перспективним у дослідженні.

Література

1. *Жайворонок В. В.* Українська етнолінгвістика / В. В. Жаворонок. — К. : Довіра, 2007. — 262 с.
2. *Маслова В. А.* Культурно-национальная специфика русской фразеологии / В. А. Маслова // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках : [сб. ст.] / РАН, Ин-т языкознания. — М., 2004. — С. 69—73.
3. *Мокиенко В. М.* Фразеология в контексте субкультуры : (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Фразеология в контексте культуры : [сб. ст.] / РАН, Ин-т языкознания, Проблем. группа Общ. Фразеология ; отв. ред. В. Н. Телия. — М., 1999. — С. 80—85.
4. *Селіванова О.* Сучасна лінгвістика : термінолог. енцикл. / О. Селіванова. — Полтава : Довкілля ; К., 2006. — 716 с.

5. *Словник фразеологізмів української мови* / уклад. В. М. Білоноженко [та ін.]. — К. : Наук. думка, 2003. — 1098 с. — (Словники України).
6. *Телия В. Н.* Фразеологизмы / В. Н. Телия // Лингвистич. энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 560.
7. *Ужченко В. Д.* Фразеологія сучасної української мови : навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. — К. : Знання, 2007. — 494 с.
8. *Українська мова* : енциклопедія / редкол.: В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк [та ін.]. — [2-е вид., випр. і доп.]. — К. : Укр. енцикл. ім. М. П. Бажана, 2004. — 824 с.
9. *Фёдоров А. И.* Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX в. / А. И. Фёдоров. — Новосибирск : Наука, 1973. — 171 с.
10. *Фразеологічний словник української мови.* — К. : Наук. думка, 1993. — 984 с.

References

1. *Zhajvoronok V. V.* Ukrajins'ka etnolinhvistyka / V. V. Zhavoronok. — K. : Dovira, 2007. — 262 s.
2. *Maslova V. A.* Kulturno-natsionalnaja spetsifika russkoj frazeologii / V. A. Maslova // Kulturnyje sloi vo frazeologizmah i v diskursivnyh praktikah : [sb. st.] / Ros. akad. nauk, In-t jazykoznanija. — M., 2004. — S. 69—73.
3. *Mokienko V. M.* Frazeologija v kontekste subkultury : (frazeologija v zhargone i zhargon vo frazeologii) / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina // Frazeologija v kontekste kultury : [sb. st.] / Ros. akad. nauk, In t jazykoznanija, Problem. gruppa Obsch. Frazeologija ; otv. red. V. N. Telija. — M., 1999. — S. 80—85.
4. *Selivanova O.* Suchasna linhvistyka : terminoloh. entsykl. / O. Selivanova. — Poltava : Dovkillia ; K., 2006. — 716 s.
5. *Slovnyk frazeolohizmiv ukrayins'koyi movy* / uklad. V. M. Bilonozhenko [ta in.]. — K. : Nauk. dumka, 2003. — 1098 s. — (Slovnyky Ukrajiny).
6. *Telija V. N.* Frazeologizmy / V. N. Telija // Lingvistich. entsikl. slov. / gl. red. V. N. Jartseva. — M. : Sov. enciklopedija, 1990. — S. 560.
7. *Uzhchenko V. D.* Frazeolohija suchasnoji ukrajins'koji movy : navch. posib. dlia stud. vyshch. navch. zakl. / V. D. Uzhchenko, D. V. Uzhchenko. — K. : Znannia, 2007. — 494 s.
8. *Ukrajins'ka mova* : entsyklopedija / redkol.: V. M. Rusanivs'kyj, O. O. Taranenko, M. P. Ziabliuk [ta in.]. — [2-e vyd., vypr. i dop.]. — K. : Ukr. entsykl. im. M. P. Bazhana, 2004. — 824 s.
9. *Fedorov A. I.* Razvitie russkoy frazeologii v kontse XVIII — nachale XIX v. / A. I. Fedorov. — Novosibirsk : Nauka, 1973. — 171 s.
10. *Frazeolohichnyj slovnyk ukrajins'koji movy.* — K. : Nauk. dumka, 1993. — 984 s.

РОМАНЮК Людмила Вячеславовна,
кандидат филологических наук, преподаватель иностранного языка Донецкого национального университета; Винница, Украина;
e-mail: lvs1501@ukr.net; моб.: +38 097 0296567

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСПРЕССИВНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛОКАТИВНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам исследования категории локативности, которая определена как культурно-языковая константа, один из ведущих формантов культурно-языковой картины мира украинцев. Фразеология вербализирует прежде всего абстракции, чувственные представления, природные явления, мироустройство — это представления о времени и пространстве, живом и мертвом, добре и зле. Экспрессивность рассматривается как средство интенсификации силы и выразительности архисемы «пространство», применяемой в фразеологии современного украинского литературного языка. В таких абстрактных представлений засчитывается и категория локативности. Особое место в исследовании отведено художественно-стилистическим средствам создания фразеосемантической группы локативности. Также внимание уделено иронии, юмору и шутке, определяющим национальное своеобразие рече-культурного пространства национального бытия.
Ключевые слова: экспрессивность, стилистика, фразеологизм, фразеосемантическая группа, локативное значение.

Liudmyla V. ROMANIUK
Candidate of Philology, Teacher of Foreign Language; Vinnytsia, Ukraine;
e-mail: lvs1501@ukr.net; mob. +38 097 0296567

STYLISTIC CHARACTERISTICS OF EXPRESSIVITY OF PHRASEOLOGICAL UNITS WHICH HAVE LOCATIVE MEANING

Summary. The article is devoted to the problems of locative category research, which is defined as lingual and cultural constant, a leading formant of lingual and cultural worldview of Ukrainians. Phraseology verbalizes abstractions, perceptions, natural phenomena, world order. It is an idea about time and space, living and dead, good and evil. Expressivity as a means of intensive strength and expression of archeseme «space» is used in the phraseology of modern Ukrainian. Locative category is included into these abstract

concepts. Artistic and stylistic means of creating phraseosemantic group of locativity occupies a special place in the research. Particular emphasis the author gives to the irony, humor and jokes that define national identity of lingual and cultural space of Ukrainians.

Key words: expressivity, stylistics, phraseological unit, phraseosemantic group, locative meaning.

Статтю отримано 8.11.2014 р.

УДК 811.161.2'373.2:119:303.024:821.161.2'06

СЕМЕНЕНКО Олександра Юріївна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: wynja@bk.ru; тел.: +38(0482)44-52-85; моб: +38 096 1050634; +38 093 0713638

ОНІМИ У РОЛІ ОПЕРАТОРІВ ФУНКЦІЇ НЕОЗНАЧЕНО ВЕЛИКОЇ КІЛЬКОСТІ
(на матеріалі сучасного українського художнього мовлення)

Анотація. У статті аналізуються особливості функціонування в сучасному українському художньому дискурсі (як поетичному, так і прозовому) метафоризованих власних назв і формально деонімізованих апелятивів у ролі операторів функції неозначено великої кількості (НВК) на рівні нерозкладних кількісно-іменних сполук N_1N_2 (метафоричних квантитативно-генітивних бінарм);з'ясовується система мовних/мовленнєвих образів різних груп такої лексики, що уможливлює набуття ними ознак ситуативних, оказіональних квантифікаторів. Означеною проблематикою, тобто вивченням різних ділянок функційно-семантичного поля неозначеної кількості (ФСП НВК), займається ціла низка вчених. У статті зазначено, що на матеріалі української, російської, англійської мов метафоричні квантитативно-номінативні сполуки N_1N_2 із значенням оцінки НВК опрацювали В. М. Вовк, С. О. Швачко, на матеріалі російської та німецької мов — Л. Г. Акуленко, на матеріалі українського художнього мовлення започатковане дослідження різноструктурних засобів вираження поняттєвої категорії НВК О. М. Бонецькою, К. Г. Городенською, А. П. Загнітком, З. О. Митяй, О. Ю. Семененко та ін.

Ключові слова: функційно-семантичне поле неозначено великої кількості (ФСП НВК), мультипліцитність, оператор функції НВК, генітив-актуалізатор, український художній дискурс.

Однією із категорій людського пізнання є категорія кількості, в межах якої виокремлюють категорії означеної, неозначеної та приблизної (апроксимативної) кількості. Ці різновиди вияву кількості в мові пов'язані зі специфікою когнітивної та практичної діяльності людини, з певними умовами перебігу комунікативних процесів, із прагматичною спрямованістю повідомлення. Вивчення різноманітних засобів експлікації кількісних значень у мові й мовленні викликає останнім часом велике зацікавлення серед лінгвістів, оскільки сприяє усвідомленню шляхів пізнання кількості, дослідженню структури і семантичної наповненості цієї онтологічної категорії.

Статтю написано в руслі функційної граматики, досліджуються власні назви як окрема група операторів функції мультипліцитності у межах функційно-семантичного поля неозначено великої кількості (ФСП НВК). Функційний підхід актуалізує вивчення об'єкта дослідження «від функції до засобів» (від семантики до форми) і «від засобів до функції» (від форми до семантики), що уможливлює вивчення синонімії різнопланових засобів вираження певного значення.

Різні ділянки ФСП НВК активно розробляють починаючи з ІІ пол. ХХ ст. і дотепер. Генітивні конструкції, стрижневим компонентом яких виступає іменник із метафоричним значенням НВК, ставали об'єктом аналізу в роботах А. В. Бельського, О. І. Лашкевича, І. К. Марковського, В. В. Новицької, Т. П. Перетятько, О. В. Попової, М. Ю. Тихонової, Л. Д. Чеснокової та ін. На матеріалі української, російської й англійської мов метафоричні квантитативно-номінативні сполуки зі значенням оцінки НВК опрацювали В. М. Вовк, С. О. Швачко, лексико-фразеологічні засоби вираження НВК у зіставному й перекладацькому аспектах — Н. Л. Клименко, С. І. Кравцова, А. В. Моренцова. Метафоричні мовні засоби експлікації НВК у німецькій і російській мовах описала Л. Г. Акуленко. На матеріалі українського художнього мовлення різноструктурні засоби вираження поняттєвої категорії НВК висвітлили О. М. Бонецька, К. Г. Городенська, І. Р. Домрачева, А. П. Загнітко, З. О. Митяй, О. Ю. Семененко та ін.

Вивчаючи різні ділянки ФСП НВК, дослідники вкрай мало уваги приділяли таким конституентам цього поля, як власні назви у функції операторів НВК. Можна навіть сказати, що переважна більшість науковців жодним чином не згадувала про такі квантифікатори, а вони

 © Семененко О. Ю., 2014

функціонують у структурі сучасного художнього дискурсу і потребують аналізу. У цьому й полягає актуальність нашого дослідження.

Предметом аналізу даної статті є представленість і функціонування у сучасному українському художньому дискурсі генітивних квантитативних метафоричних бінарм N_1N_2, або генітивних конструкцій зі значенням метафоричної кількості, де позицію стрижневого компонента N_1 посідає оказіонально вжитий у значенні квантифікатора онім/деонімізований апелятив, а позицію залежного компонента N_2 — слово-актуалізатор квантитативного значення, іменник у родовому відмінку (родовий метафоричної кількості [6, с. 20]).

У тезаурусі «Лексико-фразеологические средства выражения неопределённо большого количества в современном русском языке» [1, с. 213—223], де каталогізовано засоби первинної лексичної номінації, вторинної й опосередкованої номінації НВК, власні назви у функції оператора цього значення представлені серед мовних/мовленнєвих образів великих/інтенсивних природних явищ: *Ніагара* (ок.) — велика маса/площа води; *Гімалаї, Еверест, Монблан* (ок.) — великі нерівності рельєфу; *Палестина* (ок.) — великі площі суходолу.

За спостереженнями Л. Г. Акуленко, у російській і німецькій мовах останнього часу, переважно у мові преси, отримав розвиток такий шлях передачі значення НВК, при якому переносно використовуються власні імена — назви загальновідомих гір, великих територій, водоспадів: Р *гималаи литературы / книг, ниагары новых сведений, эвересты цинизма, написан целый критический Монблан*. Отримує розвиток цей шлях переносу й у мові художньої літератури [2, с. 122].

Лексема *Еверести/еверести* як носій значення НВК активно функціонує й у художньому мовленні українських митців, пор.: *Не поступитись правдою / І вірою священною / Перед злобою лютою / І кривдою мерзенною / І витримати з гідністю / **Підлоти Еверести**, / Задля добра та істини / Не поганьбивши честі* (М. Луків); *Я б хотіла колись прочитати / спокійну, / розумну, / не-істеричну / книжку про печаль. / Про найбільшу печаль у світі. / **Про еверести печалі*** (М. Матіос, «Щоденник страченої»).

Наведемо приклади з іншого структурно-функціонального стилю — публіцистичного (художньо-публіцистичного): *А найбридкіше ж те, свідками яких **еверестів олжі**, **фарисейства**, **фальші** всі ми на початку нового тисячоліття стали! Не може так тривати далі, не може правити країною цинізм космополітично наставлених олігархічних кланів!* (А. Погрібний, «Зачарованим колом століть»). *Чи не головна ознака «масової літератури», «напівлітератури» чи як їх там — фіктивне роз-відчуження колізій, фантомне їх полегшення. Ну зовсім як у покійному соцреалізмі. Внаслідок чого на **еверести брехні**, що об них відвіку спотикаємося, громадяться все нові їх **монблани*** (О. Забужко, «Вадим Скуратівський. Замість передмови та замість монографії»).

Апелятивізація оронімів *Еверест* і *Монблан*, яка відбулася завдяки створенню корелятивної за числом пари у множині й логічною зміною графічного оформлення, уможливила використання в експресивно забарвленому мовленні лексем як таких, що можуть передавати значення безмежно великої кількості, пор.: *Еверест* (*Джомолунгма*, *Сагарматка*) — найвища вершина на Землі, у Великих Гімалаях, на кордоні Непалу та Китаю (8846,1 м) [3, с. 1387], *Монблан* — гірський масив та вершина в Західних Альпах, на кордоні Франції й Італії, найвища в Західній Європі (4807 м) [3, с. 751]. Деонімізовані або частково деонімізовані апелятиви *Еверести/еверести*, *монблани* зазнають певних структурних зрушень — виникнення метафоричного секундарного значення НВК ґрунтується на актуалізації їхніх параметричних показників.

У ролі неозначено-кількісних числівників формально апелятивізовані пропріальні назви можуть уживатися й не змінюючи своїх граматичних властивостей, тобто зберігаючи форму однини: *Марко Поло казав неправду, коли / запевняв, ніби мули, воли, осли / над проваллям пітьми і **тібетом імли** / привели його далі на схід — до Китаю* (Ю. Андрухович, «Індія»). Здатність набувати значення НВК у таких іменниках зумовлена наявністю в них семантичного множника — ‘найбільший’, ‘найвищий’, пор.: *Тибетське нагір’я* — знаходиться в центральній Азії, у Китаї, одне з найбільших (~ 2 млн км^2) та високих на земній кулі [3, с. 1200].

У сучасному поетичному (ширше — художньому) мовленні у цих маркованих квантитативах із секундарним значенням НВК у ролі стрижневих компонентів нерозкладних генітивних бінарм N_1N_2 скристалізувалася вербальна експлікація душевних переживань митців, їхня власна селективна перцепція довкілля, актуалізація і специфічна аксіологічна квантифікація певних сегментів дійсності, чітко простежується вибіркова сполучуваність означених конституентів мікрополя НВК із семокласами генітивів, що позначають переважно негативно конотовані абстрактні поняття емоційно-духовної, морально-етичної та інтелектуальної сфери діяльності людини.

Етнозначущі власні назви, навіть метафоризуючись, як правило, зберігають і належне графічне оформлення, і граматичні властивості (singularia tantum): *Знання до знань — / Говерла мудрості* (В. Вовк). Говерла — найвища вершина Українських Карпат у масиві Чорногора, в Івано-Франківській області. Висота 2061 м [3, с. 288].

Аналізуючи здатність лексем до набуття конотативних нашарувань, М. П. Кочерган зауважує, що «семантичний ореол слова не фіксується в лексикографічних працях, однак він значною мірою зумовлює реальне функціонування слова в певному соціумі. Цей ореол представлений всією історією слова, його етносоціальним і етнокультурним контекстом [5, с. 273].

До речі, у номенклатурної назви до наведених оронімів полісеманта *гора* словниками зафіксована здатність бути носієм значення НВК, пор.: **горá** — 2. *чого*. Велика кількість чого-небудь, складеного в купу; багато чогось [4, с. 253].

У ролі оператора функції НВК активно вживається не тільки гідронім *Ніагара* (ріка у Північній Америці між США та Канадою, що має довжину 54 км, площа басейну 665 тис. км². Утворює Ніагарський водоспад [3, с. 803]), а й апелятивізований онім *ніагари* з оказіонально розширеною парадигмою числа, пор.: *О наші слізні Катерини! / Услід їм... слізні кобзарі. / **Сліз Ніагара** рине, рине / і денно, й нощно, й... на зорі! / **Сліз Ніагара** рине, ллється / то зверху вниз, то... навпаки?/ Над нею й жайворонок в'ється, / й Шевченко, й... Коновалюки?* (М. Стрельбицький, «Це йдуть часи калаґатії?»). *Насмітило людство, обгидилось, накопичило терикони відходів, **ніагари сміття*** (Л. Костенко, «Записки українського самашедшого»).

У номенклатурної назви *ріка* лексикографічними джерелами кодифіковано ЛСВ на позначення великої кількості: **ріка́** — 2. *чого, перен.* Велика кількість чого-небудь такого, що тече, сиплеться і т. ін. // *кого, чого, яка.* Безперервний великий потік, маса кого-, чого-небудь, що рухається. 3. *у знач. присл.* **ріко́ю, ріками** [4, с. 1228].

У поетичному мовленні активно представлений у ролі квантитатива третій ЛСВ *рікою, ріками* (словоформа-компаративема, т. зв. орудний порівняння, що одночасно містить значення НВК, тобто вказує на функцію мультипліцитності). Натрапляємо й на випадки, коли у ролі оператора функції НВК замість номенклатурної назви виступають гідроніми: *О рідна мово, тиха пристане, / як підійти, звідкіль почать? / Усе спокійне, наче приспане, — / і літери й слова мовчать. / І часто постають звичайними, / але копни в праглибину — / і **потечуть чуття Почайнами** / крізь незбагненну явину. / І забурлиш ти, рідна пристане, / коли твої щедроти всі, / історії, вітрами христані, / постануть нам у всій красі. / І являть те, чого не знаємо, / чому **ні краю, ні кінця**, / як **ринуть мовними Дунаями** / крізь наші душі і серця* (Д. Білоус).

У контекстуально релевантних лексем *Почайнами, Дунаями* актуалізується не тільки раціонально-логічний, а й інораціональний компонент структурування передаваної митцем інформації. Актуалізації зазнають не тільки семантичні складники інтенсіоналу й екстенсіоналу, а й прагматично спрямовані елементи значення імплікаціоналу, що відбивають ціннісно-емотивну забарвленість маркованих словоформ. Це один із можливих варіантів вербального втілення образного модусу мислення.

Марковані лексеми-квантитативи *Почайнами, Дунаями* імплікують значення ‘ріками’, тобто ‘у великій кількості’. Оказіональне розширення парадигми гідронімів формами множини (при збереженні графічного оформлення онімів) уможливлює одночасне сприйняття їх реципієнтами і як власних назв (у сумі диференційних ознак), і як загальних (транспозиція за зразком синекдохи). Така стратифікація підбору засобів вербалізації думки тісно пов'язана з індивідуальною картиною світу певного митця й з аксіологічно значущою етнокультурною фоновою інформацією.

*Каскадерні **каскади касандр, їх імен**, / І **Севілья сибілл** — донжуанська, імлиста...* (Д. Кремінь, «На хоральний від'їзд Світлани Торнтон»). У цьому уривку задіяно одночасно два засоби актуалізації значення мультипліцитності — це контекстуальна підтримка квантитативного значення лексеми *каскади* лексемою *Севілья* (топонім у ролі кількісного визначника деонімізованого апелятива *сибілли*, що позначає клас жінок із спільними характеристиками). До речі, й квантитатив *каскади* визначає величезну кількість жінок із спільними рисами (препозитивні знання реципієнтів підказують, яких саме). Пор. також функціонування деонімізованого йоконіма *клондайк* у ролі оператора функції НВК: *Гонкуре, брате, де твій брат, / і де усі поділися шекспіри? / У діжці закривавлений Марат, / його вже смокчуть чорні діри. / Пергамент, шкіра, оксамит, / **клондайк** невиписаних **літер**...* (О. Соловей). Стрижневі лексеми квантитативно-номінативних сполук *Севілья, клондайк* зазнали метафоризації й отримали можливість передавати значення гіпотетичної множинності. Кількісне значення нашаровується на їхні параметричні характеристики (великий простір, обшир території), а квантифікатор *клондайк* поєднує функції кваліативності та квантитативності.

Значення НВК може передаватися власною прецедентною назвою *Вавилонська вежа*: *Мій ліпший друг (тепер — нью-йоркський бомж) / — / був час — лише одним тобою марив, / не знав, шмаркач, над чим ти лоба хмарив, / чого жадав насправді. / Так отож! — / тепер все стало явним, і з мішка / не шило вилізло, а **Вавилонська** / **брехні** бундючна **вежа** — аж до Шльонська — / і все це злізло з твого язика!* (В. Неборак, «Прощання з гуру»). Такий спосіб квантифікації — ідіостилістичний, оказіональний і оскільки непередбачуваний, то яскравий, з потужним емоційним зарядом. Пор. також використання у ролі вимірника назви одного із

семи чудес світу — *висячі сади Семіраміди*: *нензи-нудьготи втекли на вакації* / *днюють щоденно обіля душі* / *висячі* / ***семіраміди акацій*** / *ароматизовані цвітом дощі* (П. Коробчук).

В ідіолекті видатної сучасної поетеси Ліни Костенко натрапляємо на використання галактоніма у ролі квантифікатора тих відзнак, які розміщені на «ленті»: *Січ розбита, край той перекраяний,* / *груди в лентах* — ***цілий Млечний Путь.*** / *Хочете, пожалста, пів-України* / *подарую вам на незабудь* (Л. Костенко). Росіянізм *Млечний Путь* ужито митцем, оскільки йдеться про царицю Катерину ІІ, а українським відповідником є Чумацький Шлях — срібносяйве скупчення зірок, що навпіл перетинає нічний небосхил (нараховує понад 100 мільярдів зірок). При квантитативно-генітивній сполуці вжито інтенсифікатор *цілий*, що підсилює значення НВК. Одночасно актуалізуються параметричне, кваліативне та квантитативне значення.

Запропонований для аналізу ілюстративний матеріал потребує подальшого накопичення та дослідження, мета якого — каталогізувати всі оніми та формально деонімізовані апелятиви із секундарним значенням НВК, на які натрапляємо в сучасному українському художньому мовленні, розподілити їх по групах і з'ясувати, експоненти яких саме груп пропріальних назв представлені в ролі квантифікаторів, на яких мовних/мовленнєвих образах ґрунтується їхня метафоризація та набуття ознак операторів функції НВК, їхнє кількісне співвідношення, з'ясувати їхню зовнішню (інтенсифікатори) та внутрішню дистрибуцію (визначити репрезентативні семокласи генітивів-актуалізаторів), тобто описати всі функційні особливості.

Література

1. *Акуленко В. В.* Лексико-фразеологические средства выражения неопределённо большого количества в современном русском языке / В. В. Акуленко, Л. Г. Акуленко, Н. Л. Клименко // Категория количества в современных европейских языках. — К. : Наукова думка, 1990. — С. 213—223.

2. *Акуленко Л. Г.* Поле неопределённо большого количества в современном немецком и русском языках / Л. Г. Акуленко // Категория количества в современных европейских языках. — К. : Наукова думка, 1990. — С. 106—145.

3. *Большой энциклопедический словарь* / гл. ред. А. М. Прохоров. — М. : Большая Российская энциклопедия ; СПб. : Норинт, 2000. — 1456 с.

4. *Великий тлумачний словник сучасної української мови* (з дод., допов. та СД) / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. — К. ; Ірпінь : ВТФ Перун, 2009. — 1736 с.

5. *Кочерган М. П.* Загальне мовознавство : підручник / М. П. Кочерган. — К. : ВЦ Академія, 1999. — 288 с.

6. *Лашкевич А. И.* Генитивные конструкции со значением метафорического количества в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — русский язык / А. И. Лашкевич. — Минск, 1976. — 21 с.

References

1. *Akulenko V. V.* Leksiko-frazeologicheskie sredstva vyrazhenija neopredelionno bol'shogo kolichestva v sovremennom russkom jazyke / V. V. Akulenko, L. G. Akulenko, N. L. Klimenko // Kategorija kolichestva v sovremennyh evropejskih jazykah. — K. : Naukova dumka, 1990. — S. 213—223.

2. *Akulenko L. G.* Pole neopredelionno bol'shogo kolichestva v sovremennom nemeckom i russkom jazykah / L. G. Akulenko // Kategorija kolichestva v sovremennyh evropejskih jazykah. — K. : Naukova dumka, 1990. — S. 106—145.

3. *Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'* / glav. red. A. M. Prohorov. — M. : Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija ; SPb : Norint, 2000. — 1456 s.

4. *Velykyj tlumachnyj slovnyk suchasnoï ukraïns'koï movy* (z dod., dopov. ta SD) / uklad. i golov. red. V. T. Busel. — K. ; Irpin' : VTF Perun, 2009. — 1736 s.

5. *Kochergan M. P.* Zagal'ne movoznavstvo : pidruchnik / M. P. Kochergan. — K. : VC Akademija, 1999. — 288 s.

6. *Lashkevich A. I.* Genitivnye konstrukcii so znacheniem metaforicheskogo kolichestva v sovremennom russkom jazyke : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 — russkij jazyk / A. I. Lashkevich. — Minsk, 1976. — 21 s.

СЕМЕНЕНКО Александра Юрьевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: wynja@bk.ru; тел.: +38(0482)445285; моб.: +38 096 1050634; +38 093 0713638

ОНИМЫ В КАЧЕСТВЕ ОПЕРАТОРОВ ФУНКЦИИ НЕОПРЕДЕЛЁННО БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА (на материале современной украинской художественной речи)

Аннотация. В статье анализируются особенности функционирования в современном украинском художественном дискурсе (как поэтическом, так и прозаическом) метафоризированных имён собственных и формально деонимизированных апеллятивов в качестве операторов функции неопределённо большого

количества (НБК) на уровне неразложимых количественно-именных сочетаний N_1N_2 (метафорических квантитативно-генитивных бинарм). Определяется система языковых/речевых образов разных групп такой лексики, которая делает возможным приобретение ими значений ситуативных, окказиональных квантификаторов. Изучением разных участков функционально-семантического поля неопределённого количества (ФСП НБК) занимается целый ряд учёных. На материале украинского, русского, английского языков метафорические квантитативно-номинативные сочетания N_1N_2 со значением оценки НБК изучали В. М. Вовк, С. А. Швачко, на материале русского и немецкого языков — Л. Г. Акуленко. На материале украинской художественной речи начато изучение разноструктурных средств выражения понятийной категории НБК О. М. Бонецкой, К. Г. Городенской, А. А. Загнитко, З. О. Митяй, А. Ю. Семененко и др.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле неопределённо большого количества (ФСП НБК), мультиплицитность, оператор функции НБК, генитив-актуализатор, украинский художественный дискурс.

Oleksandra Yu. SEMENENKO,
Ph.D., Associate Professor of the Applied Linguistics Odessa Mechnikov National University; Ukraine, Odessa;
e-mail: wynja@bk.ru; tel.: +38(0482)445285; +38 096 1050634; +38 093 0713638

ONYMS AS THE MOTIVATOR OF UNDEFINED NUMBER FUNCTION (on the basis of modern ukrainian literary speech)

Summary. The author analyzes the features of functioning in the modern Ukrainian literary discourse metaphorized proper names and formally deonomized common nouns as operators of specific uncountable quantities at irreducible quantitative nominal compounds N_1, N_2 (metaphorical quantitative-genetic binary oppositions). He studies the system of speech patterns of different language groups such vocabulary that allows them entry signs situational, occasional of quantitative. This problem is studied by various scientists in areas of functional-semantic field, For example, V. Vovk and C. Shvachko, in the Russian and German languages, L. Akulenko in Russian and German studied metaphorical quantitative nominative compound made on the value assessment (N_1N_2). The article refers to research on the material of Ukrainian, Russian and English languages of metaphorical quantitative nominative compound made on the value assessment in the studies of, in the Ukrainian literary speech; such research was based on studying of different structures in the works of O. Bonecka, C. Gorodenska, A. Zagnitko, Z. Mytay, O. Semenenko.

Key words: functional-semantic field undefined quantities, multyplitsytnist, functional operator, generator-actualizator, ukranian literary discourse.

Статтю отримано 12.11.2014 р.

УДК 811.161.2'373.74'276.2-053.7:7.038.6

СТОЛЯР Марія Юріївна,
аспірант кафедри української мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: stolyar.mariya@mail.ru; тел. моб.: +38 0967342264

ІДІОМАТИЧНІ КОНСТРУКЦІЇ МОЛОДІЖНОГО СЛЕНГУ У ПОСТМОДЕРНОМУ ХУДОЖНЬОМУ ДИСКУРСІ

Анотація. Стаття присвячена актуальній проблемі — функціонуванню молодіжного сленгу, зокрема ідіоматичним конструкціям, у художньому постмодерному дискурсі. Основна увага приділяється семантичним і функціональним особливостям фразеологічних одиниць (ФО). Автор пропонує розподіл на групи сленгових фразеологізмів залежно від структурної цілісності компонентів. До кожної групи наведено приклади із творчості сучасних письменників (Ю. Андрухович, Брати Капранови, Л. Дашвар, Л. Дереш, С. Жадан, І. Карпа та інші). Наукові дослідження в галузі зацікавлень автора відбито у працях П. М. Грабового, Й. О. Дзендзелівського, С. А. Мартос, Л. О. Ставицької, О. О. Тараненка й інших мовознавців.

З'ясовано, що для сленгових фразеологічних одиниць, які зустрічаються у художньому дискурсі, характерна метафоричність і гіперболізація, за допомогою чого досягається комічний (іноді іронічний) ефект або висловлюється негативна оцінка ситуації. Ідіоматика молодіжного сленгу, як і він сам, постійно оновлюється, процес утворення нових елементів є дуже швидким і високопродуктивним.

Ключові слова: ідіоматична конструкція, фразеологічна одиниця, молодіжний сленг, художній дискурс.

У сучасному мовознавстві спостерігається посилення інтересу дослідників до мовлення суб'єктів (на відміну від вивчення мови як системи), яка порушила перед лінгвістами низку нових проблем. Актуальним є виявлення, характеристика та класифікація лексики, безпосередньо

 © Столяр М. Ю., 2014

пов'язаної з вираженням людських почуттів, емоцій. Складнощі її вивчення пов'язані, по-перше, з міжпредметністю об'єкта дослідження (мовознавство, психологія, філософія, соціолінгвістика тощо), а по-друге, з його суто лінгвістичними аспектами. Останні зумовлені недостатністю вивчення проблеми та відсутністю єдиного термінологічного апарату [1, с. 13—14]. Безсумнівними є емоційність, експресивність, аксіологічність молодіжного сленгу, зокрема його ідіоматичних конструкцій. Зацікавлення проблемами сленгу взагалі відбито в працях П. М. Грабового, Й. О. Дзензелівського, С. А. Мартос, Л. О. Ставицької, О. О. Тараненка та інших мовознавців. Ґрунтовних досліджень проблеми функціонування ідіоматичних конструкцій у структурі молодіжного сленгу наразі немає. Все вищезазначене вказує на актуальність обраної теми.

Метою статті є розгляд ідіоматичних конструкцій молодіжного сленгу, які трапляються у постмодерному художньому дискурсі.

Погоджуємось із дослідницею Іриною Білою, яка зазначає, що мовна реальність постмодерної літератури має принципово нове і широке бачення у порівнянні з традиційним розумінням художньої літератури [2, с. 458]. Загалом словесна гра художнього постмодернізму може оцінюватись як цілісна система, ознаками якої є навмисний примітивізм і разом з тим звернення до культурних кодів [2, с. 459]. У постмодерному художньому дискурсі молодіжний сленг виступає яскравим засобом стилізації.

На думку О. Маленко, мовно-естетичні смаки й уподобання читача також підлягають певній обструкції з боку автора постмодерного тексту. Маємо на увазі широке застосування в унормованому мовленнєвому просторі (текстуальному) суржикових, жаргонних, сленгових мікротекстів (монологи, діалоги героїв, анекдоти), — так званий «стьоб». Ці мовленнєві рівні функціонують у тексті не як засіб мовної характеристики героя, а як фрагмент колажу (текст у тексті). Для багатьох постмодерних творів характерне безапеляційне вживання лайливої і табуйованої лексики, що взагалі є протиприродним для українського художнього тексту як певного естетичного концепту. При цьому зазначений шар лексики розглядається авторами виключно як філологічний матеріал, що на рівні інших мовно-виражальних засобів бере участь у творенні повідомлення (у більшості випадків автори постмодерних українських текстів — Ю. Андрухович, Ю. Іздрик, Т. Прохасько та ін. — інтелектуали-енциклопедисти із знанням багатьох мов та пристойним соціальним статусом) [4, с. 84—85].

Молодіжний сленг у постмодерному художньому дискурсі виконує цілу низку функцій. Основною, на нашу думку, є експресивна функція. Саме вона допомагає визначити емоційний стан мовця, більш того — його ставлення до навколишнього світу. За допомогою сленгової лексики продуцент отримує емоційну розрядку. Особливо яскраво експресивність і метафоричність простежуються в ідіоматиці молодіжного сленгу.

Цікавим є дослідження І. А. Колтуцької, яка, проаналізувавши ідіоматику молодіжного сленгу (на матеріалі соціолінгвістичного анкетування), виокремила найбільші тематичні групи фразеологічних одиниць (ФО): ФО зі значенням стану / тривалої діяльності; ФО, які виражають оцінку (переважно гостро негативну); ФО зі значенням дії, вчинку [3, с. 151].

На сленгові фразеологізми звертає увагу й А. Шумейкіна, яка зазначає: «Нерідко використання сленгу здійснюється з метою іронічної, емоційно-експресивної чи жартівливої характеристики (оцінки) предмета або явища, зокрема це стосується молодіжних фразеологізмів. Наприклад: *байдикувати* — ***фігньою страждати;*** *без зайвих питань* — ***без базару, все буде без «бе»;*** *безкоштовно, задарма* — ***на халяву, на шару*** і таке інше» [6].

С. А. Мартос зазначає, що для молодіжного сленгу характерне активне використання фразеологізмів, головним чином, емоційно-забарвлених, стилістично знижених. При цьому, поруч з використанням вже існуючих у мові й широко відомих фразеологізмів, можна спостерігати і створення нових. Наприклад, на позначення низької людини зафіксовані такі сленгові фразеологізми: ***метр у стрибку, метр з кепкою у стрибку, метр двадцять у шляпі, переносний телеграфний стовп***; на позначення людини з повільною реакцією — ***плуг восьмикорпусний (дев'ятикорпусний), туподохідний робот, пливучий по хвилях, гальмо стоянкове (перебудови)***; на позначення обмеженої людини — ***даун на всю голову, повний аут*** [5, с. 42].

Ми пропонуємо виокремлення трьох великих груп сленгових фразеологізмів, які розподілено нами залежно від структурної цілісності компонентів: 1) **Неподільні** — це стійкі сполучення слів, у яких одне слово вимагає іншого, компоненти таких фразеологізмів є неподільними й уживаються тільки в одному варіанті: *башляти бабки, білі тапки, відірватись по повній, підняти дупу, відмивати бабло, дати джазу, дупля не різати, душити мрачняки, затягувати контрабасом, зіграло очко, з котушок з'їхати, кип'ятком сцяти, лізуть ковбаски, набити стрілу, на всі сто, надерти задницю, на повному серйозі, парити мізки, поставити в ігнор, прохавати тєму, розслабити булки, падлюка дика, палити контору, сліджувати за базаром, старі пердуни, типу того, хріна з два, щурити по сутанах* тощо: *коли залізні тигри роздеруть тінь від Півмісяця — отоді вам усім великі* ***білі тапки*** (Дереш) — фразеологічна

одиниця виконує евфемістичну функцію, що є характерним для молодіжного сленгу; *Хімік був сам винен,* ***на всі сто*** (Андрухович) — присутній конотативний елемент, ідіоматична конструкція не несе нової інформації, а лише додає впевненості.

— ***Хріна з два*** *ми його приріжемо. Він же здоровий, як бугай!* (Дереш) — стійкий вислів несе емоційне заперечення; *...****відмивали бабло****, котре проходило через наші рахунки* (Жадан) — багато сленгових фразеологічних одиниць утворені на основі метафори; *...не дав* ***відірватись по повній*** (Жадан); *На музику я трохи ходила тоді ж, коли й на танці,* ***дупля не ріжучи*** *в усіх тих сольфеджіо...* (Карпа); *Ти за* ***базаром слідкуй,*** *— каже чувак, — який я мінтові свій?* (Жадан); *Старенька вчителька стверджувала* ***на повному серйозі****, що іноді, будучи в доброму гуморі, кіт розмовляє* (Дереш); *Одним словом, старий, нам* ***набили стрілу****. І не хто-хто, а сам Кабак* (Дереш); *...будете нам всім* ***башлять бабкі»*** *і таке інше* (Дереш); *Ха, так тобі казали ті* ***старі пердуни*** *із Зговні?* (Дереш) — також потрібно зазначити, що досить активною є гіперболізація в утворенні сленгових фразеологічних одиниць; *...і наші боси, щоби* ***не парити мізки*** *ні собі, ні команді...* (Жадан); *Взагалі будеш* ***кип'ятком сцяти*** (Дереш); *Тоді я* ***давав*** *собі з ними* ***джазу*** (Андрухович); *...на третій раз у влади* ***зіграло очко...*** (Андрухович); *...аби* ***надерти задниці*** *всім мудакам, котрі не відповідають високим господнім стандартам...* (Жадан); *А ми собі* ***розслабили булки*** (Карпа); *Редька так і* ***не підняла дупи*** *за весь час...* (Карпа); ***Прохавав тєму*** (Карпа); *І якщо хтось спитає, із чого то я таке вигадала, покажу справку, що* ***з котушок з'їхала...*** (Карпа); ***Типу того*** (Карпа); *Я знаю* ***в чому прикол...*** (Карпа); *Обладнання* ***затягнемо контрабасом.*** *Шкільні товариші — Кумжа та Сталкер, допоможуть, у них на кордоні вікно. <...> Так усі нормальні люди роблять. Без контрабанди ані руш* (Вдовиченко); *Ті самі, згадала я, які* ***затягують контрабасом*** *усе, що треба* (Вдовиченко); *...(з образою номер один зовсім не погоджуюся: більшість моїх друзів і* ***в буй йому не вперлися****)...* (Карпа); *— І все-таки як добре, що тоді я не пішла проколювати носа до тих панків у Джокджакарті. Бо* ***був*** *би вже* ***хантимансійськ*** *мені* (Карпа); *— Він попросив мене вийти за нього. Я ввічливо відмовилася. / — Тю, так сходила би. <...> Сама поміж тим аж ніяк «сходити» не хоче, хоч і зустрічається зі своїм «пупсіком» уже* ***руський місяц*** (Карпа); *Це не аналітика, це коментар! Вперше пишеш коментар, чи що? Не можна намагатися* ***впихати невпихуєме!*** (Вдовиченко); *— Бачила недавно твого хлопчика... Щось він* ***в ігнор*** *нас* ***поставив*** (Карпа); *...важко жерти, коли шалено дорога тобі людина* ***душить мрачняки*** *просто в аеропорту і не хоче їхати до тебе додому* (Карпа); *— Далі крутиш очними яблуками, розганяючи краплі по поверхні рогівки. <...> А далі... змушуєш себе розплющити очі, хоча це й дуже важко, бо пече несамовито. Якраз тут* ***і лізуть ковбаски*** (Дереш); Спостерігаємо випадки тлумачення вжитого ФО, пор.: *Хто-хто, а Курсант — той таки в натурі* ***щурить по сутанах***[2]. [2] ***Щурити по сутанах*** — орієнтуватися у всіх змінах всередині певної субкультури, відчувати найтонші, капілярні перетікання емоцій в компанії в результаті закрапування «плазми». Див. також: щуритися, сутанити... (Дереш).

2) **Синонімічні** — це стійкі сполучення слів, у яких один із компонентів має декілька синонімічних варіантів. При цьому семантичне значення залишається незмінним: *бабки просадити (проїбати), зриває черепицю (шифер, дах), клепати (набазграти) текст, ловити (брати, взяти) за яйця, прийняти на душу (на грудь), п'яний в дрезину (в драбадан, до дупи, в сраку, в дим), хєр (хрін) його знає, якого дідька (хріна, хєра, хуя, рожна, біса, чорта), ясен пень (ясна папріка)* тощо: *...може цілими днями впиватися розповідями про те, як йому* ***зривало черепицю****: і на даху крапав, і на Сонце втикав...* (Дереш); *При цьому зувидів щось таке, від чого йому* ***зірвало шифер*** *із цвяхами й кроквами* (Дереш); *...****зірвало дах*** *і вона застосувала омон з вівчарками* (Андрухович); *...****бабки просадили****, тож тепер не знають, куди їм краще поїхати...* (Жадан); Ви що — ***проїбали моє бабло***? (Жадан); *Як його хоч звали — твого декана? — А* ***хєр його знає*** (Жадан); ***Та хрін його знає*** *Антоновичу, а раптом що-небудь?* (Андрухович); *...****п'яний в дрезину*** *чи навіть* ***у драбадан...*** (Андрухович); *...****до дупи п'яний*** *крутячись по дні...* (Малко); *...додому в* ***сраку п'яна...*** (Карпа); *...на сцені з'являється богомільна, проте* ***п'яна в дим*** *алкоголічка...* (Дереш); *Як я розумію, він тоді вколовся або щось таке* ***прийняв на душу*** *населення* (Андрухович); *...Павло Антонович устиг* ***прийняти на грудь*** *не менше трьохсот грамів* (Андрухович); *...в якій мене вперше* ***ловить за яйця*** *проминання часу* (Андрухович); *...поступово починає* ***брати за яйця...*** (Жадан); *Якщо вони хочуть* ***взяти за яйця*** *Віталіка — на здоров'я* (Брати Капранови); ***Чорт, якого дідька*** *вічно це біле сухе?!* (Андрухович); *...хоч ми й самі не знали,* ***якого хріна*** *ми про це запитуємо...* (Андрухович); *Дискотека — гівно,* ***якого хера*** *в суботу «Плотіна» не працює?* (Карпа); ***Якого хуя?*** *— розважливо запитав Травмований* (Жадан); *Вас дивує,* ***якого*** *це* ***рожна*** *мода отак собі бере і переступає цілу неньку Україну одним махом?* (Карпа); *Та* ***якого*** *це* ***біса*** *мене зараз потягнуло...* (Карпа); ***Якого чорта*** *іти до ментів у п'ятницю?!* (Брати Капранови); *В дитинстві —* ***ясен пень*** (Карпа); *Ну і,* ***ясна паприка****, хвилин за десять-п'ятнадцять, коли було вже пізно...* (Карпа); *Нема часу*

на філософію. Треба ***клепати текст*** (Кононенко); *...у тій самій газеті, для якої ти* ***набазграв*** *свій* ***некролог*** (Кононенко).

3) **Варіативні** — це стійкі сполучення слів, один із компонентів яких є високопродуктивним і утворює фразеологізми з новим семантичним значенням: *гнати біса (пурʼу, порожняка), дати по голові (по газах), повна труба (відстій, брєд, лажа), тупо морозитись (втикати, забути, сидіти)*: ***Не гони біса*** (Дереш); *Із приходом тих протиприродних нашому світові Сил наступить* ***повна труба*** (Дереш); *Коротше,* **повний відстій** (Карпа); *...ті всі історійки про Закриваючих і Відкриваючих —* ***повний брєд...*** (Дереш); ***...дати по голові*** *тому, хто увіпхав на їхню фармацевтичну вотчину ролик про добрих лісових бобрів* (Жадан); *...завів машину й* ***дав по газах*** (Жадан); *Єдина людина, що могла би хоч щось пояснити — Соня —* ***тупо*** *від неї* ***морозилася*** (Карпа); *...вилежувалися на ліжку,* ***тупо втикаючи*** *в телевізор* (Карпа); *...про яку ми* ***тупо забули...*** (Карпа); *Найчастіше під час менструацій я* ***тупо сидів*** *і тік* (Дереш). Про рухливість, мінливість, креативність, часову маркованість сленгових одиниць влучно висловилась письменниця Галина Вдовиченко у романі «Хто такий Ігор?»: *Сашко слухав мовчки, я глянула на нього і подумала, чи розуміє він зараз Вірчиного Віталія. Ці два чоловіки належать до різних поколінь. Вони мали різні мрії у дитинстві, слухали різну музику у підлітковому віці, іншим жаргоном послуговувались, називаючи найважливіші речі, предмети й процеси, хоча говорили однією мовою. Називали по-різному зустрічі із дівчиною, і те, що між ними відбувалося, та й самих дівчат, вони удавано зверхньо напівжартома називали по-різному. Бо для кожного овоча — свій час, так для кожного покоління — свої слова.*

Назагал ідіоматика молодіжного сленгу дуже експресивна, креативна й непередбачувана. У художньому дискурсі трапляються спеціальні нестандартні молодіжні вислови — мовні кліше, які зрозумілі тільки близькому оточенню певної групи молоді. Наприклад, ***білі тапки*** (смерть, кінець життя), ***сама рижа*** (гірша за всіх, не така як всі), ***тепла цицька*** (близька, рідна людина), ***випасти в осад*** (здивуватися, перелякатися; або розслабитися, отримати приємні відчуття). Існують також свої приказки та прислів'я: ...а вона його так ***обкрутила — чхнути не встиг***! (Дашвар); ...щоб потім Генек ***пробив***, ***звідки ноги ростуть*** (Брати Капранови); Але й ми ***не пальцем роблені*** — чоловічий організм сам знаходить вихід... (Брати Капранови); ***Бабло перемагає зло***! (Брати Капранови); ...усе це замішано в суцільну купу, так, що ***без півлітри не розберешся*** (Брати Капранови); ***Не мороч гостям яя*** (Дереш).

Отже, молодіжний сленг у художньому дискурсі дійсно насичений емоційно забарвленими ідіоматичними конструкціями. Для сленгових фразеологічних одиниць, які зустрічаються у художньому дискурсі, характерна метафоричність і гіперболізація, за допомогою чого досягається комічний (іноді іронічний) ефект або висловлюється негативна оцінка ситуації. Багато ФО, що представлені у структурі молодіжного сленгу, дублюють ФО, поширені в інтержаргоні, в інших соціолектних джерелах. Наявна велика кількість стилістично знижених одиниць. Ідіоматика молодіжного сленгу, як і він сам, постійно оновлюється, процес утворення нових елементів є дуже швидким і високопродуктивним. Подальше вивчення молодіжного сленгу передбачає дослідження його когнітивно-комунікативних аспектів.

Література

1. *Бацевич Ф. С.* Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. — К. : ВЦ Академія, 2004. — 342 с.

2. *Біла І.* Мова літературного постмодернізму: до питання про стан досліджуваності / І. Біла // Семантика мови і тексту : матеріали IX науково-практичної конференції / гол. ред. В. І. Кононенко ; Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника. — Івано-Франківськ : ВДВ ЦІТ, 2006. — С. 458—460.

3. *Колтуцкая И. А.* Идиоматика молодежного сленга (на материале социолингвистического анкетирования) / И. А. Колтуцкая // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского: Серия «Филология. Социальные коммуникации». — Симферополь, 2011. — Ч. 2. Том 24 (63). № 2. — С. 149—153.

4. *Маленко О.* Вербальні візії постмодерного тексту в українській літературі кінця XX століття / О. Маленко // Південний архів. Філологічні науки : зб. наук. праць / гол. ред. О. Мішуков. — Херсон : Айлант, 2002. — Вип. XIV. — С. 82—85.

5. *Мартос С. А.* Молодіжний сленг: міф чи реальність? / С. А. Мартос // Культура слова. — К., 2003. — Вип. 62. — С. 39—44.

6. *Шумейкіна А. В.* Сучасний український сленг: функціональний аналіз [Електронний ресурс] / А. В. Шумейкіна. — Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/.

References

1. *Bacevich F. S.* Osnovy komunikatyvnoyi lingvistyky / F. S. Bacevich. — K. : VC Akademiya, 2004. — 342 s.

2. *Bila I.* Mova literaturnogo postmodernizmu: do pytannya pro stan doslidzhuvanosti / I. Bila // Semantyka movy i tekstu : materialy IX naukovo-praktychnoyi konferentsiyi / gol. red. V. I. Kononenko / Prykarpats'kyi nacional'nyi universytet imeni Vasylya Stefanyka. — Ivano-Frankivs'k : VDV CIT, 2006. — S. 458—460.
3. *Koltutskaya I. A.* Idiomatika molodezhnogo slenga (na materiale sotsiolingvisticheskogo anketirovaniya) / I. A. Koltutskaya // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo: Seriya «Filologiya. Social'nye komunikatsii». — Simferopol', 2011. — Ch. 2. Tom 24 (63). № 2 — S. 149—153.
4. *Malenko O.* Verbal'ni viziyi postmodernogo tekstu v ukrayins'kiy literaturi kincya XX stolittya / O. Malenko // Pivdennyi arhiv. Filologichni nauky : zb. nauk. prats' / gol. red. O. Mishukov. — Herson : Ailant, 2002. — Vyp. XIV. — S. 82—85.
5. *Martos S. A.* Molodizhnyi sleng: mif chy real'nist'? / S. A. Martos // Kul'tura slova. — K., 2003. — Vyp. 62. — S. 39—44.
6. *Shumeikina A. V.* Suchasnyi ukrayins'kyi sleng: funkcional'nyi analiz [Elektronnyi resurs] / A. V. Shumeikina. — Rezhim dostupu: http://archive.nbuv.gov.ua/.

СТОЛЯР Мария Юрьевна,
аспирант кафедры украинского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: stolyar.mariya@mail.ru; тел. моб.: +38 967342264

ИДИОМАТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА В ПОСТМОДЕРНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме — функционированию молодежного сленга, в частности идиоматическим конструкциям, в художественном постмодерном дискурсе. Основное внимание уделяется семантическим и функциональным особенностям фразеологических единиц (ФО). Автор предлагает распределение на группы сленгових фразеологизмов в зависимости от структурной целостности компонентов. Каждая группа проиллюстрирована примерами из творчества современных писателей (Ю. Андрухович, Братья Капранови, Л. Дашвар, Л. Дереш, С. Жадан, И. Карпа и другие). Научные исследования в области сленговой фразеологии частично описаны в трудах П. Н. Грабового, И. А. Дзендзелевского, С. А. Мартос, Л. А. Ставицкой, А. А. Тараненко и других языковедов.

Исследование показало, что для сленговых фразеологических единиц, которые встречаются в художественном дискурсе, характерна метафоричность и гиперболизация, с помощью чего достигается комический (иногда иронический) эффект или высказывается негативная оценка ситуации. Идиоматика молодёжного сленга, как и он сам, постоянно обновляется, процесс образования новых элементов быстрый и высокопродуктивный.

Ключевые слова: идиоматическая конструкция, фразеологическая единица, молодёжный сленг, художественный дискурс.

Maria Yu. STOLYAR,
Post-Graduate Student of the Ukrainian Language Department of Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: stolyar.mariya@mail.ru; mob.: +38 0967342264

YOUTH SLANG IDIOMATIC CONSTRUCTIONS IN UKRAINIAN POSTMODERN ART DISCOURSE

Summary. The article is devoted to the problem of the functioning of youth slang, idiomatic constructions especially, in the literature postmodern discourse. The focus is on the semantic and functional features of idioms. The author proposed the distribution of slang phraseology groups depending on the structural integrity of components. These examples are from the works of modern writers (Ju. Andruchovich, Kapranovs Brothers, L. Dashvar, L. Deresh, S. Zhadan, I. Karpa, etc.). This topic is reflected in the works by P. Grabovyj, J. Dzendzelivskyj, S. Matios, L. A. Stavyc'ka, A. Taranenko and other linguists. The author found out that slang of idioms is characterized by exaggeration and metaphor, and it leads to comic (sometimes ironic) effect or negative assessment of the situation. Idiomatics of youth slang is constantly renewed; the formation of new items is very fast and highly productive.

Key words: idiomatic construction, phraseological unit, youth slang, postmodern literary discourse.

Статтю отримано 2.11.2014 р.

УДК 811.161.2’373.46’374.26:624

ФІЛЮК Лілія Миколаївна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: fln29092012@mail.ru; тел.: +38 (048) 7958605; моб.: +38 0677398459

МОДЕЛЮВАННЯ ТЕЗАУРУСУ УКРАЇНСЬКОЇ БУДІВЕЛЬНОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ

Анотація. У статті подаються різні підходи до визначення поняття «термін», розглядаються основні властивості та функції терміну, наводяться вимоги до його значення та форми. Доведено, що у сучасній лінгвістиці відсутнє однозначне визначення терміна. Показано, що особливий інтерес викликають термінології, які активно розвиваються, постійно постачають значний матеріал для термінологічного дослідження і тому мають потребу в упорядкуванні та стандартизації. Стверджується, що термінологія будівельної індустрії виступає саме такою сукупністю одиниць. На прикладі тезаурусу будівельної термінології проаналізовано метод тезаурусного моделювання як засіб пізнання та систематизації мови. Семантичний простір будівельних термінів представлений як складна ієрархічна структура, елементи якої пов’язані гіперогіпонімічними, синонімічними й антонімічними відношеннями. Тезаурусну модель української будівельної лексики представлено у вигляді схеми з вершиною, що розпадається на шість основних тематичних груп (термінополів).

Ключові слова: термін, термінологія, професійна комунікація, будівництво, тезаурусний підхід, тезаурусне моделювання, терміно поле.

На даний час немає загальноприйнятого визначення терміна, що повністю відображує його суть. Л. М. Алексєєва вважає, що найбільш слабкою ланкою в теорії термінознавства досі залишається з’ясування природи терміна, оскільки він є не тільки багатоаспектним, але і внутрішньо суперечливим об’єктом дослідження [1, с. 28]. У сучасній науці спостерігається кілька підходів до визначення терміна: одні вчені дають йому логічне визначення; другі — описово розкривають зміст, приписуючи йому характерні ознаки; треті — виділяють термін шляхом його протиставлення іншій мовній одиниці. Така багатоаспектність визначення терміна пояснюється тим, що він є об’єктом одночасно декількох наук. Відомо, що один і той самий термін може входити в різні термінологічні системи даної мови, що, на думку О. О. Реформатського, створює міжнаукову термінологічну омонімію [13, с. 65].

Кожна наука включає у визначення терміна своє розуміння і свої ознаки. Так, логік вважає, що термін — це будь-яке слово, якщо йому дана сувора дефініція. Це розуміння терміна зародилося в давньогрецькій науці з часів Платона. Філософи розуміють термін як скорочення дефініції, прирівнюючи тим самим обидва поняття. Соціологи розглядають у якості терміна будь-яке спеціальне слово, особливо якщо воно пов’язане з наукою чи виробництвом, незалежно від його походження та наявності у нього чіткої дефініції. Лінгвісти ж розуміють під терміном іменування поняття, а під дефініцією — розгорнуте тлумачення цього імені.

В. М. Лейчик вважає, що незадовільність більшості визначень полягає саме у спробі об’єднати різнохарактерні ознаки терміна, і стверджує, що таке об’єднання в одному визначенні ознак багатоаспектного об’єкта принципово неможливе і логічно неправомірне [12, с. 37]. Існує безліч інших підходів до визначення терміна, а в зв’язку з цим і велика кількість його дефініцій. Наведемо деякі з них. Так, у Великому енциклопедичному словнику можна знайти таке визначення терміна: це «слово або словосполучення, що позначає поняття спеціальної галузі знання або діяльності» [4, с. 1002]. О. С. Ахманова визначає термін як «слово або словосполучення спеціальної (наукової, технічної тощо) мови, створюване для точного вираження спеціальних понять і позначення спеціальних предметів» [2, с. 433].

З. І. Комарова, підкреслюючи номінативний характер терміна, дає наступне визначення: це «інваріант (слово або словосполучення), який позначає спеціальний предмет чи наукове поняття, обмежене дефініцією та місцем у певній терміносистемі» [11, с. 49]. У визначенні Б. Н. Головіна термін — це «окреме слово або утворене на базі іменника підрядне словосполучення, що означає професійне поняття і призначене для задоволення специфічних потреб спілкування у сфері певної професії (наукової, технічної, виробничої, управлінської)» [8, с. 89].

У В. П. Даниленка термін — це «слово (або словосполучення) спеціальної сфери вживання, яке є найменуванням спеціального поняття і потребує дефініції» [10, с. 94]. На думку О. Н. Баранова, «терміни можна визначити як слова (словосполучення) метамови науки та програм наукових дисциплін, а також слова, що позначають специфічні реалії областей конкретної практичної діяльності людини» [3, с. 158]. М. Н. Володіна вказує, що «під терміном розуміється слово або словосполучення спеціальної сфери вживання, створюване для точного вираження спеціаль-

© Філюк Л. М., 2014

них понять і засноване на дефініції» [7, с. 12]. В. М. Лейчик дає наступне визначення терміна: це «лексична одиниця певної мови для спеціальних цілей, що позначає спільне — конкретне або абстрактне — поняття теорії певної спеціальної галузі знань або діяльності» [12, с. 38].

На основі всього вищесказаного можна зробити висновок, що термін — це слово або словосполучення, що має дефініцію та позначає спеціальне поняття або предмет певної галузі знання або людської діяльності.

На думку С. В. Гриньова-Гриневича, термін необхідно розглядати у зіставленні з основною лексичною одиницею мови — словом. Проблема співвідношення терміна і слова довгий час була однією із найбільш важливих у термінознавстві. Лінгвіст стверджує, що термін, перш за все, відноситься до загального класу лексичних одиниць, і його приналежність до спеціальної лексики вторинна, що, в свою чергу, обумовлено співвідношенням із загальновживаною лексикою [9, с. 13]. На підставі розглянутих точок зору вчених на статус терміна щодо системи загальновживаної лексики С. В. Гриньов-Гриневич вирізняє такі властивості терміна:

1) специфічність вживання — віднесеність терміна до спеціальної області вживання обумовлена тим, що він використовується для називання понять;

2) змістовна точність — чіткість, обмеженість значення терміна;

3) дефінованість — спеціальне поняття має точні межі, встановлювані за допомогою наукового визначення — дефініції, яка одночасно є і визначенням значення терміна;

4) незалежність від контексту;

5) однозначність;

6) стилістична нейтральність — термін не повинен породжувати будь-яких додаткових асоціацій;

7) конвенціональність — цілеспрямований характер появи терміна, коли необхідність зручних назв для нових понять вимагає створення або ретельного вибору з існуючих лексичних засобів вираження понять;

8) номінативний характер — в якості термінів здебільшого використовуються іменники [9, с. 15].

Г. О. Винокур висловив думку про те, що терміни — це не особливі слова, а тільки слова в особливій функції. Під функцією терміна зазвичай розуміється роль, яку виконує термін як засіб позначення загального спеціального поняття [6, с. 46]. Так, В. М. Лейчик пропонує при аналізі функцій терміна взяти за основу функції слова, оскільки терміни засновані на лексичних одиницях мови. Основними функціями терміна В. М. Лейчик вважає наступні:

1) номінативна — терміни називають загальні поняття, категорії, ознаки (властивості) понять, а також операції (відносини) в різних спеціальних сферах людських знань і діяльності: в науці, виробництві, сфері суспільного життя тощо;

2) сигніфікативна (функція позначення, знакова функція) — вивчаються способи позначення, види мовних знаків за їхньою вмотивованістю (невмотивованістю), відношення знаків до типів об'єктів. З'ясовується, чи позначає мовний знак окремий об'єкт або клас об'єктів, як співвідносяться процеси позначення об'єктів (класів об'єктів) та понять про об'єкти;

3) комунікативна (інформаційна) — слово характеризується як засіб передачі певної змістовної та стилістичної інформації з встановленням зворотного зв'язку;

4) навчальна — терміни служать засобом передачі спеціального знання в просторі і в часі і застосовуються, з одного боку, в науковому спілкуванні, з іншого — при навчанні;

5) прагматична — знак пов'язаний з учасниками комунікації, конкретними умовами і сферою спілкування, залежить від тієї установки, яку вибирає мовець, впливаючи на слухача: переконати, спонукати до дії тощо;

6) евристична — функція відкриття нового знання. При побудові визначень і класифікацій понять, при спробах однозначно співвіднести поняття з термінами, які їх позначають, нерідко виявляється неповнота або неточність понять. Вчені відзначають, що формалізація найчастіше супроводжується повною перебудовою теорії, що вважалася до цього прийнятною. Наукові, технічні та інші терміни входять до складу наукових теорій як засобу позначення понять цих теорій;

7) когнітивна — термін визначається як підсумок тривалого процесу пізнання сутності предметів і явищ об'єктивної дійсності і внутрішнього життя людини, як вербалізація спеціального концепту, який спочатку може бути не просто уявним об'єктом, але навіть проявом чуттєвого пізнання. На даний час термін у працях представників когнітивного термінознавства описується як результат дискурсу, що реалізує процес пізнання [12, с. 40].

О. О. Реформатський виділяє також відбивну функцію терміна на основі того, що терміни — це слова спеціальні, обмежені своїм особливим призначенням, слова, які прагнуть бути однозначними як точне вираження понять і називання речей [13, с. 343]. В. В. Виноградов вважав терміни представниками номінативної або дефінітивної функції, оскільки вони є або засобом чіткого позначення, і тоді це простий знак, або засобом логічного визначення, тоді це науковий термін [5, с. 8].

На основі всього вищесказаного ми можемо зробити висновок, що в сучасній лінгвістиці відсутнє однозначне визначення терміна, що пояснюється приналежністю терміна до різних сфер наукової діяльності, різним підходом до його дефініції і різноманіттям параметрів. Огляд сучасних термінологічних досліджень виявив, що особливий інтерес викликають термінології, що активно розвиваються, постійно постачають значний матеріал для термінологічного дослідження і тому мають потребу в упорядкуванні та стандартизації. Ми вважаємо, що термінологія будівельної індустрії виступає саме такою сукупністю одиниць.

Одним із засобів пізнання й систематизації спеціальної мови будь-якої предметної галузі є тезаурусний підхід. Тезаурус — це сукупність змістовних одиниць певної мови із заданою в ній системі семантичних відношень. Семантика мови визначається тезаурусом (національної мови, мови конкретної науки або формалізованої мови для автоматизованої системи управління). Цей термін використовувався для позначення одномовного словника, де семантичні відношення визначаються групою слів за певними тематичними рубриками.

У широкому сенсі тезаурус інтерпретують як опис системи знань про дійсність, якими володіє індивідуальний носій інформації або група носіїв. Цей носій може виконувати функції приймача додаткової інформації, внаслідок чого змінюється і його тезаурус. Вихідний тезаурус визначає при цьому можливості приймача при отриманні ним семантичної інформації. У психології розглядають властивості тезауруса індивідуума, що виявляються при сприйнятті і розумінні інформації. В соціології та теорії комунікацій вивчають властивості тезауруса індивідуумів і колективів, забезпечують можливість взаєморозуміння на його основі. Тезаурус фактично містить не тільки інформацію про дійсність, але і метаінформацію (відомості про інформацію), що забезпечує можливість приймання нових повідомлень.

Системний та орієнтуючий характер тезауруса ліг в основу його застосування при описі різних лексичних пластів. Такі властивості термінологічних одиниць, як системність, стійкість і регулярність зв'язків, відсутність експресії, точність, установка на об'єктивність опису, роблять можливим тезаурусне моделювання терміносистеми. Термін, будучи двосторонньою знаковою одиницею, нерозривно пов'язаний із мисленням, яке відображає динамічний процес пізнання людиною дійсності та формує знання людини. У плані вираження термін має звукову оболонку, у плані змісту позначає поняття. Для того щоб об'єднати ці дві сторони знака і завдяки цьому прояснити дійсність, репрезентовану в мові, необхідно виявити структуру термінології через її ідеографічний опис.

Ідеографічний опис дозволяє продемонструвати логічні зв'язки між поняттями і термінами досліджуваної предметної області. На думку багатьох лінгвістів, основним типом понятійних зв'язків термінів є ієрархічний (наприклад, рід — вид, частина — ціле тощо). Родовидові відносини можуть охоплювати значні групи термінів. При цьому кожна така система складається з кількох мікросистем — мінімальних сукупностей термінів, об'єднаних родовим терміном. Класифікація термінів, заснована на відносинах «рід — вид», дозволяє, на наш погляд, об'єктивно виділити базові поняття в кожній предметній області, згрупувати навколо них підлеглі поняття і створити загальну класифікаційну схему понять.

Семантичний простір будівельних термінів є досить складною ієрархічною структурою, елементи якої (семантичні області, поля) пов'язані гіперо-гіпонімічними, синонімічними й антонімічними відношеннями. Тезаурусну модель української будівельної лексики можна представити у вигляді схеми з вершиною «Будівництво» (галузь матеріально-технічного виробництва), що розпадається на шість основних тематичних груп (термінополів): «Види будівництва», «Етапи будівництва», «Об'єкти будівництва», «Суб'єкти будівництва», «Будівельні матеріали», «Будівельні спеціальності та професії».

Термінополе «Види будівництва» охоплює шість елементів: «Цивільне будівництво», «Промислове будівництво», «Військове будівництво», «Транспортне будівництво», «Гідротехнічне будівництво» та «Гідромеліоративне будівництво». Відповідні терміни є гіпонімами по відношенню до гіперонімів «Будівництво».

Термінополе «Етапи будівництва» містить три тематичні підгрупи: «Проектування», «Будівництво (будівельно-монтажні роботи)» та «Експлуатація будівель і споруд». Кожна з перерахованих груп термінів має свої власні гіперо-гіпонімічні відносини або відносини «частина — ціле». Так, меронімом терміна «проектування» є термін «проект будівлі». У свою чергу, цей термін буде виступати голонімом для позначень «креслення», «розрахунково-пояснювальна записка», «кошторис».

Найбільш багатоплановим є термін «будівництво», що називає процес зведення будівель і споруд та включає в себе комплекс власне будівельних, монтажних, транспортних, допоміжних та інших робіт. Даний процес може бути представлений термінами: «монтаж» (антонім «демонтаж»), «опалубка» (антонім «розпалубка»), «армування», «бетонування», «ізоляційні роботи», «оздоблювальні роботи».

Термінополе «Об'єкти будівництва» включає, на нашу думку, два елемента: «Будівлі» й «Інженерні споруди», в той час як термін «будівля» може виступати гіперонімом для термінів

«будівлі масового будівництва», «унікальні будівлі». У відношенні «частина — ціле» в якості основних меронімів терміна «будівля» (виходячи із його складових частин, що мають певне призначення) виступають такі найменування: «фундамент», «стіни», «опори», «перекриття», «дахи» або «покриття», «сходи», «перегородки», «вікна» та «двері». Кожен із перерахованих термінів включений у власну систему гіперо-гіпонімічних відношень.

Серед основних елементів термінополя «Суб'єкти будівництва» ми виділяємо поняття «інвестори», «забудовники», «замовники», «підрядники».

Термін «Будівельні матеріали» характеризується розвиненими гіперо-гіпонімічними зв'язками. Виходячи з класифікації будівельних матеріалів за їхнім призначенням, як основні гіпоніми у родовидових відносинах терміна «будівельні матеріали» виступають терміносполучення «в'яжучі будівельні матеріали», «матеріали для стін», «оздоблювальні», «теплоізоляційні», «гідроізоляційні» та «покрівельні матеріали». Названі терміни характеризуються власними гіперо-гіпонімічними відносинами. Так, гіпонімами терміна «в'яжучі будівельні матеріали» є «повітряні в'яжучі матеріали» та «гідравлічні в'яжучі матеріали», які, у свою чергу, є гіперонімами для термінів «гіпс», «повітряне вапно», «гідравлічне вапно», «портландцемент» та ін.

Вхідною вокабулою термінополя «Будівельні спеціальності та професії» є термін «будівельник». Різноманіття гіпонімів даного терміна ми вважаємо доцільним класифікувати згідно з етапами будівництва. Так, на етапі проектування гіпонімами терміна «будівельник» є терміни «проектувальник», «інженер-проектувальник», «архітектор», «кресляр». На етапі будівельно-монтажних робіт можна виділити наступні терміни: «бетонник», «монтажник», «арматурник», «столяр», «тесляр», «лицювальник», «скляр», «маляр», «штукатур», «бляхар», «покрівельник», «укладальник», «плиточник, «оформлювач», які, у свою чергу, є гіперонімами для термінів, що позначають вузькі спеціальності: «монтажник-висотник», «монтажник залізобетонних конструкцій», «монтажник металоконструкцій», «монтажник гіпсокартонних плит», «монтажник вентиляційного обладнання», «монтажник систем опалення», «тесляр-бетонник», «столяр-тесля», «зварювальник арматурних сіток і каркасів», «формувальник залізобетонних виробів і конструкцій», «штукатур-маляр».

Таким чином, досліджувана термінологія має складну ієрархічну структуру, що відображує систему будівельних понять і відносин між ними. Ключові поняття будівництва представлені сукупностями основоположних термінів, об'єднаних між собою відносинами синонімії, антонімії, гіпер-гіпонімії, частина — ціле. Заключним етапом подібного структурування виступає тезаурусна модель україномовної термінології будівництва з вершиною «Будівництво» і кінцевими елементами — термінами-вербалізаторами наукової (будівельної) картини світу.

Література

1. *Алексеева Л. М.* Проблемы термина и терминообразования / Л. М. Алексеева. — Пермь : Пермский гос. ун-т, 1998. — 120 с.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М. : Либроком, 2014. — 576 с.
3. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — М. : Либроком, 2013. — 368 с.
4. *Большой энциклопедический словарь* / под ред. А. Прохорова. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — 1456 с.
5. *Виноградов В. В.* История слов / В. В. Виноградов. — М. : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 1999. — 1138 с.
6. *Винокур Г. О.* Избранные труды по языкознанию и культуре речи / Г. О. Винокур. — М. : ЛКИ, 2010. — 232 с.
7. *Володина М. Н.* Термин как средство специальной информации / М. Н. Володина. — М. : Изд-во МГУ, 1996. — 74 с.
8. *Головин Б. Н.* Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — М. : Высшая школа, 1987. — 103 с.
9. *Гринёв-Гриневич С. В.* Терминоведение / С. В. Гринёв-Гриневич. — М. : Академия, 2008. — 304 с.
10. *Даниленко В. П.* Ономасиологическое направление в грамматике / В. П. Даниленко. — М. : Либроком, 2009. — 344 с.
11. *Комарова З. И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З. И. Комарова. — М. : Флинта ; Наука, 2013. — 832 с.
12. *Лейчик В. М.* Терминоведение. Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М. : ЛКИ, 2007. — 256 с.
13. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение / А. А. Реформатский. — М. : АспектПресс, 2010. — 536 с.

References

1. *Alekseeva L. M.* Problemy termina i terminoobrazovanija / L. M. Alekseeva. — Perm' : Permskij gos. un-t, 1998. — 120 s.

2. *Ahmanova O. S.* Slovar' lingvisticheskih terminov / O. S. Ahmanova. — M. : Librokom, 2014. — 576 s.
3. *Baranov A. N.* Vvedenie v prikladnuju lingvistiku / A. N. Baranov. — M. : Librokom, 2013. — 368 s.
4. *Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* / Pod red. A. Prohorova. — M. : Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija, 1998. — 1456 s.
5. *Vinogradov V. V.* Istorija slov / V. V. Vinogradov. — M. : In-t russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova, 1999. — 1138 s.
6. *Vinokur G. O.* Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'ture rechi / G. O. Vinokur. — M. : LKI, 2010. — 232 s.
7. *Volodina M. N.* Termin kak sredstvo special'noj informacii / M. N. Volodina. — M. : Izd-vo MGU, 1996. — 74 s.
8. *Golovin B. N.* Lingvisticheskie osnovy uchenija o terminah / B. N. Golovin, R. Ju. Kobrin. — M. : Vysshaja shkola, 1987. — 103 s.
9. *Griniov-Grinevich S. V.* Terminovedenie / S. V. Griniov-Grinevich. — M. : Akademija, 2008. — 304 s.
10. *Danilenko V. P.* Onomasiologicheskoe napravlenie v grammatike / V. P. Danilenko. — M. : Librokom, 2009. — 344 s.
11. *Komarova Z. I.* Metodologija, metod, metodika i tehnologija nauchnyh issledovanij v lingvistike / Z. I. Komarova. — M. : Flinta ; Nauka, 2013. — 832 s.
12. *Lejchik V. M.* Terminovedenie. Predmet, metody, struktura / V. M. Lejchik. — M. : LKI, 2007. — 256 s.
13. *Reformatskij A. A.* Vvedenie v jazykovedenie / A. A. Reformatskij. — M. : AspektPress, 2010. — 536 s.

ФИЛЮК Лилия Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, Одесса, Украина;
e-mail: fln29092012@mail.ru; тел.: +38(048) 7958605; моб.: +38067739845.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕЗАУРУСА УКРАИНСКОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. В статье подаются разные подходы к определению понятия «термин», рассматриваются основные особенности и функции термина, приводятся требования к его значению и форме. Доказано, что в современной лингвистике отсутствует однозначное определение термина. Показано, что особенный интерес вызывают терминологии, которые активно развиваются, постоянно предоставляют значительный материал для терминологического исследования и поэтому имеют потребность в упорядочивании и стандартизации. Утверждается, что терминология строительной индустрии выступает именно такой совокупностью единиц. На примере тезауруса строительной терминологии проанализирован метод тезаурусного моделирования как способа познания и систематизации языка. Семантический простор строительных терминов представляется как сложная иерархическая структура, элементы которой связаны гиперо-гипонимическими, синонимическими и антонимическими отношениями. Тезаурусная модель украинской строительной лексики представлена в виде схемы с вершиной, которая распадается на шесть основных тематических групп (терминополей).
Ключевые слова: термин, терминология, профессиональная коммуникация, строительство, тезаурусный подход, тезаурусное моделирование, терминополе.

Liliya N. FILYUK,
Candidate of Philological sciences, Associate Professor of the Foreign Languages of the Faculties of Arts Department of Odessa I.I Mechnikov National University, Odessa, Ukraine;
e-mail: fln29092012@mail.ru; tel.: +38 (048) 7958605; mob.: +38067739845

THE MODELLING OF THE THESAURUS OF UKRAINIAN BUILDING TERMINOLOGY

Summary. The article deals with different approaches to the definition of the notion «term». The author examines the main features and functions of a term. The demands for its meaning and form are made. It is proved that in modern linguistics there is no single definition of a term. It is shown that the particular interest is aroused by terminologies which actively develop and always produce a considerable material for terminological investigation that's why they are in need of regulating and standardization. It is affirmed that the thesaurus of building industry is just the very totality of units. The method of thesaurus modelling as a way of cognition and systematization of the language is analysed on the example of the thesaurus of building terminology. The semantic space of building terms is represented as a complex hierarchical structure, the elements of which are connected with hypero-hyponymous, synonymous and antonymous relations. The thesaurus model of Ukrainian building vocabulary is shown as a scheme with the top dividing into six basic thematic groups (term-fields).
Key words: term, terminology, professional communication, building, thesaurus approach, thesaurus modelling, term-field.

Статтю отримано 12.11.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК [811.161.1+811.162.1]'372/373.611/612.2'276.1:572

АКАРТЕЛЬ Густав Михал,
кандидат филологических наук, адъюнкт кафедры русского языка Силезского университета в г. Катовице; Сосновец, Польша;
e-mail: akartel@hotmail.com; моб.: +48 503192117

МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ В РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ СОЦИОЛЕКТАХ
(на материале номинации человека по внешнему виду)

Аннотация. В статье предпринята попытка построения потенциальных моделей, отображающих механизмы семантической деривации на основе метафоры и метонимии в языковом подстандарте (арго, жаргоны, сленг). Мы рассмотрели 125 семантических дериватов (75 русских и 50 польских). Больше всего реакций на внешний вид человека в русском 35 %) и польском 28 %) языках представляют реакции, мотивированные показателем PD (предмет, орудие, результат труда). Другие реакции на рассматриваемый стимул в русских социолектах при сравнении с польскими такого параллелизма не показывают. В русских социолектах исследованные семантические дериваты мотивированы так: PR (кулинария) — 14,6 %; SK (млекопитающее) — 10,6 %; SO (соматоним) — 8 %; PZ (профессия, титул, звание, род занятий) — 5,3 %; NO (лицо) — 4 %, EF (физическое явление), FG (геометрическая фигура), JM (единица измерения), RK (беспозвоночное) и RO (растение) — по 2,6 %, прочие (EP (элемент неживой природы), PH (исторический персонаж), PT (птица), RB (рыба), SP (спортсмен), SR (существо) и WF (физиологические выделения)) по 1,3 %. В польских социолектах процентное соотношение в порядке убывания реакции таково: SK — 12 %, RO — 10 %, NO, PR и SO — по 8 %, PF (герой кинофильма) и RB — по 6 %, RK — 4 % и остальные (EG (графический знак), PM (мифологический персонаж), JM, PT и PZ) по 1 %. Некоторые стимулы не приводят к возникновению реакций в виде неосемантизмов. В русском материале нет таких реакций при ассоциациях с EG, PF и PM, а в польском — с EF, EP, FG, PH, SP, SR и WF. В русских и польских социолектах наибольшее количество семантических дериватов, которые мотивированы внешним обликом человека, — это номинации полных, тучных людей.

Представленные модели можно использовать для изучения регулярных и нерегулярных номинативных процессов неосемантизации.

Ключевые слова: семантическая деривация, семантическая модель, социолекты, стимул, мотивация, реакция, русский язык, польский язык.

Основная цель исследования — попытаться построить когнитивные модели лексико-семантического образования социолектных единиц и выделить среди них регулярные и нерегулярные модели. В связи с этим были описаны механизмы действия неосемантических парадигм. Исходя из предположения, что всё существующее, в том числе, естественные языки, опирается в своём действии на акции и реакции, т. е. причинно-следственные механизмы, можно предположить, что существуют закономерности, управляющие процессом неосемантизации, равно как и выбором материала, используемого в этом процессе. Таким материалом следует считать слова соответствующего значения. Под социолектами мы понимаем языки различных социальных групп, как правило, искусственно создаваемые с целью языкового обособления, а также языковой экспрессии. Языковой материал для статьи извлекался из известных как в России, так и в Польше словарей разного типа социолектов: [1; 2; 3; 4; 6; 7] для русского языка и [8; 9; 10] — для польского. Объектом анализа были слова, называющие человека по характерным признакам внешнего вида — высокий, полный, худой и т. п.

Предложенные в работе модели имеют упрощенную форму, что обусловлено невозможностью полного представления всей многоаспектности изучаемого нами процесса: «...нереально ожидать от естественного языка абсолютной предсказуемости — многое является градуированным, значительна при этом и роль конвенций» [5, с. 6]. Это можно понимать как невозможность отображения при помощи когнитивных моделей реакции на конкретный стимул в сугубо определённых обстоятельствах конкретной личности, однако вполне реальным видится отображение таких реакций в языковом социуме (молодёжный сленг, городское арго, тюремный жаргон, профессиолекты и т. д.), что подтверждается статистическим анализом регулярных и нерегулярных реакций. Под регулярными мы понимаем предсказуемые повторяющиеся реакции на данный стимул. В нашем исследовании эквивалентом стимулов выступают тематические группы и подгруппы, отбираемые составителями словарей, типа «высокий человек», «сильный человек», «беременная женщина», «худая женщина» и т. д.

Присутствие либо отсутствие тех или иных тематических групп в данном языковом коллективе может свидетельствовать о его предпочтениях по отношению к окружающей действительности. Процесс семантической деривации характерен для всех естественных языков, это

 © Акартель Г. М., 2014

одна из универсалий. В связи с этим возникает вопрос, насколько это явление объективно, а насколько оно субъективно? Субъективизм проявляется в том, что каждый носитель языка способен образовать на основании личного восприятия те или иные семантические дериваты. Объективизм, в свою очередь, заключается в том, что другой носитель того же языка способен правильно дешифровать представленную реакцию. Данное положение может служить доказательством системности семантической деривации.

Предлагаемые нами модели предполагают сопоставление русских и польских социолектов, которые мы будем рассматривать на основе единого методологического подхода с учётом количественных различий.

В отношении избранной номинации лиц модели представлены цепочками следующих компонентов: **Стимул → Мотиватор + Ассоциации + Σ → Реакция**, где **Стимул** следует понимать как контекст (в нашем случае это тематическая группа); **Мотиватор** — как эмоционально-психологические показатели, включающиеся при появлении Стимула; **Ассоциации** — как проявление возможных путей, ведущих к Реакции; **Σ** — как синтез Стимула, Мотиватора и Ассоциаций; **Реакция** — как результат, включающий разнообразный опыт говорящего и отображающий его восприятие мира.

Следует также иметь в виду, что Реакция первоначально может предполагать результатом и окказионализм, который потенциально способен войти в языковой узус данной социальной группы. Вхождение может обозначать, что выбранная реакция соответствует когнитивным параметрам группы, а её характер вписывается в ментальные и коммуникативные потребности носителей данного социолекта. Окказионализм имеет способность стать единицей узуса, заняв своё место рядом с уже существующими Реакциями (образуются синонимические и квазисинонимические цепочки), а также вытеснить другую какую-либо единицу или сосуществовать с ней, что для социолектов вполне характерно.

Таким образом, если в том или ином языке данные реакции ведут себя как регулярные (например, номинация лиц по этническим и расовым признакам, мотивируемая зоонимами [1]), а в другом языке подобных реакций нет либо они единичны, открывается поле для сравнительных и других исследований языковых картин мира носителей данных языков.

Наша когнитивная модель **С → М** [2] **+ А + Σ → Р**, отображающая номинацию лиц (семантическую деривацию) по внешнему признаку, строилась на основании ниже указанных факторов:

Стимул	Мотиватор	Ассоциация	Синтез	Реакция
Отображён тематической (лексико-семантической) группой	**Ch** — Худой **Ck** — Тяжелый **Dg** — Длинный **Du** — Большой **Gr** — Тучный **Ma** — Малый, небольшой **Ow** — Овальный, круглый **Sb** — Слабый **Si** — Сильный **Tl** — Жирный **Ws** — Узкий, тонкий **Wy** — Высокий	**EF** — Физическое явление **EG** — Графический элемент **EP** — Элемент неживой природы **FG** — Геометрическая фигура **JM** — Единица измерения **NO** — Лицо **PD** — Предмет, орудие, результат труда **PF** — Персонаж, герой кинофильма **PH** — Исторический персонаж **PM** — Мифологический персонаж **PR** — Кулинария **PT** — Птица **PZ** — Профессия, титул, звание, род занятия **RB** — Рыба **RK** — Беспозвоночное (черви, насекомые, паразиты и т. д.) **RO** — Растения (в том числе грибы), их составные части, плоды **SK** — Млекопитающее **SO** — Соматонимы (тело, часть тела, органы и т. д.) **SP** — Спортсмен **SR** — Существо **WF** — Физиологические выделения	(Σ)	Семантический дериват — неосемантизм

По нашим подсчётам, самую обширную группу лексем (30 русских и 15 польских) составляют семантические дериваты, стимулом для которых был **расположивший, тучный ЧЕЛОВЕК.** В номинативные основания слов этой группы, в первую очередь, легла ассоциация с миром

[1] Под зоонимами мы понимаем нарицательные обозначения животных (*зебра*, *корова*, *крыса* и пр.).

[2] Мотиватор может состоять из большого количества взаимно дополняемых признаков, ведущих к ассоциациям, однако в статье мы ограничимся только одним, наиболее объективным.

животных: Ck [1] + SK + ∑ → *бегемот* [1], *боров* [3], *слон* [3], *хряк* [3] и польские *basior* [10] (матёрый волк) [2], *caban* (валашский баран) [10], *knur* [10] (хряк) и *tucznik* [10] (откормок).

В отличие от польского языка, помимо ассоциаций с млекопитающими, в русском материале проявила себя модель, в основу которой легло название откармливаемой птицы: Ck + PT + + ∑ → *бройлер* [3].

В русском языке располневший, тучный человек получил также отзоонимную номинацию, основанную на ассоциации с мелким млекопитающим грызуном, обладающим способностью значительным образом увеличивать свои щёки: Ow + SK + ∑ → *хомяк*, *хомячок* [3].

Основой для семантической деривации в русском языке служат также названия блюд, продуктов, полуфабрикатов и пр., обычно считающихся высококалорийными: Tl + PR + ∑ → *гуляш* [3], *ливер* [3], *мясо* [3], *сало* [1], *сосиска* [3], *студень* [3], *телятина* [3], *холодец* [3], *шницель* [3]. По этой модели в польском языке образованы лишь две лексемы: Tl + PR + + ∑ → *cielęcina* [10] (телятина) і *słonina* [10] (сало).

Самостоятельную группу составляют номинации, основой для которых служат названия бытовых предметов с семантикой, предполагающей такие свойства, как ёмкость (большая), овальная, круглая, шаровидная форма, большой размер и т. п., например, ёмкости, помещения, сооружения: Du + PD + ∑ → *бочка* [3], *куль* [3], *рефрижератор* [1], *самовар* [3], *телятник* [3]. Польские неосемантизмы также предполагают действие этой модели: *beczka* [10] (бочка), *beczkowóz* [10] (воз с бочкой), *beka* [8] (*разг.* большая бочка), *bęben* [10] (барабан), *rotunda* [10] (круглое или полукруглое здание, обычно с куполом — ротонда).

Ассоциации, лежащие в основе номинации располневшего, тучного человека, имеют также своё начало в номинациях других лиц. Эти слова называют профессию, социальный статус либо черты характера, ассоциирующиеся с полнотой: Gr + PZ + ∑ → *булочник* [3], *жлоб*, *жлобина* [3], и польск. *hrabia* [10] (граф).

В мотивирующую основу вошли также соматоним — в русском языке: Gr + SO + ∑ → *щека* [3], а в польском — ассоциация с героем кинофильма: Gr + PF + ∑ → *garsija* (Гарсия) [10].

Помимо тучной внешности при восприятии человека немалое значение имеет рост. Эта черта нашла свое отражение в тематической группе **ЧЕЛОВЕК ВЫСОКОГО РОСТА** в около 20 русских и 8 польских семантических дериватах. В русском языке главным мотивирующим фактором становятся ассоциации с более или менее сложными с технической точки зрения предметами, семантика которых предполагает длину, высоту и размер (большой): Dg + PD + ∑ → *багор* [3], *оглобля* [1], *свая* [3], *шпала*, *шпалка* [3]; Wy + PD + ∑ → *башня* [3], *колокольня* [1]; Du + PD + ∑ → *машина* [3], *сундук* [3], *шифоньер* [3], *шкап* [1]. В эту группу следует включить также лексему *фитиль*, хотя ее когнитивная модель вместо признаков (Du) или (Wy) предполагает своим основанием (Ws): Ws + PD + ∑ → *фитиль* [1], [3]. Небезынтересно отметить, что лексема *фитиль* в социолектах обладает сходной вторичной семантикой: это может быть ‘высокий, худой, часто слабый, изможденный человек’ [3], ‘хилый человек, дистрофик’ [2], ‘высокий, худой человек’, ‘ослабевший больной человек’ [1], равно как и ‘доходяга’ [7].

В польских социолектах по этой модели образованы три единицы: Dg + PD + ∑ → *długopis* [10] (шариковая ручка), *tyka* [10] (шест) и *wycior* [10] (шомпол).

Вместе с тем модель, которая в русских социолектах проявила довольно высокую продуктивность, в польских, согласно источникам, представлена лишь одним дериватом: Wy + PD + + ∑ → *wieżowiec* [10] (высотное здание/дом-башня).

Отзоонимические дериваты были выявлены только в русском материале: Du + SK + ∑ → *кабан* [3], *слон* [3]. Также только в русском встретилась единица, основанная на названии пищевого продукта: Du + PR + ∑ → *кабанятина* [3]. Все прочие неосемантизмы представляют собой единичные образования: Du + EP + ∑ → *бугор* [3]; Du + SP + ∑ → *жаботинский* [3]; Du + FG + ∑ → *квадрат* [1]; Du + PZ + ∑ → *мясник* [3]; Dg + WF + ∑ → *сопля* [3]; Dg + RO + ∑ → *sosna*, *sosenka* [10] (сосна, сосенка).

Среди польских лексем, называющих человека высокого роста, встречаются номинации, основанные на противоположности к данному стимулу: *milimetr* (миллиметр) [10] и *przecinek* (запятая) [10]. В подобных случаях семантические модели приобретают менее очевидный облик, так как **Стимул** однозначен — **человек высокого роста**, однако в силу добавочных стимулов (например, юмористической или уничижительной окраски, что характерно для деклассированных элементов) возникают модели, построенные как **C → M ≠ A → ∑ → P**, где Мотиватор порождает своеобразную антиАссоциацию, основанную на антигиперболе: Wy ≠ JM → ∑ → *milimetr* и Wy ≠ EG → ∑ → *przecinek*.

Внешний облик свидетельствует также о физической силе либо её отсутствии. **ЧЕЛОВЕК ФИЗИЧЕСКИ СИЛЬНЫЙ** в русском материале представлен 19 лексемами, в то время как в польском — 5.

---

[1] Символы Мотиваторов и Ассоциаций даны латинскими буквами.

[2] При описании лексем в квадратных скобках указывается источник, в круглых — наиболее близкий русский эквивалент для польских примеров.

Физическая сила, как можно предполагать, порождает нередко ассоциации с предметами составными или технически более сложными. В русских социолектах семантические преобразования подобного типа основываются на силе, мощности, величине или форме: Si + PD → ∑ → *дизель* [1], *мотовила*, *мотовило* [3]; Du + PD + ∑ → *багор* [3], *шифоньер* [3], *шкап* [1], *шкаф* [3]; St + FG + ∑ → *рюмка*, *рюмочка* [3].

Помимо ассоциаций с предметами в русском материале возможны отзоонимические конструкции типа Si + SK + ∑ → *кабан, лось*. По этой модели в польском языке были выявлены две единицы: *byk* [8] (бык), *goryl* [9] (горилла).

Остальные неосемантизмы представляют собой единичные образования, в основу которых легли ассоциации с элементами природы, грибами, мясом как пищей, соматонимами и т. д.: Du + EP + ∑ → *бугор* [3], Du + RO + ∑ → *гриб*, *грибок* [3], Du + PR + ∑ → *кабанятина*[1] [3], Du + SO + ∑ → *лоб* [1], *хобот* [1]; *żyła* [8], Du + SR + ∑ → *монстр* [3], Du + NO + + ∑ → *мясник* [3] и одно польское, от персонажа кинофильма: Si + PF + ∑ → *tarzan* [10] (Тарзан).

Внешний облик человека в социолектах предполагает также тематическую группу **ЧЕЛОВЕК НИЗКОГО РОСТА**. В словарях-источниках было обнаружено около двадцати подобного типа лексем, среди них десять русских. Ассоциации, повлиявшие на полученный результат (реакцию), на первом месте предполагают предметы: Ma + PD + ∑ → *гвоздь* [3], *шпингалет* [1], [3], *шплинт* [1], польская лексема *taboret* [10] (табурет). В отличие от польского, в русском материале реакции на рассматриваемый стимул предполагают также единицы измерения: Ma + JM + ∑ → *метр*[2] [3] *и фунт* [1].

Отзоонимные реакции в русском материале представлены единичным примером, мотивированным ассоциацией с насекомым: Ma + RK + ∑ → *муха* [3]. В польском материале были выявлены ассоциации с млекопитающим, птицей и продуктом питания: Ma + SK + ∑ → *jamnik* [9], [10] (такса — порода собаки), Ma + PT + ∑ → *kaczor* [10] (селезень), Ma + PR + ∑ → → *filet* [10] (филе).

Судя по незначительному количеству обнаруженных нами лексем, также и соматонимы не играют существенной роли в номинации человека низкого роста. Было выявлено лишь по одному неосемантизму, восходящему к соматониму: Ma + SO + ∑ → *пупок* [3] и польск. *pępek* [10] (пупок).

Довольно интересными представляются остальные неосемантизмы со значением ‘человек низкого роста’, в рассматриваемые нами социолекты перешедшие из разговорной речи и просторечия. Это лексемы, в которых уже были составные семы ‘малый’, ‘низкого роста’, но они имели отношение исключительно к детям: *шкет* [1], [3] (*прост.* мальчишка, мальчик) и польск. *kajtek* [8], [9] (*разг.* маленький мальчик), *mikrus* [10] (*разг.* маленький ребенок), *szkrab* [10] (*разг.* малявка, малолеток). В отношении этих неосемантизмов когнитивная модель будет выглядеть следующим образом: Ma + NO + ∑ → *шкет; kajtek, mikrus* и *szkrab*.

В русском материале встретился неосемантизм, основанный на ассоциации с историческим персонажем: Ma + PH + ∑ → *пипин* [MA] (Пипин III Короткий).

Маленький человек также определяется как *шарик* [3]. Выведение семантической модели для этого неосемантизма представляет определенное затруднение, так как лексема *шарик* в нормативном языке многозначна, что затемняет пути возможных ассоциаций. *Шарик,* согласно основным толковым словарям русского языка, это и *уменьш.* к *шар*, и составной элемент крови (устар.), и *разг., шутл.* то же, что *земной шар*, и *прост., шутл.* в выражениях: *шарики не работают, шариков не хватает, шариками покрутить* и некоторых др. — об умственных способностях человека, и *разг.* то же, что *шариковая авторучка*, и известная кличка собаки, синоним дворняжки. Как возможный вариант, когнитивную модель для неносемантизма *шарик* в языковом подстандарте можно представить в виде Ma + PD + ∑ → *шарик*.

В заключение рассмотрения этой тематической группы приведём ещё одну лексему, результат семантического преобразования в польском языке, предполагающую в своем основании антигиперболу: Ma ≠ PM → ∑ → *tytan* [10] (титан, гигант).

Располневший, тучный человек в русскоязычном материале представлен тридцатью лексемами, в то время как **ХУДОЩАВЫЙ, ХУДОЙ** лишь семью, при том, что в польском материале было выбрано около двадцати неосемантизмов, называющих человека по этому признаку.

Рассматриваемый стимул (худощавый, худой) лёг в основу семантической модели с ассоциациями по частям тела: Ch + SO + ∑ → *кишка* [1], *палец* [3], *kościotrup* [8], [10] (костяк, скелет), *szkielet* [8] (скелет), *żyła* [9] (жила, вена). Такой же общей для русского и польского социолектов будет семантическая модель, основанная на ассоциациях с миром животных (рыбы и круглые черви), равно как и пищевыми продуктами: Ch + RB + ∑ → *селёдка* [3], *piskorz*

[1] Слово *кабанятина* мы считаем неосемантизмом по аналогии с *баранина, телятина* и т. п., применительно к социолектам это слово можно рассматривать как образование по типу *здоровый → здоровятина*.

[2] Ср. польск. *milimetr* и *przecinek* ‘большой человек, человек высокого роста’.

[10] (вьюн), *śledź*, *śledzik* [9] (сельдь, селёдка), Ch + RK + ∑ → *глист* [3], *tasiemiec* [10] (солитер, цепень), Ch + PR + ∑ → *сухарь* [3], *rolmops* [9] (рольмопс).

Остальные два русские неосеманизма образованы по основаниям человек → человек и нечеловек (физическое явление) → человек. К первому имеет отношение модель Ch + NO + + ∑ → *пилигрим* [1], ко второму Ch + EF + ∑ → *тень* [3].

Как уже было сказано, в польских социолектах имеется большее количество неосемантизмов, определяющих худого человека, при этом не обнаружено русскоязычных эквивалентов к реакциям, следующим из стимула **худой человек** и ассоциаций с **предметами** и **растениями**. Первая такая семантическая модель включает реакции Ch + PD + ∑ → *długopis* [10] (шариковая авторучка), *drzazga* [10] (заноза, щепка), *gwóźdź*, *gwoździk* [10] (гвоздь, гвоздик), *igła*, *igiełka* [10] (игла, иголка), *szczapa* [8] (щепа), *szydło*, *szydełko* [10] (шило, крючок для вязания), *świeca* [10] (свеча), *tyka* [10] (шест), а вторая — Ch + RO + ∑ → *łodyga* [10] (стебель), *rabarbar* [10] (ревень).

Заметим, что описание номинаций человека по его внешним признакам проводилось нами в порядке их убывания, от большего их числа к меньшему. исходным был русскоязычный материал, с которым сопоставлялся далее польский. По внешнему виду, облику человека можно судить о наличии либо отсутствии у него физической силы. Человек физически сильный рассматривался нами уже в третьей тематической группе, в связи с чем в настоящей, шестой, оказался **ЧЕЛОВЕК ФИЗИЧЕСКИ СЛАБЫЙ, ЗАМОРЫШ**. В этой группе было обнаружено лишь восемь лексем, среди них три русскоязычные.

Характеризуемые лексические единицы образовались на основании единичных ассоциаций (за исключением ассоциации с «RO» в польском языке), что не позволяет говорить о регулярных моделях. В русском материале встретились ассоциации с физическим явлением: Sb + EF + + ∑ → *огонь* [7], предметом: Sb + PD + ∑ → *фитиль* [1], [3], [7], равно как и с лицом на основании антигиперболы: *крепыш* [3] (*разг.* человек крепкого телосложения).

Неосемантизмы в польском материале представляют собой номинации физически слабого человека на основе ассоциаций с растениями: Ch + RO + ∑ → *lebioda* [8] (лебеда), *rabarbar* [10] (ревень), одноклеточным существом: Ch + RK + ∑ → *wymoczek* [8] (инфузория), персонажем из детского мультипликационного фильма: Ch + PF + ∑ → *pluto* [10] *(Плуто)*. И ещё один польский неосемантизм, восходящий к уже обозначенной номинации лица — *ofiara*, с тем, что первоначально в разговорной речи слово это обозначало *растяпу, недотёпу*, после чего произошло расширение семантики с переносом на слабого человека: Ch + NO + ∑ → *ofiara* [8].

Представленные тематические группы и семантические модели, по основаниям которых определяется человек по внешнему виду, составляют лишь малую часть исследованного нами социолектного материала. Достаточно перечислить не указанные в настоящей статье допустимые стимулы в порядке убывания количества неосемантизмов при них: лысый — *колено*, *фантомас*, *kodżak* (Коджак), *księżyc* (луна) и др.; человек с большим носом — *утконос*, *флюгер*, *klubowicz* (*разг.* член клуба)...; старый — *штрих*, *grzechotnik* (гремучая змея), *piernik* (коврижка)...; молодой — *кнут, szpic* (шпиль)...; обросший волосами — *тарзан, włochacz* (*разг.* мохнатая ткань)...; грязный — *хавронья, чушка*...; одноногий — *коваль*; со следами оспы на лице — *рашпиль*; с усами — *таракан*; горбатый — *dwukadłubowiec* (катамаран), *welocyped* (пенни-фартинг)...; с большими ушами — *masztowiec* (мачтовое судно с парусами), *słoń* (слон)...; блондин — *siwek* (*разг.* серая, сивая масть лошади)... И это лишь некоторые тематические группы, предполагающие номинацию, которую, в силу грамматического рода, равно как и андроцентрического характера социолектов, следует воспринимать в отнесении к представителям мужского пола. В рассматриваемых нами социолектах особым вниманием пользуется также и женщина, номинации которой охватывают многочисленные тематические группы, основанные на неосемантизмах, не включённые в настоящую статью по причине объёма.

На основании предложенных когнитивных моделей можно выявить некоторые закономерности, проявляющиеся в русском и польском языковых подстандартах. Нами было рассмотрено 125 лексем, в том числе 75 русских, которые можно рассматривать как результат семантической деривации. На основе предложенных когнитивных моделей можно заметить, что наибольшее число реакций на основные черты внешнего вида человека в обоих языках представляют реакции, основанные на показателе «PD» (предмет, орудие, результат труда) — 35 % лексем в русском языке и 28 % в польском от общего количества неосемантизмов в каждом из языков. Согласно нашим подсчётам, последующие реакции на рассматриваемый стимул в русских социолектах при сравнении с польскими такого параллелизма уже не показывают. В русских социолектах представленные по убыванию реакции составляют следующую последовательность: PR — 14,6 %, SK — 10,6 %, SO — 8 %, PZ — 5,3 %, NO — 4 %, EF, FG, JM, RK и RO — по 2,6 %, прочие (EP, PH, PT, RB, SP, SR и WF) по 1,3 %. В польских социолектах процентное соотношение в порядке убывания реакции таково: SK — 12 %, RO — 10 %, NO, PR и SO — по 8 %, PF и RB — по 6 %, RK — 4 % и остальные (EG, JM, PM, PT и PZ) по 1 %. Небезынтересно то, что некоторые стимулы не привели к возникновению реакций

в виде неосемантизмов. В русском материале таких реакций не наблюдается при ассоциациях с EG, PF и PM, а в польском — с EF, EP, FG, PH, SP, SR и WF.

Таким образом, полученные на основании предложенных когнитивных моделей статистические данные показали, что среди носителей русского и польского языков в социолектах наибольший интерес с точки зрения языковой экспрессии в отношении к внешнему облику человека представляет номинация полного, тучного человека, для которой **Реакции** имеют основание в моделях C → Ck + SK → ∑ → P; C → Ck + PT + ∑ → P; C → Ow + SK + ∑ → P; C → Tl + PR + ∑ → P; C → Du + PD + ∑ → P; C → Gr + PZ + ∑ → P; C → Gr + SO + + ∑ → P и C → Gr + PF + ∑ → P. Само выделение предложенных моделей является попыткой теоретического осмысления с помощью метода моделирования, который ранее был использован для анализа морфемной деривации, лексико-семантической деривации русских и польских социолектизмов. Разумеется, говорящие свою речевую деятельность не сверяют с установленными нами моделями. Автоматизм создания социолектизма по той или иной модели, по нашему мнению, опирается, в первую очередь, на подсознательно ощущаемую аналогию к уже существующим образцам, когнитивным моделям.

Литература

1. *Балдаев Д. С.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. — М. : Края Москвы, 1992. — 556 с.
2. *Быков В.* Русская феня / В. Быков. — Смоленск : Траст-Имаком, 1994. — 222 с.
3. *Елистратов В. С.* Словарь русского арго / В. С. Елистратов. — М. : Русские словари, 2000. — 694 с.
4. *Ермакова О. П.* Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина. — М. : Азбуковник,1999. — 320 с.
5. *Лангаккер Р. У.* Когнитивная грамматика / Р. У. Лангаккер ; [пер. С. Н. Петрова]. — М. : ИНИОН РАН, 1992. — 56 с.
6. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — СПб. : Норинт, 2001. — 1536 с.
7. *Толковый словарь лагерно-воровского языка* [Электронный ресурс] // Снегов С. Язык, который ненавидит. — М. : Просвет, 1991. — Режим доступа: http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Snegov.htm
8. *Anusiewicz J.* Słownik polszczyzny potocznej / J. Anusiewicz, J. Skawiński. — Wyd. 3. — Warszawa ; Wrocław : Wyd-wo Naukowe PWN, 2000. — 410 s.
9. *Kania S.* Słownik argotyzmów / Stanisław Kania. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 1995. — 274 s.
10. *Stępniak K.* Słownik tajemnych gwar przestępczych / Klemens Stępniak. — London : Puls, 1993. — 735 s.

References

1. *Baldaev D. S.* Slovar tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoy i graficheskiy portret sovetskoy tyurmy) / D. S. Baldaev, V. K. Belko, I. M. Isupov. — M. : Kraja Moskvy, 1992. — 556 c.
2. *Bykov V.* Russkaya fenya / V. Bykov. — Smolensk : Trast-Imakom, 1994. — 222 s.
3. *Elistratov V. S.* Slovar' russkogo argo / V. S. Elistratov. — M. : Russkije slovari, 2000. — 694 s.
4. *Ermakova O. P.* Slova, s kotorymi my vse vstrechalis'. Tolkovyy slovar' russkogo obschego zhargona / O. P. Ermakova, E. A. Zemskaya, R. I. Rozina. — M. : Azbukovnik, 1999. — 320 s.
5. *Langakker R. U.* Kognitivnaya grammatika / R. U. Langacker ; [translated by S. N. Petrova]. — M. : INION RAN, 1992. — 56 s.
6. *Mokienko V. M.* Bolshoy slovar' russkogo zhargona / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. — SPb. : Norint, 2001. — 1536 s.
7. *Tolkovyj slovar' lagerno-vorovskogo yazyka* [Elektronnyj resurs] // Snegov S. Yazyk, kotoryi nenavidit / S. Snegov. — M. : Prosvet, 1991. — Rezhim dostupa: http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Snegov.htm
8. *Anusiewicz J.* Słownik polszczyzny potocznej / J. Anusiewicz, J. Skawiński. — Warszawa ; Wrocław : Wyd-wo Naukowe PWN, 2000. — 410 s.
9. *Kania S.* Słownik argotyzmów / Stanisław Kania. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 1995. — 274 s.
10. *Stępniak K.* Słownik tajemnych gwar przestępczych / Klemens Stępniak. — London : Puls, 1993. — 735 s.

АКАРТЕЛЬ Густав Міхал,
кандидат філологічних наук, ад'юнкт кафедри російської мови Сілезького університету в м. Катовіце; Сосновець, Польща;
e-mail: akartel@hotmail.com; моб.: +48 503192117

МОДЕЛІ СЕМАНТИЧНИХ ДЕРИВАТІВ У РОСІЙСЬКИХ І ПОЛЬСЬКИХ СОЦІОЛЕКТАХ (на матеріалі номінації людини за зовнішнім виглядом)

Анотація. У статті зроблено спробу відтворити потенційні моделі, що відображають механізми семантичної деривації на основі метафори та метонімії у мовному підстандарті (арго, жаргони, сленг). Розглянуто 125 семантичних дериватів (75 російських і 50 польських). Найбільше реакцій на зовнішній вигляд

людини у російській 35 %) та польській 28 %) мовах є реакціями, які вмотивовані показником PD (предмет, знаряддя, результат праці). Інші реакції на розглянутий стимул у російських соціолектах у порівнянні з польськими не виявляють такого паралелізму. Досліджені семантичні деривати вмотивовані у російських соціолектах так: PR (кулінарія) — 14,6 %; SK (ссавець) — 10,6 %; SO (соматонім) — 8 %; PZ (професія, титул, звання, рід занять) — 5,3 %; NO (обличчя) — 4 %; EF (фізичне явище), FG (геометрична фігура), JM (одиниця виміру), RK (безхребетне) і RO (рослина) — по 2,6 %; інші (EP (елемент неживої природи), PH (історичний персонаж), PT (птах), RB (риба), SP (спортсмен), SR (істота) і WF (фізіологічні виділення)) — по 1,3 %. У польських соціолектах процентне співвідношення в порядку убування реакції таке: SK — 12 %; RO — 10 %; NO, PR та SO — по 8 %; PF (герой кінофільму) і RB — по 6 %; RK — 4 %; решта (EG (графічний знак), PM (міфологічний персонаж), JM, PT і PZ) — по 1 %. Деякі стимули не призводять до виникнення реакцій у вигляді неосемантизмів. У російському матеріалі немає таких реакцій при асоціаціях з EG, PF і PM, а в польському — з EF, EP, FG, PH, SP, SR і WF. У російських і польських соціолектах найбільша кількість семантичних дериватів, які мотивуються зовнішнім виглядом людини, — це номінації повних, огрядних людей.

Представлені моделі можна використовувати для вивчення регулярних і нерегулярних номінативних процесів неосемантизації.

Ключові слова: семантична деривація, семантична модель, соціолекти, стимул, мотивація, реакція, російська мова, польська мова.

Gustaw Michał AKARTEL
PhD in Philological Sciences, adjunct of the Russian Language Department of University of Silesia in Katowice; Sosnowiec, Poland;
e-mail: akartel@hotmail.com; tel.: +48 503192117

MODELS OF SEMANTIC DERIVATIVES IN RUSSIAN AND POLISH SOCIOLECTS (NAMES OF THE PERSON ON THE BASIS OF APPEARANCE)

Summary. The article attempts to construct potential models that show the mechanisms of semantic derivation based on metaphor and metonymy in the substandard language (argots, jargons, slangs). We reviewed 125 semantic derivatives (75 Russian and 50 Polish). Most reactions to the appearance of a person in the Russian 35 %) and in the Polish 28 %) languages are the reactions motivated by indicator PD (the object, the instrument or the result of work). Other reactions to the stimulus considered in the Russian and in the Polish sociolects do not show such parallelism. Semantic derivatives investigate in the Russian sociolects motivated as follows: PR (cookery) — 14.6 %; SK (mammal) — 10.6 %; SO (somatonim) — 8 %; PZ (profession, title deeds, rank, sphere of employment) — 5.3 %; NO (face of person) — 4 %, EF (physical phenomenon), FG (geometric figure), JM (unit of measure), RK (said invertebrate) and RO (plant) — to 2.6 %, other (EP (element of inanimate nature), PH (historical figure), PT (bird), RB (fish), SP (athlete), SR (the creature) and WF (physiological excretion)) to 1.3 %. The percentages in descending order in the Polish sociolects show such reactions: SK — 12 %, RO — 10 %, NO, PR and SO — to 8 %, PF (hero of the film) and RB — to 6 %, RK — 4 % and the rest (EG (graphic sign), PM (mythological character), JM, PT and PZ) to 1 %. Certain incentives do not give rise to a creation of new semantic derivates. In the material investigated by author there are not new Russian semantic derivatives which could be the reactions to associations with EG, PF, PM, and Polish — with EF, EP, FG, PH, SP, SR, WF. The largest number of semantic derivatives motivated by the appearance of person relate to fat and obese people in the Russian and in the Polish sociolects.

The presented models can be used to study the regular and irregular processes of semantic derivation.

Key words: semantic derivation, the semantic model, sociolect, incentive, motivation, association, the Russian language, the Polish language.

Статтю отримано 10.09.2014 р.

УДК [811.161.1+811.161.2+811.163.2]'373.74:392.48

АРЕФЬЕВА Наталья Георгиевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: arefyew_oleg@mail.ru; тел.: +38 (048) 7845738; моб.: +38 0508663287

СВАТОВСТВО В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье анализируются фразеологизмы русского, украинского, болгарского языков, эксплицирующие концептосферу сватовства. Сватовство рассматривается как важный элемент свадебной обрядности, направленный на изменение социального статуса человека и закрепившийся в славянской языковой картине мира посредством фразеологических единиц. Рассматриваются старинные славянские обряды и традиции, связанные со сватовством, определяется их место в современной лингвокультуре. Подчёркивается активная доминирующая роль жениха и членов его семьи на протяжении всех стадий свадебного сговора. На фразеологическом материале трёх славянских языков выделяются и анализируются как концепты общеславянской культуры, такие как «ворота», «тыква», «корыто», так и концепты национально-специфические, культурно значимые, такие как «рушник», «обуща» (обувь).

Автор приходит к выводу о широкой представленности концептосферы сватовства в славянской фразеологии. Подчёркивается исключительная роль семьи и брака в мировоззрении древних славян и славянской культурной традиции.

Ключевые слова: русский язык, украинский язык, болгарский язык, фразеологизм, обряды и традиции, концепт, концептосфера, национально-культурная специфика.

Изучение традиций и обрядов как устойчивого пласта культурной и языковой системы, впитавшего в себя социальную историю народа и отражающего её целым набором средств, является актуальной проблемой лингвокультурологии и этнолингвистики. Этнолингвистическому изучению славянских традиций и обрядов, связанных со сватовством и заключением брака, посвящены работы А. А. Потебни, Я. Коморовского, Д. К. Зеленина, В. В. Иванова и В. Н. Топорова, А. К. Байбурина, Н. Колева, М. Арнаудова, Е. Узенёвой, Р. Ивановой, Н. В. Зориной, А. В. Гуры и других учёных. Исследованию фразеологии в русле лингвокультурологии и концептологии посвящены труды В. Д. Ужченко, В. М. Мокиенко, Е. А. Селивановой, В. Н. Телия, К. Ничевой, Е. А. Левченко, А. А. Майбороды и др.

Предмет нашего исследования — обряды и традиции, связанные со сватовством. Материал исследования — фразеологизмы русского, украинского и болгарского языков.

Сватовство, являясь предопределяющей неотъемлемой частью свадебных обрядов, направлено на изменение социального статуса человека. Совершенно справедливо отмечает О. А. Седакова типологическое сходство свадебной и погребальной обрядности славян, а также обрядов, связанных с новосельем, подчёркивая их переходность, т. е. перемену статуса человека [8, с. 19]. Вместе с тем, обряды и традиции, связанные с заключением брака, определяются не столько природно-биологическими факторами (как, например, рождение или смерть), сколько социально-культурными, что обеспечивает их специфику в сравнении с другими обрядами семейного цикла [3, с. 9].

Действия, предшествующие заключению брака: знакомство молодых людей, проявление симпатии, переходящее в ухаживание, — зафиксированы во фразеологическом корпусе славянских языков и отражают обычаи славянских народов. Особенно широко представлена данная концептосфера в болгарской фразеологии. Процесс ухаживания за девушками отражают такие фразеологические единицы (далее ФЕ), как ***лъжа момите*** (букв. обманывать девушек) — 'заигрывать с девушками, ухаживать за девушками' [БРФС, с. 317]; ***тичам подир (по) момите*** 'увиваться (приударять) за девушками': — *Сигурен е, само е пиперлия и обича да се перчи, а инак е юначина... но много тича по момите (Ем. Кораллов). — На него можно положиться, он человек верный, одно только плохо: больно на язык резок, любит покрасоваться и за девушками приударить, а во всём остальном — орёл* [БРФС, с. 567]; ***прескачам плетовете (плетищата)*** (букв. перескакивать через плетень) 'крутить любовь, увиваться за девушками': *Викаха му по прякора на дядо му, който прескачал някого като сур елен плетищата (Ст. Ц. Даскалов). — Его так звали, потому что таково было прозвище его деда, который в своё время, как олень, перемахивал через ограды к своим зазнобам*) [БРФС, с. 434]; ***прескачам зидовете*** (букв. перепрыгивать через ограду) 'ухаживать за девушками, вертеться около них' [НФР, с. 217]. К слову, обычай перепрыгивать через плетень во двор к понравившейся девушке известен и другим славянам, в частности, русским и украинцам.

У болгар известен обычай просить воды у понравившейся девушки, ср. ФЕ ***напивам/напия вода*** 'просить/попросить напиться воды у девушки, возвращающейся от источника (знак симпатии со стороны молодого человека)' [БРФС, с. 354].

© Арефьева Н. Г., 2014

Как было сказано выше, процесс сватовства является важным этапом свадебной обрядности славян. О культе сватовства, отождествлении сватов с представителями рода в мировоззрении славян, исключительной важности родственных связей для славянина писал ещё выдающийся славист XIX века П. А. Лавровский [5, с. 2—3, 22—23]. О. Н. Трубачёв считает ключевым словом славянской и праславянской культуры в целом (в отличие от лингвокультуры западноевропейской) слово «свой» (с *и.-е.* ***sue-**), отмечая, что «средоточием ‘своего’ был для славянина род и терминология родства» [9, с. 179, 191]. Именно этим словом этимологически объясняет учёный *праслав.* ***svat** наряду с другими терминами свойственного родства, таких как ***svekry**, ***svekrъ**, ***svьstъ** ‘свояченица’, а также ***synъ, *sestra (*sue-sr**, *и.-е.* ‘своя женщина, женщина рода’) [9, с. 192]. О том, что сват в исходном значении — ‘свой человек, родственник’, — свидетельствуют ФЕ ***ни сват ни брат*** кому-л. — ‘посторонний, чужой человек’ [ФСРЯ, с. 411]; *болг.* ***ще ти покажа, кой кум, кой <стар> сват*** — ‘получишь то, что заслуживаешь, отомщу тебе’ [ФРБЕ, т. 2, с. 529] и др.

Как известно, сват, сваха, сваты принимали активное участие в сватовстве со стороны жениха и являлись посредниками в переговорах о выдаче невесты замуж. Они также вели переговоры о приданом, свадебных расходах, проведении свадьбы и т. п. в продолжение всего свадебного сговора [3, с. 143, 158]. Ср. *русск.* ***засылать сватов*** ‘свататься к кому-л., делать предложение’, *укр.* ***слати (засилати, присилати, посилати/заслати, прислати старостів [за рушниками]*** ‘просить согласия на брак у девушки и её родителей; свататъ’: *Зачали парубки засилати старостів до дівчат* (Кв.-Осн.) [ФСУМ, т. 2, с. 824]. В то же время решающее слово остаётся за женихом, ср. *русск. прост. шутл.-ирон.* ***без меня меня женили*** ‘решение, касающееся непосредственно меня, принималось без моего согласия’ [ИЭС, с. 220]. У болгар, согласно обычному праву, существовала большая и малая помолвка: *болг.* **малък** и **голям годеж**, где **«годеж»** — своеобразная договорённость между родственниками жениха и невесты об имущественных условиях брака, что предусматривало прилюдный обмен обручальными кольцами и подарками. В некоторых регионах родители жениха платили отцу невесты так называемый **«баба хак»** — определённую сумму денег, поскольку семья невесты теряла работника [1, с. 249].

Мотив сватовства отражён в славянской фразеологии с помощью концепта «**ворота**» (*болг.* **врата**). **Ворота —** символ разграничения пространства на «своё» и «чужое», в свадебном обряде они наделяются ритуальной семантикой [3, с. 566—567]. Слово *ворота* и его иноязычные соответствия как лингвокультурный символ широко представлены, прежде всего, в болгарских ФЕ: ср. *диал. болг.* ***потропвам/потропам на*** нечия ***врата (вратите), потропвам/потропам на*** нечия ***порта***, ***похлопвам/похлопам (почуквам/почукам) на*** нечия ***порта***; ***хлопам (чукам, тропам) на*** нечия ***врата (порта)*** (букв. постучать в чьи-л. ворота) во втором значении — ‘сделать предложение, посвататься к кому-л.’ [ФРБЕ, т. 2, с. 169, 491].

Ворота также символизировали дом, семейство. Так, *русск.* ***мазать (вымазывать)/вымазать ворота дёгтем*** кому-л. имеет значение ‘позорить, очернять кого-л.’ [ИЭС, с. 122]. Древний обычай вымазывания ворот дёгтем имел целью опозорить не только потерявшую невинность девушку, но и её семью [Там же]. В северо-восточной Болгарии молодые люди, чтобы отомстить обманувшей их девушке, могли снять ворота с петель, а в северо-западной Болгарии снимали с петель её ворота, относили на колодец и измазывали их дёгтем [3, с. 21].

В украинской лингвокультуре культурно значимым концептом (термин В. Н. Телия) является концепт **«рушник»**. Рушник в украинской фразеологии — символ не только сватовства, но и свадьбы, женитьбы. Ср.: ***ставити на рушник (на рушнику)*** — ‘женить (выдавать замуж)’: *Без любистку, заговорів — силою тільки власного язика вона не раз і не два зводила докупи роз’єднані серденька, становила на рушнику навіть дітей своїх кровних ворогів* (Л. Янов.) [ФСУМ, т. 2, с. 858]; ***рушники тчуться*** у когось — ‘девушка готовится замуж’: *Всі на мене залицялись І сватати стали; А у мене, як на тебе, Й рушники вже ткались* (Шевч.) [ФСУМ, т. 2, с. 776]; ***брати/взяти рушники*** — *устар.* ‘сватать, свататься’; ***вернутися з рушниками*** — *устар.* ‘согласиться выдать дочку замуж’: *Вернулися люде [люди] з рушниками... Таку кралю висватали, Що хоч за гетьмана, То не сором* (Шевч.) [ФСУМ, т. 1, с. 193, 73]. Последняя ФЕ, как и *укр.* ***прийняти старостів*** ‘согласиться выдать дочку замуж, дать согласие выйти замуж’ [ФСУМ, т. 2, с. 692] отражают благополучный исход сватовства, когда сватов приветливо встречали, приглашали в дом, угощали, тем самым давая согласие на брак.

Во фразеологии славянских языков широко распространён мотив **неудачного сватовства.** Так, собственно русское ***от ворот поворот*** (‘категорический отказ, отрицательный ответ на чью-л. просьбу, обращение’) отражает старинный русский обычай: при отказе сватов выпроваживали за ворота, давая «от ворот поворот» [ИЭС, с. 122].

В славянской символике неудачного сватовства исключительно важное место занимает концепт «**тыква**». Целый ряд ФЕ украинского языка эксплицирует мотив отказа сватам с помощью

данного концепта. Ср.: ***давати (підносити)/дати (піднести) [печеного] гарбуза*** кому — *шутл.* ‘отказывать кому-л. в сватовстве, ухаживании’: *Мокрина довго любила його [Миколу] та все давала гарбузи своїм женихам* (Нечуй-Левицький) [ФСУМ, т. 1, с. 214]; ***годувати гарбузами*** когось — *шутл.* ‘отказывать тому, кто посватался’: *Дівчині вже вісімнадцять минуло, а вона й досі женихів гарбузами годує (Стельмах)* [ФСУМ, т. 1, с. 170]; ***наділяти/наділити гарбузом (гарбузами)*** — *шутл.* ‘отказывать кому-л. во время сватовства, ухаживаний’: *Сватів стали слати; Чорнобривка гордувала, Гарбузами наділяла* (Глібов) [ФСУМ, т. 1, с. 523]; ***скуштувати гарбузової каші*** — ‘получить отказ во время сватовства, ухаживаний’: *Думаєш не знаю, скільки залицяльників біля неї [Наталки] кружляло, як мухи? А всі впіймали облизня, гарбузової каші скуштували (Гуцало)* [ФСУМ, т. 2, с. 823]; ***остатися з гарбузом*** — *устар., редко* — ‘получить отказ во время сватанья’: *Не один слав їй старостів, Та з гарбузом остався* (Грабовський) [ФСУМ, т. 2, с. 591]; ***піти з гарбузом (з гарбузами)*** — ‘получить отказ во время сватанья’: *Ну що? Будемо сватами, чи з гарбузами додому підеш? (Стельмах)* [ФСУМ, т. 2, с. 643]; ***діставати/дістати (покуштувати, схопити) [печеного] гарбуза*** — *шутл.* ‘получать отказ во время сватанья, ухаживания’ [ФСУМ, т. 1, с. 247]; ***пахне грабузом*** — ‘предвидится отказ тому, кто сватается’: *Ой, хороші дівчатка, хто не гляне — ахне. Ой рад би я тебе сватать, та гарбузом пахне (Забашта)* [ФСУМ, т. 2, с. 609]. Ср. также *русск.* ***арбуз поднести (дать)*** кому — *народн. ирон.* ‘отказать жениху при сватовстве’ [ИЭС, с. 31]; ***арбуз получить*** от кого — *народн. ирон.* ‘получить отказ от кого-л. при сватовстве (обычно о женихе)’, где арбуз — та же тыква в русских диалектах [Там же]. Тот же мотив находим в болгарской фразеологии: ***дадоха ми тиква в ръка*** — ‘не согласились отдать замуж девушку’; ***намазаха с тиква*** някого — ‘расстроить помолвку’ [ФРБЕ, т. 1, с. 236, 642]. Широкая распространённость вербализации данного мотива в разных языках объясняется чрезвычайной популярностью обычая среди украинского крестьянства и может свидетельствовать «о возможном украинском эпицентре не только функционирования данного символа отказа, но и о генетических корнях», поскольку и *бел.* ***даць гарбуз*** и *польск.* ***zjeść harbuza, harbuzy rozdavać*** и *русск.* ***арбуз поднести (дать)*** и др. имеют украинское происхождение [ИЭС, с. 31; 10, с. 81—82]. Добавим, что на семиотическом уровне тыква воплощает идею пустоты, поскольку более архаичной формой отказа было вручение сватающимся полой тыквы — с вырезанной серединой или испечённой [ИЭС, с. 310]. Ср. также пустую корзину — символ отказа у немцев и венгров, пустые вёдра как символ неудачи и т. п.

Ряд ФЕ отмечен культурно-национальной спецификой, как, к примеру, *болг.* ФЕ ***връщам/върна обуща*** на някого — *диал.* ‘расстраивать помолвку, отказывать сватам, пришедшим сватать девушку’, в основе которого лежит древний обычай, согласно которому жених платил деньги под названием **«обуща»** (обувь. — *Н. А.*) родителям невесты [НФР, с. 54]. К слову, в болгарской фразеологии отказаться от помолвки мог как парень, так и девушка. Так, отказ со стороны жениха и его родственников эксплицирует ФЕ ***връщам годеж*** в значении ‘расстраивать/расстроить помолвку (отказавшись от невесты)’ [БРФС, с. 96].

Интересно, что из вышеперечисленных славянских ФЕ только одна (*болг.* ***връщам годеж***) вербализирует отказ от помолвки по инициативе жениха и его родственников, остальные — по инициативе девушки и родственников с её стороны, что, с нашей точки зрения, является отражением женской перспективы. Напомним, что определённые права женщины зафиксированы в болгарском обычном праве, согласно которому невеста приносила в дом жениха так называемый **«чеиз»** (*русск.* приданое) — одежду, постельные принадлежности, кухонную утварь, которые считались её собственностью (муж не имел права отчуждать это имущество). Кроме того, собственностью жены было имущество (поле, виноградник, скотина, золотые вещи и т. п.), которое родители жениха подарили ей на свадьбу [1, с. 249]. Подготовка приданого как необходимый устойчивый этап свадебной обрядности отражена и в украинском фразеологизме ***готувати (дбати) рушники (скриню)*** — *устар.* ‘собираться выходить замуж за кого-л. (о девушке, женщине)’: *Он до тебе восени прийдуть старости. Готуй рушники* (Нечуй-Левицький) [ФСУМ, т. 1, с. 193].

Как отмечает Н. Колев, право выбора невесты по традиции остаётся за семьёй молодого человека; семья же девушки выполняет пассивную роль [4, с. 211]. Ср. *русск.* ***как засватанный (-ая, ые),*** *укр.* ***засватати дівчину***, где префикс **за-** указывает на конкретного обладателя, имеет значение вторичности, пассивности.

В славянской фразеологии отражены возрастные ограничения, связанные с заключением брака. Прежде всего, это мотив соблюдения очерёдности вступления в брак детей, особенно дочерей, — по старшинству. Наиболее строго соблюдалась эта традиция у южных славян, в частности, болгар, у которых, в случае нарушения этого порядка, выплачивали выкуп. В северо-западной Болгарии младшие брат или сестра, вышедшие замуж или женившиеся раньше старших, просили у них прощения и покупали им подарок [3, с. 28]. Об исключительной важности этой традиции свидетельствует её экспликация в многочисленных болгарских фразеологизмах, так или иначе связанных с обычаем, согласно которому младшую сестру прятали под корыто во

время прихода предполагаемого жениха к старшей сестре. Яркое воплощение данного мотива находим во фразеологизмах ***мома под корито*** (букв. девушка под корытом) в значении ‘девушка, которая не может выйти замуж, так как имеет старшую незамужнюю сестру или неженатого старшего брата’ [ФРБЕ, т. 1, с. 95]. С этим же мотивом связаны болгарские ФЕ ***захлупвам*** (***турям/туря***, ***турвам/турна***, ***слагам/сложа***) ***под корито*** (прятать под корыто) в значении ‘выходить замуж раньше старшей сестры или старшего брата’ [ФРБЕ, т. 1, с. 365]; ***злата кака под корито*** (букв. злая сестра под корытом) ‘употребляется в случаях, когда младшая сестра красивее старшей’ [ФРБЕ, т. 1, с. 369]; ***нямам корито*** ‘о девушке, которая не имеет старшего неженатого брата или старшей незамужней сестры’ [ФРБЕ, т. 1, с. 755]. *Диалектные*: ***ожени се кака, дойде и мене ред*** (букв. вышла замуж сестра, пришла моя очередь) в значении ‘выражение радости по поводу события, которого очень долго ждали’ [ФРБЕ, т. 2, с. 20]; *шутл.* ***оттиквам/оттикна корито*** — ‘получить возможность выйти замуж, так как вышла замуж старшая сестра’ [ФРБЕ, т. 2, с. 89]. В подобных интроспективных ФЕ отразилось ощущение радости и перспективы девушки-сестры, старшая сестра которой вышла замуж [2, с. 122].

Остатки древних верований о нежелательности выхода замуж младшей сестры раньше старшей находим и в других славянских этнокультурах. Ср. *русск. диал. сиб.* ***посадить под корыто*** кого — ‘жениться (выйти замуж) раньше старшего брата (сестры)’ [ИЭС, с. 348]; *укр.* ***підвернути під корито*** когось во втором значении — ‘выйти замуж раньше старшей сестры’: *— Хороші твої дочки, Стехо! Тільки, Стехо, підверне Катруся під корито твою Ганнусю* (Барвінок) [ФСУМ, т. 2, с. 631]; *бел.* ***корытом навырнуты*** (Полесье) в том же значении; *русск.* ***бракованная сестра***. О стойкости данного мотива в этнической памяти славян свидетельствуют строки из поэмы Н. А. Некрасова: *За всех, про всех работаю, / С свекрови, с свёкра пьяного, / С золовушки бракованной снимаю сапоги...* (Кому на Руси жить хорошо), как и примечание автора: «Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то последняя считается бракованной» [7, с. 319].

Корыто здесь как лингвокультурный символ несёт в себе идею второго рождения, иномирия (ср. внешнее подобие корыта и гроба) [ИЭС, с. 348], актуализируя, тем самым, культ старших в семье, в данном случае — брата/сестры. Корыто также символ пренебрежения, обидной снисходительности, зачастую присутствующих в отношениях старших с младшими. Согласно этимологическим данным, внутренняя форма фразеологизма ***підвернути під корито*** связана с присутствием древней семы существительного общеславянского периода ****коръ — пренебрежение, обида***; (ср. также: *укр.* докоряти, підкоряти; *русск.* укор; *укр.* докір). То есть, внутренняя форма фразеологизма — ‘не уважать и даже оскорблять’ [6, с. 9].

Добавим, что в мировосприятии славян убеждённость в нежелательности вступления в брак младшей сестры или брата прежде старших жива и по сей день.

Подводя итоги нашего исследования, выделим наиболее важные аспекты:

1) концептосфера сватовства широко представлена в славянской фразеологии и отражает традиционный культ рода и семьи как ценности славянской культуры;

2) важное место в концептосфере сватовства занимает концепт «**ворота**» как способ разграничения пространства на «своё» и «чужое» и имеющий основное значение «дом, семейство»;

3) в украинской лингвокультуре мотив сватовства, подготовку к свадьбе, обрядовые действия во время свадьбы, а также заключение брака эксплицируют ФЕ со словом «**рушник**», где рушник — культурно значимый полифункциональный концепт;

4) мотив неудачного сватовства раскрывается в славянских языках с помощью концепта «**тыква**» (*укр.* гарбуз, *болг.* тиква, *русск. диал.* арбуз), наиболее широко представленного в украинской лингвокультуре;

5) помимо ФЕ, отражающих общеславянские традиции и обряды, в ряде ФЕ закреплены старинные обычаи и обряды, свойственные культурной традиции только одного народа;

6) в славянской фразеологии закрепились рестрикции, связанные с вступлением в брак младших по возрасту сестёр или братьев прежде старших. Здесь центральное место занимает концепт «**корыто**», являющийся наиболее продуктивным, а, следовательно, и наиболее значимым в болгарской лингвокультуре;

7) стереотипы, связанные с концептосферой сватовства, являются актуальными сегодня, когда предпринимаются попытки пересмотреть роль семьи и брака в несвойственной для славянской культуры плоскости.

Литература

1. *Андреев М.* Обичайно право / М. Андреев // Българска народна култура: (историко-етнографски очерк). — София, 1981. — С. 246—250.

2. *Арефьєва Н. Г.* Гендерні стереотипи у болгарській фразеології : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.03 — слов’янські мови / Н. Г. Арефьєва. — Одеса, 2009. — 233 с.

3. *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика / А. В. Гура. — М. : Индрик, 2012. — 936 с.
4. *Колев Н.* Българска етнография (етнология) : учебник / Николай Колев. — 6 изд., прераб. и доп. — В. Търново : Gaberoff ; Элпис, 2002. — 288 с.
5. *Лавровский П. А.* Коренное значение в названиях родства у славян / П. А. Лавровский ; [послесл. В. К. Журавлёв, И. В. Журавлёв]. — М. : Едиториал УРСС, 2005. — 144 с. — (Лингвистическое наследие XIX века).
6. *Майборода О. А.* Українська фразеологія як джерело народознавства : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 — українська мова / О. А. Майборода. — Х., 2002. — 18 с.
7. *Некрасов Н. А.* Стихотворения. Поэмы / Н. А. Некрасов. — М. : Худож. лит., 1978. — 415 с.
8. *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян / О. А. Седакова. — М. : Индрик, 2004. — 320 с. — (Традиционная духовная культура славян: современные исследования).
9. *Трубачёв О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования / О. Н. Трубачёв ; [отв. ред. Н. И. Толстой]. — 2-е изд., доп. — М. : Наука, 2003. — 489 с.
10. *Ужченко В. Д.* Фразеологія сучасної української мови : навч. посібник / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. — К. : Знання, 2007. — 494 с.

Источники

БРФС — Кошелев А. К. Болгарско-русский фразеологический словарь / А. К. Кошелев, М. А. Леонидова. — М. : Русский язык ; София : Наука и искусство, 1974. — 635 с.
ИЭС — Бирих А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; [ред. В. М. Мокиенко]. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Астрель ; АСТ ; Люкс, 2005. — 926, [2] с.
НФР — Анкова-Ничева К. Нов фразеологичен речник на българския език / Кети Анкова-Ничева. — С. : Св. Климент Охридски, 1993. — 464 с.
ФРБЕ — Фразеологичен речник на българския език : в 2 т. / К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, К. Чолакова. — София : БАН, 1974—1975. — Т. 1 — 1974. — 759 с. ; Т. 2. — 1975. — 779 с.
ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / [ред. А. И. Молотков]. — М. : Советская энциклопедия, 1968. — 543 с.
ФСУМ — Фразеологічний словник української мови / [уклад. В. М. Білоноженко та ін.]. — К. : Наукова думка, 1999. — 984 с.

References

1. *Andreev M.* Obichajno pravo / M. Andreev // Bylgarska narodna kultura: (istoriko-etnografski ocherk). — Sofija, 1981. — S. 246—250.
2. *Aref'eva N. G.* Genderni stereotypy u bolgars'kij frazeologiï : dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.03 — slov'jans'ki movy / N. G. Aref'eva. — Odesa, 2009. — 233 s.
3. *Gura A. V.* Brak i svad'ba v slavianskoj narodnoj kul'ture: semantika i simvolika / A. V. Gura. — M. : Indrik, 2012. — 936 s.
4. *Kolev N.* Bylgarska etnografija (etnologija) : uchebnik / Nikolaj Kolev. — 6 izd., prerab. i dop. — V. Tyrnovo : Gaberoff ; Jelpis, 2002. — 288 s.
5. *Lavrovskij P. A.* Korennoe znachenie v nazvanijah rodstva u slavian / P. A. Lavrovskij ; [poslesl. V. K. Zhuravliov, I. V. Zhuravliov]. — M. : Editorial URSS, 2005. — 144 s. — (Lingvisticheskoe nasledie XIX veka).
6. *Majboroda O. A.* Ukraïns'ka frazeologija jak dzherelo narodoznavstva : avtoref. dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 — ukraïns'ka mova / O. A. Majboroda. — Kh., 2002. — 18 s.
7. *Nekrasov N. A.* Stihotvorenija. Poemy / N. A. Nekrasov. — M. : Hudozh. lit., 1978. — 415 s.
8. *Sedakova O. A.* Poetika obriada. Pogrebal'naja obrjadnost' vostochnyh i juzhnyh slavian / O. A. Sedakova. — M. : Indrik, 2004. — 320 s. — (Tradicionnaja duhovnaja kul'tura slavian: sovremennye issledovanija).
9. *Trubachiov O. N.* Etnogenez i kul'tura drevnejshih slavian. Lingvisticheskie issledovanija / O. N. Trubachiov ; [otv. red. N. I. Tolstoj]. — 2-e izd., dop. — M. : Nauka, 2003. — 489 s.
10. *Uzhchenko V. D.* Frazeologija suchasnoï ukraïns'koï movy : navch. posibnyk / V. D. Uzhchenko, D. V. Uzhchenko. — K. : Znannia, 2007. — 494 s.

Istochniki

BRFS — Koshelev A. K. Bolgarsko-russkij frazeologicheskij slovar' / A. K. Koshelev, M. A. Leonidova. — M. : Russkij jazyk ; Sofija : Nauka i iskusstvo, 1974. — 635 s.
IES — Birih A. K. Russkaja frazeologija: istoriko-etimologicheskij slovar' / A. K. Birih, V. M. Mokienko, L. I. Stepanova ; [red. V. M. Mokienko]. — 3-e izd., ispr. i dop. — M. : Astrel' ; AST ; Liuks, 2005. — 926, [2] s.
NFR — Ankova-Nicheva K. Nov frazeologichen rechnik na bylgarskija ezik / Keti Ankova-Nicheva. — Sofia : Sv. Kliment Ohridski, 1993. — 464 s.
FRBE — Frazeologichen rechnik na bylgarskija ezik : v 2 t. / K. Nicheva, S. Spasova-Mihajlova, K. Cholakova. — Sofija : BAN, 1974—1975. — T. 1 — 1974. — 759 s. ; T. 2. — 1975. — 779 s.
FSRJa — Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka / [red. A. I. Molotkov]. — M. : Sovetskaja enciklopedija, 1968. — 543 s.
FSUM — Frazeologichnyj slovnyk ukraïns'koï movy / [uklad. V. M. Bilonozhenko ta in.]. — K. : Naukova dumka, 1999. — 984 s.

АРЕФ'ЄВА Наталія Георгіївна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної та загальногуманітарної підготовки іноземців Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: arefyew_oleg@mail.ru; тел.: +38 (048) 7845738; моб.: +38 0508663287

СВАТАННЯ У СЛОВ'ЯНСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Анотація. У статті аналізуються російські, українські та болгарські фразеологізми, що експлікують концептосферу сватання. Сватання розглядається як важливий елемент весільної обрядовості, направлений на зміну соціального статусу людини. Важливі риси обряду сватання віддзеркалюються у слов'янській мовній картині світу за допомогою фразеологічних одиниць. Розглядаються старовинні слов'янські обряди та традиції, пов'язані зі сватанням, визначається їх місце у сучасній лінгвокультурі. Підкреслюється домінуюча роль нареченого та членів його родини на всіх стадіях весільної змови. На фразеологічному матеріалі трьох слов'янських мов виділено та проаналізовано як концепти загальнослов'янської культури, зокрема «ворота», «гарбуз», «корито», так і концепти, які є національно-специфічними та культурно значущими, зокрема «рушник» та «обуща» (букв. взуття).

Авторка доходить висновку щодо широкого представлення концептосфери сватання у слов'янській фразеології. Підкреслюється виключна роль сім'ї та шлюбу у світогляді давніх слов'ян та слов'янській культурній традиції.

Ключові слова: російська мова, українська мова, болгарська мова, фразеологізм, обряди й традиції, концепт, концептосфера, національно-культурна специфіка.

Natalia G. AREFIEVA,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Linguistic and General Humanitarian Preparatory Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: arefyew_oleg@mail.ru; tel.: +38 (048) 7845738; mob. +38 0508663287.

MATCH-MAKING IN SLAVIC PHRASEOLOGY

Summary. The Russian, Ukrainian and Bulgarian phraseological units which explicate match-making conceptosphere are analyzed in this article. Match-making is considered as an important element of wedding ceremonial which concerns changing of the social status of a person and reflected in the Slavic language picture of the world by means of phraseological units. The ancient Slavic ceremonies and traditions of match-making are analyzed, and their place in the contemporary language culture is determined. The active and dominating role of a fiancé and members of his family during all periods of wedding agreement is emphasized. The Slavic culture concepts such as «gate», «pumpkin», «trough», as well as national and cultural ones as «rushnik», «obushta» (literally «boots and shoes») based on phraseological units of the three Slavic languages are determined and analyzed.

The author comes to a conclusion about the broad match-making conceptosphere representation in the Slavic phraseology. The important role of marriage and family in the world outlook of the ancient Slavs and Slavic cultural tradition is emphasized.

Key words: the Russian language, the Ukrainian and the Bulgarian languages, phraseological unit, ceremonies and traditions, concept, conceptosphere, national and cultural specificity.

Статтю отримано 18.08.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.161.1'371: 159.937.515.5

ГЕРАСИМЕНКО Ирина Анатольевна,
доктор филологических наук, зав. кафедрой языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков Донбасского государственного педагогического университета; Горловка, Украина;
e-mail: iragerasimenko@mail.ru; тел.: +38 (06242) 25169; моб.: +38 050 9994200

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ РУССКИХ КОЛОРАТИВОВ

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокультурные компоненты значения колоративов, функционирующих в русском языке. Под колоративами понимаются имена прилагательные, эксплицитно и имплицитно передающие цвет, оттенки цвета и разные цвета. Данные имена цвета расклассифицированы по структурным (на простые, композитные и составляющие описательных конструкций) и семантическим признакам (на колоративы с основной и производной цветовой номинацией; полисемантичные и моносемичные; с эксплицитным и имплицитным значением цвета; собственно колоративы и колоративы с неконкретным цветовым содержанием; лексемы, называющие один или несколько цветов). Проанализированные вербальные знаки транслируют информацию, связанную с концептуализацией древнего мира и социума, отображают этническую ментальность, исторический и культурный опыт народа. Анализируются образные и символические значения колоративов, обусловленные мифологической формой мышления. Полученные результаты являются импульсом для изучения разных имён цвета, семантика которых осложнена лингвокультурной символикой и реликтовыми ритуальными представлениями.
Ключевые слова: колоратив, мифологическое мышление, лингвокультурный, компонент значения, семантика.

Исследованию колоративов в русском и других языках посвящено достаточно большое количество работ. Данная группа слов рассматривается с точки зрения её употребления в разные периоды развития языка (Н. Б. Бахилина, В. В. Колесов, М. Вас. Пименова), с позиции её деления на лексико-семантические группы (Р. В. Алимпиева, В. А. Москович), со стороны функционирования в текстах различных жанров (Н. В. Усанкова, Е. С. Снитко, Н. А. Новикова) и отдельных идиостилей (Е. А. Давыденко, С. В. Бобыль, Е. Ерёменко). Этот пласт лексики исследуется в психолингвистическом (Р. М. Фрумкина, А. П. Василевич), семасиологическом (В. И. Шерцль, Н. Ф. Пелевина), символическом (Н. Б. Колосова, В. Ш. Курмакаева), антропоцентрическом (Е. В. Рахилина, В. Г. Кульпина, С. С. Мищенко) аспектах. Вследствие интереса лингвистов к культурным корням народа колоративы изучаются с позиций отображения в них этнической ментальности и национально-культурной маркированности (А. Вежбицкая, С. И. Григорук), их места во фразеологизмах (Н. И. Толстой, М. Ивич), а также их семантики в текстах фольклора (А. Т. Хроленко, Т. Е. Никулина, Л. Раденкович), что вызвано пониманием языка как модели культуры. Однако, несмотря на многочисленность и разноплановость наблюдений учёных над составом и семантикой колоративов, несмотря на наличие работ, посвящённых выделению на материале различных текстов присущих колоративам значений, лингвокультурная семантика этой группы слов недостаточно изучена. Цель статьи — представить анализ лингвокультурной семантики колоративов, функционирующих в русском языке. Под колоративами мы понимаем имена прилагательные, обозначающие конкретные и неконкретные цвета и функционирующие как самостоятельные (простые, сложные) лексемы и как составляющие описательных конструкций с компонентами *цвет/цвета*.

Анализ материала показывает, что в семантической структуре колоративов зафиксированы, кроме собственно цветовых, лингвокультурные значения, связанные мифической (образной) ментальностью народа. Мифическое (считающееся первичным) мышление отличается от последующих форм тем, что в нем ещё не произошло отделение образа от самой вещи, объективного от субъективного, внутреннего от внешнего. Как указывает Э. Кассирер, вещи и явления природы в мифическом мышлении представляются символами, за которыми скрываются действия, умысел и воля сверхъестественных сил. Если следовать этой логике, то наличие профанных, сакральных, инфернальных и др. лингвокультурных смыслов в структуре значения наиболее древних колоративов, синкретизм их семантики связаны с мифической ментальностью русского народа. Напротив, собственно цветовые значения обусловлены производной понятийной формой мышления. Рассмотрим некоторые из лингвокультурных смыслов анализируемых лексических единиц.

Сакральные, имеющие отношение к Божественному, религиозному, небесному, потустороннему и иррациональному, стоят в оппозиции к обыденным представлениям и реализуются в ряде выражений. В их числе фольклорное сочетание *красное солнце* (*солнышко*), которое наделено «магическим» значением вследствие сакрального ему поклонения (древние славяне «были

© Герасименко И. А., 2014

солнцепоклонниками» [6, с. 105], как, впрочем, и другие народы, которые также «на заре человеческого существования поклонялись солнцу» [4 с. 323]). Вследствие этого прототипная семантика колоратива *красный* в составе сочетания *красное солнце* могла быть связана не со значениями ‘светлый’ или ‘красивый’, а ‘нужный’, ‘полезный’: *Когда воссияло* ***солнце красное*** */ На тое ли на небушко на ясное, / Тогда зарождался молодой Вольга, / Молодой Вольга Святославович* [14, с. 221]; *На светлой заре, рано-утренней, / На всходе* ***красного солнышка*** [3, с. 275]. Именно поэтому, надо полагать, выражения *красное солнышко, красный свет* стали использовать как ласкательные обращения и обрядовые описания-характеристики (ср.: *Говорит тут Суханьша, Замантьев сын: «Ты гой еси, батюшко, Владимир — князь Сеславьевич,* ***солнышко красное*** [9, с. 66]).

Сакральное включает широкий спектр представлений, относящихся к магии, эзотерике, мистике. Для их вербализации в русской лингвокультуре используется, например, колоратив *зелёный* как компонент фольклорных сочетаний *зелёный луг, зелёная дубрава* и под. В языке устного народного творчества с помощью синтагм *зелёный луг, зелёная дубрава* описываются атрибуты места, где происходят сакральные (как и инфернальные) события — различные превращения и волшебства: [...] *Василиса Премудрая и тотчас обратила коней* ***зелёным лугом****, Ивана-царевича старым пастухом, а сама сделалась смирною овечкою* [14, с. 283]; *Ты сходи-ко, сокол милый брат, / Во поля, в луга во чистые, / Во леса-то во дремучие, /* ***Во дубравушки зелёные****, / Где сырой бор с ветром спорится, / Там все звери люты водятся* [14, с. 157].

В свою очередь, профанные (обыденные, повседневные) представления, будучи противопоставленными сакральным, отображены в синтагмах *чёрный народ, чёрные люди* ‘простые’, ‘незнатные’. По одной из версий (предложенной В. И Далем, В. В. Колесовым, С. М. Соловьёвым) данная идиома восходит к сочетанию *черносошные крестьяне* ‘крестьяне, жившие на так называемых чёрных, т. е. свободных, государственных, невладельческих землях’. Эти крестьяне ещё в 17 в., в отличие от помещичьих крепостных или монастырских и дворцовых (т. е. обеленных) крестьян, платили от чёрной сохи подать [5, с. 594, 596]. Считается, что они были тягловыми, социально бесправными и «не принадлежали ни к какому определённому классу» [8, с. 191], были «все прочие, остальные» [12, с. 282]. Поэтому внутренняя форма идиом ***чёрный народ, чёрная кость*** связана с обозначением народа, который был *«общий, неопределённый, остальной, к известному разряду лиц или предметов не принадлежащий, ничей»* (курсив автора. — *И. Г.*) [12, с. 282]. Как следствие, войдя во фразеологический фонд русского языка и получив лингвокультурную семантику ‘отсталый’, ‘необразованный’, сочетания *чёрный народ, чёрная кость* стали коррелировать с идиомами *тёмные люди, тёмный человек*, передающими с позиций профанного мышления значения ‘невежественный’, ‘некультурный’. Ср.: *Мы —* ***люди тёмные****. Ты нам простыми словами жарь* (М. Шолохов).

Профанные представления зафиксированы и в примере ***Татька с мамкой золотые****, / Я —* ***серебряная дочь*** [15, с. 35], который вербализует бóльшую значимость золотого. Данная семантика адъективов *золотой, серебряный* восходит к профанному историко-культурному знанию о бóльшей ценности золота, в свою очередь, «ниже по шкале находятся значения, коррелирующие с ‘серебряным’ (< ‘серебро’)» [10, с. 239].

В свою очередь, инфернальные (демонические) представления реализованы в идиомах *чёрная книга*, *чёрная магия*, с помощью которых носители русской лингвокультуры характеризуют всё, что связано с нечистой силой, с инфернальными представлениями древних (*чёрная книга* — ‘книга заклинаний’, *чёрная магия* — ‘волшебство, чародейство с помощью адских сил’). Колдовство издревле считалось опасным, поэтому осуждалось и порицалось. Отсюда и зафиксированная в данных фраземах отчётливо негативная семантика, закреплённое за ними созначение ‘опасный’.

Лингвокультурный смысл ‘опасный’ вербализован и в сочетании ***чёрный глаз*** как составляющей паремий ***Чёрный глаз****, карий глаз — минуй нас*; ***Глаз чёрный****, взгляд бойкий, обычай волчий*. Такая отрицательная коннотация объясняется, на наш взгляд, национально-культурным восприятием чёрного цвета глаз. Дело в том, что цвет глаз — это этнический признак, поэтому чёрные глаза понимаются русским человеком двояко. Этот образ традиционно обозначает в русской культуре не только ‘красивый’ (ср.: *Ты, раздушечка, удалый молодец, /* ***Чернобровый, черноглазый****, душа мой!* [14, с. 127]), но ‘иной’, ‘другой’ и наделяется отрицательными коннотациями ‘злостный’, ‘коварный’, т. е. ‘опасный’. Отсюда и положенный в основу сочетания *очи чёрные* символизм чёрных глаз (ср. заглавия произведений «*Очи* ***чёрные***» М. Лермонтова и «*Очи* ***чёрные***» В. Высоцкого, используемые как прямая отсылка к строкам романса Е. Гребёнки «*Очи* ***чёрные****, очи страстные, / Очи жгучие и прекрасные! / Как люблю я вас! Как боюсь я вас!..*»). Стало быть, во фразеологии (как и в языке художественной литературы) зафиксирована историко-культурная языковая традиция использовать колоратив *чёрный* для передачи отрицательной оценки человека (*чёрный* — ‘опасный’) с нетипичной для славян внешностью. Этот факт подтверждает мысль о том, что «цветовая» семантика напрямую связана с историческим и культурным опытом народа, что на цветообраз наслаиваются традиции и обычаи нации.

Инфернальное мышление отображают также народнопоэтические сочетания *синее море, жёлтый песок*. Так, зафиксированный в синтагме *синее море* образ синей воды на глубинном уровне связан со смертью и загробным миром: *Хоть я свалюсь на доску дубовую, / Не толь мне страшно принять смерть* ***на синем море*** [3, с. 442]; ср. реализацию значения ‘тёмная вода’ в выражении *синее море зелёное*, которое используется в языке белорусского фольклора: ***На сінім моры, на зелёным*** *стаіць... сядзіць чоран воран без касьцей...* [7, с. 53]. Не случайно синяя вода в ряде славянских культур (в частности, в южнославянских) отчётливо осознаётся как инфернальное место, где таятся враждебные человеку силы, как место обитания злых духов, выступая, по мнению Л. Раденковича, эквивалентом «демонического света» [11, с. 307].

В инфернальных описаниях различных превращений и таинств используется и образ жёлтого песка: *Уж вы сёстры мои вы родимые! / Вы подите-тка на сине море, / Вы возьмитетка* ***песку жёлтого****, / Вы посейте-ка в саду батюшки. / Да когда* ***песок*** *взойдёт-вырастет, / Я тогда ж, сёстры, к вам назад буду* [13, с. 291]. В этом и подобных примерах семантика колоратива *жёлтый* осложнена отрицательной коннотацией. Как пишут М. А. Бобунова и А. Т. Хроленко, «жёлтый песок — общефольклорное эпитетосочетание с весьма сложной семантикой. В ней проступает мотив захоронения» [2, с. 5].

Итак, в русском лингвокультурном пространстве функционируют слова, которые в определённом окружении выступают как вербальные знаки сакральных, профанных, инфернальных представлений, обусловленных первичной мифической формой мышления древних. Между тем данные компоненты значения не являются единственными, которые несут культурно значимую информацию. Имеют место и другие (например, мифопоэтические, символические) смыслы, которые мы рассмотрим в наших последующих работах.

Литература

1. *Андреева-Васина Н. И.* Прилагательное *красный* в русских народных говорах (материалы и характеристики функционирования слова) / Н. И. Андреева-Васина // Диалектная лексика / АН СССР ; Ин-т русского языка. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. — С. 115—120.

2. *Бобунова М. А.* Пробная статья. «Жёлтый» / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко // Фольклорная лексикография : сб. науч. тр. — Курск : Изд-во КГПУ, 1995. — Вып. 4. — С. 3—13.

3. *Былины* / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М.]. — М. : Сов. Россия, 1988. — 576 с.

4. *Гмызина Э.* Цвет в повседневном обиходе средневековой Руси : лингвокультурологический аспект / Э. Гмызина // Повседневность как текст культуры : материалы междун. научн. конф. (27—29 апреля 2005 г.). — Киров : Изд-во ВятГГУ, 2005. — С. 320—327.

5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. / В. И. Даль. — М. : Русский язык, 1982. — Т. 4. — 683 с.

6. *Дёмин В. Н.* Звёздная судьба народов России / В. Н. Дёмин. — М. : Армада-пресс, 2002. — 320 с., ил. — (Истина где-то рядом).

7. *Жылінская І. І.* Сістэма колераабазначэнняў у беларускіх і рускіх замовах / І. І. Жылінская // Вестник Беларус. гос. ун-та. Сер. 4: Филология. — 1997. — № 2. — Мн. : Універсітэцкае, 1997. — С. 50—54.

8. *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 312 с.

9. *Народная проза* / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Азбелева С. Н.]. — М. : Русская книга, 1992. — 608 с.

10. *Николова В.* Золотое в болгарской свадьбе / В. Николова // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С. М. Толстая. — М. : Индрик, 2002. — С. 238—253.

11. *Раденкович Љ.* Симболика света у народној магији јужних словена / Љ. Раденкович. — [1-е изд.]. — Ниш : Просвета ; Београд : Балканолошки ин-т сану, 1996. — 387 с.

12. *Соловьёв С. М.* О значении слова «чёрный» в древнем русском языке / С. М. Соловьёв // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. — М., 1845. — Т. 1. — С. 282—286.

13. *Русская народная поэзия*. Эпическая поэзия : сборник / [вступ. статья, предисл. к разделам, подг. текста, коммент. Б. Путилова]. — Л. : Худож. лит., 1984. — 440 с.

14. *Русский фольклор* / [сост. и примеч. В. Аникина]. — М. : Худож. лит., 1986. — 367 с.

15. *Частушки* / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова]. — М. : Сов. Россия, 1990. — 656 с.

References

1. *Andreeva-Vasina N. I.* Prilagatel’noe krasnyj v russkih narodnyh govorah (materialy i harakteristiki funkcionirovanija slova) / N. I. Andreeva-Vasina // Dialektnaja leksika / AN SSSR ; In-t russkogo jazyka. — L. : Nauka, Leningr. otd-nie, 1978. — S. 115—120.

2. *Bobunova M. A.* Probnaja stat’ja. «Zhioltyj» / M. A. Bobunova, A. T. Hrolenko // Fol’klornaja leksikografija : sb. nauch. tr. — Kursk : Izd-vo KGPU, 1995. — Vyp. 4. — S. 3—13.

3. *Byliny* / [sost., vstup. st., podgot. tekstov i komment. Selivanova F. M.]. — M. : Sov. Rossija, 1988. — 576 s.

4. *Gmyzina Je.* Tsvet v povsednevnom obihode srednevekovoj Rusi : lingvokul'turologicheskij aspekt / Je. Gmyzina // Povsednevnost' kak tekst kul'tury : materialy mezhdun. nauchn. konf. (27—29 aprelja 2005 g.). — Kirov : Izd-vo ViatGGU, 2005. — S. 320—327.
5. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : [v 4 t.]. / V. I. Dal'. — M. : Russkij jazyk, 1982. — T. 4. — 683 s.
6. *Diomin V. N.* Zviozdnaja sud'ba narodov Rossii / V. N. Diomin. — M. : Armada-press, 2002. — 320 s., il. — (Istina gde-to riadom).
7. *Zhylinskaja I. I.* Sistjema koleraabaznachienniaŭ u belaruskih i ruskih zamovah / I. I. Zhylinskaja // Vestnik Belarus. gos. un-ta. Ser. 4: Filologija. — 1997. — № 2. — Mn. : Universiteckae, 1997. — S. 50—54.
8. *Kolesov V. V.* Mir cheloveka v slove Drevnej Rusi / V. V. Kolesov. — L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1986. — 312 s.
9. *Narodnaja proza* / [sost., vstup. st., podgot. tekstov i komment. Azbeleva S. N.]. — M. : Russkaja kniga, 1992. — 608 s.
10. *Nikolova V.* Zolotoe v bolgarskoj svad'be / V. Nikolova // Priznakovoe prostranstvo kul'tury / otv. red. S. M. Tolstaja. — M. : Indrik, 2002. — S. 238—253.
11. *Radenkovich L'.* Simbolika sveta u narodnoj magiju juzhnih slovena / L'. Radenkovich. — [1-e izd.]. — Nish : Prosveta ; Beograd : Balkanoloshki in-t sanu, 1996. — 387 s.
12. *Solov'jov S. M.* O znachenii slova «choirnyj» v drevnem russkom jazyke / S. M. Solov'jov // Sbornik istoricheskih i statisticheskih svedenij o Rossii i narodah jej edinovernyh i edinoplemennyh. — M., 1845. — T. 1. — S. 282—286.
13. *Russkaja narodnaja poezija.* Epicheskaja poezija : sbornik / [vstup. stat'ja, predisl. k razdelam, podg. teksta, komment. B. Putilova]. — L. : Hudozh. lit., 1984. — 440 s.
14. *Russkij fol'klor* / [sost. i primech. V. Anikina]. — M. : Hudozh. lit., 1986. — 367 s.
15. *Chastushki* / [sost., vstup. st., podgot. tekstov i komment. F. M. Selivanova]. — M. : Sov. Rossija, 1990. — 656 s.

ГЕРАСИМЕНКО Ірина Анатоліївна,
доктор філологічних наук, завідувач кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов Донбаського державного педагогічного університету; Горлівка, Україна;
e-mail: iragerasimenko@mail.ru; тел.: +38 (06242) 25169; моб.: +38 050 9994200

ЛІНГВОКУЛЬТУРНІ КОМПОНЕНТИ ЗНАЧЕННЯ КОЛОРАТИВІВ

Анотація. У статті розглядаються лінгвокультурні компоненти значення колоративів, які функціонують у російській мові. Під колоративами ми розуміємо прикметники, які експліцитно й імпліцитно позначають колір, відтінки кольору та різні кольори. Ці імена кольору покласифіковані за ознаками структурними (прості, композитні й описові конструкції) та семантичними (колоративи з основним і похідним колірним значенням; полісемантичні та моносемічні; з експліцитним та імпліцитним значенням кольору; власне колоративи та колоративи з неконкретним колірним значенням; колоративи, що називають один чи декілька кольорів). Проаналізовані вербальні знаки транслюють інформацію, яка певною мірою концептуалізує давній світ і соціум, відображає етнічну ментальність, історичний і культурний досвід народу. У статті йдеться також про образні та символічні колоративні значення, зумовлені міфологічною формою мислення людини. Отримані результати є імпульсом для вивчення різних кольоропозначень, семантика яких ускладнена лінгвокультурною символікою та реліктовими ритуальними уявленнями.
Ключові слова: колоратив, міфологічне мислення, лінгвокультурний, компонент значення, семантика.

Irina A. GERASIMENKO,
Grand PhD in Philological Sciences, Head of Linguistics and the Russian Language Chair of Horlivka Institute of Foreign Languages in Donbas State Pedagogical University; Horlivka, Ukraine;
e-mail: iragerasimenko@mail.ru; tel: +38 (06242) 25169; mob.: +38 050 9994200

LINGUAL AND CULTURAL COMPONENTS OF THE COLOUR TERMS

Summary. The article deals with the Russian colour terms that have lingual and cultural meaning. To colour terms we realize adjectives which mean specific and non-specific colours, and which function as independent (simple, complex) lexemes, as well as parts of descriptive constructions with the component *colour* / *of the colour*. These lexemes and constructions are classified according to structural (into simple, composite and parts of descriptive constructions) and semantic peculiarities (into colour terms with basic and derived colour meaning, polysemantic and monosemantic; with explicit and implicit colour meaning; colour terms proper and colour terms with unspecific colour meaning; colour terms that name one or several colours). These verbal signs transmit information which is connected with conceptualization of the ancient world and society; reflect the ethnic mentality, historical and cultural experience of people. It deals with figurative and symbolic meanings of colour terms which are conditioned by mythological form of human thinking. The obtained results are the impulse for the investigation of different colour terms which semantics is complicated by lingual and cultural symbols and relict ritual beliefs.
Key words: colour term, mythological thinking, lingual and cultural, component of the meaning, semantics.

Статтю отримано 28.03.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.161.1'373.4:721.057

ЖУКОВСКАЯ Галина Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена; Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: galinazhuk@mail.ru; тел.: +8 (812) 3237417; моб.: +7 9211824350

ВОСПРИЯТИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ «ОБЩЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ» В РЕЧИ СОВРЕМЕННИКОВ

Аннотация. Любая лексическая единица является средством описания каких-либо знаний об окружающей действительности. В статье рассматривается восприятие девяти лексических единиц, входящих в структуру одного семантического поля. Описываемые единицы языка объединены в группу, в основе которой лежит понятие «общественное питание». Несомненно влияние культурно-исторической среды на формирование представления о слове в сознании современника. Полученные в процессе исследования экспериментальные данные свидетельствуют о том, что актуальность, частотность и семная структура предложенных к рассмотрению лексических единиц далеко не одинаковы. Полученные результаты дали возможность проследить, насколько соприкасаются значения лексических единиц и как эти слова воспринимаются, понимаются и используются носителями русского языка в современной речи.
Ключевые слова: языковое сознание, понятийное поле, лексическое значение, эксперимент, экстралингвистические и психолингвистические факторы, наименования пунктов общественного питания.

Наименование, которое даётся предмету, явлению, действию, признаку, можно рассматривать как некую культурную рамку, которая опирается или накладывается на индивидуальный опыт каждого носителя языка в определённой культурно-исторической среде. Поэтому материал, рассматриваемый в статье, является подтверждением той сложившейся языковой ситуации, которая отражает современную экстралингвальную действительность. Н. В. Уфимцева [2] считает, что назвать что-либо — это приписать определённое значение, а следовательно, включить названное в своё сознание. В этом случае любое слово является средством описания знания об окружающем мире.

Рассматриваемые нами лексические единицы объединены по сходству или слитности их значений в пределах понятийного поля «общественное питание». Данное поле представлено следующими словами: *кафе, столовая, бар, бистро, буфет, рюмочная, закусочная, кофейня, ресторан*. Все слова кодифицированы и отражены в толковых словарях современного русского языка. Однако толкование их носит очень обобщённый характер, например, у С. А. Кузнецова [1], в отличие от восприятия и употребления в современной речи. Частотность употребления указанных единиц далеко не одинакова. По данным Национального корпуса русского языка [3], наиболее употребительными в современном русском языке являются слова *столовая* и *ресторан*. Причём материалы последних лет отражают актуальность одних и неактуальность других (табл. 1).

Таблица 1

Слово	Документов	К-во употр.
столовая	3 301	**12 248**
ресторан	3 476	**12 006**
кафе	1 934	**6 030**
бар	1 639	**4 574**
буфет	1 691	**4 327**
кофейня	320	**789**
закусочная	191	**311**
бистро	97	**166**
рюмочная	48	**64**

В качестве языкового материала, в наибольшей степени демонстрирующего реализацию сложившихся за последнее время значений этих слов, нами взяты следующие случаи употребления из различных источников, отражённых в Национальном корпусе русского языка [3]: (1) *И ещё домой прихватывала из* ***столовой****: кастрюльку супа, сверху кастрюльку котлет с лапшой, в банку компот из сухофруктов.* (В. Токарева. Своя правда). (2) *Выбрал явно дорогой приозёрный* ***ресторан,*** *где на его вопрос — что бы взять из местной кухни — невозмутимый, но предупредительный официант посоветовал заказать «филе де перш» — блюдо из наших окуньков, мсье, визитная карточка Женевы.* (Д. Рубина. Окна (2011)). (3) *Сижу в* ***кафе,*** *сочиняю биографию одному негодяю, которого потом спалил вместе с «БМВ».* (В. Солдатенко (Слава Сэ). Ева (2010)). (4) *Тот самый* ***бар*** *«Трибунал», где пьяные финны и случайные парочки слушают живую музыку в маленьком зале налево, или танцуют диско на танцполе справа, или молча втыкают в стрип-шоу девочек из агентства «Белый ветер», ошеломительно красивых, как будто спустившихся с райских планет, утончённых и недоступных.* (Г. Садулаев. Таблетка (2008)). (5) *Так вот, в ту пору однажды купил я в* ***буфете*** *Консерватории бутылку крымского*

© Жуковская Г. А., 2014

вина. (А. Иличевский. Бутылка (2005)). (6) *Я хотел открыть* ***кофейню****, но мой русский друг сказал: никакой русский не станет платить доллар за чашку кофе!* (А. Рудницкая, Дж. Кук. Почему аборигены не съели Кука (2008)). (7) *Можно было бы и вот так: колесить туда-сюда, ненадолго останавливаясь у редких* ***закусочных,*** *покупать русские сигареты, балагурить с буфетчицей, а потом снова ехать, и ночью ехать, и приезжать под утро.* (А. Волос. Недвижимость (2000)). (8) *Да и кто из камерных дарований не зависел тогда от таких гигантов, как Сутин, — если каждый день обедал с ними в каком-нибудь* ***бистро,*** *любил одних и тех же натурщиц и пользовался теми же красками...* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2009)). (9) *Иногда в* ***рюмочную*** *спускались пацаны-музыканты с гитарами в чехлах, шумно, со спорами брали водку или пиво, закуску, устраивались в углу и начинали галдеть, ржать, толкать друг друга; очень они раздражали нас своей жизнерадостностью... Бывало, на лесенке появлялись симпатичные, совсем молодые девушки, но тут же, поняв, куда попали, вскрикивали: «Ф-фу!»* (Р. Сенчин. Квартирантка с двумя детьми (2010)).

При исследовании понятийного поля необходимо учитывать современные экстралингвистические условия формирования языковой картины мира. Большинство указанных лексических единиц сегодня широко используется в речи молодёжи, а также представителей других возрастных и социальных групп, о чём свидетельствует современная языковая ситуация. Это, во-первых, наличие большого количества мест общественного питания в стране в целом; во-вторых, наличие визуальной рекламы и аудио-рекламы во многих средствах массовой информации. Каждое наименование мест общественного питания должно нацеливать пользователей (посетителей) на выполнение ими определённой задачи (например, *столовая* — одна задача, *ресторан* — несколько иная). Кроме того, среди мест общественного питания есть популярные или менее популярные. Все указанные факторы носят как экстралингвистический, психолингвистический, так и собственно лингвистический характер. При проведении эксперимента, а впоследствии его анализа были учтены все перечисленные факторы. Полученные результаты позволили проследить, насколько соприкасаются значения лексических единиц и как эти слова воспринимаются и понимаются носителем русского языка в современной речи.

Для определения поставленных задач среди студентов бы проведён направленный эксперимент, который состоял в толковании слова за одинаковый промежуток времени (1 минута). При этом все девять слов назывались последовательно, и испытуемые не знали, значение какого слова им предстоит определять далее. В эксперименте участвовало 95 человек (из них: 56 — студенты факультета коррекционной педагогики РГПУ им. А. И. Герцена; 31 — студенты Горного университета; 8 — студенты Института народов Севера — билингвы — носители русского и якутского языков).

При определении значений единиц указанного понятийного поля наибольшие трудности, с точки зрения определения их значения, представляли следующие слова: *рюмочная, закусочная, кофейня.* Значительно чаще значения этих слов не были указаны студентами-билингвами. Из 95 участников эксперимента 9 человек не смогли указать лексическое значение слова *рюмочная* (11,6 %), столько же — значение слова *закусочная* (11,6 %). Лексическое значение слова *кофейня* не представлено в двух случаях 2 %). Следует отметить, что в целом наименьшее представление испытуемые имеют о слове *рюмочная*, о чём свидетельствуют следующие реакции: «*что это? Где можно выпить* ***дешёвые*** *алкогольные напитки; где пьют* ***по-синюшному; шумное*** *заведение* ***с пьяными*** *людьми; место для* ***низких*** *слоёв населения; сбор* ***алкоголиков****; питейное заведение* ***совдеповских времён****, где собираются мужчины* ***пожилого возраста»****.* Среди сем, выделяемых в слове *закусочная*, например, такие: «*место, где можно употребить* ***«личную» еду****; можно быстро* ***перекусить****, а не поесть; место* ***для закусок;*** *небольшое заведение* ***общепита; ларёк*** *с закусками на ходу;* ***забегаловка; между*** *столовой и бистро»*. Причём в 80 % ответов используется глагол *перекусить* как формирующий понятийное ядро слова *закусочная.* Учитывая, что учреждений общественного питания под названием *кофейня* в стране не так много, частота употребления этой лексической единицы также невысокая, поэтому и восприятие её у испытуемых чаще всего связано с мотивирующим словом *кофе: «****главный напиток*** *кофе; место, где пьют кофе* ***разных сортов*** *и способов приготовления»*. Также нами зафиксированы периферийные семы в слове *кофейня: «где можно пообедать»* (билингвы); «*место при столовой»* (билингвы).

По каждому из слов актуализировались такие семы, которые в той или иной степени дополняли словарное значение лексических единиц. Вероятнее всего, существенную роль сыграли экстралингвистическая ситуация и, безусловно, собственный опыт испытуемого. Большая часть молодёжи, в том числе студенты, чаще всего посещает кафе, бары, столовые, а гораздо реже — рестораны, рюмочные (последних учреждений общественного питания практически не осталось в стране). Поэтому, например, в слове *кафе* чаще всего актуализировалась сема «*место для приятного отдыха*»; в слове *бар* — сема *«место, где можно провести время вечером или ночью»*; *рюмочная* — сема «*дешёвые спиртные напитки*»; *ресторан* — семы «*элитное заведение*», «*место деловых встреч*». Личный опыт студентов также был отражён актуализацией

определённых сем при трактовке значений слов: *кафе* — «*встречи с друзьями*», *ресторан* — «*дорого, не для нас*», *буфет* — «*булочки, театр, школа*», *столовая* — «*студенты*». Нельзя не отметить, что слово *бистро* абсолютно не вызвало затруднений, поэтому сема «*быстрое питание*» явилась результатом полной мотивации данной лексической единицы.

В целом, испытуемые чаще всего акцентировали внимание на трёх различиях при определении значений слов одного понятийного поля: а) сравнение типов учреждений общественного питания друг с другом (последующее толковалось в сравнении с уже имеющимися предыдущими); б) тип еды (или меню), которая в этих учреждениях подаётся (*кафе — «немного поесть разогретой еды», столовая — «дёшево пообедать», ресторан — «изысканные качественные блюда»*); в) цель посещения (*кафе* — «*пообщаться*», *бар — «выпить», столовая — «поесть недорого», бистро — «быстро поесть», буфет — «купить кофе, булочку», рюмочная — «выпить алкогольных напитков», закусочная — «перекусить», кофейня — «выпить кофе с десертом», ресторан* — «*отдохнуть, деловые встречи*»). Следует отметить и другую сторону полученных результатов. Не все испытуемые толковали значение через предыдущее. Например, студенты факультета коррекционной педагогики предпочтение отдавали совершенно самостоятельной трактовке слов, а студенты-билингвы чаще толковали значение через уже определённое (см. табл. 2).

Таблица 2

Испытуемые	Восприятие
Билингвы	*Кафе = рюмочная; рюмочная = бар; закусочная = бистро; кофейня = кафе*
Горный университет	*Рюмочная = бар; закусочная = буфет, мини кафетерий, маленькое кафе; кофейня = типа ресторана*
Факультет коррекционной педагогики РГПУ	*Бистро = кафе, закусочная; закусочная = бистро, между столовой и бистро; кофейня = маленький ресторанчик; рюмочная = дешевый бар*

Необходимо отметить, что испытуемая студенческая аудитория часто выделяла ещё один важный семантический признак: признак социальной дифференциации посетителей учреждений общественного питания. В ответах были обозначены высшие, средние и низшие слои населения, которые чаще всего посещают указанные учреждения: *ресторан — высшие*, *рюмочную — низшие*, а *кафе, столовую — средние*. Указанное деление на слои населения, естественно, можно рассматривать как условное, однако существующее в языковом сознании испытуемых.

Таким образом, при исследовании лексических единиц с понятийным полем «общественное питание» носители русского языка воспринимают и понимают слово в современной речи через значение входящего в это поле другого слова; актуализируют те семы, которые отражают современную картину мира с опорой на собственный культурный и социальный опыт.

Литература

1. *Кузнецов С. А.* Новейший большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — СПб. ; М. : Норинт, 2008. — 1536 с.
2. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. — М. : Ин-т языкознания РАН, 2011. — 252 с.
3. *Национальный корпус русского языка.* — Режим доступа: http//www.ruscorpora.ru

References

1. *Kuznetsov S. A.* The Newest Explanatory Dictionary of Russian Language / S. A. Kuznetsov. — SPb. ; M. : Norint, 2008. — 1536 p.
2. *Ufimtseva N. V.* The Language Consciousness: Dynamics and Variability / N. V. Ufimtseva. — M. : Linguistic Institute of Russian Sciences Academy, 2011. — 252 p.
3. *National Russian Language Corpus.* — Home page link: http//www.ruscorpora.ru.

ЖУКОВСЬКА Галина Анатоліївна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Російського державного педагогічного університету імені О. І. Герцена; Санкт-Петербург, Росія;
e-mail: galinazhuk@mail.ru; тел.: +8 (812) 3237417; моб.: +7 9211824350

СПРИЙНЯТТЯ ЛЕКСИЧНИХ ОДИНИЦЬ ПОНЯТІЙНОГО ПОЛЯ «ГРОМАДСЬКЕ ХАРЧУВАННЯ» У МОВЛЕННІ СУЧАСНИКІВ

Анотація. Кожна лексична одиниця є засобом опису будь-яких знань про навколишню дійсність. У статті розглядається сприйняття дев'яти лексичних одиниць, що входять до структури одного семантичного поля.

Описувані лексичні одиниці складають групу, в основі якої лежить поняття «громадське харчування». Безсумнівним є вплив культурно-історичного середовища на формування уявлення про слово у свідомості сучасників. Отримані у процесі дослідження експериментальні дані свідчать про те, що актуальність, частотність і семні структури запропонованих до розгляду лексичних одиниць далеко не однакові. Отримані результати дали змогу простежити, наскільки стикаються значення лексичних одиниць і як ці слова сприймаються, розуміються і використовуються носієм російської мови в сучасній мові.

Ключові слова: мовна свідомість, понятійне поле, лексичне значення, експеримент, екстралінгвістичні, психолінгвістичні фактори, найменування пунктів громадського харчування.

Galina A. ZHUKOVSKAYA
Ph.D., Associate Professor of the Russian Language Department of Herzen State Pedagogical University of Russia; Saint-Petersburg, Russian Federation;
e-mail: galinazhuk@mail.ru; mob.: +7 (921) 1824350

THE PERCEPTION OF LEXICAL UNITS OF THE SEMANTIC FIELD «PUBLIC CATERING» IN THE PRESENT-DAY RUSSIAN SPEECH

Summary. Any lexical unit serves as the means to transfer the knowledge about outside reality. The article below examines the perception of nine lexical units which are considered to belong to one common lexical field. The described language units are united into one group, in the basis of which there is the concept of «public catering». Undoubtedly, the current cultural and historical environment affects the listener's word perception. The received experimental data testify that the relevance, frequency and semic structure of the examined lexical units are not identical. The results effort an opportunity to see how the lexical units are not equal. The given results gave an opportunity to see how the lexical units could be used and understood by the Russian language native speakers and listeners nowadays.

Key words: language consciousness, conception field, lexical meaning, experiment, extralinguistic factors, psycholinguistic factors, names of items catering.

Статтю отримано 26.05.2014 р.

УДК 811.161.1'373.231:821.161.1-312.1«19»А. Н. Толстой

МУРАДЯН Ирина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: muradayn@ukr.net; тел.: +38 (0482) 644449; моб.: +38 095 5148345

АНТРОПОНИМНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В СЕМЕЙНОМ ОБЩЕНИИ В НАЧАЛЕ 20 ВЕКА (на материале романа А. Н. Толстого «Сёстры»)

Аннотация. В статье рассматривается варьирование антропонимов в семейном общении в начале 20 века. Материалом исследования являются номинации персонажей в тексте романа А. Н. Толстого «Сестры». Вариативность русских антропонимов позволяет передать не только статусные и ситуативные характеристики, но и оттенки чувств и взаимоотношений героев. Основное внимание сосредоточено на варьировании именований супругов и детей в речи родителей. Отмечается, что в номинации мужа присутствуют два варианта: полное личное имя и имя + отчество, — причём формула «имя+отчество» употребляется в различных коммуникативных ситуациях шире, чем в современном семейном общении. Именование жены гипокористической формой имени соответствует современной норме. В именовании родителями детей в основном присутствует сокращённая форма имени, но может встречаться имя + отчество для обозначения серьёзности темы разговора.

Ключевые слова: русский язык, ономастика, антропонимная вариативность.

Вариативность как фактор развития языка находит своё преломление в функционировании собственных имён. Антропонимная вариативность чаще встречается в неофициальной коммуникации, примером которой является семейное общение. Богатые возможности русской антропонимной системы способствуют функционированию большого количества вариантов имён.

Целью данной статьи является исследование вариативности антропонимов в различных коммуникативных актах семейного общения в начале 20 века. Материалом послужил текст трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам».

Сам А. Н. Толстой отмечал: ««Хождение по мукам» — это хождение совести автора по страданиям, надеждам, восторгам, падениям, унынию, взлётам — ощущение целой огромной эпохи».

 © Мурадян И. В., 2014

В письме к сыну он пишет: «Кажется, нашёл стиль и форму для этого очень трудного романа. А стиль и форма — это тот самый реактив, в котором давно сгнившие предметы, клочки одежды, обрывки событий, пыль времени, ржавое железо, мысли,... фразы, поцелуи, матерщина, пятна крови и прочее — вскипают и под некое непонятное, как бы колдовское, но по существу бессмысленное бормотание самого автора превращаются в животрепетное создание, обладающее всеми признаками живого, убеждающего своим присутствием существа, хотя и бесплотного» [4, 13, с. 594].

Содержание трилогии «Хождение по мукам» огромно, в ней рассказано о важнейших, переломных событиях в жизни России. Текст романа густо «населён», он поражает разнообразием и яркостью типов людей, мастерством лепки характеров. Автор наряду с многоплановым изображением исторической действительности, грандиозных военных битв рисует становление и развитие человеческой личности.

Художественный текст — это моделирование реального мира, создание второй виртуальной действительности. Таким же моделируемым является и онимное пространство литературного произведения. Как отмечает Ю. М. Лотман, «...в отличие от естественного языка поэтический язык представляет собой «вторичную моделирующую систему» [2, с. 10]. В то же время, как неоднократно подчёркивал Ю. А. Карпенко, при создании литературных онимов «писатель не может абстрагироваться от реальной ономастики, от существующих в языке ономастических норм» [1, с. 34]. Поэтому масштабное литературное произведение, охватывающее большой и сложный исторический период, каким является «Хождение по мукам» А. Н. Толстого, можно использовать для реконструкции антропонимных норм того времени. Трилогия А. Н. Толстого — это широкое эпическое полотно. Автор изображает разные социальные слои России периода I мировой войны, революции и гражданской войны.

Номинации главных героев являются традиционными для начала 20 века и представлены не только в статике, но и в динамике. Как отмечает С. М. Пак, «формы и способы личных обращений — динамический феномен, в анализе которого привлекаются данные синхронии и диахронии» [3, с. 162]. В многочисленных коммуникативных ситуациях текста эти именования варьируются, передавая всё разнообразие оттенков чувств героев. Это становится возможным благодаря богатству русской антропонимной системы. Рассмотрим традиционные именования главных героев и их семейного «ближнего круга».

Особо следует обратить внимание на общение супругов и отметить определенное отличие от современной нам коммуникации. Номинации мужа и жены, характерные для русского общения начала 20 века, представлены А. Н. Толстым в семье адвоката Николая Ивановича Смоковникова и его жены Екатерины Дмитриевны. В речи жены представлены три варианта именования мужа: *Николай Иванович, Николай, Коленька.* В контактном общении жена называет мужа полным личным именем и один раз в сложной ситуации семейного общения Катя использует диминутив: *«Коленька, тебе будет очень больно то, что я скажу»* [5, с. 35]. Наиболее частотной оказывается номинация «имя+отчество». Так Катя называет мужа в разговоре с сестрой Дашей.

Интересно проследить общение Даши и Телегина в связи с тем, как они сближаются и переходят с официальных номинаций на дружеские и семейные. В начале знакомства оба называют друг друга по имени и отчеству: *Дарья Дмитриевна* и *Иван Ильич.* По мере влюблённости их общение становится более близким. Сначала Телегин называет Дашу только по имени, а потом она начинает называть его *Иван.* В сложных ситуациях душевных переживаний Телегин называет жену нежно *Дашенька.*

Характерны номинации и в отношениях Вадима Петровича Рощина с Катей. В начале их знакомства они называют друг друга по имени и отчеству. В конце романа «Сёстры», когда Рощин приезжает с фронта в Петербург, он переходит в разговоре с Катей с номинации по имени и отчеству на гипокористику *Катя,* обозначая, какой дорогой она для него стала: *«...ближе вас, Екатерина Дмитриевна, у меня ведь в мире нет человека»* [5, с. 146]. *«Я понимаю одно... ослепительная живая точка в этом хаосе — это ваше сердце, Катя... Нам с вами разлучаться нельзя»* [5, с. 148]. С того момента, как Рощин и Катя становятся мужем и женой, они называют друг друга *Вадим* и *Катя.*

В речи Кати и Даши совсем отсутствуют именования мужа гипокористической формой имени, ставшие нормой в современной семейной коммуникации. Антропонимная формула «имя + отчество» является основной номинацией мужа и со стороны других родственников. Даша всё время называет мужа Кати *Николай Иванович* и один раз использует имя *Николай.* Только по имени и отчеству называет зятя отец Кати и Даши Дмитрий Степанович Булавин.

Таким образом, номинация по имени и отчеству и полным личным именем по отношению к мужу оказывается более распространённой в исследуемый период, чем в наше время.

Именование жены в общении супругов больше соответствует современной традиции. Смоковников чаще всего называет жену гипокористикой *Катя*, но есть и диминутивная форма *Катюша*. Телегин также наиболее частотно использует сокращённое имя *Даша*. Значительно

варьируются в тексте имена при общении сестёр в разных коммуникативных ситуациях. Наиболее частотной является номинация гипокористическими формами имён *Катя* и *Даша*. Чаще всего Катя называет сестру гипокористической формой имени. Это принятое в русском семейном кругу сокращённое именование. Поэтому в этой коммуникативной ситуации его можно считать нейтральным, хотя в общем такая форма имени указывает на неофициальность обстановки общения, родственные или дружеские отношения между коммуникантами. Когда А. Н. Толстой хочет передать нежность и ласку Кати к Даше, он вводит в её речь диминутивные формы «Дашенька», «Данюша»: *«Родной мой, Данюша, — говорила Екатерина Дмитриевна, целуя её через вуальку, — ты-то как же?»* [5, с. 37]. В речи Николая Ивановича, мужа Кати, используется номинация *Дашурка*.

Более близкими к нашей реальности оказываются именования детей в речи родителей. Младшая сестра с самого начала названа в авторской структуре речи одним личным именем, причём в гипокористической форме, как принято называть в семье близких людей и детей, — *Даша*. Эта номинация в авторской речи проходит через весь роман. В различных коммуникативных ситуациях А. Н. Толстой видоизменяет именование Даши, отображая реальную картину русского общения, при котором трёхчленная формула именования по-разному используется, передавая не только общую официальную/неофициальную обстановку коммуникации, степень родства или знакомства коммуникантов, но и тонкие оттенки настроения героев. Отец называет младшую дочь гипокористической формой имени *Даша*. Для старшей дочери также самой частотной номинацией является имя *Катя*, но есть варианты: *Екатерина, Катюшка*.

В семейном общении переход с привычного гипокористического имени на полное может свидетельствовать о смене настроения или отношения к коммуниканту. Например, Николая Ивановича развеселило негодование, с которым Даша рассказывала ему об ухаживаниях его помощника Куличка, и на это, обратившись к ней, он употребил полную форму имени: *«Уйди, Дарья, уйди, умру!»* [5, с. 9]. Описывая ситуацию общения отца с Дашей, А. Н. Толстой показывает, что переход с привычного сокращённого имени на формулу «имя + отчество» может свидетельствовать о серьёзности разговора, например:

— *Ну как же всё-таки насчёт славянского вопроса, а?*

— *Ей-богу, не знаю, папа. Что ты, в самом деле, пристаёшь ко мне.*

— *А я кое-какое имею собственное мнение, Дарья Дмитриевна* [5, с. 46]. В современной семейной коммуникации имя и отчество при номинации детей может использоваться только с шутливо-иронической коннотацией.

В тексте романа А. Н. Толстой в структуре авторской речи может переходить с одной номинации героя на другую в зависимости от изменения его социального статуса и отношений с другими героями. А. Н. Толстой в начале романа не представляет героинь полным трехчленным именованием. Компоненты номинации появляются по мере развертывания сюжета. Так старшая сестра в начале романа предстает перед читателем уже замужней дамой. В авторской речи её номинация по имени и отчеству *Екатерина Дмитриевна*. Но с середины романа А. Н. Толстой переходит на именование героини только одним именем. Это происходит очень естественно. Даша взрослеет, старшая сестра уже не опекает её, как прежде в Петербурге. Муж Кати вскоре погибает. Обе сестры в Москве оказываются вместе перед бурными событиями революции. В структуре авторской речи сёстры с этого момента именуются одинаково: *Катя* и *Даша*.

Таким образом, можем выделить в ситуации семейного общения между супругами функционирование антропонимных вариантов для именования мужа: полное личное имя (самый частотный вариант), имя + отчество и диминутивное имя (редко). В номинации жены — гипокористическое имя и диминутивное имя (редко). В ситуациях общения между другими родственниками при номинации мужа используется формула «имя + отчество», а при номинации жены — гипокористическое имя. Номинация мужа именем и отчеством распространена шире, чем в современной коммуникации.

В общении между сёстрами присутствуют варианты: гипокористическое имя и диминутив. В коммуникативных актах «родители — дети» варьируются гипокористические и диминутивные формы имён.

Наше время и время написания А. Н. Толстым романа «Сёстры» разделяет небольшой для языка период времени — всего около 100 лет. Тем не менее, изменения в речевом этикете и антропонимной вариативности в семейном общении вполне ощутимы. Они совпадают с общим процессом демократизации языка и форм этикетного общения.

Литература

1. *Карпенко Ю. А.* Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. — 1986. — № 4. — С. 34—40.

2. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман об искусстве. — СПб. : Искусство, 1998. — С. 14—288.

3. *Пак С. М.* Личное имя в лингвокогнитивном освещении / С. М. Пак // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. — 2004. — № 1. — С. 161—171.
4. *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч. : в 15 т. / А. Н. Толстой. — М. : Гослитиздат, 1952. — Т. 13. — 701 с.
5. *Толстой А. Н.* Хождение по мукам : Трилогия. — М. : Воениздат, 1982. — 508 с.

References

1. *Karpenko Yu. A.* Imia sobstvennoe v khudozhestvennoj literature / Yu. A. Karpenko // Filologicheskie nauki. — 1986. — № 4. — S. 34—40.
2. *Lotman Yu. M.* Struktura khudozhestvennogo teksta / Yu. M. Lotman // Yu. M. Lotman ob iskusstve. — SPb. : Iskusstvo, 1998. — S. 14—288.
3. *Pak S. M.* Lichnoe imia v lingvokognitivnom osveshchenii / S. M. Pak //Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija. — 2004. — № 1. — S. 161—171.
4. *Tolstoy A. N.* Poln. sobr. soch. : v 15 t. / A. N. Tolstoy. — M. : Goslitizdat, 1952. — T. 13. — 701 s.
5. *Tolstoy A. N.* Khozhdenie po mukam : Trilogija. — M. : Voenizdat, 1982. — 508 s.

МУРАДЯН Ірина Володимирівна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: muradayn@ukr.net; тел.: +38 (0482) 644449; моб.: +38 095 5148345

АНТРОПОНІМНА ВАРІАТИВНІСТЬ У РОДИННОМУ СПІЛКУВАННІ НА ПОЧАТКУ 20 СТОЛІТТЯ (на матеріалі роману О. М. Толстого «Сестри»)

Анотація. Статтю присвячено варіативності антропонімів у родинному спілкуванні на початку 20 ст. Матеріалом дослідження є номінації персонажів у тексті роману О. М. Толстого «Сестри». Варіативність російських антропонімів дозволяє передати не тільки статусні та ситуативні характеристики, але й відтінки почуттів і взаємовідносин героїв. Основну увагу зосереджено на варіативності номінацій чоловіка і жінки та дітей у мовленні батьків. Відзначається, що в номінації чоловіка присутні два варіанти: повне особисте ім'я та формула «ім'я та по батькові», причому ім'я та по батькові використовується в різних комунікативних ситуаціях активніше, ніж у сучасному родинному спілкуванні. Номінація жінки скороченою формою імені відповідає сучасній нормі. У номінації батьками дітей використовується скорочена форма імені, але може зустрічатися ім'я та по батькові як знак серйозної теми розмови.
Ключові слова: російська мова, ономастика, антропонімна варіативність.

Iryna V. MURADYAN,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: muradayn@ukr.net; тел.: +38 (0482) 644449; моб.: +38 095 5148345

THE PERSONAL NAME VARIATION AT THE FAMILY COMMUNICATION ON THE BEGINNING OF 20 CENTURY (on the text of novel by A. N. Tolstoy «The Sisters»)

Summary. The article is devoted to the use of the personal name in the family communication at the beginning of 20-th c. Material of research is nominations of heros in the text of the novel by A. N. Tolstoy «The Sisters». The author *gives* much attention to variations of Russian personal names and the status characteristics and emotional relationships of heros. General attention is given to nominations of *husband*, *wife, children, parents.* At the nomination of husband there are two variants: full personal name and name + patronymic. The author marks that Russian nomination «name + patronymic» of *husband* at the different family communicative situations is wider than in modern intercourse. The nomination of *wife* with shot personal name is like modern norm. Parents usually call the children with shot personal names, but may be nomination «name + patronymic» at serious situation.

There are only 100 years between our time and time of text by A. N. Tolstoy. It is a little time for language, but the changes at etiquette and the personal name variations is present. These changes coincide with general process democratization of language and forms of etiquette communication.
Key words: the Russian language, personal name, variations of Russian personal name.

Статтю отримано 28.09.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК [811.112.2+811.161.1]'255.2'373/374

МЮЛЛЕР Юлия Эдуардовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Москва, Россия;
e-mail: jmueller@hse.ru; тел.: +7 9166858121

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-семантические трансформации в немецко-русских художественных переводах. Автор останавливается на принятых в теории перевода видах трансформаций — генерализации, конкретизации, модуляции, антонимическом переводе и лексических опущениях и добавлениях. Выявляются причины трансформаций: расхождения в семантике или стилистических характеристиках лексической единицы, необходимость синтаксической перестройки предложения, различия в сочетаемости слов, управлении и валентности глаголов, расхождения экстралингвистических знаний реципиентов оригинала и перевода, неузуальность дословного перевода или семантическая избыточность оригинала. В статье указаны особенности влияния разных факторов на выбор приёма трансформации переводчиком. Автор считает, что лексико-семантические трансформации в большинстве случаев неразрывно связаны с синтаксическими и стилистическими трансформациями, и приводит примеры перевода текстов художественных произведений немецких авторов на русский язык.
Ключевые слова: лексико-семантическая трансформация, генерализация, модуляция, конкретизация, добавление, опущение, немецко-русский перевод.

Трансформации в переводе неоднократно становились предметом исследований, как правило, на материале английского языка [1; 5]. В диссертациях последних лет рассматривались трансформации как понятие и явление [4], лексико-стилистические трансформации в англо-русских художественных переводах [3], переводческие трансформации в текстовом дискурсе на материале англо-русских публицистических переводов [7]. В то же время, недостаточно подробно, на наш взгляд, рассматривались причины появления и необходимость трансформаций в художественных переводах. Чтобы восполнить этот пробел, в нашей статье мы проанализируем лексико-семантические трансформации в немецко-русских художественных переводах, рассмотрим их виды и причины появления. Целью данной статьи является выделение случаев лексико-семантических трансформаций в немецко-русских художественных переводах, классификация установленных трансформаций по их видам и анализ причин появления таких трансформаций в переводах.

В зарубежном и отечественном переводоведении неоднократно указывалось на существование между языками черт семантического и структурного сходства, так называемых языковых параллелей [8; 6]. Семантический параллелизм проявляется в общности значений слов, закреплённых в качестве словарных соответствий в двуязычных словарях. С точки зрения применения таких параллелей или отказа от них, исследователи делят переводческие операции на два основных класса: подстановки и трансформации [6, с. 95]. На уровне лексических единиц подстановкой будет являться использование в тексте перевода словарное соответствие единице оригинала. При использовании лексической трансформации в тексте оригинала и перевода отсутствуют словарные соответствия. В литературе подробно описаны различные виды переводческих трансформаций, в т. ч. лексико-семантических. Однако некоторое количество трансформационных переводов занесены в словари как соответствия. Излагая принципы составления двуязычных словарей, М. Я. Цвиллинг пишет, что двуязычный словарь наряду с соответствиями-эквивалентами приводит соответствия, созданные путем калькирования, транскрипции и лексико-семантических трансформаций — конкретизации, генерализации, экспликации и антонимического перевода, а также с помощью грамматических трансформаций [9, с. 87]. Это означает, что некоторое количество словарных соответствий являются трансформационными по определению.

Условия контекста могут не позволить использовать в тексте перевода обычные словарные соответствия. Учитывая всю дополнительную информацию, переводчик передаёт содержание единицы оригинала при помощи трансформаций. Лексико-семантические трансформации — это способ перевода лексических единиц оригинала путём использования в переводе единиц ПЯ, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью различных логических преобразований. Большинство исследователей выделяет следующие виды контекстуальных замен: генерализация, конкретизация, модуляция (смысловое развитие), экспликация (описательный перевод) и антонимический перевод.

 © Мюллер Ю. Э., 2014

Конкретизация — замена слова с более широким значением словом с более узким значением. Конкретизация может быть языковой и контекстуальной (речевой). При языковой конкретизации замена слова с широким значением словом с узким значением обусловливается расхождениями в строе двух языков — либо отсутствием в ПЯ лексической единицы, имеющей столь же широкое значение, либо расхождениями в их семантике и стилистических характеристиках, либо требованиями грамматического порядка, например, необходимостью синтаксической трансформации предложения. Так, английское существительное *meal* и немецкое *Mahlzeit* означают любой приём пищи: *завтрак, обед, ужин*. Большой немецко-русский словарь (БНРС) даёт следующие эквиваленты этого слова: *еда, трапеза (завтрак, обед, ужин)*. При переводе на русский язык приходится применять конкретизацию: *Fabian... machte sich sofort... mit großem Appetit an die* ***Mahlzeit*** (Kellermann B. Totentanz). / *Фабиан... немедленно с аппетитом приступил к* ***ужину***. Переводчик выбирает эквивалент *ужин*, исходя из широкого контекста: герой романа возвращается из длительной поездки домой поздно вечером.

Русское слово *трапеза* со столь же широким объёмом значения применимо лишь в отдельных случаях: *...So dass man jedesmal vollkommen überflüssigerweise seinen Atem roch und an seiner letzten* ***Mahlzeit*** *teilnahm* (Böll H. Ansichten eines Clowns). / *...Волей-неволей вас обдавало его дыханием и вы получали полную информацию о его последней* ***трапезе***. *Трапеза* — устаревшее слово книжного стиля. Здесь в переводе оно служит для воспроизведения ироничного отношения автора к данному персонажу.

Немецкое слово *Schwiegermutter* имеет в БНРС соответствия: *тёща, свекровь*. В русском языке отсутствует слово со столь же широким значением, что вызывает необходимость конкретизации, исходя из условий узкого контекста: *Sonst ist die* ***Schwiegermutter*** *wenigstens zu ihr halbwegs anständig gewesen, heute aber...* (Fallada H. Kleiner Mann — was nun?) / *Обычно* ***свекровь*** *относилась к ней мало-мальски прилично, но сегодня...*

Конкретизация может оказаться необходимой из-за различий в сочетаемости слов в сопоставляемых языках: *Aber wir saßen noch keine zehn Minuten, als der* ***strohblonde Kopf*** *von Lenz an der Theke erschien* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *Мы не посидели и десяти минут, как у стойки появилась* ***соломенная шевелюра*** *Ленца*. В данном случае прилагательное *соломенный* используется для обозначения цвета волос, и в русском языке оно сочетается именно с данным существительным, а не с существительным *голова*.

Контекстуальная конкретизация обусловлена не системно-структурными расхождениями между ИЯ и ПЯ, а факторами данного конкретного контекста, чаще всего стилистическими соображениями. В следующем примере конкретизация обусловлена несоответствием стилистических характеристик словарных соответствий: *Ein scheußliches* ***Möbelstück****, das irgendwie nach Schule aussah* (Böll H. Ansichten eines Clowns). / ***Комод*** *был отвратительный и чем-то напоминал школу*. Соответствие *предмет мебели*, приводимое БНРС, уместное в каталоге, описи или ином документе, не соответствует стилю художественной литературы.

В отдельных случаях конкретизация может делать перевод более выразительным за счёт фразеологизации. Дело в том, что фразеология, являясь наиболее специфичной частью словарного состава любого языка, обладает минимальной степенью переводимости по сравнению с лексическими единицами и свободными словосочетаниями. Именно в области фразеологии наблюдаются наибольшие потери. Стремясь восполнить эти потери, переводчик, по возможности, вводит в текст перевода фразеологические единицы там, где это позволяют условия контекста. Данным обстоятельством и вызвана конкретизация в следующих примерах: (1) *Eine Frau stülpte ihm eine grünrote Papiermütze auf und hängte sich* ***an ihn*** (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *Какая-то женщина нахлобучила ему на голову красно-зелёный бумажный колпак и повисла* ***у него на шее***. В данном примере немецкое ***an ihn*** в переводе конкретизируется *у него на шее*, и таким образом в тексте перевода появляется фразеологическая единица *виснуть на шее*, значение которой в толковом словаре русского языка (СРЯ) раскрывается следующим образом: *навязчиво добиваться внимания*. (2) *...er* ***drehte sich im Kreise*** *herum, aber ich hatte den Eindruck, dass er ruhiger wurde* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *Он продолжал* ***вертеться в заколдованном круге****, хотя мне показалось, что он немного успокоился*. В БНРС устойчивое сочетание *sich im Kreis(e) drehen* имеет соответствие *двигаться по кругу (возвращаться к тому же самому, не сдвинуться с места)*. Переводчик конкретизирует слово *круг* с помощью прилагательного *заколдованный*, что создаёт ассоциацию с ещё одной фразеологической единицей — *порочный круг*, значение которой СРЯ раскрывает как *безвыходное положение*.

Генерализация — замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение единицей ПЯ с более широким значением. Так, к генерализации прибегают при переводе немецких существительных *Hand* и *Arm*, заменяя их при переводе словом с более общим значением *рука*: (1) *Pinneberg legt ostentativ seine rechte* ***Hand*** *aufs Knie* (Fallada H. Kleiner Mann — was nun?) / *Пиннеберг демонстративно кладет правую* ***руку*** *на колено*. (2) *Sie warf ihre Arme um seinen Hals, sie*

presste sich an ihn (Fallada H. Kleiner Mann — was nun?) / *Она обхватила руками его шею, она прижалась к нему.*

В отдельных случаях применение генерализации обусловлено не отсутствием слова со столь же конкретным значением в ПЯ, а различиями в семантике соответствующих слов: *...fügte sie ruhiger hinzu und reichte ihm die Hand, während die* ***Röte*** *auf ihrem Gesicht verging* (Kellermann B. Totentanz). /... *добавила она более спокойным тоном и протянула ему руку.* ***Краска*** *постепенно сбежала с её лица.* Русское соответствие со столь же конкретным значением *румянец* в данном случае неприменимо, так как *румянец* — это краска стыда, смущения, а из контекста понятно, что героиня была возмущена.

Генерализация может применяться и в случае расхождения преинформационных запасов рецепторов оригинала и перевода. Так, в России по праздникам на домах нередко можно увидеть флаги. В гитлеровской Германии флаги со свастиками вывешивались из окон. Этим объясняется применение генерализации в следующем примере: *...und schon am Abend erschienen einzelne Fahnen* ***an den Fenstern*** (Kellermann B. Totentanz). / *...и уже с вечера, в канун праздника,* ***на*** *некоторых* ***домах*** *вывесили флаги.*

Модуляция (смысловое развитие) — это замена слова ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Все знаменательные части речи делятся на три категории: предметы, процессы и признаки. В ходе перевода наблюдаются разнообразные замены внутри каждой категории и между различными категориями. Предмет может быть замене его признаком, процесс предметом и т. д. При переводе глагольных сочетаний отмечаются разнообразные виды замен между причиной, процессом и следствием: (1) *So war es nicht gemeint* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *Ты меня не поняла.* В переводе причина *я не это имел в виду* заменена следствием *ты меня не поняла.* (2) *Aber sie achtete darauf, dass ich nicht betrogen wurde und schlechte Stücke erhielt* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *Она следила, как бы меня не обманули, подсунув плохие куски.* В данном примере, напротив, следствие *я получу плохие куски* заменяется причиной *мне их подсунут.* (3) *Der Buchhändler Dillinger, der auch sein Lieferant war, hatte sich vergrößert* (Kellermann B. Totentanz). / *Книготорговец Диллингер — Фабиан был его постоянным покупателем — расширил свой магазин...* Здесь замена происходит на основании причинно-следственных отношений между существительными продавец — покупатель.

Антонимический перевод — замена единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением, сопровождающаяся сменой утвердительной формы на отрицательную или наоборот. Антонимичным может быть словарное соответствие: *to take one's time — sich die Zeit nehmen — не торопиться*; *to sit up — aufbleiben, wach sein — не ложиться спать.* В таком случае переводчик вынужден прибегать к антонимическому переводу: *Zu seiner angenehmen Überraschung war Martha, das Mädchen, noch wach...* (Kellermann B. Totentanz) / *Он был приятно удивлён, что горничная Марта ещё не ложилась.*

Антонимический перевод применяется и в том случае, когда дословный вариант перевода неузуален: *Alles war noch da: die bunte Bücherreihe seiner Bibliothek, auf die er stolz war, die wenigen Bilder und Kleinigkeiten, an denen er hing* (Kellermann B. Totentanz). / *Ничего не изменилось: пёстрые ряды книг, которыми он гордился, несколько картин и привычные безделушки.*

Помимо вышеперечисленных видов трансформаций, Л. С. Бархударов выделяет **добавления** и **опущения** как особый вид лексико-семантических трансформаций [1, с. 250—257]. Причины, вызывающие необходимость лексических добавлений, могут быть различны. Наиболее распространённой является формальная невыраженность семантических компонентов в высказывании на ИЯ: *«Herr Blumental», erwiderte ich, «haben Sie heutzutage schon mal jemanden getroffen, der auf einen Preis was anderes antwortet?»* (Remarque E. M. Drei Kameraden) / *— Господин Блюменталь, — сказал я. — А вы встречали в наше время кого-нибудь, кто по-другому откликнулся бы, когда ему называют цену?* В словосочетании оригинала *auf einen Preis antworten* остаётся формально не выраженным семантический компонент *когда называют* цену.

Зачастую правильный выбор опущенного семантического компонента, добавляемого в переводе, требует знания экстралингвистических факторов: *«Wie Weihnachten!» sagte Lina* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *— Задарили, прямо как на Рождество! — сказала Лина.* Действительно, если для носителя немецкого языка Рождество, прежде всего, ассоциируется с подарками, то это не настолько же очевидно для носителя русского языка, поэтому переводчик вынужден прибегнуть к добавлению *задарили.*

Нередко лексические добавления обусловливаются стилистическими причинами: стремлением полнее, точнее выразить мысль, сделать перевод более наглядным: (1) *...und er stand hier ein bisschen unschlüssig herum, ehe er weiterging* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *...и здесь торчал сейчас просто от нерешительности, переминаясь на месте, прежде чем двинуться дальше.* (2) В следующем примере добавление *на эстраду* делает перевод более эмоциональ-

ным: *Weißt du was?* ***Geh zum Varieté.*** *Da gehörst du hin. (Remarque E. M. Drei Kameraden)* / *Знаешь что?* ***Иди в варьете, на эстраду.*** *Там тебе место.*

Добавление может быть вызвано и различиями в управлении глаголов: *«Ja», erwiderte er, ohne mit einem Wimperchen zu verraten, dass er bis vor einer Sekunde von Fräulein Bomblatt nichts gewusst hatte* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *— Да, — ответил он, не моргнув глазом и не выдав ничем, что до этой секунды ничего не знал о существовании фройляйн Бомблатт.* Русский глагол *не выдать* не сочетается с существительным *ресница,* в то же время в русском языке существует устойчивое словосочетание *не моргнуть глазом*, прекрасно передающее ту же мысль. Это выражение и было добавлено переводчиком, а существительное *Wimperchen* при глаголе *verraten* переведено с помощью генерализации: не выдав ничем.

В следующих примерах добавления вызваны различиями в валентности соответствующих глаголов: (1) *Der Schmied wollte Radau machen... Aber* ***wir wehrten ab*** (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *Кузнец начал было скандалить... но* ***мы отказались от своих намерений.*** (2) *«Schön», meinte Gottfried, «dann wollen wir mal* ***sortieren»*** (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *— Хорошо, — заявил Ленц, — тогда давайте* ***рассортируем вещи.*** В данных примерах добавления оказались необходимыми, потому что по-русски нельзя сказать «отказаться», не упомянув, от чего и «рассортировать», не указав, что.

Опущение — приём, противоположный добавлению. При переводе опущению подвергаются слова, являющиеся семантически избыточными, т. е. выражающими значения, которые могут быть извлечены из текста и без их помощи: *«Sofort!» erwiderte sie... «Dann wollen wir gleich aufbrechen», sagte ich* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *— Едем немедленно! — воскликнула она... — Поедем, — сказал я.* В немецком тексте семантически избыточным является слово *gleich,* так как имеет то же значение, что и употреблённое в предыдущей фразе слово *sofort.*

Семантическая избыточность может возникнуть при применении лексических трансформаций. Переводчик конкретизировал слово *Ölgemälde* (картина, написанная маслом), употребив в переводе слово *портрет*, что вызвало избыточность глагола *darstellen*: *Über dem Sofa hingen zwei nachgedunkelte Ölgemälde, die den alten Schellhammer und seine Frau darstellten* (Kellermann B. Totentanz). / *Над диваном висели два потемневших от времени портрета старого Шелльхаммера и его супруги.*

Л. С. Бархударов отмечает, что система языка в целом и конкретные речевые произведения обладают большой степенью избыточности, что даёт возможность производить те или иные опущения в процессе перевода. Устранение семантически избыточных элементов исходного текста позволяет переводчику осуществлять то, что называется компрессией текста, т. е. сокращение его общего объёма. Это нередко оказывается необходимым в силу того, что в ходе процесса перевода многочисленные добавления и объяснительные фразы, вводимые переводчиком для большей ясности, как правило, из прагматических соображений, грозят чрезмерным увеличением объёма текста перевода по сравнению с текстом оригинала. Чтобы уравновесить эту тенденцию, переводчик везде, где это позволяют условия текста и ПЯ, производит опущение семантически избыточных элементов исходного текста [1, с. 230]. Например: *Eine Frau lag darauf. Ich begegnete ihrem Blick. Sie sah mich gar nicht an. Sie sah irgendwohin, in eine unbestimmte Ferne. Aber ich zuckte zusammen vor diesen Augen...* (Remarque E. M. Drei Kameraden) / *На ней лежала женщина. Я уловил её взгляд. Она даже не посмотрела на меня. Но эти глаза заставили меня вздрогнуть...* В тексте перевода выпущено целое предложение: *Sie sah irgendwohin, in eine unbestimmte Ferne.*

Таким образом, переводчики часто прибегают к различным лексико-семантическим трансформациям, так как словарные соответствия не всегда применимы в конкретном контексте. Лексико-семантические трансформации в большинстве случаев неразрывно связаны с синтаксическими и стилистическими трансформациями. Причины разнообразных трансформаций исходного текста при его переводе могут быть следующими:

1. Отсутствие в ПЯ лексемы с таким же широким значением, как в ИЯ, расхождения в семантике или стилистических характеристиках, необходимость синтаксической трансформации предложения, различия в сочетаемости слов в сопоставляемых языках обусловливают использование при переводе приёма конкретизации. Кроме того, конкретизация может быть обусловлена факторами контекста, чаще всего стилистическими соображениями или стремлением переводчика компенсировать потери фразеологии.

2. При отсутствии слова со столь же конкретным значением в ПЯ, различиях в семантике соответствующих слов, расхождениях преинформационных запасов рецепторов оригинала и перевода уместен приём генерализации.

3. При необходимости синтаксической перестройки предложения, когда происходят разнообразные замены внутри категорий предметов, признаков, действий и между различными категориями, применяется приём модуляции.

4. При неузуальности дословного перевода может быть применён приём антонимического перевода.

5. Причины, вызывающие необходимость лексических добавлений: формальная невыраженность семантических компонентов в высказывании на ИЯ, особенно экстралингвистической информации; стремление переводчика полнее, точнее выразить мысль, сделать перевод более наглядным или эмоциональным; разница в управлении и валентности глаголов.

6. Семантически избыточные слова при переводе подвергаются опущению. Этот же приём используется при необходимости осуществить компрессию текста.

Литература

1. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод / Л. С. Бархударов. — М. : Международные отношения, 1975. — 239 с.
2. *Большой немецко-русский словарь* : в 2 т. / [ред. О. И. Москальская]. — М. : Русский язык, 1998.
3. *Губочкина Л. Ю.* Особенности лексико-семантических и лексико-стилистических трансформаций при переводе художественной литературы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. Ю. Губочкина. — М., 2009. — 196 с.
4. *Карабанова О. О.* Переводческие трансформации как понятие и явление : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Карабанова О. О. — М., 2000. — 166 с.
5. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода / В. Н. Комиссаров. — М. : Высшая школа, 1990. — 127 с.
6. *Латышев Л. К.* Перевод: проблемы теории, практики, методики преподавания / Л. К. Латышев. — М. : Просвещение, 1988. — 160 с.
7. *Олейник А. Ю.* Переводческие трансформации в текстовом дискурсе: на материале англо-русского и русско-английского публицистического перевода : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Ю. Олейник. — М., 2009. — 175 с.
8. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — М. : Международные отношения, 1974. — 216 с.
9. *Цвиллинг М. Я.* О некоторых принципах составления переводных словарей / М. Я. Цвиллинг // Тетради переводчика. — М. : Международные отношения, 1983. — Вып. 20. — С. 85—90.

References

1. *Barhudarov L. S.* Jazyk i perevod / L. S. Barhudarov. — M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. — 239 s.
2. *Bol'shoj nemecko-russkij slovar'* : v 2 t. / [Red. O. I. Moskal'skaja]. — M. : Russkij jazyk, 1998.
3. *Gubochkina L. Ju.* Osobennosti leksiko-semanticheskih i leksiko-stilisticheskih transformacij pri perevode hudozhestvennoj literatury : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / L. Ju. Gubochkina. — M., 2009. — 196 s.
4. *Karabanova O. O.* Perevodcheskie transformacii kak ponjatie i javlenie : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / Karabanova O. O. — M., 2000. — 166 s.
5. *Komissarov V. N.* Teorija perevoda / V. N. Komissarov. — M. : Vysshaja shkola, 1990. — 127 s.
6. *Latyshev L. K.* Perevod: problemy teorii, praktiki, metodiki prepodavanija / L. K. Latyshev. — M. : Prosveshhenie, 1988. — 160 s.
7. *Olejnik A. Ju.* Perevodcheskie transformacii v tekstovom diskurse: na materiale anglo-russkogo i russko-anglijskogo publicisticheskogo perevoda : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / Olejnik A. Ju. — M., 2009. — 175 s.
8. *Recker Ja. I.* Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika / Ja. I. Recker. — M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1974. — 216 s.
9. *Cvilling M. Ja.* O nekotoryh principah sostavlenija perevodnyh slovarej / M. Ja. Cvilling // Tetradi perevodchika. — M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1983. — Vyp. 20. — S. 85—90.

МЮЛЛЕР Юлія Едуардівна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри німецької мови Національного дослідницького університету «Вища школа економіки»; Москва, Росія;
e-mail: jmueller@hse.ru; тел.: +7 9166858121

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ У ХУДОЖНЬОМУ ПЕРЕКЛАДІ

Анотація. У статті розглядаються лексико-семантичні трансформації в німецько-російських художніх перекладах. Автор розглядає прийняті в теорії перекладу види трансформацій: генералізацію, конкретизацію, модуляцію, антонімічний переклад і лексичні опущення і додавання. Виявляються причини трансформацій: розбіжності в семантиці або стилістичних характеристиках лексичної одиниці, необхідність синтаксичної перебудови пропозиції, відмінності у сполучуваності слів, керуванні та валентності дієслів, розбіжності екстралінгвальних знань реципієнтів оригіналу та перекладу, неузуальність дослівного перекладу або семантична надмірність оригіналу. У статті вказані особливості впливу різних чинників на вибір прийому трансформації перекладачем. Автор вважає, що лексико-семантичні трансформації в більшості випадків нерозривно пов'язані з синтаксичними та стилістичними трансформаціями, і наводить приклади перекладу текстів художніх творів німецьких авторів на російську мову.
Ключові слова: лексико-семантична трансформація, генералізація, модуляція, конкретизація, лексичне додавання й опущення, німецько-російський переклад.

Julia E. MÜLLER
PhD of Philology, Assoc. Prof., Department of German Language, National Research University Higher School of Economics; Moscow, Russia;
e-mail: jmueller@hse.ru; mob. +7 9166858121

SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN LITERARY TRANSLATIONS

Summary. The article deals with semantic transformations in German-Russian literary translations. The author focuses on widely-recognized kinds of transformations: generalization, particularization, modulation, antonymic translation and lexical omissions and additions. The aim of the article is to find out the reasons of transformations: divergence in semantic and stylistic characteristics of vocabulary units, necessity to transform the syntactic structure of the sentence, difference in word co-occurence, valence of the verbs, gap in extralinguistic knowledge of recipients of the original text and translation, pragmatic unacceptability of literal translation or semantic redundancy of the original. The article listed the features of influence of various factors on the choice of transformative techniques by translator. The author believes that the lexical-semantic transformations in most cases are inextricably linked to the syntactic and stylistic transformations, and gives examples of translation of art texts by German authors into Russian.

Key words: lexical-semantic transformation, generalization, modulation, particularization, antonymic translation, lexical omissions and additions, German-Russian translation.

Статтю отримано 10.08.2014 р.

УДК 811.161.1'42'373.74:82-84(089.3):17.022.1Иоанн Кронштадтский

ПАНОВА Анна Александровна,
аспирант кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: panyann@yandex.ru; моб.: +7 8 919 8904794

АФОРИСТИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНЕННОЙ ФИЛОСОФИИ В ДНЕВНИКАХ ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО 1856—1858 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются функции афористических единиц в дневниках Иоанна Кронштадтского (Сергиева) 1856—1858 гг. Отмечается способность афоризмов отражать нравственные приоритеты автора исследуемых дневников. В статье приводится тематическая классификация афоризмов, которые по семантике условно можно поделить на две крупные группы: характеризующие «мирское» и «религиозное» в авторской языковой картине мира. Подвергаются подробному анализу афоризмы из трёх тематических групп, наиболее актуальных для Иоанна Кронштадтского. Таким образом, в статье рассматриваются афоризмы о страстях человека, о призвании священнослужителя, о соотношении Божественного и человеческого начал в человеке. Активное использование тропов в дневниковых записях объясняется их когнитивными свойствами, а также способностью тропов к «пролонгированному» действию. Одной из ярких синтаксических особенностей афористики дневников Иоанна Кронштадтского предстаёт вовлечённость афоризмов в сложное синтаксическое целое. В рамках сложного синтаксического целого происходит развертывание той или иной темы при помощи афоризмов, в структуре которых наблюдаются лейтмотивные повторения образов, лексических единиц и т. д. Сложное синтаксическое целое может насчитывать в своей структуре от трёх до девяти афоризмов.

Ключевые слова: афоризм, дневник, моральные ценности, религиозный дискурс, Иоанн Кронштадтский.

Материалом для исследования послужила выборка из дневников Иоанна Кронштадтского 1856—1858 гг. [3] общим объёмом в 480 страниц, включающая 982 афоризма. «Афоризм — это краткое (преимущественно в рамках одной синтаксически завершённой единицы) словесно-художественное произведение конкретного автора, выражающее законченную мысль, претендующую на общезначимость и оригинальность формы и содержания» [2, с. 23].

По семантике афоризмы Иоанна Кронштадтского можно условно разделить на две группы. В первую, самую обширную, входит 715 афоризмов, характеризующих «мирское» в авторской картине мира. Самыми значимыми в ней оказываются обобщающие изречения о проблемах, связанных с подверженностью человека страстям: гневу, зависти, жадности, чревоугодию и т. д. (240 единиц); о добре и зле в мире (98 единиц); о жизни и смерти (76); о соотношении разума и сердца в человеке (64); о ценности любви (41); о правде (28); о важности языка и правильной речи (24); о справедливости и о счастье человека (по 20 единиц); о душе (19); о необходимости отвечать за свои поступки (16); о человеческой силе (10). Меньше афоризмов

© Панова А. А., 2014

в таких тематических подгруппах: о труде (7); о необходимости человеческой благодарности и об отношении к стабильности в жизни (по 6 единиц); о семье (4); о человеческой индивидуальности и о совести (по 2); о законе (1). Несколько обособленно выделяется небольшая группа изречений (33 афоризма), которая как будто связывает мирское и религиозное, касаясь проблемы соотношения в человеке «своего» (т. е. человеческого) и «Божьего» начал. По сути, эти афоризмы характеризуют человека независимо от того, светское он лицо или духовное.

Вторую группу, менее раздробленную в сознании о. Иоанна, составляют 267 афоризмов, характеризующих «религиозное» в картине мира автора. В этой группе находятся афоризмы, затрагивающие вопросы, к которым о. Иоанн обращается вновь и вновь на страницах своего дневника. Будучи на тот момент 28-летним священником, о. Иоанн пытается определить свою личную миссию священнослужителя. Так, религиозная составляющая картины мира в дневниках 1856—1858 г.г. складывается из афоризмов, в которых молодой священнослужитель старается определить сущность веры (102 единицы), Бога (84), молитвы, которая является основным делом священнослужителя и предстаёт средством постижения мира (50 афоризмов), а также афоризмы о призвании священника (23) и об институте Церкви (3).

Безусловно, все афоризмы представляют интерес, однако, в статье мы ограничимся анализом афоризмов трёх тематических подгрупп: о страстях, о призвании священника и о соотношении в природе человека Божественного начала и собственно человеческого. Выбор этих групп обусловлен их особой актуальностью для Иоанна Кронштадтского.

Наибольшую тематическую группу (240 афоризмов, треть всего материала) составляют афоризмы о страстях человеческих. Они отражают центральную проблему дневников 1856—1858 гг. Тема одержимости человека той или иной страстью чаще других поднимается о. Иоанном. Возможно, это объясняется его возрастом: молодой священник признаётся, что сам ещё подвержен страстям, как и любой человек. Подобного рода афоризмам свойственна различная степень конкретизации: одни из них обличают страсти вообще, более или менее абстрактно, другие изображают конкретные человеческие слабости и пороки, которые Иоанн Кронштадтский боится обнаружить в себе или уже обнаружил и желает искоренить.

Природа человеческих страстей объясняется о. Иоанном так: *В довольстве малым заключается счастие человека. Страсти — от недовольства* [3, с. 372]. *Видишь лукавство affectus: она всё ищет большего и не довольствуется тем, что даётся* [3, с. 26]. Наиболее общие причины о. Иоанн обозначает формулой *все страсти происходят от недостатка любви к Богу или ближнему и от большого самолюбия* [3, с. 339]. Подчёркивается, что сам человек повинен в наличии у себя страстных привязанностей: он слишком *самолюбив*, поэтому имеет *недостаток любви к Богу или ближнему* и увлекается страстями. Некоторые афоризмы, построенные на противопоставлении, обладают интонационной жёсткостью, категоричностью, не терпящей возражений, поиска других вариантов. В подобном категоричном письме отражаются такие качества о. Иоанна, как строгость к самому себе, бескомпромиссность, когда речь идёт о послаблении и, как следствие, возможной податливости греху.

Ряд афоризмов посвящён изображению действия страстей в душе человека: *Действия внутри нас страстей подобны пламени, охватывающему внутренние стены здания, или воспалению в какой-либо части тела* [3, с. 252]. *Страсти грызут душу, как лютейшие адские псы* [3, с. 210]. Всякая страсть подвергает человека нестерпимым мучениям. О. Иоанн сравнивает процесс, происходящий в душе человека, охваченного какой-либо страстью, с *воспалением*, подобным *пламени*. Страсти болезненны, мучительны и страшны, потому они *грызут душу*, как *адские псы*. Олицетворение страстей, т. е. наделение их возможностями живых существ, демонстрирует страх о. Иоанна перед их действием. Он воспринимает их как действительную, реальную опасность, а не гипотетическую опасность.

Последствия воздействия страстей на человека разрушительны: *В молитве жизнь сердца имеет самое важное значение. Не подняться ему к Богу, если страсть какая будет гнести его* [3, с. 217]. *Страсти выгоняют из сердца веру, надежду и любовь, а добродетели утверждают их в сердце* [3, с. 152]. *Если в сердце живут страсти, тогда и внутренняя, и внешняя жизнь человека бывают безобразными* [3, с. 373]. *Не ослепляйся жития страстьми, не сковывай ими бессмертного своего духа* [3, с. 285]. *Кто прилепляется чрез страсти к диаволу, тот один дух с диаволом, тогда как прилепляйся Господеви един дух есть с Господем* [3, с. 299].

Страсть, по мнению Иоанна Кронштадтского, является препятствием, которое мешает человеку приблизиться к Богу (*не подняться ему к Богу, если <...>*). Невозможность для человека, погрязшего в страстях, быть с Богом, в свою очередь, вытекает из того, что страсти *выгоняют из сердца веру, надежду и любовь*, т. е. то, без чего бессмысленна жизнь любого человека. Когда нет в людях этих необходимых составляющих духовной жизни, *и внутренняя, и внешняя жизнь человека бывают безобразными*. Именно страсти сковывают бессмертный дух человека, делая его своим рабом. Вывод, к которому приходит на страницах своего дневника о. Иоанн, состоит в том, что страсти помогают дьяволу заполучить душу человека.

Пример *Кто прилепляется чрез страсти* <...> показывает, что страсти представляют собой одну из главных опасностей для человека, так как именно они приводят к самому страшному, что может случиться с христианином, — к связи с тёмной силой и потере связи с Богом, т. е. к потере спасения и вечной жизни, которые заменяются вечными мучениями в том случае, если человек подвержен страстям.

Олицетворение в данном случае не является приёмом для повышения воздействия речи на кого-либо, поскольку анализируемые афоризмы функционируют в тексте личного характера, не предназначенном для других. В дневниковых записях о. Иоанна олицетворение — это средство выражения личных переживаний, осознания зла в образе страстей и личного опыта противостояния им.

О. Иоанн замечает, что одна из трудностей в борьбе человека со страстями состоит в том, что страсти всегда тесно связаны друг с другом. Губительна сила даже одной страстной привычки человека, одного послабления души, так как она влечёт за собой действие других страстей: *Все страсти тесно связаны между собою: ненависть со скупостью, гордостью, завистью и другими! Дай овладеть собой одной страсти — и тобой овладеют и другие* [3, с. 341]. Способ обезопасить себя от страстных наваждений один: *Держи себя на свободе бесстрастия — и тебе будет всегда хорошо* [3, с. 326].

Задумывается о. Иоанн над тем, под каким обличием страсти входят в душу человека. Страсти обладают таким свойством живых существ, как способность обманывать: *Страсти обманчивы! Они непременно принимают на себя вид какой-то справедливости и — уловляют бедную душу в свои сети и мучат её, поймавши, как неосторожную птичку* [3, с. 222]. *Страсть часто прикрывается, как личиною, видом истины* [3, с. 405]. Очевидно, что доминантной чертой всех страстей становится их внешняя привлекательность. Обманчивый вид помогает страстям незаметно входить в жизнь человека, их внешнее обличие способствует тому, что человек не распознаёт их как опасность, следовательно, часто не сопротивляется им, тогда как, по мнению о. Иоанна, борьба со страстями должна быть непрерывной. В приведённых афоризмах встречаются традиционные образы: зло — *сети* для человека, душа — *птичка* (ср. с традиционным образом *голубя*). Хрупкость души, а также бережное к ней отношение о. Иоанна отражены в уменьшительно-ласкательной форме слова.

В исследуемых дневниках было обнаружено 4 афоризма, в которых говорится о *страстном* человеке: *Страстный человек есть вор: он сам себя окрадывает, окрадывает спокойствие своей души* [3, с. 52]. *Человек, в сердце коего гнездятся страсти, бывает задумчив, сердцем двоякий, в словах своих отрывист, неточен, в действиях нерешителен* [3, с. 118]. *Горе человеку тому, который не знает над собою начала. Делая своим началом себя самого, он поставляет над собой началом свои страсти, которые ввергают его во все беды* [3, с. 63]. Заметим, что для о. Иоанна *страстным* является человек, в котором *живут, гнездятся страсти* (обратим внимание, что страсти представлены как объединения множества живых существ, что делает афоризм ещё более экспрессивным: страсти, которых и так много, усиливаются, увеличиваясь в количестве) и который страсти *поставляет над собой началом*, т. е. которым страсти буквально управляют, поработив его изначально свободную душу. Человек, порабощённый страстями, пребывает в постоянном беспокойстве, т. е. лишён одной из главных ценностей — спокойствия. О. Иоанном подчёркивается неспособность такого человека к любви, к добру и вообще ко всему высокому.

Не менее интересны афоризмы, в которых отражено стремление Иоанна Кронштадтского создать образ священнослужителя, определить его призвание, миссию (23 афоризма). Важность для автора записей именно на эту тему подчёркивается двумя факторами: 1) лейтмотивным повторением афоризмов, затрагивающих вопрос о миссии священнослужителя (впервые такие афоризмы встречаются на с. 20 текста, т. е. почти в начале дневниковой тетради; последний — на с. 357, практически в конце записей; остальные распределены равномерно по всему тексту); 2) только афоризмам данной тематики предшествует подзаголовок, уточняющий, кому именно адресованы последующие слова (в рукописи о. Иоанном выделяется слово *«Священнику»* перед теми фрагментами текста, где впоследствии были обнаружены данные афоризмы (см. примечания к изданию на с. 493).

Обратимся к афоризмам, благодаря которым в дневниках Иоанна Кронштадтского формируется образ священнослужителя. Прежде всего, служитель Церкви должен быть личностью и обладать чувством собственного достоинства (8 единиц): *Нужно иметь священнику сознание собственного достоинства, иначе он низок будет и в своих глазах, и в глазах других* [3, с. 120]. Это требование связано с особой миссией священнослужителя, являющегося во время богослужения связующим звеном между Богом и верующими, что налагает на него и особые обязательства: *Ты вождь во время Богослужения. Крепись и мужайся против врагов невидимых. Худо, если вождь преткнётся и падёт. Это произведёт упадок духа и в молящихся* [3, с. 116]. *Ты в церкви — как хозяин дома* [3, с. 141]. Непосредственная связь священнослужителя с Богом подчёркивается в афоризме *Священник есть живой орган*

Истины [3, с. 154]. Заметим: определяя роль священника, Иоанн Кронштадтский использует существительные *вождь* и *хозяин*, которые несут в себе идею лидерства (священник — пастырь, руководитель вверенных ему прихожан).

Однако есть два исключения, подчёркивающих, во-первых, что проповедование — нелёгкий труд и часто священнику не дано увидеть его результат (*Проповедник пусть уподобляет себя полевому работнику, который пашет не своим плугом, сеет господское, вверенное ему семя и которому редко, весьма редко суждено дожить до всходов и жатвы* [3, с. 72]), а во-вторых, что по воле Господа проповедник поставлен служить верующим: *Ты, по слову Христову, слуга для пасомых: аще кто хощет болий бытии в вас, да будет всем слуга* [3, с. 193]. Как видно из примеров, проповедник на деле не *хозяин* или *вождь*, а лишь *полевой работник*. Прослеживается иерархия: среди людей священнослужитель — пастырь, наставник, которого можно по праву назвать *хозяином* и *вождём* прихожан, но по отношению к Богу он только *работник*, который *сеет господское*, т. е. Божие. И с точки зрения Бога проповедник — *слуга для пасомых*, ибо он соединяет людей с Господом, служит для этого. Но, подчеркнём, лишь с точки зрения Бога, а не людей: *Во время службы не заботься о том, что скажут о тебе люди, а что скажет Господь Бог: пред Ним все люди — ничто* [3, с. 116].

Важнейшей чертой, без которой для о. Иоанна немыслим образ священнослужителя, является любовь к Богу и своей пастве (три афоризма). Уточняется, что любовь должна быть ревностной, ср.: *При службе живой верою и любовию обнимай Бога и народ — помни, что ты ходатай о народе пред Богом* [3, с. 241]. *Я проповедую, учу, но если нет в словах моих апостольской любви к пастве, апостольской ревности об их спасении, мало мне от этого учения пользы* [3, с. 357]. Для христианина любовь к ближнему является одной из главных заповедей. Священнослужитель, поставленный Богом наставником к верующим, прежде всего, должен любить их, следуя заповеди, и беспокоиться об их спасении, т. е. об их духовном, нравственном состоянии. *Ревностность* подчёркивается Иоанном Кронштадтским как особое требование, поскольку одним из страшных грехов в христианстве считается безразличие, которому ревностность и должна противопоставляться: *Имей ревность Божию: без ревности священник — ничто, потому что без ревности он не имеет и веры* [3, с. 250].

В афористике дневников Иоанна Кронштадтского нашла своё отражение попытка определить, чего в человеке больше — Божьего или человеческого (33 афоризма). Человек ничего своего не имеет, поскольку он — создание Божие: *Люди созидаются Богом, как здания, как маленькие домики* [3, с. 173]. *Всё, что около человека, — не его, а Божие, и всё, что у человека, — Божие, а не его* [3, с. 25]. *Во всём надейся на Господа и ни в чём — на себя; весь ты — не свой, а Божий* [3, с. 228]. Однако ничтожность человека, по мнению о. Иоанна, имеет и другое значение: *Где начинается наше ничтожество, там же начинается и Божие в нас величество* [3, с. 245]; *Человек, сподобившийся принять в себя Духа Святого, как бы исчезает для себя: он видит в себе только величие Божие* [3, с. 158]. Таким образом, для о. Иоанна ничтожество человека имеет оборотную сторону: ничтожество может быть результатом растворения человека в вере. Возникает оговорка: в человеке есть кое-что от себя, своё, личное и это — всё то злое и грязное, что он делает: *Когда я Божий, тогда мне хорошо, а когда свой — худо* [3, с. 360]. *Начиная с дыхания, ты — весь Божий, а начиная с худого помысла до худого дела, ты — весь свой* [3, с. 385]. *Божие: и одежда тела, и весь внутренний человек, кроме его грехов* [3, с. 143]. *Сам я, сам я живо чувствую, что своего у меня — одни только слабости и недостатки* [3, с. 28]. В попытках найти ответ на вопрос о том, что такое человек, священнослужитель проясняет и природу зла. Зло способно творить та часть души человека, которая действует исключительно по своей воле.

Афористичность языка дневников Иоанна Кронштадтского связана не только с обилием афоризмов в тексте, но и с такими явлениями, как обращение автора дневников к прецедентным источникам (209 афоризмов, 21 %), образность языка, связанная с использованием тропов: метафоры, сравнения, олицетворения и др. (489 афоризмов, 49 %). Это объясняется, очевидно, когнитивными свойствами тропов и их способностью к «пролонгированному» действию [5, с. 16—23].

Подавляющее большинство прецедентных феноменов (179 единиц) составляют изречения из Библии. Источниками послужили также русский паремиологический фонд (16 единиц), латинские и греческие изречения (6) и афористические высказывания Иоанна Златоуста (2). Больше половины афоризмов, отсылающих к прецедентным текстам (112 единиц), представлены в дневниках о. Иоанна как самостоятельные цитаты из авторитетных источников (в 34 случаях изречение предваряется вводными замечаниями, уточняющими первоисточник) и как составная часть афоризмов, принадлежащих собственно о. Иоанну.

Особенностью функционирования афоризмов в текстах дневников Иоанна Кронштадтского выступает их способность образовывать межфразовые единства. В дневниках 1856—1858 гг. насчитывается 151 цепочка (353 афоризма, 36 %), в которых афоризмы объединены в единое логическое пространство и работают на раскрытие одной микротемы [о подобных явлениях

в тексте см.: 1, с. 26—41; 4, с. 36—39]. Длина таких цепочек колеблется от двух до девяти афоризмов. Кроме того, они могут находиться в пределах одного сложного предложения с бессоюзной связью: в этом случае афоризмы буквально нанизываются друг на друга, соединяясь цепной связью.

Рассмотрим самую длинную цепочку афористических изречений, в состав которой входят 9 афоризмов, связанных внутренними семантическими отношениями. Так, восемь из девяти сентенций локализуются в двух соседних предложениях (афоризмы выделены нами полужирным и отделены друг от друга двумя чертами в случае их контактного расположения): *Востав иду ко Отцу Моему (Лк. 15, 18). Приметьте, братие*: ***сколько отдельных грехов, сколько отдельных страстей или худых привычек и наклонностей, столько и возвратных путей*** *к Отцу Небесному, потому в Священном Писании жизнь наша называется путями или стопами (как и в церковных молитвах)*: ***каждый грех, каждая страсть, каждая порочная склонность есть путь на страну, далекую от Бога, — кто по какой дороге ушёл, тот по той и воротись обратно.*** *Обращение человека на путь добродетели потому так называется, что человек, шедши прежде по пути погибели, воротился на путь жизни.* ***Шёл ты дорогою неверия — воротись назад по дороге и стань опять на путь веры, и сделай этот погибельный путь вперед непроходимым для себя:*** *это в твоей воле, завали его хотя теми скорбными воспоминаниями о мучениях, которые причиняет душе неверие;* ***ушёл ты дорогою гордости — по ней и воротись назад, и стань на место смирения, с которого ушёл, и гордость возненавидь, зная, что Бог гордым противится*** *(1 Пет. 5,5);* // ***ушёл дорогою зависти — по ней же и воротись и стань опять на место довольства тем, что тебе Бог послал; // если удалился по дороге скупости, воротись по ней назад и стань на прежнее место щедрости и залей этот гибельный путь слёзными потоками: пусть он сделается для тебя как бы мёртвым морем, в месте коего провалились твои беззаконные исчадия;*** // ***ушёл по дороге ненависти и гнева — воротись и стань на место кротости и любви;*** // ***по дороге прельщения распутства — воротись и стань на дорогу умеренности, целомудрия.*** *Словом, воротись назад каждый по той дороге, какую кто себе избрал, и уже больше не ходи по ней, а загромозди её чем можешь, так чтобы она уже была вперёд для тебя непроходима; возненавидь, почувствуй отвращение во глубине сердца к каждому греховному пути; ты по опыту знаешь, что на тех дорогах живёт смерть, не ходи же на явную смерть душевную, а часто и телесную, а иди в мире путём жизни, которым повелел тебе идти Владыка твоей жизни.* ***Все грехи и страсти — смерть наша: они медленно убивают душу, пока, наконец, совсем убьют её и сделают пищею вечного огня геенского*** [3, с. 150—151].

Как видно из примера, восемь афористических высказываний поместились в двух предложениях (в первом предложении — два, во втором — шесть афоризмов). Идея, заявленная в первых двух афоризмах, конкретизируется в последующих шести. Г. Я. Солганик, говоря о логических единствах, писал, что первое предложение всегда служит неким «центром, на котором строится всё логическое единство» [4, с. 39]. Все выделенные нами афоризмы вполне могут употребляться как отдельные, самостоятельные единицы. Однако, безусловно, в таких объединениях они обретают особую весомость. Последний афоризм, завершающий абзац и отделённый от всех остальных афористических единиц контекстом, служит выводом ко всему фрагменту, раскрывая подробно вариант «от противного», т. е. что будет, если человек не вернётся к добродетели.

Все афоризмы, за исключением последнего, содержат в себе указание на движение, включая такие существительные, как *путь*, *дорога*, а также глаголы *ходить* и *возвращаться*. Стоит отметить, что при помощи данных слов довольно обширный контекст, приведённый выше, вступает с афоризмами в семантические отношения. Благодаря метафорическому переосмыслению слов *путь* и *дорога* (т. е. закреплённый за этими словами образ человеческой жизни), афоризмы наделяются образностью, становятся в достаточной степени наглядными и в иллюстративном контексте не нуждаются. Однако при этом приведённый контекст не представляется излишним, а, наоборот, органично сочетается с афористическими изречениями. В сочетаниях с указанными словами, такими как *греховный путь*, *на тех дорогах живёт смерть*, *путь жизни*, *воротись назад по той дороге*, передающими идею движения человека, течения его жизни и возможности возвращения нравственной чистоты, находит своё отражение эмоциональное состояние автора на момент создания данных записей, передаёт атмосферу, в которой он находился в тот момент. Кроме того, хочется отметить попытку этимологизации слова *обращение* (в веру, на *путь добродетели*) путём активизации семы «возвратное движение» в значении нравственного исправления человека, что так же вступает в семантические отношения с образами *дороги* и *движения* как в структуре афоризмов, так и во фрагменте в целом.

Подводя итоги, подчеркнём, что дневники Иоанна Кронштадтского представляют большую ценность в свете обращения к славянскому культурному наследию. Их лингвистическое исследование является весьма перспективным в когнитологии и лингвокультурологии.

Литература

1. *Валгина Н. С.* Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. — М. : Логос, 2003. — 280 с.
2. *Калашникова Н. М.* Афоризмы: вопросы теории и методики изучения жанра в школе / Н. М. Калашникова. — Ростов н/Д, 2003. — 84 с.
3. *Святой праведный Иоанн Кронштадтский.* Творения. Дневник. Том I. 1856—1858. Книга вторая / И. Кронштадтский. — М. : Отчий дом, 2002. — 496 с.
4. *Солганик Г. Я.* Синтаксическая стилистика / Г. Я. Солганик. — 3-е изд. — М. : УРСС, 2006. — 232 с.
5. *Щаренская Н. М.* Греко-византийская традиция в русской риторике: трактат «О образехъ» / Н. М. Щаренская. — М. : Флинта ; Наука, 2004. — 250 с.

References

1. *Valgina N. S.* Teoriya teksta : ucheb. posobie / N. S. Valgina. — M. : Logos, 2003. — 280 s.
2. *Kalashnikova N. M.* Aforizmy: voprosy teorii i metodiki izuchenija zhanra v shkole / N. M. Kalashnikova. — Rostov n/D, 2003. — 84 s.
3. *Sviatoj pravednyi Ioann Kronshtadtskij.* Tvorenija. Dnevnik. Tom I. 1856—1858. Kniga vtoraja / I. Kronshtadtskij. — M. : Otchij dom, 2002. — 496 s.
4. *Solganik G. Ja.* Sintaksicheskaja stilistika / G. Ja. Solganik. — 3-e izd. — M. : Vysshaja shkola, 2006. — 232 s.
5. *Shcharenskaja N. M.* Greko-vizantijskaja tradicija v russkoj ritorike: traktat «O obrazeh» / N. M. Shcharenskaya. — M. : Flinta ; Nauka, 2004. — 250 s.

ПАНОВА Ганна Олександрівна,
аспірант кафедри російської мови Інституту філології, журналістики та міжкультурної комунікації Південного федерального університету; Ростов-на-Дону, Росія;
e-mail: panyann@yandex.ru; моб.: +7 8 919 8904794

АФОРИСТИКА ЯК ВІДОБРАЖЕННЯ ЖИТТЄВОЇ ФІЛОСОФІЇ У ЩОДЕННИКАХ ІОАННА КРОНШТАДТСЬКОГО 1856—1858 РОКІВ

Анотація. У статті розглядаються функції афористичних одиниць у щоденниках Іоанна Кронштадтського (Сергієва) 1856—1858 рр. Відзначається здатність афоризмів відображати моральні пріоритети автора досліджуваних щоденників. У статті наводиться тематична класифікація афоризмів, які за семантикою умовно можна поділити на дві великі групи: ті, що характеризують «мирське» і «релігійне» в авторській мовній картині світу. Піддаються детальному аналізу афоризми з трьох тематичних груп, найбільш актуальних для Іоанна Кронштадтського. Таким чином, у статті розглядаються афоризми про пристрасті людини, про покликання священнослужителя, про співвідношення Божественного і людського начал у людині. Активне використання тропів у щоденникових записах пояснюється їх когнітивними властивостями, а також здатністю тропів до «пролонгованої» дії. Однією з яскравих синтаксичних особливостей афористики щоденників Іоанна Кронштадтського постає залучення афоризмів у складне синтаксичне ціле. У рамках складного синтаксичного цілого відбувається розгортання тієї чи іншої теми за допомогою афоризмів, у структурі яких спостерігаються лейтмотивні повторення образів, лексичних одиниць тощо. Складне синтаксичне ціле в досліджуваних текстах може налічувати у своїй структурі від трьох до дев'яти афоризмів.
Ключові слова: афоризм, щоденник, моральні цінності, релігійний дискурс, Іоанн Кронштадтський.

Anna A. PANOVA,
Postgraduate Student of Russian Language Department, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of Southern Federal University; Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: panyann@yandex.ru; mob.: +7 8 919 8904794

APHORISTICS AS IS THE REFLECTION OF THE LIFE PHILOSOPHY IN THE DIARIES OF 1856—1858 BY ST. JOHN OF KRONSTADT

Summary. The article is devoted to functions of aphoristic units in the diaries of St. John of Kronshtadt (Sergiev) in 1856—1858. The author emphasizes the ability of aphorisms to represent the mental values of the author in diaries. The thematic classification of aphoristic units is given which can be divided into two great groups: one characterizing «temporal» and the other characterizing «spiritual» elements in the author's language worldview. The detailed analysis of aphorisms from three topical groups actual for St. John of Kronshtadt are subjected in the article. Thus, the author considers aphorisms about human passions, model of ideal priest, correlation of human and divine elements in man's nature. Active using tropes are explained their cognitive features and their prolong activity abilities. One of the main syntactic features of aphorisms of St. John's of Kronshtadt diary is their involving into complex syntactical units. In the complex syntactical units some main topics develop due to using aphorisms, which have leitmotiv repetition of key images, lexical units and etc. in their structure. The complex syntactical units can consist from three to nine aphorisms in the structure.
Key words: aphorism, diary, religious discourse, St. John of Kronshtadt, moral valuables.

Статтю отримано 16.08.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.161.1'23'373.22/.23:821.161.1-312.9А.Пехов

САВЧЕНКО Александра Валериевна,
аспирант кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: oleksandra_savchenko88@mail.ru; тел.: +38 (0482) 499906; моб.: +38 063 8471536

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА В РОМАНЕ А. Ю. ПЕХОВА «ПЕРЕСМЕШНИК»

Аннотация. В данной статье представлен анализ индивидуально-авторских неологизмов в романе-технофэнтези Алексея Пехова «Пересмешник». Цель статьи — анализ когнитивных оснований наименования объектов, реалий и существ, составляющих виртуальный мир фантастического произведения.

Путём анализа материала произведения выявлено, что автор фантастического текста использует для наименования указанных объектов индивидуально-авторские неологизмы. На примерах показано, что последние образуются, как правило, на основе искажённой иностранной лексики, в зависимости от целей автора могут использоваться также русские корни и даже звукоподражания.

Автор выделил тематические группы, на которые подразделяются указанные единицы текста. Это: названия рас, мифических созданий, народностей, профессий и титулов, денежных единиц, несколько окказионализмов, производные от данных слов прилагательные. В статье представлен морфологический анализ указанных неологизмов, дана их классификация, показаны пути создания и реализации необходимой в романе-технофэнтези оригинальной виртуальной реальности.

Ключевые слова: авторские неологизмы, виртуальный мир, русская фантастика, неологизм, окказионализм, А. Ю. Пехов.

Данное исследование посвящено индивидуально-авторским неологизмам в романе-технофэнтези Алексея Пехова «Пересмешник». Его актуальность обусловлена тем, что сегодня популярность фантастической литературы всё больше возрастает как в Украине, так и за рубежом. Произведения этого жанра активно создаются и переводятся, однако специфика фантастической литературы ещё не до конца исследована лингвистически, хотя имеются отдельные публикации. Целью данного исследования является анализ оснований наименования объектов виртуального мира в современном детективном романе-технофэнтези Алексея Пехова «Пересмешник».

Алексей Юрьевич Пехов — молодой российский писатель, чьё творчество за короткий срок привлекло внимание широкой читательской аудитории, литературных критиков и было отмечено несколькими престижными наградами. А. Ю. Пехов — член Союза писателей России и Американской ассоциации писателей-фантастов (SFWA). Анализируемый нами роман «Пересмешник» является завершённым произведением, он не включён ни в один из циклов автора, а потому представленный в нём оригинальный виртуальный мир ограничен рамками данного произведения и показан максимально полно.

Понятие неологизма изменчиво во времени и относительно. Согласно Энциклопедическому словарю-справочнику под редакцией А. П. Сковородникова, «неологизмы (от греч. νέος «новый» и λόγος «слово») — слова, лексико-семантические варианты или словосочетания, созданные или заимствованные для обозначения новых (прежде неизвестных) предметов, явлений или понятий» [7, с. 183]. Это определение достаточно удачно, однако не включает в себя ряд слов, которые мы называем индивидуально-авторскими, поскольку такие неологизмы могут нового понятия не обозначать. Поэтому в данном исследовании мы возьмём за основу определение Лингвистического энциклопедического словаря под ред. В. Н. Ярцевой: «Неологизм — слово, значение слова или словосочетание, недавно появившиеся в языке». [3, с. 331] Но в этом случае мы сталкиваемся с вопросом понимания понятия «недавно». Б. Головин определял неологизмы как «слова, возникшие на памяти применяющего их поколения» [7, с. 183]. Временной критерий является определяющим и в работе Р. Ю. Намитоковой «Авторские неологизмы: словообразовательный аспект»: «Наличие данного слова в определённом синхронном срезе и отсутствие его в предшествующем (преимущественно по данным словарей) является наиболее надёжным критерием отнесения слова к неологизму определённого времени» [4, с. 11].

В свою очередь, с точки зрения целенаправленности новообразований в речи можно выделить:

1) авторские неологизмы, точнее, авторские новообразования, создаваемые говорящими (чаще — пишущими) преднамеренно, с определённой целью: художественно-стилистической (*лилипутизм, суперменизм, уютность, победность, нахватанность, грузинство* — Е. Евтушенко) или научной (*протозвезда, звездотрясение, планетарные туманности* — И. С. Шкловский; *вненаходимость, адресованность высказывания* — М. М. Бахтин);

© Савченко А. В., 2014

2) не-авторские новообразования, создаваемые в разговорной речи скорее всего для сиюминутных, практических целей общения, слова на миг, ad hoc [5, с. 39].

Отличие не-авторских образований от авторских состоит, во-первых, не только в том, что они создаются для сиюминутных целей общения, но и в том, что они создаются беспрерывно, постоянно в речи говорящих; во-вторых, они метеорны — сразу исчезают, проживая «век мотылька» — В. Хлебников» [4, с. 12]. Авторские новообразования художественной речи редко переходят в неологизмы языка, хотя можно составить некоторый список «авторских» слов, вошедших в язык, поскольку они попали в «благоприятные условия», отвечая широким потребностям коммуникации. Это *промышленность, будущность* (Н. М. Карамзин), *нигилист* (И. С. Тургенев), *злопыхательство, чумазый* (М. Е. Салтыков-Щедрин) и др. [4, с. 22]

В ходе исследования в тексте было обнаружено 39 авторских неологизмов. В тексте А. Пехова материал поддаётся достаточно конкретному тематическому разделению, поэтому мы предлагаем для рассмотрения следующие группы: расы; мифические создания; народности и оттопонимные адъективы; профессии и титулы; денежные единицы; окказионализмы. Покажем наиболее примечательные случаи.

Первую группу автор описывает и нередко даёт достаточно подробную характеристику. Как правило, представители разумных рас, населяющих мир романа, обладают рядом внешних и поведенческих черт, наталкивающих читателя на ассоциацию с каким-либо животным из реально существующего мира. Например, *дьюгонь* обладает следующей характеристикой: «Верхней частью тела дьюгони похожи на упитанных тюленей: лоснящаяся, вся в складках жира чёрная шкура. Нижняя часть больше всего напоминает туловище угря: сплюснутое с боков, с длинным плавником. Руки с перепонками, а голова вытянутая, с маленькими глазками, широким носом и двумя похожими на лопаты резцами» [8, с. 96]. Автор в описании указывает на подобие дьюгоней и тюленей, само же название является видоизменённым названием водного млекопитающего — *дюгонь*.

Наиболее «человекоподобной» и важной для развития сюжета расой являются *лучэры*. Отдельного описания их внешнего вида в тексте романа нет, но из частных замечаний мы узнаём, что внешне *лучэры* практически ничем не отличаются от людей (которые также фигурируют в произведении в качестве самостоятельной расы), за исключением цвета глаз, которые у них могут быть не только относительно привычного цвета: пепельного, индиго или зелёного, но и невозможных для человека: красного, янтарного или чёрного [8, с. 15]. Кроме того, лучэры обладают способностями, которые можно назвать сверхъестественными по отношению к людям. Касательно названия расы, являющегося неологизмом, его происхождение нельзя назвать очевидным, однако предположительно оно создано на основе латинского *lucifer*: «I lucifer, fera, ferum [lux + fero] 1) светоносный, несущий свет (lampas Acc); освещённый (pars lunae Lcr): equi luciferi O кони лунной богини Фебы; 2) выносящий на свет, облегчающий роды (luciferae manus Lucinae O)» [2], о чём говорит не только фонетическое сходство (мы видим корень «luc», унаследованный языками романской группы, нередко читается как «луч» (примером может служить имя Лючия и сходный звуковой состав финала слова [эр]), но и семантика слова. Согласно верованиям действующих лиц романа, *лучэры* — это наиболее приближённая раса к верховному божеству, главными символами которого являются огонь и свет. Кроме того, само слово *луч*, содержащееся в основе, также вызывает ассоциацию со светом.

В случае же с *мяуррами* автор не подразумевает двузначной трактовки читателем. Первая же встреча главного героя с представителем расы сопровождается описанием: «Я дал кондуктору [мяурру] несколько фартов, что его полностью удовлетворило, так как кошачья рожа стала совершенно довольной...» [8, с. 32]. Сам автор использует эпитет «кошачий», далее он неоднократно называет в тексте представителей расы котами и наделяет их соответствующими чертами внешности: *Кондуктор-мяурр со вздыбленной шерстью и выпущенными когтями...* [8, с. 35]. *Кот задумался, дёрнул левым ухом, спрятал лапы в рукавах парадной мантии, тихо вздохнул. Кончик его пушистого хвоста дёрнулся* [8, с. 279]. Кроме того, А. Пехов наделяет этот ряд персонажей речевыми особенностями. В прямой речи на месте звука [м] или сочетания [м] и гласного мяурры вставляют *мрряу*: *Просто сообщите мрряуне* [8, с. 32]. *Не в мрряуем праве так рисковать* [8, с. 67]. *Такая поставка попадала комрряу-нибудь* [8, с. 281]. В названии расы автор уже указывает на связь мяурров с семейством кошачьих, контаминируя в своём авторском новообразовании звукоподражания *мяу* и *мурр*, ассоциируемые русскоязычным читателем с кошками.

Подобные прямые «подсказки» встречаются в романе нечасто, однако они имеют место. Например, обращаясь к следующей расе, мы сразу же понимаем, о чём пойдёт речь. Её название — *стоуны*. Этот неологизм относится к тем, суть которых автор выражает не в тексте романа, а в сноске: «Стоун — древняя, практически вымершая раса разумных камней» [8, с. 173]. Название весьма прозрачно: английское *stone* [stəʊn] переводится как «камень». Следовательно, мы имеем дело с заимствованием из английского языка, перенесённым методом транскрипции [1, с. 161].

Интерес представляет также название ещё одной расы — *фиосс*. Описание её представителей дано в тексте: «Фиоссы — упитанные, чёрно-жёлтые полосатые создания...» [8, с. 267]. «Они проносились мимо, точно снаряды — маленькие, толстенькие, стремительные «[8, с. 267]. «Наперегонки с поездом отправились несколько *фиосс*. Судя по бледным полоскам на брюшках — совсем ещё дети...» [8, с. 39]. Автор не указывает прямо, но из описания и названия ясно, что речь идёт об осах. Неологизм «фиосса» образован от видоизменённого слова *оса*: удвоен согласный [с] и добавлен элемент *фи* в начало слова.

Немногочисленную группу, обозначенную нами как мифические создания, мы отделяем от рас, поскольку нижеперечисленные существа являются либо искусственно созданными при помощи магии, либо не обладают разумом. К неологизмам, обозначающим названия мифических созданий, мы относим следующие: *амнис* [8, с. 8], *митмакем* [8, с. 11], *стайник* [8, с. 317], *стафия* [8, с. 64], *эльталль* [8, с. 466].

Первые, как читатель узнаёт из текста романа, являются душами демонов, заключёнными в физическую оболочку предмета, — как правило, оружия. Свой выбор названия для этих существ автор поясняет в сноске: «От лат. amnis — водный поток, в другом значении — душа» [8, с. 8]. Таким образом, данный неологизм фактически является заимствованием из латинского языка, перенесённого в русский методом транслокации.

На *митмакемах* остановимся немного подробнее. *Несколько раз в отдалении я видел бродящие между деревьев кособокие фигуры митмакемов.* [...] *Пока мы им не докучаем*, [...] *оживишим мертвецам до нас нет никакого дела* [8, с. 357]. Алексей Пехов обращается к многократно использовавшейся в фантастической литературе теме ходячих мертвецов (упырей), но не только придаёт им своеобразные черты внешности (*Он был огромен и толст. С раздутым животом, серой кожей, лысой головой с неестественно большими ушами, белыми незрячими глазами мертвеца и толстыми губами, растянутыми в вечной желтозубой улыбке* [8, с. 358]), но и индивидуально интерпретирует сам образ, превращая устрашающих существ в безобидный вид, постепенно создающий своё сообщество и борющийся за свои права, чем даже вызывает у читателя некоторое сочувствие. Само же слово *митмакем* является заимствованием, как указано в сноске: «От *mitmakem* (ивр.) — восставший» [8, с. 11]. Здесь мы можем говорить о транслокации.

В случае с *эльталлем* автор обращается к популярному мифологическому созданию и даёт описание, в котором читатель узнаёт *элементаля*, встречавшегося и у других писателей-фантастов под своим привычным названием: «Младшие стихийные духи, не обладающие разумом и способные подчиняться лишь одному приказу» [8, с. 466] (дано в сноске). Дух фигурирует лишь в эпизоде романа, и причина, по которой автор видоизменил название, неизвестна, но результатом такого решения стало обогащение произведения ещё одним лексическим неологизмом.

Создавая свой особый мир, автор произведения так или иначе вынужден создать условную карту этого мира, в результате чего появляется целый ряд топонимов и, как следствие, производных от них слов. В группу ‘народности’ и ‘оттопонимные адъективы’ мы объединяем несколько видов неологизмов, поскольку часть названий народностей образована напрямую от топонимов, а часть опосредованно: *жвилья* [8, с. 9], *иеналец* [8, с. 170], *кирусский* [8, с. 65], *кохетт* [8, с. 42] (*кохеттский* [8, с. 64]), *лорский* [8, с. 167], *магарец* [8, с. 21] (*магарка* [8, с. 67], *магарский* [8, с. 73]), *малозанец* [8, с. 11], *оган* [8, с. 10] (*оганка* [8, с. 251]), *сиг* [8, с. 55].

Автор предлагает вниманию читателя ряд профессий и титулов, названия которых вымышлены им и являются неологизмами: *мышурр* [8, с. 278], *ревари* [8, с. 79], *саил* [8, с. 63] и *чэр* [8, с. 9].

Названия денежных единиц — такая же неотъемлемая часть мира фэнтези, как и топонимы. Она достаточно малочисленна. В эту группу входят следующие неологизмы: *соур* [8, с. 11], *сцелин* [8, с. 8], *трестон* [8, с. 8], *фарт* [8, с. 8]. Например: «*Фарт* — крупная денежная единица Рапгара — содержит в себе 20 *трестонов* или 100 *сцелинов*. Один *трестон* равен 5 *сцелинам*» [8, с. 8]. Название это является отсылкой к английскому фартинг — мелкая монета, изъятая из обращения в 1968 г. Слово фарт при этом является семантическим неологизмом в русском языке, поскольку слово с такой звуко-буквенной оболочкой уже существует: ФАРТ, -а (-у), м. (прост.). Счастье, удача. Фарту нет кому-н. [6, с. 413].

В тексте имеется небольшая группа окказионализмов, возникших в речи так называемого «маленького народца» — ещё одной расы, описанной автором. Представителям её чуждо стремительное развитие науки и техники, присущее окружающему их миру, вследствие чего различные механизмы получают новые названия из уст этих «человечков», а именно: *громкозвон* [8, с. 170], *дымледым* [8, с. 18], *рогомолний* [8, с. 170], *трымнывай* [8, с. 52].

Тематическая классификация лингвистических единиц данного текста показала, что наибольшая тематическая группа неологизмов в нём (13 единиц из 39, то есть ⅓ (33,33 %) от общего числа) — названия вымышленных автором рас; вторая по численности группа — названия народностей: существительные и оттопонимные прилагательные (9 единиц, т. е. 23,08 %). Другие

выделенные нами группы относительно малочисленны: названия мифических существ (5 слов, т. е. 12,82 %); названия профессий и титулов (4 слова или 10,26 %); названия денежных единиц и авторские окказионализмы (по 4, т. е. по 10,26 %). Морфологический анализ исследуемых слов свидетельствует о том, что 93 % неологизмов — имена существительные; только 7 % новообразований — имена прилагательные. Продолжение исследования рассмотренной проблемы должно способствовать выяснению способов образования новых слов для обозначения объектов виртуальной действительности у разных авторов, скрытых этимологий таких слов. Такая работа позволит приблизиться к пониманию когнитивной природы виртуального в русской языковой картине мира.

Литература

1. *Англо-русский и русско-английский словарь* с грамматическим приложением / [сост. Четина Н. А.]. — М. : Диалог, 1998. — 524 с.
2. *Латинско-русский и русско-латинский словарь* / [сост. Подосинов А. В.]. — М. : Флинта ; Наука, 2007. — 744 с.
3. *Лингвистический энциклопедический словарь* / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — 2-е изд., доп. — М. : Большая российская энциклопедия, 2002. — 709 с. : ил.
4. *Намитокова Р. Ю.* Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитокова. — Ростов н/Д : Изд-во Ростовского университета, 1986. — 160 с.
5. *Степанова М. Д.* Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова ; под ред. проф. Т. В. Строевой. — М. : Наука, 1953. — 376 с.
6. *Толковый словарь русского языка* / [сост. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.]. — М. : Азбуковник, 1999. — 487 с.
7. *Энциклопедический словарь-справочник*. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова. — М. : Наука, 2005. — 480 с.
8. *Пехов А. Ю.* Пересмешник: Фантастический роман / А. Ю. Пехов. — М. : Альфа-Книга, 2009. — 476 с. : ил.

References

1. *Anglo-russkij i russko-anglijskij slovar'* s grammaticheskim prilozheniem / [sost. Chetina N. A.]. — M. : Dialog, 1998. — 524 s.
2. *Latinsko-russkij i russko-latinskij slovar'* / [sost. Podosinov A. V.]. — M. : Flinta ; Nauka, 2007. — 744 s.
3. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* / [gl. red. V. N. Jarceva]. — 2-e izd., dop. — M. : Bolshaja rossijskaja enciklopedija, 2002 — 709 s.: il.
4. *Namitokova R. Ju.* Avtorskie neologizmy: slovoobrazovatelnyj aspekt / R. Ju. Namitokova. — Rostov n/D : Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1986. — 160 s.
5. *Stepanova M. D.* Slovoobrazovanije sovremennogo nemeckogo jazyka / M. D. Stepanova ; pod red. prof. T. V. Stroevoj. — M. : Nauka, 1953. — 376 s.
6. *Tolkovyj slovar'* / [sost. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju.]. — M. : Azbukovnik, 1999. — 487 s.
7. *Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik*. Vyrazitelnyje sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochioty / pod red. [A. P. Skovorodnikova]. — M. : Nauka, 2005. — 480 s.
8. *Pekhov A. Ju.* Peresmeshnik: Fantasticheskij roman / A. Ju. Pehov. — M. : Alfa-Kniga, 2009. — 476 s. : il.

САВЧЕНКО Олександра Валеріївна,
аспірант кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: oleksandra_savchenko88@mail.ru; тел.: +38 (0482) 499906; моб.: +38 063 8471536

КОГНІТИВНІ ПІДСТАВИ НАЙМЕНУВАННЯ ОБ'ЄКТІВ ВІРТУАЛЬНОГО СВІТУ В РОМАНІ О. Ю. ПЕХОВА «ПЕРЕСМІШНИК»

Анотація. У цій статті представлено аналіз індивідуально-авторських неологізмів у романі-технофентезі Олексія Пехова «Пересмішник». Мета статті — аналіз когнітивних підстав найменування об'єктів, реалій і істот, що становлять віртуальний світ фантастичного твору.

Шляхом аналізу матеріалу твору виявлено, що автор фантастичного тексту використовує для найменування вказаних об'єктів індивідуально-авторські неологізми. На прикладах показано, що останні утворюються, як правило, на основі видозміненої іноземної лексики; залежно від мети автора можуть використовуватися також російські корені і навіть звуконаслідування.

У статті виокремлені тематичні групи, до яких належать вказані одиниці тексту. Це: назви рас, міфічних істот, народностей, назви професій і титулів, грошових одиниць, декілька оказіоналізмів, похідні від цих слів прикметники. У статті подано морфологічний аналіз цих новоутворень і їх класифікація. Показано, як використовує О. Пехов мовні засоби для утворення неологізмів, яким чином створює необхідну у романі-технофентезі оригінальну віртуальну реальність.

Ключові слова: авторські неологізми, віртуальний світ, російська мова, фантастика, оказіоналізм, О. Ю. Пехов.

Oleksandra V. SAVCHENKO
Post-Graduate Student of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: oleksandra_savchenko88@mail.ru; tel.: +38 (0482) 499906; cell.: +38 063 8471536

COGNITIVE BASES OF OBJECTS' NAME OF THE VIRTUAL WORLD IN THE A. J. PEKHOV'S NOVEL «PERESMESHNIK»

Summary. This article presents an analysis of individually-authorial neologisms in the Alexei Pekhov's novel-tehnofentezi «Peresmeshnik». The purpose of the article is the analysis of cognitive bases of the names of objects, realities and beings composing the virtual world of the fantastic work. By analyzing the material it was revealed, that the author of fiction text uses individually-authorial neologisms for naming the virtual objects. The examples show, that they are formed, as a rule, on the basis of the distorted foreign vocabulary; depending on the author's purpose Russian roots and even onomatopoeias can be used. The author identified thematic groups of individually-authorial neologisms, which include: the names of races, mythical creatures, nationalities and related adjectives, names of professions and titles, monetary items, and a few occasionalisms. Classified neologisms are used in the text; they show how the necessity of creation of original virtual reality is realized by the author in his work.
Key words: author neologisms, virtual world, the Russian language, fiction, neologism, A. Ju. Pekhov.

Статтю отримано 18.11.2014 г.

УДК [811.16+811.13+811.11]'373.211.1'366.593

СКЛЯРЕНКО Ольга Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: asklyarenko@yahoo.com; тел.: +38(0482)493103, моб.: +38 098-0230913

«ИМПЕРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ» В ОНОМАСТИКЕ (типологический аспект)

Аннотация. В статье представлен типологический анализ антропонимов и сложных топонимов (композитов), которые производны от форм повелительного наклонения глаголов в славянских, романских и германских языках. Установлены черты сходства между единицами, формирующими особую императивную модель имён собственных в индоевропейских языках.
Ключевые слова: императивная модель, топоним, ойконим, антропоним, композит.

В славянской топонимии имеется конструкция, «многими замеченная, но остающаяся загадочной, — императивная (повелительное наклонение): *Звенигород*, *Гуляй-поле*)». Такие названия «очень своеобразны и уходят корнями ещё к временам славянской общности (как модель, а не отдельные названия, конечно)» [11, с. 94—95].

Известно, что 'глагольные' конструкции или образования, «особенно широко представленные в тюркских языках» [2, с. 53; 7, с. 39; 20, с. 426], «отсутствуют в индоевропейской топонимике» [3, с. 234; 4, с. 43] и «в целом не характерны для ономастики как русского, так и других индоевропейских языков» [6, с. 25]. Так, например, в казахской топонимике Кустанайской области довольно часто встречаются сочетания наречия и глагола в повелительном наклонении, где топонимы **Алгабас** «Стремись вперёд», **Керикет** «Иди назад», **Туражур** «Иди прямо» свидетельствуют об исторических фактах, связанных с военными действиями [3, с. 235—236]. Однако А. К. Матвеев, рассматривая, по его словам, «императивные конструкции» в русской микротопонимии, отмечает, что они «встречаются в таком количестве, что о них можно говорить как об особом топонимическом типе, а не просто о казусе», и приводит ряд примеров на территории Архангельской области — названия урочищ: **Боли серцо**, **Вали вон**, **Вздерни ножки**, **Гуляй меги** (*мег* — сев.-русск. диалектн. 'мыс', 'излучина реки'), **Кол тащи**, **Разломи ноги** и др. [10, с. 5].

В молодых топонимических системах США и Канады есть слой композитов императивного типа, образованных путём сочетания глаголов в повелительном наклонении и постпозитивных наречий или адвербиальных конструкций ср. амер.: Lookout, Startup, Roundup, Spanaway, Nodaway, Callaway, Hathaway, Wendover, Bakewell, Speedwell, Fazewell, канад.: Needmore, Backus Holdfast, Dropmore, Blow-me-down, Come-by-Chance.

Композиты модели «глагол + существительное» — преимущественно названия с прозрачной внутренней формой: первый компонент — основа, обычно совпадающая с повелительным

© Скляренко О. Н., 2014

наклонением глагола, второй компонент имеет аналог среди апеллятивов, амер.: **Blowhorn** (AL), **Changewater** (NJ), **Cuthand** (TX), **Cutbank** (MT), **Digway** (UT), **Grindstone** (PA), **Killbuck** (NY), **Killdeer** (ND), **Licklog** (GA), **Shakerag** (GA), **Snapfinger** (GA), **Shuteye** (CA), **Turnbull** (FL), **Wakefield** (MI), **Wakeforest**, **Lovejoy** (IL), **Loveland** (DE). Ср. канад.: **Cutbank**, **Drinkwater**, **Makepeace**. Они являются результатом окказионального словообразования, так как при их возникновении ведущую роль играли конкретные экстралингвистические факторы. Внутренняя форма, например, ойконима **Blowhorn** (AL) напоминает о времени, когда охотившиеся здесь охотники дули в свои рога, созывая собак [31, с. 4]; ойконим **Killdeer** (ND) своим содержанием сообщает, что здесь охотились на оленей [31, с. 266]; название посёлка **Grindstone** (PA), указывает, что здесь добывались камни для мельниц по перемалыванию зерна [29, с. 171]; возле селения **Licklog** (GA) находились выдолбленные внутри брёвна, в которые насыпали соль, чтобы приходившие сюда животные могли слизывать её [31, с. 266].

Во французском языке вербальные композиты могут реализовываться в моделях: а) сочетание двух глаголов в повелительном наклонении, типа **Tournemire** [33, с. 681] (*обернись* и *смотри*) или **Tournecoup** [33, с. 681] (от глаголов *tourner* ‘поворачивать’ и *couper* ‘резать’); б) сочетание императива с прилагательным (наречием), типа **Tournefort** [31, с. 681] (*поворачивай сильно*): речь идёт о мельнице или ветре [31, с. 681]. Есть императивные формы и в микротопонимии Германии [см., напр., 44].

Композиты явились результатом универбации двухсловных конструкций, которые и сейчас есть в ойконимии, амер.: **Wake Forest** (NC); канад.: **Cut Knife** ср. трёхсловные топонимосочетания, амер.: **Kill Devil Hill** (N.C.); канад.: **Cut Throat Harbour** (Nfld.). Украинский ойконим **Гуляйбалка** (Од) до 1967 г. писался раздельно — **Гуляй Балка** [24, с. 53], ср. рус.: **Гуляй Городок**, **Гуляй-Поле**, **Гуляй-Борисовка** (Ростовская область) [1, с. 64]. На Украине эта модель сохраняет свои словообразовательные потенции с древности до настоящего времени. Так, ойконим **Звенигород** впервые фиксируется в Галицкой земле ещё в 1086 г., затем — в Киевской земле в 1097 г., в XII веке в Киевском княжестве. Типологически очень интересно наличие образований аналогичной модели как в украинской, так и в российской ойконимии: рус. **Звенигород** (Мос), укр. **Звенигород** (Лв, Тр), **Сушибаба** (Вл), **Гуляйполе** (Днп и др.), **Копайгород** (Вн), **Підопригори** (См), **Печихвости** (Лв, Вл), **Печиводи** (Хм). **Недайвода** и **Залийвода** или **Хвалибог**, **Хвалибога** [23, с. 134, 240]. Ср. ещё: **Луписуки** (с 1946 г. — *Берестівка*), а также **Лупишкур** [14, с. 117].

Это ярко выраженные «экзоцентрические сложные ойконимы»; сумма значений составляющих их компонентов резко отличается от результирующего значения слова. Гор. *Торгпорт* (Од) (позже гор. *Порт*) в послевоенное время имел шутливое название Копайгород (многие люди после войны жили в землянках) [21, с. 59]. Названия этой модели сформировались на народном уровне, а затем проникли в официальную ойконимию. Сейчас они встречаются в разных регионах Украины. Так, ойконим Гуляйполе, в котором Е. С. Отин видит реализацию топонимической модели «форма повелительного наклонения + номенклатурный термин» [12, с. 87], в украинской топонимии встречается семь раз и отмечен в пяти областях. Легко понять внутреннюю форму топонима, указывавшего на тогдашнее состояние дорог Урвиколеса [9, с. 52]. Семантически прозрачными кажутся такие названия как Недайвода (Дн) или Залийвода (Хр), связанные, возможно, с опасностью подтопления селений [23, с. 798, 746]; название реки Шукайвода — из-за пересыхания реки летом [28, с. 356]. М. Фасмер, анализируя ойконим Звенигород, объясняет, что это — «(укреплённый) город, в котором при приближении опасности звонили для оповещения окрестных жителей» [25, с. 86]. З. Т. Франко считает, что топонимы этой модели зарождались как экспрессивные эквиваленты названий тех географических мест, которые не были ранее названы. Эти экспрессивные эквиваленты названий закреплялись на апеллятивном уровне, а затем онимизировались [26, с. 23].

Типологически интересно отметить наличие эмоционально-экспрессивных топонимов модели «глагол + существительное» и в других славянских языках. Ср. болг.: **Деривол**, **Деримагаре**, **Дерикон** и др. (болг. *магаре* ‘осёл’); в другом месте эти топонимы даются в раздельном написании: **Дери вол**, **Дери магаре** [8, с. 34, 136].

Особенно многочисленны сложные топонимы (композиты) с первым глагольным компонентом во французском языке. Как и в украинской ойконимии, эти композиты зародились в народной речи [см., напр., 35; 45] и встречаются преимущественно в названиях мелких сельских поселений (деревни, хутора), отдельных ферм, замков, бывших феодальных укреплений. Они не встречаются в названиях городов. Разные романские языки не одинаково богаты вербальными топонимами. В этом плане выделяется окситанский язык. Окситанский (провансальский) язык как отдельный романский язык полностью сформировался к X веку (с конца XVI века он постепенно теряет статус языка и сходит на уровень местного диалекта ‘патуа’). Именно старокситанский язык создал большую часть своих топонимов, составляющих сейчас неотъемлемую часть топонимии Франции [19, с. 124—125].

По мнению Э. Нэгра, окситанский язык «любит топонимы — вербальные образования *(“formations verbales”)*» [37, с. 54]. Наиболее ранние образования, по мнению Э. Нэгра, принадлежат той топонимической модели, в которой первый компонент коррелирует с глаголом в повелительном наклонении второго лица ед. числа, а второй компонент имеет аналогом существительное — прямое дополнение. Окситанский композит Batpalmas (936 г.) [37, с. 54] *(бей в (свои) ладони)* внутренней формой выражает чувства скорби, уныния, печали из-за неплодородного земельного участка, из-за бесплодной почвы. Французский ойконим Gratteranche (от *grater* ‘скрести’, ‘царапать’ и *panse* ‘живот’, ‘брюхо’, т. е. «Скреби (землю) брюхом») своим метафорическим содержанием также указывает на неплодородный участок земли [33, с. 330]. В окситанском композите Brametourte первый глагольный компонент восходит к глаголу *bramar* со значением ‘кричать’, ‘вопить’; ‘страстно желать’, а второй компонент — к слову *torta* со значением ‘круглая буханка хлеба’. Этот топоним употреблялся для экспрессивной характеристики бедности жителей именуемой деревушки [37, с. 54]. Иную семантическую тональность наблюдаем в ойкониме Cassalari *(cassalagui)* со значением «Гони печаль (тоску, заботу)» от слов *cassar* ‘гнать’ (ср. франц. *chasser*) и *lagui* ‘печаль’, ‘тоска’, ‘забота’. Интересна исходная семантика топонима, восходящего к названию местной церквушки Lausafam «Восхваляй голод» (по-французски *«loue la faim»*) [37, с. 55]. Две небольшие речушки имели устрашающие названия (в раздельном написании) Négo Porc «Топи свинью» и Négo Danos «Топи дам» [37, с. 55].

Многочисленная группа глагольных композитов как в провансальском, так и во французском языках представлена моделью «императив + вокатив» (т. е. глагол в повелительном наклонении второго лица единственного числа сочетается с существительным в звательном падеже и, таким образом, формируется географическое название). Примерами этой структурной модели могут послужить полные экспрессии названия провансальских деревень **Badefols** (*Badafol*, 1243 г.) (дословно «Открой, дурак!») и **Badevillain** «Открой, негодяй!» — коллективные прозвища, применяемые к сельским жителям [33, с. 45], ср. *villain* ист. ‘крестьянин’ в смысле ‘деревенщина’.

Наиболее многочисленный топонимический ряд вербальных композитов представлен образованиями с начальной основой, восходящей к латинскому слову *cantare* (франц. *chanter* ‘петь’) и с конечной основой, восходящей к словам нескольких семантических полей, таких как названия птиц: **Chantalouette** (*alouette* ‘жаворонок’), **Chantecaille** (*caille* ‘перепелка’), **Chantecoq** (*coq* ‘петух’), **Chanteduc** (*duc* ‘филин’); названия животных: **Chanteboeuf** (*boeuf* ‘вол’, ‘бык’), **Chanteloup** (*loup* ‘волк’), **Chanterenard** (*renard* ‘лиса’), **Chantesouris** (*souris* ‘мышь’); названия насекомых и земноводных и др.: **Chantemouche** (*mouche* ‘муха’), **Chantecrapaud** (*crapaud* ‘жаба’), **Chantegrenouille** (*grenouille* ‘лягушка’) и др. [30, с. 55—57]; ср. испанские топонимы: **Cantagallo**, итальянские — **Cantagallo** (*gallo* ‘петух’, и **Cantagalina** (*galina* ‘курица’). Мнения ученых разделились: считать ли первый компонент восходящим к повелительному наклонению глагола типа ‘пой, жаворонок (перепёлка, петух и т. д.)’ [32, с. 87—105; 38, с. 160—165; 42, с. 555—563] или восходящим к изъявительному наклонению типа ‘(место, где) поёт жаворонок (перепёлка, петух и т. д.)’ [30, с. 62—63; 5, с. 108]. А. Доза и Ш. Ростен также рассматривали эту проблему и чётко изложили своё мнение. Анализируя образования с конечным компонентом, восходящим к апеллятиву *loup* ‘волк’, они указывают, что начальный компонент восходит к глаголу в повелительном наклонении и вся конструкция ‘волк, пой!’ используется «иронически, для обозначения мест, где выли волки», ср.: **Chanteloup**, **Chantelouve**, **Canteloup**, **Cantaloube** и др. [33, с. 142]. Такие образования многочисленны в Нормандии и Пикардии, на Юге и на Севере Франции [19, с. 126].

Старопровансальский (старокситанский) глагол *mirar* ‘смотреть’ в своей императивной форме лёг в основу многих топонимов в сочетании с различными существительными, ср. **Miramas** (*Miramars*, 1118 г.) от лат. *mare* ‘море’; **Miramont**, **Miremont** от лат. *mons* ‘гора’; **Miraval**, **Mireval** от лат. *vallis* ‘долина’ [33, с. 458]. Особое распространение получило сочетание (*mirar* ‘смотреть’ + прилагательное *beau* ‘красивый’) **Mirabeau** (*Mirabel*, 1165 г.) дословно «Смотри, (как это) красиво». Этот топонимический термин обычно обозначает высоту, с которой видно далеко вдаль, и выступает в разных вариантах: **Mirabel**, **Mirambeau**, **Mirbel**, **Mirebeau**, **Mirebel**, **Miribel** [33, с. 458]. Интересно отметить наличие таких топонимов в ойконимии США, ср. в Калифорнии: **Miramar**, **Miramonte** [43, с. 298]. Г. Гудде рассматривает слово *mira*, вопреки распространённому в США представлению, не как ‘вид’, а как глагол в настоящем времени третьего лица ед. числа, и американский ойконим **Miramar** интерпретирует как «(Он) смотрит на море», а ойконим **Miraleste** считает восходящим к исп. *mira al leste* «(Он) смотрит на восток» [34, с. 240] (Дж. Стьюарт же рассматривает слово *mira* в топонимии как императив ‘смотри!’, ‘созерцай!’ [43, с. 298]).

Несмотря на всё своеобразие такой структурно-словообразовательной группы топонимисты обычно избегают вопроса о том, что послужило первоначальным импульсом для появления в ойконимии такой специфической структурной модели композитов. По нашему мнению, эта модель прошла следующий эволюционный путь. В английском языке она зародилась в разговорно-просторечной среде как апеллятивное обозначение людей. Сложения с первым компонентом,

сходным с императивом, очень экспрессивны и обычно имеют отрицательные характеризующие коннотации, указывая на какую-либо заметную черту людей, их характера, наружности, деятельности: *fillbelly* ‘обжора’ (дословно ‘набей брюхо’), *scarecrow* ‘пугало’ (дословно ‘пугай ворону’), *scrape-penny* ‘скряга’ (дословно ‘наскреби мелочи’), *spitfire* ‘вспыльчивый человек’ (дословно ‘плюй огнём’), *killjoy* ‘нудный’, ‘скучный человек’ (дословно ‘убей радость’). Это не была исконно английская структурная модель. Композиты такой модели не зарегистрированы в древнеанглийском языке. Самые ранние композиты типа *pickpocket* возникли в XII—XIII вв. под влиянием французских слов, образованных этим способом, ср. франц. *coupe-bourse* и аналогичное англ. *cutpurse* ‘вор-карманник’; франц. *coupe-gorge* и англ. *cutthroat* ‘головорез’ [36, с. 38]; ср. укр.: *зірвиголова*, *крутиголова*, *вертихвіст*, *дурисвіт*, *пройдисвіт*, *гонивітер*; ср. рус.: *вертихвостка*, *держиморда*, *сорвиголова*, *сверниголова*, *скопидом*, *развейдом* [18, с. 114].

Такого рода пейоративные обозначения людей легко превращались в прозвища людей, а затем и в их фамильные имена: Падинога, Непейцин, Дериглазов, Закусилович [22, с. 295, 665, 530, 552]. Ср. первоначальные параллельные прозвища любителей выпить, франц. Boileau и англ. Drinkwater «Пей воду» [40, с. 292]; франц. Boivin «Пей вино» и англ. Drinkale «Пей эль» [40, с. 277, 282]. Ср. прозвища алчных, жадных к деньгам людей, англ. Gatherpenny, Lovegold [40, с. 280]. Со временем рассматриваемая модель стала употребляться для формирования прозвищ, обозначающих профессию, вид занятий. Охотников на волков называли прозвищами Catchlove, Cutlove, где конечное *love* восходит к франц. *-loup*, *-love* ‘волк’, т. е. «поймай волка», «зарежь волка» [40, с. 283]. Дровосека называли прозвищем Copestake от французского глагола *couper* ‘рубить’ и англ. *stake* ‘кол’, ‘столб’ [40, с. 281], ср. фамилию Cutbush (*cut* ‘резать’, *bush* ‘куст’) [15, с. 141]. Экспансия новой антропонимической модели вызвала появление прозвищ и фамилий с разнообразной семантикой, ср. Winlove «Завоюй любовь» [40, с. 284]. Ср. фамилию Breakspear (*break* ‘ломать’, *spear* ‘копьё’) [15, с. 89]. Такие фамилии как Shakespeare, Shakelance, Shakeshaft имеют первым компонентом основу глагол *shake* ‘трясти’, ‘потрясать’ [18, с. 114].

Образование фамилий из прозвищ без дополнительных структурных средств более свойственно украинскому языку, чем другим восточнославянским языкам. В результате имеем большое число самобытных, ярких, уникальных украинских фамилий типа Перебийніс, Затуливітер, Молибога, Гуляйбіда, Непийпиво, Недайборщ, Забийворота [19, с. 129].

Типологически близкими на структурном уровне и на уровне доономастической семантики представляются фамилии с исходным значением ‘пей воду’, ср. нем.: Trinkwasser, англ.: Drinkwater, итал.: Bevilaqua, а также французские фамилии Boileau, Boilleau (собственно *bois l’eau*).

Возникновение совершенно новой структурной модели в языке — процесс достаточно сложный, длительный и, по словам. В. А. Никонова, «уходит корнями ещё во времена славянской общности» [17, с. 84—86; 16, с. 112—113; 117—118, 121]. Однако переход структурной модели из одной группы онимов в другую в рамках единой ономастической системы представляется более лёгким, что и обусловило появление ойконимов модели «глагол + существительное», ср. антропоним **Лупибаба** и ойконим **Сушибаба** (Вл); антропоним **Вернигора** и ойконим **Вернигородок** (Вн). В. П. Шульгач прямо этимологизирует ойконимы **Печихвости** (Вл) и **Сушибаба** (Вл) как восходящие к прозвищам, соответственно *Печихвостъ* и *Сушибаба* [27, с. 106, 135]. Ойконимы типа **Урвиколеса** могли быть структурно (и семантически) подкреплены гидронимами типа *Урвихвіст*, *Вирвихвіст*, связанными с апеллятивом *вирви-хвіст* (‘топь’, ‘болото’, ‘ржавая вода’) [38, с. 367].

Переход антропонимов в ойконимическую сферу в США — явление обычное. Так возник ойконим Lovelady (TX) от имени первопоселенца *C. Lovelady* [43, с. 266]; ойконим Lovelock (NV) — от имени служащего железной дороги *G. Lovelock* [41, с. 578]. Определённое значение для закрепления в ойконимии этой модели имели и популярные одно время в США ойконимы, образованные от переведённых на английский язык имён индейцев. Таков, например, отантропонимический ойконим Shuteye (CA) от имени одноглазого индейца [34, с. 357]; название деревушки Killbuck (*kill* ‘убить’, *buck* ‘самец оленя’) (NY) — от имени некогда жившего здесь вождя местного индейского племени [39, с. 182]. Затем, видимо, ойконимы создавались по аналогии с уже имеющимися. При этом каждое новое название создавалось индивидуально, опираясь на существующую структурную модель.

Во французском языке сложные слова с первым глагольным компонентом очень рано стали употребляться в качестве прозвищ, ср.: Trousse bacon «Вытряхивай сало»; Chace pie «Гоняй сороку»; Brise pot «Разбивай горшки»; Pique pain «Кусай хлеб». Некоторые прозвища — характеристики мошенников, воров, грабителей: Vide-rue, Vide-bourse, Tire-coq [5, с. 103, 107]. Из ономастики эта словообразовательная модель перешла в апеллятивную сферу французского языка.

Некоторые ойконимы рассматриваемой структуры возникли в результате народной этимологии, переосмысления иноязычных слов. Американский ойконим **Pickpocket** (PH) возник в результате трансформаций созвучного индейского названия *Pakwokek* [43, с. 371], а устрашающее название посёлка, основанного выходцами из Дании, **Killdevil** (NC) имеет вполне

миролюбивое исходное значение: слово *kill* < дат. ‘канал’, ‘ручей’, слово *devil* < дат. ‘холм’, ‘край поля’, а всё сочетание значит «Ручей у края поля» [39, с. 182]. Ср. также устрашающее бывшее название украинского села **Карайдубина**, которое происходит от тополексемы **Карайтабен** и представляет собой, по словам Е. С. Отина, паронимическое выравнивание с сопровождающей морфологизацией, обусловленное фактором внешнего формально-аналогического уподобления [13, с. 70]. Само переосмысление топонима **Карайдубина**, свидетельствует о потенциальной употребительности словообразовательной модели «глагол + существительное» в украинской топонимической системе.

Таким образом, своеобразная и колоритная «загадочная» композитная модель встречается в разных языках как в апеллятивной, так и в ономастической сферах. Ей свойственно наличие эмоционально-экспрессивных коннотаций, которые, даже выветрившись из-за частого употребления, полностью не исчезают, а всегда остаются на периферии восприятия.

Литература

1. *Атлас автодорог России, стран СНГ и Балтии (приграничные районы).* — М. : ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография» ; АСТ, 2001. — 200 с. : карт.
2. *Балакаев М. Б.* Основные типы словосочетаний в казахском языке / М. Б. Балакаев. — Алма-Ата : Изд-во АН Казах. ССР, 1957. — 123 с.
3. *Битанова А. С.* Глагольные конструкции в казахской топонимике Кустанайской области / А. С. Битанова // Питання ономастики : матеріали II Респ. наради з питань ономастики (К., 1962). — К. : Наукова думка, 1965. — С. 234—236.
4. *Битанова А. С.* Из наблюдений над казахской топонимикой Кустанайской области / А. С. Битанова // Вопросы топономастики. — Свердловск, 1962. — Вып. 1. — С. 4—43.
5. *Бочарова А. Г.* К вопросу об истории развития сложных слов с глагольным компонентом во французском языке (на материале имён собственных) / А. Г. Бочарова // Уч. записки Ташкентского гос. пед. ин-та ин. языков. — Ташкент, 1962. — Вып. 6. Ч. 1. — С. 97—117.
6. *Витушкина Л. А.* «Глагольные» конструкции в русской ономастике / Л. А. Витушкина // Учёные записки УрГУ. Серия Филологическая. — Свердловск, 1970. — Вып. 13. № 90. — С. 25—29.
7. *Донидзе Г. И.* Глагольные топонимы в тюркских языках / Г. И. Донидзе // Топонимика Востока. Новые исследования : [сб. статей]. — М. : Наука, 1964. — С. 39—46.
8. *Заимов И.* Местните имена в Пирдопско / И. Заимов ; отговорен ред. акад. Вл. Георгиев. — София : БАН, Ин-т за български език, 1959. — 300 с.
9. *Карпенко Ю. О.* Топонімія Буковини / Ю. О. Карпенко. — К. : Наук. думка, 1973. — 240 с.
10. *Матвеев А. К.* Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. — М., 1965. — № 6. — С. 3—15.
11. *Никонов В. А.* Введение в топонимику / В. А. Никонов. — М. : Наука, 1965. — 179 с.
12. *Отін Є. С.* Рецензія на: М. Т. Янко. Топонімічний словник-довідник Української РСР / Є. С. Отін. — К. : Радянська школа, 1973. — 180 с. // Мовознавство. — К., 1974. — № 6. — С. 86—89.
13. *Отін Є. С.* Різні типи паронімічного вирівнювання слів в апелятивній та ономастичній лексиці / Є. С. Отін // Мовознавство. — К., 1973. — № 2. — С. 63—73.
14. *Пура Я. О.* Походження назв населених пунктів Ровенщини / Я. О. Пура ; [ред. Т. О. Головіна]. — Львів : Світ, 1990. — 143 с.
15. *Рыбакин А. И.* Словарь английских фамилий: ок. 22 700 фамилий / А. И. Рыбакин. — М. : Русский язык, 1986. — 576 с.
16. *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ / А. М. Селищев // Избранные труды. — М. : Просвещение, 1968. — С. 97—128.
17. *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2: Тексты, словарь, очерки морфологии / А. М. Селищев. — М. : Изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1952. — 206 с.
18. *Скляренко О. М.* Екзотично-загадкова композитна модель «дієслово + іменник» (на матеріалі ойконімії США та України) / О. М. Скляренко // Українська мова. — 2009. — № 1. — С. 113—117.
19. *Скляренко О.* Типологічна ономастика : [монографія]. У 5 кн. Кн. 2: Ономастичний словотвір у типологічному ракурсі / Олексій Скляренко, Ольга Скляренко. — Одеса : Астропринт, 2013. — 408 с.
20. *Султаньяев О. А.* Из наблюдений над глагольными названиями Кокчетавской области / О. А. Султаньяев // Филологический сборник. — Алма-Ата, 1967. — № 6—7. — С. 425—433.
21. *Топонімія південно-східної Одещини* : [методичні вказівки] / [Ю. О. Карпенко, А. Т. Бевзенко, Г. Ю. Касім та ін.]. — Одеса : ОДУ, 1978. — 88 с.
22. *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имён / Н. М. Тупиков. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903. — 857 с.
23. *Українська РСР:* Адміністративно-територіальний поділ на 1 вересня 1946 року. — 1-е вид. — К. : Держполітвидав УРСР, 1947. — 1063 с.
24. *Українська РСР:* Адміністративно-територіальний поділ [на 1 квітня 1967 р. з дод. відомостей про зміни до 1 січня 1969] : у 2 т. Т. 1 / [відп. ред. В. Є. Нижник]. — К. : Політвидав України, 1969. — 541 с.
25. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёв ; ред. и автор предисл. Б. А. Ларин. — 2-е изд., стер. — М. : Прогресс, 1986. — 672 с.
26. *Франко З. Т.* Граматична будова українських гідронімів / З. Т. Франко. — К. : Наукова думка, 1979. — 185 с.
27. *Шульгач В. П.* Ойконімія Волині: Етимологічний словник-довідник / В. П. Шульгач. — К. : Кий, 2001. — 189 с.

28. *Янко М. Т.* Топонімічний словник України: Словник-довідник / М. Т. Янко. — К. : Знання, 1998. — 432 с.
29. *Alotta R. I.* Signposts and Settlers. The History of Place Names in the Middle Atlantic States / R. I. Alotta. — Chicago : Bonus Books, Inc., 1992. — 654 p.
30. *Billy P.* Les composés en canta- dans la toponymie de la France / P. Billy // Nouvelle Revue d'Onomasique. — Société française d'onomastique. — 1990. — № 15—16. — C. 55—86.
31. *Blevins D.* The Unusual Origins of More than 3000 American Place Names / D. Blevins. — Nashville, Tennessee : Cumberland House, 2000. — 435 p.
32. *Camproux Ch.* Des toponyms qui chantent / Ch. Camproux // Testschrift Walther von Wartburg zum 80. Geburtstag. — Tübingen, 1968. — C. 87—105.
33. *Dauzat A.* Dictionnaire étymologique des noms de lieux en France / A. Dauzat, Ch. Rostaing. — Paris : Librairie Larousse, 1963. — 738 p.
34. *Gudde E. G.* California Place Names. The Origin and Etymology of Current Geographical Names / E. G. Gudde. — 4th ed., rev. and enl. — Berkley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1998. — XXVI + 467 p.
35. *Longnon Au.* Les noms de lieu de la France: Leur origine, leur signification, leurs transformations / Au. Longnon ; [publié par P. Marichal et L. Mirot ; préface de J. Chaurand]. — Paris : Éditions Honoré Champion, 1999. — XV + 831 p.
36. *Marchand H.* The Categories and Types of Present-Day English Word-formation: A Synchronic-Diachronic Approach / H. Marchand. — 2nd ed., completely revised and enlarged. — München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1969. — 545 p.
37. *Nègre E.* Les nom de lieux en France / E. Nègre. — 2-e ed. — Paris : Ed. d'Artrey, 1977. — 184 p.
38. *Nouvel A.* Des pierres qui chantent / A. Nouvel // Actes du Colloque de Loches. — 1980. — P. 160—165.
39. *Quimby M. J.* American Place Names and their Derivation / M. J. Quimby. — New York : A. S. Barnes and Company, 1970. — 390 p.
40. *Reany P. H.* The Origin of English Surnames / P. H. Reany. — 3d imp. — London : Routledge and Kegan Paul, 1969. — 415 p.
41. *Romig W.* Michigan Place Names / W. Romig. — Detroit : Wayne State Univ. Press, 1986. — 673 p.
42. *Skok P.* Cantare in französischen Ortsnamen / P. Skok // Zeitschrift für Romanische Philologie. — № 32. — M. Niemeyer, 1968. — S. 555—599.
43. *Stewart G. R.* American Place-Names: A Concise and Selective Dictionary for the Continental United States of America / G. R. Stewart. — N. Y. : Oxford University Press, 1970. — XL + 550 p.
44. *Strunk H.* Imperative als niederdeutsche Flurnamen / H. Strunk // Zeitschrift für Ortsnamenforschung, 1932. — Vol. VIII. — S. 120—131.
45. *Vincent Au.* Toponymie de la France / Au. Vincent. — Bruxelles : Librairie Générale rue de Namur, 1937. — 418 p.

References

1. *Atlas avtodorog Rossii, stran SNG i Baltii (prigranichnyie rajony).* — M. : IPTs «Dizajn. Informatsija. Kartografija» ; AST, 2001. — 200 s. : kart.
2. *Balakaev M. B.* Osnovnyje tipy slovosochetanij v kazahskom jazyke / M. B. Balakaev. — Alma-Ata : Izd-vo AN Kazah. SSR, 1957. — 123 s.
3. *Bitanova A. S.* Glagolnyie konstruktsii v kazahskoy toponimike Kustanajskoj oblasti // Pytannia onomastyky : materialy II Resp. narady z pytan' onomastyky. — K. : Nauk. dumka, 1965. — S. 234—236.
4. *Bitanova A. S.* Iz nablyudenij nad kazahskoj toponimikoj Kustanajskoj oblasti / A. S. Bitanova // Voprosy toponomastiki. — Sverdlovsk, 1962. — Vyp. 1. — S. 4—43.
5. *Bocharova A. G.* K voprosu ob istorii razvitiya slozhnyh slov s glagolnym komponentom vo francuzskom jazyke (na materiale imen sobstvennyh) / A. G. Bocharova // Uch. zapiski Tashkentskogo gos. ped. in-ta inostr. jazykov. — Tashkent, 1962. — Vyp. 6. Ch. 1. — S. 97—117.
6. *Vitushkina L. A.* «Glagolnyie» konstruktsii v russkoj onomastike / L. A. Vitushkina // Uchenyie zapiski UrGU. — № 90. — Ser. Filologicheskaja. — Sverdlovsk, 1970. — Vyp. 13. — S. 25—29.
7. *Donidze G. I.* Glagolnyie toponimy v tiurkskih jazykah / G. I. Donidze // Toponimika Vostoka. Novyie issledovanija : [sb. statey]. — M. : Nauka, 1964. — S. 39—46.
8. *Zaimov I.* Mestnite imena v Pirdopsko / I. Zaimov ; otgovoren red. akad. Vl. Georgiev . — Sofia : BAN, In-t za b'lgarski jezik, 1959. — 300 s.
9. *Karpenko Yu. O.* Toponimija Bukovyny / Yu. O. Karpenko. — K. : Nauk. dumka, 1973. — 240 s.
10. *Matveev A. K.* Nekotoryie voprosy lingvisticheskogo analiza substratnoj toponimiki / A. K. Matveev // Voprosy jazykoznanija. — M., 1965. — № 6. — S. 3—15.
11. *Nikonov V. A.* Vvedenie v toponimiku / V. A. Nikonov. — M. : Nauka, 1965. — 179 s.
12. *Otin E. S.* Retsenzija na: M. T. Janko. Toponimichnyj slovnyk-dovidnyk Ukrajins'koji RSR / E. S. Otin. — K. : Radians'ka shkola, 1973. — 180 s. // Movoznavstvo. — K., 1974. — № 6. — S. 86—89.
13. *Otin E. S.* Rizni typy paronimichnogo vyrivniuvannia sliv v apeliatyvnij ta onomastychnij leksyci / E. S. Otin // Movoznavstvo. — K., 1973. — № 2. — S. 63—73.
14. *Pura Ja. O.* Pohodzhennia nazv naselenyh punktiv Rovenschyny / Ja. O. Pura ; [red. T. O. Golovina]. — Lviv : Svit, 1990. — 143 c.
15. *Rybakin A. I.* Slovar' anglijskih familij: ok. 22 700 familij / A. I. Rybakin. — M. : Russkij jazyk, 1986. — 576 s.
16. *Selischev A. M.* Proishozhdenie russkih familij, lichnyh imen i prozvisch / A. M. Selischev // Izbrannyie trudy. — M. : Prosveschenie, 1968. — S. 97—128.
17. *Selischev A. M.* Staroslavianskij jazyk. Ch. 2. Tekstyi, slovar, ocherki morfologii / A. M. Selischev. — M. : Izd-vo Min. prosvesch. RSFSR, 1952. — 206 s.

18. *Sklyarenko O. M.* Ekzotychno-zagadkova kompozytna model «dieslovo + imennyk» (na materiali oykonimii USA ta Ukrainy) / O. M. Sklyarenko // Ukrains'ka mova. — 2009. — № 1. — S. 113—117.
19. *Sklyarenko O.* Typologichna onomastyka : [monografija]. U 5 kn. Kn. 2: Onomastychnyj slovotvir u typologichnomu rakursi / Sklyarenko Oleksiy, Sklyarenko Olga. — Odesa : Astroprynt, 2013. — 408 s.
20. *Sultaniaev O. A.* Iz nabliudenij nad glagolnymi nazvanijami Kokchetavskoj oblasti / O. A. Sultaniaev // Filologicheskij sbornik. — Alma-Ata, 1967. — № 6—7. — S. 425—433.
22. *Tupikov N. M.* Slovar' drevnerusskih lichnyh sobstvennyh imen / N. M. Tupikov. — St-Pb : Tip. I. N. Skorohodova, 1903. — 857 s.
23. *Ukrains'ka RSR:* Administratyvno-terytorialnyj podil na 1 veresnia 1946 roku. — 1-e vyd. — K. : Derzhpolitvydav URSR, 1947. — 1063 s.
24. *Ukrains'ka RSR:* Administratyvno-terytorialnyj podil [na 1 kvitnia 1967 r. z dod. vidomostej pro zminy do 1 sichnia 1969] : u 2 t. T. 1 / [vidp. red. V. E. Nyzhnyk]. — K. : Politvydav Ukrainy, 1969. — 541 s.
25. *Fasmer M.* Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. T. 2 / M. Fasmer ; per. s nem. i dopol. O. N. Trubachev ; red. i avtor predisl. B. A. Larin. — 2-e izd. — M. : Progress, 1986. — 672 s.
26. *Franko Z. T.* Gramatychna budova ukrains'kyh gidronimiv / Z. T. Franko. — K. : Naukova dumka, 1979. — 185 s.
27. *Shulgach V. P.* Oykonimiya Volini: Etimologichniy slovnik-dovidnik / V. P. Shulgach. — K. : Kiy, 2001. — 189 s.
28. *Janko M. T.* Toponimichnyj slovnyk Ukrainy: Slovnyk-dovidnyk / M. T. Janko. — K. : Znannia, 1998. — 432 s.
29. *Alotta R. I.* Signposts and Settlers. The History of Place Names in the Middle Atlantic States / R. I. Alotta. — Chicago : Bonus Books, Inc., 1992. — 654 p.
30. *Billy P.* Les composés en canta- dans la toponymie de la France / P. Billy // Nouvelle Revue d'Onomasique. — Société française d'onomastique. — 1990. — № 15—16. — C. 55—86.
31. *Blevins D.* The Unusual Origins of More Than 3,000 American Place Names / D. Blevins. — Nashville ; Tennessee : Cumberland House, 2000. — 435 p.
32. *Camproux Ch.* Des toponyms qui chantent / Ch. Camproux // Testschrift Walther von Wartburg zum 80. Geburtstag. — Tübingen, 1968. — C. 87—105.
33. *Dauzat A.* Dictionnaire étymologique des noms de lieux en France / A. Dauzat, Ch. Rostaing. — Paris : Librairie Larousse, 1963. — 738 p.
34. *Gudde E. G.* California Place Names. The Origin and Etymology of Current Geographical Names / E. G. Gudde. — 4th ed., rev. and enl. — Berkley ; Los Angeles ; London : University of California Press. — 1998. — XXVI + 467 p.
35. *Longnon Au.* Les noms de lieu de la France: Leur origine, leur signification, leurs transformations / Au. Longnon ; [publié par P. Marichal et L. Mirot ; préface de J. Chaurand]. — Paris : Éditions Honoré Champion, 1999. — XV + 831 p.
36. *Marchand H.* The Categories and Types of Present-Day English Word-formation: A Synchronic-Diachronic Approach / H. Marchand. — 2nd ed., completely revised and enlarged. — München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1969. — 545 p.
37. *Nègre E.* Les nom de lieux en France / E. Nègre. — 2-e ed. — Paris: Editions d'Artrey, 1977. — 184 p.
38. *Nouvel A.* Des pierres qui chantent / A. Nouvel // Actes du Colloque de Loches. — 1980. — P. 160—165.
39. *Quimby M. J.* American Place Names and their Derivation / M. J. Quimby. — New York : A. S. Barnes and Company, 1970. — 390 p.
40. *Reany P. H.* The Origin of English Surnames. Third impression / P. H. Reany. — London : Routledge and Kegan Paul, 1969. — 415 p.
41. *Romig W.* Michigan Place Names / W. Romig. — Detroit : Wayne State University Press, 1986. — 673 p.
42. *Skok P.* Cantare in französischen Ortsnamen / P. Skok // Zeitschrift für Romanische Philologie. — № 32. — M. Niemeyer, 1968. — S. 555—599.
43. *Stewart G. R.* American Place-Names. A Concise and Selective Dictionary for the Continental United States of America / G. R. Stewart. — New York : Oxford University Press, 1970. — XL + 550 p.
44. *Strunk H.* Imperative als niederdeutsche Flurnamen / H. Strunk // Zeitschrift für Ortsnamenforschung, 1932. — Vol. VIII. — S. 120—131.
45. *Vincent Au.* Toponymie de la France / Au. Vincent. — Bruxelles : Librairie Générale rue de Namur, 1937. — 418 p.

СКЛЯРЕНКО Ольга Миколаївна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: asklyarenko@yahoo.com; тел.: +38 (0482) 493103, моб.: + 38-098-0230913

«ІМПЕРАТИВНІ КОНСТРУКЦІЇ» В ОНОМАСТИЦІ (ТИПОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ)

Анотація. У статті представлено типологічний аналіз антропонімів і складних топонімів (композитів), які є похідними від форм наказового способу дієслів у слов'янських, романських і германських мовах. Встановлено риси схожості між одиницями, що формують особливу імперативну модель назв в індоєвропейських мовах.

Ключові слова: імперативна модель, топонім, ойконім, антропонім, композит.

Olga N. SKLYARENKO,
Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages of Humanities Departments of Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: asklyarenko@yahoo.com; tel.: +38(0482)493103, mob.: +38 098-0230913

«IMPERATIVE MODEL» IN ONOMASTICS (TYPOLOGICAL ASPECT)

The article is devoted to the analysis of anthroponyms and compound place-names of the imperative model in Slavonic, Romanic and Germanic languages. Some typologically similar features have been revealed. There are two distinct formations in English: 1) «Verb + Noun» (John *Wakedogge*); 2) «Verb + Adverb» (Gilbert *Gofaire*). Anthroponyms and compound place-names of the model «Verb + Noun», the first component having the form of the imperative (imperative mood), exist in many languages.

In conclusion it should be noted that their way of development is typologically similar: *Drinkwater* has its parallel in the French *Boileau* and is to be compared with *Bevin*, *Bivins* (*bei vin* = 'drink wine'), a suitable nickname for an Englishman whose favourite drink was wine and not the more usual ale. In France, where wine was the normal drink, A. Dauzat takes *Boivin* to be a nickname for a heavy drinker. Whether these 'imperative names' in English are indigenous or imported from France is a difficult problem. There is certainly evidence of French influence which later becomes more obvious in the appearance of French and English doublets but there seems no reason to doubt that some, at least, of these names are of English origin. They occur early and often in the Romance languages and Otto Jespersen is of the opinion that such formation as *pick-pocket*, *make-peace*, *turn-coat*, *catch-penny* seem to be modeled on the French formations. Having arisen in the sphere of common nouns, they penetrated into onomastics where they exist and function according to onomastic laws. As so often, surnames compel us to revise this view for imperative names are found much earlier and are much more numerous than common nouns of similar formation.

Imperative names are strikingly various and versatile as to the lexical meaning of their components. Some names we can explain literally, but what the name actually meant to the man's contemporaries we do not know, whilst others are a complete mystery. They may be regarded as a new trend in onomastic word-formation.

Key words: imperative names, word-formation, anthroponym, compound model, toponym, oikonym.

Статтю отримано 29.07.2014 р.

УДК [811.161.1+811.162.1]'23'373.46:336:659:[303.433.4+006.915.2]

ЮЗВЯК Йоланта,
кандидат филологических наук, Институт неофилологии и прикладной лингвистики Университета Казимира Великого; Быдгощ, Польша;
e-mail: jjozwiak@tlen.pl; тел. +48-791248967

НАЗВАНИЯ БАНКОВСКИХ ПРОДУКТОВ
(между глобализацией и национальной спецификой)

Аннотация. В статье представлена попытка выявить когнитивные мотивы, реализующиеся в номинациях русских и польских банковских продуктов. Анализ наименований банковских счетов и кредитных карт показывает, какие мотивы используются специалистами по неймингу, задачей которых является с помощью наименования привлечь внимание потенциального клиента и воздействовать на выбор определённого банковского продукта.

Рассматривается много мотивов различного характера. Автор старается определить мотивы возникновения неономинаций, общие для русского и польского языков, что связано с процессами глобализации в рекламе (не только в бизнес-коммуникации), а также мотивы, отражающие в какой-нибудь степени национально-культурную специфику.

Целью анализа является прежде всего определение различий между русской и польской бизнес-коммуникацией в исследуемой банковской сфере в контексте глобализации и национальной специфики. Учитываются также сходства и различия в экономических системах обеих стран.

Ключевые слова: номинация, когнитивный мотив, банковская коммуникация, названия банковских счетов, названия кредитных карт, русско-польское сопоставление.

В современных условиях повышенной конкурентности на потребительском рынке, в том числе и в сфере финансовых услуг, названия банковских продуктов могут сыграть существенную роль как вербальный элемент комплексной рекламной акции, направленной на воздействие на сознание потенциальной потребительской аудитории.

 © Юзвяк Й., 2014

Хотя наименования банковских продуктов не считаются самыми интересными с лингвистической точки зрения, так как часто они просто называют банковские операции и отражают самые существенные черты предложений [3, с. 111], познавательный аспект их формирования и функционирование в сознании клиентов подлежит интересным закономерностям, выявление которых является целью нашего анализа.

В процессе анализа названий банковских услуг следует иметь в виду два факта. Во-первых, реклама пропагандирует некий стиль жизни — это на самом деле призыв жить определённым образом [4, с. 57]. Во-вторых, наименование банковского продукта является существенной частью рекламного текста, но оно выполняет особую роль, будучи небольшим по объёму рекламным текстом. В отличие от других видов рекламы, ознакомление с названием банковского продукта имеет шанс быть единственным стимулом для принятия решения о выборе предложения и определённой финансовой организации. В рекламном тексте традиционно выделяется информативная часть, включающая название товара или услуги, фирмы-производителя, её положения на рынке, мощности, цены, а также воздействующая часть, передающая особенности товара или услуги, отзывы потребителей [4, с. 58].

В названиях банковских услуг, которые редко сопровождаются такими масштабными рекламными акциями, как другие потребительские товары, специалисты по неймингу вынуждены «вместить» как можно больше информации и сделать это с помощью такой лексики, которая позволит воздействовать на потенциального клиента. Поскольку в вербальном компоненте невозможно передать эксплицитно всю информацию рекламодателя, существенную роль играют различные ассоциации, имплицитно передаваемые смыслы. По мнению специалистов, исследующих рекламу с точки зрения межкультурной коммуникации, рекламное сообщение, чтобы быть эффективным, должно учитывать национально-культурные особенности аудитории. К ним можно отнести, между прочим, образы, мотивы, не противоречащие нормам, обычаям, ценностям культуры региона, подвергаемого рекламному воздействию. Следует также учитывать ограничения, устанавливаемые местными регулирующими органами, избегать непонятных иностранных слов, образов, символов, искажающих передаваемую информацию [2, с. 196].

Анализируя наименования в области банковской деятельности, задача которых заключается в том, чтобы привлечь внимание клиента, следует обратить внимание на мотивы их создания, возникающие в сознании людей образы, а также влияние факторов, связанных с экономикой и законодательством.

Материалом для настоящих рассуждений послужили примеры наименований универсальных банковских продуктов предназначенных для физических лиц, т. е. текущих счетов, а также часто связанных с ними дебетовых и кредитных карт. Подлежащие анализу единицы были отобраны в первой половине 2013 г. из веб-сайтов тридцати крупнейших банков, действующих на территории Российской Федерации и двадцати банков из Польши.

Краткий обзор русских и польских банковских предложений по текущим счетам выявляет сразу существенное различие. На сайтах российских банков намного меньше наименований текущих счетов, чем встречается в польских банках.

Текущие счета предназначаются для совершения основных расчётных операций. Судя по официальным сайтам, в банках, действующих на территории РФ, такие операции не находятся в центре интереса, и их наименования не становятся знаком рекламных акций. Они даже предлагаются клиентам как разновидность срочных вкладов. В банках Польши текущие счета входят в основной пакет услуг, часто занимают первое место в списке услуг для индивидуальных клиентов, рекламируются также в пакете с банковскими картами. В предложениях российских банков карты выдвинуты на первый план как отдельный продукт и чаще всего связаны со срочными вкладами, что в польском банковском деле является редкостью. Такую ситуацию можно объяснить национально-экономической спецификой, а также заинтересованностью клиентов.

Следует отметить, что данную тенденцию, видимо, обусловленную национально-экономической спецификой, подтверждает также сопоставление предложений банков, действующих на территории обеих стран, например, Райффайзен банка и банков из группы Юникредит.

Среди текущих счетов выделяется группа наименований, традиционно ассоциирующихся в сознании клиентов с базисными качественными предполагаемыми услугами. Следовательно, во многих банках появляются наименования, отражающие специфику услуги как разновидности вклада или прямо называющие характерные банковские операции, которые можно считать языковой реализацией **мотива профессиональной** передачи **информации**, ср.: *Текущий счёт, Вклад До востребования* и *Переводы и платежи*.

Дальнейшая дифференциация наименований учитывает источник, благодаря которому у клиента имеются деньги, зачисляемые на счёт. Такие образования опираются на **мотив исключительности**. Номинации могут иметь адресативный характер, ср. *Текущий пенсионный* (для тех, кто получает пенсию), или повторять наименование упомянутого источника денежных средств, например, *Зарплата*, *Субсидия*.

Встречается также соединение мотива профессиональной информации с **мотивом узнаваемости бренда**, ср. *вклад «До востребования Сбербанка России»*; или мотива узнаваемости бренда с **мотивом удобства**, ср. *вклад «Универсальный Сбербанка России»*; или с **мотивом прибыли**: *НОМОС — Доходный счёт*.

Несравнимое в количественном отношении наличие наименований текущих счетов обнаруживается в польских банках. При таком разнообразии используется большее количество мотивов, некоторые из которых перечислены в дальнейшей части. В небольшом количестве примеров находит отражение **мотив профессиональной** передачи **информации**, ср. *Konto Osobiste*, *Konto Standard*, *Konto Walutowe*.

Свою языковую реализацию часто находит **мотив надёжности и одобрения выбора**, например, *Dobre Konto*, *Konto Comfort*, *Konto Doskonałe*, *Konto Optymalne*, *Konto Idealne*, *Eurokonto Optymalne*. Данная мотивация находит своё отражение также в единице *Konto Godne Polecenia*, но здесь ассоциации относятся не только к настоящему, но также к будущему. К данной группе можно отнести также название *Konto bez Kantów*. Можно его оценить как слишком рискованное по имиджу. Это своего рода признание в практике дополнительных неожиданных банковских оплат, и предлагаемое наименование только путём негативной оценки может вызвать положительные ассоциации.

В анализируемом материале встречаются, конечно, наименования, в которых эксплицируются самые важные черты с точки зрения перспективы достижения экономических целей. В наименованиях такого типа свою языковую реализацию находит, например, **мотив преимуществ:** *Konto za Zero*, — а также **мотив прибыли:** *Konto Wydajesz & Zarabiasz*, *Ekstrakonto Plus*, *Konto Skarbonkowe*, *Konto Zarabiające*. В настоящее время в разных номинациях важное место занимает **мотив новых технологий**, ср.: *Eurokonto Net*, *Eurokonto Mobilne*, *eKONTO*, *e-konto BOŚ*, *konto internetowe dbNET*. К данной группе причисляется также наименование интернет-счёта, опирающееся на ссылку к порталу Facebook: *Lubię to! Konto*. Мотив может найти также свою языковую реализацию путем противопоставления, ср. *Dopasowane Konto* для клиентов, предпочитающих традиционные формы контакта с банком в его отделениях.

В предложениях банков уже некоторое время существуют счета для женщин, ср. *Konto na Obcasach*. В последнее время выделяются счета для молодёжи и молодых людей. В наименованиях таких счетов используется **мотив идентификации с группой**, например, по возрасту, по интересам, ср. *Konto dla Młodzieży*, *Konto dla młodych*, *Konto Młodzieżowe*, *izzyKonto*, *eKONTO dla młodych*, *Konto Kieszonkowe*, *Konto Junior*, *Cool Konto*, *Konto Osobiste Student*. Банки начинают также замечать группу старших клиентов, ср. *Konto Aktywni 50+*, *Konto dla seniora*, *Pocztowe Konto Nestor*, *Konto osobiste db Koneser*.

Возрастные и половые мотивации можно иначе назвать **мотивом исключительности**, так как вышеуказанные наименования должны также убедить клиентов в том, что предлагаемый продукт подготовлен специально для них и отвечает их исключительным потребностям / требованиям. Уникальным примером реализации рассматриваемого мотива является наименование счёта, предназначенного для служащих и сотрудников полицейских органов, вызывающее ассоциации с очень популярным польским детективным сериалом, ср. *Konto 07*.

Рекламистами часто используется **мотив повышения статуса**, ср. *Konto bez Granic*. *Konto Osobiste Premium*, *Konto z Lwem VIP*, *Konto osobiste SGB Prestiż*. Названный мотив реализуется также путём употребления языкового элемента *euro* в наименованиях счетов, ср. *Eurokonto Aktywne Plus*, *Eurokonto Intro*. Упомянутый элемент неоднократно сочетается с названиями, отражающими другие когнитивные мотивы, ср. *Eurokonto Walutowe*, *Eurokonto Optymalne*.

Следующий мотив — **мотив узнаваемости бренда** — является очень существенным не столько с точки зрения потенциального клиента, сколько с точки зрения банка, так как позволяет создать в сознании потребителей простую ассоциацию: бренд равен доверию, что в случае финансовых организаций можно считать ключевым. Примерами реализации упомянутого мотива могут служить следующие единицы из собранного материала: *Konto BGŻOptima*, *CitiKonto*, *Pocztowe Konto Standard*, *Konto z Lwem Direct*.

Наименования текущих счетов бывают сходными с названиями кредитных карт, вкладов, программ лояльности. Данное явление в сфере финансовых услуг носит глобалистский характер, проявляется также в других сферах деятельности и непосредственно связано с рекламными акциями, закреплением бренда. Цель чётко определена: создать связь клиента с банком, а также партнёрами данной организации и закрепить в человеческом сознании желательные ассоциации.

В случае банковских карт можно обнаружить другие доминирующие мотивы, отличающиеся от вышеперечисленных. Исключением является здесь **мотив профессиональной информации**, реализованный с помощью английских определений существенных условий. Среди русских и польских предложений в структуре наименования находятся, прежде всего, наименования платёжных организаций *Visa* и *Master Card*, а также специфицируются дополнительные

функции произведения расчётов, например, *Master Card Unembossed*, *MasterCard PayPass*, *Visa PayWave*, *WebMoney MasterCard Standard*.

Владельцам карт предлагается подчеркнуть свой статус, а поскольку английские слова в обществе оцениваются положительно, что, с одной стороны, связано с процессами глобализации в сфере информационных технологий, а с другой — со своеобразной модой на т. н. иностранщину [5, с. 267], они и появляются в наименованиях карт. Как следует из приведённых выше примеров, элементы английского происхождения нередко появляются в рассматриваемых единицах, возникающих в процессе реализации разных мотивов.

Мотив повышения статуса, переплетающийся с мотивом дополнительных преимуществ, также реализуется в виде наличия в составе наименования карты английских слов, отражающих градацию возможностей карты. Упомянутые элементы вводятся в оригинальной форме: *Classic*, *Electron*, *Standard*, *Silver*, *Gold*, *Platinum*, *Premium*, — в транскрибированной записи: *Классик*, *Голд* — или в форме переводческого соответствия: *Золотая*, *Платиновая*, *Премиальная* — и отражают степень привилегированности владельца карты, его финансовый статус, одновременно убеждая клиента в том, что он пользуется престижным финансовым инструментом.

Следующим мотивом является **мотив привилегии**. Клиентам часто предоставляются разнообразные дополнительные услуги, что находит отражение в структуре наименования. В России большой популярностью пользуются две основные группы карт с привилегиями. К первой группе можно причислить карты для путешествующих и пользующихся авиатранспортом, наименования которых создаются в процессе реализации **мотива путешествий**, ср.: *ВТБ24 — Трансаэро VISA Gold*, *Карта «Газпромбанк — Аэрофлот»*, *Карта «Газпромбанк — Трансаэро»*, *Карта «Газпромбанк — Уральские Авиалинии»*, *Карта «Трансаэро»*, *Классическая карта «ВТБ24 — ЮТэйр» Visa*, *MasterCard Word «Аэрофлот — Бонус»*, *S7 Priority Visa UniCreditCard*, *Карта «Трансаэро»*, *Уральские авиалинии — Visa — Альфа-Банк*, *Aeroflot MasterCard Standard*, *Премиальная карта «Весь мир»* (*iGlobe*). Владельцы — любители путешествий, активно пользующиеся такими картами, — могут копить баллы, мили, менять их, получают страхование, но эти факты не требуют вербальной экспликации, они функционируют в сознании реципиентов в виде ассоциаций и, конечно, подробно излагаются в предложениях банков. В Польше только окказионально предлагаются карты такого типа, например: *Karta Kredytowa Citibank LOT*, *Karta Kredytowa Citibank Wizz Air Word MasterCard*.

В свою очередь, в названиях карт, предназначенных для любителей покупок и позволяющих получать скидки, копить баллы в рамках различных программ лояльности, находит отражение мотив, который условно можно назвать именно **мотивом покупок**, ср.: *Перекрёсток — MasterCard — Альфа-банк*, *Кредитная Карта MasterCard Standard «Мир вашей семьи»*, *ЦУМ American Express Exclusive Card*. Такие карты пользуются популярностью и в Польше, ср. *MAKRO Millennium MasterCard Credit*, *Piotr i Paweł Millennium MasterCard*, *Karta Tanie Zakupy*, *Karta Kredytowa PKO Vitay*, *Karta Kredytowa Pekao/Shell*, *MasterCard PAYBACK*.

Как следует из приведённых примеров наименований из обеих групп карт с привилегиями, лексическим способом реализации мотива путешествий чаще всего является экспликация названий конкретных авиалиний, а способом реализации мотива покупок — экспликация названий сетей магазинов, автозаправочных станций или программ лояльности, охватывающих несколько фирм. Отличительной чертой названий рассматриваемой группы является, в большинстве случаев, наличие национально обусловленного элемента, так как часто названия сетей магазинов, авиалиний имеют локальный характер и осознаются только жителями данной страны.

Особой разновидностью карточных продуктов со скидками на покупки являются карты для женщин. Такие продукты редко появляются на рынке финансовых услуг, но если находятся в предложениях банков, желательные ассоциации создаются благодаря употреблению в составе названия заглавия журнала, предназначенного для женской части общества, ср. *Karta «Na Obcasach»*, *Karta Kredytowa Citibank «Elle»*. В предложениях российских банков имеются следующие продукты: *Альфа-банк — Cosmopolitan — Visa*, *Кредитная карта ELLE — Райффайзенбанк*.

Упомянутая выше мода на иностранные слова проявляется также в том, что, по мере высшей привилегированности карты, клиенты получают удовольствие от шоппинга, а не от покупок.

Банками предлагаются карты с другими преимуществами, например, для активных пользователей интернета *MasterCard Virtual* (**мотив новых технологий**), для пользователей городского транспорта *Кредитная карта «Мой проездной»*, *Метрокарта Альфа-банка* (**транспортный мотив**), для любителей футбола: *Русский стандарт Visa FIFA Голд*, *Карта «Газпромбанк — ФК «Зенит»* или баскетбола: *Русский стандарт УНИКС* (**спортивный мотив**).

Как следует из примеров, в данных наименованиях появляются (часто вместе с банковским брендом) известные торговые марки, распознаваемые только клиентами данного культурного круга или идентифицируемые более широким кругом людей.

Создавая наименования карт, специалисты по неймингу используют также **мотив идентификации с группой**, о котором упоминалось уже при описании текущих счетов в польской банковской сфере. В отличие от счетов, в названиях карт данный мотив находит своё отражение как в русских, так и в польских номинациях, например: *Citibank Student*, *VisaElectron Euro < 26*, *MasterCard izzyKarta*, *Visa Elektron — młodzieżowa*, *Студенческая кредитная карта*, *Молодежная дебетовая карта*, *Молодежная кредитная карта*. Другими примерами могут служить наименования карт, предназначенных для людей старшего возраста, ср.: *Пенсионная*, *Visa Electron Карта Пенсионера*, *Karta Visa Electron Aktywni 50+*, *Konto dla seniora*, *Pocztowe Konto Nestor*.

Характерной исключительно для РФ группой наименований являются языковые реализации **социального мотива**, ср.: *Социальная карта*, *Сбербанк-Maestro «Социальная»* (для клиентов, получающих пенсии, социальные пособия или дотации), а также *Детская*, *Дошкольная*. Два последних примера — это совсем уникальные предложения карт для лиц, у которых есть дети и семьи которых имеют право на компенсационные выплаты, пособия. В таких названиях эксплицируется только целевая группа — дети — и, косвенным образом, возраст ребёнка. В польском материале мы не обнаружили наименований карт, обладание которыми подобным образом зависит от права на получение социальных денежных средств.

Специфика названия любого банковского продукта требует индивидуального подхода, что проявляется в использовании разных когнитивных мотивов при образовании наименований определённых групп продуктов. Всегда учитываются особые черты продукта, ожидания клиентов, а также экономическая и культурная обусловленность.

В исследованиях, посвящённых психо- и прагмалингвистическим проблемам воздействия языка рекламы на личность в контексте политических и экономических аспектов глобализации, подчёркивается, что выбор языковых средств для обозначения предмета номинации, в том числе продуктов и услуг, «определяется во многом национальными представлениями и предпочтениями, национально-культурной спецификой, в конечном счёте — национально-языковой картиной мира» [1, с. 178].

Проведённый сопоставительный анализ позволяет прийти к выводу, что реализация когнитивных мотивов, используемых рекламистами в наименованиях банковских продуктов для физических лиц, с одной стороны, имеет унифицированный характер в силу повторяющихся человеческих потребностей, желаний, непостижимых желаний, а с другой — обладает национальной спецификой. Некоторые мотивы повторяются в рамках одного и того же языка при образовании разных банковских продуктов, хотя отражаются с помощью различных языковых средств. Другие мотивы реализованы только в номинациях определённого типа, зато в обоих языках.

Следует подчеркнуть, что только наименования, образованные с помощью языковых средств, отражающих общественные, экономические и культурные реалии данного периода, могут быть замечены и восприняты потенциальной аудиторией согласно предположениям финансовых организаций, старающихся привлечь внимание клиентов в условиях конкурентности.

Литература

1. *Гойхман О. Я.* Реклама: язык, речь, общение : учеб. пособие / ред. О. Я. Гойхман, В. М. Лейчик. — М. : ИНФРА-М, 2010. — 288 с. — (Высшее образование).

2. *Головлёва Е. Л.* Основы межкультурной коммуникации : учеб. пособие / Е. Л. Головлёва. — Ростов н/Д : Феникс, 2008. — 224 с. — (Высшее образование).

3. *Сердобинцева Е. Н.* Структура и язык рекламных текстов : учеб. пособие / Е. Н. Сердобинцева. — М. : Флинта ; Наука, 2010. — 160 с.

4. *Шестак Л. А.* Life style: речевые стратегии коммерческой рекламы / Л. А. Шестак // Рекламный дискурс и рекламный текст : кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. — М. : Флинта ; Наука, 2011 — С. 57—87.

5. *Handke K.* Socjologia języka / K. Handke. — Warszawa : Wyd. Naukowe PWN, 2009. — 384 s.

Источники материала

Веб-сайты банков, интернет сообщения по финансовым порталам. [Электронный ресурс]. — Режимы доступа: http://www.banki.ru, http://www.sredstva.ru, http://www.sravni.ru и http://www.bankier.ru, http://www.e-lokaty.pl., http://www.money.pl.

References

1. *Gojhman O. Ja.* Reklama: jazyk, rech', obshhenie : ucheb. posobie / red. O. Ja. Gojhman, V. M. Lejchik — M. : INFRA-M, 2010. — 288 s. — (Vysshee obrazovanie).

2. *Golovliova E. L.* Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii : ucheb. posobie / E. L. Golovljova. — Rostov n/D : Feniks, 2008. — 224 s. — (Vysshee obrazovanie).

3. *Serdobinceva E. N.* Struktura i jazyk reklamnyh tekstov: ucheb. posobie / E. N. Serdobinceva. — M. : Flinta ; Nauka, 2010. — 160 s.
4. *Shestak L. A.* Life style: rechevye strategii kommercheskoj reklamy / L. A. Shestak // Reklamnyj diskurs i reklamnyj tekst: koll. monografija / nauch. red. T. N. Kolokol'ceva. — M. : Flinta ; Nauka, 2011 — S. 57—87.
5. *Handke K.* Socjologia języka / K. Handke. — Warszawa : Wyd. Naukowe PWN, 2009. — 384 s.

Istochniki materiala

Websajty bankov, internet soobshhenija po finansovym portalam. — URL: http://www.banki.ru, http://www.sredstva.ru, http://www.sravni.ru i http://www.bankier.ru, http://www.e-lokaty.pl., http://www.money.pl.

Йоланта ЮЗВЯК,
кандидат філологічних наук, Інститут неофілології та прикладної лінгвістики Університету Казимира Великого; Бидгощ, Польща;
e-mail: jjozwiak@tlen.pl; тел. + 48-791248967

НАЗВИ БАНКІВСЬКИХ ПРОДУКТІВ (між глобалізацією та національною специфікою)

Анотація. У статті представлено спробу виявити когнітивні мотиви, що реалізуються в номінаціях російських і польських банківських продуктів. Аналіз найменувань банківських рахунків і кредитних карт показує, які мотиви використовуються фахівцями з неймінгу, чиїм завданням є за допомогою найменування привернути увагу потенційного клієнта і впливати на вибір певного банківського продукту.

Розглянуто багато мотивів різного характеру. Автор намагається визначити мотиви виникнення неономінацій, загальні для російської та польської мов, що пов'язано з процесами глобалізації в рекламі (не тільки в бізнес-комунікації), а також мотиви, що відображають у будь-якій мірі національно-культурну специфіку.

Метою аналізу є передусім визначення відмінностей між російською і польською бізнес-комунікацією в досліджуваній банківській сфері в контексті глобалізації та національної специфіки. Враховуються подібності та відмінності в економічних системах обох країн.

Ключові слова: номінація, когнітивний мотив, банківська комунікація, назви банківських рахунків, назви кредитних карт, російсько-польське зіставлення.

Jolanta JÓŹWIAK,
PhD in Philological Sciences, Institute of Neophilology and Applied Linguistics of Kazimierz Wielki University; Bydgoszcz, Poland;
e-mail: jjozwiak@tlen.pl; mob. +48-791248967

THE NAMES OF BANK PRODUCTS (between globalization and national specificity)

Summary. The paper is an attempt to point the most frequent cognitive motives used in creating names of Russian and Polish bank products. The analysis of names of bank accounts and names of credit cards shows which motives were preferred by the so-called naming specialists, whose task is by means of the name to draw attention of the potential client and to influence a choice of a certain banking product. Many groups of motives were discussed. Such point of view allowed the author to state the motives which keep recurring in Russian and Polish which is related to the process of globalization in advertising (not only in business communication) and present the motives which reveal cultural specificity.

Another aim is to state first of all differences between Russian and Polish banking business communication in the context of globalization and national specificity. Similarities and differences of the economic systems of both countries were also taken into consideration.

Key words: nomination, cognitive motive, business communication, names of bank accounts, names of credit cards, Russian-Polish comparison.

Статтю отримано 19.08.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.161.1-112’23’373.45:33«17»

ЯРОЦКАЯ Галина Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; тел. 050-3916600

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются процессы ценностной адаптации западноевропейских заимствований, вошедших в русский язык в Петровскую эпоху. Импорт западноевропейских концептов сопровождался внедрением в русское языковое сознание прагматических и утилитарных ценностных ориентаций. Аксиолингвистический подход к анализу лексикографического материала позволяет сделать вывод о том, что в ситуации лексической дублетности образуются оценочные пары, где иноязычная лексема имеет нейтральную оценочность, а её русский аналог содержит традиционно негативные коннотации в русском языковом сознании, свойственные лексике коммерческой сферы.

Ключевые слова: русский язык петровской эпохи, лексическое заимствование, ценностная адаптация, экономический дискурс, экономическое сознание.

XVIII век для России был ознаменован значительными изменениями в культурной жизни общества, обусловленными правлением Петра I — одной из ключевых личностей новой истории. Именно в эпоху Петра, по высказыванию известного культуролога А. Кармина, неразрешимые экономические, культурные, проблемы, отсталость в научно-техническом прогрессе поставили Россию перед выбором: пойти по пути восточных государств (Китая, Индии и т. д.), принять их тип культуры, или окунуться в культурно и экономически процветающий в то время мир Запада. «Пётр I сделал выбор и повернул Россию на второй путь» [4, с. 195].

Изменения, произошедшие в культурном, ценностном, этическом, экономическом сознании русского народа, привели к формированию двух полярных концепций, известных под названием противостояния западников и славянофилов. Вкратце эти два направления научной и культурной мысли можно охарактеризовать как возвращение к истокам славянской культуры (славянофильство) и стремление к полной европеизации русского уклада (западничество). Последователи обеих названных концепций, описывая возможные направления экономического, научного, культурного развития России, прежде всего, опирались на систему ценностей «русского человека», особенности его мировоззрения. В этом ключе славянофильство и западничество можно отождествить с философскими течениями так называемой «этики отказа», аскетизма и направлением прагматизма, утилитаризма, стоящего у истоков современной западной системы ценностей. Пётр I, выбрав для России западный путь развития, обусловил внедрение прагматизма как основополагающего принципа общественной и экономической жизни, которому, однако, понадобилось более двух столетий, чтобы укорениться в русском мировоззрении.

В манифесте 1702 года Пётр ставил своей целью, чтобы «*все наши подданные попечением нашим о* ***всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучное состояние***». В 1721 году он говорил, что «*подлежит трудиться о пользе и* ***прибытке общем***».

Впервые в русской лингвокультуре появилась идея общего блага, ставшая элементом ценностей первого лица, которое как тотем, отец, сакральный царь берёт на себя ответственность за всё. Сама идея «общего блага» впервые появилась на Западе (Г. Гроций, С. Пуфендорф) и была включена Петром в систему своих ценностей. Сама возможность обращаться к людям на языке благ означала, что в стране уже приобрела ощутимое влияние некоторая новая, выходящая за рамки синкретизма система ценностей, создан и получил влияние новый пласт культуры. Речь идет об исключительно важном для страны явлении, о развитии утилитаризма [1].

Трансформация аксиосистемы от «славянизма» к прагматизму прошла несколько стадий, определивших развитие других сопутствующих прагматической концепции принципов: утилитаризма, материализма, гедонизма, функционализма. В этом отношении XVIII век демонстрирует активные процессы импорта концептов, о чём свидетельствует значительное пополнение словарного состава лексикой философской, политической и экономической сфер, заимствованной из западноевропейских языков.

Целью данной работы является аксиолингвистический анализ ценностной адаптации заимствований экономической сферы в русском языке XVIII века. В качестве материала анализа нами использованы данные «Словаря церковно-славянскаго и русскаго языков» [СЦСРЯ 1867], позволяющие определить особенности взаимодействия новых экономических заимствований из западноевропейских языков с узуальной лексикой коммерческой сферы исследуемого

 © Яроцкая Г. С., 2014

периода в истории русского языка (с учётом хронологического запаздывания лексикографической фиксации языка).

В XVIII веке номинативное пространство экономического фрагмента языкового сознания пополнилось заимствованными лексемами, репрезентирующими когнитивные признаки бережливости и расчётливости, которые и в допетровский период обладали значительным ценностным потенциалом (позитивная оценочность и актуальность) [8, с. 474]: ср. СГ с корнем *-эконом-* (в дополнение к словообразовательным калькам из церковнославянского — *домоводство, домострой и домостроительство)* показало высокую продуктивность в русском языке: *экономить* — наблюдать бережливость; *экономический* — хозяйственный, домостроительный, сбережённый от расходов. *Экономические деньги; экономия* — домоводство, домостроительство, хозяйство, бережливость. *Экономка* — 1. смотрительница за хозяйством, 2. бережливая расчётливая хозяйка; *экономный* — хозяйственный, бережливый, расчётливый; *экономно* — с наблюдением экономии, хозяйственно, расчётливо; *экономша* — жена экономa; *экономъ* — 1. домостроитель, смотритель за хозяйством. 2. бережливый, расчётливый в домашних издержках; *экономский* — относящийся к экономy или к экономам. *Экономская должность. Экономский помощник* [СЦСРЯ, т. 4, с. 994—995]. *Заэкономничать, заэкономить* — начать экономить [СЦСРЯ, т. 1, с. 158].

Изменения взаимоотношений дворянства с государством, последовавшие в связи с принятием в 1762 г. «Манифеста о даровании вольности и свободы российскому дворянству», освободившего дворян не только от гражданской, но и от военной службы, с сохранением привилегированных прав, потребовали также изменения отношений **собственности.** В Жалованной грамоте дворянству оговаривалось право дворян свободно распоряжаться *благоприобретенным имуществом*, «*дарить, или завещать, или в приданое, или на прожиток отдать, или передать, или продать, кому заблагорассудится»;* наследственным, родовым имением можно было распоряжаться *«как законами предписано»*. Этими законами был Указ 17 марта 1731 г. об отмене единонаследия [6, с. 330]. Заимствованные лексемы *аренда, арендованный, арендатор, арендовать, арендование, поссесия, поссесионный* и др. иллюстрируют становление понятия права собственности в экономическом сознании носителей русской лингвокультуры [СЦСРЯ, т. 1, с. 23]. Таким образом, языковые факты фиксируют эволюцию экономических понятий в русской культуре.

В русское языковое сознание импортируется идея рационализма, воспринятая как антипод мистического, эмоционального: *рациональный* — основанный на разуме и опыте [СЦСРЯ, т. 4, с. 121], *рационалист* — основывающий всё на суждениях разума и не приемлющий ничего сверхъестественного [там же], *рационалистический* [там же]. Появление таких лексем, как *рациональный, прагматический* («основанный на достоверных свидетельствах, очищенный от лжи и заблуждений строгим разысканием» [СЦСРЯ, т. 3, с. 894]), *практика* — производство самого дела, опыт, *практик, практический* — состоящий в применении умозрения к практике [там же, с. 896], *материя, материализм* — мнения тех, кто не допускает никакой другой сущности, кроме материи [СЦСРЯ, т. 2, с. 610]; *материальный, материальность* [там же] свидетельствует о повышении значимости прагматических, утилитарных ценностей в русском сознании. Заимствование *полис* — свидетельство о страховании имения, выдаваемое из страхового общества, страховка [СЦСРЯ, т. 3, с. 662] и появление новообразований *страхование, страховаться* [СЦСРЯ, т. 4, с. 490] также является иллюстрацией прагматического подхода к интерпретации фактов окружающей действительности.

Однако изменение аксиосистемы русского языкового сознания в XVIII веке связано прежде всего с повышением значимости гедонистических ценностей. Значимым шагом в трансформации ценностей стал переход от пуританской «этики отказа» (*малотребия, бережливости*), свойственной древнерусской культуре, к принципам гедонистической концепции.

Обращая внимание на тот факт, что слово *гедонизм* в русском языке является заимствованным, М. В. Пименова считает, что восприятие жизни как удовольствие представлено занесёнными из других культур традициями, философскими учениями и идеями [5, с. 6]. Этический императив гедонизма заключается в стремлении к наибольшему удовольствию. Удовольствие есть прежде всего результат осуществления желаний, а качество и вид желаний зависит от объекта и качества потребностей, которые, в свою очередь, определяются с опорой на шкалу жизненных ценностей.

Свидетельством уплотнения номинативного пространства удовольствия как ценностного ориентира являются заимствованные неологизмы, производные от *роскошь* — излишество в употреблении дорогих и лучших в своём роде вещей, *роскошник (роскошница)* — живущий роскошно, *роскошество, роскошность* — пристрастие к роскоши, *роскошничать, роскошествовать* — предаваться роскоши, жить роскошно [СЦСРЯ, т. 4, с. 150], *гастроном* — охотник до вкусных и отборных яств [СЦСРЯ, т. 1, с. 534], *гастрономия* — искусство составлять вкусные яства [там же], *модник, модница, модничать, модничанье, модность* [СЦСРЯ, т. 2, с. 662], *франт, франтиха, франтить, франтовство*. Неологизмы *эгоизм* — попечение о своих только выгодах,

эгоистический, эгоист — любящий только себя самого, пекущийся о своих только выгодах; себялюбец [СЦСРЯ, т. 4, с. 993], как и все вышеназванные лексемы, фиксируют новые ценности прагматически ориентированного общества.

Как известно, заимствование идей сопровождается адаптацией нового знания к уже существующему. Так, импорт инокультурных концептов вступает во взаимодействие с русским языковым сознанием: лексема *деньги (купило* — простонар. деньги, *истинникъ* — стар. капитал, деньги [СЦСРЯ, т. 2, с. 294]) получает новый синоним *капитал* — значительное количество денег [там же, с. 334], лексема *богач — миллионщикъ* (владеющий миллионами, богач) [там же, с. 294], *капиталист* (имеющий деньги). *Он человек капитальный* — владеющий капиталом [там же]), *торговля — коммерция* [там же, с. 405]), *заём — кредит*, *заимодавец — кредитор* [там же, с. 455]) и т. д. И если на лексическом уровне данные пары можно считать синонимами, то в лингвокультурологическом аспекте они оказываются противопоставленными по ряду признаков. *Капитал* в языке-доноре имеет значение ‘стоимость, которая в результате использования наёмной силы приносит прибавочную стоимость (самовозрастает)’, что соответствует научной картине мира, а в обыденной — *капитал* приравнивается к *деньгам* («все вообще ходячие монеты» [СЦСРЯ, т. 1, с. 662]). Аналогичное явление происходит и с адаптацией понятий *торговля — коммерция*; *заём — кредит; взяточничество, мздоимство — коррупция; книгодержатель — бухгалтер; казначей — кассир* и др.

Естественно, что возникновение новой семантической единицы в заимствовавшем языке не есть результат механического переноса готового смысла: можно говорить об особом этапе становления значения заимствованного слова в новой языковой и лингвокультурной среде. «Размытость» границ значения, неопределённость набора простейших смыслов, из которых складывается значение, их взаимных отношений, — типичная семантическая черта заимствований периода вхождения [2, с. 242]. Например, лексема *интерес* вошла в русский язык в широком значении «польза, выгода»; в сфере финансовой, коммерческой это общее значение конкретизировалось как денежная выгода, прибыль, доход. *Интерес* стал восприниматься как *казённый доход*. Ср. фразеологию русских прибыльщиков петровской эпохи: *быть у интереса, собирать интерес, сборные интересы, пропажа, похищение интереса* и др. С новым, смещённым смыслом связаны значения слов: *интересный* (относящийся к казённым доходам), *интересоваться* (извлекать выгоду из казённых доходов, иметь долю в казённых доходах, прибылях).

Заимствование с установкой на сопоставление с европейским словарём и известное подравнивание под влиятельные нормы европейского употребления предполагало в ряде случаев наличие равнозначного русского материала, семантически эквивалентного приходящим иноязычным словам. Это было причиной возникновения дублетных пар и серий иного рода — из русских и иноязычных слов. Дублетность такого порядка была очень высокой в языке XVIII в.: *квалитет — качество; квантитет — количество; интерес — рост, лихва; сумма — купа; коллега — соседатель; медиация, медиатор — посредство, посредник; фабрика — работа, дело; аппликация — рачение; аристократия — вельможество; демократия — народовластие; торговля — коммерция, негоциация* и др. Источником дублетности была реакция принимающей стороны, хотя мотивы, вызывающие эту реакцию, могли быть диаметрально противоположными: стремление адаптировать новый иноязычный материал и стремление избавиться от иноязычных включений в русский словарь. Однако средством достижения того и другого было семантическое сближение иноязычного слова с русским (при отсутствии эквивалентности этих единиц) на основе какой-либо степени их семантического подобия либо создание с этой целью нового слова. Конечные результаты подобных процессов семантического сближения не всегда оказывались соответствующими исходной мотивации: русское слово, привлекаемое как семантический ориентир для иноязычного слова с целью облегчить его вхождение в новую лексическую систему, зачастую вытесняло иноязычное слово из языка, целиком перенимая на себя его функции *(дума — сенат, качество — квалитет, количество — квантитет)*, а русский эквивалент, привлекаемый с целью замены иноязычного слова, оказывался оттеснённым им за границы русского словоупотребления (*кредитор — заимодавец, коллега — соседатель, сумма — купа, интерес — лихва)*. Таким образом, аксиолингвистический подход к анализу взаимодействия новых иноязычных слов с исконными и изменений в русской экономической лексике требует рассмотрения когнитивных основ семантической дифференциации как попытки преодолеть отношения дублетности в языковой системе.

Отношения в системе — редко отношения двух изолированных единиц; обычно это отношения в цепочке. Каждое русское слово по отношению к иноязычному аналогу есть представитель своего синонимического ряда, который так или иначе втягивается в сферу их взаимных отношений (ср. *штраф — казнь — наказание — пеня*). В сфере терминологии регуляторы отношений между словами иные, соответственно, процесс дифференциации дублетных знаков исключает развитие в плане видоизменения дублетных отношений в синонимические, а также в плане стилистической дифференциации, сдвигов по экспрессивной шкале. Тем не менее, иноязычные термины выполнили главную задачу — сняли негативную аксиологическую оценку со многих

лексем, обслуживающих экономические отношения: *лихва — процент, лихоимец, растоимец — кредитор, купец — коммерсант, торговля — коммерция* и др.

Таким образом, петровский период в истории русского языка продемонстрировал на системно-языковом уровне появление оппозиционных пар ценностных ориентаций (аскетизм/гедонизм, рациональное/иррациональное, прогресс/традиция и др.), впоследствии ставших ключевыми факторами при сопоставлении западных и восточных культур.

Литература

1. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта : в 3 т. / А. С. Ахиезер. — М. : Философское общество СССР, 1991.
2. *Биржакова Е. Э.* Очерки по исторической лексикологии XVIII в. Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина ; АН СССР ; Ин-т русского языка. — Л. : Наука, ленингр. отд., 1972. — 431 с.
3. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. / В. В. Виноградов. — 4-е изд. — М. : Русский язык, 2002. — 528 с.
4. *Кармин А. С.* Основы культурологии: морфология культуры / А. С. Кармин. — СПб. : Лань, 1997. — 512 с.
5. *Колесов В. В.* Гедонизм как явление русской лингвокультуры (на примере концепта удовольствие) : коллект. монография / В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. — К. : ИД Дм. Бураго, 2012. — 208 с.
6. *Новиков А. В.* Об особенностях развития отношений собственности в России / А. В. Новиков // Проблемы современной экономики. — М., 2007. — № 1 (21). — С. 329—333.
7. *СЦСРЯ* — Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіем Императорской академіи наукъ : в 4 т. — 2-е изд. — СПб., 1867.
8. *Яроцкая Г. С.* Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре : монография / Г. С. Яроцкая. — Одесса : ОНУ им. И. И. Мечникова, 2013. — 552 с.

References

1. *Ahiezer A. S.* Rossija: kritika istoricheskogo opyta : v 3 t. / A. S. Ahiezer. — M. : Filosofskoe obshhestvo SSSR, 1991.
2. *Birzhakova Je. E.* Ocherki po istoricheskoj leksikologii XVIII v. Jazykovye kontakty i zaimstvovanija / Je. E. Birzhakova, L. A. Vojnova, L. L. Kutina ; AN SSSR ; In-t russkogo jazyka. — L. : Nauka, leningr. otd., 1972. — 431 s.
3. *Vinogradov V. V.* Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII—XIX vv. / V. V. Vinogradov. — 4-e izd. — M. : Russkij jazyk, 2002. — 528 s.
4. *Karmin A. S.* Osnovy kul'turologii: morfologija kul'tury / A. S. Karmin. — SPb. : Lan', 1997. — 512 s.
5. *Kolesov V. V.* Gedonizm kak javlenie russkoj lingvokul'tury (na primere koncepta udovol'stvie) : kollekt. monografija / V. V. Kolesov, M. V. Pimenova, V. I. Terkulov. — K. : ID Dm. Burago, 2012. — 208 s.
6. *Novikov A. V.* Ob osobennostjah razvitija otnoshenij sobstvennosti v Rossii / A. V. Novikov // Problemy sovremennoj ekonomiki. — M., 2007. — № 1 (21). — S. 329—333.
7. *SCSRJa* — Slovar' cerkovno-slavjanskago i russkago jazyka, sostavlennyj vtorym otdeleniem Imperatorskoj akademii nauk : v 4 t. — 2-e izd. — SPb., 1867.
8. *Yarockaya G. S.* Aksiogenez ekonomicheskogo soznanija v russkoj lingvokul'ture : monografija / G. S. Yarockaya. — Odessa : ONU im. I. I. Mechnikova, 2013. — 552 s.

ЯРОЦЬКА Галина Сергіївна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладної лінгвістики ОНУ імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; тел.: +38(0482)680562; моб.: +38 050 3916600

ЄВРОПЕЙСЬКІ ЕКОНОМІЧНІ ЗАПОЗИЧЕННЯ В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ XVIII ст.

Анотація. У статті розглядаються процеси ціннісної адаптації західноєвропейських запозичень, що увійшли до російської мови за петровську добу. Імпорт західноєвропейських концептів супроводжувався впровадженням у російську мовну свідомість прагматичних та утилітарних ціннісних орієнтацій. Аксіолінгвістичний підхід до аналізу лексикографічного матеріалу дозволяє зробити висновок про те, що у ситуації лексичної дублетності утворюються оцінні пари, де іншомовна лексема має нейтральну оцінність, а її російський аналог містить негативні конотації, притаманні багатьом словам комерційної сфери в російській мовній свідомості.

Ключові слова: петровська доба, запозичення, ціннісна адаптація, економічна свідомість.

Galina S. YAROTSKAYA,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Applied Linguistic Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; tel.: +38(0482)680562; mob.: +38 050 3916600

BORROWINGS OF EUROPEAN ECONOMIC LEXEMS INTO THE RUSSIAN LANGUAGE DURING THE XVIII CENTURY

Summary. The article examines the process of value adaptation of Western European economic concepts that were borrowed by the Russian language during the rule of Peter-the-Great. Borrowings of Western economic concepts into the Russian linguistic perception were accompanied by the development of new pragmatic and utilitarian values into Russian society. The axio-linguistic approach which applied to the analysis of lexicographical material tends to the conclusion that, in the situation where the parallel lexical units exist, the Russian language developed evaluative couples — in which the borrowed lexical unit and its Russian counterpart have a neutral and negative connotations, respectively.

Key words: Peter-the-Great rule, lexical borrowings, value adaptation, economic discourse, economic perception.

Статтю отримано 15.06.2014 р.

ПИТАННЯ ГРАМАТИКИ

УДК [811.111+811.161.1]'362'366.533:[119+111.82]:303.024

СИМОНОВА Карина Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и словесности Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: carsim@rambler.ru; тел.: +7 (8863) 2998785; моб.: +7 8 906 1838450

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
(сопоставительный аспект)

Аннотация. В данной статье на материале английского и русского языков выявляются особенности морфологических средств выражения грамматической категории числа, которые образуют периферийную зону в функционально-семантическом поле количественности (ФСПК). Характерной чертой русского языка является наличие согласования в числе у прилагательных, причастий, местоимений, глаголов, порядковых числительных. В английском языке данные лексико-грамматические разряды слов примыкают к определяемым словам; согласование носит семантический характер. В отличие от многообразных словообразовательных средств выражения значения глагольной множественности в русском языке, английский язык характеризуется ограниченностью их выбора, обусловленной аналитизмом этого языка.

Форма грамматического числа английского глагола указывает только на количество действующих лиц. Форма грамматического числа русского глагола указывает на количество действующих лиц и может выражать идею единичности или множественности самих действий.

Ключевые слова: категория числа, функционально-семантическое поле количественности, единичность, множественность.

Категория числа выражает количественную характеристику наиболее абстрактно, так как она не сообщает ни о численности предметов, ни об их связях друг с другом. Количественность представлена в языке многообразием разноуровневых (фонемных, морфемных, лексических, словообразовательных и синтаксических) средств, что позволяет рассматривать систему способов передачи количественных отношений в современных английском и русском языках в рамках соответствующего ФСПК.

Грамматическая категория числа не только пронизывает английский и русский языки, но является также организующей структурой речи. Это достигается путём специфичности сочетания константного значения каждой части речи с категорией числа [6, с. 78—79]. На протяжении истории развития английского языка категория рода и категория падежа, в отличие от русского языка, оказались в большей или меньшей степени утраченными, категория же числа осталась неизменной.

В русском и английском языках категория числа представлена семами единичности и множественности, находящими своё выражение в формах единственного и множественного числа. С наибольшей последовательностью обозначение единичности и множественности представлено у существительных — названий конкретных предметов, как одушевлённых, так и неодушевлённых, составляющих основную массу существительных. Грамматическая форма множественного числа существительного, реализуя значение неопределённой множественности, наиболее нейтральна по отношению к идее оценки множества как большого / малого, определённого / неопределённого, приблизительного или собирательного. В разряде существительных грамматическая категория числа носит имманентный характер, отражая одно из общих свойств объектов количественной определённости бытия. В этом состоит кардинальное отличие категории числа существительных от данной категории других лексико-грамматических разрядов, где она носит не имманентный, а отражённый, рефлективный характер, и её существование обусловлено не онтологией мира (количеством предметов бытия), а онтологией конкретного языка, его грамматическими особенностями: согласованием по числу между подлежащим и сказуемым, определением и определяемым [5, с. 104—105]. Все остальные средства выражения количественных отношений не обладают указанными свойствами и являются **периферийными**.

Характерной чертой русского языка является наличие согласования в числе у прилагательных, местоимений, глаголов, порядковых числительных. Для большинства русских прила-

© Симонова К. Н., 2014

гательных свойственна грамматическая зависимость от существительного, заключающаяся в согласовании по роду, числу и падежу [8, с. 213]. Например: *Люди стекались сюда изо всех деревень, разбросанных среди каналов, со всей округи, напоминавшей голландский ландшафт, хотя вместо тюльпанов здесь были молодые зелёные побеги или золотые стебли зрелого риса, а вместо ветряных мельниц — церкви* (Грэм Грин, 43).

Категорию числа прилагательных в русском языке, представляющую собой набор однопорядковых морфологических форм у слов, которые не воспроизводят отражения каких-либо объективных отношений, нельзя считать асемантической. Она действительно асемантична со стороны объективных отношений, но, участвуя в согласовании, формы имен прилагательных указывают на наличие синтаксических отношений между словами, выражаемых другими средствами, а, следовательно, с их помощью воспроизводится идея наличия отношений между соответствующими объективными фактами. Необходимо также отметить, что в случае сочетания имён прилагательных с неизменяемыми существительными их семантические категории функционируют как полноценные грамматические категории, так как их морфологические формы выражают грамматические значения числа и падежа (*новое пальто, новые пальто*) [11, с. 81—82]. Подобно прилагательным, причастия в русском языке имеют согласуемые формы числа, при этом система склонения причастий совпадает с системой склонения прилагательных, например: *лежачий больной — висячие сады.*

Грамматическая категория числа, свойственная прилагательным и причастиям в русском языке, отсутствует у английских прилагательных и причастий. В английском языке они примыкают к определяемым словам, а согласование носит лишь семантический характер [12, с. 17]. Следовательно, в аналитическом английском языке с разрушенной системой флексий согласование по числу является спорадическим, например: *a good son — good sons, a singing girl — singing girls.*

Множественность в английском и русском языках представлена личными и возвратными местоимениями в форме множественного числа. Следует отметить, что категория числа у данных местоимений несловоизменительная морфологическая категория, выражаемая в системе двух противоположных рядов, организуемых морфологическими формами разных слов: падежными формами местоимений *я, ты* со значением ед. числа и падежными формами мы, вы со значением множ. Числа. *Мы* — это *не я, я + я + я...*, а *я + ты (вы, они)*, то же относится и к местоимению *вы*. Следовательно, эти местоимения не являются формами одного слова, а представляют собой разные слова с разным лексическим значением [1, с. 145—148]. Категория числа у личного местоимения *он* в русском языке, в отличие от местоимений *я, ты, мы, вы* — это словоизменительная морфологическая категория, выражающаяся в системе противопоставленных рядов форм со словоформой они в качестве исходной — во множественном числе [7, с. 533].

В русском языке, как и в большинстве европейских языков, в качестве обращения используются два личных местоимения *ты* и *вы*, а в английском только одно — *you*. Форма ед. числа *thou* вышла из употребления в конце эпохи средневековья, и её исчезновение можно объяснить тенденцией к демократизации межличностных отношений и становлению горизонтального характера культуры. Как справедливо отмечает С. Ульман, этот факт имел огромные последствия для становления этих отношений. Автор подчёркивает, что даже если отсутствие личного местоимения единственного числа может иногда приводить к неловким двусмысленностям, риск возникновения таких ситуаций искупается тем количеством снобизма и высокомерия, запретов и комплексов неполноценности, от которых избавилось англоговорящее сообщество благодаря этому простому приёму [Цит. по: 5].

В русском языке существует возможность выбора — когда *вы* может употребляться при реальной единичности (обычно пишем с большой буквы, что подчёркивает уважительность этой формы обращения) и при реальной множественности. В русскоязычном общении выбор личного местоимения второго лица имеет большое значение: переход на «*ты*» свидетельствует о сокращении дистанции между говорящими, об интимизации общения, о признании равенства их социального или иного статуса. С другой стороны, переход на «*ты*» без согласия партнёра по общению может быть воспринят как акт фамильярности, грубости, оскорбления, что находит своё выражение в таких фразах, как *«Перестаньте мне тыкать!» «Вы мне не тыкайте!»* В определении хамства как социального явления употребление *ты* (обращение на «ты») приводится в качестве «диагностического» признака. Тыканье может даже послужить поводом к драке. Однако *ты* может и осчастливить: *Пустое Вы сердечным ты Она, обмолвясь, заменила...* (А. С. Пушкин). *И как будто по ошибке Я сказала: «Ты...» Озарила тень улыбки Милые черты. От подобных оговорок Всякий вспыхнет взор... Я люблю тебя, как сорок Ласковых сестёр...* (А. Ахматова). Таким образом, различие в употреблении местоимений второго лица в русском языке несёт значительную прагматическую нагрузку и отражает особенности культуры, в данном случае, её вертикальный тип, а также большую степень интимизации общения [5, с. 107].

Такому эмоциональному разнообразию обыгрывания *ты* и *вы* английский язык противопоставляет регулярное безальтернативное употребление *you*, навязывающее своему носителю формально-официальное отношение. И учитель ученику, и ученик учителю, и генерал рядовому, и рядовой генералу — все друг другу говорят *you*. Всё поровну, всё справедливо — это свидетельство выраженной демократичности английского общества. Никого нельзя оскорбить тыканьем — *you*каньем, но никого нельзя и, «обмолвясь», как будто по ошибке, осчастливить. Так представители английской лингвокультуры оказываются более вежливыми, но менее эмоциональными, чем русской. Английский язык не даёт им возможности поиграть, а значит, и почувствовать, потому что нет выбора, есть всего лишь одна форма [10, с. 153].

Глагол в сопоставляемых языках имеет два числа: единственное и множественное; однако, в отличие от английского языка, в котором форма числа указывает не на количество действий, а на количество действующих лиц, в русском языке форма числа выражает как количество субъектов действия, так и идею множества самих действий. Согласование (координация) в числе очень чётко выражено в глаголе. В форме настоящего времени сема множественного числа сочетается с семой лица, вследствие чего каждая из морфем, выражающих настоящее время несовершенного вида или будущее время совершенного вида — *-им, -ете, -ите, -ют, -ут, -ят, -ат* — отчётливо выражает категорию множественности.

Помимо семы количественного признака действия, в русском языке, с точки зрения количественной аспектуальности, глагол имеет признак кратности, который реализуется как совокупность двух значений — однократности и многократности. В русском языке значение многократности является одним из значений глаголов несовершенного вида (*хаживать, обсуждать*), например: *Обычно Клаус* ***оставлял*** *сведения в тайниках* (И. Бондаренко, 409).

В глаголе проявляется богатство русского языка. Глагольная сущность всех славянских языков, а следовательно, и русского, прежде всего связана со специфической категорией вида, которая характеризует действие глагола с точки зрения его определённости или неопределённости. Эта грамматическая семантика делит все глаголы на два ряда противопоставленных друг другу форм: совершенного и несовершенного вида. Данная грамматическая оппозиция существует независимо от категории времени и на основании обобщённой семантики процессуальной определённости и неопределённости охватывает весь глагольный массив. В истории развития русского языка, эта категория возникла относительно недавно, отделившись от временной парадигматики, которая ещё на стадии древнерусского языка была неразрывно связана с аспектуальными значениями глаголов. По мнению З. К. Дербишевой, возникновение такой категории в славянских языках мотивировано необычайным семантическим разнообразием глагольной лексики. Это свойство в значительной степени связано с префиксами, которые способны выразить тончайшие оттенки движения всего сущего. С их помощью можно выразить невероятное разнообразие проявления действия, связанное с пространственной ориентированностью со всеми видами направления движения; временной лимитацией действия с точки зрения его кратковременности, непродолжительности, длительности, бесконечности, фазовой детерминации действия (начало, конец); кратности, повторяемости, периодичности проявления действия, распределённости действия во времени и в пространстве, меры проявления действия (малая степень его проявления) или интенсивного проявления, например: *говорить: заговорить, поговорить, проговорить, уговорить, отговорить, выговорить, наговорить, подговорить, приговорить, переговорить, обговорить, договорить, разговорить*. Это многообразие глагольных образований возрастает с привлечением суффиксальных и постфиксальных средств языка: *разговориться, договориться, проговориться, проговариваться, приговаривать, подговаривать, наговориться* и т. п. Именно вид оказался той систематизирующей категорией, которая внесла упорядоченность в громадный глагольный «хаос», распределив их на основании определённости и неопределённости по видам [4]. В английском языке грамматическая многократность совершения действий, их регулярная повторяемость выражается формами продолженного вида *(She was always talking at her lessons)*, а также при помощи глаголов *used to, would* в сочетании с инфинитивом *(I used to play chess when I was small)*. Ограниченность выбора морфологических форм выражения значения глагольной множественности в английском языке, обусловленная аналитизмом этого языка, компенсируется видовременными формами глаголов.

В русском языке прослеживается связь между числом существительного в функции дополнения и глаголом. Так, с глаголом-сказуемым совершенного вида сочетается существительное в единственном числе со значением «неопределённая множественность объектов»: *Он кусал/откусывал куски*. Но нельзя сказать: *Он кусал кусок*. В английском языке сходные случаи выражаются лексически, например: *to kill* означает «убить один раз одного субъекта» («нерасчленённость»), а *to massacre* — «убивать многих» («расчленённость») [9, с. 273]. Как справедливо отмечает Т. В. Булыгина, числовое значение существительного в русском языке влияет на выбор между присущим несовершенному виду значением «итеративность» + «результативность»

и значением «нерезультативность», «длительность» [2, с. 351]. Автор приводит следующие примеры: (1) *Его друзья бросали курить, когда женились.* (2) *Его друг бросал курить, когда женился.* Так, из (1) примера можно заключить, что «его друзья» перестали курить; во втором примере говорится лишь о неудачных попытках «его друга» отказаться от скверной привычки. Эти примеры иллюстрируют семантическую близость значений собирательной/разделительной множественности, присущих множ. числу существительных, и значений временной локализованности/нелокализованности действия, выражаемых глагольным видом [3, с. 38—41].

Таким образом, анализ периферийных морфологических средств выражения категории числа свидетельствует о том, что для русского языка характерно глубокое проникновение данной категории во все части речи, вследствие чего язык обладает многообразной системой флексий, выражающих семы единичности и множественности. Для аналитического английского языка характерна бедная система флексий единственного и множественного числа.

Литература

1. *Барулин А. Н.* Категория числа в местоимениях / А. Н. Барулин // Исследования в области грамматики и типологии языков / отв. ред. В. М. Андрюшенко. — М., 1980. — С. 145—163.
2. *Булыгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи / Т. В. Булыгина // Аспекты семантических исследований. — М. : Наука, 1980. — С. 320—355.
3. *Булыгина Т. В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 576 с.
4. *Дербишева З. К.* Национальный менталитет и его отражение в языке [Электронный ресурс] / З. К. Дербишева. — Режим доступа: http://Monumenta altaica [сайт]. — [Б. м., 2002].
5. *Козлова Л. А.* Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего : монография / Л. А. Козлова. — 2-е изд. — Барнаул : АГПА, 2012. — 203 с.
6. *Кошевая И. Г.* Сравнительная типология английского и русского языков / И. Г. Кошевая, Ю. А. Дубовский. — Минск : Вышэйшая школа, 1980. — 270 с.
7. *Плотникова В. А.* Имя существительное: Категория числа / В. А. Плотникова // Русская грамматика : в 2 т. Т. 1 / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Наука, 1980. — С. 471—474.
8. *Современный русский литературный язык* / под ред. П. А. Леканта. — 5-е изд. — М. : Высшая школа, 2001. — 462 с.
9. *Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. — М. : Наука, 1981. — 361 с.
10. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2000. — 624 с.
11. *Чеснокова Л. Д.* Категория количества и способы её выражения в современном русском языке / Л. Д. Чеснокова. — Таганрог : Изд-во ТГПИ, 1992. — 178 с.
12. *Швачко С. А.* Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках / С. А. Швачко. — К. : Вища школа, 1981. — 143 с.

References

1. *Barulin A. N.* Kategorija chisla v mestoimenijah / A. N. Barulin // Issledovanija v oblasti grammatiki i tipologii jazykov / otv. red. V. M. Andriushenko. — M., 1980. — S. 145—163.
2. *Bulygina T. V.* Grammaticheskie i semanticheskie kategorii el. sviazi / T. V. Bulygina // Aspekty semanticheskih issledovanij. — M. : Nauka, 1980. — S. 320—355.
3. *Bulygina T. V.* Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki) / T. V. Bulygina, A. D. Shmeliov. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. — 576 s.
4. *Derbisheva Z. K.* Nacional'nyj mentalitet i ego otrazhenie v jazyke [Eltctronny resurs] / Z. K. Derbisheva. — Rezhim dostupa: http://Monumenta altaica [sajt]. — [B.m., 2002].
5. *Kozlova L. A.* Etnokul'turnyj potencial grammaticheskogo stroja jazyka i ego realizacija v grammatike govoriashhego: monografija / L. A. Kozlova. — 2-e izd. — Barnaul : AGPA, 2012. — 203 s.
6. *Koshevaja I. G.* Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov / I. G. Koshevaja, Ju. A. Dubovskij. — Minsk : Vyshejshaja shkola, 1980. — 270 s.
7. *Plotnikova V. A.* Imia sushhestvitel'noe: Kategorija chisla / V. A. Plotnikova // Russkaja grammatika : v 2 t. T. 1 / Pod red. N. Ju. Shvedovoj. — M. : Nauka, 1980. — S. 471—474.
8. *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk* / pod red. P. A. Lekanta. — 5-e izd. — M. : Vysshaja shkola, 2001. — 462 s.
9. *Stepanov Ju. S.* Imena. Predikaty. Predlozhenija / Ju. S. Stepanov. — M. : Nauka, 1981. — 361 s.
10. *Ter-Minasova S. G.* Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija : ucheb. posobie / S. G. Ter-Minasova. — M. : Slovo, 2000. — 624 s.
11. *Chesnokova L. D.* Kategorija kolichestva i sposoby ejo vyrazhenija v sovremennom russkom jazyke / L. D. Chesnokova. — Taganrog : Izd-vo TGPI, 1992. — 178 s.
12. *Shvachko S. A.* Jazykovye sredstva vyrazhenija kolichestva v sovremennom anglijskom, russkom i ukrainskom jazykah / S. A. Shvachko. — K. : Vyshha shkola, 1981. — 143 s.

СИМОНОВА Карина Миколаївна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії та практики англійської мови факультету лінгвістики і словесності Південного федерального університету; Ростов-на-Дону, Росія;
e-mail: carsim@rambler.ru; ел..: +7 (8863) 2998785; моб.: +7 8 906 1838450

ПЕРИФЕРІЙНІ МОРФОЛОГІЧНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ МНОЖИННОСТІ В АНГЛІЙСЬКІЙ І РОСІЙСЬКІЙ МОВАХ (порівняльний аспект)

Анотація. У даній статті на матеріалі англійської та російської мов виявляються особливості морфологічних засобів вираження граматичної категорії числа, які утворюють периферійну зону у функціонально-семантичному полі кількісності (ФСПК). Характерною рисою російської мови є наявність узгодження в числі у прикметників, дієприкметників, займенників, дієслів, порядкових числівників. В англійській мові дані лексико-граматичні розряди слів примикають до означуваних слів; узгодження носить семантичний характер. На відміну від різноманітних словотвірних засобів вираження значення дієслівної множинності в російській мові, англійська мова характеризується обмеженістю їх вибору, спричиненою аналітизмом цієї мови.

Форма граматичного числа англійського дієслова вказує тільки на кількість дійових осіб. Форма граматичного числа російського дієслова вказує на кількість дійових осіб і може виражати ідею одиничності або множинності самих дій.

Ключові слова: категорія числа, функціонально-семантичне поле кількісності, одиничність, множинність.

Karina N. SIMONOVA,
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Theory and Practice of the English Language, Southern Federal University; Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: carsim@rambler.ru; tel.: +7 (8863) 2998785; mob.: +7 8 906 1838450

PERIPHERAL MORPHOLOGICAL MEANS EXPRESSING THE CATEGORY OF PLURALITY IN ENGLISH AND RUSSIAN (comparative aspect)

Summary. This article deals with the peculiarities of morphological means expressing the category of plurality in English and Russian, which form the periphery of the functional-semantic field of quantativeness. Unlike Russian words, English adjectives, participles, pronouns, verbs and ordinal numerals are devoid of grammatical agreement in number. Agreement in number in English is of semantic nature. The Russian language is characterized by a variety of word-building means expressing verbal plurality, whereas the English language is limited in them due to its analytical nature.

Grammatical forms of number (singular and plural) indicate in English verbs only the number of actors. In Russian verbs such grammatical forms indicate the number of actors and can express the idea of oneness or multiplicity of actions.

Key words: the category of number, the functional-semantic field of quantativeness, oneness, multiplicity.

Статтю отримано 28.06.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.161.1'371/372:303.622.324.2

СКЛЯРОВА Наталья Геннадиевна,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: panochka@bk.ru; тел.: +7 (8863) 2348972; моб.: +7 909 4154221

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМИ СЕМАНТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье в ракурсе общей концепции взаимодействия языка, мышления и действительности с использованием контекстологического метода исследования союзов альтернативной семантики рассматривается актуализация в русском языке взаимодействия альтернативности с другими семантическими категориями. Единицы плана выражения последних могут выступать в качестве сочинённых союзом компонентов, а также других членов предложения. В результате подобного взаимодействия возникают категориальные ситуации различных видов альтернативности, а именно: темпоральной, аспектуальной, залоговой, модальной, квантитативной, компаративной, стативной, посессивной, персональной, референциальной, локативной, каузальной, целенаправленной, условной и уступительной. Категориальные ситуации альтернативного чередования, дистрибуции, уточнения, аппроксимации, мотивации, образуемые при совместном функционировании средств передачи определенных семантических категорий, представляют собой субкатегориальные варианты семантической категории альтернативности, инвариантное значение которой, таким образом, подвергается различным смысловым модификациям. Выделенные сопряженные категориальные ситуации отражают многообразие и многоаспектность находящихся в альтернативных отношениях ситуаций реальной действительности.

Ключевые слова: взаимодействие, семантическая категория, категориальная ситуация, альтернативность.

Взаимодействие как всеобщая форма существования фрагментов объективной действительности, а также мыслей о них в человеческом сознании [10, с. 87] влечёт за собой и необходимость познания вещей и свойств окружающего мира не изолированно, а во взаимодействии, что, в свою очередь, способствует выработке соответствующих принципов исследования. Причём, именно изучение одного явления через взаимодействие с другими позволяет получить его всестороннюю и исчерпывающую характеристику. Иными словами, взаимодействие может, по праву, считаться онтологической, гносеологической и методологической категорией. В частности, в лингвистике языковые факты рассматриваются в ракурсе собственно лингвистического взаимодействия синхронии и диахронии, системы и среды, парадигматики и синтагматики, выражения и содержания, имплицитности и эксплицитности, формы и функции, инвариантности и вариативности, универсальности и специфичности, а также с учётом экстралингвистического взаимодействия языка, мышления и действительности.

Изучение взаимодействия семантических категорий путём установления случаев совместного функционирования в высказывании средств плана их выражения представляется актуальным и весьма интересным направлением лингвистических исследований, помогающим глубже постичь специфику каждой семантической категории, а также объективные связи между фундаментальными свойствами реального мира, составляющими их содержательную основу.

Цель настоящей статьи — установить диапазон взаимодействия альтернативности с другими семантическими категориями в сопряжённых категориальных ситуациях, отображаемых средствами русского языка. В соответствии с поставленной целью в круг задач исследования входят: характеристика понятийных и семантических категорий и обоснование возможности их отождествления, установление категориального статуса альтернативности; выявление плана её содержания и плана выражения; изучение контекстуального окружения союзов альтернативной семантики; систематизация отображаемых ими во взаимодействии с элементами окружающего контекста категориальных ситуаций.

Семантические категории являют собой результат интерпретации и структурирования средствами конкретного языка, а также социальной объективации в данном языковом коллективе соответствующих понятийных категорий, под которыми понимаются «смысловые компоненты общего характера, выражаемые в естественном языке разнообразными способами» [6, с. 385]. Однако такое разграничение понятийных и семантических категорий представляется нам не совсем оправданным и значительно усложняющим понимание сущности обеих. По-нашему мнению, их следует отождествить на том основании, что понятийные категории именуются также «универсальные *семантические* признаки» [16, с. 221], а также учитывая инвариантно-вариантный логический принцип, обусловливающий их иерархическую структуру. Исходя из него, каждая

 © Склярова Н. Г., 2014

семантическая категория имеет обобщённое категориальное значение, выступающее в качестве инварианта, при модификации которого дополнительными смыслами выделяются её различные субкатегориальные варианты. Они характеризуются факультативностью существования в том или ином языке, что обусловлено особенностями интерпретации его единицами соответствующей семантической категории.

В современном языкознании семантические категории трактуются как основные концепты, лежащие в основе грамматических (морфологических и синтаксических категорий) [12, с. 57], иными словами, они представляют собой концептуальное объединение объектов [2, с. 41], где под концептуализацией понимается процесс познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концепта — единицы ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает опыт и знание человека [11, с. 90].

Для обоснования принадлежности альтернативности к семантическим категориям необходимо обратиться к повседневной жизни, во всех сферах которой регулярно возникают ситуации противопоставления фактов и явлений на основе их абсолютной несовместимости или взаимоисключения при определённых условиях. Это вызвано целым рядом объективных и/или субъективных причин, а именно: пространственно-временными ограничениями, общественными законами и порядками, логической несовместимостью, скудностью созидательных и потребительских возможностей, представлениями о системе ценностей и др. Подобные ситуации воспринимаются и отражаются человеческим сознанием как находящиеся в альтернативных отношениях. Они реализуются в разноуровневых средствах языка, к которым относятся союзы соответствующей семантики, лексемы, имеющие сему выбора в структуре своего значения, члены синтаксической парадигмы вопросительных предложений, слова различных частей речи, обладающие средней степенью предположительности, предложения с условными союзами. Перечисленные языковые единицы в зависимости от своих функциональных возможностей способны передавать альтернативные отношения эксплицитно, имплицитно, самостоятельно или в составе того или иного высказывания [15]. Ведущая роль среди них принадлежит союзным средствам альтернативной семантики, ибо частеречное значение союзов состоит в «обозначении содержательных отношений между связываемыми единицами» [7, с. 484].

Таким образом, поскольку альтернативные отношения, с одной стороны, являются действующей нормой сознания, весьма характерной для человеческого бытия, а с другой, получают определённое преломление в языковой системе, альтернативность отвечает обоим требованиям, предъявляемым лингвистами к семантической категории [3, с. 238; 14, с. 72], и может по праву считаться таковой. Она входит в состав реляционных семантических категорий, денотатом которых является «называние типа соотнесённости нескольких фактов» [9, с. 139], т. е. передача значения, характеризующего отношение одного факта к другому.

В силу абстрактной природы отношений, обусловливающей невозможность их существования вне объединяемых ими вещей и свойств, альтернативность находится в тесном взаимодействии с другими семантическими категориями. Это взаимодействие служит воплощением специфики существования явлений реального мира и проявляется в сопряжённых категориальных ситуациях — типовых содержательных структурах, представляющих собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей денотативной ситуации и соотнесённых с различными формальными средствами [4, с. 21]. Языковой реализацией указанного взаимодействия служат сочинённые конструкции, где союзы альтернативной семантики соединяют разноуровневые единицы, репрезентирующие план содержания различных семантических категорий.

Анализ фактологического материала русского языка позволил нам выделить следующие типы категориальных ситуаций (КС):

— КС темпоральной альтернативности: ***Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра****, твоя подруга всё одно должна была умереть* (А. Чехов).

— КС аспектуальной альтернативности:*... всё, что только ни было в Петербурге,* ***или переехало, или переезжало*** *на дачу* (Ф. Достоевский).

— КС залоговой альтернативности: ***Их останавливали*** *по дороге,* ***либо они останавливались*** *сами и толковали о своих неотложных житейских вопросах* (К. Федин).

— КС модальной альтернативности: *Все, за редкими исключениями,* ***были или казались*** *хорошенькими: так восторженно они все улыбались и так разгорались их глазки* (Л. Толстой).

— КС квантитативной альтернативности: *В штабе, где привыкли передвигать целые армии и мерили расстояния стовёрстными переходами, уверяли, будто деревня где-то рядом, вёрстах в* ***двадцати или двадцати пяти*** (Б. Пастернак).

— КС компаративной альтернативности: *У моей рыжеволосой героини стало на душе тоже приятно,* ***как будто бы она играла на первых скрипках или имела дирижёрское сердце*** (А. Чехов).

— КС стативной альтернативности: *«Обсудим, обсудим!» думал он, беспокойно прикрывая глаза, и ребята думали, что он* ***или сердит, или нездоров*** (И. Бунин).

— КС посессивной альтернативности: *Правда, это —* ***Касьяново изобретение****, не моё.* ***Или Варичева*** (Д. Гранин).

— КС персональной альтернативности: ***Или вы, или я*** *обманулись, может быть, он письма не получал?* (Ф. Достоевский).

— КС референциальной альтернативности: *Сказанное выше не относится, конечно, к изучению материала научного и познавательного, необходимого писателю для* ***той или иной*** *книги* (К. Паустовский).

— КС локативной альтернативности: *С той поры стал он прихватывать на стороне, путался с гулящими жалмерками, уходил чуть ли не каждую ночь, замкнув Аксинью* ***в амбаре или горенке*** (М. Шолохов).

— КС каузальной альтернативности: ***То ли из-за охватившего его нервного возбуждения, то ли потому, что в окна лился свет белой ночи****, но заснуть Звягинцеву не удавалось* (А. Чаковский).

— КС целенаправленной альтернативности: *Джумаль сошла с него и потянула за повод вперёд,* ***чтобы встретить человека или найти колодец*** (А. Платонов).

— КС условной альтернативности: ***Если мне надо было какую-нибудь научную книгу или особый пинцет****, я ехал в город, покупал и подписанный Энвэ счет передавал бухгалтеру* (Д. Гранин).

— КС уступительной альтернативности: ***Один я тут останусь или останемся мы оба****, мне безразлично, мы друг другу не помешаем* (А. Рыбаков).

При интеграции в одном альтернативном ряду средств русского языка, выражающих различные семантические категории, возникают усложнённые сопряжённые категориальные ситуации, например:

— КС неопределённо-каузальной альтернативности: *Он всегда занимался тайнами машин, надеясь посредством механизмов преобразовать весь мир* ***для блага и наслаждения человечества или ещё для чего-то*** *— жена его точно не знала* (А. Платонов).

— КС темпорально-квантитативной альтернативности: *Такое житьё продолжалось год или три, но, наконец, он наскучил всем даже и в этой последней роли* (Ф. Достоевский).

— КС персонально-стативной альтернативности: *Чтобы любить её, нужно быть* ***или мной, или сумасшедшим****, что впрочем, одно и то же* (А. Чехов).

Способность к взаимодействию, проявляемая семантическими категориями в усложнённых категориальных ситуациях, обусловлена не только особенностями единиц языка, составляющих план их содержания, но и закономерными связями между самими семантическими категориями, которые, в свою очередь, зависят от онтологической возможности альтернативного противопоставления тех или иных явлений реального мира.

Среди альтернативных категориальных ситуаций следует выделить такие КС, в которых взаимодействие альтернативности с другими семантическими категориями способствует актуализации её субкатегориальных вариантов. При этом средства передачи различных семантических категорий могут выступать в качестве контекстуального окружения, необходимого для модификации альтернативных отношений, передаваемых союзными средствами плана выражения семантической категории альтернативности. Такая особенность обусловлена тем, что роль среды по отношению к некоторой семантической категории как системе выполняют средства других семантических категорий, которые участвуют в формировании и сохранении её субкатегориальных вариантов.

В КС альтернативного чередования актуализируется одноимённый субкатегориальный вариант альтернативности, возникающий при темпоральной модификации её инвариантного значения, причем средства плана выражения семантической категории темпоральности участвуют здесь не в качестве сочинённых компонентов альтернативной конструкции, а в качестве обстоятельственных маркеров. Сущность отношений альтернативного чередования заключается в том, что каждое из противопоставляемых событий или явлений имеет место в действительности, исключая другое только в период своей реализации, так, что они в произвольной последовательности и с различным интервалом замещают друг друга во времени и пространстве. Несовместимость противопоставляемых событий и явлений проявляется в том, что каждое из них «как бы исключается из того временного плана, в котором реализуется другое» [17, с. 67]. При этом чередоваться могут как несколько целых ситуаций, так и элементы (фрагменты) одной повторяющейся ситуации.

Данный субкатегориальный вариант альтернативности в русском языке возникает в результате взаимодействия союзов *или, либо, а то и, то... то, если не... то, если не... так, не... так* с лексическими и синтаксическими показателями, которые служат для темпоральной локализации чередующихся событий на индивидуальной или общепринятой временной оси, а также относительно других событий, например: ***Вечером, если*** *он* ***не разъезжает по стране,*** *и лающий голос его не воспроизводят тысячи репродукторов,* ***так смотрит фильм*** *— голливудские боевики или военную хронику...* (А. Чаковский). ***В дни отдыха*** *Люба и Никита* ***ходили***

гулять по зимним дорогам за город или шли, полуобнявшись по льду *уснувшей реки Потудани далеко вниз по летнему течению* (А. Платонов).

Средства темпоральной семантики несут информацию о периоде осуществления чередующихся событий и/или об интервале чередования, например: ***Каждую минуту*** *он менял направление и* ***хлестал то в спину, то в лицо, то справа, то слева*** (К. Паустовский). *Древняя иранская дорога уже* ***тысячу лет несла*** *на себе* ***либо торжествующее, либо плачущее, либо мертвое человеческое сердце*** (А. Платонов).

В КС альтернативной дистрибуции актуализируется одноимённый субкатегориальный вариант альтернативности, возникающий при участии средств выражения семантической категории квантитативности. Причём последние являются не сочинёнными компонентами конструкции с союзами альтернативной семантики, а другими членами предложения, выступающими в роли так называемого множественного нерасчленённого актанта [8, с. 67], под которым понимается некоторая совокупность предметов или лиц. Множественный нерасчленённый актант является участником ряда событий (процессов), носителем ряда признаков (состояний), каждое из которых приписывается не всему актанту, а только его части. Иными словами, подразумевается альтернативное распределение событий (процессов, состояний, признаков) между составляющими данное множество предметами или лицами. В русском языке отношения альтернативной дистрибуции реализуются в результате взаимодействия союзов *или, либо* со средствами, выражающими неопределённое множество, например: ***Ящики картотеки были выдвинуты или выдернуты совсем****, лежали на полу и на столе* (В. Дудинцев). *Он не мог поверить, что эти крупные* ***учёные, люди*** *безупречной честности, научной добросовестности,* ***могли оказаться вредителями, или проходимцами, или врагами народа*** (Д. Гранин).

В КС альтернативной аппроксимации актуализируется одноимённый субкатегориальный вариант альтернативности, основанный на приблизительной оценке элементов окружающего мира — предметов, их качественных и количественных признаков, действий, состояний, и даже целых событий и ситуаций. В связи с этим выделяются такие основные разновидности аппроксимации, как квантитативная, квалитативная, субстантивная, процессуальная и ситуативная. В основе приблизительной оценки лежат различные факторов, тогда как причиной количественной аппроксимации, являющейся наиболее распространённой, служат неоднозначное, расплывчатое, нечёткое восприятие фрагментов окружающего мира, недостаточная информированность о них, торопливость или небрежность говорящего [5, с. 100].

В русском языке актуализация категориальной ситуации альтернативной аппроксимации количества осуществляется различными способами. Во-первых, оба компонента сочинённой конструкции, соединяемые союзами *или, то ли... то ли, не то... не то, а то и,* ограничивают неопределённую множественность определёнными количественными рамками, то есть являются единицами плана выражения семантической категории квантитативности, например: *Остаётся досказать немногосложную повесть Юрия Андреевича,* ***восемь или девять*** *последних лет его жизни перед смертью, в течение которых он всё больше сдавал и опускался, теряя докторские познания и навыки...* (Б. Пастернак).

Во-вторых, средства выражения семантической категории квантитативности в первом компоненте сочинённой конструкции ограничивают некоторое множество начальной или конечной точкой отсчёта, тогда как второй сочинённый компонент представлен средствами выражения субкатегориального варианта неравенства семантической категории компаративности. Подобные случаи можно охарактеризовать как усложнённые категориальные ситуации квантитативно-компаративной альтернативности, например: *Давно в ночное время* ***сорок или больше*** *всадников ехали мирным шагом в долине Фирюзы по краю речного потока* (А. Платонов).

В КС альтернативного уточнения актуализируется одноимённый субкатегориальный вариант альтернативности, при котором второй сочинённый компонент, вводимый союзами *или, то есть*, вносит поправку в отображаемую денотативную ситуацию, поскольку информация, передаваемая первым компонентом конструкции, либо не вполне точна и адекватна, либо имеет отвлечённый, обобщённый характер и потому также требует иллюстрирующего, конкретизирующего комментирования [13, с. 82]. Взаимоисключение противопоставляемых компонентов проявляется в том, что сообщаемое во втором компоненте исключает из плана *более* адекватного отражения то, что обозначается первым. Одновременно сообщаемое в первом компоненте исключает из плана *менее* адекватного отражения то, что обозначается вторым [17, с. 67].

Характер и область уточнения определяются лексико-грамматическим наполнением сочинённых компонентов, то есть специфическими особенностями уточняемого и уточняющего членов конструкции. При этом в актуализации категориальных ситуаций альтернативного уточнения участвуют различные семантические категории.

Так, темпоральное уточнение заключается в изменении грамматических форм глагола-сказуемого в соответствии с необходимостью внесения поправки во временную отнесённость действия или события, например: ***Имеете ли вы, или имели*** *за это время связь с вашей организацией?* (М. Шолохов). В следующем примере уточняющий и уточняемый компоненты сочинённой

конструкции представляют собой средства выражения субкатегориального варианта местонахождения семантической категории локативности: *Обогнув Ивановскую площадь Кремля, машина свернула в тупик и остановилась* ***у подъезда, или точнее, у крыльца****, прикрытого железной крышей с кружевным металлическим козырьком* (А. Чаковский).

В КС альтернативной мотивации актуализируется одноимённый субкатегориальный вариант альтернативности, возникающий при участии союзов *или, а то, а не то, не то* и средств плана выражения семантической категории модальности. Отношения альтернативной мотивации представляют собой причинно-следственную модификацию альтернативных отношений, при которой ситуации соотносятся как несовместимые, однако в данном случае вторая альтернатива, указывая на предполагаемые последствия неисполнения первой, мотивирует её реализацию [1, с. 14]. Роль модальности в рассматриваемых категориальных ситуациях состоит в таком наполнении обоих сочинённых компонентов, которое обусловливает мотивируемую функцию первого и мотивирующую функцию второго.

В русском языке в мотивируемой части высказывания средства выражения таких субкатегориальных вариантов семантической категории модальности, как императивность, необходимость, ирреальность, выражают прямое или косвенное побуждение совершить некоторое действие. В мотивирующей части при помощи средств плана выражения субкатегориальных вариантов потенциальности, предположения, ирреальности излагаются возможные последствия, которые будут иметь место в случае, если данное действие не осуществится, например: *Покупайте эти пряники, но* ***держите их,*** *пожалуйста,* ***подальше ото рта, не то быть беде*** (А. Чехов). ***Нам нужно расстаться*** *на некоторое время,* ***а то*** *от скуки* ***мы можем*** *серьёзно* ***поссориться*** (А. Чехов). ***Ты бы посидела*** *с гостями,* ***а то подумают****, что ты гордая* (А. Чехов).

Таким образом, взаимодействие альтернативности с другими семантическими категориями в сопряжённых категориальных ситуациях, актуализируемых в конструкциях с союзами альтернативной семантики, с одной стороны, демонстрирует возможности взаимодействия фундаментальных свойств окружающего мира, составляющих содержательную основу соответствующих семантических категорий, а с другой — отражает многообразие и многоаспектность находящихся в альтернативных отношениях ситуаций реальной действительности.

Литература

1. *Белошапкова В. А.* Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке / В. А. Белошапкова // Исследования по современному русскому языку : сб. статей. — М. : Изд-во Московск. ун-та, 1970. — С. 13—23.

2. *Болдырев Н. Н.* Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имён абстрактной семантики / Н. Н. Болдырев // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. статей. — М. : Языки славянской культуры, 2009. — С. 38—50.

3. *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. — Л. : Наука, 1978. — 176 с.

4. *Бондарко А. В.* Категориальные ситуации / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. — 1983. — № 2. — С. 20—32.

5. *Бузаров В. В.* Что такое аппроксимация в лингвистике (на материале английского и немецкого языков) / В. В. Бузаров, Э. Г. Лынова // Иностранные языки в школе. — 1991. — № 2. — С. 100—102.

6. *Булыгина Т. В.* Понятийные категории / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 385—386.

7. *Васильева Н. В.* Союз / Н. В. Васильева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 484—485.

8. *Госсман К. Г.* Функционально-семантическое поле дизъюнкции (на материале полипредикативных конструкций современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук / К. Г. Госсман. — Л., 1985. — 159 с.

9. *Долинина И. Б.* Функциональная грамматика и содержательная классификация грамматических категорий / И. Б. Долинина // Проблемы функциональной грамматики : сб. статей. — М. : Наука, 1985. — С. 132—142.

10. *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. — [2-е изд. испр. и доп.]. — М. : Наука, 1975. — 720 с.

11. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. — М. : Изд-во Московск. ун-та, 1996. — 245 с.

12. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 280 с.

13. *Ляпон М. В.* Смысловая структура сложного предложения: К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. — М. : Наука, 1986. — 200 с.

14. *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. — М. : Наука, 1978. — 388 с.

15. *Склярова Н. Г.* Альтернативность как языковая универсалия / Н. Г. Склярова. — Ростов н/Д : Изд-во Ростовск. ун-та, 2006. — 284 с.

16. *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. — М. : РГГУ, 2001. — 800 с.

17. *Холодов Н. Н.* Сложносочинённые предложения с разделительными союзами / Н. Н. Холодов // Русский язык в школе. — 1975. — № 4. — С. 65—70.

References

1. *Beloshapkova V. A.* Predlozhenija al'ternativnoj motivacii v sovremennom russkom jazyke / V. A. Beloshapkova // Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku : sb. statej. — M. : Izd-vo Moskovsk. un-ta, 1970. — S. 13—23.
2. *Boldyrev N. N.* Processy konceptualizacii i kategorizacii v jazyke i rol' v nih imen abstraktnoj semantiki / N. N. Boldyrev // Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo : sb. statej. — M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2009. — S. 38—50.
3. *Bondarko A. V.* Grammaticheskoe znachenie i smysl / A. V. Bondarko. — L. : Nauka, 1978. — 176 s.
4. *Bondarko A. V.* Kategorial'nye situacii / A. V. Bondarko // Voprosy jazykoznanija. — 1983. — № 2. — S. 20—32.
5. *Buzarov V. V.* Chto takoe approksimacija v lingvistike (na materiale anglijskogo i nemeckogo jazykov) / V. V. Buzarov, Je. G. Lynova // Inostrannye jazyki v shkole. — 1991. — № 2. — S. 100—102.
6. *Bulygina T. V.* Poniatijnye kategorii / T. V. Bulygina, S. A. Krylov // Jazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / [gl. red. V. N. Jarceva]. — M. : Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija, 1998. — S. 385—386.
7. *Vasil'eva N. V.* Sojuz / N. V. Vasil'eva // Jazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / [gl. red. V. N. Jarceva]. — M. : Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija, 1998. — S. 484—485.
8. *Gossman K. G.* Funkcional'no-semanticheskoe pole diz'junkcii (na materiale polipredikativnyh konstrukcij sovremennogo nemeckogo jazyka) : dis. ... kand. filol. nauk / K. G. Gossman. — L., 1985. — 159 s.
9. *Dolinina I. B.* Funkcional'naja grammatika i soderzhatel'naja klassifikacija grammaticheskih kategorij / I. B. Dolinina // Problemy funkcional'noj grammatiki : sb. statej. — M. : Nauka, 1985. — S. 132—142.
10. *Kondakov N. I.* Logicheskij slovar'-spravochnik / N. I. Kondakov. — [2-e izd. ispr. i dop.]. — M. : Nauka, 1975. — 720 s.
11. *Kubriakova E. S.* Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubriakova. — M. : Izd-vo Moskovsk. un-ta, 1996. — 245 s.
12. *Kubriakova E. S.* Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira / E. S. Kubriakova. — M. : Jazyki slavianskoj kul'tury, 2004. — 280 s.
13. *Liapon M. V.* Smyslovaja struktura slozhnogo predlozhenija: K tipologii vnutritekstovyh otnoshenij / M. V. Liapon. — M. : Nauka, 1986. — 200 s.
14. *Meshhaninov I. I.* Chleny predlozhenija i chasti rechi / I. I. Meshhaninov. — M. : Nauka, 1978. — 388 s.
15. *Skliarova N. G.* Al'ternativnost' kak jazykovaja universalija / N. G. Skliarova. — Rostov n/D : Izd-vo Rostovsk. un-ta, 2006. — 284 s.
16. *Testelec Ja. G.* Vvedenie v obshhij sintaksis / Ja. G. Testelec. — M. : RGGU, 2001. — 800 s.
17. *Holodov N. N.* Slozhnosochinionnye predlozhenija s razdelitel'nymi sojuzami / N. N. Holodov // Russkij jazyk v shkole. — 1975. — № 4. — S. 65—70.

СКЛЯРОВА Наталія Геннадіївна,
доктор філологічних наук, професор кафедри теорії і практики англійської мови Південного федерального університету; Ростов-на-Дону, Росія;
e-mail: panochka@bk.ru; tel.: +7 (8863) 2348972

ВЗАЄМОДІЯ АЛЬТЕРНАТИВНОСТІ З ІНШИМИ СЕМАНТИЧНИМИ КАТЕГОРІЯМИ ТА ЇЇ РЕАЛІЗАЦІЯ В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. У статті в ракурсі загальної концепції взаємодії мови, мислення і дійсності з використанням дистрибутивного та контекстологічного методів дослідження сполучень альтернативної семантики вперше розглядається актуалізація в російській мові взаємодії альтернативності з іншими семантичними категоріями. Аналіз фактичного матеріалу свідчить про те, що в російській мові відображені категоріальні ситуації темпоральної, аспектуальної, станової, квантитативної, посесивної, персональної, преференційної, компаративної, стативної, модальної, цілеспрямованої, вокативної, каузальної, умовної, допустової альтернативності. Виокремлені сурядні категоріальні ситуації відображають різноманіття й багатоаспектність ситуацій реальної дійсності, що перебувають в альтернативних відносинах
Ключові слова: взаємодія, семантична категорія, категоріальна ситуація, альтернативність.

Natalya G. SKLYAROVA,
Grand Ph.D. in Philological Sciences, Professor of the Department of the Theory and Practice of the English language, the Southern Federal University; Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: panochka@bk.ru; tel.: +7 (8863) 2348972

INTERACTION OF ALTERNATIVENESS WITH OTHER SEMANTIC CATEGORIES AND ITS REALIZATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary. In the article the interaction of alternativeness with other semantic categories in the Russian language is described in the framework of the language–mind–reality relation through the contextual analysis

of the conjunction, expressing the meaning of alternativeness. The language means conveying the meaning of other categories may occupy the positions of homogeneous elements of the sentence connected by these conjunctions and/or perform other syntactic functions. Due to this interaction various types of alternativeness appear, namely, temporal, aspectual, voice, modal, quantitative, comparative, possessive, personal, referential, spatial, causative, conditional, concessional etc. In the situations of alternation, distribution, reformulation, motivation, approximation the meaning of alternativeness undergoes different modifications. The interaction of alternativeness with other semantic categories is vividly displayed by combinative potential of Russian language units which also reveals the variety of alternative situations existing in reality.

Key words: interaction, semantic category, categorial situation, alternativeness.

Статтю отримано 28.06.2014 р.

УДК 811.111'367.322'371'42:159.942.3:821.111-312.4

СТЕПАНЕНКО Ольга Александровна,
аспирант кафедры грамматики английского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; председатель цикловой комиссии иностранных языков Одесского мореходного училища рыбной промышленности имени Алексея Соляника; Одесса, Украина;
e-mail: solga971@ukr.net; тел. моб.: +38 093 4517053

ВОПРОС КАК ОСОБЫЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ

Аннотация. Представленная статья рассматривает проблему выражения эмоций посредством употребления вопросительных предложений в современном английском языке. Актуальность работы мотивируется общей гносеологической важностью проблемы интеррогатива как возможного способа выражения эмотивности в высказывании. Несмотря на постоянный интерес исследователей к проблеме выражения эмоций в речи коммуникантов, сегодня нет лингвистических работ, посвящённых проблеме использования вопросов с этой целью. Основной задачей данного исследования является определение коммуникативной и когнитивной сущности интеррогативных предложений в плане выражения эмоционального состояния говорящего к информации, заключенной в высказывании. В работе конкретизируются понятия экспрессивности, эмотивности, эмоциональности и выделяются наиболее типичные интеррогативные конструкции, употребляемые для выражения эмоций. Исследование основывается на анализе 6000 вопросительных конструкций, отобранных методом сплошной выборки из персонажного диалога современных англоязычных детективных романов. Результаты исследования свидетельствуют, что существует пять типов структурно различных вопросительных предложений, которые обычно употребляются для выражения эмоций в диалоге. При этом наиболее частотными из них являются отрицательные вопросы. Делается общий вывод, что интеррогативные предложения функционируют в речи не только как специальный механизм запроса информации и познания, но и как способ выражения эмотивного состояния говорящего.

Ключевые слова: литературный диалог, детективный роман, интеррогативные предложения, эмотивность, отрицательные вопросы.

Исследование посвящено изучению проблемы выражения эмоций вопросительными предложениями в современном английском языке. «Сама вопросительная конструкция является общеязыковой, или лингвистической, универсалией. Лингвистические универсалии — это языковые явления (свойства, характеристики), встречающиеся во всех (или почти во всех) языках мира» [3, с. 245—247]. Естественно предположить, что лингвистические универсалии связаны с общепсихическими особенностями человеческого сознания, в том числе, и с выражением эмоций. Изучение лингвистических универсалий приводит к пониманию функционирования человеческого сознания и его отображения в языковых формах. Как известно, современная лингвистика рассматривает вопрос не только, «как запрос информации, но и как носителя информации» [12, с. 37].

В настоящее время в языкознании установилось следующее понимание вопроса как философской и грамматической категории. «Всякий вопрос включает определённую исходную информацию, указывающую на предмет познания, которая называется базисом или предпосылкой вопроса. Кроме того, в вопросе обязательно содержится указание на недостаточность информации и необходимость дальнейшего дополнения и расширения знаний. Чтобы правильно поставить вопрос, необходимо иметь некоторое исходное представление о возможном ответе на него, знать, какую информацию необходимо получить. Иначе говоря, вопрос должен ставиться с определённой целью» [1, с. 86]. Суть проблемы состоит в том, чтобы выяснить, всегда ли вопрос имеет целью только получение информации или может выступать в другой функциональной роли, например, как способ выражения эмотивности.

 © Степаненко О. А., 2014

Однако до сих пор в специальной литературе не проводилось детального исследования корреляции вопросительности и эмотивности. Исследователи обычно ограничиваются рассмотрением вопроса как необходимого инструмента познания. С другой стороны, нельзя не отметить, что в процессе общения люди выражают те или иные эмоции, касающиеся как предмета разговора, так и их взаимоотношений. В лингвистике даже выделяется особая область знаний, называемая *эмотиологией* или лингвистикой эмоций. Тем не менее, занимаясь вопросом вербализации эмоций в процессе коммуникации, эмотиология обходит проблему объективации эмоций в вопросе [4].

Таким образом, актуальность данного исследования вытекает из общей гносеологической важности проблемы вопросительности как возможного средства выражения эмотивности в рамках высказывания. Несмотря на неослабевающий интерес исследователей к изучению вопросительности, с одной стороны, и экспрессивности и эмоциональной оценки — с другой, в известных нам работах не рассматриваются вербальные пути передачи эмоций говорящего при помощи постановки вопросов определённого типа.

Объектом анализа является персонажная речь в диалогах вопросно-ответного типа; предметом — вопросительные предложения, как вербализация эмотивного состояния говорящего. Цель работы — выявление коммуникативно-когнитивной сущности вопросительного предложения в плане выражения эмоционального отношения говорящего к сказанному.

В непосредственные задачи исследования входит конкретизация понятия эмотивности высказывания, разграничение терминов «экспрессивность», «эмотивность», «эмоциональность», выявление наиболее типичных вопросительных конструкций, выражающих эмоции с учётом их продуктивности относительно других видов вопросительных конструкций.

Материалом исследования послужили 6000 вопросительных предложений, отобранных методом сплошной выборки из диалогов современного англоязычного детективного романа. Выбор детективного жанра в качестве материала исследования не случаен. Детектив во многом построен на широком использовании диалога, так как именно в процессе непосредственного опроса участников событий заполняются недостающие звенья логической цепи. Кроме того, в диалоге детектива вопросительные предложения составляют около 38 % от всего корпуса персонажных реплик. Это почти в два раза больше удельного веса вопросительных предложений в других жанрах художественной литературы.

Как известно, человеческая речь обязательно несёт в себе признаки субъективной эмоциональной оценки окружающего мира и самого себя. Являясь одной из форм отображения познания, эмоциональное восприятие объективной действительности, рассматривается представителями различных наук, прежде всего психологами, философами и лингвистами. Исходное понятие «эмоция» во всех исследовательских работах имеет общее уточняющее определение. Это особая своеобразная форма познания и отображения окружающего мира, связанная с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности как субъекта, и, одновременно, объекта познания. Отсюда ясно, что и вопросительное предложение, употреблённое говорящим с целью коммуникации, так или иначе, передаёт его субъективное отношение к предмету разговора и эмоциональное восприятие сказанного.

Е. М. Галкина-Федорук справедливо указывает: «Эмоциональная окрашенность и экспрессивность как устной, так и письменной речи в значительной степени создается различными эмфатическими средствами, грамматическими и лексическими, а иногда и теми и другими вместе» [5, с. 85]. Функциональная роль эмоций в коммуникативной деятельности человека является предметом исследования таких известных учёных, как В. В. Виноградов, О. Есперсен, Н. В. Могутова, Л. А. Пиотровская, У. Л. Чейф, В. И. Шаховский, которые внесли большой вклад в выявление грамматического и коммуникативного статуса эмотивных высказываний. Однако до сих пор задача построения целостной многоуровневой теории отражения эмоций в языке и речи далека от своего разрешения. Причины мы усматриваем в отсутствии единого подхода к пониманию «эмотивности» как понятия в целом. Это создаёт трудности для лингвистов, обращающихся к проблемам языкового выражения эмоций. Б. И. Додонов утверждает, что «универсальную классификацию эмоций создать невозможно, а классификация, которая с успехом служила для решения определённого круга задач, непременно должна быть заменена другой для решения иных коммуникативных проблем» [6, с. 29]. Кроме того, сам перечень основных эмоций не установлен окончательно ни в психологии, ни в физиологии, ни в лингвистике.

Достаточно сложными оказываются и процессы обозначения эмоций. Так, по наблюдениям Б. И. Додонова, «в разговорной практике мы часто пользуемся одним и тем же словом для обозначения различных переживаний, так, что их истинный характер становится ясным только из контекста. В то же время, одна и та же эмоция может обозначаться разными словами» [6, с. 30].

Говоря о выражении эмотивности в языке и речи, нельзя обойти стороной понятие «экспрессивность». Впервые элементы теории экспрессивности в лингвистике появились в конце XIX в. в работах А. А. Потебни и Ж. Вандриеса, которые связывали экспрессивность с аф-

фективностью (эмоциональностью) в связи с выделением в языке и языковых единицах рационального и эмоционального элементов. Проблему осложняет и тот факт, что в науке о языке сегодня не существует однозначной интерпретации терминов «экспрессивность», «эмотивность» и «эмоциональность».

Проанализируем наиболее известные точки зрения. Ряд исследователей (Е. Ю. Мягкова, О. Вольф, Н. Д. Арутюнова) не разграничивают понятий эмотивности и экспрессивности высказывания или рассматривают их как синонимичные. С другой стороны, термин «экспрессивность» (expressio-выразительность) получил самое разное толкование со времен античности в трудах учёных, оставаясь весьма противоречивым, хотя и одним из кардинальных. В то же время, экспрессивность является одной из «наиболее зыбких, неопределённых областей исследования до настоящего времени, занимая промежуточное положение между стилистикой, семантикой и прагматикой речи», — подчёркивает В. Н. Телия [10, с. 5—35].

Отождествление понятий «выразительность» и «экспрессивность» ведёт к подчёркиванию, «выдвижению» передаваемого языковыми средствами смысла [2, с. 11—20]. Иначе говоря, имеет место усиление семантико-прагматической направленности высказывания.

В психологии эмоциональность понимается одними исследователями как свойство личности, а другими — как свойство языкового знака. По мнению ряда современных лингвистов (С. В. Ионовой, Л. А. Пиотровской, О. Е. Филимоновой), вербальные средства выражения эмоций в актуальном употреблении субъектом речи выступают в качестве сигналов его эмоционального состояния / отношения к сказанному. Следовательно, *эмотивность* как лингвистический термин подразумевает не свойство субъекта, а содержание значения слова как языкового знака, фиксирующего факт эмоционального переживания субъектом некоторого события. Подытожим: эмотивный компонент высказывания может выражаться как на уровне семантики, так и на уровне грамматического оформления предложения.

По мнению В. И. Шаховского, «эмотивность представляет собой двуплановую категорию, имеющую план выражения и план содержания» [11, с. 5]. В широком плане экспрессивность, эмотивность и эмоциональность могут рассматриваться как отражения субъективного отношения говорящего к информации, заданной в сообщении. Иными словами, соотношение логического и эмоционального в высказывании является общеязыковедческой проблемой, предполагающей интерпретацию текста в плане субъективного отношения коммуникантов к предмету разговора. При этом эмоциональность собеседника коррелируется и с прагматической направленностью, и с личностными психологическими характеристиками говорящего. Значит, экспрессивность соотносится как с грамматической оформленностью, так и со стилистической окраской высказывания.

Остановимся на вопросе о возможности выражения эмоций посредством вопросительных предложений, не маркированных восклицательным знаком. Если рассматривать классические философские тексты, можно заметить, что нередко заголовки отдельных частей представляют собой вопросительные конструкции. Объяснение этому факту мы усматриваем в том, что вопрос не просто провоцирует внимание, но провоцирует потребность в размышлении. Как только человек слышит вопросительную интонацию, ему интуитивно хочется ответить, а для этого требуется, как правило, раздумье и формирование точки зрения. Можно сделать вывод, что «даже если вопрос по смыслу представляет собой утверждение, всё равно стимулируется размышление на заданную тему» [3, с. 21]. Итак, утвердительная по смыслу и вопросительная по форме конструкция решает дополнительную задачу: заставить человека подумать и почувствовать интерес к тому, о чём говорят.

Очевидно, что стимулирование интереса к чему-либо предполагает определённое эмоциональное воздействие на собеседника. Интерес (как эмоция) — форма проявления познавательной потребности, обеспечивающая направленность личности, осознанию ею цели деятельности; эмоциональное проявление познавательных потребностей личности [7, с. 22]. Интерес рассматривается как одна из фундаментальных естественных эмоций и считается доминирующей у нормального здорового человека. Считается, что именно интерес вместе с познавательными структурами и ориентациями направляет процесс познания и действия человека. Исключения возникают тогда, когда в сознании доминируют негативные эмоции. На сознательном уровне ключевыми детерминантами интереса являются новая информация и изменения окружающей среды. Источником таких изменений и новизны могут быть не только окружающая среда, но и воображение, память, мышление, а инструментом обеспечения такой информации — вопрос, оформленный в виде соответствующего типа предложений [7].

Рассматривая пробуждение интереса собеседника как эмоцию, можно заключить, что все вопросительные предложения, так или иначе, выражают эмотивность. Но если в большинстве случаев вопросительные конструкции обладают прагматической направленностью в плане запроса информации, а эмотивность присутствует в них как сопутствующая характеристика, то существует особый тип вопросительных предложений, изначально не предполагающий ответа. Например: *Who ever heard of it? Isn't it shocking news?* (C. Brown). Такие вопросительные предложения, являясь риторическими, в качестве основной коммуникативной нагрузки выражают эмоции.

Как известно, риторический вопрос (эротема) — фигура речи, представляющая собой вопрос, ответ на который заранее известен, или вопрос, на который даёт ответ сам спросивший [9]. По сути, риторический вопрос — это вопрос, ответ на который не требуется или не ожидается в силу его крайней очевидности. В любом случае такое вопросительное предложение подразумевает вполне определённый, всем известный ответ, так что риторический вопрос, фактически, представляет собой утверждение, высказанное в вопросительной форме. Со своей стороны, мы понимаем риторический вопрос как нетипичную синтаксическую конструкцию, рассчитанную на возбуждение внимания слушателей и читателей, с одной стороны, а также на возможность выражения определённых эмоций — с другой.

Однако в процессе исследования засвидетельствованы и вопросы других типов в качестве эмотивных. Установлено, что примерно 35 % вопросительных предложений (от всего корпуса вопросительных конструкций) являются эмоционально окрашенными. (В дальнейшем частотность употребления различных типов эмотивных вопросов приводится относительно данного количества). Так, в качестве эмотивно окрашенных засвидетельствованы закрытые вопросы отрицательного характера, например: *Didn't you see him in his room?* (A. Christie). *Can't you hear her cry?* (C. Dexter). Присутствующая в вопросах отрицательность передаёт эмоциональность говорящего и является неким стимулятором эмотивной реакции его собеседника.

Кроме того, установлено, что вопросы цепочечного характера, заданные одному и тому же собеседнику, коммуникативно также являются эмотивными. Например: *Why, Mai Yuin? In the name of Heaven? why? Why?* (J. Chase). Такие конструкции являются типичными для художественного диалога произведений детективного жанра и составляют примерно 31 %. Эмотивностью обладают и так называемые «эхо-вопросы», т. е. вопросы-переспросы, полностью или частично повторяющие реплику собеседника. Например: *«Would it matter?»«Matter? Of course it would matter.»* (A. Christie)

Помимо указанных разновидностей вопросительных конструкций, в работе выделены вопросы «блокирующего» характера типа: *How should I know?*; *Why on earth?* (S. Paretsky), которые в определённой речевой ситуации не только блокируют коммуникативный канал, но и являются эмотивным всплеском со стороны собеседника.

Таблица 1

Употребление вопросительных предложений для выражения

	Типы вопросительных предложений	%
1	Отрицательные вопросы	35,4
2	Вопросы-цепочки	30,6
3	Риторические вопросы	21,3
4	«Эхо»-вопросы	8,7
5	Блокирующие вопросы	4
6	Общее кол-во эмотивно-окрашенных вопросительных предложений	100

Относительная частотность различных типов вопросов показана на рис. 1.

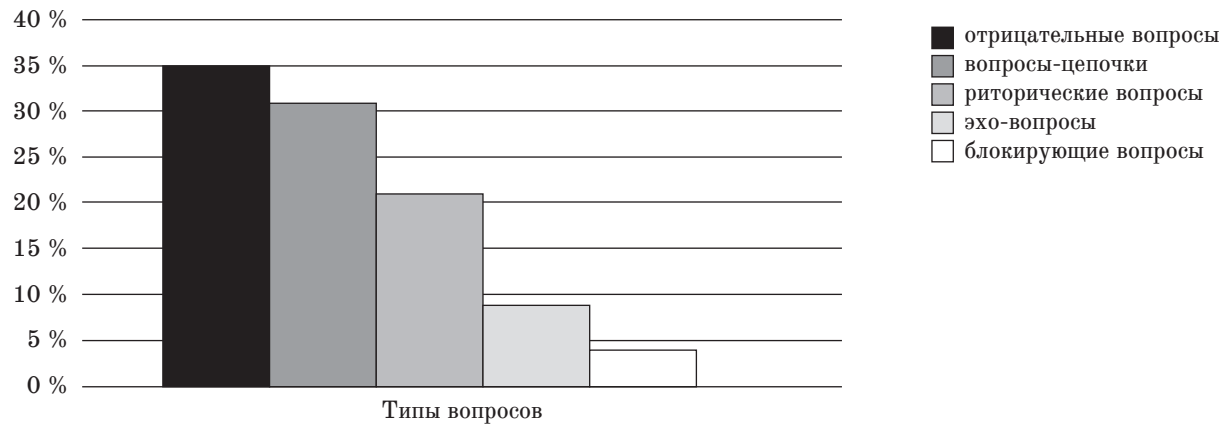


Рис. 1. Относительная частотность различных типов вопросов

Полученные данные свидетельствуют, что вопреки укоренившемуся в лингвистике мнению о риторических вопросах как единственно возможном средстве выражения эмотивности при помощи интеррогатива, эмотивностью обладают и другие типы вопросов. Причём по частотности употребления риторические вопросы уступают отрицательным и цепочечным вопросительным конструкциям 35 % и 31 % от общего количества вопросительных конструкций, соответственно). Относительно низкая частотность употребления «эхо»-вопросов и вопросов блокирующего типа объясняется с позиции теории речевой коммуникации, поскольку оба указанных типа ориентированы не столько на стимулировании речевой реакции собеседника, сколько являются выражением эмоционального состояния самого говорящего.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о возможности вербального выражения эмотивности в диалоге только посредством определённого синтаксического типа вопросительного предложения. Иными словами, интеррогатив функционирует в речи не только как речевой механизм познания и получения информации, но и как способ выражения эмоционального состояния говорящего и соответственного пробуждения эмоций слушающего. Установленная закономерность, с нашей точки зрения, не вступает в противоречие с основной характеристикой вопросительного предложения, а наоборот, вместе с ним составляет диалектическое единство логической связи между психологическим интересом собеседников и процессом познания.

Литература

1. *Аверьянов Л. Я.* Искусство задавать вопросы / Л. Я. Аверьянов. — М. : Наука, 1998. — 375 с.
2. *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. — 6-е изд. — М. : Наука, 2004. — 383 с.
3. *Зарецкая Е. Н.* Риторика: теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. — М. : Дело, 2002. — 480 с.
4. *Введенская Л. А.* Культура и искусство речи. Современная риторика / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. — Ростов н/Д : Феникс, 1998. — 576 с.
5. *Галкина-Федорук Е. М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке : сб. статей по языкознанию / Е. М. Галкина-Федорук. — М. : Изд-во МГУ, 1958. — 199 с.
6. *Додонов Б. И.* Эмоции как ценность / Борис Игнатьевич Додонов. — М. : Политиздат, 1978. — С. 5—40.
7. *Изард К. Э.* Психология эмоций / Кэррол Э. Изард ; [пер. с англ. А. Татлыбаева]. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 1999. — 440 с.
8. *Маклаков А. Г.* Общая психология / А. Г. Маклаков. — СПб. : Питер, 2001. — 592 с.
9. *Розенталь Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов / Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. — М. : Просвещение, 1985. — 399 с.
10. *Телия В. Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. — М. : Наука, 1991. — С. 5—35.
11. *Шаховский В. И.* Лингвистика эмоций / Шаховский В. И. // Филол. науки. — 2007. — № 5. — С. 3—13.
12. *Шульгина В. І.* Блок «питання-відповідь» як одиниця інформаційного синтаксису / Шульгина В. І. // Функциональная лингвистика. Язык. Культура. Общество : тезисы докл. VII Междунар. конф. по функциональной лингвистике. — Ялта : CLC, 2000. — Ч. II. — С. 67—72.

References

1. *Averianov L. Ja.* Iskusstvo zadavat' voprosy / L. Ja. Averianov. — M. : Nauka, 1998. — 375 s.
2. *Zaretskaya E. N.* Ritorika: teorija i praktika rechevoj kommunikatsii / E. N. Zaretskaya. — M. : Delo, 2002. — 480 s.
3. *Vvedenskaya L. A.* Kultura i iskusstvo rechi. Sovremennaya ritorika / L. A. Vvedenskaya, L. G. Pavlova. — Rostov n/D : Feniks, 1998. — 576 s.
4. *Galkina-Fedoruk E. M.* Ob ekspressivnosti i emocionalnosti v jazyke : sb. statej po jazykoznaniju / E. M. Galkina-Fedoruk. — M. : Izd-vo MGU, 1958. — 199 s.
5. *Dodonov B. I.* Emocii kak cennost' / Boris Ign. Dodonov. — M. : Politizdat, 1978. — S. 5—40.
6. *Izard K. E.* Psihologija emocij / Kerrol E. Izard ; [per. s angl. A. Tatlybaeva]. — 2-e izd. — SPb. : Piter, 1999. — 440 s.
7. *Maklakov A. G.* Obschaja psihologija / Maklakov A. G. — SPb. : Piter, 2001. — 592 s.
8. *Rozental D. E.* Slovar'-spravochnik lingvisticheskih terminov / Rozental D. E., Telenkova M. A. — M. : Prosveshchenie, 1985. — 399 s.
9. *Telija V. N.* Ekspressivnost' kak projavlenie sub'ektivnogo faktora v jazyke i ejo pragmaticheskaja orientatsija / V. N. Telija // Chelovecheskij faktor v jazyke: Jazykovyie mehanizmy ekspressivnosti. — M. : Nauka, 1991. — S. 5—35.
10. *Shakhovskij V. I.* Kognitivnyie resursy emocionalnoj jazykovoj lichnosti / Shahovskij V. I. // Jazykovaja lichnost': problemy kognicii i kommunikacii. — Volgograd, 2001. — S. 11—16.
11. *Shulgina V. I.* Blok «pytannia-vidpovid'» jak odynycia informatyvnogo syntaksysu / Shulgina V. I. // Funkcionalnaja lingvistika. Jazyk. Kultura. Obshchestvo : tezisy dokl. VII Mezhdunar. konf. po funkcional'noj lingvistike. — Yalta : CLC, 2001. — Ch. II. — S. 67—72.

СТЕПАНЕНКО Ольга Олександрівна,
аспірант кафедри граматики англійської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, голова циклової комісії з іноземних мов Одеського морехідного училища рибної промисловості імені Олексія Соляника; Одеса, Україна;
e-mail: solga971@ukr.net; моб.: +38 093 4517053

ПИТАННЯ ЯК ОСОБЛИВИЙ ЗАСІБ ВИРАЖЕННЯ ЕМОТИВНОСТІ В ХУДОЖНЬОМУ ДІАЛОЗІ

Анотація. У статті розглянуто проблему вираження емоцій шляхом використання питальних речень у сучасній англійській мові. Актуальність роботи мотивується загальною гносеологічною значущістю проблеми інтеррогативу як можливого засобу вираження емоцій у висловлюванні. Попри неослабний інтерес науковців щодо проблеми вираження емоцій у висловлюванні, досі немає лінгвістичних праць, у яких вирішується проблема використання питальних речень з цією метою. Основними завданнями роботи є визначення комунікативної і когнітивної суті інтеррогативних речень в аспекті вираження емоційного ставлення мовця до інформації, що міститься у висловлюванні. Робота ґрунтується на 6000 інтеррогативних реченнях, що відбиралися за методом суцільної вибірки з персонажного діалогу сучасних англомовних детективних романів. Результати дослідження свідчать про наявність п'яти структурно різних типів інтеррогативних речень, що зазвичай використовуються для вираження емоцій в діалозі. Найбільш частотними з них є негативні питання. Зроблено загальний висновок, що інтеррогативні речення функціонують у мовленні не тільки як механізм запиту й пізнання інформації, але і як засіб вираження емоційного стану мовця.
Ключові слова: літературний діалог, детективний роман, інтеррогативні речення, емотивність, негативні питання.

Olga A. STEPANENKO,
Post-Graduate Student of the Chair of English Grammar of Odessa Mechnikov National University, Head of the Foreign Languages Chair of Odessa A. Solianik Maritime College of Fishing Industry; Odessa, Ukraine;
e-mail: solga971@ukr.net; mob. +38 093 4517053

QUESTION AS A SPECIAL WAY OF EXPRESSION EMOTIVENESS IN THE LITERARY DIALOGUE

Summary. The present article looks at the problem of expressing emotions by means of the interrogative sentences in modern English. The urgency of the given work is motivated by the general gnoseological importance of the problem of interrogation as a possible way of expressing emotivity in the utterance. Despite the steady interest the researchers studying the problem of conveying emotions in the utterance, there are still no linguistic works dedicated to the problem of using questions for this purpose. The main objective of this work is the defining the communicative and cognitive essence of interrogative sentences in the aspect of showing emotional attitude of the speaker to the information given in the utterance. We concretize such notions as «expressiveness», «emotivity» and «emotions» single out the most typical interrogative constructions used to express emotions. The work is based upon the analysis of 6000 interrogative sentences selected consequently from the characters' dialogue of the contemporary English detective novels. The results of the investigation testify that there are five structurally different interrogative sentence types usually used to convey emotions in the dialogue, negative question being the most frequent among them. The general conclusion is made that interrogative sentences function in speech not only as a special mechanism for demanding information and cognition but also as a way of expressing the emotional state of the speaker.
Key-words: literary dialogue, detective novel, interrogative sentences, emotivity, negative questions.

Статтю отримано 28.08.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.16’367.625:[116+159.946.2]

СТЕПАНОВ Евгений Николаевич,
доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина;
e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; тел.: +38 (048) 7762277; +38 096-4966406

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье описаны результаты сопоставительного исследования групп глаголов движения в славянских языках. Проанализированы системы глаголов движения в русском, украинском, польском, чешском, верхнелужицком языках, а также результаты эволюции этой системы в современных болгарском, сербском и хорватском языках. Внимание сосредоточено на составе, семантических и грамматических особенностях бесприставочных глаголов движения несовершенного вида, которые различаются по признаку однонаправленности/неоднонаправленности движения. Определены различия их функционирования в сопоставленных языках. Исследование выявило некоторые архаические черты довидовой славянской системы глаголов движения и следы семантической и грамматической эволюции этой системы. Меньше всего эволюции подверглись системы глаголов движения в восточнославянских и польском языках. Полное отсутствие противопоставления глаголов движения по признаку одно-/неоднонаправленности наблюдается в современных южнославянских языках. Мы отмечаем две внутренних причины эволюции системы славянских глаголов движения: 1) дивергенция лексических значений этих глаголов в коррелятивных парах; 2) развитие продуктивного процесса корреляции пар бесприставочных и приставочных глаголов совершенного и несовершенного вида вместо бесприставочных глаголов однонаправленного и неоднонаправленного движения.

Ключевые слова: глаголы движения, славянские языки, однонаправленное и неоднонаправленное движение, категория вида в славянском глаголе, бесприставочные и приставочные глаголы.

Каждый язык содержит немало глаголов, предназначенных для сообщения о способах перемещения в пространстве. В большинстве современных славянских языков выделяется особая группа глаголов, которые, в отличие от других глаголов со значением перемещения, имеют ряд систематически реализующихся дополнительных грамматических и семантических особенностей. Замечено, что в разных языках есть различия в количестве таких глаголов и их функционально-грамматических признаках. В грамматической системе русского языка эта группа глаголов называется «глаголы движения», в польском — «czasowniki ruchu», в украинском — «дієслова руху», в чешском — «slovesa pohybu» и т. д. Семантико-грамматические особенности и этимология слов, традиционно включаемых в группу глаголов движения (далее — ГД), свидетельствуют об архаичности такой системы глаголов. Постепенное её разрушение под влиянием появления и универсализации категории вида, а также процесса развития разветвлённой системы префиксальных глаголов в славянских языках даёт основание полагать, что противопоставление глаголов по признаку однонаправленности/неоднонаправленности движения является более древним, чем противопоставление любого глагола по выражению отношения действия к его внутреннему пределу.

Цель данной статьи — описать результаты сопоставительного исследования групп глаголов движения (далее — ГД) в ряде славянских языков, в том числе восточно-, западно- и южнославянских. В процессе работы мы сосредоточим внимание на составе, семантических и грамматических особенностях таких глаголов, определим различия в процессах их функционирования в диахронии и попытаемся установить некоторые причины этих различий.

По определению Н. С. Авиловой, ГД в русском языке являются структурно-семантическим архаическим типом русского глагола [1, с. 107]. В эту группу лексем традиционно включают 14 коррелятивных пар бесприставочных глаголов несовершенного вида, отличающихся от других глаголов характером глагольного действия и противопоставленных по значению однонаправленного и неоднонаправленного движения: 1) *идти — ходить*; 2) *бежать — бегать*; 3) *плыть — плавать*; 4) *лететь — летать*; 5) *ползти — ползать*; 6) *брести — бродить*; 7) *везти — возить*; 8) *вести — водить*; 9) *ехать — ездить*; 10) *тянуть — тягать*; 11) *тащить — таскать*; 12) *катить — катать*; 13) *лезть — лазить*; 14) *гнать — гонять*. В «Русской грамматике» (1980) таких пар выделяют 17. Кроме 14 пар невозвратных к этой группе относят также 3 пары возвратных глаголов, производных от соответствующих им невозвратных: 15) *гнаться — гоняться*, 16) *катиться — кататься*, 17) *тащиться — таскаться* [13, т. 1, с. 591]. Мы выделяем также 2 пары, первые корреляты которых — просторечные глаголы: 18) *пхать — пихать*; 19) *пхаться — пихаться*. Каждый член глагольной пары обозначает один и тот же способ перемещения. Разница между глаголами одной пары типа *идти — ходить* заключается в характере действия — направленности, которая понимается

 © Степанов Е. Н., 2014

как «характер пространственного отношения между предметом, относительно которого происходит перемещение, и субъектом действия» [11, с. 28].

Глаголы неоднонаправленного движения называют также моторно-кратными, глаголами ненаправленного или повторяющегося движения [14].

Грамматической особенностью группы глаголов движения является функционирование в них категории вида: во-первых, все бесприставочные глаголы, как однонаправленного движения, так и ненаправленного, в том числе со значением многократного действия, не бывают глаголами совершенного вида; во-вторых, у приставочных глаголов особый статус имеет реликтовая группа моторно-кратных глаголов. Моторно-кратные глаголы образуются при помощи тех же механизмов, что и вторичные имперфективы от приставочных ГД совершенного вида (ср. *зайти — заходить, вылететь — вылетать*), но сохраняют несовершенный вид глаголов направленного движения (*идти*, *лететь*) [14].

Семантически глаголы движения дифференцируются по трём параметрам: 1) по способу движения (самостоятельное или с участием вспомогательных средств); 2) по сфере движения (по земле, по воде, по воздуху); 3) по темпу движения (нормальное, медленное, быстрое) [11].

В славянской лингвистической традиции есть узкий и широкий подходы к изучению глаголов движения. В узком смысле глаголами движения называют только бесприставочные глаголы несовершенного вида, противопоставленные по признаку одно-/неоднонаправленного движения. В широком смысле к группе ГД относят также, во-первых, все глаголы, называющие процессы самостоятельного или несамостоятельного перемещения людей, животных, предметов из одной точки в другую [18], например: рус. *гулять, блуждать, семенить*, *прыгать*, *скакать* и др.; укр. *дибати*, *дріботіти*, *крокувати*, *кульгати*, *марширувати*, *плентатися*, *простувати*, *прямувати*, *ступати*, *сунути*, *чалапати*, *шкутильгикати* и др. [9] ; польск. *spacerować*, *wędrować*, *skakać*, *skoczyć* и др.; во-вторых, — приставочные и бесприставочные глаголы перемещения, коррелятивные по виду [2; 6; 7], напр.: рус. ***идти*** — *ВОйти*, *ВЫйти*, *СОйти*, *ЗАйти*, *ПОйти*, *ПОДОйти*, *ОТОйти*, *ДОйти*, *ПЕРЕйти*, *ВЗОйти*, *ОБОйти* и др.; ***ходить*** — *Входить*, *ВЫходить*, *Сходить*, *ЗАходить*, *ПОходить*, *ПОДходить*, *ОТходить*, *ДОходить*, *ПЕРЕходить*, *ВОСходить*, *ОБходить*, *ИСходить* и др.; чеш.: ***jít*** — *VEjít*, *VYjít*, *SEjít*, *ZAjít*, *ODEjít*, *DOjít*, *PŘEjít*, *VZEjít*, *OBEjít* и др.; ***chodit*** — *Vcházet*, *VYcházet*, *Scházet*, *ZAcházet*, *ODcházet*, *DOcházet*, *PŘEcházet*, *OBcházet*, *POcházet* и др.

Основное внимание в нашей статье уделяется функционированию бесприставочных ГД, коррелятивных по признаку «однонаправленность / неоднонаправленность». Этот признак основан на семантической и морфологической взаимной соотнесённости обоих членов противопоставления (рус./укр./польск./чеш. *бежать/бігти/biec*, *biegnąć/běžet — бегать/бігати/biegać/běhat*; *нести/нести/nieść/nést — носить/носити/nosić/nosit, nosívat* и под.).

Принято считать, что русские однонаправленные глаголы — это глаголы определённого движения в одном направлении; они являются маркированными глаголами корреляции. Неоднонаправленные глаголы — это глаголы неопределённого движения; они не указывают на какое-либо одно конкретное направление движения и описывают «всё, кроме эксплицитной однонаправленности». Эти глаголы считаются немаркированными [16, с. 459]. Контекст обусловливает то, что глаголы неоднонаправленного движения типа *ходить, водить* могут обозначать разное движение: 1) направленное туда и обратно, иначе — моторно-кратное (*Дочь* ***ходит*** *в университет через мост*); 2) ненаправленное движение (*Сосед* ***ходит*** *в плавание/****плавает*** *под флагом Греции*); 3) разнонаправленное (*Наши курьеры* ***возят*** *пиццу по всему городу*); 4) повторяющееся движение (*Для укрепления здоровья вам необходимо ежедневно* ***бегать*** *или* ***ходить*** *не менее пяти километров*); 5) движение по замкнутому маршруту, по кругу, по периметру (*Стрелки часов* ***ходят*** *по циферблату. На тренировке мы* ***бегаем*** *вокруг стадиона*). В отличие от неоднонаправленных глаголов, русские однонаправленные ГД обозначают движение только в одну сторону. Напр.: *К отцу на работу* ***едет*** *группа геологов с Камчатки. Иван незаметно* ***ползёт*** *в укрытие.*

Вопрос о том, что глаголы неоднонаправленного движения производны от однонаправленных и характеризуются большей формальной сложностью основ и меньшей функциональной активностью [12, с. 14], является спорным, так как глаголы обеих групп стилистически не маркированы, имеют высокий деривационный потенциал, по ряду лингвистических характеристик отличаются от производных ГД [12, с. 5]. ГД занимают одно из центральных положений в глагольной системе и мотивируют множество словообразовательных типов, по модели которых уже образовались и до сих пор образуются другие слова. Например: *прийти, отходить, подползти, догонять, переносить* и др. [2, с. 204].

Глаголы движения принадлежат к праславянской лексике. Они имеют соответствия в других славянских, балтийских и иных индоевропейских языках. Несмотря на свой архаический характер, они активно употребляются в русском языке на протяжении многих веков. Уникальность этих глаголов была отмечена А. А. Шахматовым. Говоря об отличии соотносительных

групп ГД, акад. В. В. Виноградов выявил такую особенность однонаправленных глаголов: они в прямом значении соединяются с отрицанием *НЕ* только в форме настоящего времени (***не везу*** *его сегодня*) и в форме повелительного наклонения для выражения запрета, если запрещение относится к наличному действию (***не беги*** *так быстро*) [4, с. 429]. И хотя в живой речи эта закономерность строго не соблюдается, такое употребление всё-таки предпочтительнее. Так, при необходимости использовать форму прошедшего времени в отрицательном повествовательном или вопросительном высказывании русские предпочитают бесприставочные глаголы неоднонаправленного действия или производные глаголы совершенного вида *(Вчера она* ***не носила*** *отцу обед. / Вчера она* ***не понесла*** *отцу обед. Коля сегодня* ***не водил*** *Свету на музыку? / Он сегодня* ***не повёл*** *Свету на музыку?)*. По нашему мнению, в форме будущего времени ограничений узуса, на которые указал В. В. Виноградов, не наблюдается. Ср.: *Вы* ***не будете*** *завтра* ***ехать*** *на работу? / Вы* ***не поедете*** *завтра на работу? — Я* ***не буду ехать*** */* ***не поеду*** *завтра на работу*. По правилу, контекст не позволяет здесь использовать глагол неоднонаправленного действия. Такой глагол возможен лишь в соответствующем контексте. Напр.: *Ты пока* ***не будешь ездить*** *на тренировки? — Да, я* ***некоторое время не буду ездить*** *на тренировки.*

Несмотря на большой интерес, проявляемый учёными к ГД, сегодня остаются трудности в их изучении в курсе РКИ [20], так как в процессе долговременного развития архаичных глагольных форм возникли существенные различия между парами ГД. Наблюдается дефектность видовой соотносительности в этой группе глаголов. Дефектность, по мнению некоторых исследователей, проявляется, во-первых, в том, что более 70 % ГД выступают как одновидовые и, во-вторых, «у значительной части глаголов, обладающих парными видовыми формами, наблюдается неполная соотносительность лексических значений» [10, с. 48—49]. В практике преподавания русского языка нередко используется подход, при котором видовая категоризация ГД рассматривается как пример семантической и грамматической асимметрии [5, с. 47]: один многозначный глагол совершенного вида коррелирует с двумя разными по значению однокоренными глаголами. При этом видовой парой совершенного вида бесприставочных однонаправленных глаголов называют некоторые приставочные глаголы: *плыть — приплыть*, *идти — прийти*, *ехать — приехать*, *бежать — прибежать* и др. В то же время, имеется пара несов. вида — глагол с такой же приставкой: *приплыть — приплывать*, *прийти — приходить*, *приехать — приезжать*, *прибежать — прибегать* и т. д.

В украинском языке система ГД максимально близка той, которая сохранилась в русском языке, что свидетельствует о сходных эволюционных процессах, происходящих в этих близкородственных языках. Представим пары украинских ГД, коррелятивных по признаку одно-/неоднонаправленности: 1) *йти — ходити*; 2) *бігти — бігати*; 3) *плисти — плавати*; 4) *летіти — літати*; 5) *повзти — повзати*; 6) *брести — бродити*; 7) *везти — возити*; 8) *вести — водити*; 9) *їхати — їздити*; 10) *тягти, тягнути — тягати*; 11) *котити — катати*; 12) *лізти — лазити*; 13) *гнати — ганяти*; 14) *гнатися — ганятися*, 15) *котитися — кататися*, 16) *тягтися — тягатися.*

За время тысячелетних процессов самостоятельного развития славянских языков и их взаимодействия с неродственными языками в образовании и функционировании глаголов, семантически соответствующих русским глаголам движения, произошли разнообразные изменения. В разных славянских языках в их современном состоянии различается, во-первых, объём групп глаголов движения; во-вторых, — функциональная нагрузка членов пар по признаку направленности/ненаправленности движения. Самые значительные изменения в древней системе глаголов движения наблюдаются сегодня в южнославянских языках, где утрачена оппозиция направленного и ненаправленного движения. Ср.: (1) (рус.) *Улитка* ***ползёт/ползает*** *по стеклу.* — (болг.) *Охлюв* ***пълзи*** *по стъклото.* — (серб.) *Пуж* ***пузи*** *на стакло.* — (хорв.) *Puž* ***puzi*** *na staklo.* (2) (рус.) *Улитка* ***ползает/ползёт*** *медленно.* — (болг.) *Охлюв* ***пълзи*** *бавно.* — (серб.) *Пуж* ***пузи*** *полако.* — (хорв.) *Puž* ***puzeći*** *polako.* (3) (рус). *Они* ***едут*** *домой на автобусе.* — (болг.) *Те* ***си отиват*** *в къщи с автобус.* — (серб.) *Они* ***се возе*** *аутобусом кући.* — (хорв.) *Oni* ***se voze*** *autobusem kući.* (4) (рус.) *Они* ***ездят*** *на автобусе ежедневно.* — (болг.) *Те* ***пътуват*** *всеки ден с автобус.* — (серб.) *Они* ***путују*** *аутобусом сваки дан.* — (хорв.) *Oni* ***putuju*** *autobusom svaki dan.* (5) (рус.) *Марина* ***идёт/ходит*** *в школу утром.* — (болг.) *Марина* ***ходи*** *на училище сутрин.* — (серб.). *Марина* ***иде*** *у школу ујутру.* — (хорв.) *Marina* ***ide*** *u školu ujutru.*

В южнославянских языках обычным стало использование синонимических рядов, в которых взаимозаменяемы глаголы одного корня со старославянскими ГД и семантически соответствующие им другие глаголы, которые благодаря метафоризации стали использоваться в таких же значениях. Так, русскому *бегаю* соответствуют болгарские *бягам* и *тичам*, русскому *бегу* — тоже *бягам* и *тичам* [8]. Ср. также: 1) (рус.) *Каждый спортсмен* ***будет бежать*** *две дистанции.* — (болг.) *Всеки спортист* ***ще бяга*** *две дистанции.* 2) *Николай,* ***беги!*** *— Николай,* ***бягай!*** 3) *Спортсмены* ***будут бегать*** *по стадиону.* — *Спортистите* ***ще пробягат***

по пистата. 4) *Каждое утро спортсмены* ***бегают*** *по 3 километра. — Всяка сутрин, леткоатлетите* ***пробягват*** *по 3 км.*

В ряде западнославянских языков, среди которых чешский, словацкий, верхнелужицкий, произошли другие изменения. Некоторые семантические различия выражаются уже не разными глаголами, а контекстуально [3; 16]. Л. Шольце, исследуя верхнелужицкую систему глаголов движения, обнаружила такие её особенности.

1) Формы однонаправленных глаголов с приставкой ***po-*** не имеют инфинитива и форм прошедшего времени, а употребляются только в настоящем времени со значением будущего (например, *hić* — 'идти'; *póńdu / póndźem* — 'я пойду' / 'мы пойдём'). Действия в прошедшем времени, которые в русском языке выражаются с помощью претеритной **по**-формы сов. вида при последовательной смене действий, в в.-лужицком выражаются с помощью неприставочной формы однонаправленного глагола в прошедшем времени. Ср.: рус. *Он пообедал и* ***пошёл*** *домой.* — в.-луж. *Wón je powobjedował a domoj* ***šoł.***

2) Характерное для русского инфинитива и прошедшего времени однонаправленных глаголов различие форм несов. и сов. вида при противопоставлении бесприставочных и приставочных глаголов (*идти — пойти*; *шёл — пошёл*) в верхнелужицком отсутствует. Однонаправленный глагол является бесприставочным и двувидовым: *hić*; *šoł.* В русском языке *идти* и *пойти* образуют видовую пару, а в в.-лужицком между *hić* и *póńdu* нет аспектуального отношения, а есть только временное, в том числе форма с приставкой ***po-*** — форма будущего времени однонаправленных глаголов.

3) В русском языке решающим критерием выбора ГД является направленность движения, а в в.-лужицком — однократность или многократность движения. В русском языке при однократном движении туда и обратно требуется неоднонаправленный глагол, а в в.-лужицком — однонаправленный. Ср.: рус. *Вчера я* ***ходил*** *в театр* (= Вчера я был в театре; пошёл в театр и вернулся оттуда) и в.-луж. *Wčera sym ja do dźiwadła* ***šoł.*** При однократном движении в в.-лужицком языке нет разницы между однонаправленным, двунаправленным движением или экспериенциальным значением, как в русском языке, поскольку во всех трёх случаях употребляется однонаправленный глагол. На основе своей многофункциональности верхнелужицкие однонаправленные глаголы являются немаркированными глаголами корреляции, а неоднонаправленные — маркированными.

4) В русском языке бесприставочные парные глаголы (однонаправленный и неоднонаправленный) принадлежат к несов. виду и соотносятся между собой в оппозиции однонаправленности, а в в.-лужицком они распределяются по двум граммемам категории вида в оппозиции терминативности. Налицо несоответствие основного критерия оппозиции в в.-лужицкой и русской видовых системах. Русской оппозиции перфективности противостоит грамматикализация оппозиции терминативности в в.-лужицком (сов. вид = терминативный, несов. вид = атерминативный). Однонаправленные глаголы в в.-лужицком причисляются терминативному (совершенному) виду, неоднонаправленные — атерминативному (несовершенному) [16].

Различиям в употреблении глаголов движения в русском и в.-лужицком языках аналогичны различия в употреблении ГД в русском и чешском языках. Так, в чешском языке обычно выделяют только 8 пар бесприставочных глаголов движения несов. вида, противопоставленных по признаку однократности/многократности действия: *jít — chodit* (идти — ходить); *jet — jezdit* (ехать — ездить); *nést — nosit* (нести — носить); *vést — vodit* (вести — водить); *vézt — vozit* (везти — возить); *běžet — běhat* (бежать — бегать); *letět — létat* (лететь — летать); *hnat — honit* (гнать — гонять). Как и в русском, однократные глаголы часто обозначают однонаправленное, а многократные — неоднонаправленное движение. Ср.: 1) *Bratr* ***jde*** *do divadla. / Bratr* ***chodí*** *vždy rychlým krokem. — Брат* ***идёт*** *в театр. / Брат всегда* ***ходит*** *быстрым шагом.* 2) ***Vezla*** *jim ovoce. / Každé ráno ji* ***vozil*** *do školy. — Она* ***везла*** *им фрукты. / Каждое утро он* ***возил*** *её в школу.* 3) *Hoši* ***běží*** *k domu. / Chlapci* ***běhají*** *kolem stromu. — Мальчики* ***бегут*** *к дому. / Ребята* ***бегают*** *вокруг дерева.*

Ряд различий в семантике и функционировании чешских ГД свидетельствует о большей близости чешской и в.-лужицкой систем ГД.

1) В русском языке движение туда и обратно, совершённое один раз, обозначается глаголами ненаправленного (разнонаправленного) движения; в чешском, как и в в.-лужицком, такое движение обозначается глаголом *быть* или глаголом однонаправленного движения. Ср.: рус. *Неделю тому назад брат* ***ездил*** *в Киев.* (1 раз туда и обратно). — чеш. *Před týdnem* ***byl*** *bratr v Kyjevě. / Před týdnem* ***jel*** *bratr do Kyjeva.* Употребление неоднонаправленных глаголов в чешском обозначает многократность: таких действий было несколько. Напр.: *Před týdnem* ***jezdil*** *bratr do Kyjeva* обозначает, что на прошлой неделе брат больше одного раза ездил в Киев и возвращался обратно.

2) От глаголов *jít*, *jet* и *běžet* в формах инфинитива и прошедшего времени не образуются глаголы с приставкой *po-*. Глаголы с приставкой *po-*, производные от этих трёх глаголов, имеют только форму будущего времени. Поэтому русским *пойти*, *поехать* и *побежать* в речи

соответствуют бесприставочные глаголы несов. вида *jít*, *jet* и *běžet*. Напр.: *Chci* ***jet*** *tramvají.* — *Я хочу* ***поехать*** *на трамвае. Může* ***jít*** *pěšky.* — *Она может* ***пойти*** *пешком. Chtěl* ***běžet*** *za nimi.* — *Он хотел* ***побежать*** *за ними.*

3) Глаголы *jet* и *jezdit*, которые передают движение транспорта, в чешской речи не варьируются с глаголами *jít* и *chodit*, называющими движение с помощью ног. Русские же глаголы *ехать* и *ездить* могут варьироваться с глаголами *идти* и *ходить* в ситуации движения транспортного средства. В чешском можно только так: *Auto* ***jelo*** *rychle.* ***Jede*** *tam tramvaj?* В русском же наряду с: *Машина* ***ехала*** *быстро. Туда* ***едет*** *трамвай?* — можно и так: *Машина* ***шла*** *быстро. Туда* ***идёт*** *трамвай?*

4) В русском такая вариативность возможна и с глаголами *плыть/плавать*: *Пароход* ***плывёт*** *по реке.* / *На тот остров два раза в день* ***плавает*** *катер.* — *Пароход* ***идёт*** *по реке.* / *На тот остров два раза в день* ***ходит*** *катер.* В чешском языке возможен только вариант с глаголом *plout*: *Po moři* ***pluje*** *loď* (*По морю* ***плывёт*** *корабль*). Глаголы *plout* — *plavat* в современном чешском языке противопоставлены не по признаку однократного либо многократного движения, а по признаку неодушевлённости/одушевлённости движущегося предмета. Ср.: ***Lod'*** *netůže* ***plout.*** / ***Člověk*** *netůže* ***plavat.*** — ***Корабль*** *не может* ***плыть/плавать.*** / ***Человек*** *не может* ***плыть/плавать.*** А также: ***Delfíni plavali*** *k lodi.* — ***Дельфины плыли*** *к кораблю.* ***Delfíni plavou*** *zde.* — *Здесь* ***плавают*** *дельфины.* Но: *Po řece* ***plulo*** *množství* ***lodiček.*** — *По реке* ***плыло/плавало*** *много* ***лодок*** [3].

В современном польском языке также нет полного соответствия русской системе ГД. Однако по основным функционально-грамматическим принципам польская система ГД намного ближе к восточнославянской, чем к другим западнославянским системам ГД. В польском языке намного лучше, чем в иных западнославянских языках, сохранились архаичные черты этой системы. Как и в русском языке, основным критерием, в соответствии с которым происходит распределение польских бесприставочных глаголов движения по группам, является их однонаправленность *(jednokierunkowość)* или неоднонаправленность = разнонаправленность *(wielokierunkowość)* [24, s. 49]. Значение однонаправленности считается определённым, поэтому глаголы с этим значением называют детерминированными *(zdeterminowane)*, а значение неоднонаправленности, разнонаправленности признаётся неопределённым, поэтому неоднонаправленные глаголы называют недетерминированными *(niezdeterminowane)* [22, p. 467]. Термины *детерминированный* и *недетерминированный* глаголы движения впервые были предложены С. Карцевским в 1920-е годы [19; 24, s. 50].

В польском языке безоговорочно выделяют 11 или 12 бесприставочных пар глаголов движения [24, s. 49; 22, p. 467], меньше, чем в русском языке. Это такие пары детерминированных и недетерминированных глаголов: 1) *iść* (идти) — *chodzić* (ходить); 2) *jechać* (ехать) — *jeździć* (ездить); 3) *biec* (бежать) — *biegać* (бегать); 4) *lecieć* (лететь) — *latać* (летать); 5) *płynąć* (плыть) — *pływać* (плавать); 6) *pełznąć* (ползти) — *pełzać* (ползать); 7) *leźć* (лезть) — *łazić* (лазить); 8) *nieść* (нести) — *nosić* (носить); 9) *wieść* (вести) — *wodzić* (водить); 10) *wieźć* (везти) — *wozić* (возить); 11) *gnać*, *gonić* (гнать) — *ganiać* (гонять); 12) *wlec* (тащить) — *włoczyć* (таскать).

Основные значения указанных глаголов движения при употреблении в русском и польском языках обычно совпадают. Ср.:

1) *Ktoś* ***idzie*** *po chodniku.* (*Кто-то* ***идёт*** *по тротуару*). — Направление движения ограничено. / *Ktoś* ***chodzi*** *po chodniku.* (*Кто-то* ***ходит*** *по тротуару*). — Направление движения не ограничивается.

2) *Syn* ***idzie*** *do szkoły.* (*Сын* ***идёт*** *в школу*). — Без особого контекста глагол передаёт значение однократного движения. Употребление со значением многократности требует использования дополнительного контекстного детерминатора: ***Każdego dnia*** *syn* ***idzie*** *do szkoły* ***przez las.*** (***Каждый день*** *сын* ***идёт*** *в школу* ***через лес***). / *Syn* ***chodzi*** *do szkoły.* (*Сын* ***ходит*** *в школу*). — Глагол характеризуется отсутствием признака направленного движения и наличием признака цели.

3) *Zbyszek często* ***idzie*** *do sklepu, (...) [ale przy okazji wstępuje na piwo].* (*Збышек часто* ***идёт*** *в магазин, (...) [но при случае заходит на пиво]).* — Употребление однократного глагола в этом случае требует развития «семантической перспективы», характеризующей мотивацию действия. Нормативным же в таких контекстах является многократный глагол: *Zbyszek często* ***chodzi*** *do sklepu.* (*Збышек часто* ***ходит*** *в магазин*). Употребление в первом, втором и третьем случаях однонаправленных глаголов придаёт действиям оттенок конкретности, актуальности. Употребление таких глаголов в обобщённом значении требует указания мотивации, так как в этом значении обычно используются неоднонаправленные глаголы.

4) *Chory już* ***idzie.*** *Kasia szybko* ***jedzie*** *na rowerze.* (*Больной уже* ***идёт.*** *Кася быстро* ***едет*** *на велосипеде*). — Без дополнительных детерминаторов здесь передаются конкретные, актуализированные значения. / *Chory już* ***chodzi.*** *Kasia szybko* ***jeździe*** *na rowerze. (Больной уже* ***ходит.*** *Кася быстро* ***ездит*** *на велосипеде).* — В этих и подобных конструкциях говорящие

передают обычность действия, противопоставляют данное действие актуализированному. Действия могут также противопоставляться с точки зрения их обычности и необычности.

5) *Dziecko już w przyszłym roku* ***idzie*** *do szkoły. (Ребёнок уже на следующий год* ***идёт*** *в школу).* — Переносное употребление формы настоящего времени в будущем, при котором теряется актуализация однонаправленного глагола, он приобретает значение обобщённого действия. / *Dziecko już* ***chodzi*** *do szkoły.* (*Ребёнок уже* ***ходит*** *в школу*). — ***Chodzić do szkoły / ходить в школу*** рассматриваются как фразеологизмы, так как и в польском, и в русском языках имеют значение «быть школьником», «быть в возрасте школьника». Глаголы однонаправленного и ненаправленного действия в (5) употребляются в переносном значении, так как не выражают значения перемещения в пространстве [21, s. 56—58].

Hélène Włodarczyk, анализируя разные взгляды на проблему соотношения оппозиций совершенного / несовершенного вида и однонаправленности / разнонаправленности, сводит их к двум точкам зрения. Одни исследователи усматривают в реализации однонаправленности и разнонаправленности ГД категории разных подвидов, другие же считают, что прямой зависимости между категориями вида и направленности движения нет [24, s. 50]. Анализ значений, передаваемых противопоставленными группами польских бесприставочных ГД, свидетельствует о семантической близости соотносящихся между собой польских и русских ГД. H. Włodarczyk приводит такие значения. **Разнонаправленные** глаголы имеют значения:

1) Универсальное, выражающее постоянно происходящие действия, которые характеризуют подлежащее: *Jego brat* ***pływa*** *na statkach handłowych. — Его брат* ***плавает*** *на торговых судах. Listonosz* ***nosi*** *listy. — Почтальон* ***носит*** *письма. Człowek* ***chodzi****, ryba* ***pływa****, a ptak* ***lata****. — Человек* ***ходит****, рыба* ***плавает****, а птица* ***летает****.*

2) Привычное значение, которое проявляется при сочетании разнонаправленного глагола с обстоятельством времени: *Profesor* ***chodzi codziennie*** *na spacer. — Профессор* ***ежедневно ходит*** *на прогулку. Jan* ***pływa dwa razy w tygodniu****. — Ян* ***плавает два раза в неделю****.*

3) Потенциальное значение, при котором глагол указывает на способность подлежащего выполнять данное движение. При этом глагол часто имеет при себе обстоятельства способа действия. Напр.: *Dorota* ***pływa*** *bardzo* ***szybko****. — Дорота* ***плавает*** *очень* ***быстро****. Mój przyjaciel* ***doskonałe jeździ*** *na nartach. — Мой приятель* ***безупречно ездит*** *на лыжах.*

4) Значение актуального движения, выполненного в неопределённом направлении. Это второстепенное значение разнонаправленных глаголов движения, которое проявляется как результат обобщения опыта, свойственного субъекту действия. Например: *Dzieci* ***biegają*** *po podwórku. — Дети* ***бегают*** *по двору. Kruki* ***latają*** *nad polami. — Вороны* ***летают*** *над полями* [24, s. 51].

Однонаправленные глаголы в соответствующих контекстах имеют такие значения, противопоставленные значениям разнонаправленных глаголов:

1) Особое значение, которое характеризует не постоянное качество субъекта, а только его временное занятие: *Spotkałem rano Zbyszka,* ***niósł*** *damską parasolkę. — Встретил утром Збышека, он* ***нёс*** *дамский зонтик. Wczoraj zdecydowałam* ***jechać*** *do pracy autobusem. — Вчера решила* ***ехать*** *на работу на автобусе.*

2) Значение случайного действия, произошедшего только один раз: ***Biegłem*** *wczoraj szybciej od Wojtka. — Я* ***бежал*** *вчера быстрее Войтека. Jan zawsze pływa żabką, ale wczoraj* ***płynał*** *kraulem. — Ян всегда плавает по-собачьи, но вчера* ***плыл*** *кролем.*

3) Актуальное значение, заключающееся в том, что однонаправленный глагол называет движение, которое происходит, происходило или когда-нибудь произойдёт: *Samolot* ***leciał*** *na północ. — Самолёт* ***летел*** *на север.* ***Idzie*** *córka. — Идёт дочь.* ***Jadąc*** *do pracy wciąż myślałem o tym. —* ***Едучи*** *на работу* [*по дороге на работу*], *я ещё думал об этом.*

4) Значение повторяющегося движения — второстепенное значение однонаправленных глаголов движения, «традиционно-описательное». Обычно это ситуации, в которых движение происходит по привычной схеме: *Jesienią jaskółki* ***lecą*** *na południe. — Осенью ласточки* ***летят*** *на юг. Codziennie pracownicy wstają wcześniej i* ***idą*** *do pracy na szóstą. — Ежедневно работники встают раньше и* ***идут*** *на работу к шести часам* [24, s. 51—52].

Кроме общих черт с системой русских ГД, в польском языке имеются некоторые отличия, свидетельствующие, с одной стороны, о долгом периоде самостоятельного развития двух родственных славянских языков, а с другой — о том, что в польском языке дифференциация по признаку *однонаправленность/неоднонаправленность* движения сохранилась у большего количества глагольных пар. Так, H. Włodarczyk к указанным 12 парам глаголов добавляет 4 пары, между единицами которых противопоставление одно- и неоднонаправленности происходит менее последовательно, чем в указанных выше 12 парах. В 3 парах глагол с разнонаправленным значением употребляется реже, чем однонаправленный глагол: 13) *ciągnąć* (тянуть) — *ciągać* (тягать); 14) *pędzić* (броситься = начать быстро двигаться) — *pędzać* (бросаться = начинать быстро двигаться); 15) *sunąć* (сунуть; двигаться; скользить; шествовать) — *suwać* (совать; двигать) [17, s. 1014]. Пару глаголов 16) *brnąć* (брести) — *brodzić* (бродить)

исследовательница предлагает исключить из числа ГД из-за того, что их лексические значения в польском языке стали разными [24, s. 49].

Из указанных четырёх пар в современном русском языке глаголами движения являются только 1-я и 4-я. Польским ГД несов. вида *pędzić* и *pędzać* соответствует русская видовая пара *бросаться* (несов. вида) / *броситься* (сов. вида). Следовательно, русские соответствия не являются глаголами движения. *Sunąć* и *suwać* в польском языке имеют большее количество значений и являются стилистически нейтральными ГД несов. вида, а в русском оставшиеся однокоренные соответствия *сунуть* и *совать*, во-первых, противопоставлены по виду, поэтому не могут быть отнесены к группе ГД, а во-вторых, являются стилистически сниженными.

12-я пара в основном списке польских ГД (см. выше) указана: *wlec* (тащить) — *włoczyć* (таскать). В русском и польском языках для передачи этих значений используются глаголы с разными корнями. Но в русском языке есть глаголы несов. вида *волочь* и *волочить*, этимологически совпадающие с польскими *wlec* и *włoczyć*, однако «покинувшие» группу ГД. Они утратили различия по значению одно- и неоднонаправленности; различаются только по форме спряжения (*волочь* — 1 спряжения; *волочить* — 2 спряжения), по разным ударениям в некоторых формах и по стилистической характеристике (*волочь* — разговорный глагол, *волочить* — нейтральный) [15, т. 1, с. 206].

Цезарь Перникарский включает в группу польских ГД ещё несколько глагольных пар, противопоставленных по признаку одно-/неоднонаправленности, но не отнесённых к группе ГД ни H. Włodarczyk, ни C. Piñón: 17) *toczyć* (катить) — *taczać* (катать); 18) *toczyć się* (катиться) — *taczać się* (кататься); 19) *wlec się* (тащиться, брести, скитаться) — *włoczyć się* (таскаться, скитаться, бродить); 20) *taszczyć* (тащить) — *taskać* (таскать); 21) *prowadzić* (проводить) — *prowadzać* (провожать) [21, s. 59].

Глаголы 21-й пары: *prowadzić* (проводить, сов. вид) — *prowadzać* (провожать, несов. вид) — в современном русском языке различаются по виду, поэтому не могут входить в группу ГД. Русский глагол *проводить* может выступать как глагол несов. вида в паре *проводить/провести*. Однако в этом случае он рассматривается как омоним глагола *проводить* сов. вида [15, т. 3, с. 470—471]. Ср.: ***проводить****/провести собрание коллектива — провожать/****проводить*** *гостей на вокзал*. Глаголы *taszczyć* и *taskać* имеют, по словам Ц. Перникарского, стилистические ограничения [21, s. 59]. Глаголы *toczyć* и *taczać* этимологически близки русским глаголам *точить* и *тачать*, но семантически расходятся с ними. В современном русском языке *точить* и *тачать* не являются глаголами движения, так как их значения разные. *Точить* — многозначный глагол с 4 основными и 2 переносными значениями: 1. «Делать острой режущую или колющую часть чего-либо». 2. «Изготавливать из дерева, металла и т. п., придавая нужную форму срезанием... слоёв материала на токарном станке». 3. «Грызя, проедая, делать дыры в чём-либо, повреждать что-либо». 4. «Постепенно разрушать своим воздействием (о воде, ветре)». 5. (перен.) «Мучить, изводить неотступно, не переставая (о болезни, тяжёлых мыслях, чувствах)». 6. (перен., разг.) «Беспрестанно бранить, журить» [15, т. 4, с. 391]. *Тачать* — специальный глагол: «в сапожном и портновском деле: шить сквозной строчкой» [15, т. 4, с. 342].

Таким образом, сопоставительное изучение в ряде славянских языков системы бесприставочных глаголов движения несовершенного вида, противопоставленных по признаку обозначения одно- и неоднонаправленного движения, а также коррелирующих с ними других глаголов перемещения, показывает, что лучше всего архаическая довидовая система дифференциации глаголов одно- и неоднонаправленного движения сохраняется в восточнославянских и польском языках. В этих языках, в целом, наблюдается грамматическое и семантическое сходство систем глаголов движения при их выражении как основных, так и второстепенных значений. В других западнославянских языках (кроме польского) наблюдаются существенные грамматические и семантические изменения в системах ГД, заключающиеся в утрате значительной частью бывших глаголов движения корреляции по признаку одно-/неоднонаправленности, а также в иной функционально-семантической нагрузке, по сравнению с польским и восточнославянскими, ряда бесприставочных ГД и производных от них приставочных глаголов.

Утрата некоторых пар глаголов движения в западно- и восточнославянских языках, а также полная утрата корреляции однокоренных бесприставочных ГД по признаку одно-/неоднонаправленности в южнославянских языках вызвана двумя основными причинами: 1) постепенным расхождением лексических значений неоднонаправленного и однонаправленного глагола; 2) развитием продуктивного процесса создания видовых глагольных пар, в результате которого некоторые одновидовые бесприставочные глаголы движения эволюционируют из пары одно-/неоднонаправленного движения в пару совершенного/несовершенного вида.

В дальнейшем исследовании данной проблемы предполагается изучить и сопоставить современное состояние архаической системы глаголов движения в славянских территориальных и социальных диалектах, просторечии. Вполне вероятно, что в периферийных идиомах будут обнаружены новые факты, способные обогатить современное учение о славянских глаголах движения.

Литература

1. *Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова / Н. С. Авилова. — М. : Наука, 1976. — 328 с.
2. *Багдасарова Г. А.* Глаголы движения как база словообразования в современном русском языке / Багдасарова Г. А., Телегин Л. А. // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент : Укитувчи, 1982. — С. 204—207.
3. *Валентинова Д.* Online Czech — изучение чешского языка online. Урок 16. Глаголы движения [Электронный ресурс] / Дарья Валентинова. — Режим доступа: onlineczech.ru/node/403. — Время доступа: 12.08.2014.
4. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — 3-е изд., испр. — М. : Высшая школа, 1986. — 640 с.
5. *Гак В. Г.* Асимметрия в языке / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Советская энциклопедия, 1990. — С. 47.
6. *Гордеев Ю. М.* Поле направительности (глаголы движения и их распространители) в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ю. М. Гордеев. — Свердловск, 1971. — 20 с.
7. *Ибрагимова В. Л.* К истории изучения глаголов движения в отечественном языкознании / В. Л. Ибрагимова // Исследования по семантике. — Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 1979. — С. 64—74.
8. *Леонидова М. А.* Болгарско-русский словарь / М. А. Леонидова. — М. : Русский язык, 1980. — 520 с.
9. *Лесюк Н. П.* Словообразовательные гнёзда корней со значением движения в современном украинском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Н. П. Лесюк. — К., 1982. — 24 с.
10. *Мухаммадиев Э. М.* Видовая парность глаголов движения в русском языке / Э. М. Мухаммадиев // Актуальные проблемы русского словообразования : тезисы 5-й республиканской научно-теоретической конференции. — Самарканд, 1987. — Ч. 1. — С. 47—49.
11. *Орлова Т. М.* Семантична структура та лінгвостилістичні можливості назв руху в сучасній українській мові : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Т. М. Орлова ; Запорізький держ. ун-т. — Запоріжжя, 1999. — 259 с.
12. *Попова Т. В.* Русские непроизводные глаголы: морфемная структура и деривационные особенности / Т. В. Попова. — Екатеринбург, 1996. — 119 с.
13. *Русская грамматика* : в 2 т. Т. 1 / [Академия наук СССР ; Институт русского языка ; ред. Н. Ю. Шведова]. — М. : Наука, 1980. — 784 с.
14. *Русская корпусная грамматика* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rusgram.ru/Вид
15. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Русский язык, 1985—1988.
16. *Шольце Л.* Глаголы движения русского и верхнелужицкого языков (типологические и диахронные аспекты) / Ленка Шольце // Русский язык: исторические судьбы и современность : труды и материалы III Международного конгресса исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 20—23.03.2007). — М. : МАКС Пресс, 2007. — С. 459—460.
17. *Bogusławski A.* Ilustrowany słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski / Andrzej Bogusławski. — Warszawa : Wiedza powszechna, 1978. — 1184 s.
18. *Bojar B.* Polskie czasowniki ruchu / Bożena Bojar // Polonica. — 1977. — № 3. — S. 98—139.
19. *Karcevski S. I.* Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique / S. I. Karcevski. — Praha : Plamja, 1927. — 167 p.
20. *Muravyova L. S.* Verbs of Motion in Russian / L. S. Muravyova. — M. : Прогресс, 1986. — 276 с.
21. *Piernikarski C.* Opozycje semantyczne czasowników typu iść : chodzić / Cezar Piernikarski // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. — 1972. — № 11. — S. 53—65.
22. *Piñón C.* Verbs of motion in Polish, I: parts and processes / Christopher Piñón // U. Junghanns, G. Zybatow. Formale Slavistik. — Frankfurt am Main, 1997. — P. 467—488.
23. *Rječnik hrvatskosrpskoga književnog jezika* / Urednici: Lj. Jonke, M. Stevanović i dr. — Zagreb ; Novi Sad, 1967. — Vol. 1 (A—F), 2 (G—K). (Nedovršen)
24. *Włodarczyk H.* Czasowniki ruchu a kategoria aspektu w języku polskim / Hélène Włodarczyk // Polonica. — 1980. — № 6. — S. 49—56.

References

1. *Avilova N. S.* Vid glagola i semantika glagol'nogo slova / N. S. Avilova. — M. : Nauka, 1976. — 328 s.
2. *Bagdasarova G. A.* Glagoly dvizhenija kak baza slovoobrazovanija v sovremennom russkom jazyke / Bagdasarova G. A., Telegin L. A. // Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovanija. — Tashkent : Ukituvchi, 1982. — S. 204—207.
3. *Valentinova D.* Online Czech — izuchenie cheshskogo jazyka online. Urok 16. Glagoly dvizhenija [Elektronnyj resurs] / Dar'ja Valentinova. — Rezhim dostupa: onlineczech.ru/node/403. — Vremja dostupa: 12.08.2014.
4. *Vinogradov V. V.* Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove / V. V. Vinogradov. — 3-e izd., ispr. — M. : Vysshaja shkola, 1986. — 640 s.
5. *Gak V. G.* Asimmetrija v jazyke / V. G. Gak // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. — M. : Sovetskaja enciklopedija, 1990. — S. 47.
6. *Gordeev Ju. M.* Pole napravitel'nosti (glagoly dvizhenija i ih rasprostraniteli) v sovremennom russkom jazyke : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / Ju. M. Gordeev. — Sverdlovsk, 1971. — 20 s.
7. *Ibragimova V. L.* K istorii izuchenija glagolov dvizhenija v otechestvennom jazykoznanii / V. L. Ibragimova // Issledovanija po semantike. — Ufa : Izd-vo Bashkirskogo un-ta, 1979. — S. 64—74.
8. *Leonidova M. A.* Bolgarsko-russkij slovar' / M. A. Leonidova. — M. : Russkij jazyk, 1980. — 520 s.
9. *Lesiuk N. P.* Slovoobrazovatel'nye gniozda kornej so znacheniem dvizhenija v sovremennom ukrainskom jazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.02 / N. P. Lesiuk. — K., 1982. — 24 s.

10. *Muhammadiev E. M.* Vidovaja parnost' glagolov dvizhenija v russkom jazyke / E. M. Muhammadiev // Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovanija : tezisy 5-j respublikanskoj nauchno-teoreticheskoj konferencii. — Samarkand, 1987. — Ch. 1. — S. 47—49.
11. *Orlova T. M.* Semantychna struktura ta lingvostylistychni mozhlyvosti nazv ruhu v suchasnij ukraïns'kij movi : dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / T. M. Orlova ; Zaporiz'kyj derzh. un-t. — Zaporizhzhia, 1999. — 259 s.
12. *Popova T. V.* Russkie neproizvodnye glagoly: morfemnaja struktura i derivacionnye osobennosti / T. V. Popova. — Ekaterinburg, 1996. — 119 s.
13. *Russkaja grammatika* : v 2 t. T. 1 / [Akademija nauk SSSR; Institut russkogo jazyka ; red. N. Ju. Shvedova]. — M. : Nauka, 1980. — 784 s.
14. *Russkaja korpusnaja grammatika* [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: http://rusgram.ru/Vid
15. *Slovar' russkogo jazyka* : v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. — M. : Russkij jazyk, 1985—1988.
16. *Shol'ce L.* Glagoly dvizhenija russkogo i verhneluzhickogo jazykov (tipologicheskie i diahronnye aspekty) / Lenka Shol'ce // Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost' : trudy i materialy III mezhdunarodnogo kongressa issledovatelej russkogo jazyka (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, 20—23.03.2007). — M. : MAKS Press, 2007. — S. 459—460.
17. *Bogusławski A.* Ilustrowany słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski / Andrzej Bogusławski. — Warszawa : Wiedza powszechna, 1978. — 1184 s.
18. *Bojar B.* Polskie czasowniki ruchu / Bożena Bojar // Polonica. — 1977. — № 3. — S. 98—139.
19. *Karcevski S. I.* Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique / S. I. Karcevski. — Praha : Plamja, 1927. — 167 p.
20. *Muravyova L. S.* Verbs of Motion in Russian / L. S. Muravyova. — M. : Progress, 1986. — 276 s.
21. *Piernikarski C.* Opozycje semantyczne czasowników typu iść : chodzić / Cezar Piernikarski // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. — 1972. — № 11. — S. 53—65.
22. *Piñón C.* Verbs of motion in Polish, I: parts and processes / Christopher Piñón // U. Junghanns, G. Zybatow. Formale Slavistik. — Frankfurt am Main, 1997. — P. 467—488.
23. Rječnik hrvatskosrpskoga književnog jezika / Urednici: Lj. Jonke, M. Stevanović i dr. — Zagreb ; Novi Sad, 1967. — Vol. 1 (A–F), 2 (G–K). (Nedovršen)
24. *Włodarczyk H.* Czasowniki ruchu a kategoria aspektu w języku polskim / Hélène Włodarczyk // Polonica. — 1980. — № 6. — S. 49—56.

СТЕПАНОВ Євгеній Миколайович,
доктор філологічних наук, завідувач кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна;
e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; тел.: +38 (048) 7762277

ДІЄСЛОВА РУХУ В СУЧАСНИХ СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВАХ

Анотація. У статті описано результати зіставного дослідження груп дієслів руху в слов'янських мовах. Проаналізовано системи дієслів руху в російській, українській, польській, чеській, верхньолужицькій мовах, а також результати еволюції цих систем у сучасних болгарській, сербській і хорватській мовах. Увагу зосереджено на складі, семантичних і граматичних особливостях безпрефіксальних дієслів руху недоконаного виду, які розрізняються за ознакою одно-/неодноспрямованого руху. Визначено відмінності функціонування таких дієслів у зіставлених мовах. Дослідження виявило деякі архаїчні риси довидової слов'янської системи дієслів руху та сліди семантичної і граматичної еволюції цієї системи. Найменше еволюції піддалися системи дієслів руху східнослов'янських і польської мов. Повна відсутність протиставлення дієслів руху за ознакою одно-/неодноспрямованості руху спостерігається в сучасних південнослов'янських мовах. Ми відзначаємо дві внутрішніх причини еволюції системи слов'янських дієслів руху: 1) дивергенція лексичних значень цих дієслів у корелятивних парах; 2) розвиток продуктивного процесу кореляції пар безпрефіксальних і префіксальних дієслів доконаного та недоконаного виду замість безпрефіксальних дієслів односпрямованого або неодноспрямованого руху.
Ключові слова: дієслова руху, односпрямованість і неодноспрямованість руху, слов'янські мови, категорія виду в слов'янському дієслові, безпрефіксальні та префіксальні дієслова.

Ievgenii N. STEPANOV,
Doctor of Philological Sciences (Grand Ph.D.), Head of Department of Russian Language of Odessa Mechnikov National University; French Boulevard, 24/26, Odessa, 65058, Ukraine;
e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; tel.: +38 (048) 7762277

VERBS OF MOTION IN MODERN RUSSIAN AND IN THE SLAVONIC LANGUAGES

Summary. The purpose of the article is to conduct a comparative study of groups of motion verbs in Russian, Ukrainian, Polish, Czech, Upper Sorbian languages, as well as to analyze the results of the evolution of the motion verbs' system in modern Bulgarian, Serbian and Croatian languages. The subjects of this study are the composition, semantic and grammatical features of imperfective non-prefixed verbs of motion. These verbs differ on the basis of unidirectional/non-unidirectional (multidirectional) movement. Methods of semantic, grammatical, etymological, comparative analysis, historical and descriptive methods are used in this linguistic research. Identifying differences in the functioning of East Slavonic, West Slavonic, South Slavonic verbs of motion in synchrony and diachrony is the finding of research. The comparison of different Slavonic systems of verbs of motion revealed some archaic features of Common Slavonic verbs of

motion and some results of semantic and grammatical evolution of these verb systems. In general, the old Common Slavonic system of verbs of motion that existed before the derivation of the category of verbal aspect retains the main feature of differentiation on the basis of opposition of unidirectional and non-unidirectional (multidirectional) movement. The loss of some pairs of verbs of motion in East and West Slavonic languages and complete loss of correlation of paired verbs of motion in South Slavonic languages is due to two reasons: 1) the divergence of lexical meanings of these verbs in pairs; 2) the development of the productive process of derivation of aspect verb pairs, in which the non-prefixed verbs opposed on the meaning of unidirectional and non-unidirectional movement evolve to the pairs of verbs opposed on aspects: perfective or imperfective (with or without prefixes). The practical value of the research is to use the results of it to optimize the processes of learning Slavonic languages as foreign, as well as for fundamental studies of the evolution of the Slavic verb.

Key words: verbs of motion, the Slavonic languages, unidirectional and non-unidirectional movement, aspect of the Slavic verb, non-prefixed and prefixed verbs.

Статтю отримано 31.10.2014 р.

УДК [811.161.1+811.162.1]'362'367.333'371:159.942.33

ЧАПИГА Зофия,
доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой сравнительного языкознания Жешувского университета; Жешув, Польша;
zczapiga@wp.pl; тел.: +48 (17) 8563874

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИЯТНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья посвящена русским и польским сравнительным оборотам со значением приятного эмоционального состояния. Они используются говорящим для более точной, образной передачи чувств и эмоций. Функтор *как/jak* образует два типа сравнительных оборотов, соединяя с главным словом отдельные слова или словосочетания, обозначающие образец, фон сравнения: 1) имя прилагательное *счастливый, довольный, рад; szczęśliwy, zadowolony* + имя существительное; 2) глагол *радоваться; cieszyć się* + имя существительное. Оказывается, что в сравнительных оборотах со значением приятного эмоционального состояния появляется большое разнообразие объектов сравнения, служащих градации и интенсификации переживаемых эмоций. Это названия маленьких детей, молодых лиц, животных, библейские названия и мн. др. Среди них лишь существительное *ребёнок/dziecko* образует собственно устойчивое сравнение. В единичных случаях употребляются разные другие объекты сравнения *(радовался, как татарин, укравший сто рублей; cieszy się jak nagi w pokrzywach)*. Такие конструкции имеют индивидуально-авторский характер.

Ключевые слова: русский и польский языки, сравнительный оборот, положительные эмоции.

Сравнительный оборот — это часть предложения, состоящая из словоформы существительного, прилагательного или наречия — одиночной или с зависимыми формами, — которая вводится сравнительными союзами. В русском языке сравнительный оборот может функционировать в предложении как необособленный член, если является сказуемым *(Он сделался как дитя)*, обязательным определением *(Есть письма как сигнал тревоги)* или если входит во фразеологическое сочетание *(красный как рак)*. Обособленный оборот выполняет, в основном, обстоятельственную функцию, характеризуя действие как качественный признак: *плачет, как дитя; лёгкий, как облако* [6, с. 329]. Т. С. Зевахина отмечает, что «стандартный характер ситуационного уподобления, закрепляемый в устойчивых сравнительных оборотах, в русском языке формально отражается в правилах пунктуации: в таких оборотах запятая перед *как* не ставится; кроме того, они широко, хотя и не всегда последовательно, отражаются в словарях» [3].

Полные по своей внешней структуре сравнительные обороты представляют собой четырёхкомпонентную структуру: 1) объект сравнения[1] (то, что сравнивают); 2) эталон сравнения (с чем сравнивают); 3) модуль сравнения (иначе — общий признак сравнения, компаративная константа); 4) показатель сравнительного отношения [2].

Предметом описания в настоящей статье являются сравнительные обороты, отличающиеся разной степенью устойчивости[2]. Они используются говорящим для более точной, образной

[1] В лингвистике для обозначения компонентов структуры сравнения существуют разные термины [см., напр.: 10, с. 34; 5, с. 224; 1, с. 8; 2].

[2] И. В. Назарова выделяет три степени устойчивости сравнений: 1) нулевая степень устойчивости, или индивидуально-авторские сравнения; 2) собственно устойчивые сравнения; 3) крайняя степень устойчивости — так называемые десемантизованные образные сравнения [4].

© Чапига З., 2014

передачи чувств и эмоций. Общей для них является функция интенсификации эмоционального состояния, названного прилагательными *счастливый, довольный, рад; szczęśliwy, zadowolony* и глаголом *радоваться; cieszyć się*. Объектами сравнения в описываемых конструкциях являются названия лиц, а компаративной константой (общим свойством, с точки зрения которого производится сравнение) — состояние радости, удовлетворённости, чувство наивысшего удовольствия.

Функтор *как/jak* образует два типа сравнительных оборотов, соединяя с главным словом отдельные слова или словосочетания (нередко устойчивые), обозначающие образец, фон сравнения: 1) имя прилагательное *счастливый, довольный, рад; szczęśliwy, zadowolony* + имя существительное (субстантивированное прилагательное); 2) глагол *радоваться; cieszyć się* + имя существительное (субстантивированное прилагательное).

Особенно интересными кажутся эталоны (объекты) сравнения, которые являются своего рода символом крайнего проявления положительных эмоций. К ним относятся:

1. Названия маленьких детей: *ребёнок, дитя (малое), детишки, младенец, мальчишка, девчонка, маленький, dziecko, mały chłopiec* и под., напр.: (1) *Маркина пока нет, и я* ***радуюсь как ребёнок***. (2) *Вернувшись в Москву, увидев Котика, я рассказала ему о моих беседах о нём с Горьким. Он был* ***счастлив, как дитя***. *— Я ему всё напишу про сплавы колоколов и про многое!* (3) *Fajerwerki radości wywołał Domingo, śpiewając na zakończenie, już nie z estrady, ale wśród widzów i z nimi. Słynny tenor po raz pierwszy dyrygował filharmonikami i był wyraźnie przejęty, bardzo skoncentrowany, traktował ten występ jako trudne wyzwanie. Już po koncercie* ***cieszył się jak dziecko***. (4) *Sąsiedzi rodziny Chmura mieli pudla wystrzyżonego na lwa i* ***cieszyli się jak dzieci****, że im jaskółki w rogu okna ulepiły gniazdo.*

Обороты *радуется как дитя, cieszy się jak dziecko* являются собственно устойчивыми сравнениями, вошли в словари и закрепились в повседневном общении. В обоих языках они отличаются высокой частотностью употребления для передачи чрезмерной радости субъекта, радости, сравниваемой со значительной экспрессией эмоционального состояния малых детей. Ведь источником радости у них является каждый полученный новый предмет, каждое самостоятельное действие, что очень выразительно проявляется в их поведении; дети не скрывают своих эмоций [9, с. 488]. Субъекты приведённых выше предложений не просто радуются, они в состоянии наивысшего удовольствия, радости.

2. Названия молодых лиц: *школьник, пионер (в походе), подросток, 12-летний мальчик, uczniowie, uczniacy* и под., напр.: (5) *«Это здорово! Я теперь могу заниматься тем, что люблю больше всего на свете, — есть, спать и заниматься сексом — и никто мне не помешает!» — Элисон* ***радуется как подросток****, у которого родители уехали в отпуск.* (6) *— Я как будто вырвался из темницы, или лучше я* ***радовался как школьник****, сорвавшийся со скамейки накануне праздника.* (7) *Kiedy udają się do Europy, są weseli, swobodni, zadowoleni, niczym rozbiegane konie albo ptaki wypuszczone z klatki; mężczyźni i kobiety, młodzi i starzy, wszyscy* ***są szczęśliwi jak uczniacy na wakacjach***.

Молодые люди менее экспрессивно и спонтанно проявляют свою радость, они пытаются сдержать её и овладеть своими эмоциями. Эмоциональные реакции несоразмерны с каузатором, который их вызывает; при этом признаком молодости является неустойчивость эмоций [9, с. 625]. Отсюда сравнительные обороты с названиями молодых лиц реже используются для выражения большей интенсивности переживаемого состояния субъекта.

3. Названия людей, имеющих, с точки зрения говорящего, умственные отклонения от традиционной нормы: *идиот, дура, дурак, дурачок, наивный ребёнок, безумные, ненормальные, маленький сумасшедший, wariat, głupia, głupek, głupi, szalony, nienormalny* и под., напр.: (8) *Я жалко выдумывал её, я подсовывал ей мои мысли и чувства,* ***радовался, как идиот****, чуть не плакал от счастья, когда она, шатаясь в словах, что-то повторяла.* (9) *Ко мне все относились с уважением; чиновники заискивали в секретаре Рязанова, а сам Рязанов не чаял во мне души и* ***радовался, как дурак,*** *когда через восемь лет супружества у него, наконец, родился сын...* (10) *Zwariować można z tymi dziewczynami! — Nałgałeś jej o prezencie na urodziny, a ta* ***cieszy się jak głupia*** *— skwitował Dominik.* (11) *Wracam do Warszawy — pomyślał z goryczą. — Chcę wrócić do Warszawy! Wyobraził sobie, że jedzie, i* ***cieszył się jak wariat****, bo jechać do Warszawy to było trochę tak, jakby jechać do Ani! Ona jeszcze tam będzie przez dwa dni, może... kto wie, co może się stać w ciągu dwóch dni, więc jechał, w wyobraźni naturalnie, szczęśliwy.*

Приведённые сравнения сигнализируют о неудержимой эмоциональности субъекта, который ведёт себя очень восторженно, с энтузиазмом.

4. Названия животных: *молодые коты, щенок, собака, птица, пташки, жаворонок, обезьяна, носорог, инфузория, małpy, dzika świnia, ptaki, kot, kotka, wół i osioł* и под., напр.: (12) *Лодку качало, но мужчины качки не замечали и* ***радовались, как молодые коты,*** *по очереди вытаскивая рыб.* (13) *Состоялось поступление в университет. Павлуша* ***был рад, рад как щенок****. Все вместе дружно радовались: он, его отец и его мать.* (14) *К счастливому*

гарсону он отнёсся скептически и сказал, что к таким примитивным существам неприложимы наши представления о счастье; но он допускал, что по-своему гарсон ***мог быть счастлив, — как собака, или птица, или обезьяна, или носорог*** *— под утро Платон начинал говорить вещи несуразные.* (15) *— Ech, takie sprawy... — westchnął po raz drugi tego wieczoru. Z wyrazu jego twarzy można było poznać, że* ***jest zadowolony jak wygłaskany kot****; był to, zdaje się, najtłuściejszy moment jego szlaku.* (16) *Kiedy się śmiejesz, obniża się poziom stresu w twoim organizmie. Spada także poziom lęku i dosłownie przejaśnia ci się w głowie: dobry nastrój idzie w parze z lepszą pracą pamięci. Intensywny śmiech sprawia, że czujesz się odprężona i* ***zadowolona jak kocur****, który właśnie wygrzewa się na słonku.* (17) *Socjotechnika i propaganda PO, w wyniku której wykształciuchy skaczą i* ***cieszą się jak małpy,*** *gdy ludzie PO obrażają np. prezydenta RP.*

Употребление названий животных, особенно молодых, отражает спонтанную, следующую своему внутреннему влечению радость.

5. Названия библейских персонажей: *бог, полубог, черти, небожительница, птица небесная, Adam i Ewa, Bóg, prorok* и под., напр.: (18) *Мы будем счастливы, — так* ***счастливы, как боги*** *на недоступных небесах!* (19) *А я вот счастлив, Ламме. Я* ***счастлив, как полубог****... Антон Антонович произносил это слово с особенно ярким немецким акцентом, потому что твердое «л» у него никогда не выходило.* (20) *Tego dnia Matka Boska miała się objawić członkom sekty i drewnianą arką zabrać ich ze sobą do nieba, gdzie mieli odtąd żyć nadzy, beztroscy i* ***szczęśliwi jak Adam i Ewa****, zanim dopuścili się grzechu. Tylko oni mieli zostać ocaleni.* (21) *Lecz okropny ten wieczór był przełomem w walce, a dzieciątko przyszło na świat zupełnie szczęśliwie. Kobieta leżała cicha, rozpogodzona, niezważająca na strzały,* ***szczęśliwa jak sam Bóg****. Nikt na świecie nie może uczuć tej radości, która jest udziałem matki: podziwu i zachwytu dla swojego dzieła.*

В приведённых примерах названия библейских персонажей коннотируют всё наилучшее, поэтому в сравительных оборотах сигнализируют о состоянии полной, абсолютной удовлетворённости субъекта.

6. Имена конкретных лиц, литературных героев, а также наименования лиц по профессии, роду занятий, званию, социальному статусу: *царь, охотник, корабельщик, татарин, любовник, счастливчик, офицер, боярин, пожарный, Лиденька, мать, Ивануша-дурачок, krawcowa, zawodnicy, szczęśliwy jak Kłapouchy w Kubusiu Puchatku* и под., напр.: (22) *Она* ***радовалась, как охотник, выследивший интересную дичь****, и совершенно забыла обо мне.* (23) *— Ты, Ванечка,* ***радуешься****,* ***как пожарный****, который давно не гасил огня...* (24) *Ale tu przecież nie chodzi o sport, ale o zabawę na lodowisku. Z przyjemnością walczymy o każdą bramkę i wtedy* ***cieszymy się jak prawdziwi zawodnicy****.* (25) *Muza przychodziła zatem na każde żądanie, nie było problemów. Kiedy pisała na konkretne zamówienie, była «****zadowolona jak krawcowa****, która uszyła ubranie na miarą i ono pięknie leży». Nawet hasła reklamowe spływały z jej pióra czy z ust [...].*

Названия лиц, с которыми производится сравнение, обычно распространены зависимыми формами, конкретизирующими причину радости, довольства: охотник радуется, когда/если выследит интересную дичь, значит, для охотника это большая радость.

Кроме приведённых выше названий, в единичных случаях употребляются разные другие объекты сравнения. Такие конструкции являются своего рода свойством индивидуального языкового репертуара говорящего, который хочет как можно наиболее образно представить интенсивность своих эмоций [7, с. 47], напр.: *радовался, как татарин, укравший сто рублей; радуемся как детишки на ёлках; радуются, как черти; счастлив, как окончательно побратавшийся со всеми людьми человек; счастлива, как все преданные какой-нибудь страстной мечте люди; счастливы, как никто в мире после грехопадения нашего праотца в раю; szczęśliwy jak kochankowie z baśni i marzeń dzieci; szczęśliwi jak wół i osioł nad żłobem.*

Особый интерес у нас вызывает такой пример индивидуально-авторского сравнения, служащего для более образной передачи эмоций: (26) *Mogę mieć chemię. No to* ***się cieszę jak nagi w pokrzywach****. Słyszę głos ojca, jego kaszel, kiedy mówił: «****cieszę się jak nagi w pokrzywach****», to ironiczna radość, nie wprost, cieszę się inaczej, jak by się dziś powiedziało. No więc ja też cieszę się inaczej. Bo czy można cieszyć się z tego, że dadzą mi w żyłę truciznę, tak że mi w pięty pójdzie? Gdyby jednak było to niemożliwe, byłoby jeszcze gorzej.* Радость говорящего противопоставляется здесь неприятному самочувствию, что и комментируется в следующем за сравнительным оборотом объяснении ситуации. Говорящий нашёлся в неприятном, трудном положении, он радуется без причины.

Иногда в живой устной речи появляются ошибочно построенные сравнительные обороты, представляющие собой результат контаминации сочетания близких по форме и/или по значению [8, с. 173—174], напр.: (27) *Naszym zadaniem będzie twarde stawianie kwestii polskich interesów. Nie będziemy działali tak, jak urzędnicy obecnego rządu, jak np. pani Danuta Hübner, która cieszyła się jeszcze nie tak dawno z wyniku prac Konwentu Europejskiego. Jest takie*

powiedzenie: ***cieszy się jak głupi do sera*** (Из выступления в сейме). Автор использовал приём контаминации, смешав два сравнительных оборота *cieszy się jak głupi* и *śmieje się jak głupi do sera*, чтобы показать, что X радуется необоснованно, бессмысленно.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что в сравнительных оборотах со значением приятного эмоционального состояния появляется большое разнообразие объектов сравнения, служащих, главным образом, градации и интенсификации переживаемых эмоций: радости, удовлетворённости, счастья. Среди них лишь существительное *ребёнок/dziecko* образует собственно устойчивое сравнение, остальные имеют индивидуально-авторский характер и употребляются окказионально. Они служат для более точной передачи человеческих чувств, но не фиксируются в словарях.

Литература

1. *Девятова Н. М.* Сходство как сравнительный смысл и его языковые репрезентации / Н. М. Девятова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. — М., 2011. — № 2. — С. 7—13.

2. *Девятова Н. М.* Об образном сравнении и его типологии / Н. М. Девятова // Болгарская русистика. — 2010. — Т. 2. — С. 56—64.

3. *Зевахина Т. С.* Метафорика ситуационного образа: когнитивный анализ устойчивых сравнений [Электронный ресурс] / Т. С. Зевахина. — Режим доступа: http://www.dialog-21.ru

4. *Назарова И. В.* Десемантизованные сравнения в системе образных средств русского и французского языков [Электронный ресурс] / И. В. Назарова. — Режим доступа: www.bashedu.ru

5. *Неверова В. В.* Функционирование компаративных структур в интенсифицированном высказывании (на материале французского языка) / В. В. Неверова // Теоретические проблемы функциональной грамматики : материалы Всероссийской науч. конф. (С.-Петербург, 26—28.09.2001 г.) / отв. ред. А. В. Бондарко. — СПб. : Наука, 2001. — С. 223—226.

6. *Русский язык. Энциклопедия* / ред. Ф. П. Филин. — М. : Советская Энциклопедия, 1976. — 431 с.

7. *Chlebda W.* Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy / W. Chlebda. — Opole : WSP, 1991. — 199 s.

8. *Kurkowska H.* Stylistyka polska. Zarys / H. Kurkowska, S. Skorupka. — W. : PWN, 1964. — 400 s.

9. *Psychologia rozwojowa dzieci i młodzieży* / red. M. Żebrowska. — W. : PWN, 1966. — 879 s.

10. *Wysoczański W.* Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych na materiale wybranych języków / W. Wysoczański. — Wrocław, 2005. — 402 s.

Источники материала

Национальный корпус русского языка.
Korpus Języka Polskiego Wydawnictwa Naukowego PWN.
Korpus Instytutu Podstaw Informatyki i Instytutu Języka Polskiego PAN.
Korpusy PELCRA Uniwersytetu Łódzkiego.

References

1. *Deviatova N. M.* Shodstvo kak sravnitel'nyj smysl i ego jazykovye reprezentacii / N. M. Deviatova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Russkaja filologija. — M., 2011. — № 2. — S. 7—13.

2. *Deviatova N. M.* Ob obraznom sravnenii i ego tipologii / N. M. Deviatova // Bolgarskaja rusistika. — 2010. — T. 2. — S. 56—64.

3. *Zevahina T. S.* Metaforika situacionnogo obraza: kognitivnyj analiz ustojchivyh sravnenij [Elektronnyj resurs] / T. S. Zevahina. — Rezhim dostupa: http://www.dialog-21.ru

4. *Nazarova I. V.* Desemantizovannye sravnenija v sisteme obraznyh sredstv russkogo i francuzskogo jazykov [Elektronnyj resurs] / I. V. Nazarova. — Rezhim dostupa: www.bashedu.ru

5. *Neverova V. V.* Funkcionirovanie komparativnyh struktur v intensificirovannom vyskazyvanii (na materiale francuzskogo jazyka) / V. V. Neverova // Teoreticheskie problemy funkcional'noj grammatiki : materialy Vserossijskoj nauch. konf. (S.-Peterburg, 26—28.09.2001 g.) / otv. red. A. V. Bondarko. — SPb. : Nauka, 2001. — S. 223—226.

6. *Russkij jazyk. Enciklopedija* / red. F. P. Filin. — M. : Sovetskaja Jenciklopedija, 1976. — 431 s.

7. *Chlebda W.* Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy / W. Chlebda. — Opole : WSP, 1991. — 199 s.

8. *Kurkowska H.* Stylistyka polska. Zarys / H. Kurkowska, S. Skorupka. — W. : PWN, 1964. — 400 s.

9. Psychologia rozwojowa dzieci i młodzieży / red. M. Żebrowska. — W. : PWN, 1966. — 879 s.

10. *Wysoczański W.* Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych na materiale wybranych języków / W. Wysoczański. — Wrocław, 2005. — 402 s.

Istochniki materiala

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka.
Korpus Języka Polskiego Wydawnictwa Naukowego PWN.
Korpus Instytutu Podstaw Informatyki i Instytutu Języka Polskiego PAN.
Korpusy PELCRA Uniwersytetu Łódzkiego.

Зофія ЧАПІГА,
доктор філологічних наук, професор, зав. кафедрою порівняльного мовознавства Жешувського університету; Жешув, Польща;
zczapiga@wp.pl; тел.: +48 (17) 8563874

ПОРІВНЯЛЬНИЙ ЗВОРОТ ЗІ ЗНАЧЕННЯМ ПРИЄМНОГО ЕМОЦІЙНОГО СТАНУ В РОСІЙСЬКІЙ І ПОЛЬСЬКІЙ МОВАХ

Анотація. Стаття присвячена дослідженню російських і польських порівняльних зворотів зі значенням приємного емоційного стану. Такі звороти використовуються мовцями для більш точної образної передачі почуттів та емоцій. Функтор *как/jak* утворює два типи порівняльних зворотів, з'єднуючи з головним словом окремі слова або словосполучення, що позначають зразок, фон порівняння: 1) прикметники *счастливый, довольный, рад; szczęśliwy, zadowolony* + іменник; 2) дієслова *радоваться; cieszyć się* + іменник. У порівняльних зворотах зі значенням приємного емоційного стану виявляється багато різноманітних об'єктів порівняння, які виражають значення градації та інтенсифікації пережитих емоцій. Це назви маленьких дітей, молодих осіб, тварин, біблійні назви і т. ін. Серед них лише іменник *ребёнок/dziecko* утворює стійке порівняння. У поодиноких випадках використовуються різні інші об'єкти порівняння *(радовался, как татарин, укравший сто рублей; cieszy się jak nagi w pokrzywach)*. Такі конструкції мають індивідуально-авторський характер.

Ключові слова: російська та польська мови, порівняльний зворот, позитивні емоції.

Zofia CZAPIGA,
Grand Doctor of Philology, Full Professor, Head of the Department of Comparative Linguistics of Rzeszów University; Rzeszow, Poland;
zczapiga@wp.pl; tel.: +48 (17) 8563874

ON THE COMPARATIVE PHRASES WITH THE MEANING OF POSITIVE EMOTIONAL STATE IN RUSSIAN AND POLISH

Summary. The article concerns the problem of Russian and Polish comparative phrases with the meaning of positive emotional state. They are used by the speaker for achieving more accurate, vivid expression of emotions. Functor *как* (kak)//*jak* creates two types of comparative phrases, linking the main lexeme with separate words or phrases that cover the function of background of the comparison: 1) adjective *счастливый* (shchastlivyj), *довольный* (dovol'nyj), *рад* (rad)*; szczęśliwy, zadowolony* + noun; 2) verb *радоваться* (radovatsa)*; cieszyć się* + noun. It occurs that in comparative phrases with the meaning of positive emotional state one can observe a great deal of variety in case of the objects of comparison that strenghten the expression of emotions. They are usually names of small children, young people, animals, biblical names etc. Among all of them, only nouns *ребёнок* (rebionok)/*dziecko* create fixed comparative phrases. In separate cases some other objects of comparison may be used *(радовался, как татарин, укравший сто рублей (radovals'a, kak tatarin, ukravshij sto rublej); cieszy się jak nagi w pokrzywach)*. Such structures will be treated as a reflection of individual author's style.

Key words: the Russian and the Polish languages, comparative phrases, positive emotions.

Статтю отримано 20.08.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.161.1’367.634/.335.1:821.161.1 Паустовский

ЧЕНЬ Шаосюн,
соискатель кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел. +38 (048) 7762277

ВЫРАЖЕНИЕ ГРАДАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНСТРУКЦИЯХ СОЮЗНОЙ СВЯЗИ
(на материале рассказов К. Г. Паустовского)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования градационных союзных конструкций разной структуры в рассказах Константина Паустовского. Проанализированы все сочинительные градационные конструкции (40), выбранные из 50 рассказов писателя, написанных в период с 1929 по 1961 г. Чаще всего автор использует союз *не только... но и* 70 % употреблений всех градационных союзов). Использование других союзов можно считать единичным: *не только... но даже* — 5 %); *не то что... а даже* 5 %); *вернее* 5 %); *не только... но* (2,5 %); *не только не... но* (2,5 %); *не только... но просто* (2,5 %); *не только... а и* (2,5 %); *не то что* (2,5 %); *а то и* (2,5 %). Другие градационные союзы в текстах рассказов не зафиксированы. Градационные сочинительные союзы в языковой картине мира Паустовского доминируют в функции средства связи однородных членов предложения (92,5 % употреблений). Они редко служат для связи частей сложносочинённых предложений 5 % употреблений) и для связи самостоятельных предложений в тексте (2,5 %). Из трёх типов градационных отношений доминируют отношения между более значимым и менее значимым понятиями 95 % употреблений).

Ключевые слова: градационные отношения, сочинительная связь, градационные союзы, языковая картина мира К. Г. Паустовского, синтаксис русского языка.

В «Русской грамматике» (1980) указывается, что «в основе градационных отношений лежит сопоставление или противопоставление по степени значимости: сообщаемое в одной части конструкции представлено как в том или ином отношении более значимое, действенное или убедительное по сравнению с тем, о чём говорится во второй части. Сопоставление при этом, как правило, осложнено субъективно-оценочным компонентом» [6, т. 2, с. 632]. Исследованию градационных отношений в русском языке и средств, выражающих такие отношения, уделяется внимание, однако работы, рассматривающие особенности градационных или градуальных отношений в языке, появляются нечасто [см., напр.: 4; 2; 3]. Иногда градационные отношения рассматриваются как разновидность сопоставительных отношений [1, с. 238—239].

Градуированием в русском языке считают выражение меры степени, качества, деятельности [4, с. 3]. Градационные отношения могут выражаться разными средствами русского языка: лексическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими. Исследователи градуальности в русском языке считают, что впервые на отношения градации обратил внимание в середине XIX в. Г. П. Павский в своей теории трёх степеней [4, с. 36—51; 5]. Так, А. Б. Ильина специальными словами градуальной семантики считает наречия *уже, ещё*, а также наречие и частицу *просто* [3, с. 111—134]. С. М. Колесникова лексемами, выражающими отношения градации, считает также *очень, прекрасный, большой, маленький, худой* и под. Словообразовательными средствами, выражающими градацию, исследовательница считает суффиксы субъективной оценки, префиксы, супплетивные формы, образующие степени качества слов [4, с. 132—164]. В. А. Осокина указывает в этой связи на глагольные суффиксы разных степеней действия [5]. Морфологическими средствами градации считаются суффиксы и частицы, образующие разные формы степеней сравнения имён прилагательных, наречий, слов категории состояния [4, с. 101—113]. Группа сочинительных градационных союзов является основным морфологическим средством выражения градационных отношений в синтаксисе: в конструкциях сложносочинённых предложений с градационными отношениями между частями и в рядах однородных членов предложения, между которыми также могут устанавливаться отношения градации [2].

Цель данной статьи — выявить особенности использования конструкций, выражающих градационные отношения в рассказах К. Г. Паустовского. Основные *задачи*: 1) установить частотные характеристики использования градационных союзов в художественной картине мира писателя; 2) определить место и роль сочинительных союзов в формировании К. Г. Паустовским синтаксических конструкций разных уровней для выражения градационных отношений. *Объектом* исследования являются сочинительные союзные конструкции всех синтаксических уровней с разнообразной градационной семантикой в авторских текстах К. Г. Паустовского, *предметом* исследования — передаваемые градационными союзами семантические отношения. *Материалом*

 © Чень Шаосюн, 2014

изучения послужили авторские конструкции, организованные сочинительной связью с градационными союзами, выбранные способом сплошной выборки из 50 рассказов, написанных автором в период с 1929 по 1961 гг.

В оформлении градационных отношений широко используются двухместные союзы, которые представляют собой «соединения двух формально не совпадающих и позиционно разобщённых элементов. В образовании таких союзов помимо собственных союзных средств принимают участие частицы, модальные слова, наречия, а также такие фразеологизмы, как *мало того что...; не сказать чтобы...; если говорить о...; что касается...* Все эти неравноценные по своим формальным качествам средства, образуя союзные соединения, являются носителями квалифицирующих или субъективно-оценочных значений» [6, т. 1, с. 718]. К группе сочинительных градационных союзов обычно относят такие союзы: *как... так и, не только... но и, если не... то, не столько... сколько, не то чтобы... но, не то чтобы... а, не то что... а, хотя и... но, мало того что... ещё и, не сказать чтобы... но, если говорить о... то, что касается... то* и некоторые другие.

В зависимости от значения союза и правил расположения его компонентов градация может быть восходящей (нарастание значимости) или нисходящей (убывание значимости)» [6, т. 2, с. 632]. И. Н. Кручинина выделяет три разновидности градационных отношений в синтаксических конструкциях: «1) сообщаемое в одной части представлено как в том или ином аспекте более важное, более значимое; градационными отношениями охватываются, как правило предикативные признаки; 2) сообщаемое в одной части оценивается как более истинное, более достоверное; 3) сообщаемое в одной части оценивается как более соответствующее существу обозначаемого; в основе градационного сопоставления здесь лежит разграничение формы сообщения и его сущности» [6, т. 2, с. 632].

В процессе нашего исследования мы попытались установить, во-первых, частотность использования К. Г. Паустовским конструкций с градационными союзами; во-вторых, — частотность использования градационных союзов между однородными членами и между частями сложных предложений; в-третьих, — степень приоритетности выражения в идиостиле К. Г. Паустовского каждой из трёх разновидностей градационных отношений.

Путём сплошной выборки мы определили, что К. Г. Паустовский всего 40 раз употребил градационные союзы в исследованном корпусе текстов (50 рассказов). Между однородными членами простых предложений градационные союзы были зафиксированы в абсолютном большинстве случаев: 37 употреблений (92,5 %); между частями сложносочинённых предложений — 2 употребления 5 %); между самостоятельными предложениями в составе текста — 1 употребление (2,5 %). Сравните:

1) *Человек должен быть человечен* ***не только*** *в своей радости,* ***но и*** *в страдании* (Рассказ «Иван Бунин»). Здесь союз не *только... но и* соединяет однородные обстоятельства времени/условия, выражая градационные отношения между более значимым и менее значимым понятиями. Употребление такого союза указывает на то, что Паустовский отдавал преимущество в жизни радости, а не страданию.

2) *Обширные луга были политы ночным дождём, а это значило, что* ***не только*** *в каждом венчике блестела капля воды,* ***но*** *всё великое множество трав и кустов издавало резкий и освежительный запах* (Рассказ «Во глубине России»). Союз не *только... но* служит здесь для связи однородно соподчинённых изъяснительных придаточных частей в составе усложнённого предложения.

3) *Какими-то ещё неясными для него самого путями эта улыбка связывалась у Дубова со множеством хороших мыслей.* ***Вернее,*** *она вызывала эти мысли о счастливом значении его работы, о будущем, о том, что не так уж далеко весна* (Рассказ «Секвойя»). Слово *вернее* выступает здесь в роли союза, который служит для обозначения градационных отношений между тем, что более соответствует существу обозначаемого, и тем, что менее ему соответствует, в позиции между самостоятельными предложениями текста.

Традиционно считается, что градационные отношения между **более значимым и менее значимым понятиями** представлены в языке такими союзами: 1) *не только... но и (а и; но даже; а ещё; а к тому же); не только не... но (но скорее; скорее; напротив; наоборот); а не только; 2) не то что... но (а; просто; даже; даже не); даже... не то что; даже не... не то что; даже не... тем более не; 3) мало того... ещё и; мало того что... ещё и; мало того; более того; больше того; хуже того; а то и)* [6, т. 2, с. 632]. Особенностью идиостиля К. Г. Паустовского можно считать преимущественное выражение отношений градации между более значимым и менее значимым понятиями: из 40 употреблений такое значение выражается в 38 95 %). Притом наиболее продуктивным является союз не *только... но и* между однородными членами предложений: 28 употреблений 70 % от общего количества употреблений; 70 % от количества употреблений при отношениях между более значимым и менее значимым понятиями). Например: (1) *Изменялся* ***не только цвет*** *земли,* ***но и*** *самый* ***воздух*** (Рассказ «Исаак Левитан»). — Градационные отношения между однородными подлежащими. (2) *Алексей*

Толстой ***не только*** *крупнейший* ***мастер*** *нового, социалистического времени,* ***но и носитель*** *высоких традиций, идущих от Пушкина, Гоголя, Чехова, Горького* (Рассказ «Алексей Толстой»). — Градационные отношения между однородными составными именными сказуемыми. (3) *Я знал, что защищаю* ***не только*** *всю* ***страну, но и*** *вот этот её маленький и самый милый для меня* ***уголок*** *— и* ***тебя****, и наш* ***сад****, и вихрастых наших* ***мальчишек****, и берёзовые* ***рощи*** *за рекой, и даже* ***кота*** *Архипа* (Рассказ «Снег»). — Градационные отношения между однородными прямыми дополнениями. (4) *Отсутствие юмора свидетельствует* ***не только о равнодушии*** *ко всему окружающему,* ***но и об*** *известной умственной* ***тупости*** (Рассказ «Рувим Фраерман»). — Градационные отношения между однородными косвенными дополнениями. (5) *Я видел листву,* ***не только золотую и пурпурную****, но и* ***алую, фиолетовую, коричневую, черную, серую и*** *почти* ***белую*** (Рассказ «Жёлтый свет»). — Градационные отношения между однородными определениями. (6) *Цветы стояли* ***не только на подоконниках, но и на полу*** *и ярко цвели; им было хорошо, должно быть, в этой тёплой светлой избе* (Рассказ «Кордон 273»). — Градационные отношения между однородными обстоятельствами места.

Употребление некоторых других союзов можно считать единичным. Это союзы *не только... но даже* (2 раза); *не только... но просто* (1 раз); *не только... а и* (1 раз); *не то что* (1 раз); *не то что... а даже* (2 раза); *а то и* (1 раз). Напр.: (1) *Варвара Яковлевна, фельдшерица туберкулёзного санатория, робела* ***не только перед профессорами, но даже перед больными*** (Рассказ «Робкое сердце»). — Компонент даже сохраняет значение усилительной частицы и подчёркивает необычность отношений между более значимым и менее значимым понятиями. (2) *Такие знакомства Андерсен считал* ***не только естественными, но просто необходимыми*** *(Рассказ «Сказочник* (Христиан Андерсен)»). (3) *Прост в труде, ясен в своих размышлениях, доброжелателен в отношении к людям. Да* ***не только к людям, а и к*** *каждому доброму* ***зверю****, к каждому* ***дереву*** (Рассказ «Кордон 273»). — Градационные отношения между однородными косвенными дополнениями выражены в присоединённой конструкции. (4) *Здесь их* ***не то что собирать — косить*** *можно* (Рассказ «Кордон 273»). (5) *Стара я стала и слаба до того, что тяжело мне* ***не то что ходить, а даже сидеть и лежать****, — смерть забыла ко мне дорогу* (Рассказ «Телеграмма»). (6) *«Утиль» появлялся в деревне не часто —* ***раз в месяц, а то и реже*** (Рассказ «Во глубине России»).

Единичным в идиостиле К. Г. Паустовского можно считать также выражение градационных отношений между частями сложносочинённых предложений. Выражение отношений между более значимым и менее значимым понятиями в ССП мы зафиксировали в корпусе проанализированных текстов всего 2 раза: по 1 разу с союзами *не только не... но* и *не только... но*: *...Мне казалось, что лодка* ***не только не*** *продвигается,* ***но*** *что ее сносит к какому-то чёрному широкому водопаду...* (Рассказ «Ночь в октябре»). ССП с союзом *не только... но* зафиксировано выше.

Градационные **отношения между более истинным (достоверным) и менее истинным** представлены, по мнению И. Н. Кручининой, в конструкциях с союзами: *если не... то по крайней мере (то во всяком случае); если не; если не сказать; чтобы не сказать; не то чтобы... но; не то чтобы; не то что... но; не то что; не сказать чтобы... но; нельзя сказать чтобы; скорее; скорее наоборот* [6, т. 2, с. 633]. В проанализированных текстах рассказов К. Г. Паустовского мы не зафиксировали союзов, передающих градационные отношения между более истинным (достоверным) и менее истинным понятиями ни в конструкциях однородных членов предложения, ни в конструкциях сложносочинённых предложений, ни на уровне связи самостоятельных предложений в тексте.

Для обозначения градационных **отношений между тем, что более соответствует существу обозначаемого, и тем, что менее ему соответствует**, в русском языке имеется группа союзных средств, называемая в «Русской грамматике» (1980) союзными аналогами: *вернее; точнее; вернее сказать; точнее говоря; иными словами; мало сказать; лучше сказать* [6, т. 2, с. 633]. В исследованном нами корпусе рассказов К. Г. Паустовского зафиксировано лишь 2 конструкции с союзом *вернее*: 1 — между однородными членами и 1 — для связи самостоятельных предложений в тексте. Напр.: *Мальчишки эти* ***«всепроницаемы»****,* ***вернее «всепроницающи»****, или, говоря старинным тяжеловесным языком, «вездесущи»* (Рассказ «Во глубине России»). — Более соответствует существу обозначаемого форма причастия действительного залога, а не страдательного залога. Пример использования союза *вернее* для связи самостоятельных предложений в тексте приведён в статье выше.

Таким образом, в результате проведённого исследования мы пришли к следующим *выводам*.

1. В художественной картине мира К. Г. Паустовского из трёх типов градационных отношений доминируют **отношения между более значимым и менее значимым понятиями**, зафиксированные нами в 95 % конструкций корпуса проанализированных рассказов.

2. В текстах 50 исследованных рассказов градационные отношения в большинстве случаев выражаются двойным союзом ***не только... но и***. Употребление других союзов можно признать единичным. Градационные союзы в указанных текстах участвуют в выражении 40 эпизодов

градационных отношений. В том числе: союз *не только... но и* — в 28 эпизодах 70 %); союз *не только... но даже* — в 2 эпизодах 5 %); *не то что... а даже* — в 2 эпизодах 5 %); *вернее* — в 2 эпизодах 5 %); *не только... но* — в 1 эпизоде (2,5 %); *не только не... но* — в 1 эпизоде (2,5 %); *не только... но просто* — в 1 эпизоде (2,5 %); *не только... а и* — в 1 эпизоде (2,5 %); *не то что* — в 1 эпизоде (2,5 %); *а то и* — в 1 эпизоде (2,5 %).

3. В структурном аспекте выражение градационных отношений с помощью сочинительных союзов в языковой картине мира К. Г. Паустовского преобладает в сочетаниях однородных членов простого предложения, так как представлено в 92,5 % конструкций (37 эпизодов). Лишь в 5 % (2 эпизодов) зафиксировано употребление градационных союзов для связи предикативных частей сложносочинённых предложений. 2,5 % (1 эпизод) — употребление градационного союза для связи самостоятельных предложений в тексте.

Литература

1. *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. — 3-е изд., испр. — М. : Высшая школа, 1991. — 432 с.

2. *Згурская О. Г.* Функционирование синтаксических конструкций с градационными союзами в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Г. Згурская. — СПб., 2000. — 161 с.

3. *Ильина А. Б.* «Гибридные» слова с градуальной семантикой в современном русском языке (Наречия-частицы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Б. Ильина. — Саранск, 2005. — 216 с.

4. *Колесникова С. М.* Градационные отношения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. М. Колесникова. — М., 1993. — 253 с.

5. *Осокина В. А.* Бесприставочные глаголы с суффиксом -ива-/-ыва- в свете теории степеней / В. А. Осокина // Вестник Удмуртского университета. — Сер. Филологические науки. — Саранск, 2005. — № 5 (2). — С. 187—190.

6. *Русская грамматика* : в 2 т. / АН СССР ; Ин-т русского языка ; [ред. Н. Ю. Шведова]. — М. : Наука, 1980. — Т. 1. — 784 с. ; Т. 2. — 712 с.

ЧЕНЬ Шаосюн,
здобувач кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел. +38 (048) 7762277

ВИРАЖЕННЯ ГРАДАЦІЙНИХ ВІДНОШЕНЬ У КОНСТРУКЦІЯХ СПОЛУЧНИКОВОГО ЗВ'ЯЗКУ (на матеріалі оповідань К. Г. Паустовського)

Анотація. У статті розглядаються особливості використання градаційних сполучникових конструкцій різної структури в оповіданнях Костянтина Паустовського. Проаналізовано всі сурядні градаційні конструкції (40), вибрані з 50 оповідань письменника, написаних у період з 1929 по 1961 р. Найчастіше автор використовує сполучник не *только... но и* 70 % від усієї кількості вживань градаційних сполучників). Використання інших сполучників можна вважати одиничним: *не только... но даже* — 5 %); *не то что... а даже* 5 %); *вернее* 5 %); *не только... но* (2,5 %); *не только не... но* (2,5 %); *не только... но просто* (2,5 %); *не только... а и* (2,5 %); *не то что* (2,5 %); *а то и* (2,5 %). Інших градаційних сполучників у текстах оповідань не зафіксовано. Градаційні сурядні сполучники у мовній картині світу Паустовського домінують у функції засобу зв›язку однорідних членів речення (92,5 % конструкцій). Вони рідко вживаються для зв›язку частин складносурядних речень 5 % конструкцій) і для зв'язку самостійних речень у тексті (2,5 %). Із трьох типів градаційних відношень в досліджених текстах домінують відношення між більш значущим і менш значущим поняттями 95 % конструкцій).

Ключові слова: градаційні відношення, сурядний зв›язок, градаційні сполучники, мовна картина світу К. Г. Паустовського, синтаксис російської мови.

CHEN Shaoxiong,
Post-Graduate Student of the Russian Language Department of Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
Francuzskiy Boulevard, 24/26, Odessa, 65058, Ukraine; tel. +38 (048) 7762277

CONSTRUCTIONS WITH GRADATIONAL CONJUNCTIONS IN THE STORIES BY KONSTANTIN PAUSTOVSKY

Summary. The article looks upon the features of the use of conjunctive gradational constructions of various structures in the stories by Paustovsky. All coordinative gradational constructions (40), selected from 50 stories written between 1929 and 1961, were analyzed here. The writer often uses conjunction *ne tol'ko... no i* 70 % of the total number of constructions). Using of other conjunctions can be considered a single: *ne tol'ko... no dazhe* 5 %); *ne to chto... a dazhe* 5 %); *verneye* 5 %); *ne tol'ko... no* (2.5 %); *ne tol'ko ne... no* (2,5 %); *ne tol'ko... no prosto* (2.5 %); *ne tol'ko... a i* (2.5 %); *ne to chto* (2.5 %); *a to i* (2.5 %).

Other gradational conjunctions are not fixed in the texts of stories. In the lingual picture of the world of Paustovsky gradational coordinative conjunctions dominate as a means of connection of homogeneous parts of the sentences (92.5 % of use). Occasionally they are used by Paustovsky for connection of parts of the complex sentences 5 **%** of use) and for connection of separate sentences in the text (2.5 %). The relations between more meaningful and less meaningful concepts dominate among the three types of gradational relations 95 % of use).

Key words: gradational relations, coordinative connection, gradational conjunctions, lingual picture of the world of Konstantin Paustovsky, the syntax of the Russian language.

Статтю отримано 10.11.2014 р.

ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ ТА МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

УДК [811.111+811.124]'233'243:378:34

ПЛОТНИЦЬКА Світлана Валеріївна,
кандидат педагогічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: s-plotnitskaya@mail.ru; тел.: +38 (048) 7613957

ВІТ Надія Петрівна,
кандидат філологічних наук, доцент, зав. кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: rgf@onu.edu.ua; тел.: +38(0482)630703

ЄРЕМЕНОК Оксана Ігорівна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: s-plotnitskaya@mail.ru; тел.: +38 (048) 7613957

АНУФРІЄВА Наталія Михайлівна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: rgf@onu.edu.ua; тел.: +38(0482)630703

МІЖКУЛЬТУРНА КОМУНІКАЦІЯ ТА ВЗАЄМОПРОНИКНЕННЯ МОВ У НАВЧАЛЬНОМУ ПРОЦЕСІ

Анотація. Концепти ідеальні і кодуються у свідомості одиницями універсального предметного коду. Особливі ускладнення та інтерес викликає зіставлення вербальних концептів рідної та іноземної мов. Студент як мовна особистість долучається до певної національної культури через засвоєння основних національно-детермінованих культурних концептів і символів іншої культури. Для студентів-юристів, які вивчають римське право й англійську мову, важливо зрозуміти: між латинським та англійським вокабуляром, що має відношення до юриспруденції, є багато спільного. Мовна спільність лексики і граматики латинської та англійської мов є взаємопроникною та повинна сприяти засвоєнню лексики цієї пари мов.

Ключові слова: міжкультурна комунікація, мовна особистість, концепт, взаємопроникнення мов, англійська мова, латинська мова, картина світу.

Осягнення національної картини світу, особливостей ментально-лінгвального комплексу представників іншої культурної спільноти, залучення студента до певної національної культури відбувається через засвоєння основних національно-детермінованих культурних концептів і символів іншої культури. Основними об'єктами когнітивного мислення людини, яка навчається, є репрезентації, що мають у даному мовному колективі статус національно-культурного еталону певної ситуації спілкування. Спілкування виявляється можливим тільки за наявності у свідомості кожного мовця фреймів, сценаріїв і моделей ситуацій, тобто когнітивних структур культури країни досліджуваної мови.

Готовність сприймати чуже не є природною властивістю людини. Взаєморозуміння, засноване на визнанні чужих цінностей і повазі до них, може і повинно бути метою виховання. Психологічний аспект взаєморозуміння передбачає співробітництво за умови того, що: а) предмет спілкування стає особистісно значущим для комунікантів (особистісний контакт); б) проявляються відносини емпатії (емоційний контакт); в) обидва комуніканти знімають смислові бар'єри (смисловий контакт). Необхідна головна передумова взаєморозуміння — привласнення знань про культуру комунікантів. Засвоєна культура розуміється як невидима частина айсберга; комунікантів об'єднує не те, що вони говорять, а те, що замовчують, хоча і знають: це їхня пресупозиція. Без цього не буде прийняття чужої ментальності та національного характеру. Ментальність може ускладнювати міжкультурне спілкування, бо «шум» у комунікації зв'язків може перешкодити встановленню прямих і зворотних зв'язків, розчленувати комунікативний ланцюг:

© Плотницька С. В., Віт Н. П., Єременок О. І, Ануфрієва Н. М., 2014

відправник інформації — інформація — одержувач інформації. З ментальністю пов'язана ідея «мовної картини світу». У людини існує «мережа уявлень» — скелет картини світу. Перетин різних «мереж» дає ментальність. Картина світу складається з концептів і зв'язків між ними, тому її називають концептуальною картиною світу.

Концепти ідеальні та кодуються у свідомості одиницями універсального предметного коду, в основі яких лежать індивідуальні чуттєві образи, що формуються на базі особистого чуттєвого досвіду людини. Концептуальні ознаки виявляються через семантику мови. Концепти репрезентуються словами, проте слово своїм значенням представляє лише частину концепту, звідси необхідність синонімії слова, потреба в текстах, які сукупно розкривають зміст концепту. Концептосфера національної мови тим багатша, чим багатша вся культура нації. Особливі ускладнення й інтерес викликає зіставлення вербальних концептів рідної та іноземної мов, які посідають головне місце в етнічній картині світу.

База знань мовця дає можливість бути економним, у разі її переважного збігу зі знаннями слухача. Для успішності комунікації має значення схожість менталітету, що дозволяє досягти мінімальних змін інформації у процесі спілкування. Когнітивна обробка інформації, що надходить до людини при дискурсі, читанні, знайомстві з мовними текстами, відбувається як під час розуміння, так і в процесі породження мовлення.

Процес мовленнєвого утворення нерозривно пов'язаний із процесами, що відбуваються в нашій пам'яті, проте необхідно враховувати «фонові знання», які представляють собою обопільне знання реалій мовцем і слухачем, що є основою мовного спілкування. Як було зазначено вище, за мовним знаком ховається розумовий концепт. Мовний знак лише співвідносить розум людини з концептом. Людина живе у світі своєї концептуальної свідомості, понятійного мислення. Внутрішня картина світу накладається на зовнішню картину світу, завдяки чому стає можливим розуміння. Таке розуміння обмежене можливостями самої свідомості, тобто внутрішньою картиною світу.

Концептуалізація — це когнітивний процес, який відбувається в той час, коли слухач або читач, виходячи за рамки експліцитно вираженої текстової інформації та враховуючи відповідний контекст, конструює нову ментальну семантичну і трансформовану граматичну репрезентацію інформації, тобто нові поняття концептуалізуються на основі подібних концептів, вже існуючих у мозку людини. Студент як мовна особистість долучається до певної національної культури через засвоєння основних національно-детермінованих культурних концептів і символів іншої культури.

До сучасних програм іноземних мов органічно вводиться компонент, спрямований на формування у студентів умінь не тільки текстосприйняття, а й текстотворення. Оскільки основною одиницею спілкування є текст, то саме текст виступає як вища одиниця навчання. Текстоцентричний підхід нерозривно пов'язаний із комунікативно-діяльнісним підходом у навчанні мови.

Сучасні лінгвісти зосереджують увагу на концептуальному аналізі, що має на меті виявлення глибинних культурних конотацій. Вивчення асоціативно-вербальних мереж передбачає звернення до матеріалу живих мов. А що робити з латиною? Відповіддю буде звернення до внутрішньої форми слова як до продукту розумової діяльності людини, що зберігає форми переходу дійсності в мислення.

Від істориків культури завжди надходить заклик деконструювати, тобто заново обміркувати словесний склад нашого знання. Вивчення внутрішньої форми слова звертає нас до самого процесу номінації, оскільки актуалізація тієї чи іншої ознаки у слові — це не просто акт словотворчості, але частина загального цілеспрямованого мовного процесу творення, обумовленого внутрішніми потребами як самої людини, так і мови. Тому слово постає перед слухачем у своїй формі як частина нескінченного цілого мови. Співвідношення похідної та непохідної лексики у словниковому складі будь-якої мови дозволяє зрозуміти, які смисли були предметом особливої уваги людини.

Оскільки в будь-якій мові через словотворення маркується те, що є біологічно, соціально чи культурно значущим у свідомості народу, то можна припустити, що словотворчий акт певним чином організовує смисловий простір мови, зумовлюючи відбір значущих чинників і фактів і встановлюючи наявність між ними зв'язку. Словотворчо маркована лексика дозволяє виявити культурно-історичну специфіку мови з урахуванням системних зв'язків між одиницями мови і культурно значущими концептами. За словами М. Бахтіна, приналежність до єдиного смислового простору об'єднує повсякденне життя окремої людини та історичну практику, інтелектуальну рефлексію та несвідому пам'ять соціального колективу на суцільний континуум культури.

Для студентів-юристів, які вивчають римське право та англійську мову, важливо зрозуміти, що між латинським і англійським вокабуляром, який має відношення до юриспруденції, є багато спільного.

У II ст. до н. е. римляни вважали право гармонізуючим елементом світового та громадського порядку, причому його регулююча сила забезпечується не моральними, а примусовими способами впливу. За часів імператорів грецька мова остаточно утвердилася як мова науки,

а латинська мова, крім звичайних функцій, мала *адміністративно-правову функцію* і використовувалася як *мова міжнародного спілкування*. Відповідно до суспільних змін модифікувалося і *римське право*. Його найстаріший пам'ятник — «Закони 12 таблиць» — зафіксував суттєву перемогу римського плебсу в боротьбі з римськими патриціями у V ст. до н. е., змусивши їх прийняти загальні для всіх закони. Проте з кризою Республіки право втратило демократичність і виявилося нездатним захистити інтереси нижчих шарів суспільства. Пішла в минуле традиція — обирати за жеребом 12 громадян, які, вислухавши на судовому засіданні обидві сторони, виносили вердикт, після чого з винним розбиралися юристи-професіонали. З появою закритих судів із постійним складом суддів право стало корумпованим і підсилило каральні функції. Судді з позиції загальних принципів права тлумачили кожен окремий випадок. Право і суд жорстко підпорядковувалися державі, нерівність благородних і простого народу була узаконена, звичайною справою став продаж вільних римлян у рабство.

З розвитком товарно-грошових відносин право ще більше ускладнилося, особливо скрупульозно розроблялися питання власності, причому основними замовниками виступали найбагатші представники родової аристократії. *Вивчення великої кількості казусів, їх відкрито тенденційний розгляд на користь верхівки забезпечили римському праву ту гнучкість, завдяки якій воно і сьогодні залишається класичним*. Цьому сприяє і його впорядкованість, досягнута поділом на право *державне, приватне, громадське, кримінальне*. Значну роботу з класифікації цих галузей здійснили талановиті римські юристи Гай, Ульпіан, Флорентин.

На всій території Римської імперії мовою міжнародного спілкування була латинська мова. Це сталося не тому, що римляни були більш численними, ніж народи, які опинилися під їхнім гнітом, а тому, що вони виявилися сильнішими у військовому й економічному відношенні. Після того як Римська імперія занепала, латинська мова впродовж майже тисячоліття залишалася міжнародною мовою в системі освіти та культури, але завдяки іншій силі — духовній владі римсько-католицької церкви.

Латина лежить в основі романської гілки іноземних мов, але вона справила значний вплив і на германську гілку мов, особливо на англійську мову, у зв'язку із завоюванням Англії як у I ст. н. е. римлянами, так і в середні віки норманами. Нормани внесли масу французьких і латинських запозичень, обсяг яких навіть у сучасній англійській мові досягає, виходячи з різних джерел, від 40 до 60 % основного словникового фонду англійської мови.

Мовна спільність лексики і граматики латинської та англійської мов є взаємопроникною і має сприяти засвоєнню лексики цієї пари мов. Про ідентичність лексики свідчить вельми велика кількість слів, зокрема, такі слова, як: *vitality, via, renovate, facilitate, tacit, taciturnity, liberate, defend, insomnia, amity, memory, incendiary, belligerent, subterranean, fidelity, serfdom, flourish, multitude, pedestrian, evident, celerity, irrevocable, erratum, benevolent, clairvoyant, sang-froid, illegibility, subcutaneous, incessant* та інші.

Концепти Римського права перейшли з латини до англійської мови в епоху запозичення системи права, причому концепти зберегли як внутрішнє ядро, так і зовнішню форму. Наприклад:

— *corpus delicti* — склад злочину;
— *modus operandi* — почерк злочинця;
— лат. *accūso* — звинувачувати — англ. to accuse — звинувачувати;
— лат. *ad-voko* — закликати — англ. to advocate — захищати;
— лат. *argumentum* — доказ — англ. argument — аргумент, доказ;
— лат. *condemno* — засуджувати, звинувачувати — англ. to condemn — засуджувати;
— лат. *defendo* — захищати, охороняти — англ. to defend — захищати обвинуваченого.

Таким чином, ми не можемо сказати, що латинська мова є «мертвою» мовою, це — «спляча» мова, бо під час навчального процесу концепт, проходячи вхідний фільтр, стає ментальною репрезентацією і потрапляє до сховища інформації реципієнта, а саме повідомлення є інформативним, тобто контрастує на тлі альтернативного вибору знаків та укладається у створений заздалегідь код. У якості детермінанти акту комунікації виступає потребно-інформаційний підхід. При формуванні мовної особистості студента засобами іноземної мови і культури сфери мовного та когнітивного видів його свідомості збагачуються за рахунок залучення до іншомовних лінгвістичної та концептуальної картин світу.

Література

1. *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Язык — речь — творчество. — М. : Лабиринт, 1998. — С. 146—162.
2. *Выготский Л. С.* Мышление и речь / Л. С. Выготский // Собр. соч : в 6 т. Т. 2. — М. : Педагогика, 1982. — С. 5—361.
3. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 245 с.
4. *Ощепкова В. В.* Язык и культура / В. В. Ощепкова. — СПб. : Каро, 2006. — 336 с.
5. *Ярхо В. Н.* Латинский язык / В. Н. Ярхо, В. И. Лобода. — М. : Высш. шк., 2000. — 385 с.

References

1. *Zhinkin N. I.* O kodovyh perehodah vo vnutrennej rechi / N. I. Zhinkin // Jazyk — rech' — tvorchestvo. — M. : Labirint, 1998. — S. 146—162.
2. *Vygotskij L. S.* Myshlenie i rech' / L. S. Vygotskij // Sobr. soch. V 6 t. T. 2. — M. : Pedagogika, 1982. — S. 5—361.
3. *Kubriakova E. S.* Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubriakova, V. Z. Dem'jankov, Ju. G. Pankrac, L. G. Luzina. — M. : Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. — 245 s.
4. *Oshhepkova V. V.* Jazyk i kul'tura / V. V. Oshhepkova. — SPb. : Karo, 2006. — 336 s.
5. *Jarho V. N.* Latinskij jazyk / V. N. Jarho, V. I. Loboda. — M. : Vyssh. shk., 2000. — 385 s.

ПЛОТНИЦКАЯ Светлана Валерьевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: s-plotnitskaya@mail.ru; тел.: +38 (048) 7613957

ВИТ Надежда Петровна,
кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: rgf@onu.edu.ua; тел.: +38(0482)630703

ЕРЕМЕНОК Оксана Игоревна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: s-plotnitskaya@mail.ru; тел.: +38 (048) 7613957

АНУФРИЕВА Наталья Михайловна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: rgf@onu.edu.ua; тел.: +38(0482)630703

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ЯЗЫКОВ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Концепты идеальны и кодируются в сознании единицами универсального предметного кода. Особую трудность и интерес представляет сопоставление вербальных концептов родного и иностранного языков. Студент как языковая личность приобщается к определённой национальной культуре через усвоение основных национально-детерминированных культурных концептов и символов иной культуры. Для студентов-юристов, изучающих римское право и английский язык, важно понять, что между латинским и английским вокабуляром, относящимся к юриспруденции, много общего. Языковая общность лексики и грамматики латинского и английского языков является взаимопроникающей и должна способствовать усвоению лексики этой пары языков.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковая личность, концепт, взаимопроникновение языков, латинский язык, картина мира.

Svitlana V. PLOTNITSKAYA,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages of the Faculties of Arts Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: s-plotnitskaya@mail.ru; tel.: +38 (048) 7613957

Nadiya P. VIT,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, the Head of the Foreign Languages of the Faculties of Arts Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: rgf@onu.edu.ua; tel.: +38(0482)630703

Oksana I. YEREMENOK,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages of the Faculties of Arts Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: s-plotnitskaya@mail.ru; tel.: +38 (048) 7613957

Nataliya M. ANUFRIEVA,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages of the Faculties of Arts Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: rgf@onu.edu.ua; tel.: +38(0482)630703

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND INTERPENETRATION OF LANGUAGES DURING THE TRAINING

Summary. Concepts are ideal and are coded in the mind by the units of universal object code. Comparison of verbal concepts of native and foreign language is of a special interest and difficulty. A student,

as a linguistic identity, becomes familiar with a certain national culture through the acquisition of basic nation-determined cultural concepts and symbols of another culture. For students studying Roman law and the English language it is important to understand that Latin and English vocabularies connected with law have a lot in common. Language similarity of lexics and grammar of Latin and English is interpenetrative and must help studying the lexics of this pair of languages.

Key words: intercultural communication, linguistic identity, concept, languages interpenetrating, Latin, English, world view.

Статтю отримано 29.10.2014 р.

УДК 811.161.1'243'367.625'37'342.2-054.6

ВАСИЛЬЕВА Галина Михайловна,
доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: galinav44@mail.ru; тел.: +7 (812) 6862112; моб.: +7 921 6580090

ВИНОГРАДОВА Марина Владимировна,
заместитель заведующего кафедрой русского языка Санкт-Петербургского университета МВД России; Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: marinavla2008@rambler.ru; тел.: +7 (812) 7303239; моб.: +7 8 921 3405621

ГЛАГОЛЫ, ПЕРЕДАЮЩИЕ ЗВУКОВУЮ СТОРОНУ РЕЧИ, В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Аннотация. В статье предлагается принцип полноты семантического описания культуроинформативной лексики, который реализуется с привлечением лексикографических источников и текстовых реализаций (на примере лексико-семантической группы глаголов, передающих звуковую сторону речи). Данный принцип актуален для описания предмета обучения иностранных студентов-филологов в рамках лингвокультурологического подхода.

Основной источник исследованных контекстов — роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Наиболее часто употребляются глаголы и отглагольные существительные словообразовательных гнёзд: «кричать» — 221; «шептать» — 97; «бормотать» — 38 (слова, указывающие на степень громкости речи); реже: «воскликнуть» — 56; «орать» — 15; «хрипеть» — 15; «шипеть» — 3.

В преподавании необходимо использовать особые приёмы, которые позволяют эксплицировать лингвокультурный потенциал глаголов: приём установления степени проявления основного семантического компонента тематической группы (громкости, темпа и др.); приём наложения семантических и текстовых конкретизаторов на типовую семантику глаголов тематической группы; приём опоры на экстралингвистическую ситуацию речевой деятельности; приём соотнесения различных средств номинации звуковой стороны речи и другие.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, принцип полноты семантического описания лексики, лингвокультурологический подход, иностранные студенты-филологи, русский язык как иностранный.

Звуковая сторона речи, которая проявляется в особенностях голоса, тона, манеры артикуляции и др., является одним из важнейших аспектов коммуникации. Традиционно основным критерием оценки звучащей речи считалась её ясность и чёткость. М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей сладкоречия» подчёркивает необходимость чёткого произнесения как самого текста, так и отдельных звуков: «Каждое речение, склад и литеру выговаривать чисто и ясно» [5, § 137].

Показательно, что не все критерии оценки звучащей речи являются культурно универсальными и потому создают определённые помехи в межкультурном взаимодействии, о чём свидетельствуют многочисленные факты, приводимые лингвистами, работающими в области межкультурной коммуникации. Так, С. Г. Тер-Минасова отмечает, что громкий голос русского преподавателя воспринимается некоторыми иностранными студентами как грубость, оскорбление [6, с. 128]. По свидетельству С. С. Хромова, в Англии американцев считают говорящими несносно громко, отмечая их интонационную агрессию. Это объясняется тем, что англичане регулируют звук своего голоса ровно настолько, чтобы его слышал в помещении только один собеседник, а в Америке подобная манера ведения делового разговора считается «шептанием» и вызывает чувство подозрения, поскольку американцев «заставляет высказываться во всеуслышание полное расположение к собеседнику, а также тот факт, что им нечего скрывать» [7, с. 29].

© Васильева Г. М., Виноградова М. В., 2014

Внимание к звуковой стороне речи как важному фактору коммуникации обусловлено её «сплавленностью» с содержательной стороной, с психологическими, социальными и эмоциональными характеристиками говорящего человека, с его эстетической и этической оценкой: «По голосу мы узнаём человека. В нём озвучена его личность — её этнические, социальные, возрастные, половые и индивидуальные грани, его характер, его профессиональные функции и социальная маска, его физическая организация. По голосу мы судим о внутреннем мире человека, его отношении к адресату, его коммуникативных интенциях» [1, с. 10].

Русский язык обладает весьма впечатляющим арсеналом средств номинации звучащей речи. В её вербализации участвуют все знаменательные части речи и самые разные словосочетания, получающие как дескриптивные, так и оценочные значения. Важнейшим же средством являются глаголы речи, указывающие на степень чёткости произнесения *(бормотать, мямлить)*, степень громкости *(голосить, кричать, шептать)*; скорость речи *(тянуть, частить)*; высоту голоса *(басить, пищать)*; особенности артикуляции (*шепелявить*, *гундосить*) и др. Данная группа глаголов весьма многочисленна (в различных идеографических словарях насчитывается до 150 подобных глаголов); сложна и неоднородна по семантике (в составе этой группы выделяется до десяти подгрупп); включена в широкий лингвокультурологический контекст (в художественном дискурсе они способны отражать сложный внутренний мир «человека говорящего» и художественный замысел автора).

Лингвокультурологический подход к обучению иностранному языку предполагает включение в содержание обучения важнейших аспектов культуры, среди которых значительное место принадлежит «человеку говорящему», звучащая речь которого попадает в сферу этических, социальных и эстетических оценок.

Как показали материалы картотеки ошибок и трудностей, возникающих у студентов-иностранцев, даже студенты-филологи полностью не владеют многообразием лексических средств, передающих семантику внешней стороны речи, а большая часть таких глаголов ими практически не используется, что ведёт к так называемым «ошибкам неупотребления». Содержание глаголов этой группы не включается студентами в широкий культурологический и художественный контекст, ввиду чего остаётся не усвоенной их сложная семантика, коннотативное содержание и контекстуальные возможности.

Глаголы, передающие особенности звуковой стороны речи, получают у исследователей и различные обозначения: глаголы речи, характеризуемой по звучанию и произнесению, глаголы характеризованной речевой деятельности, глаголы, передающие внешнюю сторону речи, глаголы произнесения, глаголы звучания, произносительные глаголы и др. В учебных целях представляется актуальной следующая структура учебной лексико-семантической группы исследуемых глаголов. Прежде всего, на основании *критерия учёта осложнённости «собственно акустической» семантики* были выделены две подгруппы: *глаголы, в значениях которых доминирует собственно акустический аспект произнесения*, и *глаголы, в значении которых собственно акустический аспект произнесения осложняется указанием на внутреннее состояние субъекта речи* (психологическое, эмоциональное, его отношение к адресату), например: *ворковать* — «нежно разговаривать», *ворчать* — «сердито бормотать, выражая неудовольствие», *шипеть* — «говорить сдавленным от злости голосом» и др. Эта подгруппа является особенно сложной для иностранных студентов, поскольку многие относящиеся к ней номинации образованы метафорическим путём. Большинство из них относится к числу зооморфных метафор, и лишь немногие имеют в основе «незвуковое» первичное значение (например, *цедить*).

В свою очередь, в подгруппе глаголов, передающих преимущественно акустический аспект произнесения, были выделены следующие подгруппы глаголов, указывающих на: а) *степень громкости* (шептать, кричать); б) *протяжённость, темп* (тараторить, размусоливать); в) *высоту, тембр* (басить, пищать, сипеть, хрипеть); г) *степень отчётливости, разборчивости* (бубнить, мямлить); д) *дефекты речи* (шепелявить, картавить).

Принцип полноты семантического описания лексики потребовал систематизации её словарных толкований, выявившей как типовую семантику отдельных подгрупп, так и различные способы её конкретизации и дифференциации. Так, в значениях глаголов, указывающих на степень громкости речи, по данным «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (МАС), помимо семантического компонента, прямо указывающего на степень её громкости, их типовая семантика осложняется дополнительными компонентами. Наиболее часто в толкованиях используются следующие конкретизаторы: *невнятно, невразумительно* (бормотать, лепетать); *неясно* (мычать); *небрежно* (цедить); *беспорядочно* (галдеть); *монотонно* (бубнить). В учебном процессе необходимо учитывать, что значение глаголов, указывающих на низкую степень громкости речи, осложняется такими конкретизаторами, как: *неясно, монотонно, невнятно* и др., содержащими негативную оценку, обусловленную трудностями восприятия тихой речи, а значение глаголов, указывающих на высокую степень громкости, — конкретизаторами: *возбуждённо, беспорядочно*, — содержащими оценку, зависящую от ситуации общения.

В значении ряда глаголов другой подгруппы содержится семантический компонент, прямо указывающий на её протяжённость. Семантика протяжённости в данных глаголах осложняется дополнительными конкретизаторами: *неожиданно* (выпалить); *без умолку* (тараторить, тарахтеть); *невыразительно* (отбарабанить); *слишком пространно* (размусоливать); *подробно* (рассусоливать); *протяжно* (тянуть). Некоторые конкретизаторы имеют негативную оценочную семантику, например: *слишком пространно, излишне подробно, невыразительно* и др.

Таким образом, в обучении русскому языку иностранных студентов-филологов необходимо учитывать не только градации типовой семантики различных подгрупп глаголов речи, характеризуемой по звучанию и произнесению, но и различные способы её семантической конкретизации, передающие важные нюансы звуковой стороны речи.

Лингвокультурологический потенциал данных глаголов проявляется в различных контекстах и, прежде всего, в текстах художественной литературы, дополняющих и уточняющих не только словарные дефиниции глаголов, но и проясняющих экстралингвистическую ситуацию осуществления речевой деятельности. С целью выявления лингвокультурологического потенциала исследуемых глаголов было проанализировано употребление подгруппы глаголов, называющих дефекты речи и указывающих на степень её отчётливости и разборчивости (*брюзжать, гнусавить, гундосить, заикаться, картавить, коверкать, мекать, сипеть, сюсюкать, шамкать, шепелявить, щебетать*) в различных контекстах, для чего способом сплошной выборки было отобрано более 1000 фрагментов из Национального корпуса русского языка, включающих данные глаголы. Анализ контекстного употребления позволил значительно расширить их учебное толкование и на основании дополнительной экстралингвистической информации выявить ряд «правил» семантического согласования некоторых голосовых признаков с особенностями контекста, выделив в нём различные способы «развёртывания» семантического потенциала данных глаголов, например:

— контексты, указывающие на физиологические дефекты говорящего: *Во рту у него не хватает одного зуба, как раз переднего, и от этого он шепелявит* (В. Некрасов); *У него был язык несколько длиннее, чем следует, или что-то вроде этого, оттого он постоянно шепелявил и сюсюкал и, кажется, этим ужасно гордился, воображая, что это придаёт ему чрезвычайно много достоинства* (Ф. М. Достоевский);

— контексты, представляющие собой информацию о специфике ситуации общения: *И опять крайне удивились и редактор и поэт, а профессор поманил обоих к себе и, когда они наклонились к нему, прошептал: — Имейте в виду, что Иисус существовал* (М. А. Булгаков);

— контексты, указывающие на гендерные и возрастные особенности субъекта речи: *Он вообще заметно старился, делался требовательнее и брюзжал, как настоящий старик* (Д. Н. Мамин-Сибиряк);

— контексты, содержащие информацию об особенностях характера субъекта речи: *Он брюзжал ужасно, особенно за обедом, и все приёмы его были совершенно деспотические* (Ф. М. Достоевский);

— контексты, уточняющие род деятельности и занятий субъекта речи: *Топпи перестал религиозно гундосить как заштатный пономарь, а я заложил ногу за ногу, закурил сигару и к самому зрачку Мангуса приставил свой стальной и острый взгляд* (Л. Андреев);

— контексты, указывающие на влияние других языков на русское произношение: *Он так тонко объяснялся по-французски, что невольно присвистывал и гнусавил, говоря по-русски* (Ю. Н. Тынянов). Названная группа контекстов не может считаться исчерпывающей, поскольку возможности художественной литературы, по сути, безграничны.

Таким образом, группа глаголов речи, характеризуемой по звучанию и произнесению, составляет один из важнейших, культурно информативных фрагментов русской языковой картины мира, так как репрезентирует наиболее существенный вид деятельности человека, представляя «человека говорящего» и отражая специфические особенности процесса коммуникации. Лингвокультурологический потенциал этой группы глаголов в значительной степени закодирован для иностранных учащихся (конкретизация признаков говорящего: пол, возраст говорящего, его эмоциональное и физическое состояние, профессиональная принадлежность и др.) и должен быть включён в содержание обучения РКИ студентов-филологов.

Основным источником контекстов употребления в нашем исследовании стал роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Сплошная выборка глаголов речи из романа, характеризующих звучание и произнесение, демонстрирует следующее: в романе имеется 73 глагола, передающих звуковую сторону речи. Наиболее часто употребляются следующие глаголы (с учётом приставочных вариантов): «кричать» — 221; «шептать» — 97; «бормотать» — 38 (то есть глаголы, указывающие на степень громкости речи); реже: «воскликнуть» — 56; «орать» — 15; «хрипеть» — 15; «шипеть» — 3 и др.

В тексте романа представлен основной словообразовательный потенциал изучаемых глаголов, реализуемый как в их приставочных вариантах, так и в других частях речи, ср.: *Строго преследуется, — тихо-претихо* ***прошептал*** *председатель и оглянулся. — А где же свидетели? —* ***шепнул*** *в другое ухо Коровьев, — я вас спрашиваю, где они?*; *Вот что, Миша, —* ***зашептал*** *поэт, оттащив Берлиоза в сторону, — он никакой не интурист, а шпион*; *Они* ***шептались*** *в подворотне какого-то двора*; ***Шёпот*** *«нечистая сила...» слышался в очередях, стоявших у молочных, в трамваях, в магазинах, в квартирах, в кухнях, в поездах, и дачных и дальнего следования, на станциях и полустанках, на дачах и на пляжах*; *Он* ***шёпотом*** *сообщил Ивану, что в 119-ю комнату привезли новенького* и др.

Особенности звучания голоса в романе М. А. Булгакова могут создавать различные возможности интерпретации сказанного, вплоть до отрицания его основного смысла. Ср., например, слова Пилата о казни в эпилоге романа: *Ведь её не было! Молю тебя, скажи, не было? — Ну, конечно, не было, —* ***отвечает хриплым голосом*** *спутник, — это тебе померещилось*. Как отмечает Б. М. Гаспаров, ««хриплый голос» спутника Пилата говорит об обратном» [3].

Помимо глаголов, передающих звуковую сторону речи, М. А. Булгаков использует и другие возможности передачи акустических и артикуляционных особенностей речи. Это необходимо учитывать при формировании у учащихся способности к перефразированию. Особенно часто в романе используется конструкция «глагол речи + наречие, уточняющее и конкретизирующее его семантику», например:

— наречие, указывающее на степень громкости речи: *Что, хороша? —* ***громко крикнула*** *охрипшим голосом Маргарита Николаевна*; *Тогда он замедлил шаг и* ***негромко крикнул:*** *— Низа*! При обучении филологов необходимо учитывать, что в художественных контекстах встречаются «нестандартные употребления», предполагающие «нарушения» устоявшихся норм лексического согласования. Так, в романе Булгакова градация громкости речи часто усиливается за счёт «тавтологичной» семантики наречия, например: *беззвучно шепнул, беззвучно зашептал, тихо-претихо прошептал, чуть слышно шепнул*. Семантика наречия иногда вступает в определённое противоречие с семантикой глагола, что создаёт особенно выразительную характеристику звучащего голоса: *Что вы изволите делать, королева?! — отчаянно, но* ***беззвучно вскричал*** *на ухо Маргарите Коровьев, — получится затор!*;

— наречие, указывающее на эмоциональное, психологическое состояние говорящего: *Откуда ж эти отражения*?! *— он заглянул в переднюю и* ***испуганно закричал:*** *— Груня! Какой тут кот у нас шляется? Откуда он*?; *Что ты делаешь? —* ***страдальчески прокричал*** *мастер, — Марго, не позорь себя!*;

— наречие, указывающее на намерение говорящего: *Но вы что-нибудь знаете о нём? —* ***моляще шепнула*** *Маргарита* и др.

Для передачи акустических особенностей речи в романе часто используются и другие лексические средства, например, модель «общий глагол речи + каким голосом», при этом характеристики звучащего голоса в романе «Мастер и Маргарита» чрезвычайно многоаспектны: *Ни... за... —* ***не*** *своим,* ***высоким и чистым молодым голосом, а голосом низким и укоризненным*** *проговорил Иуда и больше не издал ни одного звука*; *Вот и дочертыхался, — тут красавица подбежала к письменному столу и* ***музыкальным нежным голосом, немного гнусавым после плача, воскликнула:*** *— Проша! Где вы?*

В тексте романа аккумулируются обширные парадигмы лексических средств, передающих нюансы звучащей речи. Ср., например, лексическую парадигму, включающую компонент «говорить тихо»: *заговорил негромко*; *сказал тихо* (*тихонько*); *заговорил шёпотом*; *заговорил таинственным шёпотом*; *спросил прерывающимся шёпотом*; *тихо-претихо прошептал*; *чуть слышно шепнул*; *беззвучно шепнул*; *тихо и весело шепнул*; *торжественно прошептал*; *прошептал озабоченно*; *беспокойно зашептали*; *встревоженно шепнул*; *моляще шепнула*; *сконфузившись шепнул*; *шепнул многозначительно*; *монашески шептала*; *шептала, давясь словами*; *шептал тихо, но очень выразительно*; *зашептал дрожащим голосом*; *зашептал растерянно*; *сладко прошептал* и др.

При работе с лексическими средствами, вербализирующими особенности внешней стороны речи, следует учитывать, что они не только усиливают выразительность отдельных персонажей и ситуаций, но и участвуют в создании «звукового образа» романа. Так, например, частотность и характер глаголов, передающих звуковую сторону речи, подчёркивает разделённость «двух миров» романа: исследуемые глаголы чрезвычайно частотны в так называемых «московских» главах и не столь употребительны в «библейских». В «библейских» же используется, в основном, подгруппа глаголов, характеризующих речь по степени громкости, в то время как в «московских» главах чрезвычайно частотны глаголы, указывающие на степень чёткости, скорости речи, высоты голоса и особенностей артикуляции. Особенности использования глаголов речи в романе можно объяснить глубинными художественными замыслами писателя. По мнению Б. М. Гаспарова, «недискретность, пластичность объектов повествования», характерная для текста романа, реализуется в мотиве постоянного перевоплощения героев [3], который ярко

проявляется и в особенностях звучания их речи. Так, Воланд то говорит по-русски с лёгким акцентом, то его акцент «куда-то пропал», то он переходит на ломаную русскую речь, демонстрируя плохое знание языка. Сравните отражение этого мотива в контрастном использовании характеристик звучащей речи: *Ну, уж это положительно интересно, —* ***трясясь от хохота, проговорил*** *профессор, — что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет! — он перестал хохотать внезапно и, что вполне понятно при душевной болезни, после хохота впал в другую крайность —* ***раздражился и крикнул сурово:*** *— Так, стало быть, так-таки и нету?; Нету? —* ***грозным басом взревел*** *повар, — нету? —* ***женским ласковым голосом спросил*** *он, — нету, нету, —* ***успокоительно забормотал*** *он, превращаясь в фельдшерицу Прасковью Фёдоровну.*

В различных лексических средствах, передающих звуковую сторону речи, находит отражение и другой — «музыкальный» — мотив повествования. Исследователи романа говорят о том, что в нём часто используются «номинации музыкальных голосовых регистров» в качестве речевых [4, с. 519]. Ср.: ***Бас сказал*** *безжалостно: — Готово дело. Белая горячка*; *Ба! Никанор Иванович, —* ***заорал дребезжащим тенором*** *неожиданный гражданин и, вскочив, приветствовал председателя насильственным и внезапным рукопожатием*; *Это опять-таки случай так называемого вранья, —* ***объявил*** *он* ***громким козлиным тенором****, — бумажки, граждане, настоящие!*

При работе с контекстами необходимо использовать особые приёмы, позволяющие эксплицировать для учащихся лингвокультурологический потенциал глаголов: приём установления градации степени проявления основного семантического компонента тематической группы (громкости, темпа и др.); приём наложения семантических и текстовых конкретизаторов на типовую семантику глаголов отдельной тематической группы; приём опоры на экстралингвистическую ситуацию осуществления речевой деятельности; приём соотнесения различных средств номинации звуковой стороны речи и др. Это позволяет дополнить семантику глаголов, передающих звуковую сторону речи и получающих в контексте дополнительные признаки, которые указывают на особенности экстралингвистической ситуации, а также представить различные лексические средства выражения семантики звуковой стороны речи.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Наивные размышления о наивной картине мира / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке : сб. статей. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 7—19.

2. *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. — М. : АСТ ; Вече, 1998. — 544 с.

3. *Гаспаров Б. М.* Литературные мотивы: Очерки русской литературы XX века. — М. : Наука, 1994. — 303 с.

4. *Кодзасов С. В.* Голос: свойства, функции и номинации / С. В. Кодзасов // Язык о языке : сб. статей. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 502—526.

5. *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия [Электронный ресурс] / М. В. Ломоносов // Полн. собр. соч. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — Т. 7: Труды по филологии (1739—1758 гг.). — Режим доступа: http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0260.shtml

6. *Тер-Минасова С. Г.* Война и мир языков и культур / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2008. — 341 с.

7. *Хромов С. С.* Русская интонация в языке и речи (об изучении и описании русской интонации в отечественной лингводидактической традиции в XX—XXI вв.) // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика / С. С. Хромов. — СПб. : Северная звезда, 2010. — С. 26—32.

References

1. *Arutiunova N. D.* Naivnye razmyshlenija o naivnoj kartine mira // Jazyk o jazyke: sb. statej / N. D. Arutiunova. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. — S. 7—19.

2. *Bulgakov M. A.* Master i Margarita / M. A. Bulgakov. — M. : AST, Veche, 1998. — 544 s.

3. *Gasparov B. M.* Literaturnye motivy: Ocherki russkoj literatury XX veka. — M. : Nauka, 1994. — 303 s.

4. *Kodzasov S. V.* Golos: svojstva, funkcii i nominacii // Jazyk o jazyke : sb. statej / S. V. Kodzasov. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. — S. 502—526.

5. *Lomonosov M. V.* Kratkoe rukovodstvo k ritorike na pol'zu ljubitelej sladkorechija [Elektronnyj resurs] / Lomonosov M. V. // Poln. sobr. soch. — T. 7: Trudy po filologii (1739—1758 gg.). — M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1952. — Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0260.shtml

6. *Ter-Minasova S. G.* Vojna i mir jazykov i kul'tur / S. G. Ter-Minasova. — M. : Slovo, 2008. — 341 s.

7. *Hromov S. S.* Russkaja intonacija v jazyke i rechi (ob izuchenii i opisanii russkoj intonacii v otechestvennoj lingvodidakticheskoj tradicii v XX—XXI vv.) // Russkij jazyk kak inostrannyj: Teorija. Issledovanija. Praktika / S. S. Hromov. — SPb. : Severnaja zvezda, 2010. — S. 26—32.

ВАСИЛЬЄВА Галина Михайлівна,
доктор філологічних наук, професор кафедри міжкультурних комунікацій Російського державного педагогічного університету ім. О. І. Герцена; Санкт-Петербург, Росія;
e-mail: galinav44@mail.ru; тел.: +7 (812) 6862112; моб.: +7 921 6580090

ВИНОГРАДОВА Марина Володимирівна,
заступник завідувача кафедри російської мови Санкт-Петербурзького університету МВС Росії; Санкт-Петербург, Росія;
e-mail: marinavla2008@rambler.ru; тел.: +7 (812) 7303239; моб.: +7 8 921 3405621

ДІЄСЛОВА, ЩО ПЕРЕДАЮТЬ ЗВУКОВИЙ АСПЕКТ МОВЛЕННЯ, У НАВЧАННІ ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ-ФІЛОЛОГІВ

Анотація. У статті запропоновано принцип повноти семантичного опису культуроінформативної лексики, який реалізується із залученням лексикографічних джерел і текстових реалізацій (на прикладі лексико-семантичної групи дієслів, що передають звукову сторону мови). Даний принцип актуальний для опису предмета навчання іноземних студентів-філологів у рамках лінгвокультурологічного підходу.

Основне джерело досліджених контекстів — роман М. Булгакова «Майстер і Маргарита». Найбільш часто вживаються дієслова і віддієслівні іменники словотвірних гнізд: «кричать» — 221; «шептать» — 97; «бормотать» — 38 (слова, що вказують на ступінь гучності мови); рідше: «воскликнуть» — 56; «орать» — 15; «хрипеть» — 15; «шипеть» — 3.

У викладанні необхідно використовувати особливі прийоми, які дозволяють експлікувати лінгвокультурний потенціал дієслів: прийом визначення ступеня прояву основного семантичного компонента тематичної групи (гучності, темпу та ін.); прийом накладення семантичних і текстових конкретизаторів на типову семантику дієслів тематичної групи; прийом опори на екстралінгвістичну ситуацію мовної діяльності; прийом співвіднесення різних засобів номінації звукової сторони мови та інші.

Ключові слова: лексико-семантична група, принцип повноти семантичного опису лексики, лінгвокультурологічний підхід, іноземні студенти-філологи, російська мова як іноземна.

Galina M. VASILIEVA,
Grand PhD in Philological Sciences, Full Professor of Intercultural Communication Department of Russian State Pedagogical Herzen University; St. Petersburg, Russia;
e-mail: galinav44@mail.ru; tel.: +7 (812) 6862112; mob.: +7 921 6580090

Marina V. VINOGRADOVA,
Deputy Head of the Russian Language Department at St. Petersburg University of MIA; St. Petersburg, Russia;
e-mail: marinavla2008@rambler.ru; Tel.: +7 (812) 7303239; Cell.: +7 8 921 3405621

VERBS RENDERING THE SONIC ASPECT OF SPEECH IN TEACHING OF FOREIGN STUDENTS OF PHILOLOGY

Summary. The article offers a principle of completeness of semantic description of culturally informative vocabulary which is implemented with the use of lexicographical sources and textual implementations (on the example of lexical and semantic group of verbs rendering the sound aspect of speech). The given principle is actual for the description of the foreign students teaching in the framework of linguistic and cultural approach.

The main source of the examined contexts is the novel by Mikhail Bulgakov «The Master and Margarita.» The most frequently are used the verbs and verbal nouns from derivational nests: «krichat'» (to cry) — 221; «sheptat'» (to whisper) — 97; «bormotat'» (to mumble) — 38 (words indicating the degree of loudness of speech); less often: «voskliknut'» (to exclaim) — 56; «orat'» (to scream) — 15; «khripet'» (to wheeze) — 15; «shipet'» (to hiss) — 3.

It is necessary to use peculiar technique which allows to explicate the lingual and cultural potential of verbs: the method of manifestation of the basic semantic component of the thematic group (volume, tempo, and others); the imposition of semantic and text concrete definitions on default configuration of verbs of the thematic group; the technique of basis on extralinguistic situation of speech activity; the technique of various means correlation in sound aspect of speech.

Key words: lexical and semantic group, principle of completeness of semantic description of vocabulary, lingual and cultural approach, foreign students of philology, the Russian language as foreign.

Статтю отримано 24.06.2014 р.

УДК 81’243’38:001.4:378.094

ГУСЬКОВА Елена Дмитриевна,
старший преподаватель кафедры лингводидактики Одесского национального политехнического университета; Одесса, Украина;
e-mail: fedorova@fspi.opu.ua; тел.: +38 (048) 7348551

МАРИЧЕРЕДА Людмила Семёновна,
старший преподаватель кафедры лингводидактики Одесского национального политехнического университета; Одесса, Украина;
e-mail: fedorova@fspi.opu.ua; тел.: +38 (048) 7348551

ОВЧАРЕНКО Лариса Григорьевна,
кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой лингводидактики Одесского национального политехнического университета; Одесса, Украина;
e-mail: fedorova@fspi.opu.ua; тел.: +38 (048) 7775492; моб.: +38 067 1582005

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются методы формирования у иностранных студентов подготовительного факультета учебно-профессиональных навыков и умений в процессе обучения научному стилю речи.

Формирование учебно-профессиональной компетенции у иностранных студентов начинается на подготовительном факультете. В педагогической системе начального этапа обучения предусмотрены возможности реализации данного принципа, содержащиеся в учебных планах, в программе по дисциплине «Русский язык», в цели, в содержании обучающих и контролирующих материалов, интерактивной системе их презентации в учебное и внеучебное время. При различии профилей обучения коммуникативные задачи, грамматические конструкции и модели текстового материала одинаковы для студентов всех профилей обучения. Различие состоит в лексическом наполнении пропозиционных структур.

Задача преподавателя РКИ заключается в коррекции форм, методов, приёмов формирования учебно-профессиональной компетенции у иностранных учащихся.

Ключевые слова: учебно-профессиональная компетенция, научный стиль речи, профориентационная работа, Рабочая тетрадь (РТ).

Ведущими учёными установлено, что эффективность обучения иностранных граждан зависит от их отношения к будущей профессии [1; 2]. Несмотря на это, принцип профессиональной направленности, к сожалению, не включён в состав основных дидактических принципов. Тем не менее, такие известные учёные русисты, как О. Д. Митрофанова и В. Г. Костомаров, считают, что обучение на подготовительном факультете является «начальной ступенью профессионального образования».

В педагогической системе подготовительного факультета принцип профессиональной направленности реализуется следующим образом:

— в учебном плане, где состав общенаучных дисциплин ориентирован на определённый профиль обучения (инженерно-технический, инженерно-экономический, медико-биологический, гуманитарный);

— в программе по дисциплине «Русский язык» (раздел «Научный стиль речи»), где отражается профессиональная направленность обучения;

— предполагаемой целью обучения, которая заключается в формировании у студентов профессиональной компетенции в учебно-профессиональных ситуациях общения;

— содержанием обучающих и контролирующих материалов и интерактивных форм и способов их презентации [3; 4; 5; 6];

— целенаправленным формированием у учащихся профессионально значимых умений;

— специальной системой профориентационной работы во внеучебное время.

Анализ научных публикаций, учебно-методических рекомендаций, обучающих и контролирующих материалов кафедры лингводидактики, обобщение опыта преподавателей подготовительного факультета Института подготовки иностранных граждан ОНПУ показывает, что даже при различии профилей обучения коммуникативные задачи в учебно-профессиональной сфере аналогичны и повторяемы, как и грамматические конструкции и модели, по которым составлены тексты. Различие отмечается лишь в «лексическом наполнении пропозиционных структур, обслуживающих разные профили обучения» [7].

Такой подход позволяет обоснованно корректировать задачи преподавателя языка при обучении иностранных учащихся научному стилю речи. Эти задачи заключаются в разнообразных

© Гуськова Е. Д., Маричереда Л. С., Овчаренко Л. Г., 2014

формах тренинга языкового и речевого материала в ситуациях учебно-профессиональной коммуникации, но не в толковании терминов или терминологических сочетаний и предметного содержания общенаучного или специального текста. Информационное поле, куда на этапе предвузовской подготовки включаются, независимо от будущей специальности, такие смыслосодержательные объекты, как: определение предмета (понятия), явления; классификация их по тем или иным признакам; описание состава/строения, внешних/внутренних свойств, функций и т. д., — можно вполне аргументированно обозначить как базу данных для овладения профессиональными знаниями и коммуникативной компетенцией.

Для определения содержания и объёма коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения студентов-нефилологов, для выделения коммуникативных задач и перечня типовых (инвариантных) способов их выражения усилия русистов и предметников должны быть объединены в пользу иностранных учащихся. Отбор коммуникативных ситуаций — это компетенция преподавателей-предметников, а отбор лексико-грамматических структур (речевых стандартов) — задача языковедов. Именно такой подход даёт возможность студенту выражать смысл сообщения; создавать и адекватно воспринимать информацию по теме специальности.

Эффективность начинаемого на занятиях по НСР формирования профессиональной компетенции во многом зависит от наличия мотивации, поддерживаемой как языковедами, так и предметниками. Содержание пособий по НСР должно включать в себя достаточные и необходимые для выражения «предметных смыслов» в учебно-коммуникативных актах грамматические формы и структуры; общепрофессиональную лексику, организованную в блоки и классифицированную по разделам с чётким указанием количества лексических единиц, необходимых для усвоения на определённом этапе обучения; терминологические системы, которые соответствуют предметно-профессиональным полям.

Такой формой пособия может быть комплект Рабочих тетрадей (РТ) по обучению НСР, разработанный на кафедре лингводидактики ОНПУ для студентов разных профилей обучения, в который входят: Рабочая тетрадь по обучению грамматике научной речи; Тетрадь по обучению изучающему и ознакомительному чтению научно-популярных, учебно-научных текстов; Компьютерные лабораторные работы по НСР; Аудиокурс обучающих лекций.

РТ позволяют минимизировать презентуемый материал, реализуют идею алгоритмизации введения и отработки учебного материала. На основе однозначно определяемых исходных данных путём выполнения последовательных операций/упражнений можно в сжатые сроки получить нужный результат. В Рабочей тетради чётко выделены типологически однородные виды упражнений и заданий. Целесообразность единообразия на начальном этапе обучения определяется целевой задачей и материалами преподавателей-предметников, которые являются основой успешного формирования и развития необходимых профессиональных навыков и умений. Преимущество РТ по обучению грамматике научного стиля речи состоит в том, что грамматические конструкции вводятся поэтапно, но с некоторым опережением программы по дисциплине «Русский язык», что даёт возможность подготовить иностранных учащихся к «вхождению» в предмет, так как восприятие научной информации во многом зависит от знания грамматических особенностей научно-профессиональной речи. Организация материала по тематическому принципу позволяет сократить время на изучение отдельных тем в силу унифицированности грамматических конструкций (в каждом пособии они одни и те же). Грамматические единицы в РТ располагаются по принципу частотности и продуктивности в сфере учебно-профессиональной коммуникации. Форма РТ максимально подвижна, мобильна. Виды заданий могут варьироваться. В РТ достаточно рисунков, схем, моделей, таблиц и т. п., опора на которые способствует формированию у учащихся навыков самостоятельной работы.

Основу РТ, как и любого пособия по НСР, составляют микротексты (в РТ по обучению грамматике) и учебно-научные частично адаптированные тексты. Тексты изучающего и ознакомительного характера в РТ и задания к ним дают возможность обучать студентов умениям во всех видах речевой деятельности. Они коммуникативны, так как методика работы с ними нацелена на кооперантную деятельность группы, где преподаватель играет роль консультанта, члена или лидера группы, но не ментора. При этом учитывается уровень подготовки студентов на каждом этапе обучения языку и то, что учебный материал предъявляется с некоторым опережением программы РКИ с целью формирования предметной компетенции.

Жанровая специфика и адаптированность текстов сравнительно с материалом, вводимым предметниками, ориентированы: на формирование общенаучного терминологического минимума; на формирование навыков и умений письменной и устной учебно-научной и профессиональной речи; на мотивацию познавательного интереса как движущей силы учения и одного из основных мотивов речевой деятельности [8].

Предтекстовые и притекстовые задания составлены с учётом дидактического принципа: от имитационных и подстановочных до трансформационных, репродуктивных и продуктивных, по принципу «от простого к сложному», «от понятного к непонятному» и подчиняются определённому алгоритму, что развивает у учащихся умение выделять словообразовательные «маяки»,

формирует языковую догадку, активизирует мышление и создаёт необходимый психологический настрой при работе с текстом определённого содержания, помогает сконцентрировать внимание на определённых моментах. Большинство заданий нацелены на самостоятельную познавательно-творческую работу студентов.

Следует отметить, что во всех РТ по обучению НСР, разработанных на кафедре лингводидактики, обучающий либо ознакомительный материал отличает стройная структура, чёткость изложения, ясность, аргументированность, однозначность лексико-грамматических конструкций.

Как показала практика работы по данным РТ, интенсификации формирования профессиональной компетенции у иностранных учащихся значительно способствовал приём схематического структурирования текста, где опорная схема — это закодированная в виде знаков, символов, образов, понятий, определений информация занятия. В опорных схемах материал представлен в вербально-графической форме по принципу вертикального изложения повторяемого материала, что активизирует мыслительную и творческую деятельность студентов.

Работу по составлению схем целесообразно и логично начинать с текстов, содержанием которых являются следующие темы: «Характеристика предмета (явления, процесса) и действия», «Качественная и количественная характеристика предмета», «Классификация, соотношение целого и его компонентов», «Взаимосвязь, взаимодействие и взаимозависимость предметов (явлений)» и т. п. При обучении составлению схем преподавателю необходимо определить, какой материал следует давать с опорой на зрительные анализаторы, учитывая, что подсистема символов, как и подсистема терминологической лексики, представляет специфику научного стиля речи. Студентам-иностранцам начального этапа обучения, как правило, значение общенаучных символов и терминов уже известно. Это математические знаки, обозначения физических величин, символы химических элементов, интернациональная лексика и т. п.

Уже при первом предъявлении текста следует обращать внимание учащихся на его структуру при помощи заданий: найдите в тексте термин, терминосочетание, несущие основную смысловую нагрузку; поставьте общий вопрос к части текста; дайте название части или всему тексту (выберите из предложенных вариантов); определите границы частей текста и т. п.

Вначале схемы составляются при непосредственном участии преподавателя, который выступает в роли организатора процесса обучения, помощника-консультанта, облегчающего этот процесс и способствующего проявлению инициативы обучаемых. Преподаватель на доске чертит/рисует «скелет» схемы, который при активном участии студентов заполняется конкретным содержанием. Следующим этапом работы над текстом является его восстановление по схеме с помощью: а) различно расположенных стрелок и т. п.; б) знаков и символов; в) опорных глаголов; г) лексико-грамматических конструкций и т. п. Вертикально расположенные схемы лучше усваиваются студентами, так как дают наглядное представление о логике изложения учебного материала. При составлении схем рекомендуется использование кооперантных методов работы.

Схема как удобная зрительная опора отражает логику рассуждения, отмечает важные моменты текста; позволяет уточнять информацию в случае необходимости и хранить информацию в «сжатом» виде, поскольку процесс сжатия, образного хранения информации, её последующего развёртывания позволяет ускорить усвоение материала и способствует развитию мыслительной деятельности студентов; даёт возможность сфокусировать внимание обучающихся на предлагаемом тексте или части текста и вызвать интерес к обсуждаемой теме; формирует необходимые коммуникативно-профессиональные умения. Воспроизведение материала по схеме даёт возможность преподавателю проконтролировать, насколько хорошо студент понял содержание текста, усвоил предложенный для изучения лексико-грамматический материал. Студенты же приобретают навыки конспектирования, анализа и синтеза полученной информации, моделирования ситуации. Они быстрее и активнее включаются в процесс оппонирования другим учащимся, что позволяет экономить учебное время и облегчает переход к дальнейшему обучению в вузе на продвинутом этапе.

Важной в методическом отношении является проблема отбора и предъявления «**привлекательного**» учебного материала с учётом актуальной для нового поколения учащихся модели информационного поведения, типичной для медиаобщества, в котором акцент делается на использовании современных технических средств коммуникации (ИТК). Несмотря на то, что работа с компьютером формирует особый, «мозаичный» или «клиповый» тип восприятия информации, не способствует умению сосредоточивать внимание на одном предмете и удерживать состояние концентрации в течение длительного времени, выражать причинно-следственные связи вербально, у современных студентов развита способность считывать информацию как целое. Визуальное сопровождение текстов способствует повышению информативности текста, так как «хороший рисунок имеет силу трёх тысяч слов» (У. Эко). Необходимо изменять образовательный процесс, приспосабливая его под те механизмы приобретения новой информации, которые сложились у обучаемых к началу освоения иностранного языка. Предъявление учебного материала должно быть организовано с учётом «клипового мышления», то есть ярко, эмоционально, содержательно и при этом кратко.

Компьютер можно применять на всех этапах обучения: при объяснении нового материала; закреплении; повторении; контроле знаний, умений и навыков. Исходя из этого, на кафедре лингводидактики разработаны компьютерные материалы по НСР для самостоятельной работы студентов, в которых находит отражение нейролингвистический подход. Компьютерные материалы включают в себя четыре самостоятельных обучающих блока:

1. Блок обучения произношению, главная задача которого состоит в отработке произношения терминов и терминосочетаний. Этот блок ориентирован на снятие трудностей на занятиях по предметам.

2. Блок обучения чтению представляет собой микротексты, которые усложняются от урока к уроку и заканчиваются чтением связного текста.

3. Блок «Перевод», к которому студент обращается, если возникают трудности в понимании терминов и терминосочетаний.

4. Блок «Задания» содержит письменные задания лексико-грамматического характера, тесты, упражнения на аудирование и понимание текста.

В зависимости от конкретной задачи, которую ставит перед собой студент (или перед ним ставит преподаватель), можно использовать различные обучающие блоки и возвращаться при необходимости к каждому из них столько раз, сколько потребуется для полного усвоения учебного материала [9].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что основными условиями формирования профессионально-языковой компетенции иностранного студента на подготовительном факультете являются: организация речевой коммуникативной деятельности студента (диалогическая и монологическая) в учебное и внеучебное время; использование на занятиях по обучению НСР информационно-коммуникационных технологий, что не только стимулирует интерес студентов, но и существенно облегчает понимание иноязычной речи; этапность формирования составляющих компонентов профессионально-речевых умений; межпредметная координация на этапе довузовской подготовки, которая качественно мотивирует познавательный интерес иностранных студентов и существенно повышает эффективность обучения на русском языке как на иностранном; создание на занятиях такой атмосферы, при которой студент стремится развивать профессионально-речевую компетентность.

Из индивидуальных бесед с иностранными студентами, которые в основной массе являются вчерашними школьниками, становится ясно, что осознанно выбирают будущую профессию и могут это мотивировать примерно 15—20 % учащихся. Если учитывать мнение ведущих психологов о том, что мотивированный выбор будущей профессии и успешность обучения в вузе имеют прямую зависимость, такой показатель слишком низок. Именно для того, чтобы повысить мотивацию выбора будущей специальности, помочь осознать и выявить собственные интересы и склонности, понять преимущества выбранной профессии перед другими, хотя бы примерно определить место будущей работы и род занятий, уже на начальном этапе обучения иностранных граждан проводится профориентационная работа.

На подготовительном факультете ИПИГ ОНПУ разработаны информационно-методические материалы для преподавателей-кураторов академических и национальных групп [10]. В них включены микротексты для студентов по темам: «Моя будущая профессия» и «Если вы хотите стать...»; иллюстративные материалы на языках-посредниках о специализации институтов и факультетов ОНПУ; дифференционально-прогностические опросники (методика Е. А. Климова); описание типов профессиональной направленности (методика Дж. Голланда); сокращённый вариант цветового теста Люшера и т. п. Оказание студентам помощи в правильном выборе профессии осуществляется также во время встреч со студентами-старшекурсниками, педагогическим составом при посещении факультетов и кафедр, в индивидуальных беседах.

Всесторонний и многофакторный процесс формирования профессиональной компетенции иностранных учащихся уже на начальном этапе обучения даёт возможность повысить готовность обучаемых к достижению главной цели — успешному овладению выбранной специальностью.

Литература

1. *Митрофанова О. Д.* Нефилологическая аудитория как субъект учебного процесса и объект лингводидактического воздействия / О. Д. Митрофанова // Русское слово в мировой культуре : материалы X Конгресса МАПРЯЛ (30 июня — 5 июля 2003 г.). — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. — С. 173—179.

2. *Вишняков С. А.* Психолого-педагогические основы обучения русскому языку как иностранному / С. А. Вишняков. — М. : МГПИИЯ, 1995. — 97 с.

3. *Учебные задания по обучению грамматике* для иностранных студентов подготовительного факультета инженерно-технического профиля / сост. И. Д. Юркевич, И. Г. Миракьян. — Одесса : ОНПУ, 2007.

4. *Учебные задания по обучению чтению* для иностранных студентов подготовительного факультета инженерно-технического профиля / сост. Е. Д. Гуськова, Л. С. Маричереда. — Одесса : ОНПУ, 2007.

5. *Змиевская Н. П.* Пособие по научному стилю речи для подготовительных факультетов (на материале раздела курса анатомии для студентов-медиков) : учеб. пособие / Н. П. Змиевская, О. Г. Мирошникова. — Одесса : ОНПУ, 2006. — 48 с.

6. *Учебные задания по обучению НСР* для иностранных студентов подготовительного факультета инженерно-экономического профиля / сост. Л. Г. Овчаренко, И. Г. Миракьян. — Одесса : ОНПУ, 2012.

7. *Тихомиров С. А.* Технология формирования профессионально важных умений у иностранных студентов подготовительных отделений / С. А. Тихомиров, Л. А. Мирюкова // Традиции и новации в обучении иностранных учащихся в российских вузах : материалы респ. науч.-практ. конф. — Тверь : ТвГТУ, 1997. — С. 129—130.

8. *Гуськова Е. Д.* Рабочая тетрадь в системе обучения научному стилю речи / Е. Д. Гуськова // Учебный процесс как основа комплексной адаптации иностранных студентов к новой образовательной социальной и культурной среде : материалы международной юбилейной науч.-практ. конф. (22—24 июня 2005 г.). — Одесса : ОНПУ, 2005. — С. 148—150.

9. *Учебные задания по НСР для самостоятельной работы в компьютерном классе* / сост. Л. С. Маричереда, О. Г. Мирошникова, Л. Л. Неприцкая. — Одесса : ОНПУ, 2004.

10. *Методические рекомендации по организации и проведению профориентационной работы* с иностранными студентами ПФ / сост.: М. Ф. Кравченко, Л. Г. Овчаренко, Н. А. Следзюк. — 2-е изд. — Одесса : ОНПУ, 2008.

Referenses

1. *Mitrofanova O. D.* Nefilologicheskaja auditorija kak subjekt uchebnogo processa i objekt lingvodidakticheskogo vozdejstvija / O. D. Mitrofanova // Russkoe slovo v mirovoj kul'ture : materialy X Kongressa MAPRIAL (30 ijunia — 5 ijulia 2003 g.). — SPb. : Izd-vo SPbGU, 2003. — S. 173—179.

2. *Vishniakov S. A.* Psihologo-pedagogicheskie osnovy obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu / S. A. Vishniakov. — M. : MGPIIJA, 1995. — 97 s.

3. *Uchebnye zadanija po obucheniju grammatike* dlia inostrannyh studentov podgotovitel'nogo fakul'teta inzhenerno-tehnicheskogo profilia / sost. I. D. Jurkevich, I. G. Mirak'jan. — Odessa : ONPU, 2007.

4. *Uchebnye zadanija po obucheniju chteniju* dlja inostrannyh studentov podgotovitel'nogo fakul'teta inzhenerno-tehnicheskogo profilia / sost. E. D. Gus'kova, L. S. Marichereda. — Odessa : ONPU, 2007.

5. *Zmievskaja N. P.* Posobie po nauchnomu stiliu rechi dlia podgotovitel'nyh fakul'tetov (na materiale razdela kursa anatomii dlia studentov-medikov) : ucheb. posobie / N. P. Zmievskaja, O. G. Miroshnikova. — Odessa : ONPU, 2006. — 48 s.

6. Uchebnye zadanija po obucheniju NSR dlja inostrannyh studentov podgotovitel'nogo fakul'teta inzhenerno-ekonomicheskogo profilia / sost. L. G. Ovcharenko, I. G. Mirak'jan. — Odessa : ONPU, 2012.

7. *Tihomirov S. A.* Tehnologija formirovanija professional'no vazhnyh umenij u inostrannyh studentov podgotovitel'nyh otdelenij / S. A. Tihomirov, L. A. Mirjukova // Tradicii i novacii v obuchenii inostrannyh uchashhihsja v rossijskih vuzah : materialy resp. nauch.-prakt. konf. — Tver' : TvGTU, 1997. — S. 129—130.

8. *Gus'kova E. D.* Rabochaja tetrad' v sisteme obuchenija nauchnomu stiliu rechi / E. D. Gus'kova // Uchebnyj process kak osnova kompleksnoj adaptacii inostrannyh studentov k novoj obrazovatel'noj social'noj i kul'turnoj srede : mat-ly mezhdunarodnoj jubilejnoj nauch.-prakt. konf. (22—24 ijunia 2005 g.). — Odessa : ONPU, 2005. — S. 148—150.

9. *Uchebnye zadanija po NSR dlia samostojatel'noj raboty v komp'juternom klasse* / sost. L. S. Marichereda, O. G. Miroshnikova, L. L. Neprickaja. — Odessa : ONPU, 2004.

10. *Metodicheskie rekomendacii po organizacii i provedeniju proforientacionnoj raboty* s inostrannymi studentami PF. / sost.: M. F. Kravchenko, L. G. Ovcharenko, N. A. Sledziuk . — 2-e izd. — Odessa : ONPU, 2008.

ГУСЬКОВА Олена Дмитрівна,
старший викладач кафедри лінгводидактики Одеського національного політехнічного університету; Одеса, Україна;
e-mail: fedorova@fspi.opu.ua; тел.: +38 (048) 7348551

МАРІЧЕРЕДА Людмила Семенівна,
старший викладач кафедри лінгводидактики Одеського національного політехнічного університету; Одеса, Україна;
e-mail: fedorova@fspi.opu.ua; тел.: +38 (048) 7348551

ОВЧАРЕНКО Лариса Григорівна,
кандидат педагогічних наук, доцент, зав. кафедри лінгводидактики Одеського національного політехнічного університету; Одеса, Україна;
e-mail: fedorova@fspi.opu.ua; тел.: +38 (048) 7775492; моб.: + 38 067 1582005

ФОРМУВАННЯ НАВЧАЛЬНО-ПРОФЕСІЙНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ В ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ ПОЧАТКОВОГО ЕТАПУ НАВЧАННЯ

У статті розглянуто методи формування в іноземних студентів підготовчого факультету навчально-професійних навичок та вмінь у процесі навчання науковому стилю мовлення.

Формування навчально-професійної компетенції в іноземних студентів починається на підготовчому факультеті. В педагогічній системі початкового етапу навчання передбачено можливості реалізації цього

принципу в навчальних планах, у програмі дисципліни «Російська мова», в цілях, у змісті навчальних і контролюючих матеріалів, інтерактивної системи їх презентації в учбові та позаучбові години. При диференціації профілів навчання комунікативні завдання, граматичні конструкції та моделі текстового матеріалу є однаковими для студентів усіх профілів навчання. Розбіжності стосуються лексичного наповнення пропозиційних структур.

Задача викладача російської мови як іноземної полягає у коректуванні форм, методів і прийомів формування навчальної та професійної компетенції у іноземних студентів.

Ключові слова: навчально-професійна компетенція, науковий стиль мовлення, профорієнтаційна робота, Робочий зошит.

Elena D. GUS'KOVA,
Senior Lecturer of the Lingvodydactics Chair of Odessa National Polytechnic University; Odessa, Ukraine; E-mail: fedorova@fspi.opu.ua; Tel.: +38 (048) 7348551

Liudmila S. MARICHEREDA,
Senior Lecturer of the Lingvodydactics Chair of Odessa National Polytechnic University; Odessa, Ukraine; E-mail: fedorova@fspi.opu.ua; Tel.: +38 (048) 7348551

Larisa G. OVCHARENKO,
Ph.D., Associate Professor, Head of the Lingvodydactics Chair of Odessa National Polytechnic University; Odessa, Ukraine;
e-mail: fedorova@fspi.opu.ua; Tel.: +38 (048) 7775492; Mob.: +38 067 1582005

CREATION OF THE TEACHING AND PROFESSIONAL COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS ON THE PREPARATORY COURSE

The article deals with the methods of the scientific style of speech creation and professional abilities in the process of foreign students' training on the preparatory course.

The creation of the teaching and professional competence of foreign students begins on the preparatory course. In the pedagogical system of the first stage of teaching there must before seen some possibilities of realization of the given principle in teaching plans and in the program «Russian as foreign language», in the aim and the content of materials used for the teaching and the control, in the interactive system of their presentation in the school and after school hours. In different types of professional abilities, communicative tasks, grammar constructions and models of the text material are similar for students of all types of training. The difference consists only in the lexical content of the proposed structures.

The task (aim) of the teacher of Russian as foreign language is concluded in correction of forms, methods and ways of creation teaching and professional competence of foreign students.

Key words: teaching and professional competence, scientific style of speech, professionally directed work, Working Notebook.

Статтю отримано 14.11.2014 р.

УДК 378.322.3:811.161.1'23'373.74

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Людмила Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: mila2007161@rambler.ru; тел.: +38 (0482) 635745

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Диана Михайловна,
преподаватель кафедры иностранных языков Института последипломного образования Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: diana_md91@yahoo.com; тел.: +38 (0482) 474187

ОПТИМИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УНИВЕРСИТЕТЕ: ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК МАТЕРИАЛ МЕЖКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются причины возникновения объективных и субъективных трудностей включения иностранцев в русскоязычную среду. Отмечается необходимость овладения фразеологизмами русского языка как отражением менталитета народа-носителя. Описаны этапы и задачи проведённого исследования, представлены качественные и количественные характеристики фразеологизмов, прошедших апробацию в учебном процессе. Авторы разработали методику развития базовых навыков обучаемых за счёт использования на занятии тезаурусно-тематических циклов (текстов с фразеологизмами и упражнений разного типа), делятся практическим опытом работы в университете.

Использование в течение двух лет экспериментальных заданий, направленных на усвоение иностранцами русской фразеологии, показало их эффективность. Студенты быстрее усваивают изменяющиеся формы ключевых слов, входящих в состав фразеологизмов, овладевают базовой лексикой русского языка, реалиями лингвокультуры. Приращивание когнитивного поля иноязычного тезауруса происходит благодаря усвоению новых значений лексических единиц, пониманию концептуальных отношений между отдельными единицами внутри фразеологизмов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, фразеологизмы, межкультурное развитие, оптимизация обучения, тезаурусно-тематический цикл.

В настоящее время все вузы Украины вовлечены в процесс интеграции в общеевропейскую модель обучения (Bologna Charta Universitatum, 1988), что налагает дополнительные требования к повышению стандартов качества образования по всем изучаемым студентами дисциплинам. Русский язык (РЯ) не является исключением, и Одесса занимает лидирующее место по численности студентов-иностранцев. При этом Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова считается ведущим академическим вузом, в котором иностранные учащиеся получают не только профессиональное образование в избранной сфере, но и овладевают русским и украинским языками.

Растущий интерес к обучению в нашем университете объясняется и тем фактом, что непосредственная межкультурная коммуникация студентов-иностранцев с носителями языка происходит с первых дней пребывания иностранных граждан в Одессе — городе с поликультурным социумом, дружественным к проявлению различных культурных традиций. Тем не менее, у носителей арабского, турецкого, азербайджанского, молдавского, китайского, казахского, португальского языков, языков хинди, урду (которые являются доминирующими среди других языков) возникает естественный дискомфорт: от избытка иноязычного речевого потока, от новых реалий действительности. К сожалению, приходится констатировать, что не все выпускники школ с нерусским языком обучения из стран бывшего СССР, изучавшие русский язык до поступления в университет, имеют сегодня пороговый (B1 — Threshold) уровень владения русским языком в плане знаний, умений, навыков даже в базовых видах речевой деятельности, как-то: аудирование, чтение, письмо, говорение. Реальный языковой уровень владения РЯ у зарубежных абитуриентов из постсоветских стран, кроме России, как правило, находится в диапазоне от порогового (B1) уровня до уровня профессионального владения (C1 — Effective Operational Proficiency). Даже у относительно неплохо подготовленных в языковом отношении выпускников национальных школ появляется чувство неудовлетворённости своим уровнем понимания устной и письменной речи, ситуаций общения с носителями РЯ. Такая ситуация, по нашему мнению, объясняется дисбалансом общеязыковой подготовки иностранных граждан, которая представляет собой триединство составляющих: собственно лингвистические знания (РЯ), лингвоэтнокультурные знания, коммуникативные умения и навыки во всех видах иноязычной речевой деятельности.

© Добровольская Л. В., Добровольская Д. М., 2014

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы оптимизации обучении РЯ в университете, связанные с интеркультурной коммуникацией обучаемых и их адаптацией к русскоязычной среде за счёт овладения фразеологизмами. Инокультурная среда для обучаемых, в первую очередь, представлена новыми реалиями, новой ментально-психологической интерпретацией окружающего мира, явлений социума, чувственно-эмпирических ощущений индивида. Естественно, всё это нашло отражение в изучаемом языке, но обучаемый в полной мере может погрузиться в иноязычное пространство, только находясь в стране носителей данного языка.

Приехав *«за тридевять земель»* не *«баклуши бить»*, а *«уму-разуму учиться»*, студент-иностранец чувствует себя *«не в своей тарелке»* — *«белой вороной»*. Его личный опыт и знания РЯ настолько малы, *«с воробьиный ноготь»*, что *«положа руку на сердце»* иностранец признаёт: от бессилия в новых условиях *(«чужом огороде»)* у него не только *«голова пухнет»*, но и *«земля уходит из-под ног»*. Однако *«согнувшись от свалившегося бремени в три погибели»*, настойчивый студент всё же надеется, что *«лиха беда — начало»*, *«всё перемелется»*, у него *«вырастут крылья»*, *«язык до Киева доведёт»*, и *«будет на его улице праздник»*.

Данный квази-текст перенасыщен фразеологизмами, но вполне понятен носителям РЯ, для которых и пространственно-временные отношения, и пропреоцентрические ощущения человека прозрачны благодаря знаниям этносоциальной культуры своего народа. Текст как высшая единица коммуникации вобрал в себя элементы и богатство лингвоментальности народа — носителя РЯ. Именно в тексте в концентрированном виде представлено культурное пространство и символика, отражающая специфику ментальности народа [2; 3; 4]. Что касается иностранных учащихся, в ментально-психологических стереотипах их этноса, в лучшем случае, найдутся тождественные или похожие стереотипы, но в большинстве ситуаций устный или письменный текст на РЯ с фразеологизмами остаётся для них непонятным, если они не изучали данные языковые единицы ранее. Денотативный культурологический контекст, который часто представлен в виде конденсированных форм — фразеологизмов, — представляет значительные трудности для декодирования и адекватного понимания студентов-иностранцев.

Обучая иностранцев на подготовительном отделении и факультетах гуманитарной направленности, мы заметили, что необходима целенаправленная работа для овладения иностранными гражданами русской фразеологии, если мы хотим, чтобы живой язык стал их достоянием, чтобы во время адаптации к новой русскоязычной среде обитания наши обучаемые не испытывали состояние дискомфорта.

Вкратце отметим, что фразеология как наука постоянно развивается во многих направлениях: историческом и синхронном, когнитивном, функциональном, лингвокультурном и так далее. Фразеологизмы, их типология и отдельные классы исследовались многими учёными (Н. Н. Амосова, Е. М. Верещагин, В. В. Виноградов, Т. Е. Воронина, Е. М. Галкин, А. И. Ефимов, В. П. Жукова, В. Г. Костомаров, А. В. Кунин, Б. А. Ларин, П. А. Пелевин, В. Л. Пирогов, Е. А. Селиванова, В. Н. Телия, Д. Н. Чекалин, Н. М. Шанский, А. А. Шахматов, А. И. Фёдоров и др.) с позиций речемыслительной деятельности, семантико-синтаксических отношений, репродуктивно-типологических особенностей, культурно-исторических ценностных показателей. При обилии теоретических изысканий, тем не менее, учебные материалы по РЯ в вузе недостаточно насыщены фразеологизмами и заданиями для рецептивного и продуктивного овладения ими. Учитывая данное обстоятельство, мы попытались организовать учебный процесс так, чтобы студенты-иностранцы могли усвоить фразеологизмы, научились не только понимать их, но и использовать в своей русской речи.

На первом этапе работы мы провели анкетирование иностранных студентов 1 курса на предмет понимания 100 фразеологизмов : крылатых выражений, пословиц, поговорок, афоризмов. Предъявлялись распространённые в устной и письменной речи фразеологизмы. Анализ анкетирования показал, что особые трудности понимания и декодирования смысла вызывали предложные прецедентные высказывания *(с глаз долой — из сердца — вон)*, компаративные фразеологизмы *(жить как собака, льёт как из ведра, работать как конь)*, а также фразеологизмы разговорного стиля речи с соматическим компонентом *(руки чешутся, быть без ума от кого-то, как рукой сняло, вешать нос, на голову садиться, из рук вон плохо)*.

На втором этапе мы отобрали 150 фразеологизмов, разработали приёмы их презентации, семантизации, а также задания для их выведения в устную речь студентами-гуманитариями. Поскольку большинству представителей этносов, которые изучают РЯ в университете, понятны лексемы-соматизмы *(голова, нога, язык, сердце)*, а также лексемы *земля*, *мать*, в наших разработках использовались 30 фразеологизмов с лексемой *голова*, 30 — *рука*. 20 — *ум*, 20 — *нога*, 10 — *сердце*, 10 — *земля*, 20 — *мать*, 10 — с колористическим элементом *(покраснеть как рак, побелеть как стена)*.

В структурном отношении фразеологизмы подразделены на предикативные и именные, беспредложные и предложные. Например:

V + conj. + N *(плавать как рыба)*; V + N *(сушить голову, вешать нос)*; V + prep + N *(свалиться на голову)*; Adj + conj + N *(пугливый как заяц, быстрый как ветер)*.

В течение одного семестра студенты работали по предложенным материалам, на это отводилось 10—15 минут учебного времени. Такое же время требовалось для выполнения домашнего задания. В конце семестра студентов попросили отметить наиболее интересные и полезные, по их мнению, фразеологизмы.

Во время третьего этапа мы внесли коррективы в перечень фразеологизмов (согласно ответам студентов), подобрали тексты с этими фразеологизмами из периодических изданий Украины и России, разработали принципы адаптации аутентичного материала, алгоритм сочленения текстов в тезаурусно-тематические циклы. После корректировки в списке фразеологизмов осталось: 20 — с лексемой *голова*, 20 — *рука*, 10 — *нога*, 10 — *земля*. 10 — *мать*, 10 — *сердце*, 10 — с элементом *цвета*. Фразеологизмы, упражнения с ними, текстовые задания выполнялись в дополнение к заданиям программы обучения РКИ в вузе, в течение аудиторного учебного времени (20 минут).

На занятиях фразеологизмы подавались в такой последовательности: от беспредложных — к предложным; от двухкомпонентных — к поликомпонентным. Поскольку все иностранные студенты в большей или меньшей мере владели английским языком, обучаемых знакомили с возможными способами перевода русских эндоцентрических, экзоцентрических и смешанных словосочетаний-фразеологизмов на английский язык. Компаративные фразеологизмы, предъявляемые студентам, объяснялись путём сравнения референта и агента, демонстрировались схожие характеристики и отличительные черты. Пояснение реалий происходило, при необходимости, не только на русском, но и на английском языке, привлекались ассоциативные и диссоциативные связи из родного языка обучаемых. Соблюдались рекомендации Г. Эббингауза относительно частотных параметров повторений для эффективного запоминания [4, с. 1].

Наше исследование показало, что наличие одной и той же лексемы в разных типах словосочетаний позволило студентам лучше усвоить падежные окончания существительных и предлоги падежей. Например*: хлеб — всему голова* (И. п), *выше головы, головы не жалеть* (Р. п.), *понурить голову* (В. п.), *головой отвечать* (Тв. п.), *на голову садиться* (П. п.). По словам респондентов (студентов-иностранцев), им было интересно работать с экспериментальным материалом, а благодаря курсу обучения их адаптагенность к русскоязычной среде значительно возросла: появилась бóльшая уверенность в своих знаниях РЯ, повысилась мотивация общения с носителями РЯ и культуры.

Обладая номинативно-оценочным потенциалом, фразеологизмы, как показала двухгодичная апробация разработанных нами учебных материалов, благоприятствовала эффективной мыслительной деятельности студентов-иностранцев, а адекватно отобранные приёмы работы с фразеологизмами способствовали быстрому овладению базовой лексикой русского языка, реалиями русскоязычной культуры. Приращивание когнитивного поля русскоязычного тезауруса у иностранных учащихся происходило благодаря усвоению новых значений лексических единиц, пониманию концептуальных отношений между отдельными лексическими единицами внутри фразеологизмов. Это продемонстрировали тестовые работы студентов.

Перспективность исследования мы видим в создании компьютерных программ обучения фразеологизмам на основе нашей пилотной разработки.

Литература

1. *Волошина Т. Е.* Компаративные конструкции в функции различения идиостилей / Т. Е. Волошина // Функциональная характеристика языковых единиц и категорий. — Днепропетровск : Днепроп. гос. ун-т, 1988. — С. 28—32.

2. *Маслова В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. — 2-е изд. — М. : Академия, 2004. — 218 с.

3. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Маслова. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.

4. *Крысин Л. П.* Социальный аспект владения языком [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://destruction.narod.ru//krysyn-urovni-vladenija-jasykom.htm.

References

1. *Voloshina T. E.* Komparativnye konstrukcii v funkcii razlichenija idiostilej / T. E. Voloshina // Funkcional'naja harakteristika jazykovyh edinic i kategorij. — Dnepropetrovsk : Dneprop. gos. un-t, 1988. — S. 28—32.

2. *Maslova V. A.* Lingvokul'turologija: ucheb. posobie / V. A. Maslova. — 2-e izd. — M. : Akademija, 2004. — 218 s.

3. *Telija V. N.* Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty / V. N. Maslova. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. — 288 s.

4. *Krysin L. P.* Social'nyj aspekt vladenija jazykom [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: http://destruction.narod.ru//krysyn-urovni-vladenija-jasykom.htm.

ДОБРОВОЛЬСЬКА Людмила Володимирівна,
кандидат педагогічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: mila2007161@rambler.ru; тел.: +38 (0482) 635745

ДОБРОВОЛЬСЬКА Діана Михайлівна,
викладач кафедри іноземних мов Інституту післядипломної освіти Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: diana_md91@yahoo.com; тел.: +38 (0482) 474187

ОПТИМІЗАЦІЯ НАВЧАННЯ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ В УНІВЕРСИТЕТІ: ФРАЗЕОЛОГІЗМИ ЯК МАТЕРІАЛ МІЖКУЛЬТУРНОГО РОЗВИТКУ

Анотація. У статті подано перелік етапів і завдань дослідження фразеологізмів як матеріалу для навчання студентів-іноземців російської мови, а також залучення них до ментальності російськомовного суспільства. Автори окреслили деякі проблем, з якими стикаються іноземці; розглянули особливості фразеологізмів з соматичним компонентом та компонентом ознаки кольору, продемонстрували доречність використання розроблених ними тезаурусно-тематичних циклів (текстів із фразеологізмами та вправ), поділилися досвідом роботи в університеті.

Використання протягом двох років експериментальних завдань, спрямованих на засвоєння іноземцями російської фразеології, показало ефективність цих завдань. Студенти швидше засвоюють змінні форми ключових слів, що входять до складу фразеологізмів, опановують базову лексику російської мови, реалії лінгвокультури. Прирощення когнітивного поля іншомовного тезауруса відбувається завдяки засвоєнню нових значень лексичних одиниць, розумінню концептуальних відносин між окремими одиницями всередині фразеологізмів.

Ключові слова: оптимізація навчання, фразеологічні одиниці, російська мова як іноземна, міжкультурний розвиток, тезаурусно-тематичний цикл.

Liudmyla V. DOBROVOLSKA,
Ph. D., Associate Professor of Odessa Mechnikov National University, Department of Foreign Languages for the Humanitarian Faculties; Odessa, Ukraine;
e-mail: mila2007161@rambler.ru; tel.: +38 (0482) 635745

Diana M. DOBROVOLSKA,
Lecturer, Foreign Languages Department of Institute of Postgraduate Education of Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: diana_md91@yahoo.com; tel.: +38 (0482) 474187

OPTIMIZATION OF THE TEACHING RUSSIAN AT THE UNIVERSITY: PHRASEOLOGICAL UNITS AS THE MATERIAL FOR CROSS-CULTURAL DEVELOPMENT

Summary. The authors analyze objective and subjective difficulties, cross-cultural problems which arise when foreigners learn Russian, mention the stages and targets of the experiment conducted. Particular attention is given to Russian phraseological units of different content and structural characteristics, among them being the group with somatic and colour component. Phases and aims are represented as qualitative and quantitative phraseological data. The language acquisition optimizing method, based on thesaurus-thematic cycles and experimented on during 2 years of teaching at the University, is suggested in the article. The utilization of tasks during two years showed their effectiveness. The students master the forms of key words, phraseological units and basic vocabulary of the Russian language. The taking the cognitive field of the thesaurus takes place thanks to the mastering of the new practical importance, understanding of conceptual relations between phraseological units.

Key words: optimization of the teaching, phraseological units, the Russian language as foreign, cross-cultural development, thesaurus-thematic cycle.

Статтю отримано 10.07.2014 р.

УДК 378.31:811.161.1’243’373.74(574)

ЕРКИБАЕВА Гульфайруз Гинаятовна,
доктор педагогических наук, профессор кафедры технологии профессионального обучения Международного казахско-турецкого университета имени Х. А. Ясави; Туркестан, Казахстан;
e-mail: professor-erkibaeva@mail.ru; тел.: +7 25 424193; моб.: +7 013919202

СУЩНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматривается сущность коммуникативной компетенции при работе с фразеологизмами русского языка. Основной целью обучения русскому языку как второму является не формирование знаний о языке, а овладение языком. А овладение языком реализуется только коммуникативной организацией учебного процесса.

Коммуникативность предполагает представление системы языка в речевых актах для выполнения коммуникативных задач, что обусловлено теорией речевой деятельности, согласно которой при конструировании высказывания индивид идет не от формы к содержанию, а наоборот: от содержания к форме. Коммуникативность ориентирует на включение студентов, изучающих второй язык, в непосредственный акт общения между собеседниками, нацеливает на активное использование языка в процессе обучения в целях устного и письменного обмена информацией.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, фразеологизмы, приёмы речевого воздействия, русский язык в Казахстане, неродной язык.

Цель языкового обучения в вузах нашей республики — помочь студентам казахских групп преодолеть психологический барьер, безболезненно влиться в современный научно-технический прогресс. Именно это сделает их социально мобильными на рынке труда в общеевропейском и мировом пространствах [1].

Коммуникативная направленность обучения русскому языку, определённая госстандартами и программой [2; 7], предполагает использование в учебном процессе языкового материала, позволяющего решать, прежде всего, практические речевые задачи во всех сферах коммуникации и характеризующегося информативной насыщенностью. Особую значимость для реализации задач обучения и воспитания представляют русские фразеологизмы — совершенно особые единицы, в семантике которых отражены культура народа, его быт и история, его нравственно-эстетические стереотипы. Фразеологические обороты служат мощным средством воспитательного воздействия. В контексте современных тенденций гуманизации учебного процесса значение фразеологии как подсистемы языка приобретает особую важность.

Основной целью обучения русскому языку как второму является не формирование знаний о языке, а овладение языком. Овладение же языком реализуется только коммуникативной организацией учебного процесса.

Коммуникативность предполагает представление системы языка в речевых актах для выполнения коммуникативных задач, что обусловлено теорией речевой деятельности, согласно которой при конструировании высказывания индивид идет не от формы к содержанию, а наоборот: от содержания к форме. Коммуникативность ориентирует на включение студентов, изучающих второй язык, в непосредственный акт общения между собеседниками, нацеливает на активное использование языка в процессе обучения в целях устного и письменного обмена информацией. Данная категория определяет содержание, методы и организацию обучения и характеризует по-иному традиционные принципы общей дидактики и методики.

На современном этапе развития общества сложились условия, при которых востребованность специалиста на рынке труда в значительной степени зависит от умения общаться в различных сферах языковой коммуникации. Владение приёмами речевого воздействия, способность убеждать — неотъемлемая часть общей культуры любого специалиста: юриста, инженера, экономиста, менеджера. Интерес к русскому языку становится необходимостью для всех, кто стремится к достижению профессиональных успехов. «Современная ситуация в преподавании русского языка в казахских школах республики характеризуется явным противоречием между традиционными методическими построениями существующей дидактической системы и реальными коммуникативными потребностями детей, вызванными недостаточной ориентированностью методики на практические задачи обучения и на те условия, в которых осуществляется педагогический процесс», — отмечает проф. У. А. Жанпеисова [4, с. 3].

Цель языкового обучения в вузах Казахстана — помочь студентам казахских групп преодолеть психологический барьер, безболезненно влиться в современный научно-технический прогресс. Именно это сделает их социально мобильными на рынке труда в общеевропейском

© Еркибаева Г. Г., 2014

и мировом пространствах [1]. В качестве приоритетных целей обучения и воспитания сегодня выдвигается формирование поликультурной и полиязычной личности. Государственные стандарты высшего образования Республики Казахстан определяют задачи совершенствования содержания обучения, приведения их в соответствие с требованиями осуществления гуманизации и гуманитаризации педагогического процесса, реализации его внутренней преемственности и логической последовательности. В Концепции развития образования до 2015 года говорится о необходимости «изменить содержание образования от знаниецентрического к компетентностному (образование, ориентированное на результат)» [5, с. 7]. Становление компетентной личности, готовой к эффективному участию в социальной, экономической и политической жизни Казахстана, является главной целью образования.

Ситуация «языкового бума» в современном мире характеризуется обостряющейся в условиях рынка потребностью в оперативной и эффективной ориентации со стороны субъектов коммуникации в информационном поле. Эта потребность вызвана необходимостью для специалистов своевременно получать нужную информацию «из первых рук» в оригинале. В сложившейся ситуации востребована языковая личность, способная оперативно и эффективно ориентироваться в многоязычном информационном поле, продуктивно участвовать в общении в условиях как диалога, так и полилога, гибко и системно использовать потенциал лингвистического (полилингвального) образования для саморазвития и самореализации.

Теория речевых актов в зарубежной и отечественной лингвистике основана на исследовании речевого взаимодействия коммуникантов, преимущественно в устной сфере общения на уровне высказываний и их системы с учётом социальных, когнитивных, ситуативных и других факторов коммуникации. Известный ученый, разработавший теорию коммуникативного метода, Е. И. Пассов так определяет значение термина коммуникативность: «Коммуникативность предполагает речевую направленность учебного процесса, которая заключается не столько в том, что преследуется речевая практическая цель (в сущности все направления прошлого и современности ставят такую цель), сколько в том, что путь к этой цели есть само практическое пользование языка» [6, с. 36]. Коммуникативность как методическая категория взаимодействует с общедидактическими принципами: научности, систематичности, сознательности, связи теории с практикой, наглядности, доступности, принципом развивающего обучения.

При использовании фразеологизмов в коммуникативных целях мы опирались на коммуникативно-прагматический подход.

Функциональные возможности в процессе слово- и формообразования, способствуют обогащению потенциального словарного запаса учащихся и точности речи, активизации их речемыслительной и познавательной деятельности и логического мышления. Поэтому в своей работе упор делали на состав фразеологизмов, проводили анализ компонентов фразеологизмов, что, действительно способствовало обогащению их словарного запаса. В нашем случае фразеологизмы знакомят студентов со спецификой речевого общения русского народа, и изучая фразеологизмы русского языка, студенты знакомятся с культурой русского народа.

При изучении русских фразеологизмов в группах с казахским языком обучения мы уделяем большое внимание не только формированию коммуникативной компетенции студентов казахских групп, но не забываем также о развитии их языковой, речевой, социокультурной, компенсаторной компетенции как компонентов коммуникативной компетенции. **Коммуникативной компетенцией** мы называем способность решать средствами изучаемого языка задачи общения в бытовой, учебной, социально-культурной сферах жизнедеятельности. Так, **языковая компетенция** есть совокупность усвоенных знаний о всех уровнях языковой системы: фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Языковая компетенция в употреблении фразеологизмов проявляется в способности студентов определять значение фразеологизмов. **Речевая компетенция** предполагает владение способами формирования и формулирования мыслей с помощью языковых средств и умение пользоваться ими в процессе восприятия и порождения речи. При освоении фразеологии речевая компетенция проявляется в способности студентов находить в тексте, читать, понимать фразеологизмы. **Социокультурная компетенция** проявляется при этом в способности студентов к языковой коммуникации с фразеологизмами; а **компенсаторная** — в умении использовать их в своей речи в соответствии с различными задачами, ситуациями общения с учётом контекстуальной уместности.

Опираясь на труды авторитетных учёных, мы считаем, что презентация русской лексики (в нашем случае — фразеологизмов) на начальном этапе обучения русскому языку в иноязычной аудитории требует коммуникативно ориентированного отбора того пласта лексического строя, который представляет собой коммуникативное ядро — тематически сгруппированные словарные объединения, обслуживающие различные сферы языковой коммуникации. Поэтому основная цель при отборе фразеологических единиц в словарь-минимум — коммуникативная, так как студенты не смогут правильно оперировать фразеологизмами в коммуникативных целях, если не знакомы с нормированным их употреблением.

Сформированность лексической компетенции (ЛК) обучаемых представляется обязательным условием становления коммуникативной компетенции. В самом деле, если студенты не знают фразеологизмы, как же они будут оперировать ими? Значит, для становления коммуникативной компетенции обязательным является сформированность фразеологической компетенции. Анализ исследований в области коммуникативной компетенции показывает, что все её компоненты: языковой, речевой, социокультурный, компенсаторный — в комплексе способствуют овладению коммуникативной компетенцией, при этом важная роль принадлежит сформированности лексической компетенции. Целый ряд современных исследований обнаруживает обострившееся противоречие между возросшей потребностью общества в специалистах с высоким уровнем коммуникативной компетенции и недостаточной разработанностью теоретико-методологических средств её формирования в практике вузов неязыковых специальностей. В научных поисках ещё не накоплен достаточно полный материал, необходимый для решения проблемы формирования коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей.

Коммуникативная компетенция предполагает овладение умением порождать тексты в различных сферах общения по принятым канонам. Следовательно, обучение коммуникативной компетенции должно быть подчинено решению основной задачи — обучению воспроизводству и производству текстов, т. е. формированию способности продуцировать тексты, овладению приёмами текстовой деятельности. Следовательно, помимо упомянутых компонентов коммуникативной компетенции, нам представляется оправданным выделение ещё одного её компонента — **текстовой компетенции**.

В рассматриваемом аспекте особого внимания заслуживает исследование М. Я. Дымарского «Проблемы текстообразования и художественный текст» (на материале русской прозы XIX—XX вв.) [3], где поднимается вопрос о норме текстоообразования, вернее, о недостаточном владении нормой текстообразования, или о недостаточном уровне текстовой компетенции. Конкретный негативный материал, в качестве которого были использованы фрагменты из дипломных сочинений иностранных студентов-русистов, статьи американского профессора-русиста и сочинений петербургских школьников, подтверждает актуальность этой проблемы в лингвометодическом плане.

Под **текстовой компетенцией** понимается совокупность только тех представлений, знаний и навыков, которые обеспечивают продуцирование текстов, не нарушающих неписаных норм (данной) культурно-письменной традиции, то есть владение нормой текстообразования. Согласно М. Я. Дымарскому, структуру текстовой компетенции человека можно представить как иерархию трёх основных компонентов. **Первый** и самый существенный из них — это осознанная ориентация на текстовой способ создания речемыслительного произведения. Сущность текстового способа представления информации заключается, во-первых, в расчленении планируемого содержания на определённые фрагменты, чему должно соответствовать выражение этого содержания в ряде коммуникативных единиц; во-вторых, — в выражении всех взаимосвязей между элементами содержания всех уровней (логические, смысловые связи, отражающие моделируемую автором текста иерархию компонентов содержания и в то же время обеспечивающие единство темы) исключительно средствами языка, — в основном, лексическими и синтаксическими, в том числе и специфическими средствами синтаксиса текста. Поэтому целесообразно первый компонент текстовой компетенции понимать как «умение адекватно оценивать (анализировать) объём предполагаемой темы, расчленять на подтемы, устанавливая их иерархию... Формой существования первого компонента текстовой компетенции является владение системой строевых единиц текста» [3, с. 149]. **Второй компонент** текстовой компетенции заключается в таком владении указанными языковыми средствами выражения взаимосвязей между элементами содержания, которое позволяет создателю текста обеспечить адекватную реконструкцию (синтез) целого. Известно, что язык предоставляет в распоряжение довольно значительный арсенал межфразовых связей. Их можно разделить на две группы. Первая из них объединяет универсальные средства, которые функционируют при организации любого речемыслительного произведения на данном языке (союзы, местоименные и другие замены, синтаксическая неполнота и т. п.). Вторая — это специфически текстовые средства связи, свойственные, по большей мере, письменной форме текста (союзы, союзные слова: *между тем, в то же время, в самом деле, в связи с тем* и мн. др.). **Третий компонент** текстовой компетенции человека — владение арсеналом жанрово-стилистического воплощения текста. Жанровая и стилистическая определённость — категорически необходимые условия успешной текстовой деятельности; ведь именно в выборе жанра и стиля, как хорошо известно, реализуется прагматическая установка создателя текста. Определённое стилистическое задание играет при создании текста структурообразующую роль. Именно оно определяет не только отбор конкретных языковых средств, но и характер, тип развёртывания тем, членения тем на подтемы (в частности, от жанра и стиля зависит степень дробности этого членения) и др. Кроме того, определённость жанра и стиля предполагает отбор предпочтительных/допустимых и отклонение недопустимых стратегий построения текста, которые, в свою очередь, прямо вытекают из адекватной оценки смыслового объёма и специфики темы,

членения её на подтемы и т. д. (первый компонент текстовой компетенции) и управляют работой второго компонента текстовой компетенции.

Итак, придерживаясь мнения М. Я. Дымарского, под текстовой компетенцией мы понимаем способность студента обеспечивать порождение различных текстов функционально-стилевой отнесённости и функционально-смысловой типологии, основанное на системе знаний о тексте, его организации и функционировании. Соответственно этому в составе коммуникативной компетенции на основе текстовой компетенции интегративно формируются языковая, предметная и прагматическая компетенции.

Выводы. Анализ материала, научной и методической литературы позволяет нам рассматривать **коммуникативную фразеологическую компетенцию** как способность учащегося к общению на неродном языке с использованием фразеологических единиц во всех видах речевой деятельности, которая представляет собой приобретённое в процессе специально организованного обучения особое качество речевой личности. Коммуникативная фразеологическая компетенция включает языковой, речевой, социокультурный и компенсаторный компоненты. Освоение русских фразеологизмов с помощью фразеологических словарей прежде всего преследует цель формирования у учащегося коммуникативной фразеологической компетенции.

Литература

1. *Государственная программа развития образования* в Республике Казастан на 2005—2010 годы // Казастанская правда. — 2004. — № 25. — С. 3—4.
2. *Государственный общеобязательный стандарт образования* РК «Циклы социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин». — Алматы, 2002.
3. *Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX в.) / М. Я. Дымарский. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. — 284 с.
4. *Жанпеисова У. А.* Лексический аспект обучения русскому языку в казахской школе / У. А. Жанпеисова. — Алматы : АГУ им. Абая, 1997. — 235 с.
5. *Концепция развития образования* Республики Казахстан до 2015 года // Русский язык и литература в казахской школе. — 2004. — № 1. — С. 4—12.
6. *Пассов Е. И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. — М. : Просвещение, 1991. — 223 с.
7. *Типовая учебная программа* по русскому языку. — Алматы, 2002.

References

1. *Gosudarstvennaja programma razvitija obrazovanija* v Respublike Kazastan na 2005—2010 gody // Kazastanskaja pravda. — 2004. — № 25. — S. 3—4.
2. *Gosudarstvennyj obshheobjazatel'nyj standart obrazovanija* RK «Cikly social'no-gumanitarnyh i estestvenno-nauchnyh disciplin». — Almaty, 2002.
3. *Dymarskij M. Ja.* Problemy tekstoobrazovanija i hudozhestvennyj tekst (na materiale russkoj prozy XIX—XX v.) / M. Ja. Dymarskij. — SPb. : Izd-vo SPbGU, 1999. — 284 s.
4. *Zhanpeisova U. A.* Leksicheskij aspekt obuchenija russkomu jazyku v kazahskoj shkole / U. A. Zhanpeisova. — Almaty : AGU im. Abaja, 1997. — 235 s.
5. *Koncepcija razvitija obrazovanija* Respubliki Kazahstan do 2015 goda // Russkij jazyk i literatura v kazahskoj shkole. — 2004. — № 1. — S. 4—12.
6. *Passov E. I.* Kommunikativnyj metod obuchenija inojazychnomu govoreniju / E. I. Passov. — M. : Prosveshhenie, 1991. — 223 s.
7. *Tipovaja uchebnaja programma* po russkomu jazyku. — Almaty, 2002.

ЄРКІБАЄВА Гульфайруз Гінаятівна,
доктор педагогічних наук, професор кафедри технології професійного навчання Міжнародного казахсько-турецького університету імені Х. А. Ясаві; Туркестан, Казахстан;
e-mail: professor-erkibaeva@mail.ru; тел.: +7 25 424193; моб.: +7 013919202

СУТНІСТЬ КОМУНІКАТИВНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ ПРИ НАВЧАННІ РОСІЙСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Анотація. У статті розглядається сутність комунікативної компетенції при роботі з фразеологізмами російської мови. Основною метою навчання російській мові як другій є не формування знань про мову, а оволодіння мовою. А оволодіння мовою реалізується тільки комунікативної організацією навчального процесу.

Комунікативність передбачає подання системи мови в мовних актах для виконання комунікативних завдань, що обумовлено теорією мовленнєвої діяльності, згідно з якою при конструюванні висловлювання індивід йде не від форми до змісту, а навпаки: від змісту до форми. Комунікативність орієнтує на включення студентів, які вивчають другу мову, в безпосередній акт спілкування між співрозмовниками, націлює на активне використання мови в процесі навчання з метою усного та письмового обміну інформацією.

Ключові слова: комунікативна компетенція, фразеологізми, прийоми мовного впливу, російська мова в Казахстані, нерідна мова.

Gul'fayruz G. YERKIBAEVA,
Grand PhD in Pedagogical Sciences, Full Professor of Technology Department of International Kazakh-Turkish Yasavi University; Turkestan, Kazakhstan;
e-mail: professor-erkibaeva@mail.ru; тел.: +7 25 424193; моб.: +7 013919202

THE SUBSTANCE OF THE COMMUNICATIVE COMPETENCE WHILE TEACHING RUSSIAN PHRASEOLOGY

Summary. The article deals with the essence of the communicative competence while working with the students from phraseology of the Russian language. The main aim of teaching Russian as a second language is not the forming of knowledge about the language, but the language take-over. The language take-over is realized through communicative organization of the educational process. Communicability proposes representation of a language system in speech acts to perform communicative tasks, due to the theory of speech activity, according to which an individual moves not from the form to the content, but from the content to the form. Communicability focuses on the inclusion of students studying a second language in the immediate act of communication between the interlocutors; aims at the active use of the language in the learning process for oral and written information exchange. This category defines the content, methods and organization of teaching, and characterizes differently traditional principles of general didactics and methodology.

Key words: communicative competence, idioms, techniques of speech influence, the Russian language in Kazakhstan, second language.

Статтю отримано 20.07.2014 р.

УДК 811.161.1'255.4'271.2'38:347.78.034

ЕСАКОВА Мария Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; Москва, Россия;
e-mail: maria_esakova@mail.ru; тел.: +7 (495) 9394482; моб.: +7 9166059765

ЛИТВИНОВА Галина Михайловна,
старший преподаватель кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; Москва, Россия;
e-mail: bambuk25@mail.ru; тел.: +7 (495) 9394482; моб.: +7 9161537481

СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРА РЕЧИ В КУРСЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Аннотация. В статье речь идёт об особенностях пособия по «Стилистике русского языка и культуре речи для переводчиков», в котором нужно не только знакомить учащихся с нормами современного русского языка, развивать лингвостилистическое чутьё и навыки употребления языковых единиц, но и обращать особое внимание на задания, ориентированные на формирование профессиональных навыков переводчика. Это не только традиционные задания по лексической и грамматической стилистике, тренинг по орфографии и пунктуации, но и специальные «переводческие» упражнения, направленные на формирование различных переводческих навыков: на постановку правильного и чёткого произношения, на развитие оперативной памяти и ассоциативного мышления, на способность к запоминанию, на выработку умения быстрого и продуктивного переключения, на тренировку темпа, на наращивание активного запаса частотной лексики и т. д. Формирование языковой личности студента-будущего переводчика должно базироваться на стремлении учащегося совершенствовать собственную речевую культуру не только иностранного, но и родного языка.

Ключевые слова: стилистика русского языка и культура речи, переводческие навыки, психологические особенности переводческой деятельности, мнемотехника.

В парадигме современного образования остро стоят вопросы оптимизации обучения русскому языку в процессе подготовки специалистов в области межкультурной коммуникации, решение которых требует создания новых, интегративных систем обучения, базирующихся на новейших достижениях в лингводидактике и дидактике перевода. Поэтому курс «Стилистика русского языка и культура речи» в процессе формирования языковой личности переводчика занимает значительное место. Необходимо помнить, что лингвистическую культуру того или иного человека формируют речевое поведение и лингвистическая компетенция. «Лингвистическая компетенция — знание словарного состава языка, включающего лексические и грамматические элементы, способность их использования в речи» [2, с. 25]. Однако для формирования

© Есакова М. Н., Литвинова Г. М., 2014

языковой личности переводчика недостаточно только лингвистических знаний. Согласно работам А. Н. Плехова, языковая личность переводчика — это «коммуникативно-активный субъект, способный в той или иной мере познавать, описывать, оценивать, преобразовывать окружающую действительность и участвовать в общении с другими людьми средствами иностранного языка в иноязычно-речевой деятельности» [7, с. 8.]. Успешную языковую личность переводчика определяет его умение осмыслить понятия чужой культуры и выразить их средствами родного языка.

Формирование языковой личности студента-переводчика должно базироваться, на наш взгляд, на желании совершенствовать собственную речевую культуру как родного, так и иностранного языка. Однако на занятиях мы сталкиваемся с косноязычием, примитивно сформулированными предложениями, смешением стилей, огромным количеством речевых штампов, отсутствием метафор, образных выражений и т. д. Это обусловлено не только падением общего уровня речевой культуры, но и с активными изменениями в обществе, влекущими за собой и изменения в языке, «в языковом сознании носителей русского языка, изменении параметров жанрово-стилевого нормирования и нормативности речи, новых особенностей и новых средств коммуникации, самого влияния новых условий коммуникации (Интернет, реклама, SMS, мультикультурализм, билингвизм, расширение знаковой системы латинской графики) на языковую личность» [7, с. 9]

Таким образом, при обучении родному (русскому) языку будущих переводчиков необходимо учитывать множество как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Следует не только знакомить учащихся с нормами современного русского языка, но и активно развивать лингвостилистическое чутьё, навыки употребления языковых единиц, обращая особое внимание на задания, ориентированные на формирование личности профессионального переводчика.

Учитывая всё вышесказанное, мы понимаем необходимость создания учебных пособий нового типа для будущих переводчиков по «Стилистике русского языка и культуре речи», которые помогли бы решать задачи подготовки специалистов по переводу на высоком профессиональном уровне. Цель таких пособий — научить будущих специалистов достаточно быстро выбирать адекватный вариант как с лексической и грамматической, так и стилистической точек зрения, а также помочь им совершенствовать практические навыки владения письменной и устной речью, необходимые для грамотного построения высказываний при переводе на русский язык или для правильного и полного понимания русских текстов, без которого адекватный перевод на иностранные языки невозможен.

Такие пособия должны включать в себя целый комплекс упражнений, призванных облегчить работу переводчика в будущем. Это не только традиционные задания по лексической и грамматической стилистике, тренинг по орфографии и пунктуации, но и специальные «переводческие» упражнения, направленные на формирование различных переводческих навыков: на развитие оперативной памяти, на способность к запоминанию, на выработку умения быстрого и продуктивного переключения, на тренировку темпа, на наращивание активного запаса частотной лексики и т. д.

Особое внимание необходимо уделять постановке произношения, так как речь переводчика, как артиста или диктора на телевидении, должна быть чёткой, выразительной и понятной: орфоэпические и акцентологические ошибки, неразборчивая, монотонная речь приводят к тому, что собеседнику трудно сосредоточиться на содержании высказывания, они раздражают слушателя и, как следствие, рождают недоверие к профессиональным качествам переводчика.

Существующие орфоэпические и акцентологические правила несовершенны, имеют огромное количество исключений, и поэтому необходим постоянный тренинг, целью которого является выработка автоматизма при постановке ударения (чтобы специалист не попадал под влияние «узуса»: *«не включат в прихожей свет», «там вы были правы́», «программное обеспече́ние», «обле́гчить положение»* и т. д.).

Переводчику (особенно синхронисту) часто приходится говорить в повышенном темпе, а при последовательном переводе, наоборот, темп речи значительно снижается, поскольку необходимо держать в памяти содержание оригинала. Помимо этого, в речи переводчика должны быть правильно расставлены акценты, необходима смысловая и структурная завершённость фраз, что обеспечит полноценное восприятие слушателями текста перевода. Навыки правильно интонированной и чёткой речи также следует формировать на занятиях по русскому языку. Для этого полезно, например, учиться произносить скороговорки: сначала скороговорку произносят в медленном темпе, чётко проговаривая все звуки, затем скорость проговаривания постепенно увеличивается до максимально возможной. При выборе материала нужно обращать внимание на сложные для произношения сочетания звуков, в основе артикуляции которых лежат разные принципы, что усложняет их аккомодацию (рекурсия предыдущего звука поглощает экскурсию последующего). Например: *«Сшит колпак, да не по-колпаковски, вылит колокол, да не по-колоколовски, нужно колпак переколпаковать, перевыколпаковать, нужно колокол переколоколовать, перевыколоколовать».*

На занятиях полезно слушать речь тех дикторов радио и телевидения, которую можно принять за образец. Для этого пособие по культуре речи для переводчиков должно быть снабжено, на наш взгляд, аудиоприложением с фрагментами образцовой речи и упражнениями, основанными на этих фрагментах (например, эхо-повтор).

Работая над формированием лексических навыков, следует обращать внимание на упражнения, направленные на умение точно и быстро выбирать необходимое слово в соответствии с его современным значением в языке. Это поможет избежать речевых ошибок, возникающих, как правило, когда говорящий или пишущий не может адекватно выразить мысль в силу различных причин (незнание значения слова, отсутствие навыка быстрого подбора нужного в данной ситуации слова и т. д.).

В качестве примера подобного задания можно привести следующее: *Дополните фразы подходящими по смыслу словами или выражениями. Подберите все возможные варианты* (задание на прогнозирование).

Докладчик _____ *фактами из истории этой страны.*

Важным _____ *высокого уровня знаний являются успешно сданные экзамены.*

Идея этого произведения заключается в призыве к русским князьям _____ *и* _____ *на защиту русской земли.*

Анна Керн в _____ *Пушкина осталась лишь «мимолётным видением».*

Помимо этого, в курс стилистики русского языка для переводчиков должны быть включены и упражнения на усвоение синонимов, антонимов, паронимов, диалектизмов, архаизмов, фразеологизмов и т. д. Речь переводчика должна быть живой, не следует стремиться к использованию искусственных форм, не соответствующих речевой ситуации. Специалисты-переводчики неоднократно выражали обеспокоенность тем, что в русском переводном дискурсе десятилетиями формировался «дистиллированный», в каком-то смысле искусственный язык, в котором всё стремится к норме. Такой язык создавал впечатление «бледного однообразия переводных текстов», поскольку «полное устранение интерференции и стремление никоим образом не отклониться от нормы, могут привести к некой «дистилляции» создаваемых в процессе перевода речевых произведений» [3, с. 133].

Важно также обращать внимание на имена собственные. Переводчик должен знать имена современных общественных деятелей, имена тех, кто навсегда вошёл в историю цивилизации и т. д. Риск потери информации при переводе личных имён можно уменьшить, если фонд частотных имён сделать для переводчика ожидаемым, прогнозируемым, поэтому эти имена необходимо постоянно включать в тренинг.

В ходе занятий важно работать над выработкой навыков грамматически правильной устной и письменной речи, корректировать и предупреждать такие ошибки, как смешение форм категорий рода и числа, падежных форм имён существительных и прилагательных, а также падежных форм числительных, неверное использование глагольных форм, ошибки в именном и глагольном управлении, в употреблении деепричастных оборотов, в согласовании подлежащего со сказуемым и т. п. Например, употребление числительных представляет особую трудность для говорящих на русском языке, что связано с сильным влиянием разговорных форм. Частотны ошибки типа: **нет двести (пятьсот) рублей, *восьми рублями, *восьмиста восьмидесяти рублями* и т. д. В условиях устного перевода знание грамматических форм числительного должно быть доведено до автоматизма. Как показывает практика, переключение с буквенного на цифровое кодирование всегда доставляет переводчику дополнительные сложности и может понизить качество работы даже опытного специалиста.

При комплексном подходе к обучению одной из важных составляющих становится учёт психологических особенностей переводческой деятельности. Известно, что переводчику необходимо обладать быстрой реакцией, умением сосредоточиться, усидчивостью, высокой работоспособностью; в будущих переводчиках нужно развивать способность к логическому и ассоциативному мышлению. Специалист в области перевода должен уметь много запоминать, легко оперировать числами или большими объемами информации, для этого ему необходима «профессионально-организованная гибкая память, которая позволяет вбирать большой объём информации и быстро забывать ненужное» [6, с. 56]. С её помощью переводчику удаётся не только «сохранить смысл текста, но и применить переводческие способы и приёмы» [6, с. 56].

Упражнения, направленные на тренировку памяти, основанные на материале двух языков, переводящего и переводимого, традиционно включают в занятия по устному и последовательному переводу. Задача русистов заключается в том, чтобы сформировать у учащихся навык запоминания информации на русском языке (запомнить, узнать, сохранить и воспроизвести), что в дальнейшем облегчит работу на занятиях по переводу, где требуется удерживать в памяти слова и структуру иностранного предложения и производить лексико-грамматические трансформации. Такие упражнения помогут также расширить лексический запас родного языка учащихся. Необходимо помнить о том, что тренировать память нужно регулярно, поэтому

подобные задания включаются в учебный процесс не от случая к случаю, а систематически, так как «навык владения мнемотехникой может утратиться» [1, с. 35].

Какие же упражнения, основанные на мнемотехнических приёмах, можно включить в курс «Стилистика русского языка и культура речи»?

Это, например, заучивание стихотворных и прозаических текстов (или фрагментов) «по точкам»: все буквы в словах стихотворения (или прозаического отрывка), кроме первой и последней, заменяются точками. Подобную тренировку нужно начинать с небольших по объёму текстов, состоящих из слов, часто используемых и легко восстанавливаемых по контексту. Приведём пример подобного задания.

Сначала учащимся предлагается прочесть (один или два раза) отрывок из стихотворения Б. Пастернака «Зимняя ночь».

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Затем учащиеся должны восстановить текст стихотворения «по точкам» без опоры на оригинал.

М..о, м..о по в..й з...е
Во в.е п.....ы.
С...а г....а на с...е,
С...а г....а.
К.к л...м р..м м.....а
Л...т на п...я,
С.....ь х....я со д...а
К о.....й р..е.

И в заключение учащиеся должны выучить данное стихотворение наизусть, используя текст «по точкам».

Заучивать стихотворные и прозаические тексты можно и по «обрезанным строкам». Подобные задания не только тренируют память, но и развивают языковую догадку. Возьмём в качестве примера подобного задания фрагмент стихотворения Б. Ахмадулиной «О, мой застенчивый герой...». Учащиеся читают (один или два раза) предложенный текст:

О, мой застенчивый герой,
ты ловко избежал позора.
Как долго я играла роль,
не опираясь на партнёра! —

а затем восстанавливают строки по началу:

О, мой застенчивы....
ты ловко избежал....
Как долго я...
не опираясь...

Следует обратить внимание, что начинать подобные задания нужно с восстановления одного или двух слов в строке; затем количество слов можно увеличивать.

Традиционные упражнения типа «Снежный ком» не только способствуют тренировке памяти, но и помогают снять напряжение, которое возникает из-за интенсивной работы на занятии. В качестве материала для упражнений такого рода могут быть как забавные тексты или тексты с элементами абсурда, помогающие закрепить навык безассоциативного запоминания, так и серьёзные произведения. Например, можно взять стихотворение «Азбука»:

Ах, абрикоса аромат,
Бесшумно бабочки болтают,
Ветвистый вьётся виноград <...>

В этом стихотворении все слова в строчках начинаются на одну букву, что становится вспомогательным средством для запоминания.

Интересными для развития памяти и ассоциативного мышления представляются упражнения типа «Верёвочка», широко используемые в практике РКИ. Суть этих упражнений заключается в том, что учащиеся от предложенных слов должны построить (не записывая) ассоциативный ряд, в котором каждое слово по смыслу сочетается со своими «соседями». В каждой «цепочке»

должно быть не менее 8—10 слов. Модель образования «цепочки»: *ветеран — война — Отечественная — 1941—1945 гг. — тяжёлые — испытания — советский — народ.* На следующем занятии учащимся предлагается по памяти записать фразы, построенные на основе полученного ассоциативного ряда, соблюдая последовательность слов в «цепочке».

Большую трудность для запоминания составляют числа, поэтому на занятиях следует обращать внимание и на задания, включающие в себя числовую информацию. Для облегчения запоминания числовые сведения можно преобразовывать в зрительные образы. У каждого эти образы индивидуальны: одному человеку цифра «1» напоминает «столб», другому — «свечу» и т. д. Если учащиеся освоят соответствующие образные символы, то впоследствии они смогут закреплять любую числовую информацию в долговременной памяти. Например, числовую последовательность 153-74-81 можно представить в следующих образах: «На столбе (1) висел якорь (5), на котором сидела чайка (3), а за углом (7) стоял человек (4) и бесконечно (8) наблюдал за столбом (1)». При регулярных тренировках учащиеся смогут без труда составлять ассоциативные цепочки. Причём чем абсурднее картинка, тем легче она запоминается.

Таким образом, так как будущему переводчику необходимо развивать зрительную память, догадку, прогнозирование, наблюдательность, внимание и логическое мышление, то в учебные пособия по стилистике русского языка и культуре речи нужно включать не только традиционные упражнения, но и задания, формирующие переводческую память, развивающие навыки переключения, восприятия текста со счётом, а также упражнения на создание ассоциаций и т. д., разработанные преподавателями перевода.

Литература

1. *Алексеева И. С.* Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. — СПб. : Перспектива, 2008. — 288 с.

2. *Берсиров Б. М.* Формирование лингвистической культуры у студентов в процессе обучения языку / Б. М. Берсиров // Вестник Адыгейского государственного университета. — Сер. 3: педагогика и психология. — 2010. — № 2. — С. 71—76.

3. *Гарбовский Н. К.* Русский переводной дискурс: миф или реальность / Н. К. Гарбовский // Русский язык и культура в зеркале перевода. — М. : Изд-во ВШП МГУ, 2012. — С. 130—136.

4. *Константинова Н. А.* Подготовка переводчиков в сфере профессиональной коммуникации — важный элемент интеграции национальных систем образования / Н. А. Константинова, И. Д. Михеев // Современные проблемы науки и образования. — 2006. — № 4. — С. 46—47.

5. *Митякина Л. В.* Некоторые особенности стилистических приёмов перевода [Электронный ресурс] / Л. В. Митякина, Е. Ерёмина. — Режим доступа: http://www.study-english.info/article046.php

6. *Никитин В. В.* Память и её роль в процессе перевода [Электронный ресурс] / В. В. Никитин // Естествознание и гуманизм. — 2010. — Т. 6. № 1. — Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/languages/00275539_0.html

7. *Плехов А. Н.* Психологические условия развития вторичной языковой личности преподавателя-лингвиста : автореф. дис. ... канд. психолог. наук : спец. 19.00.07 «Педагогическая психология» / А. Н. Плехов. — Нижний Новгород, 2007. — 23 с.

8. *Поршнева Е. Р.* Междисциплинарные основы базовой лингвистической подготовки специалиста-переводчика : дис. ... д-ра педагог. наук : 13.00.08 / Е. Р. Поршнева. — Казань, 2004. — 330 с.

References

1. *Alekseeva I. S.* Professional'nyj trening perevodchika / I. S. Alekseeva. — SPb. : Perspektiva, 2008. — 288 s.

2. *Bersirov B. M.* Formirovanie lingvisticheskoj kul'tury u studentov v processe obuchenija jazyku / B. M. Bersirov // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. — Ser. 3: pedagogika i psihologija. — 2010. — № 2. — S. 71—76.

3. *Garbovskij N. K.* Russkij perevodnoj diskurs: mif ili real'nost' / N. K. Garbovskij // Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda. — M. : Izd-vo VShP MGU, 2012. — S. 130—136.

4. *Konstantinova N. A.* Podgotovka perevodchikov v sfere professional'noj kommunikacii — vazhnyj element integracii nacional'nyh sistem obrazovanija / N. A. Konstantinova, I. D. Miheev // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. — 2006. — № 4. — S. 46—47.

5. *Mitiakina L. V.* Nekotorye osobennosti stilisticheskih prijomov perevoda [Elektronnyj resurs] / L. V. Mitiakina, E. Eriomina. — Rezhim dostupa: http://www.study-english.info/article046.php

6. *Nikitin V. V.* Pamiat' i ejo rol' v processe perevoda [Elektronnyj resurs] / V. V. Nikitin // Estestvoznanie i gumanizm. — 2010. — T. 6. № 1. — Rezhim dostupa: http://revolution.allbest.ru/languages/00275539_0.html

7. *Plehov A. N.* Psihologicheskie uslovija razvitija vtorichnoj jazykovoj lichnosti prepodavatelia-lingvista : avtoref. dis. ... kand. psiholog. nauk : spec. 19.00.07 «Pedagogicheskaja psihologija» / A. N. Plehov. — Nizhnij Novgorod, 2007. — 23 s.

8. *Porshneva E. R.* Mezhdisciplinarnye osnovy bazovoj lingvisticheskoj podgotovki specialista-perevodchika : dis. ... d-ra pedagog. nauk : 13.00.08 / E. R. Porshneva. — Kazan', 2004. — 330 s.

ЄСАКОВА Марія Миколаївна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії та практики перекладу Московського державного університету ім. М. В. Ломоносова; Москва, Росія;
e-mail: maria_esakova@mail.ru; тел.: +7 (495) 9394482; моб.: +7 9166059765

ЛИТВИНОВА Галина Михайлівна,
старший викладач кафедри теорії та практики перекладу Московського державного університету ім. М. В. Ломоносова; Москва, Росія;
e-mail: bambuk25@mail.ru; тел.: +7 (495) 9394482; моб.: +7 9161537481

СТИЛІСТИКА РОСІЙСЬКОЇ МОВИ І КУЛЬТУРА МОВЛЕННЯ У КУРСІ ПІДГОТОВКИ ПЕРЕКЛАДАЧІВ

Анотація. У статті йдеться про особливості посібника із «Стилістики російської мови і культури мовлення для перекладачів», у якому потрібно не тільки знайомити учнів з нормами сучасної російської мови, розвивати мовностилістичне чуття і навички вживання мовних одиниць, але і звертати особливу увагу на завдання, орієнтовані на формування професійних навичок перекладача. Це не лише традиційні завдання з лексичної та граматичної стилістики, тренінг з орфографії та пунктуації, але й спеціальні «перекладацькі» вправи, спрямовані на формування різних перекладацьких навичок: на постановку правильної та чіткої вимови, на розвиток оперативної пам'яті й асоціативного мислення, на здатність до запам'ятовування, на вироблення уміння швидкого та продуктивного перемикання, на тренування темпу, на нарощування активного запасу частотної лексики тощо. Формування мовної особи студента-перекладача повинне базуватися на прагненні учня удосконалювати власну мовну культуру не лише іноземної, а й рідної мови.

Ключові слова: стилістика російської мови і культура мовлення, перекладацькі навички, психологічні особливості перекладацької діяльності, мнемотехніка.

Maria N. ESAKOVA,
PhD in Philology, Associate Professor, Department of translation theory and methodology of Higher School of Translation and Interpretation Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia;
e-mail: maria_esakova@mail.ru; office phone: +7 (495) 9394482; mobile phone: +7 9166059765

Galina M. LITVINOVA,
Senior lecturer, Department of translation theory and methodology of Higher School of Translation and Interpretation Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia;
e-mail: bambuk25@mail.ru; office phone: +7 (495) 9394482; mobile phone: +7 9161537481

RUSSIAN STYLISTICS AND STANDARDS IN TRANSLATOR AND INTERPRETER TRAINING

Summary. The article deals with the textbook «Russian Language Stylistics and Speech Standards for Translators» that aims to introduce students to norms of the contemporary Russian language, to develop their linguistic and stylistic intuition and usage skills as well as to focus on special tasks designed to train professional translator skills. It is not only traditional tasks on lexical and grammatical stylistics, training on spelling and a punctuation, but also the special «translation» exercises directed on formation of various translation skills: on statement of the correct and accurate pronunciation, on development of random access memory and associative thinking, on ability to storing, on development of ability of fast and productive switching, on speed training, on building of an active stock of frequency lexicon, etc. Formation of the language identity of the student's future of the translator has to be based on aspiration of the pupil to improve own speech culture not only foreign, but also the native language.

Key words: Russian stylistics and standards, translator and interpreter skills, psychology of translation, mnemonics.

Статтю отримано 12.07.2014 р.

УДК 81’276.6:62В. Скалкин

ИВАНОВА Наталия Георгиевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: nativa.odessa@gmail.com; nat-iva@ukr.net; тел.: +38 050 3916302

ПАХАЛКОВА-СОИЧ Татьяна Владимировна,
доцент кафедры языковой подготовки Харьковского национального университета радиоэлектроники; Харьков, Украина;
e-mail: p-soich@mail.ru, p-soich@rambler.ru; тел.: +38 050 3009317

МЕТОДИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ В. Л. СКАЛКИНА

Аннотация. В статье говорится о научном наследии Владимира Львовича Скалкина, его идеях, которые во многом предвосхитили основные положения новейших исследований в методике преподавания иностранных языков, в том числе и русского языка как иностранного. Авторы характеризуют теоретические находки В. Л. Скалкина (понятия «подход к обучению», «речевые и неречевые ситуации», «учебная дискуссия», классификация речевых упражнений, классификация уровней процесса речепроизводства, выделение восьми сфер общения) и определяют их «методическими универсалиями». При этом своё мнение авторы статьи обосновывают, обращаясь к трудам известных учёных, занимающихся проблемами методики преподавания русского языка как иностранного (Э. Г. Азимова, Т. М. Балыхиной, Г. А. Битехтиной, Н. А. Буре, М. В. Быстрых, С. А. Вишняковой, М. Н. Вятютнева, А. С. Ивановой, Л. П. Клобуковой, М. М. Нахабиной, Н. И. Соболевой, А. Н. Щукина и др.).

Ключевые слова: методические универсалии, Владимир Скалкин, научное наследие.

Научное наследие Владимира Львовича Скалкина, по нашему мнению, требует глубочайшего всестороннего изучения. Несомненно, что изложенные им идеи, став, по своей сути, «методическими универсалиями», во многом предвосхитили основные положения новейших исследований в методике преподавания иностранных языков. Охарактеризовать значение достижений В. Л. Скалкина в небольшой статье, без сомнения, невозможно. В связи с этим авторы предпринимают попытку раскрыть только один аспект — показать вклад В. Л. Скалкина в методику преподавания русского языка как иностранного на основе анализа авторитетных трудов по методике РКИ.

Известно, что В. Л. Скалкин неоднократно участвовал в Конгрессах Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Так, на IV конгрессе МАПРЯЛ в Берлине в 1979 году он представил сообщение «Методические умения преподавателя и учебная коммуникативная ситуация на уроке» [12], на VII конгрессе МАПРЯЛ — доклад «Проблемы интенсификации обучения русскому языку как иностранному в свете коммуникативного подхода» [18] и т. д.

Трижды Владимир Львович публиковал статьи в журнале «Русский язык за рубежом»: в 1973 г. в № 4 (28) им напечатана статья «Сферы устноязычного общения и обучение речи» [21]; для № 5 (61) в 1979 г. подготовлена статья «Типичная коммуникативная ситуация как структурно-тематическая основа обучения устной иноязычной речи» [22]; в 1983 г. в № 3 (83) увидела свет статья «Ситуация, тема и текст в лингвометодическом аспекте (организация материала для устной речи)» [20].

В «Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, разработанном в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина в 2009 году, приведены основополагающие труды В. Л. Скалкина, в которых полнее всего изложены его взгляды: Основы обучения устной иноязычной речи. — М., 1981 [16]; Коммуникативные упражнения на английском языке. — М., 1983 [10]; Обучение диалогической речи (на материале английского языка). — Киев, 1989 [13]. По нашим сведениям, все три книги переизданы в 2000-е годы [11; 13; 15].

Анатолий Николаевич Щукин, стоявший у истоков методики преподавания РКИ[1], в своём труде «Методика преподавания русского языка как иностранного» [23] при определении термина

[1] А. Н. Щукина называют «летописцем методической эпохи», поскольку «из-под его пера вышли многочисленные обобщающие работы, монографии и хрестоматии по истории методики преподавания РКИ. Он автор единственного фундаментального учебника для вузов «Методика преподавания русского языка как иностранного», который выдержал уже 2 издания. Это наиболее авторитетный и современный учебник по методике РКИ» [8, с. 122].

© Иванова Н. Г., Пахалкова-Соич Т. В., 2014

«подход к обучению» обращается к мнению В. Л. Скалкина [16, с. 121—122], указывающего, что данное понятие определяет деятельность исследования, направленную на изучение того или иного явления [23, с. 103].

Именно в трудах В. Л. Скалкина [14, с. 183—230], подчёркивает А. Н. Щукин [23, с. 228], представлена развёрнутая классификация речевых упражнений, использующихся для формирования и совершенствования речевых умений на основе приобретённых знаний и сформированных навыков.

Татьяна Михайловна Балыхина в учебном пособии «Методика преподавания русского языка как неродного (нового)» [4, с. 16] при описании «разнообразных тренировочных и творческих заданий, которые ставят учащихся перед необходимостью совершения речевого действия в условиях, максимально приближенных к реальному общению», также ссылается на классификацию В. Л. Скалкина [16].

Одним из важнейших выдвинутых В. Л. Скалкиным положений, не потерявших актуальности и в XXI в., было выделение сфер общения. А. Н. Щукин указывает [23, с. 153], что описание сфер общения с методической точки зрения впервые было предложено В. Л. Скалкиным [16], выделившим восемь сфер общения: социально-бытовую, семейную, профессионально-трудовую, социально-культурную, сферу общественной деятельности, административно-правовую, зрелищно-массовую, сферу игр и развлечений. Любовь Павловна Клобукова указывает, что хотя понятие «сферы деятельности» не определено однозначно ни в социолингвистике, ни в методике преподавания русского языка как иностранного, широко известной является классификация, предложенная В. Л. Скалкиным, выделившим восемь сфер устного общения, присущих «любому современному языковому коллективу» [16, с. 61]. Важным моментом в концепции В. Л. Скалкина, подчёркивает Л. П. Клобукова, является то, что «данная классификация учитывает, в первую очередь, социальную характеристику коммуникантов (члены одной семьи, сотрудники, друзья)» [8, с. 7].

М. Н. Вятютнев в работе «Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы)» [7], уточняя определения метода и подхода опирается на мнение В. Л. Скалкина о том, что упорядоченная презентация языкового материала включает цели и задачи обучения, принципы отбора, последовательности и дозировки, приёмы, способы и средства овладения знаниями и умениями для пользования языком как средством общения [16].

Н. А. Буре, М. В. Быстрых, С. А. Вишнякова и др. в своём пособии для студентов нефилологических высших учебных заведений «Основы научной речи» [8] для описания моделей процесса речепроизводства приводят классификацию В. Л. Скалкина, различившего уровни процесса речепроизводства [16, с. 74]. Вслед за В. Л. Скалкиным авторы считают [8], что монологическая речь, как и сам процесс мышления, характеризуется последовательностью, логичностью, полнотой и ясностью изложения, что позволяет говорить о так называемом осознанном говорении [15, с. 14]. Как и В. Л. Скалкин, авторы рассматривают [8] в качестве минимальной структурной единицы монологической речи полное многосоставное предложение (хотя могут встречаться и эллиптические предложения, отдельные слова, заменяющие целые фразы), которое отражает как категорию мышления — законченную мысль, так и категорию логики — суждение [15, с. 15].

В статье «Ситуация как объект лингводидактического описания элементарного уровня общего владения русским языком как иностранным» Г. А. Битехтина, А. С. Иванова, Л. П. Клобукова, М. М. Нахабина и Н. И. Соболева [5] справедливо подчёркивают, что в 1960-е годы, когда начинается методическое осмысление феномена ситуации, именно В. Л. Скалкин и Г. А. Рубинштейн проводят разграничение речевых и неречевых ситуаций, изучают возможности и способы использования речевых ситуаций в ходе учебного процесса и вводят понятие «учебная речевая ситуация» [19].

В. Л. Скалкин отмечает, что учебная дискуссия как «форма работы обладает определённой структурой, включающей тему, экспозицию, речевой стимул, направляющие вопросы и речевую реакцию обучающихся. Тематика дискуссии может быть самой разнообразной, однако желательно, чтобы она согласовывалась с программой. Экспозицией обычно служит какое-либо высказывание (например, крылатая фраза), пословица, бытовая сентенция, описание случая, явно предполагающего различные пути его интерпретации, и т. д.» [18].

Следует подчеркнуть, что В. Л. Скалкиным рассмотрены практически все важнейшие проблемы методики преподавания иностранных языков (психологические и лингвистические особенности монологической и диалогической речи, коммуникативно-деятельностный подход к обучению иностранным языкам, типология упражнений, механизмы распознавания и порождения высказывания и др.), которые и до сих пор волнуют исследователей.

Анализируя задания Государственного образовательного стандарта по русскому языку как иностранному, который лежит в основе Российской государственной системы тестирования иностранных граждан зарубежных стран по русскому языку показывает, что в разделе «Говорение» во время беседы, которая предполагает возникновение различных ситуаций, учащийся должен

продемонстрировать высокое умение общения по затрагиваемым вопросам с учётом имеющихся знаний. В субтесте «Говорение» целью является проверка умения вести диалог с разными вариантами его развёртывания, умения участвовать в коммуникативном конфликте точек зрения, монологически высказываться в дискуссии на заданную тему. То есть предполагается овладение учащимися следующими умениями:

— вступить в беседу;
— заявить проблему;
— аргументировать свою точку зрения, обосновывать свой ответ;
— активно поддержать и направлять беседу,

а для этого:

— задавать указанные вопросы;
— активно обсуждать различные варианты, высказываясь как «за», так и «против»;
— не бояться попросить объяснения, если непонятны какие-либо слова;
— запрашивать мнение собеседника по обсуждаемым вопросам;
— предлагать собеседнику выступать со своими предложениями.

Согласно программным требованиям, на этапе диалогического высказывания обучаемый должен продемонстрировать наличие следующих аспектов:

— раскрыть всё содержание задачи;
— инициировать диалог;
— приводить содержательные аргументы;
— узнавать мнения собеседника и принимать их;
— принимать активное участие в разговоре, применяя формулы этикетного общения.

В плане лексического оформления речи оцениваются:

— адекватность использования лексики в соответствии с заданной ситуацией;
— разнообразие используемой лексики [2].

Поскольку задания включают в себя различные темы, возникает необходимо знать и использовать лексические единицы в соответствии с ситуацией. Следовательно, необходимо организовать работу с новыми лексическими единицами таким образом, чтобы по завершении темы они сохранялись в долговременной памяти, а при работе с новыми лексическими единицами не забывались. В теоретических работах В. Л. Скалкина данному аспекту уделяется особое внимание.

Заканчивая данную статью, авторы выражают надежду, что в недалёком будущем появятся серьёзные научные исследования, в которых будет глубоко проанализировано и по достоинству оценено научно-методическое наследие В. Л. Скалкина.

Литература

1. *Азимов Э. Г.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. — М. : ИКАР, 2009. — 448 с.

2. *Амиантова Э. И.* Беседа-дискуссия на уроке русского языка / Э. И. Амиантова, Н. С. Верниковская, Т. А. Хургина // Русский язык за рубежом. — М., 1974. — № 3. — С. 59—60.

3. *Андрюшина Н. П.* Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Профессиональные модули. Первый уровень. Второй уровень / Андрюшина Н. П. [и др.]. — СПб. : Златоуст, 2000. — 56 с.

4. *Балыхина Т. М.* Методика преподавания русского языка как неродного (нового) : учеб. пособие / Т. М. Балыхина. — 2-е изд., испр. — М. : РУДН, 2010. — 188 с.

5. *Битехтина Г. А.* Ситуация как объект лингводидактического описания элементарного уровня общего владения русским языком как иностранным [Электронный ресурс] / Г. А. Битехтина, А. С. Иванова, Л. П. Клобукова [и др.]. — Режим доступа: http://botanikliferu.504.com1.ru:8025/WWW/cie/vestnik/pdf/2009/n1/Bitehtina1.pdf. — 13.01.2013

6. *Буре Н. А.* Основы научной речи : учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Н. А. Буре, М. В. Быстрых, С. А. Вишнякова [и др.] ; ред. В. В. Химик и Л. Б. Волкова. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Академия, 2003. — 272 с.

7. *Вятютнев М. Н.* Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы) / М. Н. Вятютнев. — М. : Рус. яз., 1984. — 144 с.

8. *Клобукова Л. П.* Обучение языку специальности : учеб. пособие / Л. П. Клобукова. — М. : МГУ, 1987. — 116 с.

9. *Молчановский В. В.* Золотая осень патриарха / В. В. Молчановский // Русский язык за рубежом. — 2012. — № 1. — С. 121—122.

10. *Скалкин В. Л.* Коммуникативные упражнения на английском языке : пособие для учителя / В. Л. Скалкин. — М. : Просвещение, 1983. — 128 с.

11. *Скалкин В. Л.* Коммуникативные упражнения на английском языке / В. Л. Скалкин. — М., 2003.

12. *Скалкин В. Л.* Методические умения преподавателя и учебная коммуникативная ситуация на уроке / В. Л. Скалкин // Тезисы докладов и сообщений IV Международного конгресса МАПРЯЛ. — Берлин, 1979. — С. 191—192.

13. *Скалкин В. Л.* Обучение диалогической речи (на материале английского языка) : пособие для учителей / В. Л. Скалкин. — К. : Радянська школа, 1989. — 158 с.
14. *Скалкин В. Л.* Обучение диалогической речи / В. Л. Скалкин. — К., 2004.
15. *Скалкин В. Л.* Обучение монологическому высказыванию (на материале английского языка) : пособие для учителей / В. Л. Скалкин. — К. : Радянська школа, 1983. — 120 с.
16. *Скалкин В. Л.* Основы обучения устной иноязычной речи / В. Л. Скалкин. — М. : Рус. яз., 1981. — 248 с.
17. *Скалкин В. Л.* Основы обучения устной иноязычной речи / В. Л. Скалкин. — М., 2003.
18. *Скалкин В. Л.* Проблемы интенсификации обучения русскому языку как иностранному в свете коммуникативного подхода / В. Л. Скалкин // Материалы VII конгресса МАПРЯЛ. — М., 1990. — С. 213—221.
19. *Скалкин В. Л.* Речевые ситуации как средство развития неподготовленной речи / В. Л. Скалкин, Г. А. Рубинштейн // Иностранные языки в школе. — 1966. — № 4. — С. 3—4.
20. *Скалкин В. Л.* Ситуация, тема и текст в лингвометодическом аспекте / В. Л. Скалкин // Русский язык за рубежом. — 1983. — № 3. — С. 52—57.
21. *Скалкин В. Л.* Сферы устноязычного общения и обучение речи / В. Л. Скалкин // Русский язык за рубежом. — 1973. — № 4. — С. 43—48.
22. *Скалкин В. Л.* Типичная коммуникативная ситуация как структурно-тематическая основа обучения устной иноязычной речи / В. Л. Скалкин // Русский язык за рубежом. — 1979. — № 5. — С. 56—62.
23. *Щукин А. Н.* Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие для вузов / А. Н. Щукин. — М. : Высш. шк., 2003. — 334 с.

References

1. *Azimov Je. G.* Novyj slovar' metodicheskih terminov i poniatij (teorija i praktika obuchenija jazykam) / Je. G. Azimov, A. N. Shhukin. — M. : IKAR, 2009. — 448 s.
2. *Amiantova Je. I.* Beseda-diskussija na uroke russkogo jazyka / Je. I. Amiantova, N. S. Vernikovskaja, T. A. Hurgina // Russkij jazyk za rubezhom. — M., 1974. — №3. — S. 59—60.
3. *Andriushina N. P.* Gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart po russkomu jazyku kak inostrannomu. Professional'nye moduli. Pervyj uroven'. Vtoroj uroven' / Andriushina N. P. i dr. — SPb.: Zlatoust, 2000. — 56 s.
4. *Balyhina T. M.* Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak nerodnogo (novogo) : ucheb. posobie / T. M. Balyhina. — 2-e izd., ispr. — M. : RUDN, 2010. — 188 s.
5. *Bitehtina G. A.* Situacija kak ob'ekt lingvodidakticheskogo opisanija jelementarnogo urovnia obshhego vladenija russkim jazykom kak inostrannym [Elektronnyj resurs] / G. A. Bitehtina, A. S. Ivanova, L. P. Klobukova [i dr.]. — Rezhim dostupa: http://botanikliferu.504.com1.ru:8025/WWW/cie/vestnik/pdf/2009/n1/Bitehtina1.pdf. — 13.01.2013
6. *Bure N. A.* Osnovy nauchnoj rechi : ucheb. posobie dlia stud. nefilol. vyssh. ucheb. zavedenij / N. A. Bure, M. V. Bystryh, S. A. Vishniakova [i dr.] ; red. V. V. Himik i L. B. Volkova. — SPb. : Filologicheskij fakul'tet SPbGU ; M. : Akademija, 2003. — 272 s.
7. *Viatiutnev M. N.* Teorija uchebnika russkogo jazyka kak inostrannogo (metodicheskie osnovy) / M. N. Viatiutnev. — M. : Rus. jaz., 1984. — 144 s.
8. *Klobukova L. P.* Obuchenie jazyku special'nosti : ucheb. posobie / L. P. Klobukova. — M. : MGU, 1987. — 116 s.
9. *Molchanovskij V. V.* Zolotaja osen' patriarha / V. V. Molchanovskij // Russkij jazyk za rubezhom. — 2012. — №1. — S. 121—122.
10. *Skalkin V. L.* Kommunikativnye uprazhnenija na anglijskom jazyke: posobie dlia uchitelia / V. L. Skalkin. — M. : Prosveshhenie, 1983. — 128 s.
11. *Skalkin V. L.* Kommunikativnye uprazhnenija na anglijskom jazyke / V. L. Skalkin. — M., 2003.
12. *Skalkin V. L.* Metodicheskie umenija prepodavatelia i uchebnaja kommunikativnaja situacija na uroke / V. L. Skalkin // Tezisy dokladov i soobshhenij IV Mezhdunarodnogo kongressa MAPRJaL. — Berlin, 1979. — S. 191—192.
13. *Skalkin V. L.* Obuchenie dialogicheskoj rechi (na materiale anglijskogo jazyka) : posobie dlia uchitelej / V. L. Skalkin. — K. : Radjans'ka shkola, 1989. — 158 s.
14. *Skalkin V. L.* Obuchenie dialogicheskoj rechi / V. L. Skalkin. — K., 2004.
15. *Skalkin V. L.* Obuchenie monologicheskomu vyskazyvaniju (na materiale anglijskogo jazyka) : posobie dlia uchitelej / V. L. Skalkin. — K. : Radjans'ka shkola, 1983. — 120 s.
16. *Skalkin V. L.* Osnovy obuchenija ustnoj inojazychnoj rechi / V. L. Skalkin. — M. : Rus. jaz., 1981. — 248 s.
17. *Skalkin V. L.* Osnovy obuchenija ustnoj inojazychnoj rechi / V. L. Skalkin. — M., 2003.
18. *Skalkin V. L.* Problemy intensifikacii obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu v svete kommunikativnogo podhoda / V. L. Skalkin // Materialy VII kongressa MAPRJaL. — M., 1990. — S. 213—221.
19. *Skalkin V. L.* Rechevye situacii kak sredstvo razvitija nepodgotovlennoj rechi / V. L. Skalkin, G. A. Rubinshtejn // Inostrannye jazyki v shkole. — 1966. — №4. — S. 3—4.
20. *Skalkin V. L.* Situacija, tema i tekst v lingvometodicheskom aspekte / V. L. Skalkin // Russkij jazyk za rubezhom. — 1983. — № 3. — S. 52—57.
21. *Skalkin V. L.* Sfery ustnojazychnogo obshhenija i obuchenie rechi / V. L. Skalkin // Russkij jazyk za rubezhom. — 1973. — № 4. — S. 43—48.
22. *Skalkin V. L.* Tipichnaja kommunikativnaja situacija kak strukturno-tematicheskaja osnova obuchenija ustnoj inojazychnoj rechi / V. L. Skalkin // Russkij jazyk za rubezhom. — 1979. — № 5. — S. 56—62.
23. *Shhukin A. N.* Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo : ucheb. posobie dlja vuzov / A. N. Shhukin. — M. : Vyssh. shk., 2003. — 334 s.

ІВАНОВА Наталія Георгіївна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: nativa.odessa@gmail.com, nat-iva@ukr.net; тел.: +38 050 3916302

ПАХАЛКОВА-СОЇЧ Тетяна Володимирівна,
доцент кафедри мовної підготовки Харківського національного університету радіоелектроніки; Харків, Україна;
e-mail: p-soich@mail.ru, p-soich@rambler.ru; тел.: +38 050 3009317

МЕТОДИЧНІ УНІВЕРСАЛІЇ В. Л. СКАЛКІНА

Анотація. У статті йдеться про наукову спадщину Володимира Львовича Скалкіна, його ідеї, які багато в чому передбачили основні положення новітніх досліджень у методиці викладання іноземних мов, у тому числі й російської мови як іноземної. Автори характеризують теоретичні знахідки В. Л. Скалкіна (поняття «підхід до навчання», «мовні і немовні ситуації», «учбова дискусія», класифікація мовних вправ, класифікація рівнів процесу мовотворення, виокремлення В. Л. Скалкіним восьми сфер спілкування) і визначають їх «методичними універсаліями». Свою думку автори обґрунтовують, звертаючись до праць відомих учених, що займаються проблемами методики викладання російської мови як іноземної (Е. Азімова, Т. Балихіної, Г. Бітехтіної, Н. Буре, М. Бистрих, С. Вишнякової, М. Вятютнєва, А. Іванової, Л. Клобукової, М. Нахабіної, Н. Соболєвої, О. Щукіна та ін.).

Ключові слова: методичні універсалії, Володимир Скалкін, наукова спадщина.

Nataliia G. IVANOVA,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the French Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: nativa.odessa@gmail.com, nat-iva@ukr.net; mob.: +38 050 3916302

Tetiana V. PAKHALKOVA-SOICH,
Associate Professor of the Russian Language Department of Kharkiv National University of Radio Electronics; Kharkiv, Ukraine;
e-mail: p-soich@mail.ru, p-soich@rambler.ru; tel.: +38 050 3009317

METHODICAL UNIVERSALS OF V. L. SKALKIN

Summary. The article refers to the scientific heritage of Vladimir Lvovich Skalkin, his ideas largely anticipated the main provisions of the latest researches in the teaching of foreign languages, including Russian as a foreign language. The authors describe the theoretical findings of V. L. Skalkin (such meanings as «approach to learning», «speech and non-speech situations», «study discussion», classification of speech training exercises, classification of speech reciprocate levels and V. L. Skalkin's highlighting of eight spheres of communication) and determine them as «the methodical universals». The authors justify their opinion, referring to the works of prominent scholars who work on the problems of teaching Russian as a foreign language (E. G. Asimov, T. M. Balyhina, G. A. Bitehtina, N. A. Bure, M. V. Bystryh, M. N. Viatiutnev, A. S. Ivanova, L. P. Klobukova, M. M. Nahabina, N. I. Soboleva, A. N. Shchukin and others).

Key words: methodical universals, Vladimir Skalkin, the scientific heritage.

Статтю отримано 18.04.2014 р.

ISSN 2307—4558. МОВА. 2014. № 22

УДК 811.161.1/.2’243:378:910:004(477)

МАТВЕЕВА Наталья Михайловна,
старший преподаватель кафедры лингводидактики Одесского национального политехнического университета; Одесса, Украина;
e-mail: fedorova@fspi.opu.ua; тел.: +38 (048) 7348551

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА ЭТАПЕ ПРЕДВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования иноязычной информационной компетенции иностранных учащихся на этапе предвузовской подготовки на занятиях по дисциплине «Страноведение».

Для иностранных граждан язык страны обучения является не только средством получения образования, но и средством реализации информационной деятельности в новом для них культурном социуме и за пределами одного языкового сообщества. Проблемы формирования иноязычной информационной компетенции уже рассматривались в работах И. А. Зимней, Л. И. Печинской, О. В. Акуловой, А. В. Хуторского, Е. В. Корсаковой и др.

В данной статье применительно к этапу предвузовской подготовки представлены компонентный состав иноязычной информационной компетенции и содержательный компонент в виде знаний, умений, навыков, входящих в состав иноязычной информационной компетенции в соответствии с коммуникативными потребностями иностранных учащихся. Содержательный компонент варьируется в зависимости от этапа, уровня, профиля и целей обучения. Описан также комплекс упражнений, позволяющий решить поставленную задачу. Особое внимание уделяется использованию информационно-коммуникационных технологий на занятиях, что позволяет эффективно решать задачу формирования иноязычной информационной компетенции иностранных учащихся, расширяет знания по страноведческой тематике на этапе предвузовской подготовки.

Ключевые слова: информационная компетенция, иноязычная информационная компетенция, страноведение.

Информационная компетентность в широком смысле понимается как способность человека в полной мере осмыслить реалии информационного общества и использовать все предоставляемые им возможности, способность всесторонне адаптироваться и самореализоваться в информационном обществе [2]. Информационная компетентность приобретается и совершенствуется в процессе: 1) постоянного приобретения новых знаний и умений в сфере информационно-коммуникационных технологий; 2) развития своих коммуникативных и интеллектуальных способностей; 3) осуществления интерактивного диалога в едином информационном пространстве. В научной литературе имеется достаточно много определений термина «информационная компетенция». Их анализ позволяет сделать вывод, что информационная компетенция связана со знаниями и умениями работы с информацией на основе новых информационных технологий. Информационная компетенция — это способность самостоятельно искать, анализировать, отбирать, обрабатывать и передавать необходимую информацию устно (к примеру, *голосовая почта*), письменно (к примеру, *текстовые файлы*), зрительно (к примеру, *видеофайлы, фотографии, графики* и т. п.), а также комбинированно.

Компонентный состав информационной компетенции по-разному представлен в разных научных сферах. Однако все современные классификации компонентного состава информационной компетенции выделяют такие компоненты:

— *технический, аппаратный (hardware)* — использование в полной мере постоянно обновляющихся технических средств; способность применять их для эффективного получения, накопления, хранения, обработки и передачи информации;

— *технологический (software)* — выбор и применение программ для получения, накопления, хранения, обработки и передачи данных;

— *понятийный (семантический)* — способность находить, классифицировать, отбирать, обрабатывать и определять степень достоверности информации из различных источников;

— *коммуникативный* — использование языков или других знаковых систем для общения, овладения средствами общения (вербального и невербального);

— *презентационный, пиар (public relations)* — способность производить и распространять информацию.

По мнению исследователей, информационная компетенция складывается из многоуровневого комплекса знаний и умений, а приоритетной является практическая деятельность. Информационная компетенция социальна. Она формируется и проявляется в социуме, характеризуя взаимодействие человека с обществом, социумом и другими людьми посредством использования

 © Матвеева Н. М., 2014

ими информационных технологий. Содержание умений, входящих в состав информационной компетенции, меняется сообразно возрастным особенностям человека и зависит от круга решаемых жизненно важных задач.

Нередко информационную компетенцию относят к базовой компетенции, являющейся основой интеграции социокультурной, личностной, познавательной, предметно-деятельностной компетенций и обеспечивающей профессиональную мобильность человека. Базовая компетенция опирается на универсальное умение работать с разными источниками информации [1, с. 23]. При этом под мобильностью понимается способность к быстрой профессиональной и личностной переориентации с обязательным соотношением прошлого опыта и новой деятельности.

Однако среди множества исследований, посвящённых феноменам «информационное общество», «информационная компетенция», «информационная компетентность», недостаточно разработаны вопросы специфики формирования *иноязычной информационной компетенции*. Игнорируется тот факт, что иностранный язык является средством реализации информационной деятельности за пределами одного языкового сообщества. Особой трудностью является информационная деятельность в нескольких языковых сообществах одновременно. В практике преподавания иностранных языков, в том числе в рамках этапа предвузовской подготовки иностранных граждан, пока ещё не получили должного всестороннего применения методические разработки по формированию иноязычной информационной компетенции иностранных учащихся.

Современные иностранные студенты — это люди нового поколения, нового информационного общества. У 90 % иностранных учащихся уже на определённом уровне сформирована информационная компетенция *на родном языке*, которая включает владение: 1) общими приёмами редактирования текстовой и числовой информации; 2) приёмами сохранения, копирования и переноса информации в электронном виде; 3) навыками поиска информации в сети Интернет (Википедия, справочники, учебники); 4) навыками использования средств информационных технологий для транслирования информации и сопровождения образовательного процесса и др.

Безусловно, на этапе предвузовской подготовки невозможно сформировать уровень иноязычной информационной компетентности иностранных учащихся, достаточный для успешной адаптации человека в новом для него социокультурном информационном обществе и эффективного решения проблем во всех сферах деятельности. Содержание умений, входящих в состав иноязычной информационной компетенции, определяется в соответствии с коммуникативными потребностями иностранных учащихся и варьируется в зависимости от этапа, уровня, профиля и целей обучения.

Сегодня от личности требуется не только знание иностранного языка, но и готовность и способность эффективно участвовать в межкультурном взаимодействии. Иностранный язык является не только средством получения образования, но и средством реализации информационной деятельности в новом для них культурном социуме, сохраняя нативные навыки. Одной из главных задач современного образования является не только получение определённой суммы знаний, но и формирование умений и навыков самостоятельного приобретения знаний. Применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на занятиях страноведения является одним из важнейших средств формирования умений и навыков самостоятельного приобретения знаний и иноязычной информационной компетенции иностранных учащихся. Квалифицированное применение ИКТ требует: 1) определить компонентный состав иноязычной информационной компетенции применительно к этапу предвузовской подготовки иностранных учащихся; 2) провести отбор учебного материала; 3) разработать комплекс упражнений, имеющий целью формирование у обучаемых иноязычной информационной компетенции как компонента коммуникативной компетентности.

Компонентный состав иноязычной информационной компетенции на этапе предвузовской подготовки представляют следующие компоненты: 1) *ценностно-мотивационный* — проявление интереса к поиску, овладению и использованию культурологической информации об Украине, способствующее расширению знаний, а впоследствии и передаче суммы знаний; 2) *технико-технологический* — использование стандартного программного обеспечения, технических устройств (компьютера, оргтехники, цифровой техники); поиск информации в Интернете; сетевое взаимодействие (компьютер становится основным средством работы с информацией в учебных целях); 3) *коммуникативный* — использование изучаемого языка (украинского/русского) в информационной деятельности межкультурного общения; 4) *когнитивный* — знания и умения всевозможных операций с информацией, применение информации в учебной и познавательной деятельности. Следует отметить, что нет чёткой грани между умениями, составляющими разные компоненты. Многие умения одновременно относятся к нескольким компонентам. Например, умение осуществлять поиск и отбор информации одновременно относится и к когнитивному компоненту, и к технико-технологическому, так как это умение искать, анализировать, отбирать, обрабатывать, сохранять и передавать необходимую информацию, отражающее способность использовать новые информационные технологии.

Отбор учебного материала включает принцип коммуникативной ценности, культурологической информативности, доступности, аутентичности, вариативности, наглядности, мотивацион-

но-познавательной ценности. Разрабатывая комплекс упражнений по формированию иноязычной информационной компетенции иностранных учащихся на материале дисциплины «Страноведение», необходимо учитывать междисциплинарность и надпредметность информационной компетенции, интегративность знаний и умений в образовательном процессе. Формирование умений выходит за рамки отдельного учебного предмета. Так, например, на уроках дисциплины «Информатика» учащиеся посредством изучаемого языка и приобретенных ранее нативных навыков совершенствуют и накапливают базовые знания, умения и навыки, необходимые для применения информационных технологий на данном уровне. Они учатся пользоваться программами, перемещать и удалять файлы, ориентироваться в структуре директорий, разбираться в меню и диалоговых окнах, осваивают навыки поиска информации в сети Интернет и т. д. На занятиях страноведения закрепляются приобретённые на уроках «Информатики» навыки и умения работы с информацией с использованием информационно-коммуникационных технологий.

На первых занятиях «Страноведения» закрепление умений применения поисковых систем для получения требуемой информации осуществляется с помощью заданий такого типа: *прочитайте текст и сформулируйте ключевые слова для поиска аналогичной информации в поисковой системе; из предложенных вариантов ключевых слов выберите оптимальный и др.* Для этого учащимся необходимо уметь правильно сформулировать ключевые слова. При этом акцентируется внимание на том, что, с одной стороны, количество ключевых слов должно быть минимальным, а с другой — достаточным для описания запрашиваемой информации.

Следующим шагом является формирование умения выбрать нужную информацию из предложенных ссылок поисковой системы, близких по значению информации, выделить её. На начальном этапе обучения поиску запрашиваемой информации можно использовать учебные материалы курса «Знакомимся с Украиной», выложенные в социальных сетях, к примеру, на Facebook https://www.facebook.com/historPFONPU.

В дальнейшем для самостоятельной работы в качестве способа предъявления информации может использоваться не сам текст, а ссылка на него в виде списка литературы или адреса в поисковой системе Google. Необходимые навыки работы при чтении и понимании запрашиваемой информации включают умение использовать языковую догадку и пользоваться электронными переводчиками, встроенными в поисковые системы. Перевод в некоторых случаях используется как средство семантизации. Работу по поиску информации учащийся может выполнять online, обращаясь к преподавателю.

Объём информации и количество источников информации, с которыми одновременно работает учащийся, зависят от уровня его языковой подготовки, личностных качеств, этапа обучения: количество слов, количество предложений, абзацев. Источник информации может быть простым, то есть содержать информацию одного вида — только текст, только видеоряд или только таблицу. Дополнительная информация, предложенная в виде текста, заранее отобрана и содержит только необходимую информацию. Это может быть текст, содержащий избыточную информацию, внутри которой учащийся должен найти те факты, которые необходимы и которых нет в тексте из учебника «Знакомимся с Украиной». Например, *учащемуся предлагается прочитать на Facebook (на странице «Знакомимся с Украиной») текст «Народнопоэтические символы Украины», выделить информацию, которой нет в тексте учебника и пересказать её.* Источник информации может быть сложным, содержащим аудиовизуальную информацию (текст — музыка — картина, фильм) или вербально-графическую (текст — график/диаграмма). Например, *после просмотра фрагмента фильма «Огнём и мечом» битва у городка Жёлтые Воды (тема «Богдан Хмельницкий») учащимся предлагается переработать представленную информацию и сделать вывод о причине исхода битвы. Во время изучения темы «Украина сегодня» даётся таблица о национальном составе Одессы. Познакомившись с таблицей, нужно ответить на вопросы: почему Одесса — многонациональный город; люди каких национальностей проживают в Одессе? Демонстрация фильма «Улицы Одессы» знакомит с названиями улиц, связанных с национальностями, которые издавна проживают в Одессе: Французский и Итальянский бульвары, улицы Болгарская, Еврейская и др. Задание: ответьте на вопрос: почему Одесса — интернациональный город?*

Самостоятельное применение умений с использованием освоенного и закреплённого учебного материала можно реализовать с помощью заданий такого типа: а) сформулируйте ключевые слова к изучаемой теме для получения требуемой информации в поисковых системах; б) создайте видеословарь к изучаемой теме; в) подберите видеоряд к учебному тексту, напишите к нему комментарий; г) представьте информацию о вашей стране, соответствующую изучаемой теме (например: *древние памятники культуры вашей страны*); д) найдите информацию о происхождении названия вашей страны; е) подберите украинские или русские пословицы на заданную тему.

Самым существенным в технологии, связанной с формированием иноязычной информационной компетенции, является поэтапное усложнение деятельности учащихся по осмыслению, обработке информации и созданию новых информационных продуктов. Например: *проведите*

(предложите свою) виртуальную экскурсию по Киеву (Одессе, политеху), используя план к прочитанному тексту в учебнике; подготовьте альбом «Мой родной город» («Моя Одесса» и др.*); используя сайт ОНПУ, подготовьте рассказ о структуре политеха* и др.

Показателем сформированности иноязычной информационной компетенции у иностранных учащихся становится создание новых информационных продуктов — рефератов по темам дисциплины «Страноведение» и обзорной работы «Знакомимся с Украиной», «Знакомимся с Одессой», а также участие в онлайн-викторине «Знаешь ли ты Украину?» Учащийся должен сам, без поддержки преподавателя пытаться пользоваться русским языком для работы со страноведческой информацией. Результатом такой деятельности учащегося является представление рефератов, обзорных работ в социальных сетях.

Разрабатывая любое занятие, следует всегда помнить, что недостаточно только знаний и учебной практики, вырабатывающей умения, важно осуществление естественного целенаправленного интерактивного межкультурного диалога.

Таким образом, использование информационно-коммуникационных технологий на уроках и во внеурочное время позволяет решать задачу формирования иноязычной информационной компетенции иностранных учащихся, расширяет знания по страноведческой тематике. У иностранных учащихся наблюдаются позитивные результаты: 1) умение самостоятельно находить дополнительные знания по страноведению, анализировать и отбирать необходимую информацию, сохранять и передавать её; 2) рост числа желающих проверить свои знания в викторине «Знаешь ли ты Украину?»; 3) активизация на основе сформированных умений деятельности учащихся по отношению к информации, содержащейся в учебном материале и в окружающем мире.

Литература

1. *Акулова О. В.* Компетентностный подход в информационном обществе: тенденции и проблемы [Электронный ресурс] / О. В. Акулова. — Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-v-informatsionnom-obschestve-tendentsii-i-problemy

2. *Тришина С. В.* Информационная компетентность специалиста в системе дополнительного профессионального образования [Электронный ресурс] / С. В. Тришина, А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». — 2004. — 22.06. — Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2004/0622-09.htm (В надзаг.: Центр дистанционного образования «Эйдос»).

References

1. *Akulova O. V.* Kompetentnostnyj podhod v informacionnom obshhestve: tendencii i problemy [Elektronnyj resurs] / O. V. Akulova. — Rezhim dostupa: http://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-v-informatsionnom-obschestve-tendentsii-i-problemy

2. *Trishina S. V.* Informacionnaja kompetentnost' specialista v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija [Elektronnyj resurs] / S. V. Trishina, A. V. Khutorskoj // Internet-zhurnal «Ejdos». — 2004. — 22.06. — Rezhim dostupa: http://www.eidos.ru/journal/2004/0622-09.htm. (V nadzag.: Centr distancionnogo obrazovanija «Ejdos»).

МАТВЄЄВА Наталія Михайлівна,
старший викладач кафедри лінгводидактики Одеського національного політехнічного університету; Одеса, Україна;
e-mail: fedorova@fspi.opu.ua; тел.: +38 (048) 7348551

ФОРМУВАННЯ ІНШОМОВНОЇ ІНФОРМАЦІЙНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ НА ЕТАПІ ПЕРЕДВУЗІВСЬКОЇ ПІДГОТОВКИ

Анотація. У статті розглядаються питання формування іншомовної інформаційної компетенції іноземних студентів на етапі передвузівської підготовки з дисципліни «Країнознавство». Для іноземних громадян мова країни навчання є не лише засобом здобування освіти, але й засобом реалізації інформаційної діяльності в новому для них культурному середовищі та за межами одномовного співтовариства. Проблеми формування іншомовної інформаційної компетенції розглядалися в роботах І. О. Зимньої, Л. І. Печинської, О. В. Акулової, А. В. Хуторського, О. В. Корсакової.

У даній статті щодо етапу передвузівської підготовки представлено компонентний склад іншомовної інформаційної компетенції і змістовний компонент у вигляді знань, умінь, навичок, що входять до складу іншомовної інформаційної компетенції відповідно до комунікативних потреб іноземних учнів. Змістовний компонент варіюється залежно від етапу, рівня, профілю і цілей навчання. Описано також комплекс вправ, що дозволяє вирішити поставлене завдання. Особлива увага приділяється використанню інформаційно-комунікаційних технологій на заняттях, що дозволяє ефективно вирішувати завдання формування іншомовної інформаційної компетенції іноземних учнів, розширює знання з країнознавчої тематики на етапі передвузівської підготовки.

Ключові слова: інформаційна компетенція, іншомовна інформаційна компетенція, країнознавство.

Nataliya M. MATVEEVA,
Senior Lecturer of the Department of Lingvodydactics of Odessa National Polytechnic University; Odessa, Ukraine;
e-mail: fedorova@fspi.opu.ua; tel.: +38 (048) 7348551

FORMING OF FOREIGN LANGUAGE INFORMATIONAL COMPETENCE BY FOREIGN STUDENTS AT THE STAGE OF PRE-UNIVERSITY TRAINING

Summary. The article concentrates on forming foreign language informational competence in pre-university «Country Studies» course. For foreign students the language of study is not only the means of getting education but also the realization of informational activity in a new cultural environment, and beyond the bounds of the unified speech community. The problems of forming foreign language informational competence was examined in the works of I. A. Zimniaya, L. I. Pechinskaya, O. V. Akulova, A. V. Hutorskoy, E. V. Korsakova, etc.

Pre-university training stage presented in the given paper involves:

— structural composition of the alien informational competence;

— informative component in the form of knowledge, skills, attainments constituting alien informational competence in compliance with communicative needs of foreign students. It is varied depending on the stage, level, type, and aims of education;

— complex of exercises to meet the issue.

Information-communicative technologies used in the studies facilitate effective formation of the alien informational competence in foreign students, expand scholastic attainments in country studies at the stage of pre-university training.

Key words: informational competence, foreign informational competence, country studies.

Статтю отримано 18.10.2014 р.

УДК 811.161.1'373.2:711.433: 371.315

МАХИЯНОВА Ляйсан Рафатовна,
магистр филологии, аспирант кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, учитель русского языка и литературы ГБОУ СОШ № 1415; Москва, Россия;
e-mail: l-makhiyanova@yandex.ru; моб.: +7-903 7897922

ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА ГОРОДА КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Аннотация. Сегодня для достижения образовательных результатов, отвечающих запросам нашего информационного общества, необходимы новые, нестандартные средства обучения. В настоящей статье рассматриваются современные урбанонимы (названия городских коммерческих объектов) и медиатексты (рекламные слоганы) в аспекте преподавания русского языка как родного. Автор показывает, каким образом данные примеры могут способствовать более активному вовлечению учащихся в образовательный процесс, стимулированию их к исследовательской деятельности, актуализации метапредметных связей, развитию орфографической зоркости и лингвистического вкуса, а также общекультурных компетенций. Примеры из языковой среды города предлагается использовать при изучении различных разделов языкознания (прежде всего — словообразования, морфологии и лексики) на уроках повторения и в качестве «лингвистической разминки», а также в проектной деятельности учащихся. Подбор языкового материала следует осуществлять, исходя из целей урока и возрастных особенностей учащихся, а обсуждение примеров строить как свободную дискуссию.

Ключевые слова: преподавание русского языка, лингвокреативность, реклама, урбанонимы.

Известно, что обучение иностранному языку наиболее успешно проходит при погружении в языковую среду. Однако этот принцип оказывается важным и при изучении родного языка, потому что зачастую многими современными школьниками русский язык воспринимается лишь как школьный предмет, а не как коммуникативное пространство, окружающее их повсюду. Этим во многом объясняется и низкая речевая культура подростков, и их неумение пользоваться в повседневной жизни знаниями, полученными на уроке. Очевидно, что новые подходы к образованию требуют от современного учителя иных принципов отбора и подачи материала на уроке. Думается, что обозначенная выше проблема восприятия школьниками русского языка может отчасти решаться привлечением нестандартного языкового материала: примеров

 © Махиянова Л. Р., 2014

из городской языковой среды (рекламные вывески, названия городских объектов[1]). Ниже мы рассмотрим основные вопросы, которые могут возникнуть в ходе обсуждения и использования предлагаемого приёма.

Вопрос первый. Чему это может научить?

Современные урбанонимы (названия городских объектов) и медиатексты (например, слоганы на вывесках и рекламных щитах) предлагают массу возможностей для изучения различных уровней языка.

На примере большой группы названий магазинов и кафе можно анализировать функционирование формообразующих средств русского языка, в частности, **уменьшительно-ласкательных суффиксов**: продуктовые магазины *«Пятёрочка»*, *«Хлебушко»*, кафе *«Алёнушка»*, *«Олюшка»*, *«Остапчик»* и т. д. Обсуждение таких примеров помогает, во-первых, актуализировать знания учеников о правописании диминутивов, во-вторых, позволяет раскрыть семантические особенности данных морфем. Обсуждая с детьми, почему владелец ресторана назвал своё заведение не «Ольга» или «Оля», а «Олюшка», мы приходим к выводу, что наименования, включающие в себя неполные, ласкательные личные имена, которыми пользуются дома либо в другой неофициальной обстановке, располагают к себе покупателя своей непринуждённостью, «уютностью». По замечанию М. Кронгауза, «язык здесь используется для одомашнивания, создания интимной атмосферы, <...> ощущения уюта и домашнего тепла, возникающего в небольших пространствах» [3, с. 139]. К тому же, важно подчеркнуть, что уменьшительно-ласкательные суффиксы характерны для разговорной речи, поэтому используются при назывании небольших и непретенциозных заведений (например, «*Пятёрочка*» — это продуктовый магазин эконом-класса).

В лингвистическом пространстве города встречаются номинации, на примере которых можно обсуждать и словообразовательные механизмы. Так, название ювелирного магазина «*Изумит*» позволяет активизировать знания учащихся, во-первых, о продуктивных моделях словообразования *(лазурит — хризолит — изумит)*, во-вторых, об окказионализмах, в-третьих, об омоформах (ср. глагол *изумит* и существительное *изумит*). Сопоставив название магазина с его специализацией, школьники довольно легко расшифруют коммуникативное сообщение, заложенное в урбанониме: *«Наш магазин вас изумит»*. Такое лингвистическое «исследование» в учебных целях обязательно должно завершаться оценкой названия: привлекателен ли урбаноним с эстетической точки зрения? Выполняет ли он свою коммуникативную функцию? [См. об этом подробнее: 4].

Вопрос второй. В чём преимущество предлагаемого языкового материала?

Использование примеров из «городской лексики» на уроках русского языка в средней школе, а также включение их в курсы «лекций по словообразованию, морфологии, синтаксису, лексикологии и фразеологии, в учебные пособия по стилистике и культуре речи, в практику преподавания русского языка как иностранного» [4], на наш взгляд, позволяет учителям и преподавателям развивать в учащихся все компетенции, заложенные в образовательном стандарте: коммуникативную, языковую, лингвистическую и культуроведческую.

Очевидные преимущества изучения «городской лексики», с нашей точки зрения, таковы:

— малая форма (в коротких названиях и вывесках легче распознать то или иное языковое явление, к тому же, они хорошо запоминаются);

— актуальность (возможность расуждать о том, что учащиеся каждый день видят собственными глазами, создаёт доверительный контакт между учителем (преподавателем) и учеником (студентом), а также пробуждает интерес к проблемам культуры речи, развивает орфографическую зоркость, воспитывает лингвистический вкус);

— возможность актуализации как собственно лингвистических знаний учеников, так и общих культурологических, формирования общекультурной компетенции.

Вопрос третий. Как отбирать материал?

К сожалению, вывески на наших улицах далеко не всегда являются примером грамотного использования языка. Напр.: *«Адвакат»*, *«Улица Льва Толстова»*, *«Курочька»* и т. д. [2]. Встречаются также тексты, в которых нарушены смысловые связи между компонентами, результатом чего становится коммуникативная неудача: *«LADA по цене завода»*, *«Москва—Владивосток. Сорок лет в пути»*. Подобные примеры, по нашему мнению, нужно обязательно обсуждать с учащимися, так как данная работа способствует развитию орфографической зоркости, демонстрирует необходимость правильного выбора лексических единиц в тексте, воспитывает чувство ответственности за сказанное или написанное.

Такие систематические наблюдения и обсуждения можно превратить в целый образовательный проект. Замечательными примерами подобной работы служат общественное движение «Тайная орфографическая полиция» (http://vk.com/orthopolice) и проект московского учителя-словесника

[1] Ниже для удобства и краткости мы пренебрежём узким значением термина «лексика» и будем использовать словосочетание «городская лексика», подразумевая под этим любые примеры из языковой среды города.

Виты Кириченко «Москва — город грамотных людей», прошедший путь от внутришкольного до общегородского и ныне реализуемый под эгидой Департамента образования города Москвы (http://mosgram.mggu-sh.ru/). В рамках Недели русского языка и литературы мы в своей школе проводили конкурс «Исправь рекламщика», вызвавший наибольший интерес у школьников (около 85 % учащихся оценили это задание как лучшее). Такие игровые формы, позволяющие занять место учителя и найти ошибку, способствуют более активному вовлечению учащихся в процесс изучения языка, а также помогают им осознать важность владения языковыми нормами и необходимость следования им не только в школьной, но и в повседневной жизни.

Научить видеть и исправлять ошибки — это одна из прикладных целей обучения языку. Не менее (а, возможно, и более) важным представляется воспитание лингвистического вкуса учащихся, их умения размышлять над выбранными словами, оценивать тексты со стилистической, этической, эстетической точки зрения. Так, слоганы магазина «Леруа Мерлен» *«Господин из санфаянса», «Дядя в ванне», «Очарованный краник»* не содержат грамматических ошибок, однако уместность отсылок к произведениям классической русской литературы (*«Господин из Сан-Франциско», «Дядя Ваня»* и *«Очарованный странник»* соответственно) в рекламе сантехники представляется нам сомнительной.

Зачастую нелепо выглядят тексты с вкраплением иноязычной лексики и графики (например, названия *«The Веранда», «Подмосковные Vечера», «Мир Zаколок»*). Думается, в данных примерах латиница должна вызывать в сознании потенциального посетителя ассоциации с чем-то западным, современным и высококачественным: «то, что престижно, модно, броско, связано с представлением о достатке и прогрессе, подаётся средствами массовой информации в обрамлении латиницы» [1, с. 98]. Однако графогибридизация в приведённых выше примерах представляется нам неуместной, так как она не актуализирует никаких коннотативных смыслов и не выделяет название из множества подобных. С другой стороны, использование графогибридизации в названии сети ресторанов *«Мари Vanna»* представляется нам удачным коммуникативным приёмом, реализуемым на визуальном и аудиальном уровне: латинская графика указывает на международный статус заведения, тогда как омофоническая ассоциация («Мари Vanna» — Марь Иванна, персонаж из анекдотов про Вовочку) — на специфику ресторана, в котором подаются блюда русской кухни.

В современной номинации можно выделить ещё одну тенденцию, связанную с актуализацией компонента «иноязычности»: использование суффикса *-off- (-офф-)*: *«Хлестакофф», «Блинофф», «Колбасофф»* (см. также названия продуктов питания *«Йогуртофф», «Кефирофф», «Маслофф»*, роман О. Робски *«Любоff/оп»*, сленговые варианты *«любофф», «моркофф»*). Как известно, таким образом транскрибируются русские фамилии при передаче их на некоторые иностранные языки. Подобное употребление заимствованной морфемы, вероятно, также должно придавать названию статусность и способствовать привлечению внимания. Однако, на наш взгляд, креатив в наименованиях типа *«Блинофф»* (по фамилии владельца) не является удачным, тогда как трансформация имени литературного героя *Хлестаков* вообще представляется некорректной. Однако данные вопросы уместно обсуждать лишь со старшеклассниками, тогда как внимание младших школьников необходимо обратить на орфографические особенности названий.

Подчеркнём, что любой разговор о примерах из городской среды необходимо строить как свободную дискуссию, так как данный формат стимулирует учащихся давать собственную оценку и, как следствие, развивает их лингвистический вкус.

Таким образом, языковой материал, переносимый нами с городских улиц в школьные кабинеты, может быть абсолютно любым — в зависимости от целей обучения, возраста и потенциальных возможностей учащихся.

Вопрос четвёртый. В каких классах и на уроках какого типа логично использовать подобные примеры?

Анализ обсуждаемого материала предполагает работу практически со всеми уровнями языка, прежде всего — морфемами и словами. Несмотря на то, что изучение соответствующих разделов языкознания (словообразование, морфология, лексика) начинается ещё в начальной школе, привлечение обсуждаемого материала, на наш взгляд, логично начинать в средней школе, что обусловлено возрастными возможностями учащихся. Предлагаемый языковой материал должен служить лишь дополнительной иллюстрацией и не может подменять классические примеры и тексты упражнений. Таким образом, «городскую лексику» целесообразно использовать на уроках повторения и обобщения, в качестве «лингвистической разминки».

Отметим также, что акцент на проектную деятельность учащихся и системно-деятельностный подход, положенный в основу при изучении русского языка, предоставляет массу возможностей для работы над проектами (например: *«Урбанонимы моего города»*, *«Идеальное название для магазина»*, *«Латиница на улицах города: за и против»*; см. также упомянутый выше проект *«Москва — город образования»*). Представляется возможным и проведение факультативных занятий, на которых предусмотрена как познавательная (изучение и анализ обсуждаемого иллюстративного материала), так и партнёрская и профориентационная деятельность (например,

бизнес-игра, в ходе которой команды учащихся придумывают название ресторана, обосновывая свой выбор связью названия с общей концепцией заведения и т. д.).

Таким образом, лингвистическая среда современного города является бесценным источником нестандартных языковых примеров, использование которых в практике преподавания родного языка способствует более активному вовлечению учащихся в образовательный процесс, развитию их лингвистического вкуса и общекультурных компетенций.

Литература

1. *Анненкова И. В.* Современная медиакартина мира: неориторическая модель (лингвофилософский аспект) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 — журналистика / И. В. Анненкова. — М., 2012. — 440 с.
2. *Белюшина Н.* Торжество абырвалга [Электронный ресурс] / Н. Белюшина. — Режим доступа: http://www.snob.ru/profile/26524/blog/62101.
3. *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. — М. : Знак ; Языки славянских культур, 2007. — 232 с.
4. *Ремчукова Е. Н.* Современный лингвокреатив в аспекте преподавания традиционных лингвистических дисциплин / Е. Н. Ремчукова // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем : сб. науч. статей. — М., 2011. — Ч. II. — С. 80—86.
5. *Федеральный государственный образовательный стандарт* основного общего образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://минобрнауки.рф/документы/938.

References

1. *Annenkova I. V.* Sovremennaja mediakartina mira: neoritoricheskaja model' (lingvofilosofskij aspekt) : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.10 — zhurnalistika / I. V. Annenkova. — M., 2012. — 440 s.
2. *Beliushina N.* Torzhestvo abyrvalga [Jelektronnyj resurs] / N. Beljushina. — Rezhim dostupa: http://www.snob.ru/profile/26524/blog/62101.
3. *Krongauz M. A.* Russkij jazyk na grani nervnogo sryva / M. A. Krongauz. — M. : Znak ; Jazyki slavianskih kul'tur, 2007. — 232 s.
4. *Remchukova E. N.* Sovremennyj lingvokreativ v aspekte prepodavanija tradicionnyh lingvisticheskih disciplin / E. N. Remchukova // Funkcional'naja semantika i semiotika znakovyh sistem : sb. nauch. statej. — M., 2011. — Ch. II. — C. 80—86.
5. *Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart* osnovnogo obshhego obrazovanija [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: http://minobrnauki.rf/dokumenty/938.

МАХІЯНОВА Ляйсан Рафатівна,
магістр філології, аспірант кафедри загального та російського мовознавства Російського університету дружби народів, вчитель російської мови та літератури ГБОУ ЗОШ №1415; Москва, Росія;
e-mail: l-makhiyanova@yandex.ru; моб.: + 7-903 7897922

МОВНЕ СЕРЕДОВИЩЕ МІСТА ЯК ОСВІТНІЙ ПРОСТІР

Анотація. Сьогодні для досягнення освітніх результатів, що відповідають запитам нашого інформаційного суспільства, необхідні нові, нестандартні засоби навчання. У цій статті розглядаються сучасні урбаноніми (назви міських комерційних об'єктів) і медіатексти (рекламні слогани) в аспекті викладання російської мови як рідної. Автор показує, яким чином дані приклади можуть сприяти більш активному залученню учнів в освітній процес, стимулювання їх до дослідницької діяльності, актуалізації метапредметних зв'язків, розвитку орфографічної пильності та лінгвістичного смаку, а також загальнокультурних компетенцій. Приклади з мовного середовища міста пропонується використовувати при вивченні різних розділів мовознавства (насамперед — словотвору, морфології, лексики) на уроках повторення і під час «лінгвістичної розминки», а також у проектній діяльності учнів. Підбір мовного матеріалу слід здійснювати, виходячи з цілей уроку і вікових особливостей учнів, а обговорення прикладів будувати як вільну дискусію.

Ключові слова: викладання російської мови, лінгвокреативність, реклама, урбаноніми.

Lyaysan R. MAKHIYANOVA,
Master of Philology, Ph.D. Postgraduate in General and Russian Linguistics Department of Peoples' Friendship University of Russia, Russian language and literature teacher in the School No 1415; Moscow, Russia;
e-mail: l-makhiyanova@yandex.ru; mob.: + 7-903 7897922

THE URBAN LINGUISTIC ENVIROMENT AS AN EDUCATIONAL SPACE

Summary. Nowadays it is necessary to use innovative, non-standard learning tools to achieve the educational outcomes that meet the needs of our information society. The article examines contemporary urbanonyms (names of urban commercial objects) and media texts (advertising slogans) in the aspect of teaching Russian as a native language. The author shows how the examples can get pupils more involved in the educational process, encourage their research activities, actualize interdisciplinary communications, develop spelling skills and linguistic taste, as well as cultural competence. The author recommends using examples

from the urban linguistic environment while studying different branches of linguistics (especially word formation, morphology and lexis) at review lessons and as warm-up exercises, as well as in project activities. The examples should be selected according to aims and objectives of a lesson and age peculiarities of pupils, and the discussion must be held as an exchange of opinions.

Key words: teaching of the Russian language, linguistic creativity, advertisements, urbanonyms.

Статтю отримано 10.09.2014 р.

УДК 811.161.1:372.8:165.62:316.732/.736

МИЛЛЕР Людмила Владимировна,
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Петербургского государственного университета путей сообщения; Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: ludmilavmiller@mail.ru; тел.: +7 (812) 7841987; моб.: +7 921 9020570

МИР ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о необходимости расширения содержания понятий страноведение и лингвокультурология за счёт включения в перечень традиционных типов страноведческих объектов культурных перцептивных стандартов, представлений, стереотипов, мифов и даже предрассудков. И поскольку в этом случае речь идёт не столько культуре, сколько о содержании сознания её носителя, представляется оправданным назвать такую концепцию лингвометодического освоения мира изучаемого языка лингвокультурной антропологией. Теоретические основы данной концепции могут быть сформулированы, если обратить более пристальное внимание на феноменологические исследования, результаты которых позволяют утверждать, что всё, что мы мыслим, тоже существует независимо от реальности и от самого индивида.

Основные положения статьи иллюстрируются примерами из произведений М. Алданова, Л. Улицкой, эпизодами фильма А. Звягинцева «Елена», ментальными репрезентациями, порождёнными традиционными представлениями о главном герое романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Ключевые слова: феноменологический подход, лингвокультурная антропология, культуроспецифичные единицы обучения, интенциональный объект, ментальные репрезентации, ценностные ориентации.

В названии статьи имеется словосочетание *Мир изучаемого языка*. Кажется, что ещё можно сказать по этому поводу? Ведь уже давно никто не спорит с тем, что изучение языка предполагает соизучение культуры. Всем также хорошо известно, какие дисциплины дают нам теоретические основания для такого соизучения: *страноведение* и *лингвокультурология*. Однако, как только мы обращаемся к тем или иным программам и пособиям, предназначенным для практических занятий, или слышим о наполнении того или иного лекционного курса, возникает некоторое недоумение.

Страноведческий и лингвокультурологический материал зачастую по-прежнему понимается как культурно-историческая, природно-климатическая или обрядовая экзотика. Например, в качестве так называемых лингвострановедческих тем для иностранцев на интенсивных курсах в г. Тиммендорфер-Штрандт (Германия) были предложены темы «Русская изба», «Современный свадебный обряд». Во многих пособиях имеются темы типа «Камчатка — медвежий уголок», «Байкал» (бесконечный Байкал во всех пособиях по русскому языку как иностранному начиная с конца 50-х годов XX века). Подобная информация, вне всяких сомнений, оказывается интересной той особой публике, как правило, людям среднего возраста, которая изучает русский язык и культуру в качестве хобби неспешно, в течение многих лет и вкладывает в это изучение всю свою душу. Такой адресат хорошо знаком тем, кто работал на разговорных курсах русского языка за рубежом. Однако сегодня большинство наших обучаемых, особенно в российских вузах, к этой группе не принадлежат. Русский язык нужен им не как лингвокультурный феномен, а как инструмент для осуществления той или иной практической деятельности и как код, позволяющий максимально адекватно понимать русских. И надо сознаться, что в этих случаях упомянутая выше информация мало что дает иностранцам. Кроме того, подобную информацию намного легче получить на родном языке. Таким образом, на практике вопрос о принципах отбора страноведческого материала в учебный процесс остается, как и прежде, одним из наиболее актуальных.

Цель данной статьи — показать, что количество страноведческой информации, которой мы располагаем, и степень её объективности не всегда являются гарантией от сбоев в процессах межкультурного общения. Представляется очевидным, что для осуществления полноценного

 © Миллер Л. В., 2014

общения коммуниканты должны обладать не только общим языком и общим набором пресуппозиций (так называемым общим знанием), но и иметь «неконфликтные» системы представлений о мире, говоря другими словами, в той или иной степени совпадающие картины мира.

Учитывая вышесказанное, представляется оправданным считать, что успешность восприятия некоторого смыслового фрагмента инокультурного мира часто зависит не от того, насколько объективно мы представим информацию о нем, а от того, насколько внятно мы разъясним иностранцу, как «видят», оценивают и даже переживают этот фрагмент русские.

Обратимся к конкретному примеру. Американские студенты-филологи прочитали рассказ Л. Улицкой «Пиковая дама» [7, с. 315—343]. Героиня этого рассказа, сама уже немолодая женщина, живёт с эгоистичной девяностолетней матерью, которая не просто «заедает» её жизнь, но становится причиной её гибели. Все необходимые сведения на уровне языка, факта и смысла студентам были сообщены, все культуроспецифичные реалии должным образом истолкованы, этап филологической интерпретации текста был осуществлён, однако восприятие рассказа как литературного произведения вообще не состоялось. Студенты усомнились в адекватности самого сюжета и сказали, что он не отражает реальной жизненной проблематики. Это вызывало удивление, так как для русского читателя рассказ представляется вполне реалистичным и весьма драматичным. В процессе дальнейшего обсуждения содержания выяснилось, что для американского читателя подобный конфликт невозможен, поскольку он должен быть разрешён ещё до его начала. Один из студентов с удивлением спросил, почему главная героиня рассказа терпела такую жизнь, если могла уже давно поместить свою мать в дом престарелых?

Что же означает такой вопрос? И можно ли ответить на него, условно говоря, с помощью географии? Вряд ли. Он означает, что при прочтении проблема была не в том, что читатели чего-то не поняли, а в том, что они «увидели» другое. Очевидно, что студенты ничего не знали о специфике межличностных контактов у русских; того, что в русской культуре отношения по вертикали (родители–дети) имеют более высокую ценность, чем в американской культуре. То есть можно сказать, что в сознании русских и американцев один и тот же этический концепт (*Родители-дети)* имеет разное содержание. Вследствие этого мы смотрим на сюжет рассказа сквозь наши культурные очки, американцы — сквозь свои. При этом нужно понимать, что термин *культурные очки* — это не просто метафора, а важный этнопсихологический механизм, который формирует в сознании человека вполне определённые представления о мире, оценку явлений этого мира, свойственные коллективному сознанию той или иной национальной культуры. И, что самое главное, он делает эти представления самоочевидными, обеспечивая таким образом сохранение самой культуры и передачу её последующим поколениям. Именно поэтому жертвенность героини рассказа Улицкой не вызывает вопросов в сознании русских. Остро негативную реакцию вызвала бы как раз ситуация, о которой говорил американский студент. Оценка людей, отдавших в дом престарелых своих близких родственников, в русской культуре однозначна.

По этой же причине даже очень сильные (если использовать старую терминологию) иностранные студенты из Европы восприняли фильм А. Звягинцева «Елена» как не соответствующий «правде жизни». Они никак не могли поверить, что мать отдаёт свою пенсию взрослому человеку, который сам уже является отцом семейства и ждёт третьего ребёнка. А уж то, что из-за материальных проблем этого сына-отца она могла убить, это им было трудно даже представить. Такой «разворот» проблемы отцов и детей показался иностранцам невозможным. А мы, даже возмущаясь случившимся, расцениваем сюжет фильма как достоверный, поскольку в российской ментальности концепт *Материнская любовь* имеет очень значимую составляющую: *жертвенность*. У нас материнская любовь оценивается высоко, если она жертвенная. Для нас здесь всё узнаваемо, ничто не воспринимается как невозможное. Так, в отзывах о фильме читаем следующие, полные сочувствия строки: «Елена» — это фильм про жену-служанку и мать, поставленную перед трудным и мучительным выбором»; «...она как «Мать» Горького готова для сына на всё»; «...на экране наши герои в нашем времени». И ещё: «Достижение Звягинцева в том, что реальность приобрела художественную форму». «Звягинцев снял то, что мы видим каждый день». «Интересно, что Елену не мучают угрызения совести. Я думаю, они мучили бы её, если бы она не нашла денег» [8].

Коммуникативные неудачи возникают у инофона и при восприятии художественных и этических смыслов, связанных с концептом *Пьянство*. Многочисленные примеры этому имеются, наверняка, у каждого преподавателя, который пытался читать в иностранной аудитории произведения «шестидесятников», превративших понятие «пьянство» в литературно-эстетическую категорию и поведенческую модель, которая в условиях несвободы давала внутреннее раскрепощение, позволяла противостоять «абсурду жизни». Однако у иностранцев часто возникает вопрос, который вообще не волнует российского читателя: почему пьянство главного героя (например, в рассказах С. Довлатова) не делает его для нас менее привлекательным? Вопрос об отношении к пьяницам в русской культуре требует, несомненно, отдельного исследования.

Ведь только в нашей культуре человек в состоянии алкогольного опьянения может быть предметом юмора (достаточно вспомнить анекдоты про пьяных, некоторые художественные фильмы, сюжеты скетч-шоу «Шесть кадров» и многое другое). Злоупотребляющий алкоголем расценивается также как нонконформист, а иногда и как диссидент (при этом само пьянство превращается в стратегию выживания), как «несчастненький», обделённый судьбой, и вызывает жалость и сочувствие, иногда слезливое и сентиментальное. Если говорить о русской художественной картине мира, то можно утверждать, что с середины XX века концепт *Пьянство* зачастую играет сюжетообразующую роль (знаменитый фильм «Ирония судьбы») или становится почвой и поводом осмысления мира («Москва-Петушки» В. Ерофеева).

В европейских же культурах алкоголизм — болезнь, такая же, как и всякая другая, и поэтому требующая «конструктивной жалости», а именно медицинского вмешательства. В рамках данной статьи детальный анализ такого культуроспецифичного феномена (а точнее, художественного и лингвокультурного концепта), как *Пьянство*, невозможен, поэтому хотелось бы только обратить внимание на то, что во многих случаях он требует особого комментария.

На восприятие того или иного культуроспецифичного смысла может воздействовать и совсем уж, по выражению В. А. Жуковского, «неощутительное» [4, с. 84]: некий ментальный образ, порождающий вполне определённую «картинку». Расхождения этих «картинок» также часто вызывают межкультурный конфликт. Иллюстрацией может служить эпизод из романа М. Алданова «Ключ». Один из его героев, англичанин Клервилль, влюблённый в русскую девушку Марусю, читает её любимого писателя Ф. М. Достоевского. Как каждый нормальный человек, он при этом прекрасно знает, что такое бедный студент. Но когда он представляет себе студента Оксфорда, убившего за несколько шиллингов пожилую леди, он начитает сомневаться в гениальности Достоевского. Вообще чтение русского классика «досталось Клервиллю нелегко, и он был искренно рад, когда со спокойной совестью, с надлежащей дозой восхищения отложил в сторону обязательные книги Достоевского» [1, с. 255—256]. В этом смысле представляется не только оправданным, но и закономерным то, что в старых учебниках литературы в разделе, посвящённом, например, роману И. С. Тургенева «Отцы и дети», была представлена картина Н. А. Ярошенко «Студент». Именно таким и мог быть Евгений Базаров. Если мы его представим себе по-другому, какой-то сбой, несомненно, произойдёт в процессе актуализации художественного смысла. Надо сказать, что во всех экранизациях романа (1958 года, где главного героя играл В. Авдюшко; 1983 года — В. Богин), включая самый последний (мини-сериал А. Смирновой 2008 года), в котором играет Александр Устюгов, Базаров как тип и как образ очень похож на студента, изображённого на картине Ярошенко.

Приведённые примеры ещё раз доказывают, что методики и практики обращения к миру изучаемого языка должны основываться на новых представлениях о структуре фонового знания. А именно: на понимании того, что дело не всегда в языке и страноведческой информации, что особое место в нем занимают этнопсихологическая и культурно-антропологическая составляющие. Понятно, что включение этих составляющих в объект изучения расширяет последний, заставляя задуматься о необходимости разработки методологических и методических основ еще одной концепции, способной предоставить инструментарий для исследований не только действительного мира, окружающего человека, не культуры как таковой, а результатов преломления этого мира и всех основных отношений человека к миру (к природе, обществу, к другим людям, к самому себе) в его сознании. И поскольку в этом случае речь идет не столько культуре, сколько о содержании сознания её носителя, представляется оправданным назвать такую концепцию **лингвокультурной антропологией**.

Теоретической основой названной концепции могут стать результаты феноменологических исследований, поскольку именно феноменология предоставляет «возможность получать систематическое, критическое и методическое знание не только из эмпирического мира вещей, но из актов сознания, мира феноменальности» [5, с. 28]. Нельзя здесь не упомянуть, прежде всего, о книге Э. Гуссерля «Идеи к чистой феноменологии» [3], в которой он изложил своё учение об интенциональной структуре сознания, наделённого особым бытием и проявляющегося в многообразии своих актов. Интенциональность — термин, означающий конституирование объекта сознанием, является, по мнению философа, самой существенной характеристикой сознания, которая заключается в том, что объект, на который оно направлено, не обязательно должен существовать в реальности и быть опредмечен. Речь здесь идёт не об отражении некоторой внешней предварительной истины, но об осуществлении истины самим сознанием. Обоснование «внутреннего существования предмета» [2, с. 33] доказывало, что всё, что мы мыслим, тоже существует, причём существует независимо от реальности и самого индивида. Именно благодаря этой способности сознания мы можем с равным успехом представить себе, например, дерево у нас за окном (реальный объект) или кентавра, который существует только в человеческом воображении. Таким образом, можно считать, что культура не только вокруг нас, но и внутри нас, а значит система представлений нации о своей стране и культуре не менее важна, чем реалии этой культуры.

В современных лингвокогнитивных исследованиях мы находим подтверждение этой мысли. Можно считать доказанным существование разных типов когнитивных структур: собственно когнитивных, содержащих сведения о реальном окружающем мире, лингвистических когнитивных структур, которые лежат в основе языковой и речевой компетенции [6, с. 33], прототипических конгитивных структур. Есть, как представляется, основания предполагать, что, обращаясь к интенциональной природе сознания, можно говорить и о феноменологических когнитивных структурах, рассматривая их как хранилище культурных перцертивных стандартов, представлений, стереотипов, мифов и даже предрассудков.

Вероятно, названное положение может иметь непосредственное прикладное значение в различных областях гуманитарного знания, в том числе и в теории межкультурной коммуникации. Но прежде всего, оно наводит нас на мысль о необходимости расширения содержания понятий *лингвокультурологическая* и *межкультурная компетентность* за счёт включения в них таких интенциональных объектов, как ментальные репрезентации, аффективные феномены, ценностные ориентации, предубеждения, предрассудки и переживания. Причём подобное лингвокультурно-антропологическое измерение страноведения играет большую роль не только применительно к обучению иностранцев, но и с точки зрения инкультурации наших соотечественников, с точки зрения формирования этнической индентичности.

Литература

1. *Алданов М.* Ключ / М. Алданов. — М. : Дружба народов, 1991. — 320 с.
2. *Брентано Ф.* Избранные работы / Ф. Брентано. — М. : Алетейя, 1996. — 271 с.
3. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. — Т. 1. — 336 с.
4. *Жуковский В. А.* О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю // Полн. собр. соч. : в 12 т. / В. А. Жуковский. — СПб. : Изд-во А. Ф. Маркса, 1902. — Т. X. — 210 с.
5. *Макаров Л. М.* Основы теории дискурса / Л. М. Макаров. — М. : Гнозис, 2003. — 280 с.
6. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова., И. А. Стернин. — М. : АСТ ; Восток — Запад, 2007. — 314 с.
7. *Улицкая Л.* Цю-юрих: Роман, рассказы / Л. Улицкая. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. — 368 с.
8. *Рецензии редакторов и прессы* [Электронный ресурс] // Как в кино. — Режим доступа: http://kak-v-kino.ru/ елена-а-звягинцев-россия-2011/

References

1. *Aldanov M.* Kliuch / M. Aldanov. — M. : Druzhba narodov, 1991. — 320 s.
2. *Brentano F.* Izbrannye raboty / F. Brentano. — M. : Aletejja, 1996. — 271 s.
3. *Gusserl' E.* Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofii / E. Gusserl'. — M. : Dom intellektual'noj knigi, 1999. — T. 1. — 336 s.
4. *Zhukovskij V. A.* O poete i sovremennom ego znachenii. Pis'mo k N. V. Gogoliu // Poln. sobr. soch. : v 12 t. / V. A. Zhukovskij. — SPb. : Izd-vo A. F. Marksa, 1902. — T. X. — 210 s.
5. *Makarov L. M.* Osnovy teorii diskursa / L. M. Makarov. — M. : Gnozis, 2003. — 280 s.
6. *Popova Z. D.* Kognitivnaja lingvistika / Z. D. Popova., I. A. Sternin. — M. : AST ; Vostok — Zapad, 2007. — 314 s.
7. *Ulickaja L.* Ciu-jurih: Roman, rasskazy / L. Ulickaja. — M. : EKSMO-Press, 2002. — 368 s.
8. *Recenzii redaktorov i pressy* [Elektronnyj resurs] // Kak v kino. — Rezhim dostupa: http://kak-v-kino.ru/elena-a-zviagincev-rossija-2011/

МІЛЛЕР Людмила Володимирівна,
доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови Петербурзького державного університету транспортного сполучення; Санкт-Петербург, Росія;
e-mail: ludmilavmiller@mail.ru; тел.: +7 (812) 7841987; моб.: +7 921 9020570

СВІТ МОВИ, ЩО ВИВЧАЄТЬСЯ: ФЕНОМЕНОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ

Анотація. У статті розглядається питання про необхідність розширення змісту понять країнознавство і лінгвокультурологія за рахунок включення в перелік традиційних типів країнознавчих об'єктів культурних перцептивних стандартів, уявлень, стереотипів, міфів і навіть забобонів. І оскільки в цьому випадку йдеться не стільки про культуру, скільки про свідомість її носія, видається виправданим назвати таку концепцію лінгвометодичного освоєння світу мови, що вивчається, лінгвокультурною антропологією. Теоретичні засади даної концепції можна сформулювати, якщо звернути більш пильну увагу на феноменологічні дослідження, результати яких дозволяють стверджувати, що все, що ми мислимо, теж існує незалежно від реальності й від самого індивіда.

Основні положення статті проілюстровано прикладами з творів М. Алданова, Л. Уліцької, епізодами фільму А. Звягінцева «Олена», ментальними репрезентаціями, породженими традиційними уявленнями про головного героя роману І. С. Тургенєва «Батьки й діти».

Ключові слова: феноменологічний підхід, лінгвокультурна антропологія, культуроспецифічні одиниці навчання, інтенціональний об'єкт, ментальні репрезентації, ціннісні орієнтації.

Ludmila V. MILLER,
Grand PhD in Philological Sciences, Full Professor of the Russian Language Department of Petersburg Transport State University; Sankt-Petersburg, Russia;
e-mail: ludmilavmiller@mail.ru; tel.: +7 812 7841987, mob.: +7 921 9020570

WORLD OF THE LEARNING LANGUAGE: PHENOMENOLOGICAL ASPECTS

Summary. The article focuses on a problem of the necessity to extend the content of Russian studies' conception («stranovedenie»). The author suggests to include cultural perceptive standards, ideas, stereotypes, myths, as well as prejudices into list of types of studying objects. It concerns more mentality of the representative's culture rather than a culture itself, therefore we can define such a conception as linguistic anthropology. Theoretical bases of the conception can be determined taking into consideration results of phenomenological researches.

The results allow us to argue that all human ideas, thoughts, etc. exist regardless of the reality and the individual himself. Excerpts from the works by M. Aldanov and L. Ulickaya, episodes from the film «Elena» by A. Zviagintsev, mental representations of traditional ideas about the protagonist of the novel by I. Turgenev «Fathers and Sons», are illustrated as the main theses of this article.

Key words: Russian studies («stranovedenie»), cultural perceptive, linguistic anthropology, phenomenological research.

Статтю отримано 23.07.2014 р.

УДК 37.062.3:378:30:811.161.1(438.311)

ЮЗЕФЯК Сильвестр,
доктор филологических наук, профессор Педагогического университета имени Комиссии народного образования; Краков, Польша;
e-mail: syljoz6@wp.pl; моб.: +48 881320604

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-РУСИСТОВ КРАКОВСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В СВЕТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Аннотация. В статье речь идёт о теоретико-практической подготовке студентов русской филологии Педагогического университета в Кракове к проведению уроков русского языка в начальных и средних школах. Автор, ссылаясь на исследования в области глоттодидактики, сфокусированные на антропоцентризм подходов, представляет разработанную им методику подготовки студентов-русистов к учительской практике. Данная методика учитывает то, что студенты Педагогического университета являются непосредственными и дидактически компетентными исполнителями уроков русского языка как иностранного. Автор опирается на концепции польских и российских лингводидактов, а также на свой собственный многолетний опыт работы со студентами-русистами. Рекомендации, содержащиеся в настоящей статье, призваны оказать помощь в подготовке к урокам русского и других иностранных языков не только студентам-практикантам, но и учителям начальных и средних школ, аспирантам языковедческих специальностей, преподавателям педагогических вузов, институтов и курсов повышения квалификации педагогических кадров.

Ключевые слова: антропоцентризм в глоттодидактике, урок, русский язык как иностранный, компетентный исполнитель, управленческая техника работы.

Согласно утверждённым Министерством высшего образования Польши вузовским планам обучения глоттодидактике, студенты 2-го курса русской филологии Краковского педагогического университета ежегодно слушают курс глоттодидактики. Занятия по глоттодидактике проводятся в течение осенне-зимнего и весенне-летнего семестров и дополняются один раз в неделю посещением школьных уроков в начальных школах. После завершения 1-го семестра теоретико-практических занятий в начале 2-го семестра студенты проходят трехнедельную практику в начальных школах (классы с 4-го по 6-й) и в гимназиях, проводя уроки русского языка, которые оцениваются как школьными опекунами (т. е. учителями-методистами русского языка), так и назначенными университетом дидактами-русистами.

Студенты 3-го курса в начале каждого академического года, как правило с 1-го по 21 октября, проходят школьную практику, а затем в течение двух семестров посещают занятия в университете и, как и на втором курсе, один раз в неделю посещают школы того же, что и прежде, образовательного уровня. Такая подготовка даёт право бакалаврам на преподавание русского языка в школах 1-го типа.

 © Юзефяк С., 2014

Занятия по глоттодидактике на первом курсе магистерского уровня проводятся по аналогии с занятиями на 2-м курсе бакалавриата, но объём часов значительно меньше, чем на 2-м курсе бакалавриата. Испытательный полигон для магистрантов представляют собой общеобразовательные лицеи, техникумы и профессиональные училища.

В связи с дефиницией антропоцентризма, провозглашающей ориентацию учительских действий на учащегося, о чём пишут многие современные дидакты, мы попытаемся в настоящей статье доказать практическое воплощение этой теории.

В. Возьневич указывает:„*В центре внимания научных дисиплин стал homo agens: homo loquens, homo communicans. Антропоцентрическя ориентаия новой теоретической парадигмы как методологической основы исследования языка, анализа и понимания дискурс-текста не оспаривается*» [13, с. 15]. J. Woszczyk, рецензируя книгу Ф. Пахольчика, отмечает: *«Говоря о самых релевантных факторах личностного характера в аквизиции иностранного языка, автор имеет в виду только те, которые непосредственно или косвенно касаются рациональной оранизации глоттодидактического процесса (могут быть реально достигаемыми) с учётом, прежде всего, ориентированной основы дидактических действий учащихся, направленных на исполнение этих действий и проявляющихся в общении на иностранном языке. Суть вопроса сводится к тому, что фактически учащиеся исполняют дидактические действия и таким образом являются существенным субъектом иноязычной коммуникации. Здесь автор говорит о финальном продукте этих дидактических действий, т. е. об их результатах»* [цит. по: 14].

Учёные Института русской филологии КПУ, ведущие практические занятия по глоттодидактике, используют разработанные в Институте и в других вузах вспомогательные дидактические материалы: Институтов русской филологии вузов Кракова, Жешува, Люблина и др. Среди этих материалов имеются образцы планов-конспектов (сценариев) уроков, рекомендации для студентов по методике ведения уроков, отдельных видов заданий, команды, подходящие к главным звеньям уроков, блоки репродуктивных, трансформационных и продуктивных упражнений. Эти материалы размещены в учебниках по методике русского языка, в методических руководствах, инструкциях, словарях поурочных выражений, а также в Интернете [напр.: 1; 2; 3; 4; 5; 9; 16].

Следует отметить, что подготовка студентов-филологов к учительской профессии — это двусторонний процесс, в котором, с одной стороны, принимает участие филолог-дидакт, с другой же, — сам студент. Первый из них преподаёт методический материал, управляя им; начинает с сильного управления, переходит постепенно к более слабому и, наконец, передаёт управление в руки студента. Студент, в свою очередь, начиная личную подготовку к учительской профессии, сначала полностью подражает образцам, перенимаемым от преподавателя, затем включает в урок собственные замыслы, связанные с реализацией плана. По возникающим вопросам он консультируется с руководителем практики. И, наконец, начинает самостоятельно готовить уроки, взяв на себя полную ответственность за их качество.

На практике при подготовке студентов к учительской деятельности антропоцентризм проявляется следующим образом. На **первой фазе** подготовки активное участие принимает учитель-дидакт. Он передаёт практические знания по разным аспектам глоттодидактики. Это касается отбора текстового материала, презентации единиц нового лексического материала, культурем, квантов лингвистического материала (грамматики), техник совершенствования: слушания, говорения, письма, чтения, трансляции текстов с иностранного на родной язык и с родного на иностранный, оценки внешнего вида и поведения студента в ходе глоттодидактического процесса, способов его реагирования на появляющиеся ошибки учащихся, на поведение учащихся на уроке и отношение к изучаемому предмету, на способы выполнения ими самостоятельной работы на занятиях и домашнего задания. Учитель-дидакт несёт ответственность за презентацию языкового материала, управление его внедрением, а также за воспитательный процесс на уроках.

Детализируя сказанное выше, можно заметить, что дидакт в ходе аудиторных занятий должен ознакомить будущих учителей-языковедов с **методическими принципами**: 1) подачи текстов на иностранном русском языке в младших и старших классах; 2) соблюдения требуемой по программе коммуникативно-языковой компетенции школьников; 3) корреляции работы на уроке и дома с учётом репродуктивной, трансформационной и продуктивной фаз (т. е. соблюдения адекватности видов упражнений типам уроков); 4) контроля и оценки речевых и письменных работ, выполняемых учащимися самостоятельно дома; 5) технологий формирования речевых и письменных коммюнике на изучаемом языке при соблюдении основных норм русского языка как иностранного; 6) использования современных информационных технологий и аудио-визуальных пособий на уроках разных типов и на разных этапах уроков; 7) мотивирования учащихся к изучению языка и поддержки мотивации в ходе всего дидактического процесса (в течение педагогической практики); 8) записи речевых высказываний учащихся на магнитофонную ленту с целью объективного оценивания учащихся в соответствии с обязательными критериями;

9) тестирования письменных заданий и их оценки по унифицированному ключу; 10) применения на уроках РКИ рекомендаций, адресованных учащимся на изучаемом языке (за исключением трансляционных упражнений, семантизации абстрактных слов и выражений, лингвистических комментариев, касающихся пояснений грамматического материала и безэквивалентной лексики); 11) воспитательной работы, реализуемой в течение глоттодидактического процесса.

Сами эти принципы, пути их выполнения, практические действия должны отрабатываться в лекционном курсе и на практических занятиях, подвергаться проверке и оцениванию на экзаменах по лингводидактике.

Во время педагогических практик студенты должны не только предложить школьному учителю-методисту (опекуну) письменные проекты планов-конспектов (сценариев) уроков наряду с комплектами вспомогательных материалов (блоки упражнений, раздаточного материала, наглядных пособий, ТСО, но и продемонстрировать их использование на пробных уроках в классах разных уровней. Все эти компоненты являются слагаемыми практики. Они должны оцениваться как школьным опекуном, так и вузовским дидактом.

Студент, с одной стороны, является рецепиентом лингводидактической информации, приобретаемой на лекциях и практических занятиях по глоттодидактике, с другой, — в школьных условиях — проектировщиком и исполнителем отдельных стратегий обучения языку и внедрения воспитательных теорий.

На помощь студентам-русистам приходят руководства по ведению уроков, образцы планов-конспектов (сценариев) уроков, рекомендации дидактов, представленные в монографиях последних лет, а также интернет-сайты [напр.: 12, с. 157; 6, с. 7; 8, с. 422; 10, с. 160].

С целью получить зачёт по практическому ведению уроков студент должен продемонстрировать следующие лингводидактические умения в ходе реализации отдельных звеньев урока, понимаемых как его составные компоненты:

1) способы конструирования сценария урока, подбора языкового материала, приурочивания подходящих СМИ к отдельным звеньям урока;

2) определение стратегических и частных образовательно-языковых и воспитательных целей урока в разных видах речевой деятельности: слушании, говорении, чтении и письме;

3) корреляцию домашней работы с предыдущим уроком(-ами) репродуктивного, трансформационного или продуктивного типов;

4) реагирование на разные ошибки учащихся, допускаемые в устной и письменной речи;

5) оценивание полными оценками за длинные ответы и плюсами/минусами за короткие ответы, уточнения, ремарки;

6) систематизацию и структурирование преподаваемого материала в форме парадигм, квантов, обобщений, являющихся составными частями формируемого шаг за шагом общего языкового кода и используемых для предупреждения ошибок в процессе выполнения репродуктивно-трансформационных языковых задач и продуцирования монологических или диалогических текстов;

7) отбор из учебника или дополнительных глоттодидактических пособий материала для определённого типа урока, тематического круга с соблюдением принципов новизны, современности, сверхъестественности и аттракционности этого языкового материала;

8) умение вводить грамматический материал нового языка на когнитивной основе, с учётом межъязыковых контрастов, техник квантования в виде алгоритмов, схем и т. п.;

9) умение подбирать адекватные грамматические упражнения с соблюдением градации трудностей, начиная от репродуктивных сквозь трансформационные вплоть до продуктивных;

10) умение объяснять новую лексику, группируя её по видам (синонимы, антонимы, абстрактная, безэквивалентная и т. д.), экономя тем самым время урока;

11) умение коррелировать современные информационные техники с традиционным типом урока (для презентации, закрепительных тренировок а также контроля языковых умений);

12) способность оценивать за длинные речевые и письменые высказывания (системой плюсов и минусов или полных баллов), а также за текущую работу на уроке;

13) умение использовать широкий спектр приёмов, служащих для поддержки мотивации, в ходе всего дидактического процесса (разные формы работы: индивидуальная, групповая, хоровая, проекционная, речевая, письменная, переводческая);

14) умение формулировать воспитательные цели и реализовать их на практике в ходе урока;

15) умение составлять и осуществлять на изучаемом языке рекомендации / команды ученикам на уроке.

Для начинающего учителя все указанные компоненты представляют значительную трудность.

Правильное в глоттодидактическом и воспитательно-языковом плане ведение урока студентом-практикантом наряду с правильным проецированием плана-конспекта (сценария) считается основным порогом педагогической компетентности будущего учителя и воспитателя. Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что личное участие студента в реализации глоттодидактического процесса неразрывно связано с современной антропоцентрической концепцией обучения иностранным языкам.

Литература

1. *Doros A.* Metodyka nauczania języka rosyjskiego / A. Doros. — Warszawa : PZWS, 1971. — 254 s.
2. *Iluk J.* Polsko-rosyjski słownik wyrażeń i zwrotów lekcyjnych / J. Iluk J., K. Jarząbek. — Warszawa : WSiP, 1996. — 269 s.
3. *Józefiak S.* Lekcja języka rosyjskiego a praca domowa uczniów w szkole podstawowej / S. Józefiak. — Kraków : Wyd-wo Naukowe WSP, 1986. — 92 s.
4. *Józefiak S.* Poradnik gramatyczno-ortograficzny z ćwiczeniami dla uczniów szkoły podstawowej : Materiały do eksperymentalnego nauczania języka rosyjskiego w klasie VII i VIII / / S. Józefiak. — Kraków : Wyd-wo Naukowe WSP, 1990. — 66 s.
5. *Józefiak S.* Kształtowanie kompetencji pedagogicznej studentów w procesie przygotowywania do zawodu nauczyciela języka rosyjskiego jako obcego (Materiały dydaktyczne do ćwiczeń doskonalących proces nauczania języka rosyjskiego w gimnazjach i szkołach średnich w Polsce) / S. Józefiak. — Kraków : Wyd-wo Naukowe Akademii Pedagogicznej w Krakowie, 2003. — 64 s.
6. *Komorowska H.* Metodyka nauczania języków obcych / H. Komorowska. — Warszawa : Fraszka Edukacyjna, 2007. — 238 s.
7. *Komorowska H.* Sprawdzanie umiejętności w nauce języka obcego. Kontrola, ocena, testowanie / H. Komorowska. — Warszawa : Fraszka Edukacyjna, 2011.
8. *Komorowska H.* (red.) Nauka języka obcego w perspektywie ucznia / H. Komorowska. — Warszawa : Oficyna Wydawnicza ŁOŚGRAF — Wiesław Łoś, 2011.
9. *Kossakowska-Maras M.* Optymalizacja kształcenia nauczyciela języka obcego na przykładzie studiów rusycystycznych / M. Kossakowska-Maras. — Rzeszów : Wyd-two UR, 2005. — 202 s.
10. *Pfeiffer W.* Teoretyczne podstawy preparacji materiałów glottodydaktycznych / W. Pfeiffer. — Warszawa : PWN, 1979. — 160 s.
11. *Pacholczyk T.* Wybrane zagadnienia współczesnej glottodydaktyki / T. Pacholczyk // UAM «Przegląd rusycystyczny». — Poznań, 2010. — № 1 (133). — Rocznik XXXIII. — S. 99—103.
12. *Sylwestrowicz J.* Lekcja języka obcego / J. Sylwestrowicz. — Warszawa : Wyd. Szkolne i Pedagogiczne, 1985. — 157 s. — (Biblioteka Nauczycieli Języków Obcych).
13. *Возьневич В.* Понимание оригинального художественного текста в аспекте положений когнитивизма и межкультурной коммуникации / В. Возьневич // Русистика на рубеже веков: Юбилейная книга в честь проф. А. Палиньского. — Жешув : Изд-во Жешувского ун-та, 2009. — С. 15—22.
14. *Ворожбитова А. А.* Теория текста. Антропоцентрическое направление / А. А. Ворожбитова. — М. : Высшая школа, 2005. — 368 с.
15. *Гуревич А. Я.* (ред.) Культурно-антропологическая история сегодня. — М. : Наука, 1991. — 192 с.
16. *Кологривова С. В.* Ведите урок по-русски / С. В. Кологривова. — М. : Русский язык, 1977. — 56 с.

References

1. *Doros A.* (red.) Metodyka nauczania języka rosyjskiego. — Warszawa : PZWS, 1971. — 254 s.
2. *Iluk J.* Polsko-rosyjski słownik wyrażeń i zwrotów lekcyjnych / J. Iluk, K. Jarząbek. — Warszawa : WSiP, 1996. — 269 s.
3. *Józefiak S.* Lekcja języka rosyjskiego a praca domowa uczniów w szkole podstawowej / S. Józefiak. — Kraków : Wyd-wo Naukowe WSP, 1986. — 92 s.
4. *Józefiak S.* Poradnik gramatyczno-ortograficzny z ćwiczeniami dla uczniów szkoły podstawowej : Materiały do eksperymentalnego nauczania języka rosyjskiego w klasie VII i VIII / / S. Józefiak. — Kraków : Wyd-wo Naukowe WSP, 1990. — 66 s.
5. *Józefiak S.* Kształtowanie kompetencji pedagogicznej studentów w procesie przygotowywania do zawodu nauczyciela języka rosyjskiego jako obcego (Materiały dydaktyczne do ćwiczeń doskonalących proces nauczania języka rosyjskiego w gimnazjach i szkołach średnich w Polsce) / S. Józefiak. — Kraków : Wyd-wo Naukowe Akademii Pedagogicznej w Krakowie, 2003. — 64 s.
6. *Komorowska H.* Metodyka nauczania języków obcych / H. Komorowska. — Warszawa : Fraszka Edukacyjna, 2007. — 238 s.
7. *Komorowska H.* Sprawdzanie umiejętności w nauce języka obcego. Kontrola, ocena, testowanie / H. Komorowska. — Warszawa : Fraszka Edukacyjna, 2011.
8. *Komorowska H.* (red.) Nauka języka obcego w perspektywie ucznia / H. Komorowska. — Warszawa : Oficyna Wydawnicza ŁOŚGRAF — Wiesław Łoś, 2011.
9. *Kossakowska-Maras M.* Optymalizacja kształcenia nauczyciela języka obcego na przykładzie studiów rusycystycznych / M. Kossakowska-Maras. — Rzeszów : Wyd-two UR, 2005. — 202 s.
10. *Pfeiffer W.* Teoretyczne podstawy preparacji materiałów glottodydaktycznych / W. Pfeiffer. — Warszawa : PWN, 1979. — 160 s.
11. *Pacholczyk T.* Wybrane zagadnienia współczesnej glottodydaktyki / T. Pacholczyk // UAM «Przegląd rusycystyczny». — Poznań, 2010. — № 1 (133). — Rocznik XXXIII. — S. 99—103.
12. *Sylwestrowicz J.* Lekcja języka obcego / J. Sylwestrowicz. — Warszawa : Wyd. Szkolne i Pedagogiczne, 1985. — 157 s. — (Biblioteka Nauczycieli Języków Obcych).
13. *Voz'nevich V.* Ponimanie original'nogo hudozhestvennogo teksta v aspekte polozhenij kognitivizma i mezhkul'turnoj kommunikacii / V. Voz'nevich // Rusistika na rubezhe vekov: Jubilejnaja kniga v chest' prof. A. Palin'skogo. — Zheshuv : Izd-vo Zheshuvskogo univ., 2009. — S. 15—22.
14. *Vorozhbitova A. A.* Teorija teksta. Antropocentricheskoe napravlenie / A. A. Vorozhbitova. — M. : Vysshaja shkola, 2005. — 368 c.
15. *Gurevich A. Ja.* (red.) Kul'turno-antropologicheskaja istorija segodnia / A. Ja. Gurevich. — M. : Nauka, 1991. — 192 s.
16. *Kologrivova S. V.* Vedite urok po-russki / S. V. Kologrivova. — M. : Russkij jazyk, 1977. — 56 s.

ЮЗЕФЯК Сильвестр,
доктор філологічних наук, професор Педагогічного університету імені Комісії народної освіти; Краків, Польща;
e-mail: syljoz6@wp.pl; моб.: +48 881320604

СПОСОБИ ФОРМУВАННЯ ПЕДАГОГІЧНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ СТУДЕНТІВ-РУСИСТІВ КРАКІВСЬКОГО ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ У СВІТЛІ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОГО ПІДХОДУ

Анотація. У статті йдеться про теоретико-практичну підготовку студентів російської філології Педагогічного університету в Кракові щодо проведення уроків російської мови в початкових і середніх школах. Автор, посилаючись на дослідження у глотодидактиці, сфокусовані на антропоцентризм підходів, представляє розроблену ним методику підготовки студентів-русистів до вчительської практики. Дана методика враховує те, що студенти педагогічного університету є безпосередніми і дидактично компетентними виконавцями уроків російської мови як іноземної. Автор спирається на концепції польських і російських лінгводидактів, а також на свій власний багаторічний досвід роботи зі студентами-русистами. Рекомендації, що містяться в цій статті, покликані надати допомогу в підготовці до уроків російської й інших іноземних мов не тільки студентам-практикантам, а й учителям початкових і середніх шкіл, аспірантам мовознавчих спеціальностей, викладачам педагогічних вузів, інститутів і курсів підвищення кваліфікації педагогічних кадрів.
Ключові слова: антропоцентризм у глотодидактиці, урок, російська мова як іноземна, компетентний виконавець, управлінська техніка роботи.

JÓZEFIAK Sylvester,
Full Professor, Ph.D. in Philological Scienses, professor of Pedagogical University named after the Commission of National Education; Krakow, Poland;
e-mail: syljoz6@wp.pl; cell.: +48 881320604

MEANS OF DEVELOPING THE PEDAGOGICAL SKILLS AMONG RUSSIAN PHILOLOGY STUDENTS FROM THE PEDAGOGICAL UNIVERSITY OF KRAKOW IN THE WORLD OF ANTHROPOCENTRIC ATTITUDE

Summary: The article highlights the issue of preparing (in both theoretical and practical aspects) Russian philology students of the Pedagogical University of Kraków to conduct Russian language lessons in primary schools and high schools. By referring to researches in the field of anthropocentrism in didactic methodology, the author presents his method of preparing Russian philology students to the profession of a teacher of Russian taught as a foreign language. The author bases his theories on statements of both Polish and Russian academics in the field of linguodidactic (H. Komorowska, W. Woźniewicz, J. Sylwestrowicz, A. Ja. Gurevich, A. A. Vorozhbitova, S. V. Kologrivova) as well as on his own long-standing experience with students of Russian philology. Advice given in the article may be of great help for those preparing for Russian as a foreign language classes — not only for students of Russian Studies, Slavic Studies, PhD students, teachers conducting Russian language lessons in the Russian-speaking primary and secondary schools but also for teachers of pedagogical universities who prepare students to the profession of a teacher and teachers enrolled on courses increasing their qualifications in the field of language-teaching.
Key words: anthropocentrism in didactic methods, Russian as a foreign language lesson, qualified teacher.

Статтю отримано 22.09.2014 р.

Українською, російською, англійською, болгарською, польською та чеською мовами

Свідоцтво про реєстрацію в Державному комітеті телебачення і радіомовлення України КВ № 8932 від 6 липня 2004 р.

Часопис «Мова» постановою президії ВАК України № 1-05/6 від 12 червня 2002 р. включено до переліку № 10 наукових фахових видань України. Перереєстровано Постановою президії ВАК України № 1-05/8 від 22.12.2010 р.

Тираж 200 прим. Зам. № 631 (42).

Адреса редакції / Адрес редакции / Address: Французький бульвар, 24/26, кімн. 111, 113, Одеса, Україна 65058
Телефон / Phone: +38 (048) 776-22-77; Факс / Fax: +38 (048) 746-51-14
E-mail: jurnal.mova@rambler.ru; stepanov.odessa@gmail.com

Видавництво і друкарня «Астроринт». 65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
www.astroprint.odessa.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.

ISSN 2307—4558. Мова. 2014. № 22. 1—276.